N.º 3.10

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 3.

МАРТЪ, 1915.

ПЕТРОГРАДЪ

КНИГА 3-я.—МАРТЪ, 1915.

	стран.
I.—ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. — Письма къ Г. А. Русанову (1885—1906 г.г.).—(Продолженіе)	5
II.—ЗАМѢТКИ О ТОЛСТОМЪ. — („Паутина любви").—**Д. Овсянико-Куликовскаго**	32
III.—ВЕЧЕРНЯЯ РОНДЕЛЬ.—Стихотвореніе.—**Павла Зорева**	42
IV.—ОВЯТЫНЯ.—Разсказъ.—**Николая Олигера**	43
V.—ЛЕДОХОДЪ.—Стихотвореніе.—**Н. Мѣшкова**	112
VI.—КАССАНДРА.—**Бор. Зайцева**	113
VII.—ДВА КЛАДБИЩА.—Стихотвореніе.—**Анатолія Доброхотова**	141
VIII.—ТАРАКАШКА.—**Е. Ватмана**	142
IX.—ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ БЕСѢДЫ. — Романтизмъ и „неоромантизмъ".—**П. Сакулина**	148
X.—МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.—(Farfui).—Романъ Лучіано Цукколи.—Продолженіе.—Перев. съ итал. **З. Журавской**	163
XI.—РИЧАРДЪ ФЕРЛОНГЪ.—Романъ Темпля Сёрстона.—(Продолженіе).—Съ англ. пер. **М. Славинской**	205
XII.—ЕМУ.—Стихотвореніе.—**Е. Астори**	258
XIII.—ТУРКЕСТАНЪ, ЕГО ВОДЫ И ОРОШЕНІЕ.—**Проф. А. Воейкова**	259
XIV.—ХРОНИКА.—БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ И ВОЙНА.—Ignotus'a	277
XV.—РУМЫНЫ ВЪ ВЕНГРІИ.—**И. О. Левина**	295
XVI.—НА ТЕМЫ ДНЯ.—Вопросы, возбуждаемые примѣненіемъ ст. 87 Основныхъ законовъ.— . . . . . —Процессъ „Рѣчи".—**К. Арсеньева**	311
XVII.—ВОИНСТВЕННАЯ ГЕРМАНІЯ И ВОЗВРАТЪ КЪ КАНТУ.—**Л. Слонимскаго**	317
XVIII.—ПУТИ И ГРАНИ МОЛОДОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — (Новости беллетристики). **Е. Колтоновской**	322
XIX.—ИЗЪ АМЕРИКИ.—**А. І. Зака**	339
XX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Вопросъ о вѣроятной судьбѣ Константинополя.—Газетныя разсужденія и парламентскій отвѣтъ сэра Эдуарда Грея. — Возможны ли разногласія между союзниками изъ-за Константинополя? — Оффиціальная полемика по вопросамъ морской войны и морского разбоя.—Политика нейтралитета Италіи и Греціи	346
XXI.—СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РУССКОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВОЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКОВЪ.—**П. Р.**	352
XXII.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Дѣло пяти соціалъ-демократовъ четвертой Думы.—Лишеніе непріятельскихъ подданныхъ права судебной защиты.—Право незаконнаго обогащенія. — Смыслъ дѣлъ о клеветѣ. —Объективная лживость и субъективная виновность.—Три рѣшенія одного судебнаго мѣста по одному и тому же дѣлу.—Еще о нелишенныхъ правъ безправныхъ.—Князь В. Л. Голованя †.—**В. Кузьмина-Караваева**	369
XXIII.—ПАМЯТИ О. Е. КОРША.—**Д. Ов.-К—аго**	384
XXIV.—ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—(Седьмой мѣсяцъ войны).—**А. Оглина**	386
XXV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. Г. Короленко. Полное собраніе сочиненій. Приложеніе къ „Нивѣ" за 1914 г. — **Ч. В—скаго.** — Проф. Е. Пѣтуховъ. М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности.—**Н. Кашина.** — Записки жены декабриста П. Е. Анненковой (Pauline Gueble).—**Ч. В—скаго.** — Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева. Выпускъ I. И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби.—**Б. П. Иванова.**—Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Т. I. Созданіе имперіи. Пер. А. Захарова.—**Ч. В—скаго.**—1873—1913. Николаю Ивановичу Карѣеву ученики и товарищи по научной работѣ.—**V.**— Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ XVIII вѣка. Сборникъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ.—**А. Т.**—Ванъ-Канъ. Экономическіе факторы преступности. Перев. подъ ред. проф. С. Познышева. Изд. Лемана.—**Питирима Сорокина.**—Проф. Л. І. Петтражицкій. „О женскомъ равноправіи".—**Е. Яновскаго.** — С. О. Загорскій. Синдикаты и тресты. — П. Кованько. Реформа 19 февраля 1861 года и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія.—**В. В.**— В. Пятницкій. Тематическій разборъ оперы „Сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи" Н. А. Римскаго-Корсакова съ 96 нотными примѣрами. — **Виктора Вальтера.** — Юлій Гессенъ. Исторія евреевъ въ Россіи.	406
XXVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ	428
XXVII.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ	432
XXVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ	435

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.—МАРТЪ.

	стран.
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. — Письма къ Г. А. Русанову (1885—1906 г.г.)—(Продолженіе)	5
II. ЗАМѢТКИ О ТОЛСТОМЪ. — („Паутина любви"). — **Д. Овсянико-Куликовскаго**	32
III. ВЕЧЕРНЯЯ РОНДЕЛЬ.—Стихотвореніе.—**Павла Зорева**	42
IV. СВЯТЫНЯ.—Разсказъ.—**Николая Олигера**	43
V. ЛЕДОХОДЪ.—Стихотвореніе.—**Н. Мѣшкова**	112
VI. КАССАНДРА.—**Бор. Зайцева**	113
VII. ДВА КЛАДБИЩА.—Стихотвореніе.—**Анатолія Доброхотова**	141
VIII. ТАРАКАШКА.—**Е. Ватмана**	142
IX. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ БЕСѢДЫ. — Романтизмъ и „неоромантизмъ".—**П. Сакулина**	148
X. МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.—(Farfui).—Романъ Лучіано Цукколи.—(Продолженіе).—Переводъ съ итальянскаго **З. Журавской**	163
XI. РИЧАРДЪ ФЕРЛОНГЪ.—Романъ Темпля Сёрстона.—(Продолженіе).—Съ англ. пер. **М. Славинской**	205
XII. ЕМУ.—Стихотвореніе.—**Е. Астори**	258
XIII. ТУРКЕСТАНЪ, ЕГО ВОДЫ И ОРОШЕНІЕ.—**Проф. А. Воейкова**	259
XIV. ХРОНИКА.—БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ И ВОЙНА.—**Ignotus'a**	277
XV. РУМЫНЫ ВЪ ВЕНГРІИ.—**И. О. Левина**	295
XVI. НА ТЕМЫ ДНЯ—Вопросы, возбуждаемые примѣненіемъ ст. 87 Основныхъ законовъ. — Процессъ „Рѣчи".—**К. Арсеньева**	311
XVII. ВОИНСТВЕННАЯ ГЕРМАНІЯ И ВОЗВРАТЪ КЪ КАНТУ.—**Л. Слонимскаго**	317
XVIII. ПУТИ И ГРАНИ МОЛОДОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—(Новости беллетристики).—**Е. Колтоновской**	322
XIX. ИЗЪ АМЕРИКИ.—**А. І. Зака**	339
XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Вопросъ о вѣроятной судьбѣ Константинополя.—Газетныя разсужденія и парламентскій отвѣтъ сэра Эдуарда Грея.—Возможны ли разногласія между союзниками изъ-за Константинополя?—Оффиціальная полемика по вопросамъ морской войны и морского разбоя.—Политика нейтралитета Италіи и Греціи	346
XXI. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РУССКОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКОВЪ. — **П. Р.**	359

СТРАН.

XXII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Дѣло пяти соціалъ-демократовъ четвертой Думы.—Лишеніе непріятельскихъ подданныхъ права судебной защиты.—Право незаконнаго обогащенія.—Смыслъ дѣлъ о клеветѣ.—Объективная лживость и субъективная виновность.—Три рѣшенія одного судебнаго мѣста по одному и тому же дѣлу.—Еще о нелишенныхъ правъ безправныхъ.—Князь В. Л. Геловани †. **В. Кузьмина-Караваева** 369

XXIII. ПАМЯТИ КОРША.—**Д. Ов.-К—аго** 384

XXIV. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—(Седьмой мѣсяцъ войны).— **А. Оглина** 386

XXV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. Г. Короленко. Полное собраніе сочиненій. Приложеніе къ „Нивѣ“ за 1914 г.—**Ч. В—скаго.**—Проф. Е. Пѣтуховъ. М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности.—**Н. Кашина.**—Записки жены декабриста П. Е. Анненковой (Pauline Gueble).—**Ч. В—скаго.**—Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. В. А. Тураева. Выпускъ I. И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби.—**Б. П. Иванова.**—Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Т. I. Созданіе имперіи. Пер. А. Захарова.—**Ч. В—скаго.**—1873—1913. Николаю Ивановичу Карѣеву ученики и товарищи по научной работѣ.—**V.**—Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ XVIII вѣка. Сборникъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ.—**А. Т.**—Ванъ-Канъ. Экономическіе факторы преступности. Перев. подъ ред. проф. С. Познышева. Изд. Лемана.—**Питирима Сорокина.**—Проф. Л. І. Петражицкій. „О женскомъ равноправіи“.—**Е. Яновскаго.**—С. О. Загорскій. Синдикаты и тресты.—П. Кованько. Реформа 19 февраля 1861 года и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія.—**В. В.**—В. Пятницкій. Тематическій разборъ оперы „Сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи“ Н. А. Римскаго-Корсакова съ 96 нотными примѣрами.—**Виктора Вальтера.**—Юлій Гессенъ. Исторія евреевъ въ Россіи—**.В. В** 406

XXVI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 428

XXVII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 432

XXVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 435

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе) [1]).

III.

Письма къ Г. А. Русанову (1885—1906 г.)

Гавріилъ Андреевичъ Русановъ (1845—1907), родомъ изъ землянскаго уѣзда Воронежской губ., гдѣ у него было небольшое имѣніе, питомецъ Московскаго университета, служилъ членомъ суда въ Острогожскѣ, потомъ въ Харьковѣ. По его собственнымъ словамъ съ раннихъ поръ сочиненія Толстого были его любимымъ чтеніемъ, а лѣтъ съ 25-ти онъ началъ прямо изучать ихъ, перечитывая безконечное число разъ и знакомясь со всѣми критическими статьями, посвященными имъ. Онъ достигъ того, что множество мѣстъ изъ Толстого зналъ на память. Въ началѣ 80-хъ г. онъ признавалъ, что Толстому болѣе, чѣмъ кому-либо, обязанъ своимъ духовнымъ развитіемъ. Повидимому, первоначально исходнымъ пунктомъ его интереса къ Толстому была художественная сила Толстовскаго творчества; Русановъ всегда отличался чуткостью въ этомъ отношеніи и прекрасно зналъ русскую литературу. Но скоро интересъ этотъ осложнился: около 1883 г. Русановъ съ трудомъ добылъ литографированный экземпляръ «Исповѣди» и «Евангелія» и почувствовалъ, что эти произведенія заставляютъ его измѣнить свое отношеніе къ жизни. Между прочимъ онъ говоритъ, что пересталъ бояться смерти. Вырабатывая новое міросозерцаніе, онъ ощутилъ потребность разъяснить себѣ рядъ возникшихъ сомнѣній и въ августѣ 1883 г. отправился сразу безъ предупрежденія знакомиться съ Толстымъ

---

[1]) См. февраль, стр. 5

въ Ясную Поляну. Русановъ оставилъ прекрасное описаніе этого знакомства («Толстовскій Ежегодникъ 1912 г.»). Своимъ серьезнымъ, искреннимъ отношеніемъ къ вопросамъ религіи и жизни, а также любовью къ литературѣ и пониманіемъ ея онъ очень понравился Л. Н., и уними завязались прочныя дружескія отношенія; до самой смерти Русанова въ 1907 г. они постоянно переписывались и кромѣ того видались лично. Толстой познакомился съ женой и сыновьями Г. А—ча и близко принималъ къ сердцу духовную жизнь семьи, ободрялъ въ печаляхъ, которыхъ много обрушилось передъ его глазами на Русановыхъ, постоянно дѣлился съ Г. А—чемъ своими работами, а въ области художественной—даже планами, о чемъ не любилъ ни съ кѣмъ говорить; Л. Н. въ одномъ письмѣ самъ отмѣтилъ, что въ этомъ отношеніи дѣлаетъ для Русанова исключеніе. Со стороны же послѣдняго давнее почитаніе великаго художника усилилось еще уваженіемъ къ учителю жизни и возвѣстителю истины. Русановъ сталъ вѣрнымъ единомышленникомъ Толстого и черпалъ въ новомъ пониманіи жизни и вѣры силы для несенія тяжкаго креста, легшаго на его плечи. Со второй половины 80-хъ г.г. здоровье его стало ухудшаться, и неизлѣчимая болѣзнь мало-по-малу приковала его къ креслу и постели, а наконецъ даже лишила возможности самому переписываться съ Л. Н. Въ такомъ положеніи Г. А. провелъ длинный рядъ лѣтъ, имѣвъ несчастіе пережить свою жену. И вотъ среди такихъ обстоятельствъ, въ духовномъ общеніи съ Толстымъ и въ изученіи его сочиненій было главное содержаніе и цѣнность жизни Русанова. Онъ собиралъ и заботливо хранилъ всѣ его письма, копіи новыхъ произведеній, корректуры статей съ поправками Л. Н. (сынъ его, А. Г. Русановъ, послѣ кончины отца передалъ Московскому Толстовскому Обществу цѣлый архивъ, изъ котораго извлечены и печатающіяся письма). Въ только-что появившихся (въ «Толстовскомъ Ежегодникѣ 1913 г.») воспоминаніяхъ Ю. О. Якубовскаго находимъ слѣдующее мѣсто о Русановѣ. Дѣло происходитъ въ январѣ 1898 г., когда Русановы жили зиму въ Москвѣ.

«Мнѣ стало извѣстно, что Л. Н. собирается навѣстить одного изъ близкихъ друзей своихъ, нѣкоего Р—ва, бывшаго члена окружнаго суда. Р—въ уже нѣсколько лѣтъ былъ прикованъ тяжкой болѣзнью къ постели и лишенъ возможности лично посѣщать Л. Н. Левъ Николаевичъ очень полюбилъ его и его прекрасную семью, въ которой и его любили и боготворили всѣ. Въ теченіе зимы онъ очень часто навѣщалъ своего друга и охотно проводилъ время въ кругу этой славной семьи. Ив. Ив. (Горбуновъ-

Посадовъ) предложилъ мнѣ познакомиться съ Р—ми и воспользоваться случаемъ еще разъ повидать Л. Н... Р—вы жили противъ Катковскаго лицея въ нижнемъ этажѣ. Мы пришли въ сумерки. Еще не зажигали огней. Въ гостиной, въ креслѣ-колясскѣ сидѣлъ больной, разбитый параличемъ. Достаточно было войти въ комнаты и окинуть взглядомъ стѣны, столы, этажерки, чтобы сразу догадаться, кому здѣсь поклоняются. Кругомъ висѣли портреты Толстого и членовъ его семьи, иллюстраціи къ его произведеніямъ, какъ прежнимъ, такъ и послѣднимъ. Здѣсь одинаково поклонялись Толстому, какъ автору «Дѣтства и Отрочества», «Анны Карениной», «Крейцеровой Сонаты», такъ и послѣднихъ произведеній. Даже на лампѣ просвѣчивали діапозитивы съ портретами Толстого и его семьи. Больной не могъ подниматься по лѣстницѣ и оттого они жили внизу. Онъ шутливо жаловался на Каткова, что всю-то жизнь онъ закрывалъ свѣтъ въ Россіи и даже теперь, послѣ своей смерти, онъ лишаетъ его свѣта солнечнаго (высокое зданіе лицея не пропускало въ ихъ квартиру солнечныхъ лучей). Весь вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ».

О значеніи, какое имѣлъ Л. Н. для Русанова, даетъ яркое представленіе отрывокъ изъ завѣщанія Г. А—ча:«... Уже въ возрастѣ между 14 и 15 годами (а теперь мнѣ около 57 лѣтъ) я пересталъ быть православнымъ и жилъ до 38 лѣтъ атеистомъ. 38 лѣтъ, благодаря величайшему изъ людей, Льву Толстому, я получилъ вѣру въ Бога и повѣрилъ въ ученіе Христа, Толстой далъ мнѣ счастье, я сталъ христіаниномъ»...

А. Г.

№ 1. Почтовый штемпель: Москва 25 марта 1885 г.
Харьковъ. Гаврило Андреевичу Русанову. Окружной Судъ.
(Получено въ Харьковѣ 2 апрѣля 1885 г.).

Гаврило Андреевичъ.

Я просилъ васъ похлопотать за Тихоцкаго, но оказалось, что я не передалъ вамъ самую сущность дѣла; сущность дѣла въ томъ, что роднымъ хотѣлось бы знать, въ чемъ именно онъ обвиняется. Извѣстно только, что онъ обвиняется по ст.ст. 251 и 252. Будьте добры, узнайте, въ чемъ онъ обвиняется и (что—можетъ быть—не) [1]) вообще въ какомъ положеніи его дѣло—если

[1]) Значеніе круглыхъ и квадратныхъ скобокъ одно то же во всѣхъ письмахъ.

можно. Очень меня обяжете. Съ удовольствіемъ вспоминаю мое свиданье съ вами въ Харьковѣ [1]). Передайте пожалуйста мой поклонъ вашей женѣ.

Левъ Толстой.

То, что узнаете, сообщите пожалуйста его женѣ, С. А. Тихоцкой, Нетечинская № 52, или, если неудобно, то мнѣ.

№ 2. Почтовый штемпель: Москва 4 апрѣля 1885 г. Харьковъ. Кузнечная улица, д. Коняевыхъ.

Гаврило Андреевичу Русанову.

Очень благодарю васъ, Гаврило Андреевичъ, за ваше письмо, нестолько за ваши хлопоты по дѣлу, сколько за то, что вы пишете о себѣ. Это тронуло меня до слезъ.

Раздвоеніе ужасная вещь, если оно въ сознаніи; но раздвоеніе жизни, прошедшаго и настоящаго по инерціи съ сознаніемъ—это-то и есть та божеская жизнь, которой мы всѣ ищемъ. И сознаніе, когда оно есть, проникнетъ во всю жизнь и претворитъ ее—какъ? я не знаю, но знаю—какъ и вы прекрасно говорите—что заткнуть, затушить это сознаніе нельзя, п[отому] ч[то] оно—Богъ; а потому, что оно—Богъ, оно всемогуще и побѣдитъ все.—Ваше письмо доставило мнѣ большую радость, еще разъ благодарю васъ. Передайте мой поклонъ вашей женѣ.

Л. Толстой.

№ 3. Почтовый штемпель: Почтовый вагонъ 5 іюля 1885 г. Австрія. Богемія. Boemen (Oesterreich) Francensbad. G. Roussanoff Poste restante.

(Получено въ Франценсбадѣ 10 іюля 1885 г.).

Пишу вамъ нѣсколько словъ, дорогой Гаврило Андреевичъ. Я усталъ и слабъ и занятъ. Спасибо вамъ за ваше письмо. Если я васъ радовалъ, то вы мнѣ платите тѣмъ же.

Вы говорите, что вы больны и безсильны физически и нравственно [2]). Развѣ есть на свѣтѣ человѣкъ, который бы не

---

[1]) По дорогѣ въ Крымъ съ больнымъ кн. Л. Д. Урусовымъ.

[2]) Это было начало болѣзни (паралича), отъ которой Г. А. Русановъ уже не поправился, проживъ въ паралитическомъ состояніи 20 лѣтъ.

былъ боленъ, не носилъ бы въ себѣ зародыша смерти и страданій? Вся разница только въ степени и въ сознаніи своей болѣзни. Плохо не сознавать болѣзни и еще хуже считать свою болѣзнь—хоть такую, какъ ваша—чѣмъ-то исключительнымъ, мѣщающимъ жить. Умирая, можно жить сильнѣе, чѣмъ будучи самымъ здоровымъ и сильнымъ человѣкомъ. Точно тоже и съ нравственнымъ здоровьемъ. Можно считать себя совершенно хорошимъ и еще хуже считать себя неисправимымъ. Одного желаю и себѣ и вамъ—чувствовать свои недостатки и не отчаяваться въ нихъ. То самое, что вы дѣлаете, что я пытаюсь дѣлать.

Я очень радъ за васъ, что вы ѣдете на воды. Я для себя не вѣрю въ леченія; но въ вашемъ исключительномъ положеніи я увѣренъ, что вамъ это нужно. Передайте мой душевный привѣтъ вашей милой женѣ. Какое вамъ счастье—единство взглядовъ съ женою.

Левъ Толстой.

№ 4. Почтовый штемпель: Москва 15 марта 1886 г. Харьковъ. Кузнечная улица, д. Коняевыхъ.

Гаврилу Андреевичу Русанову.

Дорогой Гаврило Андреевичъ.

Слышалъ о вашемъ нездоровьи, т.-е. ухудшающемся положеніи и хотѣлъ писать вамъ, но все некогда было. Теперь же не могу не писать, буду стараться отплатить вамъ за ваше письмо, но навѣрно знаю, что не доставлю вамъ такой радости, к[оторую] вы доставили мнѣ вашимъ письмомъ. Такъ ясно и родно мнѣ ваше душевное состояніе и такъ вы ясно и просто выразили. Вы по болѣзни, а я по годамъ, мы оба стоимъ ближе къ гробу, чѣмъ большинство. И тѣ мысли и вопросы, к[оторые] занимаютъ васъ, не переставая, занимаютъ меня. Я также, какъ и вы, вижу, но приглядываешься, иногда хочется ближе разсмотрѣть и формулировать; но этого нельзя, не нужно и не должно.—Хозяинъ поставилъ на работу. Если понялъ то, чего хочетъ хозяинъ отъ насъ, то не зачѣмъ и некогда спрашивать и догадываться, что мнѣ будетъ. Но чѣмъ больше и лучше удается работать, тѣмъ больше увѣренности. Очень, очень радостно мнѣ было ваше письмо. Я васъ очень люблю.

Мой душевный привѣтъ вашей милой женѣ. Я думаю, что вамъ хорошо будетъ въ деревнѣ. Постараюсь переписать для

васъ послѣднюю часть «Ч. н. д.» [1]), такъ называемыя «Деньги» и «Наука и искус.», это—главы изъ нея.

Пишите мнѣ пожалуйста хоть изрѣдка. По мѣрѣ силъ буду отвѣчать вамъ. Мнѣ очень много дѣла, чему я радуюсь, п. ч. думаю иногда, что большая часть этого дѣла—божье.

Вашъ другъ Л. Толстой.

№ 5. Почтовый штемпель: Москва 21 марта 1886 г. Харьковъ. Кузнечная улица, домъ Коняевыхъ.

Гаврилу Андреевичу Русанову.

Дорогой Гаврило Андреевичъ.

Не отвѣтилъ вамъ на ваши вопросы. 1) Здоровье мое прекрасно—равномѣрно подвигаюсь къ смерти. 2) Урусовъ умеръ еще лѣтомъ—умеръ и умиралъ такъ же, какъ жилъ—съ однимъ желаніемъ—любовно исполнять волю Бога [2]).

3) Есть у меня литографированная статья о деньгахъ; т. наз. о наукѣ и искусствѣ—нѣтъ. (Кромѣ-того) Какъ то, такъ и другое суть главы изъ второй части статьи «Чтожъ намъ дѣлать?» Вторая часть эта содержитъ еще многое, вамъ неизвѣстное, кромѣ этихъ 2-хъ статей. Теперь у меня есть переписанное одной дамой все «Ч. н. д.» [3]) съ самаго полнаго и вѣрнаго экземпляра. Она писала его, чтобы продать. Я полагаю, что эта работа стоитъ 20 руб. Но если вы дадите 15, то будутъ довольны. Экземпляръ будетъ находиться у тетки переписчицы, *Ольги Алексѣевны Баршевой. На Солянкѣ. Николаевское училище. Москва.*

Какъ скоро вы напишете или телеграфируете по этому адресу, вамъ пришлютъ экземпляръ.—Отъ всей души обнимаю васъ.

Вашъ другъ Л. Толстой.

---

1) „Что же намъ дѣлать?“

2) Неточно: Л. Д. Урусовъ, о которомъ здѣсь рѣчь, умеръ въ октябрѣ 1885 г.

3) „Что жъ намъ дѣлать?“

№ 6. Почтовый штемпель: Почтовый вагонъ 10 ноября 1886. Воронежъ. Старомосковская улица, домъ Либензона.

Гаврило Андреевичу Русанову.

Спасибо вамъ, дорогой другъ Гаврило Андреевичъ, что написали мнѣ и такое радостное письмо. Я давно ужъ скучалъ о томъ, что нѣтъ общенія съ вами. То, что пишу теперь, это не письмо, а расписка въ полученіи вашего. Нынче усталъ: слава Богу, работаю.—Исполняю ваше желаніе—первое, я хожу и совсѣмъ здоровъ, второе, изъ писаній моихъ, признаннаго мною и отданнаго къ распространенію, ничего нѣтъ, кромѣ того, что у васъ есть. Церковь и Госуд. есть мысли нѣкоторыя, набросанныя мною. Переписчикъ озаглавилъ ихъ и пустилъ въ ходъ, особенно новаго и значительнаго въ нихъ ничего нѣтъ. Что будетъ, вамъ сообщу, если и это попадется, пришлю вамъ.—Въ слѣдующемъ письмѣ напишу вамъ все то, что я передумалъ и перечувствовалъ, находясь въ большей близости къ смерти, чѣмъ обыкновенно. Какъ хорошо вы живете! Какъ я радъ тому, что вы пишете о себѣ. Поцѣлуйте за меня вашу милую добрую жену и дѣтей.

Вашъ Л. Толстой.

Сейчасъ подумалъ—если бы я въ тотъ день, когда получилъ ваше письмо, написалъ то, что хотѣлъ; а теперь, пожалуй, не выйдетъ. Я постараюсь, но если не успѣю, вы не сѣтуйте. Отъ всей души братски обнимаю васъ.

Вашъ Л. Т.

№ 7. Почтовый штемпель: Почтовый вагонъ 3 апрѣля 1887 г. Воронежъ. Старо-Московск. улица, д. Либензона.

Гаврило Андреевичу Русанову.

2 апрѣля Ясная Поляна. Адресъ: Козловка Засѣка.

Получилъ ваше письмо, милый другъ Гаврило Андреевичъ, наканунѣ моего отъѣзда изъ Москвы, отъ того замедлилъ. Письмо ваше, радостное для меня тою любовью, кот[орая] составляетъ все значеніе жизни, грустно и волнительно болѣзнью дѣтей. Напишите пожалуйста. Жаль вашу добрую, милую жену.

Женщины рѣдко возвращаютъ у себя въ сердцѣ истинную любовь къ Богу и къ людямъ, и часто любовь къ дѣтямъ занимаетъ все мѣсто. И часто видишь ужасную казнь за это. Помилуй Богъ васъ и жену вашу и отъ грѣха и отъ послѣдствій его.—Я знаю, что это кажется недобрымъ, чѣмъ-то холоднымъ разсуждать о Богѣ, когда есть горе—дѣти больны или умираютъ, и мы такъ привыкли къ этому, что и мнѣ это показалось совѣстно. А какъ мы забыли Бога, если говоримъ и думаемъ такъ! Какъ очевидно, что мысль о Богѣ (истинѣ, добрѣ, какъ хотите понимайте) нужна намъ только для парада, а какъ дѣло серьезное, жизненное, то намъ даже совѣстно упоминать про такую фальшь. Надѣюсь, что у васъ не такъ; и родятся и живутъ дѣти и любимые люди только, какъ нѣкоторыя подробности Бога, которыя безъ Бога и не имѣютъ смысла и которыя поэтому уничтожиться не могутъ, скрыться изъ глазъ нашихъ могутъ, не не уничтожиться.

Я пишу, не обдумывая словъ, надѣясь, что вы совпадете со мной сердцемъ и поймете меня.

Два чувства во мнѣ: во-первыхъ, жалость къ вамъ и главное, къ вашей женѣ за испытаніе, и страхъ, что вы или она его не выдержите, не обратите его въ радость,—какъ все въ нашей жизни.

Я уѣхалъ изъ Москвы—для уединенія. Работаю надъ мыслями о жизни и смерти, передѣлываю то, что читалъ, и очень мнѣ предметъ этотъ кажется важенъ. Кажется, что разъясненіе этого—т.-е. того, что именно есть жизнь (у Христа это разъяснено), разъясненіе Христово для людей, кот[орые] не хотятъ понимать евангеліе—это очень важно, нужно, прибавитъ счастья людямъ. Видите, какія гордыя мысли. Что дѣлать, онѣ есть, и они-то поощряютъ къ работѣ.—Здоровье мое хуже послѣ болѣзни: то ноги, то руки, то животъ болятъ, но, истинно не для фразы говорю, никакъ, къ огорченью моей жены, не могу этимъ интересоваться, п[отому] ч[то] не чувствую, чтобы *мнѣ* насколько-нибудь было хуже при нездоровьи, чѣмъ при здоровьи. Такъ прощайте пока, цѣлую васъ и вашу жену и дѣтей. Напишите же поскорѣе.

Левъ Толстой.

№ 8. Почтовый штемпель: Тула 17 августа 1887 г.
Воронежъ. Воскресенская улица, д. Пожидаева.

Гаврилу Андреевичу Русанову.

Пишу пока только расписку въ полученіи радостнаго вашего письма, дорогой Гаврило Андреевичъ. Я живъ и здоровъ, надѣюсь скоро получить корректуры статьи о жизни. Какъ только будетъ возможность, вышлю вамъ. Мой привѣтъ вашей семьѣ.

15 августа. Л. Толстой.

№ 9. Почтовый штемпель: Москва 1 марта 1888 г.
Воронежъ, Воскресенская улица, домъ Пожидаева.

Гаврилу Андреевичу Русанову.

Дорогой Гаврило Андреевичъ.

Не писалъ вамъ долго, п[отому] ч[то] ничего не писалъ все это время: живу не думая или очень мало, но очень обрадовался вашему письму и тому, что вы бодро вернулись.

1) Вопросъ о «жизни» все не рѣшенъ: не даютъ отвѣта изъ духовн. цензуры. Я надѣюсь, что пропустятъ, а нѣтъ, то закажу списать для васъ. Если же пропустятъ, оставлю вамъ экз.

2) О фотографіи сказано Стаховичу, к[оторый] б[ылъ] здѣсь. И онъ обѣщалъ вамъ выслать.

3) Эпиктетъ—изданіе Новиковское, больше не знаю.

4) Вопросъ о томъ, что читать доброе по-русски? заставляетъ меня страдать укорами совѣсти. Давно уже я понялъ, что нуженъ этотъ Кругъ чтенія, давно уже я читалъ многое могущее и долженствующее войти въ этотъ Кругъ и давно я имѣю возможность и перевести и издать, и я ничего этого не сдѣлалъ. Назвать я могу: Конфуція, Лао-дзы, Паскаля, Паркера, М. Арнольда и мн. др., но ничего этого нѣтъ по-русски.

5) Про рѣчь ничего не знаю. Сказана была глупая рѣчь объ искусствѣ для искусства, но напечатана была ли, не знаю. Кажется, въ Моск. Вѣд.

6) О Бондаревѣ не знаю, будетъ или нѣтъ [1]).

Я и мои всѣ здоровы. Нынче женимъ сына, жена очень вамъ кланяется, а я цѣлую васъ, вашу жену и дѣтей.

Любящій васъ Л. Толстой.

---

[1]) Т. е. изданъ трудъ Т. М. Бондарева.

№ 10. Почтовый штемпель: Почтовый вагонъ 29 іюня 1888 г.

Г. Землянскъ. Гаврилу Андреевичу Русанову.

Простите, дорогой Гаврило Андреевичъ, что пишу на карточкѣ. Занятъ я все больше полевыми работами и писать много некогда. Спасибо вамъ за письмо. Мнѣ особенно радостно всегда получать ваши. Алекс. Петр. [1]) уже давно у меня и разсказалъ про васъ съ тою любовью, к[оторую] вамъ свойственно вызывать въ людяхъ, и про вашу милую семью, к[оторую] вспоминаю всегда съ любовью. Получилъ радостное письмо отъ Б. [2]). Я живъ, здоровъ и счастливъ. Мои всѣ васъ помнятъ и любятъ.

Л. Толстой.

Если я не отвѣтилъ на что, то простите; я отвѣчу, если нужно.

№ 11. Почтовый штемпель: Москва, 14 марта 1889 г.

Воронежъ. Введенская ул. близъ Алексѣевскаго монаст. д. Андреевой. Гаврило Андреевичу Русанову.

Надняхъ получилъ отъ Черткова ваше письмо къ нему, дорогой Гаврило Андреевичъ. Онъ зналъ, что мнѣ это будетъ радостно. Если вамъ тяжело писать, то попросите вашу милую жену написать мнѣ о васъ, о себѣ и о вашихъ дѣтяхъ. Я живу очень хорошо, искренно говорю, что дальше, то лучше, и улучшеніе, т.-е. увеличеніе радости жизни происходитъ въ родѣ закона паденія тѣлъ: обратно пропорціонально квадратамъ разстоянія отъ смерти. Писать многое хочется, но еще не пишу ничего. Нѣтъ тѣхъ прежнихъ мотивовъ тщеславія и корысти, подстегивавшихъ и потому (знаю, какъ вы за меня ревнивы, но не могу не сказать, что думаю) производившихъ незрѣлыя и слабыя произведенія. Но и зачѣмъ писать. Если бы я былъ законодатель, я бы сдѣлалъ законъ, чтобы писатель не смѣлъ при своей жизни обнародовать свои сочиненія. Странное дѣло: есть книги, к(оторыя) я всегда вожу съ собою и желалъ бы всегда имѣть; это все книги неписанныя (sic!). Пророки, Евангелія,

[1]) Александръ Петровичъ Ивановъ, переписчикъ Л. Н.
[2]) Вѣроятно, П. А. Буланже.

Будда [1]). Конфуцій, Менцій, Лаодзы, Маркъ Аврелій, Сократъ, Эпиктетъ, Паскаль.—Иногда хочется все-таки писать и, представьте себѣ, чаще всего именно романъ, широкій, свободный въ родѣ Ан. Кар., въ который безъ напряженія входило бы все, что кажется мнѣ понятымъ мною съ новой, необычной и полезной людямъ стороны.

Слухъ о повѣсти имѣетъ основаніе. Я уже года два тому назадъ написалъ начерно повѣсть, дѣйствительно на тему половой любви, но такъ небрежно и неудовлетворительно, что и не поправляю, и если бы занялся этой мыслью, то началъ бы писать вновь [2]). Никому такъ не разсказываю и такъ не пишу о своихъ литерат. работахъ и мечтахъ, какъ теперь вамъ, п. ч. знаю, что нѣтъ человѣка, который такъ бы сердечно относился къ этой сторонѣ моей жизни, какъ вы.

Карамзинъ гдѣ-то сказалъ, что дѣло не въ томъ, чтобъ писать Ист. Гос. Рос., а въ томъ, чтобы жить добро. И этого нельзя достаточно повторять намъ, писателямъ. И я опытомъ убѣдился, какъ это хорошо: не писать. Какъ ни верти, дѣло каждаго изъ насъ одно: исполнять волю пославшаго. Воля пославшаго же въ томъ, чтобъ мы были совершенны, какъ Отецъ нашъ небесный, и только этимъ путемъ, т.-е. своимъ приближеніемъ къ совершенству мы можемъ воздѣйствовать на другихъ—налиться должна лейка до верху, чтобъ изъ нея потекло—и воздѣйствіе будетъ черезъ нашу жизнь и черезъ слово, устное и письменное, насколько это слово будетъ частью и послѣдствіемъ жизни, насколько отъ избытка сердца будутъ говорить уста. Цѣлую васъ и жену и дѣтей.

Любящій васъ Л. Толстой.

№ 12. Почтовый штемпель: Тула, 19 іюня 1889 г.
Въ г. Землянскъ Ворон. губ.

Гаврилу Андреевичу Русанову.

(получено въ Ерофеевкѣ 22 іюня 1889 г.).

Вчера получилъ ваше письмо, дорогой Гаврило Андреевичъ, и очень радъ былъ видѣть вашъ почеркъ. Все по-старому. Пора убѣдиться, что нѣтъ никакой ни смерти, ни болѣзней. Ну, какая

---

[1]) Неразборчивое слово, вѣроятно, вычеркнутое.
[2]) „Крейцерова Соната“. См. письмо отъ апрѣля этого года къ В. Г. Черткову въ „Толстовск. Ежегодникѣ 1913 г.“.

разница между мной теперь и 30 лѣтъ тому назадъ? та, что я ни пройти, ни поднять, ни сдѣлать руками и ногами того не могу, что я дѣлалъ, но какъ мнѣ особенной (даже никакой) радости не доставляло въ дѣтствѣ увеличеніе моего роста, такъ и уменьшеніе моей силы мнѣ не доставляетъ огорченія, и я его не замѣчаю; а знаю одно, что все мое здоровое или больное, сильное или чуть двигающееся тѣло я какъ тогда, такъ и теперь, могъ употребить на служеніе себѣ или Богу, но что тогда я не зналъ, что невыгодно употреблять его на служеніе себѣ, а теперь знаю, что оно затѣмъ только существуетъ, чтобы служить Богу. Богу же служить, я знаю, что совершенно одинаково можно, поднимая 12 пудовъ одной рукой или имѣя силу только кивнуть головой, что для себя только, для служенія себѣ нужно побольше здоровья, силы, а для служенія ему не только не нужно, но часто—напротивъ. Только перенести смыслъ своей жизни изъ достиженія внѣшнихъ, во времени и пространствѣ поставляемыхъ, цѣлей, въ служеніе Отцу теперь тѣми силами, какія въ моей власти, и какъ отпадаетъ, какъ ничтожныя, безразличныя вещи, все то, что называется въ мірской жизни счастьемъ и несчастьемъ. Сколько лѣтъ я васъ знаю и только вижу въ васъ увеличеніе, а не уменьшеніе жизни.—Что вы мало пишете мнѣ объ Алмазовѣ. Я слышу про него и очень интересуюсь имъ, но не имѣю яснаго представленія о его внутренней жизни. Дольнеръ мнѣ очень полюбился. Серьезный и сильный человѣкъ. Шембаля я знаю и статью его. И онъ и статья его мнѣ очень нравятся. Я бы написалъ ему, да затерялъ его адресъ. Пришлите мнѣ, если узнаете.—Писать я только собираюсь, но не пишу. Ничего не подвигается. Но я не тужу, и вы не тужите. Вы дайте въ себѣ преобладаніе другу и брату надъ читателемъ. Карамзинъ сказалъ лучше всего, что онъ написалъ: дорого не написаніе Ист. Гос. Рос., а добро жить. Вотъ этого-то, я желаю вамъ, всѣмъ людямъ и себѣ. И вы того же желайте. А пути Божьи мы не знаемъ. Можетъ быть, именно не нужно писанье, нужно молчанье, нужно дѣло. Только бы цѣлей не было внѣ служенія Богу. Поцѣлуйте за меня вашу добрую жену и дѣтей. Маша вамъ кланяется. Она достанетъ группы. Цѣлую васъ.

Любящій васъ Л. Толстой.

Буланже передайте мою любовь. Однимъ помогай (въ области животной жизни). Другихъ молясь за нихъ (т.-е. передъ Богомъ) обличай (въ области соблазновъ мірской жизни), а третьихъ люби

больше души своей (въ области божеской жизни). И какъ я счастливъ, что такъ много тѣхъ людей, къ кот[орымъ] не могу чувствовать ничего иного, какъ любить. Кажется, что такъ.

№ 13. Почтовый штемпель: Почтовый вагонъ 28 апрѣля 1890 г. Воронежъ.

Гаврилѣ Андреевичу Русанову.

(получено въ Ерофеевкѣ 8 мая 1890 г.).

Съ большой радостью получилъ ваше длинное (жалѣю, что оно было не длиннѣе) и потомъ короткое, и каждый день собираюсь отвѣтить и не успѣваю: то письменныя занятія—(послѣсловіе, к[оторое], кажется, кончилъ и послалъ въ Пб. и Черткову, вамъ пришлю), то посѣтители, то теперь работа въ полѣ, к[оторой] предаюсь съ большой радостью. Не успѣваю написать, какъ слѣдуетъ, а письмо ваше остается неотвѣченнымъ. Хоть какъ придется, напишу. Благодарю васъ за ваше письмо. Я его читалъ про себя и вслухъ женѣ и знакомому. Ваше сужденіе о смыслѣ «Кр. С.» [1]), разумѣется, вполнѣ вѣрно. Вы меня знаете и понимаете лучше меня самого. И это не шутка. Во время процесса—иногда (особенно послѣдній разъ) болѣзненнаго прохожденія черезъ меня мыслей я не успѣваю ихъ усвоить. И часто, отъ другихъ слыша ихъ, я понимаю яснѣе. А я не знаю никого, кто бы такъ тонко и вѣрно понималъ мои мысли, какъ васъ.—Очень, очень радъ былъ слышать о васъ. Узналъ о васъ еще и по письму Пастухова. Ни на комъ больше, какъ на васъ, не видно того, какое суевѣріе—тѣлесное здоровье. Я знаю это и по себѣ. Не могу я такъ прыгать, бѣгать, какъ прежде, скоро не буду въ состояніи такъ ходить и совсѣмъ ходить. Какая же разница? Разница въ большей или меньшей степени одного изъ самыхъ несущественныхъ моихъ свойствъ. Вотъ если бы вы и я лишались бы способности любить. А этого нѣтъ. Про себя скажу, что съ каждымъ годомъ, часомъ [2]) все легче, хоть не любить, а не злиться, прощать и радоваться на доброе.

---

[1]) „Крейцеровой Сонаты“.
[2]) У Л. Н—ча ошибочно написано „часовъ“.

22586

Жур... ...ина Московской обл. библиотеки

Увѣренъ, что у васъ то же, и желаю вамъ одного этого. Цѣлую васъ, вашу жену и дѣтей. Сколько старшему теперь? Въ какомъ классѣ?

Л. Толстой.

Сейчасъ у меня Гайдебуровъ, издат. «Недѣли», и читаетъ ваше письмо. Я послѣ перечту его еще и посмотрю, нѣтъ ли тамъ вопросовъ. Тогда отвѣчу. Жена хочетъ рискнуть напечатать 13 томъ. Передайте мою любовь Буланже. Если увидите Алмазова, передайте ему просьбу, чтобы онъ не сердился на меня за то, что не отвѣчаю на его прекрасное письмо, и благодарность за его муку, к[оторую] ѣли, его поминая. Онъ мнѣ очень полюбился.

№ 14. Почтовый штемпель: Тула 4 іюля 1890.
Въ городъ Землянскъ, Воронежской губ.

Гавріилу Андреевичу Русанову. До востребованія.

Дорогой Гаврила Андреевичъ.

Спасибо за ваше письмо. Мнѣ всегда радостно получать извѣстія отъ васъ, хотя бы и такія, какъ послѣднія—о вашей болѣзни. Нѣтъ ничего худого и въ болѣзни, если мы сами не вносимъ это худое въ нашемъ взглядѣ на нее. И, какъ вижу изъ письма, она не нарушаетъ вашей жизни, какъ не нарушаетъ ее и смерть тѣла. Помогай вамъ Богъ. Я теперь совсѣмъ здоровъ и съ умиленіемъ вспоминаю о томъ хорошемъ состояніи, въ к[оторомъ) былъ во время болѣзни: чувствую, какъ съ тѣхъ поръ опять далеко отошелъ отъ духовнаго состоянія, въ к[оторомъ] былъ—оскотинился.

«Плоды Просвѣщ.» у меня есть корректурный оттискъ и посылаю вамъ. Послѣсловіе прошу Машу списать и прислать вамъ, но если вы прежде получите отъ Булая[же], то напишите. А то лучше я вамъ пришлю статейку—предисловіе къ новой книгѣ доктора Алексѣева о пьянствѣ, «Для чего люди одурманиваются?», кот[орая] можетъ быть вамъ интересна.

Жена хочетъ напечатать въ 13-мъ томѣ и «Крейц. Сон.» и «Пл. Пр.». Я теперь пью кумысъ и ничего почти не дѣлаю.

Третьяго дня получилъ изъ Парижа переводъ Бондарева статьи съ моимъ предисловіемъ и предисловіемъ переводчика подъ заглавіемъ «Le Travail» [1]).

---

[1]) О Бондаревѣ см. въ примѣчаніяхъ къ письмамъ кн. Л. Д. Урусову.

Очень хорошая вышла книга и, думается, можетъ быть на пользу людямъ. Вспомнилъ я о ней по случаю вашихъ мальчиковъ, про кот[орыхъ] вы пишете, что они хотятъ работать въ полѣ. Поцѣлуйте ихъ за меня и посовѣтуйте отъ меня, не лѣнясь, съ нѣкоторымъ даже усиліемъ, работать полевую работу. Они увидятъ, какія радостныя останутся воспоминанія.

Женѣ вашей душевный привѣтъ, и Пастухову, и Бул[анже], и Алмазову.

Любящій васъ Л. Толстой.

№ 15. Почтовый штемпель: 17 ноября 1890 г.

(Получено въ Воронежѣ 19 ноября 1890 года).

Получилъ, какъ всегда, съ большой радостью ваше письмо, дорогой Гаврило Андреевичъ: вы все также живы духомъ; а жизнь плотская не наша.

Вашъ планъ пріѣхать къ намъ и радуетъ и пугаетъ меня—пугаетъ, какъ бы поѣздка не повредила вамъ; а поѣздка безполезная. Предоставьте это дѣло рѣшить вашей женѣ; она, вѣрно, васъ любитъ не меньше, чѣмъ вы сами себя и, вѣроятно, болѣе благоразумною любовью. Я здоровъ, по крайней мѣрѣ, вполнѣ доволенъ своимъ здоровьемъ; нѣтъ болей, кот[орыя] бы отвлекали меня отъ занятій, и есть возможность работать, писать. Пишу я о противленіи злу, о церкви и воинской повинности (не говорите этого) и чувствую себя обязаннымъ высказать то, что думаю и чувствую объ этомъ. Давно ужъ я бьюсь надъ этимъ и не могу кончить и не могу оторваться и отдаться другимъ, манящимъ меня, художеств. планамъ, но стараюсь не дѣлать плановъ, а ждать каждый день смерти и радоваться тому, что сдѣлалъ нынѣшнимъ днемъ, и не тому, что сдѣлалъ, а тому, что провелъ день болѣе или менѣе такъ, какъ должно.—Всегда любилъ, почти не понимая, 28, 29 и 30 ст. Мѳ. XI и, что старше дѣлаюсь, то больше люблю и, кажется, понимаю. Что (насъ—хочетъ) съ нами хочетъ дѣлать Богъ, мы не можемъ знать, какъ не можетъ знать лошадь запряженная, куда, зачѣмъ и что она везетъ, но если она кротка и смирна и везетъ, то она знаетъ, что она работаетъ хозяину, и ей хорошо. Иго мое благо и бремя мое легко.

Прощайте, дорогой другъ, извѣщайте меня почаще о себѣ, и я буду писать вамъ. Любящій васъ

Л. Толстой.

№ 16. Воронежъ. Введенская улица, д. Прибытковой.

Гавріилу Андреевичу Русанову.

(Получено въ Воронежѣ 20 декабря 1890 г.).

Письмо это вамъ передастъ Евг. Иван. Поповъ [1]), ѣдущій отъ меня къ Черткову. Я просилъ его заѣхать къ вамъ. Вамъ обоимъ хорошо будетъ узнать другъ друга. Какъ вы доѣхали? Напишите. Обнимаю васъ. Дай Богъ вамъ быть такимъ же, т. е. не переставая идти.

Л. Т.

№ 17. Почтовый штемпель: Почтовый вагонъ 3 апрѣля 1891.

Воронежъ. Введенская ул., д. Прибыткова.

Гавріилу Андреевичу Русанову.

(Получено въ Воронежѣ 12 апрѣля 1891.

Спасибо, дорогой другъ Гаврило Андреевичъ, за ваше письмо. Вы меня пристыдили—пишете, что ваше письмо вызоветъ мое, какъ будто я не могу написать вамъ, не дожидаясь васъ. И вотъ вслѣдствіе пристыженія пишу сейчасъ хоть пока нѣсколько строкъ. Что-то мнѣ показалось по вашему письму, что здоровье ваше хуже. Такъ ли это? И въ чемъ именно ваши страданія? Гдѣ и какія боли? Одно хорошо, что какъ изъ личнаго общенія, такъ и изъ письма я вижу, какъ ясно, независимо отъ страданій тѣла, течетъ ваша духовная жизнь.

Спасибо за выписки изъ слова Буткевича [2]), они очень мнѣ были интересны и полезны. Похвастаюсь вамъ: всякая брань, осужденіе, даже столь дикое, какъ это, мнѣ—не скажу радостно, но я радъ, когда слышу ихъ, желаю ихъ, и, наоборотъ, всякія похвалы самымъ непріятнымъ, разслабляющимъ образомъ дѣйствуютъ на меня. Такое дѣйствіе произвела на меня статья Страхова, к[оторую] посылаю вамъ. Статью эту не пропускаютъ и, кажется, не пропустятъ [3]).

---

1) Одинъ изъ послѣдователей Л. Н.; есть рядъ писемъ къ нему Толстого. См. „Сборники г. Сергѣенко“.

2) Свящ. Буткевичъ въ печати рѣзко возставалъ противъ Толстого.

3) „Толки о Л. Н. Толстомъ“. Она появилась въ IX кн. „Вопросовъ Философіи“ и потомъ вошла въ книгу Страхова „Воспоминанія и Отрывки“, 1892 г. См. объ этой статьѣ письмо Л. Н. Страхову (№ 250) и Софьѣ Андреевнѣ (№ 355).

Несмотря на мою любовь къ Стр[ахову] и на задушевность этой статьи, она произвела на меня тяжелое впечатлѣніе тѣмъ выходящимъ изъ всякихъ предѣловъ преувеличеніемъ значенія моей дѣятельности. Одно знаю, что хочется не думать про это, а дѣлать по силѣ, по мочи. А силы и мочи уже остается мало. Съ большимъ усердіемъ пишу, и очень хочется написать, но подвигаюсь мало.

Жена теперь въ Петербургѣ и 13 т[омъ] ей пропустили безъ «Крейц. Сонаты», но она еще надѣется и ее выхлопотать. Радуюсь за васъ, что вы уѣзжаете въ деревню, и жалѣю вашихъ мальчиковъ, пока привязанныхъ къ городу. Охъ, боюсь я всякаго принужденія къ физической работѣ. Вѣдь это въ родѣ принужденія ѣсть супъ. Надо, чтобъ былъ голодъ, голодъ работы. Пока будетъ. Ну, пока прощайте, цѣлую васъ. Поклонъ вашей милой женѣ и Андрюшѣ и Борису, а меньшихъ не знаю. Любящій васъ Л. Толстой.

№ 18. Почтовый штемпель: 8 октября 1891.

(Получено въ Воронежѣ 11 октября 1891).

Исполняю ваше желаніе, дорогой Гаврило Андреевичъ, и пишу вамъ точно только нѣсколько словъ. Во-1-хъ, благодарю васъ за письмо и за свѣдѣнія, к[оторыя] вы мнѣ даете о вашихъ дѣтяхъ и ихъ жизни, а во-2-хъ, сообщаю вамъ то, что вы хотите знать о моей работѣ. Статья или, пожалуй, книга о (непре) Воинск. повин. и христіанствѣ почти окончена и только надо всю ее пройти и исправить. Еще написалъ я статью подъ заглавіемъ «Первая ступень», к[оторую] Черткову послалъ для напечатанія въ издаваемомъ имъ сборникѣ. Я здоровъ и бодръ: работы много, и васъ помню и люблю. Всѣмъ вашимъ мой привѣтъ.

Любящій васъ Л. Толстой.

№ 19. Почтовый штемпель: Клекотки Тульской губ. 12 март. 1892 [1]).

(Получено въ Воронежѣ 14 марта 1892).

Очень радъ былъ, дорогой Гаврило Андреевичъ, получить ваше письмо, хотя извѣстія и не хорошія о вашемъ здоровьи.

---

[1] Л. Н. былъ на голодѣ въ Бѣгичевкѣ, открывалъ столовыя.

Пишу: нехорошія и думаю, что ни вы, ни я не можемъ серьезно называть нехорошимъ то, что ведетъ и приближаетъ къ пробужденію, къ новой формѣ жизни, являющейся намъ въ видѣ смерти. Не можемъ и серьезно называть нехорошимъ то, что есть внѣшнее условіе жизни. Страшно, разумѣется, страшно [писать] мнѣ, не страдающему *еще*, вамъ, к[оторый] уже страдаетъ физически, о томъ, какъ должно и свойственно относиться къ страданіямъ, но не могу не говорить того, что чувствую, къ чему стремлюсь. Если когда наступятъ страданія, я, мож[етъ] б[ыть] и ослабѣю и не съумѣю, не осилю нести ихъ, какъ хочу, и все-таки, и тѣмъ болѣе теперь, говорю, какъ я хочу нести ихъ, и говорю вамъ, п. ч., сколько знаю, вы такъ и несли и несете ихъ. Помогай вамъ Богъ. Нехорошо не желать умереть, бояться смерти, какъ бывало въ молодости, нехорошо желать умереть, какъ бывало и, каюсь, бываетъ въ минуты слабости, но поставить коромысло вѣсовъ такъ, чтобы стрѣлка стояла прямо и ни одна чаша вѣсовъ не перевѣшивала, это — лучшія условія жизни. И будемъ пользоваться ими и цѣнить ихъ. — Нынче мы учитывались [1]). И оказывается, что у насъ остается около 8 т., а нужно для доведенія тѣхъ 170 столов. и другихъ заведеній, пріютовъ для малыхъ дѣтей, помощи корма лошадей, болѣе 15 т. Такъ что помочь вашимъ знакомымъ, несмотря на все желаніе, не могу [2]). Цѣлую васъ, любя всей душой.

Л. Толстой.

№ 20. Почтовый штемпель: Тула 1 іюня 1892.

Дорогой Гаврило Андреевичъ.

Вчера въ одно и то же время получилъ письма и отъ Алмазова и милой Антонины Алексѣевны [3]), извѣщающей меня о вашей болѣзни. Письмо Алмазова утѣшительное. Онъ даже какъ бы обвиняетъ васъ въ пристрастіи къ лѣченію. Не знаю, насколько это справедливо относительно васъ, но несмотря на все мое желаніе помириться съ медицинской наукой и не быть несправедливымъ относительно ея, чѣмъ больше живу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что манія леченія (надежды исцѣленія отъ смерти), кот[орой] пользуются доктора, есть одно изъ тѣхъ бѣдствій человѣчества, кот[орое] (я-пон), какъ всякія роскоши, безполезныя

1) Т. е. относительно помощи голодающимъ.
2) Рѣчь идетъ о знакомыхъ Русанова, помогавшихъ голодающимъ.
3) Русановой.

траты силъ, я понимаю, какъ запасы, собираемые человѣчествомъ, и кот[орые] ему, какъ придетъ нужда, придется только выпускать, т.-е. перестать дѣлать пустое и глупое, чтобы освободить огромное количество силъ и увеличить свое благосостояніе. Много я за нынѣшній годъ, копаясь во внутренностяхъ народа и пытаясь дѣлать невозможное—помогать деньгами бѣдѣ людской,—многое я узналъ, передумалъ и болѣе всего провѣрилъ и подтвердилъ извѣстное, а именно, что внѣшней бѣды нѣтъ, а всѣ бѣды внутреннія. Какая будетъ развязка, не знаю, но что дѣло подходитъ къ ней и что такъ продолжаться, въ такихъ формахъ, жизнь не можетъ, я увѣренъ. Всю зиму и теперь продолжаю писать и кончать сочиненіе, кот[орое] озаглавлю «Царство Божіе внутрь васъ есть», и все не могу кончить послѣднюю 8-ю главу, надъ кот[орой] сижу болѣе полугода. И не скажу, чтобы я толокся на одномъ мѣстѣ—я подвигаюсь, но очень медленно. Предметъ—о новой формѣ жизни, о новой ступени цар. Бож., на кот[орую] мы вступаемъ, мнѣ кажется такъ важенъ, что хочется все сказать и какъ могу лучше. Никогда я не писалъ съ такимъ напряженіемъ. «Первую ступень», статью въ Вопр. Фил., вы, вѣрно, читали. Если же нѣтъ, то посылаю оттискъ.—Напишите про себя, милый другъ, продиктуйте кому-нибудь. Что вы думаете? Какъ приближаетесь къ смерти? Спокойнѣе ли еще, чѣмъ прежде? Хотя я и прежде радовался на ваше отношеніе къ своимъ страданіямъ и плотскому концу, т.-е. пробужденію. Я думаю, что у людей, какъ мы съ вами, любящихъ красоту эстетическ. и, главное, этическую жизни, никогда нельзя придти къ желанію смерти и возможности самоубійства и потому всегда есть работа—и радостная работа—увеличивать въ себѣ готовность къ смерти, изъ готовности этой дѣлать даже что-то въ родѣ радости ожиданія: «Здѣсь жить хорошо и тамъ будетъ еще лучше». Я начинаю испытывать это—иногда—и желаю вамъ этого. Благодарю васъ за вашу любовь ко мнѣ. Любящій васъ Л. Толстой.

№ 21. Почтовый штемпель: Москва 4 декабря 1893. Воронежъ. Покровскій пер., д. Рабецъ.

Гавріилу Андреевичу Русанову.

Дорогой Гаврило Андреевичъ.

Третьяго дня получилъ ваше письмо и, какъ всегда, очень обрадовался ему двойной радостью: эгоистической, тому, что

буду читать ваши умныя и сердечныя слова, и неэгоистической—тому, что вы живы и здоровы. Какъ ни странно звучитъ слово «здоровы» въ соединеніи съ тѣмъ описаніемъ вашего физическаго состоянія (за которое очень благодаренъ и прошу всегда также подробно извѣщать меня о немъ), я все-таки настаиваю на словѣ «здоровы», п. ч. такъ думать, чувствовать, тонко понимать и даже наблюдать свое состояніе можетъ только истинно-здоровый человѣкъ, гораздо здоровѣе тѣхъ атлетовъ, кот[орые] могутъ дѣлать чудеса физической силы, но для кот[орыхъ] закрытъ весь тотъ міръ мысли и духовной жизни, кот[орый] (для—васъ), какъ я вижу, не только также, но болѣе, чѣмъ прежде, открытъ для васъ.

Началъ это письмо дня три тому назадъ и не кончилъ, п. ч. помѣшали.

Съ тѣхъ поръ видѣлъ вашего сына. Онъ мнѣ очень понравился: добрая, ясная и чистая улыбка. Вчера они были у насъ съ Пав. Ал. [1]). У меня всѣ дѣти разошлись и боюсь, что ему было очень скучно. Онъ говоритъ мало, но все хорошо и просто. Онъ мнѣ нѣсколькими словами такъ хорошо объяснилъ Антон[ину] Алексѣевну, что я въ первый разъ ее понялъ. Я не зналъ, что она такой убѣжденный сторонникъ вегетаріанства, и очень радъ этому. Какъ ни не важно это, я не могу не видѣть въ этомъ признака очень симпатичнаго мнѣ склада характера.—Вы мнѣ пишете про себя и я долженъ заплатить вамъ тѣмъ же, п. ч. знаю, что вамъ также интересны подробности о моей жизни, какъ мнѣ о вашей. Поглощаетъ теперь всю мою жизнь писаніе. Утро отъ 9 до 12, до 1 иногда, пишу, потомъ завтракаю, отдыхаю, потомъ хожу или колю дрова, хоть силъ уже становится меньше, потомъ обѣдаю, послѣ обѣда перевожу съ Машей Аміеля (такой милый, умершій уже, фр. писатель, — женевецъ). Онъ будетъ напечатанъ въ Сѣв. Вѣст.—или Лао-дзе съ Поповымъ, потомъ письма или посѣтители. Но все это по энергіи жизни, направленной на это, относится къ утренней работѣ, какъ 1 : 10. Вся жизнь сосредоточивается въ утреннемъ писаніи. Теперь пишу о Тулонѣ, гипнотизаціи патріотизма; кажется кончилъ. На очереди теперь предисловіе къ Мопассану—написано начерно, предисловіе къ Аміелю, Послѣсловіе къ Ц[арствію] Б[ожію] тоже написано почти, статью объ искусствѣ. И тогда только буду въ состояніи взяться за художеств[енное], начатое и не начатое, къ кот[орому] особенно тянетъ. Вы мнѣ признаетесь въ своихъ

---

1) Буланже.

слабостяхъ и я признаюсь вамъ: часто думалъ и думаю: вотъ если бы посадили меня въ тюрьму и дали бы бумаги и перо, какъ бы я радостно сталъ писать художественное. Разумѣется, это также, какъ ваши мечты о путешествіяхъ,—также несбыточно и напрасно. Вы больше всѣхъ другихъ людей влечете меня къ художественной работѣ, не тѣмъ, что вы совѣтуете мнѣ ее, а тѣмъ, что на себѣ показываете, какъ она можетъ хорошо, благотворно дѣйствовать.

Ну, пока прощайте, до слѣдующаго письма. Помогай вамъ Богъ все также и все больше и больше жить истинной жизнью и, приближаясь къ смерти, все больше и больше уходить отъ нея. Цѣлую васъ и вашихъ дѣтей. Дружескій привѣтъ Антонинѣ Алексѣевнѣ.

Любящій васъ Л. Толстой.

3 декабря 1893 г.

№ 22. Почтовый штемпель: Москва 29 апрѣля 1894.

(Письмо написано рукой П. И. Бирюкова съ собственноручной подписью Л. Н—ча).

Дорогой Гавріилъ Андреевичъ.

Все собирался писать вамъ, поблагодарить васъ за то прекрасное, радостное впечатлѣніе, кот[орое] я получилъ отъ пребыванія у васъ [1]). И до сихъ поръ не успѣлъ и теперь пишу не своей рукой и не потому, что боленъ, а пользуясь временемъ: съ меня пишутъ портретъ, а я диктую Павлу Ивановичу. Не могу не сказать вамъ то, что говорю всѣмъ, когда вспоминаю свое послѣднее путешествіе, что пребываніе мое у васъ, сближеніе съ Антон. Алекс., кот[орую] я въ первый разъ хорошо узналъ, съ милыми молодыми людьми, преимущественно съ Борей, потомъ Алексѣй, остальные два остаются для меня иксами,—было для меня однимъ изъ самыхъ радостныхъ дней моей жизни. Мы нынче ѣдемъ въ деревню съ Машей, семейные же остальные остаются въ Москвѣ до времени.

Очень жалѣю, что не довелось повидать вашего старшаго, и милаго Павла Александровича [2]). Прощайте пока, желаю, чтобы у васъ все продолжалось попрежнему, т.-е. шло все лучше и лучше.

Любящій васъ Л. Толстой.

---

[1]) Л. Н. видѣлся съ Русановымъ въ концѣ марта, когда ѣздилъ въ Воронежскую губ. къ Чертковымъ.

[2]) Буланже.

№ 23. Почтовый штемпель: Почтовый вагонъ 3 ноября 1894 г.

Слышалъ отъ Черткова, дорогой Гаврило Андреевичъ, что ваше здоровье стало хуже, и стараюсь не огорчаться этому. Стараюсь не огорчаться, п. ч. въ виду того перехода въ другое состояніе, к[отор]ое мнѣ по моимъ лѣтамъ, а вамъ по вашей болѣзни, такъ скоро предстоитъ намъ, небольшое и недолгое ухудшеніе или улучшеніе положенія такъ неважно, что не стоитъ думать о немъ. А все-таки огорчаюсь, п. ч. пока живъ, больны свои страданія и жалѣю другихъ, особенно тѣхъ, кого любишь, за ихъ страданія. Я не говорю, чтобы можно было въ виду приближенія перехода въ другую жизнь, можно и должно бы было перестать отдавать тѣ силы, какія есть, на служеніе Богу въ этой жизни—этого и нельзя сдѣлать человѣку, понявшему смыслъ жизни—но, невольно приближаясь къ концу путешествія, всѣ мысли и надежды переносятся туда, за предѣлъ этой жизни. Какъ путешественникъ, подходя къ цѣли путешествія, хотя и продолжаетъ также идти, какъ онъ шелъ сначала, невольно думаетъ только о томъ, что ожидаетъ его, такъ и мы, подходя къ той двери въ другую жизнь, кот[орой] такъ пугали насъ, называя ее смертью, и к[оторой] мы такъ боялись, когда она была далека отъ насъ, не можемъ не думать о ней, хотя и не перестаемъ дѣлать то же, что дѣлали и тогда, когда она была далека отъ насъ. Мнѣ эта близость теперь только пріятна. Она отдаляетъ отъ меня все пустое, не нужное и даетъ особенную прелесть и значительность тому, что дѣлается.—Какъ вы? Часто ли думаете о смерти? И какъ относитесь къ ней? Удерживаетесь ли на той идеальной точкѣ, или хоть близко къ ней, при которой не желаешь ея и не боишься ея. Дай Богъ вамъ находиться въ этомъ равновѣсіи.—Я живу пока съ двумя дочерьми въ деревнѣ, но скоро переѣзжаемъ въ Москву. Взялся я за работу краткаго изложенія вѣры и до сихъ поръ думаю часто, что работа эта не по силамъ мнѣ, но никакъ не могу оставить ее и, не переставая, думаю все объ одномъ и томъ, [же] о томъ, что нужнѣе всего человѣку. И мысли эти очень много мнѣ сдѣлали добра. Какая огромная разница между такимъ философствованіемъ, при к[оторомъ] играешь словами, и такимъ изложеніемъ мыслей, при кот[оромъ] готовишься жить и умереть на основаніи тѣхъ словъ, к[оторыя] высказываешь. Прощайте пока, обнимаю васъ. Напишите мнѣ поподробнѣе о себѣ. Мой сердечный привѣтъ вашей женѣ и милымъ ребятамъ. Л. Толстой.

№ 24. Почтовый штемпель: Москва 2 февраля 1895 г. Воронежъ. Воскресенская ул., д. Устиновскаго.

Гаврилу Андреевичу Русанову.

Простите, дорогой другъ Гаврило Андреевичъ, что пишу нѣсколько словъ. Все больше дѣла и все меньше силъ. Утѣшеніе въ томъ, что дѣло все какъ будто содержательнѣе и важнѣе съ годами и съ приближеніемъ къ перемѣщенію на другое дѣло.— Радуютъ особенно загорающіеся въ разныхъ мѣстахъ Европы центры священнаго огня, к[оторый] Христосъ свелъ на землю. У меня теперь истинныхъ друзей-единомышленниковъ и соработниковъ нѣсколько въ Англіи, въ Штутгартѣ нѣкто Грунскій, въ Будапештѣ цѣлый кружокъ людей, принадлежащихъ къ «религіи духа», изъ к[оторыхъ] я общаюсь съ Eugen Smitt, въ Даніи Лахманъ написала чудесную книгу о христіанствѣ въ жизни, и на дняхъ получилъ изъ Финляндіи письмо и книги отъ Арвида Эрнфельда, к[оторый] весь горитъ огнемъ христіанскаго ученія и проповѣдуетъ въ Финляндіи и Швеціи. Я согрѣшилъ разсказомъ, к[оторый] послалъ въ С. В. [1]), пишу: согрѣшилъ, п. ч. совѣстно тратить на это время. Цѣлую васъ и дорогую Антонину Алексѣевну.

Л. Толстой.

№ 25. Почтовый штемпель: Москва 10 марта 1895 г. Воронежъ. Воскресенская ул., д. Устиновской.

Гавріилу Андреевичу Русанову.

Пишу вамъ только нѣсколько словъ, дорогой Гаврило Андреевичъ, только чтобы сказать, что получилъ ваше письмо, и поблагодарить васъ за него. Смерть нашего меньшаго сына, особенно нѣжнаго, любовнаго ребенка, очень значительное событіе въ нашей жизни [2]). Какъ всегда, смерть, особенно такого, неприкрытаго заблужденіями—грѣхами, прекраснаго существа, какъ ребенокъ, приближаетъ къ Богу. И тоже я чувствую и благодаренъ за это. То же чувствуетъ и жена, но ей тяжело забыть тѣлесную прелесть, прикрывавшую это божеское проявленіе. И

---

[1]) Сѣверный Вѣстникъ. Разсказъ этотъ былъ „Хозяинъ и Работникъ“.
[2]) Семилѣтняго Ванички.

она, бѣдная, тяжело борется, но я надѣюсь, что духовная природа выйдетъ побѣдительницей. Я радъ, что могу сочувствовать ей въ этомъ и облегчать хоть немного ея положеніе. Помочь же ей можетъ только Богъ, т.-е. та внутренняя сила, к[оторая] живетъ въ ней. И эта сила просится наружу. И я надѣюсь и молю Бога, чтобы она восторжествовала. Дорогая Антонина Алексѣевна, вѣроятно, понимаетъ ея положеніе. Поцѣлуйте ее отъ меня также, какъ и вашихъ дѣтей. Вы ничего не пишете о своемъ здоровьи, стало быть, не хуже. И то хорошо. Прощайте пока.

Любящій васъ Левъ Толстой.

5 марта 1895.

№ 26. Почтовый штемпель: Москва 18 января 1896 г. Воронежъ, Воскресенская ул., д. Устиновской.

Гавріилу Андреевичу Русанову.

Очень, очень радъ былъ получить ваше, по-старому, длинное и содержательное письмо, дорогой Гаврило Андреевичъ, и также радъ былъ увидать милаго Борю. Онъ также дѣтескъ [1]), какъ былъ, и этимъ особенно милъ.—То, что вы занимаетесь философіей, очень радуетъ меня за васъ. Какъ вы и говорите, такое занятіе отрываетъ отъ — скорѣе — поднимаетъ надъ интересами мірской жизни и дѣлаетъ, вмѣсто обрыва, покатымъ тотъ переходъ, къ кот[орому] мы приближаемся. Мнѣніе о томъ, что легче начинать съ Шопенгауера, я повторяю. Со мной такъ было. Я читалъ Канта и почти не понялъ—и понялъ его только тогда, когда сталъ читать и особенно перечитывать Шопенг[ауэра], кот[орымъ] я одно время очень увлекался. То, что вамъ передалъ Андр. [2]), о томъ, что надо отрѣшиться отъ всякаго своего міросозерцанія для того, чтобы понять философа, я тоже подтверждаю. Можетъ быть, это трудно сдѣлать въ извѣстные годы и тогда, когда свое міросозерцаніе уже утверждено опытомъ жизни, но все-таки это conditio sine qua non, нѣтъ пониманія. Надо приступать къ чтенію съ готовностью отречься отъ всего своего и принять все предлагаемое, если только оно болѣе освѣщаетъ путь жизни. Этого условія я требую отъ своихъ чита-

[1]) Слово написано совершенно ясно. Смыслъ его: сохранилъ дѣтскія черты. Любопытно, что Л. Н. чутьемъ воспроизвелъ здѣсь буквально древнерусское слово, которое встрѣчается въ Лѣтописи.

[2]) А. Г. Русановъ.

телей и потому не могу не считать себя обязаннымъ также относиться ко всякой выражаемой системѣ или мысли. Во всѣхъ философскихъ системахъ есть истина, но она мало трогаетъ насъ, п. ч. въ системѣ она всегда перемѣшана съ той оправой, въ кот[орую] она вставлена. Отъ этого, не говорю уже объ Евангеліи, мысли Паскаля, Эпиктета, Лао-тцы сильнѣе на меня дѣйствуютъ и больше мнѣ дали, чѣмъ книги систематизирующихъ философовъ. Отъ этого и я, опять взявшись за свое изложеніе вѣры, теперь уже не въ катехизической формѣ, опять оставилъ его. И только записываю тѣ мысли, кот[орыя] приходятъ мнѣ, не пытаясь придать имъ внѣшнюю связь и обязательность. Прощайте пока, цѣлую васъ, милую Антонину Алексѣевну и дѣтей.

Любящій васъ Л. Толстой.

16 января.

№ 27. Почтовый штемпель: Ясенки Тульской губ. 3 сентября 1897. Москва. Зубовскій бульваръ, Крымскій проѣздъ, д. Ротермунда, кв. 2.

Андрею Гавриловичу Русанову, для передачи Г. А. Русанову [1]).

Спасибо за ваше письмо, дорогой Гаврило Андреевичъ. Мнѣ всегда было радостно получать ваши письма: прежде большую долю этой радости составляло то, что я, не распечатывая, зналъ, что вы выражаете мнѣ похвалы и видите все хорошее въ моихъ писаньяхъ и даже во мнѣ, теперь же это прошло; похвалы моимъ писаніямъ меня не радуютъ, а про себя я знаю, какъ я мало заслуживаю похвалъ, и теперь главную радость мою при полученіи вашего письма составляетъ сознаніе самаго тѣснаго единенія—одноцентренности,—которое я испытываю съ вами. Какъ грустно, что А. А. [2]) не выздоровѣла. Надѣюсь, что увижу ее пополнѣвшей и ходящей. Маша медленно поправляется. Простите, что коротко пишу; все думаю

---

1) Эту зиму Русановы провели въ Москвѣ, гдѣ Л. Н. навѣщалъ ихъ. Письма 29-е и 30-е адресованы на эту московскую квартиру.

2) Русанова.

лучше, чѣмъ сбираться написать длинно и откладывать. Цѣлую васъ, А. А. и дѣтей, к[оторыя] съ вами. Работу свою все не кончаю, хотя отдалъ начало переводить. Л. Т.

№ 28. Почтовый штемпель: Ясенки, Тульской губ. 16 ноября 1897 г. Ясная Поляна 15 ноября 1897 г.

(Приписка къ письму А. П. Иванова).

Очень радъ случаю привѣтствовать васъ, дорогіе друзья Гавріилъ Андреевичъ и Антонина Алексѣевна. Живы будемъ, увидимся въ Москвѣ, а пока пріятно знать другъ про друга,— и пока про васъ обоихъ—хорошее. Хоть не хуже, а Ант. Алекс.— лучше тѣломъ; а духомъ намъ, старикамъ, нельзя не расти, не зрѣть, поспѣвая къ жатвѣ. Мнѣ очень, очень хорошо въ уединеніи. Хоть хорошаго дѣлаешь мало — дурного меньше дѣлаешь. «Искусство» кончилъ и не знаю, за что взяться. Хочется въ виду близости конца дѣлать только самое важное. И все кажется важнымъ, когда вдумаешься.

Дружески цѣлую васъ обоихъ. Любящій васъ Левъ Толстой.

Ребятамъ вашимъ отъ меня привѣтъ и Андрюшѣ, к[отораго] я больше всѣхъ знаю и потому люблю особенно.

№ 29. (Получено 23 января 1898 г.)

Къ сожалѣнію, не готовъ еще. Отдалъ сейчасъ Сулержицкому мнѣ помочь. С. А. заболѣла инфлуэн. и я былъ отвлеченъ отъ занятій. Л. Толстой.

Посылаю вамъ только тѣ коррект[уры], кот[орыя] совсѣмъ могу отдать вамъ [1]).

(Получено въ Москвѣ 17 апрѣля 1898 г.)

№ 30. Дорогой Гаврило Андреевичъ.

Я нынче не совсѣмъ здоровъ и потому не поправлялъ. Думаю, что мало будетъ поправокъ, но будутъ, и потому не совѣтую переписывать. А все-таки посылаю. Любящій васъ и благодарный Л. Толстой.

---

[1]) Корректуры соч. „Что такое искусство?“.

№ 31. г. Землянскъ Ворон. губ.

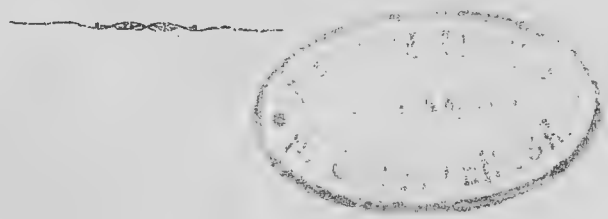
Гавріилу Андреевичу Русанову.

(Получено 26 августа 1898 г. въ Ерофеевкѣ).

Простите, дорогой Г. А., что отвѣчаю на ваше доброе и очень порадовавшее меня ваше письмо карточкой. Все лучше, чѣмъ ничего. Радуюсь, что вы живы, здоровы и такъ же меня любите. Я теперь совсѣмъ здоровъ и очень дѣятельно занимаюсь *Воскрес*[еніемъ]. Удивляюсь, какъ могъ я такъ скверно написать то, что было написано. Надѣюсь, что теперь оно получитъ болѣе приличный видъ. Милой и дорогой Ан. Ал. мой сердечный привѣтъ и всѣмъ прекраснымъ ребятамъ.

Вашъ Л. Т.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



ЗАМѢТКИ О ТОЛСТОМЪ.

III.

«Паутина любви».

1.

«... Страхъ смерти обратно пропорціоналенъ хорошей жизни. При святой жизни этотъ страхъ—ноль»... (28 января 1903).

Толстой хорошо зналъ мертвящее чувство страха передъ неизбѣжнымъ концомъ, «религіозный ужасъ передъ этимъ величайшимъ въ жизни каждаго человѣка событіемъ» (письмо къ Фету, 1872 г.). И въ разныя эпохи своей долгой жизни онъ переживалъ это чувство съ необыкновенной интенсивностью, о чемъ рядъ свидѣтельствъ сохранился въ его письмахъ. Только со второй половины 70-хъ годовъ, когда Толстой перешелъ къ «хорошей жизни» и неустанно стремился подняться еще выше,— перейти къ «святой жизни», — онъ наконецъ освободился отъ этого гнетущаго чувства и получилъ право сказать: смерть, гдѣ жало твое?...

За все время своей «хорошей жизни» и своихъ стремленій къ «святой» онъ не переставалъ думать о смерти, много писалъ на эту тему, и—никакого страха уже не было, — была только *радость жизни*, въ ожиданіи вожделѣннаго перехода отъ одной, низшей, тѣлесной, полуживотной, формы существованія къ другой, высшей, безтѣлесной, человѣческо-божественной.

Въ 1887 г. онъ писалъ Г. А. Русанову: «...Работаю надъ мыслями о жизни и смерти...». А года черезъ 2 (1889) могъ уже рѣшительно заявить слѣдующее: «...я живу очень хорошо, искренно говорю, что дальше, то лучше, и улучшеніе, т.-е. увеличеніе радости жизни происходитъ въ родѣ закона паденія

тѣлъ: обратно пропорціонально квадратамъ разстоянія отъ смерти»...

Въ 1892 году онъ писалъ тому же лицу: «Я думаю, что у людей, какъ мы съ вами, любящихъ красоту эстетической и, главное, этической жизни, никогда нельзя придти къ желанію смерти и возможности самоубійства, и потому всегда есть работа—и радостная работа—увеличивать въ себѣ готовность къ смерти, изъ готовности этой дѣлать даже что-то въ родѣ радости ожиданія. «Здѣсь жить хорошо, а тамъ будетъ еще лучше». Я начинаю испытывать это»....

Безъ всякаго сомнѣнія, это было написано не только для ободренія и утѣшенія человѣка смертельно-больного, медленно умирающаго: Толстой въ самомъ дѣлѣ *такъ* чувствовалъ и *такъ* думалъ: смерть — великое дѣло, но желать ея, стремиться къ ней не слѣдуетъ, а нужно только *радостно ожидать* ея прихода, радостно работать надъ увеличеніемъ въ себѣ готовности къ смерти.

О томъ, что, съ приближеніемъ къ смерти, онъ чувствуетъ себя все лучше и лучше, Толстой писалъ и другимъ лицамъ, напр. въ письмѣ къ Наживину (1908 г.) читаемъ: «Я, странно сказать, что дальше живу, то все лучше и лучше мнѣ. Казалось бы, некуда больше, а все лучше...» (Письма, изд. Сергѣенко, II, стр. 245).

При нормальныхъ условіяхъ (преимущественно, внутреннихъ, психическихъ), человѣкъ въ юности и молодости мало цѣнитъ жизнь,—ея много у него впереди, и смерти не боится: просто не думаетъ о ней (когда-то она придетъ еще!). Напротивъ, въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ, вдругъ спохватившись, что жизнь понемногу уходитъ, начинаетъ подумывать о смерти и порою испытываетъ гнетущее чувство безсилія и страха передъ надвигающейся роковою угрозою,—онъ не можетъ примириться съ мыслью: какъ это *меня* вдругъ не будетъ? Съ теченіемъ времени (въ большинствѣ случаевъ—очень скоро) этотъ кошмаръ проходитъ, человѣкъ примиряется съ неизбѣжностью смерти, перестаетъ думать о ней и—тѣмъ выше цѣнитъ самый фактъ жизни, тѣмъ больше дорожитъ оставшимися въ его распоряженіи годами.

Такова норма. Но есть натуры, у которыхъ этотъ порядокъ нарушается: страхъ смерти возникаетъ у нихъ преждевременно, еще въ юности или въ молодые годы, потомъ періодически возвращается въ зависимости отъ разныхъ причинъ, и если исчезаетъ въ старости, то уже не по прямому внушенію

этого почтеннаго, разсудительнаго и жизнерадостнаго возраста, а подъ вліяніемъ другихъ условій. Къ числу такихъ натуръ принадлежалъ и Л. Н. Толстой.

Страхъ смерти сталъ исчезать у него не отъ старости, а отъ «хорошей жизни». Старость была для него только однимъ изъ условій, благопріятствующихъ «хорошей» или «духовной», жизни, чуждой страстей, эгоистическихъ стремленій и исполненной любви къ добру, благоволенія ко всему сущему.

Немощи старости—думалъ онъ — не должны быть разсматриваемы какъ бѣдствіе, дѣлающее человѣка несчастнымъ. Ибо молодость, здоровье, силы — все это, собственно говоря, вовсе не благо. Высокая оцѣнка тѣлеснаго здоровья — только суевѣріе. — «Не могу я такъ прыгать, бѣгать, какъ прежде, скоро не буду въ состояніи такъ ходить и совсѣмъ ходить. Какая же разница? Разница въ большей или меньшей степени одного изъ самыхъ несущественныхъ моихъ свойствъ. Вотъ если бы вы и я лишились бы способности любить... А этого нѣтъ. Про себя скажу, что съ каждымъ годомъ, часомъ все легче, хоть не любить, а не злиться, прощать и радоваться на доброе»... (Письмо къ Русанову, 28 апр. 1890).

Очевидно, Толстому приходилось немало труда положить на преодолѣніе нѣкоторыхъ чертъ своего характера, противорѣчившихъ понятію «хорошей жизни». Онъ былъ строптивъ, неуступчивъ, своенравенъ, былъ недостаточно терпимъ къ чужому мнѣнію, и даже проявлялъ родъ аристократическаго презрѣнія къ людямъ. Эти недостатки проявлялись съ наибольшею силою въ апогеѣ его жизни, въ эпоху расцвѣта его физической силы. Старость помогала ему бороться съ ними. Вмѣстѣ съ убылью здоровья и физическихъ силъ и она шла на убыль. — Невольно приходитъ въ голову парадоксальная мысль, что указанныя черты были принадлежностью не души Толстого, а его могучаго тѣла, его желѣзнаго физическаго здоровья. Когда онъ бывалъ боленъ, тѣ черты также «заболѣвали», хирѣли, стушевывались. Въ одномъ письмѣ (къ Русанову, 1890) онъ говоритъ: «Я теперь совсѣмъ здоровъ и съ умиленіемъ вспоминаю о томъ хорошемъ состояніи, въ которомъ былъ во время болѣзни: чувствую, какъ съ тѣхъ поръ опять далеко отошелъ отъ духовнаго состоянія, въ которомъ былъ,—оскотинился»...

Парадоксъ будетъ обезвреженъ, если изъ числа недостатковъ или отрицательныхъ чертъ Толстого будемъ имѣть въ виду только тѣ, которые находились въ явной зависимости отъ его *темперамента*, отъ его *психофизической организаціи*. Сюда относятся

излишняя эмоціональность реагированія на непріятныя впечатлѣнія, запальчивость и нетерпимость въ спорахъ, рѣзкость сужденій, то, что̀ называется «злой языкъ», и т. п. Все это, дѣйствительно,—свойства не души, а темперамента и слишкомъ здоровой, слишкомъ крѣпкой и потому непокорной психофизической натуры, съ трудомъ поддающейся чисто-психическому воздѣйствію,—контролю мысли и ферулѣ нравственныхъ чувствъ. Во время болѣзни и отъ немощей старости этотъ психофизическій аппаратъ ослабѣваетъ, изнашивается и — становится податливѣе...

Другія черты, которыя легко объясняются наслѣдственностью барской психологіи, къ этому—психофизическому—порядку, конечно, не относятся, не имѣютъ никакого отношенія ни къ темпераменту, ни къ физическому здоровью и не подлежатъ лѣченію болѣзнями и старостью. Толстой десятилѣтіями излѣчивался отъ нихъ художественнымъ творчествомъ, религіею и моралью.—Что касается собственно старости, то она помогала Толстому въ его стремленіи къ «хорошей жизни» лишь косвенно и благодаря тому, что у Толстого наступленіе старости вовсе не означало остановки духовнаго роста, напротивъ—старѣя, онъ вступалъ въ новый высшій фазисъ развитія,—геніальный художникъ и человѣкъ огромнаго, но своенравнаго ума превращался въ *истиннаго мудреца*, въ законченный типъ, нынѣ крайне рѣдкій, того духовнаго уклада, къ которому принадлежали великіе религіозные мыслители и моралисты древности. Конфуцій Лаодзе, Будда, Магометъ и др.—вотъ теперь его общество, вотъ та среда, съ которой онъ, на разстояніи вѣковъ, связанъ узами духовнаго родства и призванія.

На этихъ высотахъ, въ числѣ многаго другого, исчезаетъ и страхъ смерти, и страхъ старости. Нѣтъ заботъ о здоровьи, нѣтъ сожалѣній о прошломъ, нѣтъ тѣхъ настроеній, которыя вылились у Гоголя въ восклицаніи: «О, моя юность! О, моя свѣжесть!»—Взамѣнъ того мы встрѣчаемъ здѣсь нѣчто совсѣмъ другое, напр.: «Говорятъ: старость, старость... Да ни за что не отдалъ бы одного дня моей старости, я думаю, и съ болѣзнями (у меня ихъ мало и сужу только по догадкѣ) за годы глупой животной молодости»... (Письмо къ Русанову, 1904 г.).—Или напр. такое: «... Какъ мнѣ особенной (даже никакой) радости не доставляло въ дѣтствѣ увеличеніе моего роста, такъ и уменьшеніе моей силы мнѣ не доставляетъ огорченія, и я его не замѣчаю»...

Все это, какъ и многое другое—въ томъ же родѣ, предполагаетъ именно пребываніе на альпійскихъ высотахъ святости и мудрости, гдѣ «служатъ Богу» такъ, какъ мы, земные, грѣшные, не умѣемъ и не можемъ... *Тамъ* говорятъ, что «Богу служить... совершенно одинаково можно, поднимая 12 пудовъ одной рукой или имѣя силу только кивнуть головой...»—И даже утверждаютъ, что «для служенія ему (Богу)» здоровье «не только не нужно, но часто напротивъ»...

Мы, простые смертные, могли бы возразить, что здоровье и силы нужны человѣку не только для себя, но и для служенія другимъ, для помощи ближнему (въ особенности—трудомъ, на чемъ и настаивалъ Л. Н. Толстой), для добрыхъ дѣлъ. Но нашъ слабый голосъ не доходитъ до альпійскихъ вершинъ...

Тамъ, на высотѣ, намъ недоступной, происходитъ и нѣчто другое, для такихъ натуръ, какъ Толстой, особливо важное: преодолѣніе своего «я», отвлеченіе отъ своей личности, какъ бы растворяющейся въ стихіи божественнаго. Для большинства смертныхъ это—не нужно: ихъ «я» либо не давитъ, не угнетаетъ ихъ, либо, въ противномъ случаѣ, болѣе или менѣе легко растворяется въ разныхъ земныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и въ добрыхъ, въ альтруизмѣ,—не въ божественности, а въ общественности. Другое дѣло—Толстой. Его «я» всю жизнь угнетало его душу, причиняя ей много хлопотъ и обидъ—десятками лѣтъ онъ боролся съ нимъ и наконецъ только на тѣхъ безоблачныхъ высотахъ мудрости обрѣлъ вожделѣнное освобожденіе отъ гнета эгоцентризма.—Это—старая исторія, и разсказъ о ней нужно начать издалека.

2.

Въ 1857 году, когда Толстому было 29 лѣтъ, онъ, путешествуя по Савойѣ, былъ восхищенъ природой этой страны, и писалъ своей тетушкѣ, графинѣ А. А. Толстой, слѣдующее: «Мы сдѣлали... восхитительную прогулку... Мы шли до поздняго вечера этими душистыми, задумчивыми савойскими дорогами. Два мальчугана несли наши практическіе мѣшки, и всю дорогу, распѣвая, лепетали намъ про разныя преданія и привидѣнія въ замкахъ и т. п. А мы себѣ молчали, нюхали, слушали и дышали. *Природа больше всего даетъ это высшее наслажденіе*

жизни, забвеніе своей несносной персоны [1]). Не слышишь, какъ живешь, нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, только одно настоящее, какъ клубокъ, плавно разматывается и исчезаетъ»... (Толстовскій Музей, т. I, стр. 74).

Для такихъ натуръ, какъ Толстой, возможность забыть, хоть на время, «свою собственную персону» въ высокой степени отрадна, и онѣ жадно ловятъ эти мгновенія. И вся ихъ жизнь, въ существѣ дѣла, сводится къ инстинктивнымъ попыткамъ сбросить съ души хотя бы часть бремени, порожденнаго гипертрофіей личности,—создать такія условія жизни, при которыхъ можно было бы почаще забывать о себѣ, отвлекаться отъ чрезмѣрнаго сознаванія своего «я», отъ удручающаго осложненія всѣхъ впечатлѣній, всѣхъ чувствъ, всѣхъ помысловъ постояннымъ, назойливымъ самочувствіемъ. Приведенная выдержка наглядно обнаруживаетъ эту потребность отвлеченія отъ себя, которой не знаютъ натуры, свободныя отъ прирожденной (или благопріобрѣтенной) гипертрофіи личности.

Но еще ярче такой укладъ натуры проявился въ слѣдующихъ любопытныхъ строкахъ Дневника Толстого, записанныхъ 13 мая 1856 г.: «Могучее средство къ истинному счастью въ жизни—это безъ всякихъ законовъ пускать изъ себя во всѣ стороны, какъ паукъ, цѣлую паутину любви и ловить туда все, что́ попало: и старушку, и ребенка, и женщину, и квартальнаго» (П. Бирюковъ, «Л. Н. Толстой», I, 302).

Это одинъ изъ возможныхъ способовъ отвлечься отъ своего «я». Къ такой наконецъ нелицепріятной, универсальной любви нерѣдко и обращаются эгоцентрическія натуры высшаго порядка, какъ это сдѣлалъ и Толстой черезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ были написаны эти строки. Но какъ характерна для натуры, страдающей гипертрофіей личности, эта метафора паука и паутины!

Въ большомъ письмѣ къ гр. А. А. Толстой (1857 г.), написанномъ въ полушутливомъ тонѣ, но выражающемъ подлинные и глубокіе запросы души, Толстой говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вѣчная тревога, трудъ, борьба, лишенія—это необходимыя условія, изъ которыхъ не долженъ смѣть думать выдти хоть на секунду ни одинъ человѣкъ. Только честная тревога, борьба и трудъ, основанные на любви, есть то, что́

---

1) Курсивъ мой.

называютъ счастьемъ. Да что счастье—глупое слово; не счастье, а *хорошо*; а безчестная тревога, основанная на любви къ себѣ—это несчастье...—Чтобъ жить честно, надо рзаться, путаться, биться, ошибаться начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вѣчно бороться и лишаться. А спокойствіе—душевная подлость...»—«Это я написалъ очень не шутя...»—(«Толстовскій Музей», I, 94).

Любопытно встрѣтить здѣсь выраженіе: «Хорошо», которымъ черезъ 20 лѣтъ Толстой будетъ опредѣлять то состояніе душевнаго мира, котораго онъ искалъ, исходя изъ принциповъ евангельской этики. «Мнѣ хорошо», или «хорошо на душѣ»,—это какъ бы «формула», которую мы такъ часто встрѣчаемъ въ письмахъ 80-хъ, 90-хъ и послѣдующихъ годовъ.—Въ молодые годы, полный избытка физическихъ и душевныхъ силъ, онъ стремился къ напряженной дѣятельности, борьбѣ, исканіямъ, начинаніямъ различнаго рода (отъ художественныхъ до проектовъ облѣсенія новороссійскихъ степей); огромная сила требовала упражненія, исхода и находила ихъ. Но все-таки оставался большой запасъ ея,—этотъ избытокъ обращался внутрь и истрачивался на пущее усиленіе «центральнаго *я*»,—гипертрофія личности все усиливалась... Въ своемъ родѣ Сизифова работа...

Оттуда, между прочимъ, получалось ложное впечатлѣніе *эгоизма,* будто бы являющагося дѣйствительною пружиною всѣхъ этихъ дѣлъ, стремленій, плановъ, предпріятій. Въ минуты тяжелаго самочувствія, подъ вліяніемъ призрака мнимаго эгоизма, Толстой могъ писать напр. такія покаянныя строки: «Какъ ни смотришь на себя — все мечтательный эгоистъ, который и *не можетъ* быть ничѣмъ другимъ. Гдѣ ее взять—любви и самопожертвованія, когда нѣтъ въ душѣ ничего, кромѣ себялюбія и гордости. Какъ ни поддѣлывайся подъ самоотверженіе, все та же холодность и разсчетъ на днѣ»... (Изъ письма къ гр. А. А. Толстой, 1858 г. «Толст. Музей», I, 95).

Черезъ 20 лѣтъ это самобичеваніе повторится въ гиперболическомъ видѣ въ «Исповѣди». Какъ тамъ, такъ и тутъ, въ существѣ дѣла, это — иллюзія, вызванная все растущей гипертрофіей «я», являющей ложный видъ эгоизма, себялюбія, гордости и т. п.—И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь только съ точки зрѣнія высшей и неумолимой этики самоотверженія и аскетизма, даже не столько христіанской, сколько буддійской, можно называть «эгоистическою», «себялюбивою» дѣятельность Толстого, какъ художника, или какъ педагога въ Яснополянской школѣ, или

какъ автора разныхъ практическихъ общеполезныхъ проектовъ, въ родѣ облѣсенія степей.

Но въ тѣ годы Толстой былъ еще очень далекъ отъ этой исключительной морали—не отъ міра сего. Онъ весь былъ мірской и земной, и, конечно, ни ему самому, ни кому-либо другому не могло и въ голову прійти, что когда-нибудь этотъ большой художникъ, этотъ большой баринъ, этотъ своеобразный дѣятель, съ неисчерпаемымъ запасомъ творческой энергіи, вдругъ броситъ все и станетъ искать пристанища въ самоотреченіи, въ жизни праведной, въ святости, въ «служеніи Богу».

Зато теперь, заднимъ числомъ, мы понимаемъ скрытый смыслъ тѣхъ самобичеваній и тѣхъ покаянныхъ настроеній, которыхъ образчикомъ являются вышеприведенныя строки. То были сполохи далекой грозы. И мы догадываемся, что всякій разъ, когда это случалось, его душевная атмосфера, насыщенная напряженной энергіей, становилась невыносимо тяжелой. Гроза не осуществлялась... Накопленная сила искала выхода,—но никакого другого приложенія не могла найти, кромѣ все той же творческой работы, художественной и иной, да еще — въ «игрѣ» разныхъ затѣй, проектовъ, плановъ. Но, какъ въ той, такъ и этой формѣ она одинаково, въ концѣ концовъ, обращалась на вящшее усиленіе личности Толстого и приводила къ дальнѣйшей гипертрофіи его «я». Большой художникъ, обнаружившійся въ 50-хъ годахъ («всѣхъ насъ заклюетъ, хоть перо бросай!»—уже тогда говаривалъ Писемскій), къ концу 60-хъ, послѣ «Войны и Мира», выросъ въ мірового генія, въ одну изъ тѣхъ величинъ, которыя во всей исторіи человѣчества насчитываются лишь десятками. А тутъ еще изобиліе всѣхъ благъ земныхъ, личное счастье, несокрушимое здоровье тѣла и духа, общее признаніе, граничащее съ изумленіемъ передъ этимъ чудомъ художественной геніальности, далѣе—несомнѣнное сознаніе самимъ Толстымъ этой силы своей, все это, при исключительномъ эгоцентризмѣ его натуры, подливало масла въ огонь, усугубляя тяжесть психическаго давленія. «Паукъ», распускавшій во всѣ стороны паутину «любви» и ловившій туда все, что̀ попало, самъ росъ, тучнѣлъ и разбухалъ. И тяжко было ему, и все чаще вспыхивали сполохи, предвѣщавшіе освѣжительную грозу, а гроза все еще была далеко...

Въ эти годы особливо мучительною становилась мысль о смерти. Ибо ужъ очень напряженно было личное самочувствіе, и слишкомъ настойчиво самосознаніе. Прійдетъ смерть и—вся эта

паутина духа оборвется, все исчезнетъ, все пойдетъ прахомъ,—вмѣстѣ съ тѣломъ сгніетъ подъ землею и это славное, это могучее, весь міръ поглотившее, «я»,—единственное, неповторяемое... Нирвана, бездна...

Если все прочее,—искусство, слава, счастье, жизнь,—вызывали сугубую гипертрофію личности, насыщая ее положительнымъ содержаніемъ, то призракъ смерти приводилъ къ тому же эффекту, дѣйствуя отрицательно. Нити паутины обрывались на краю бездны. Не протянуть ихъ въ Нирвану, да и нечего тамъ ловить. Тамъ пустота... Небытіе...

Для гипертрофированнаго «я» эта перспектива непереносима. Загадка смерти становится вопросомъ, отъ котораго нельзя отдѣлаться невѣдѣніемъ или отводомъ—за неимѣніемъ данныхъ для рѣшенія. Необходимо, во что бы ни стало, рѣшить его и при томъ непремѣнно—въ смыслѣ, для гипертрофированнаго «я», утѣшительномъ: смерти нѣтъ,—человѣкъ умираетъ только для того, чтобы перейти въ другую форму существованія. Въ какую? Конечно, въ высшую, лучшую...

Натуры, какъ Толстой, никогда не скажутъ того, что говорилъ Базаровъ: «смерть меня отрицаетъ—и баста». Онѣ скажутъ наоборотъ: *я* отрицаю смерть—и баста!

Но это дѣло нелегкое. Прежде чѣмъ добиться столь категорическаго отрицанія, прійдется пройти трудный путь исканій, все время томясь невыносимою «духовной жаждою»,—на этомъ пути нужно будетъ пережить и ту грозу, которую давно ужъ предвѣщаютъ зарницы покаянныхъ настроеній.

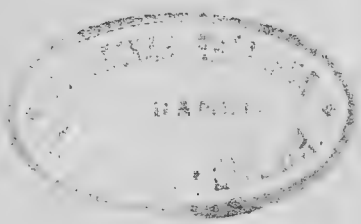
А главное—не только не отвлекаться отъ себя, но еще пуще сосредоточиваться въ себѣ,—упорствовать въ своемъ самоутвержденіи—на самомъ краю бездны и продолжать плести все ту же паутину, все дальше и глубже протягивать ея нити;—ловить все, что попадетъ, но такъ, чтобы это была ужъ подлинно «паутина любви», великой всечеловѣческой любви, а не только,—паутина художественнаго интереса и сочувствія, или—мірской дѣятельности, въ которой слишкомъ требовательное моральное чувство не можетъ разобраться и уяснить себѣ, гдѣ кончается альтруизмъ и гдѣ начинается эгоизмъ, и всюду видитъ призраки себялюбія, гордости, тщеславія.

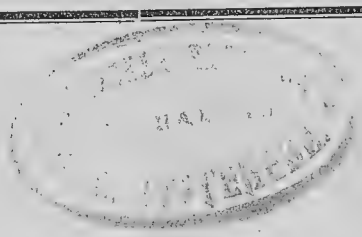
И въ свой чередъ, какъ таетъ воскъ отъ лица огня, исчезнутъ эти галлюцинаціи слишкомъ гипертрофированнаго моральнаго чувства. Онѣ уступятъ свое мѣсто другимъ формамъ той же моральной гипертрофіи—любви ко всему сущему, въ родѣ буд-

дійской, настойчивому умаленію своихъ заслугъ, самоуничиженію, смиренію. Тренировка души въ этомъ направленіи приведетъ къ блаженному ощущенію психической легкости,—къ освобожденію отъ тяжести эгоцентризма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ страха смерти. Человѣкъ чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ поднялся выше всего человѣческаго, какъ это чувствовали индійскіе аскеты и вообще всѣ праведники не отъ міра сего...

Съ точки зрѣнія личности, стремящейся освободиться отъ себя самой, вопросъ рѣшенъ. Но рѣшенъ ли онъ для «міра сего», какъ несомнѣнно думалъ Толстой?..

Д. Овсянико-Куликовскій.





ВЕЧЕРНЯЯ РОНДЕЛЬ.

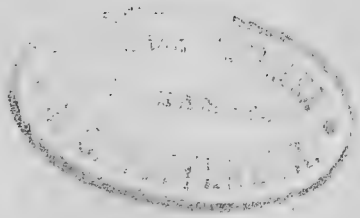
Неуловимая, какъ тѣни,
Пришла печаль во мглу долинъ,
И я—мгновеній властелинъ—
Склоняю передъ ней колѣни

Въ истомѣ сумеречной лѣни.
Мнѣ хорошо—я не одинъ:
Неуловимая, какъ тѣни,
Пришла печаль во мглу долинъ.

И много смутныхъ сновидѣній—
Забытыхъ, умершихъ картинъ
Встаетъ, плыветъ среди руинъ,
И сердце сладко ранятъ пени—

Неуловимая, какъ тѣни,
Пришла печаль во мглу долинъ.

Павелъ Зоревъ.



СВЯТЫНЯ.

Разсказъ.

1.

Инженера Москвитина считали способнымъ работникомъ, и у начальства онъ былъ на виду,—но до сихъ поръ жалованіе онъ получалъ небольшое, а будущее рисовалось еще довольно неопредѣленно. Не будь у жены маленькаго приданаго, нечего было бы и мечтать о свадебной поѣздкѣ въ Египетъ. Съѣздили бы на Иматру или, въ лучшемъ случаѣ, къ теткѣ въ Воронежскую губернію,—и довольно.

Москвитинъ и радъ былъ, что совсѣмъ неожиданно попадетъ туда, гдѣ такъ много красокъ, пальмъ и солнца,—и въ то же время немножко огорчался. Почти съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ къ полной самостоятельности, къ собственному заработку. И теперь было неловко, что, вотъ, не самъ онъ ѣдетъ, а какъ будто бы его везутъ.

Когда попробовалъ-было заговорить на эту тему съ невѣстой, та очень обидѣлась, сначала сдѣлала большіе глаза, а затѣмъ даже всплакнула.

Конечно, онъ имѣетъ полное право раздѣлять «мое» и «твое». Но это доказываетъ только, что у него не настоящая, неглубокая любовь, и что онъ—эгоистъ.

— Ну, какъ же—ненастоящая?—уныло возразилъ Москвитинъ и въ глубинѣ души тоже обидѣлся, но постарался тщательно скрыть это нехорошее чувство.—Вѣдь ты сама хорошо знаешь, Туся...

— Я и говорю то, что знаю! Ты—эгоистъ. И уже съ самаго начала хочешь раздѣлять. При такомъ отношеніи я очень легко могу сдѣлаться для тебя бременемъ, лишней обузой.

— Вотъ ты опять плакать! Даю тебѣ честное слово, Туся...

Какъ бы то ни было—поѣхали.

Послѣ вѣнчанія выпили въ квартирѣ родителей невѣсты по бокалу шампанскаго и приняли поздравленія. А изъ квартиры—прямо на вокзалъ и въ вагонъ скораго одесскаго поѣзда. На улицѣ—мокрый снѣгъ, туманъ, вѣтеръ. У тещи носъ опухъ отъ слезъ, а глаза почему-то злобно косятъ и моргаютъ. На платформѣ раздраженно и нетерпѣливо толкутся незнакомые родственники. А въ двухмѣстномъ купе перваго класса—тепло, свѣтло и, главное, одиноко.

— Наконецъ-то, Туся!

— Какъ я рада, что кончилась вся эта суета, Петюкъ!

Старыя такія, штампованныя слова, которыя всюду и всѣми говорятся въ подобномъ случаѣ, но другихъ, пожалуй, не придумаешь,—да и не нужно.

Черезъ часъ послѣ отъѣзда, взволнованные поцѣлуями и одинокой близостью, пошли зачѣмъ-то въ вагонъ-ресторанъ, попробовали ужинать.

— Почему ты не кушаешь, Туся?

— Ну, какъ ты не понимаешь? Просто не хочется.

— И мнѣ тоже. Лучше пойдемъ домой, а?

Но и домой, въ купе, тоже не шли почему-то, медлили. Туся играла мужниным портсигаромъ.

— Надо будетъ тебѣ новый подарить. Этотъ плохо закрывается. Видишь?

— Право, лучше пойдемъ, Туся... Тутъ нехорошо! Чужіе сидятъ... Смотрятъ...

Дома Туся плотно закуталась въ пледъ, хотя было натоплено жарко, прилегла, свернувшись калачикомъ.

— Я подремлю немного. А ты полѣзай наверхъ. Вѣдь ты тоже усталъ, навѣрное?

— Ладно, ладно! Я только подожду, пока ты уснешь.

Задернулъ занавѣску фонаря и скромно присѣлъ у Тусиныхъ ногъ, прислушиваясь, какъ душа поетъ отъ бодраго и увѣреннаго счастья. Робко погладилъ самый кончикъ высокаго дорожнаго башмачка. Вотъ, всю жизнь будетъ беречь ее, холить, понесетъ бережно, какъ драгоцѣнный хрустальный сосудъ, черезъ всѣ невзгоды и бѣды. И пылинкѣ не дастъ упасть на милое, ласковое лицо, ничтожной пылинкѣ.

Туся сначала только плотно сжимала вѣки и старалась дышать поглубже, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ крѣпко уснула. Открыла глаза уже послѣ полуночи, не сразу поняла,—гдѣ она,—

и не сразу разглядѣла въ густомъ синемъ полумракѣ сидящаго Москвитина.

— Ты такъ еще и не спалъ, родной?

Задумалась на мгновеніе, поняла что-то хорошее и вдругъ радостно приникла къ мужу, отбросила пледъ,—жарко съ нимъ.

— Родной мой, чуткій... Вотъ главное—чуткій! Я думала, что вы всѣ—грубые, и что вамъ—все равно... А ты—такой чуткій, хорошій, добрый... Ну, какъ я люблю тебя, какъ люблю... Всего, всего люблю... Сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ я спала, и не будилъ.

— Только не цѣлуй такъ, Туся. Я лучше наверхъ полѣзу, хорошо?

— Подожди...

Поѣздъ все мѣряетъ версты одну за другой, десятки, сотни. И пусть бы имъ конца не было, этимъ верстамъ. И не восходило бы солнце.

— Слишкомъ много даешь ты мнѣ счастья, Туся! Еще только на какой-нибудь волосочекъ больше—и тогда уже умереть. Не выдержитъ душа, понимаешь?

Но есть конецъ и верстамъ, и ночи. Совсѣмъ посвѣтлѣло, незамѣтно погасъ фонарь за все еще плотно задернутой занавѣской. Туся причесывается у вдѣланнаго въ задвижную дверь зеркала.

— Вдругъ кто-нибудь откроетъ, Петюкъ? Проводникъ или кондукторъ... У нихъ такіе ключи есть, даже если изнутри заперто...

— Убью. Никто не смѣетъ тебя видѣть. Ты—моя!

— А теперь не будешь говорить «мое» или «твое»? Или по-прежнему?

Вотъ этого, пожалуй, не нужно. Но недовольство скользнуло, какъ легкая тѣнь, потонуло въ солнечной безднѣ счастья.

— Въ ресторанъ я не пойду, Петюкъ. Всѣ тамъ будутъ смотрѣть, догадаются. На мнѣ такъ и написано, на всей...

— Можно сюда заказать.

— Все равно,—придетъ лакей. И здѣсь будетъ еще хуже. Потерпимъ какъ-нибудь, а?

— Потерпимъ.

Москвитинъ и въ самомъ дѣлѣ готовъ терпѣть, сколько угодно. Если понадобится—до самаго Египта, до крокодиловъ. Дали хорошую тренировку еще не забытые студенческіе обѣды; два блюда съ хлѣбомъ за четырнадцать копѣекъ. Но у Туси совсѣмъ другое воспитаніе и другія привычки.

— Нѣтъ, Петюкъ, очень ужъ хочется... Хотя бы маленькій глоточекъ кофе и бисквитикъ.

Пошли въ ресторанъ. Первые шаги по пустому корридору Туся сдѣлала, густо краснѣя, опустила голову и шагала преувеличенно мелкими шажками. Но вдругъ хлопнула встрѣчная дверь и втиснулся толстый кондукторъ, весь сырой отъ утренняго тумана и съ обвисшими, какъ у моржа, сѣдыми усами. И Туся совсѣмъ неожиданно для Москвитина вдругъ вся подобралась, выпрямилась, закинула назадъ голову съ независимымъ такимъ и даже гордымъ видомъ. Коротко спросила у отсырѣвшаго моржа такимъ тономъ, какимъ всегда спрашиваютъ незамѣтныхъ людей:

— Ресторанъ—тамъ?

— Точно такъ, сударыня! Сосѣдній вагонъ-съ.

Тріумфаторомъ поплыла дальше, а Москвитинъ плелся слѣдомъ и крѣпко чесалъ себѣ лѣвую бровь.

Въ ресторанѣ Туся сама заказывала кофе и булочки съ масломъ, сдѣлала строгое замѣчаніе лакею за не совсѣмъ чистую чашку. И какъ ни присматривался Москвитинъ—ничего не могъ уловить въ ея прозрачномъ взглядѣ, кромѣ равнодушнаго, обыденнаго спокойствія. Только вотъ голову закидывала черезчуръ уже гордо,—но и это можно было принять за простую привычку.

Конечно—такъ и нужно, но вѣдь онъ-то самъ, Москвитинъ, отлично знаетъ, что это—только ловко надѣтая маска. И было немножко досадно, что маска надѣта именно такъ ловко. А можетъ быть, онѣ всѣ такія,—женщины? И всѣ умѣютъ лгать, притворяться, скрывать настоящее?

Въ ресторанѣ почти всѣ столики заняты, но публика все чужая, равнодушная другъ къ другу, какъ и къ телеграфнымъ столбамъ, что надоѣдливо мелькаютъ за окнами. Даже если бы Туся и не старалась лгать—никто не замѣтилъ бы. Вотъ рядомъ беззубый старикъ пьетъ, причмокивая, горячее молоко и, конечно, думаетъ только о томъ, чтобы не расплескать стаканъ и не обжечься.

— Хочешь еще кофе, Туся?

— Разумѣется... А ты что же? Только раскрошилъ булку, какъ маленькій. Ты всегда, когда задумаешься, такъ начинаешь крошить булку!

И вдругъ въ дѣланно равнодушныхъ глазахъ промелькнулъ огонекъ, плутоватый и обжигающій, въ одно мгновеніе опять связалъ неразрывно. Москвитинъ чуть не сказалъ вслухъ:

— Радость ты моя, свѣтъ мой!

Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, только-что можно было думать о такихъ глупостяхъ?

Поѣздъ изрѣдка останавливался, выплевывалъ на скользкія платформы нѣсколько пассажировъ и глоталъ новыхъ. Москвитинъ съ Тусей смотрѣли на нихъ изъ окна своего купе и смѣялись. Чудаки такіе... Куда-то тоже ѣдутъ, мечутся, пожалуй,—гонятся за счастьемъ. А счастье на всей землѣ только одно, и все оно здѣсь, въ маленькомъ двухмѣстномъ купе.

— Ни съ кѣмъ не подѣлимся, Петюкъ!

— Ну, вотъ еще... Пускай силой берутъ, если посмѣютъ.

И ни разу не вспомнили о Египтѣ, о пальмахъ, о золотомъ горячемъ пескѣ,—о чемъ такъ много говорили передъ свадьбой. Все равно, куда ни ѣхать. Въ Египетъ—такъ въ Египетъ, но можно было бы и на островъ Борнео.

И передъ завтракомъ, и передъ обѣдомъ, и передъ ужиномъ Тусѣ приходилось подолгу поправлять прическу и слегка припудривать слишкомъ ярко рдѣвшія щеки. А въ корридорѣ и въ людномъ ресторанѣ Москвитинъ уже не удивлялся, что у Туси такой обыденно-равнодушный видъ. Такъ нужно. Если Туся этого хочетъ и можетъ—такъ нужно.

Вотъ и опять вечеръ. Франтоватый, съ черными усиками, проводникъ приготовилъ постели и почему-то слишкомъ многозначительно пожелалъ спокойной ночи.

— Видишь, Туся... Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Москвитину весело, но Туся разсердилась, закусила губу.

— Оставь, пожалуйста! Развѣ ты не понимаешь, какъ это грубо?

Нѣтъ, не понимаетъ, не можетъ понять. Если бы его воля—вышелъ бы на площадь, кричалъ бы, какъ звонкій вѣстникъ своего собственнаго восторга: «Моя Туся, моя, моя! Слышите вы всѣ, сѣренькіе, бѣденькіе, безсчастные? Моя, моя!»

Но нѣтъ площади, а Туся сердится и надо ее утѣшать. И некогда подбирать слова для утѣшенія. Лучше ужъ такъ, безъ словъ.

Еще очень хотѣлось спать, когда утромъ проводникъ постучалъ въ дверь:

— Раздѣльную миновали, вашество... Подъѣзжаемъ.

2.

Пароходъ уходитъ завтра въ полдень. Цѣлый день можно гулять по широчайшимъ тротуарамъ, смотрѣть на нарядныя магазинныя витрины и на одесситовъ,—тоже нарядныхъ и такихъ

суетливыхъ, что даже широчайшіе тротуары кажутся тѣсноватыми. Въ витринахъ—много фальшивыхъ брилліантовъ и накладного серебра, а у одесситовъ—грязныя рубашки съ безупречно чистыми крахмальными воротничками.

Туся не разъ бывала и въ Швейцаріи, и на итальянскихъ озерахъ, но по этимъ тротуарамъ ходитъ впервые. Слышала только отъ тетки, которая лѣчилась на лиманѣ, что люди здѣсь сплошь или мошенничаютъ съ какимъ-то хлѣбомъ, или торгуютъ живымъ товаромъ.

Москвитину никого не хочется бранить.

— Зачѣмъ же такъ, Туся... Видишь, они какіе,—веселые. И, должно быть, солнышко любятъ. А у тетки твоей просто было дурное настроеніе отъ грязевыхъ ваннъ.

Зашли въ писчебумажный магазинъ, купили дорожное перо съ резервуаромъ—самой новой системы—и кипу открытокъ съ видами. Потомъ въ кафе. Туся исписала этихъ открытокъ больше дюжины. Адреса разные, а текстъ вездѣ одинъ и тотъ же: «Доѣхали благополучно. Здѣсь совсѣмъ тепло и море спокойное. Петръ вамъ кланяется».

— Зачѣмъ такъ много?

— Нужно же извѣстить родню! А если кого-нибудь пропустить—обидятся.

— Тогда ужъ лучше бы циркулярную телеграмму.

Иллюстрированныя открытки Москвитину не нравятся. Ему кажется, что выдумалъ ихъ какой-нибудь очень лѣнивый, очень лукавый и очень пошлый человѣкъ. Вмѣсто собственныхъ впечатлѣній извольте: отпечатанное разъ навсегда синее море, розовый берегъ, бѣлое облачко. Совсѣмъ разные люди, добрые и злые, чуткіе и тупые, съ большимъ удобствомъ могутъ посылать все одно и то же синее море съ розовымъ берегомъ. А чѣмъ меньше оставлено мѣста для самаго письма—тѣмъ лучше.

— Вѣдь это же ложь,—твои открытки!

— А развѣ мы плохо доѣхали?

— Да нѣтъ, не въ томъ дѣло. Почему теткѣ—Ланжеронъ, а Надеждѣ Дмитріевнѣ—Воронцовская лѣстница? И никому ни слова о томъ, какъ тебѣ самой, а не фотографу, показался городъ.

— Ну, знаешь... Если бы писать каждому... Вотъ что всѣ здѣсь мошенники—это правда. Увѣряли, что самое лучшее перо, а оно уже не пишетъ.

День тянулся длинно,—совсѣмъ не такъ, какъ въ поѣздѣ,—и къ вечеру Москвитинъ удивленно почувствовалъ легкій при-

вкусъ скуки. Сначала даже не повѣрилъ самому себѣ. Не можетъ быть. Вѣдь вотъ же оно,—счастье. Ничто не измѣнилось со вчерашняго дня, а только углубилось, окрѣпло. А все же народилась скука,—такая липкая, злая.

Были въ это время уже у себя въ гостиницѣ. Туся устала, замѣнила шнурованные ботинки мягкими туфельками. И сидѣла въ низенькомъ креслѣ вялая, полузакрывъ глаза. Видно было, что сейчасъ ей не до поцѣлуевъ. Москвитинъ попробовалъ заглушить несносное чувство чѣмъ-нибудь также близко связаннымъ съ ихъ любовью, но не такимъ плоскимъ, какъ эти поцѣлуи.

Уже года два писалъ онъ большую научную работу, касавшуюся совсѣмъ еще мало разработанной области. И надѣялся, что такая работа, въ случаѣ удачи, можетъ сразу дать крупное имя. Сейчасъ мысли невольно направились по привычному руслу.

— Какъ ты думаешь, Туся, успѣю ли кончить къ будущему году? Весь день отнимаетъ служба, но если бы заниматься регулярно хотя бы часа полтора по вечерамъ... Главное—вычисленія, ну и еще тамъ кое-какія детали... А весь остовъ у меня давно уже готовъ.

Туся лѣниво подняла усталые глаза.

— Ты объ чемъ это?

— Конечно,—о работѣ. Объ чемъ же еще...

— Охъ, знаешь... Я не сомнѣваюсь, что ты очень умный. Но только теперь ты могъ бы и подождать еще немного, прежде чѣмъ заниматься вычисленіями.

— Я думалъ, что для тебя тоже имѣетъ извѣстное значеніе...

— Конечно, имѣетъ... И, конечно, я очень интересуюсь всѣмъ, что тебя касается. Только не сейчасъ. Вотъ пріѣдемъ домой, окончательно обставимъ квартиру, устроимся... Тогда—совсѣмъ другое дѣло.

Москвитинъ внимательно посмотрѣлъ на запыленную люстру въ три лампочки и очень живо представилъ себѣ, какъ именно онъ будетъ вмѣстѣ съ Тусей обставлять квартиру и устраиваться. Конечно, повѣсятъ драпировки и гардины и даже, пожалуй, назначатъ пріемный день. И вдругъ сдѣлалось еще скучнѣе.

Вотъ только-что совершилось то, что должно связать ихъ крѣпче желѣза. А между тѣмъ, иногда кажется, что это—не прочныя звенья, а только легкій мостикъ, такой хрупкій.

— Мнѣ очень хочется грушъ!—сказала Туся.—Я видѣла неподалеку въ магазинѣ хорошій дюшесъ. Такъ хочется...

— И отлично... Я схожу и куплю.

— Зачѣмъ же самъ? Можно послать кого-нибудь.

— Ну и купятъ дрянь. А я выберу.

И поспѣшно собрался, криво накрылся котелкомъ, кое-какъ натянулъ пальто. Рысью сбѣжалъ по лѣстницѣ, но на улицѣ замедлилъ шагъ, вытеръ вспотѣвшій лобъ платкомъ.

Умница Туся, милая Туся. Ей захотѣлось грушъ,—а вотъ ему самому необходимо хотя бы нѣсколько минутъ пробыть наединѣ, разобраться. Или даже просто, ни въ чемъ не разбираясь, идти и не чувствовать на себѣ чужого взгляда, быть совсѣмъ самимъ собою.

Въ магазинѣ долго выбиралъ груши, обстоятельно торговался. А расплатившись за груши, вернулся съ порога и купилъ еще коробку фиников. Но все время стояла за спиной мысль, что Туся ждетъ и можетъ разсердиться, а потому не было и самаго нужнаго,—чувства свободы.

Туся не сердилась,—Москвитинъ осторожно положилъ на столъ свертки. Самъ присѣлъ поодаль и ждалъ. Туся спала, слегка всхрапывая, и даже присвистывала носомъ,—и это было нехорошо, неэстетично.

— Господи, какая я скотина!—убѣжденно подумалъ Москвитинъ и вздохнулъ.

И еще разъ вздохнулъ, и еще. А потомъ въ глазахъ оказался песокъ и нижняя челюсть нѣмѣла отъ зѣвоты. Въ ногахъ, послѣ усердной дневной ходьбы, горячо гудѣла кровь. Раздѣться бы и лечь,—но неловко раньше Туси. Чтобы лучше бороться съ дремотой, хотѣлъ-было закурить и уронилъ портсигаръ. Туся проснулась.

— Что я? Гдѣ?

Отъ грушъ отказалась. Нѣтъ, теперь уже не хочется. Если бы немножко раньше... А теперь—спать.

— Отвернись, Петюкъ, я буду раздѣваться! Или нѣтъ,—помоги мнѣ сначала разстегнуть кнопки.

Въ постели только на одну первую минутку цѣликомъ охватило радостное чувство покоя, а затѣмъ опять проснулись желанія. И Туся не противорѣчила, но замѣтно было, что всему другому она, все-таки, предпочла бы сонъ.

Утромъ у Туси было усталое лицо съ желтизной, а у Москвитина во рту—горько, какъ съ похмелья. Кромѣ того, проспали до десяти, а пароходъ уходитъ въ двѣнадцать, и Туся рѣшила, что они непремѣнно опоздаютъ. Наскоро выпили по маленькой чашкѣ кофе безъ хлѣба и поѣхали—голодные.

Спустились въ портъ и, какъ зернышко въ закромѣ, совсѣмъ потонули въ грудахъ ящиковъ и бочекъ, въ грохочущихъ подводахъ, въ медленно передвигающихся красныхъ вагонахъ, въ большомъ гуртѣ широкорогихъ сѣрыхъ быковъ. И внизу, на перекрещенныхъ путяхъ, и надъ головами, на эстокадѣ, ухали и дымили паровозы. Грохотали паровыя лебедки. Туся испугалась, заметалась въ разныя стороны.

— Ужасъ какой... Нѣтъ, это, просто, ужасъ, что такое...

Москвитинъ крѣпко придерживалъ жену, обнявъ за талію,— чтобы какъ нибудь не выпрыгнула изъ пролетки. И самъ чувствовалъ себя здѣсь, въ суетѣ и шумѣ, какъ рыба въ водѣ.

Совсѣмъ было стѣснились въ какихъ-то воротахъ, но потомъ вырвались, какъ пробка изъ бутылки, на болѣе просторное мѣсто. Сильнѣе запахло моремъ, и изъ-за низенькой крыши пакгауза неожиданно близко выдвинулся бортъ парохода съ блестящими мѣдными кругами иллюминаторовъ и лоснящейся свѣжей окраской.

— Вотъ онъ!—обрадовался Москвитинъ.—Красавецъ какой!

Перепуганная Туся ничѣмъ не хотѣла любоваться. Только бы поскорѣе доѣхать. И въ радости инженера осѣло мутнымъ осадкомъ унылое недовольство. Было бы лучше, если бы и Тусѣ нравилось то, что любилъ онъ самъ. Даже подумалъ вслухъ:

— Какъ можно не понимать этой красоты?

Долго раздумывать некогда. Началась возня съ багажемъ, съ квитанціями, съ вѣсами. Тусю инженеръ помѣстилъ подъ какой-то навѣсикъ, гдѣ уже сидѣли дама съ двумя мальчиками и дочерна загорѣлый турокъ въ фескѣ.

— Подожди здѣсь немного,—и не уходи никуда.

Помчался въ жандармскую комнату, предъявилъ паспортъ. Толстый вахмистръ съ лѣнивой медлительностью хронически скучающаго человѣка долго листовалъ и читалъ паспортъ, даже посмотрѣлъ на свѣтъ заглавную страницу. Потомъ развернулъ огромную книгу въ зловѣщемъ черномъ переплетѣ и размахнулся было писать, но посадилъ кляксу и отправился въ сосѣднюю комнату,—искать новое перышко. Когда дѣло наладилось, пришелъ другой жандармъ, принесъ какія-то вѣдомости. Вахмистръ отложилъ въ сторону паспортъ и занялся вѣдомостями. У Москвитина даже засвербило въ носу отъ нетерпѣнія и обиды.

— Нельзя-ли поскорѣе?

— Нельзя-съ!

Воздухъ задрожалъ отъ пароходнаго гудка.

— Пожалуйста... Меня жена ждетъ!

Вахмистръ посмотрѣлъ на инженера, какъ догъ на болонку. А другой, съ вѣдомостями, покрутилъ усы и усмѣхнулся. Въ носу засвербило сильнѣе. Москвитинъ открылъ уже ротъ, чтобы потребовать офицера и предъявить жалобу, но сообразилъ вò-время, что это только затянетъ дѣло, а вѣдь Туся-то ждетъ. И почувствовалъ себя связаннымъ.

Наконецъ страничка изъ паспорта вырѣзана, наложенъ штемпель. Въ траурной черной книгѣ записано все, что слѣдуетъ. Москвитинъ полетѣлъ подъ навѣсикъ. Нѣтъ ни Туси, ни дамы съ мальчиками. Сидитъ и дремлетъ одинъ только загорѣлый турокъ.

Инженеръ ухватился за какого-то господина въ форменной морской фуражкѣ и черномъ люстриновомъ кителѣ.

— Простите, пожалуйста... Вотъ тутъ только-что... только-что жена моя была... Невысокая, шатенка, въ бѣлой шляпкѣ. Вы не видѣли?

Господинъ, вмѣсто отвѣта, самъ озадачилъ вопросомъ:

— А вы не Москвитинъ будете?

— Да, да... Такъ вотъ, я говорю: въ бѣлой шляпкѣ, не высокая...

— Петруха?

Москвитинъ вглядѣлся. До сихъ поръ смотрѣлъ не на лицо, а на кокарду и на китель. Вглядѣвшись, сразу узналъ стараго знакомаго, товарища по институту.

— Рублевъ, голубчикъ... Ты почему здѣсь?

— Да вотъ,—послѣ многихъ бурь житейскихъ состою на семъ пароходѣ старшимъ механикомъ. А ты уже и жену завелъ, стало быть?

— Какъ же... Просилъ ее подождать вотъ тутъ, подъ навѣсикомъ.

— Ничего. Жена—не брилліантовый перстень. Найдется! И до отвала еще часъ битый... По службѣ-то какъ? Успѣшно? Да давай, хоть поцѣлуемся, что-ли... Вѣдь лѣтъ пять не видѣлись.

Рублевъ—человѣкъ хорошій, хотя и большой неудачникъ, и въ другое время Москвитинъ первый принялся бы съ нимъ цѣловаться, но сейчасъ всѣ мысли—только о Тусѣ. Разсѣянно чмокнулъ механика въ жесткія губы и сейчасъ же отвернулся, высматривая. Механикъ обиженно крякнулъ.

— Что-то ты, братъ, того... Закрутился, я вижу! Вонъ тамъ, у трапа, какая-то жена стоитъ. Не твоя ли?

— Господи... Конечно—она!

Механикъ еще о чемъ-то разспрашивалъ, пробовалъ даже удержать стараго товарища за рукавъ, но Москвитинъ вырвался и побѣжалъ къ трапу.

Туся—въ слезахъ и, должно быть, давно уже, потому что носовой платочекъ совсѣмъ мокрый.

— Это возмутительно... Гдѣ ты пропадалъ столько времени?

— Такъ вѣдь я же просилъ тебя подождать подъ навѣсикомъ! Зачѣмъ ты ушла?

— Очень хорошо,—подъ навѣсикомъ! Бросилъ, гдѣ попало, и самъ исчезъ. А тамъ какой-то турокъ... Сначала строилъ глазки, а потомъ просто взялъ и толкнулъ колѣномъ. Не могла же я...

Москвитинъ грозно обернулся въ сторону навѣсика.

— Этакій негодяй... Вотъ я его сейчасъ...

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста... Еще не хватало, чтобы ты публичный скандалъ затѣялъ! Бросилъ жену и самъ съ кѣмъ-то тамъ мирно бесѣдуетъ. Я вѣдь видѣла.

— Меня съ паспортомъ очень долго задержали, Туся. А это—Рублевъ, однокашникъ мой. Онъ меня первый узналъ. Очень хорошій человѣкъ, Туся.

— А гдѣ багажъ?

— Уже въ каютѣ, навѣрное... Пойдемъ!

Теперь, когда Туся нашлась, стало жаль, что не успѣлъ толкомъ переговорить съ механикомъ. А Рублевъ—человѣкъ самолюбивый. Пожалуй,—обидѣлся.

— Пойдемъ въ каюту!—уже съ нескрываемой злостью повторилъ Москвитинъ.—И, пожалуйста, не волнуйся безъ толку. Неприлично даже. Посторонніе люди смотрятъ на тебя и смѣются.

3.

Каюта у Москвитиныхъ—литерная, на верхней палубѣ, съ большимъ окномъ и двумя англійскими кроватями вмѣсто обычныхъ пароходныхъ коекъ. Обошлась такая каюта вдвое дороже обыкновенной, и Москвитину очень жаль было платить лишнія деньги, но Туся, конечно, настояла на своемъ. И нельзя даже было особенно спорить, потому-что деньги на поѣздку шли вѣдь изъ Тусина приданаго.

И вообще весь пароходъ, совсѣмъ новый, только-что выпущенный изъ шотландскихъ верфей, былъ отдѣланъ съ солид-

ной и умной англійской роскошью, которая приводила въ восторгъ Тусю, а инженера слегка раздражала.

— Не понимаю... Вѣдь на землѣ-то мы живемъ не во дворцахъ, а въ самыхъ обыкновенныхъ квартирахъ. Почему же для путешествія обязательно нуженъ дворецъ?

Въ курительной комнатѣ—большой, отдѣланный темнымъ орѣхомъ, каминъ. И въ каминѣ тлѣютъ слегка подернутые сѣроватымъ пепломъ дрова. Красиво и уютно, но дрова—не настоящія, а изъ матоваго раскрашеннаго стекла, и освѣщаются изнутри красной электрической лампочкой. Туся сначала не повѣрила даже, потрогала пальцемъ. Холодные.

— Ну, такъ что же, что не настоящія? По крайней мѣрѣ, никогда угара не будетъ.

— Такъ вѣдь и тепла тоже!

Обошли салонъ, библіотеку, еще другой салонъ и третій, заглянули въ столовую, гдѣ маленькіе столики были уже накрыты къ завтраку. Москвитинъ по пути искалъ механика, но тотъ, должно быть, былъ въ самомъ низу, въ машинной.

Когда гудѣлъ уже третій свистокъ, вышли на палубу. Небо заволакивалось тучами,—вотъ-вотъ брызнетъ дождикъ—но было тихо и въ широкомъ кольцѣ порта вода лежала неподвижная и сѣрая, какъ свинцовая. Туся утѣшала сама себя: «Ничего, что будетъ дождикъ. Это даже очень счастливая примѣта,—уѣзжать въ дождикъ. Лишь бы не качало».

На набережной толпа провожающихъ махала платками, шляпами, зонтиками. И у всѣхъ былъ откровенно обиженный видъ: почему именно они только провожаютъ, а не ѣдутъ сами въ этомъ пловучемъ дворцѣ туда, далеко, въ полусказочную теплую страну. А уѣзжающіе явно гордились, но добросовѣстно старались скрыть это чувство подъ снисходительно-спокойной улыбкой.

Москвитинъ не успѣлъ уловить момента, когда двинулся пароходъ. Замѣтилъ, что уже плывутъ, только когда кучка людей на набережной начала сливаться въ одно пестрое пятнышко, расцвѣченное развѣвающимися платками и раскрытыми зонтиками. Туся торопливо перекрестила крошечнымъ крестикомъ изумрудную брошку на груди.

— Дай Господи, чтобы въ добрый часъ...

Отъ этого робкаго крестика и отъ дѣтски довѣрчиваго и надѣющагося Тусина голоса инженера охватила ласковая и преданная нѣжность. Поймалъ маленькую ручку, сжалъ ее крѣпко.

— Милая ты моя... Конечно,—въ добрый! Какъ же можетъ быть иначе?

Стало стыдно, что такъ недавно могъ разсердиться на жену, почти кричать на нее.

— Прости меня, родная!

Туся удивленно подняла глаза.

— За что?

— Да за все! Я—такой грубый, неловкій. Вѣдь я такъ мало имѣлъ дѣла съ женщинами. Но я исправлюсь, Туся. Увидишь, что исправляюсь.

Туся ничего не сказала,—только отвѣтила, какъ могла сильнѣе, на крѣпкое рукопожатіе мужа. Значитъ—поняла.

Берегъ былъ еще такъ близокъ, что хоть пересчитывай каждую отдѣльную постройку, каждое деревцо—а на пароходѣ уже пошла полнымъ ходомъ своя особая, такъ успокаивающе размѣренная, морская жизнь. Позвонили къ завтраку. Пассажиры сходились въ столовую, разсматривали другъ друга съ явнымъ любопытствомъ.

Въ желѣзнодорожномъ вагонѣ отношенія пассажировъ довольно примитивны. Просто ненавидятъ одинъ другого и за то, что занято лишнее мѣсто, и за то, что душно въ купе, и за то, что гдѣ-то кричитъ ребенокъ, а изъ дамскаго купе пахнетъ морскими травами. Если разговариваютъ, то только изъ чисто-эгоистическихъ побужденій: чтобы самому не было слишкомъ скучно. И на конечной станціи разстаются не только безъ огорченія, но даже съ облегченнымъ сердцемъ.

На пароходѣ, особенно передъ далекой поѣздкой, почему-то всѣ — добрые и стараются не ненавидѣть, а любить другъ друга. Не всѣмъ это удается, особенно съ непривычки, но все-таки получается въ общемъ атмосфера благожелательства и обоюднаго вниманія.

Въ столовой на столикахъ—сверкающій хрусталь и, какъ прощальный привѣтъ отъ родной земли — первые весенніе цвѣты. Капитанъ — хозяинъ и самъ наблюдаетъ, удобно ли разсаживаются его гости, и геройски беретъ на себя обязанность развлекать за столомъ дряхлую ревматическую генеральшу. Говоритъ капитанъ негромко и ласково, и черезъ фразу все вставляетъ неожиданное: «никто какъ Богъ!» — но плохо выбритое и обвѣтреное лицо у него—какъ желѣзное. Сразу замѣтно, что на Бога надѣется, но и самъ не плошаетъ.

Обнесли закусками. Больше все заграничное: сардины, ма-

ринованныя оливки, гамбургская ветчина. Только водка — русская, и графинчики прямо со льда.

Каждый столикъ — на четверыхъ, и вмѣстѣ съ Москвитиными помѣстились два господина въ новенькихъ, съ иголочки, пиджакахъ. Господинъ помоложе держитъ грудь колесомъ и часто оправляетъ пушистые усы. Другой, постарше, — весь бритый. Не только безъ бороды и усовъ, но даже и на темени, въ густыхъ черныхъ волосахъ, начисто пробритъ маленькій кружечекъ. Часто улыбается вѣжливой и въ то же время чуть насмѣшливой улыбкой. И движенія у него тоже мягкія, округленныя, а руки—красивыя, породистыя.

Разговорились еще во время закуски, — господинъ съ усами похвалилъ холодную водку,—а къ концу завтрака уже совсѣмъ познакомились и даже обмѣнялись карточками. Оказалось, что усатый — генеральнаго штаба подполковникъ, а бритый — профессоръ библейской археологіи въ римско-католической духовной академіи. И новенькіе пиджаки у нихъ сшиты спеціально для заграничной поѣздки.

Подполковникъ—человѣкъ бывалый, видимо, не стѣсняется въ средствахъ и объѣздилъ уже половину свѣта. И профессоръ тоже много видѣлъ и много знаетъ, но не такъ любитъ говорить о себѣ. Оба—совсѣмъ разные и потому особенно интересные. Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣлила Туся. Профессоръ, впрочемъ, понравился ей больше. Вино онъ пилъ пополамъ съ водой, а подполковникъ — въ чистомъ видѣ, и совѣтовалъ Москвитину дѣлать то же самое.

— Не смѣй пьянствовать, Петръ!—разсердилась Туся. — Я и не подозрѣвала, что у тебя есть такія скверныя привычки!

Подполковникъ, смѣясь, засверкалъ отличными бѣлыми зубами.

— Строгая вы! Только, простите, еще недостаточно опытная. Если мужъ пьетъ при женѣ—такъ это отъ избытка счастья и, стало быть, препятствовать нельзя.

— А безъ жены?

— Съ горя, разумѣется! И тогда тоже нельзя препятствовать, а слѣдуетъ озаботиться улучшеніемъ семейныхъ отношеній. Вообще, если мужъ ведетъ себя дурно, то корень зла всегда нужно искать въ женѣ. Вотъ, спросите хотя бы отца профессора. Онъ, конечно, человѣкъ холостой, но зато — сердцевѣдъ.

Туся обиженно повернулась къ профессору.

— Можетъ быть, и вы тоже находите...

Профессоръ улыбнулся, поигралъ на скатерти красивыми тонкими пальцами.

— Къ женщинѣ, какъ къ розѣ, нужно прикасаться осторожно, чтобы не уколоться о шипы! А въ бракѣ не всегда возможно соблюсти это необходимое условіе.

Профессоръ говоритъ по-русски, не дѣлая грамматическихъ ошибокъ, но съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, — и излишне правильно отдѣлываетъ свои фразы. Все это очень идетъ къ его безкровному выхоленному лицу и мягкимъ движеніямъ. Только зачѣмъ же шипы?

— Я еще дѣвочкой слышала, что бываютъ розы и безъ шиповъ.

— Возможно!—предупредительно согласился профессоръ,— Но найти ихъ можно только въ раю.

Подполковникъ торжествовалъ, расправлялъ усы, даже нѣсколько капель вина пролилъ на скатерть.

— Видите? Мужъ нечаянно уколется объ эти самые шипы— и вотъ уже начало семейнаго несчастья. И не виноватъ онъ будетъ. Потому что шипы для того только и сдѣланы, чтобы колоть!

Москвитинъ вслушивался въ разговоръ и очень хорошо понималъ, что все это говорится только такъ себѣ, въ видѣ необходимаго дополненія къ десерту. И самъ старался смѣяться и тоже шутилъ что то такое по поводу райскихъ цвѣтовъ, но въ душѣ, все-таки, открылась какая-то ранка. Какъ будто все это — не только шутка, потертая и захватанная, какъ старый мѣдный пятакъ, а есть тутъ и немножко близкой и знакомой правды.

— Видишь?—наставительно сказала Туся.—Выпилъ лишній стаканъ и у тебя уже испортилось настроеніе... Пойдемте на палубу, господа!

На палубѣ, послѣ веселой столовой, показалось какъ-то тускло и неуютно. Все чаще рѣзкими порывами налеталъ холодный вѣтеръ. Вода мутная, вся въ пятнахъ желтоватой пѣны, какъ въ сыпи. А на югѣ, какъ разъ тамъ, куда, вздрагивая, стремительно бѣжитъ пароходъ,—и небо, и море слились въ одну рыжевато-сѣрую расплывчатую полосу.

— Ой-ой!—вздохнулъ подполковникъ. — Какъ бы не заштормовало къ вечеру...

Туся подняла глаза кверху, гдѣ между мачтами тянулись, какъ серебристая осенняя паутина, провода искрового телеграфа— и сейчасъ же крѣпко ухватила за рукавъ мужа.

— Да уже и теперь качаетъ! Ужасно качаетъ...

Профессоръ пересталъ улыбаться и ушелъ внизъ, въ сквою каюту.

Отъ безпокойства за Тусю у Москвитина тоже засосало подъ ложечкой. Одинъ только подполковникъ какъ ни въ чемъ не бывало раскуривалъ англійскую трубочку и пускалъ по вѣтру клубы душистаго «піонера». Инженеръ не безъ робости предложилъ-было Тусѣ тоже пройти въ каюту, но та досадливо отмахнулась.

— Отстань, пожалуйста... Какъ будто ты не знаешь, что на свѣжемъ воздухѣ меньше укачиваетъ!

Туманная полоса все приближалась,—и вдругъ сразу, какъ театральный занавѣсъ, упала и съ боковъ, и сзади, и спереди сѣрая мгла. И ничего не стало во всемъ мірѣ, кромѣ этой мглы и одинокаго, сразу отсырѣвшаго и потускнѣвшаго парохода. По-прежнему шипѣли за кормой винты и равномѣрно бился подъ палубой стальной пульсъ машины, но казалось, что пароходъ остановился среди моря—заколдованный.

Въ промежуткѣ между почти вплотную придвинутой мглой и черными высокими бортами лѣниво и медленно, но все выше и круче поднимались волны. Поползъ по скользкой, начисто протертой палубѣ оставленный кѣмъ-то изъ пассажировъ складной стулъ съ ковровымъ сидѣньемъ.

— Пакость!—разсердился подполковникъ.—Посмотрю въ курилкѣ, не играетъ ли кто-нибудь въ шахматы.

Неожиданно взвылъ злобный гудокъ, выбросилъ нѣсколько высокихъ нотъ, которыя не смогли прорваться сквозь пелену и упали тутъ же, за бортомъ. Черезъ минуту или двѣ—еще разъ. И потомъ уже, съ тѣми же правильными промежутками, гудокъ все время вылъ, плевался и жаловался, и слушать его было жутко, какъ набатный колоколъ.

Только-что были повсюду разсыпаны пассажиры, нарядные, сытые,—думали о пріятномъ. Туманъ сразу смылъ краски, согналъ улыбки. И вмѣсто прежнихъ появились, какъ будто, совсѣмъ новые люди: сѣрые, злые, съ безпокойно бѣгающими глазами. Сталкиваясь, сейчасъ же расходились въ разныя стороны. И многіе слишкомъ внимательно разсматривали, перегнувшись, мутную воду за бортомъ.

— Мнѣ очень нехорошо, Петръ,—сказала Туся надорваннымъ шелестящимъ голосомъ. Инженеръ взглянулъ на ея зеленое лицо, на перекошенныя губы,—понялъ, что и въ самомъ дѣлѣ нехорошо. Торопливо повелъ къ борту, но было уже поздно:

совсѣмъ пропалъ носовой платокъ и безнадежно испортился новый костюмъ. Дежурный матросъ огорченно крякнулъ и побѣжалъ за шваброй.

— Пойдемъ лучше въ каюту, Туся... Вѣдь неудобно же...

— Все равно. Веди.

4.

Промаялся Москвитинъ почти вплоть до самаго обѣда. Носилъ Тусѣ накрошенный мелкими кусочками ледъ, потомъ лимонъ, потомъ рюмку коньяку, наконецъ добылъ въ аптечкѣ какихъ-то спеціальныхъ пахучихъ капель, похожихъ на гофманскія.

Не помогало.

Въ каютѣ, несмотря на открытое окно, испортился воздухъ. Пахло кислятиной, мокрыми полотенцами. Коврикъ—забрызганъ. А бѣдная Туся, полураздѣтая, растрепанная, уродливо корчится въ приступахъ тошноты и такъ жалка и некрасива, что страшно смотрѣть.

У самого Москвитина неистово заболѣла голова и ротъ все время переполнялся слюной. Но самое главное было въ томъ, что онъ, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могъ побороть совсѣмъ ненужнаго чувства какой-то гадливости по отношенію къ Тусѣ. За больными ему никогда не приходилось ухаживать, а жену, красивую и обожаемую, особенно трудно было видѣть въ такомъ растерзанномъ состояніи.

Конечно,—больна, страдаетъ. Но все-таки слѣдовало бы хотя немножко постараться, чтобы это не было такъ некрасиво.

Думалъ такъ, а потомъ сейчасъ же ругалъ самъ себя свиньей и подлымъ эгоистомъ. И съ удвоеннымъ усердіемъ принимался таскать лимоны и всякую другую дрянь, которая нисколько не помогала.

Къ обѣду Туся немного успокоилась. Неподвижно лежала на спинѣ, закрывъ глаза, зелено-блѣдная и съ потемнѣвшими ногтями. Инженеръ на своей кровати долго сидѣлъ молча, старался даже дышать порѣже. Но неподвижное лицо было слишкомъ похоже на лицо покойницы. Изнемогая отъ тревоги, не выдержалъ, спросилъ:

— Тебѣ не лучше, родная?

Туся чуть пріоткрыла глаза и—не сказала, а какъ-то проскрипѣла одними зубами:

— Убирайся!

Москвитинъ серьезно обидѣлся. Вышелъ было въ корридоръ, но тамъ сновала прислуга, прибиравшая у больныхъ тазы и плевательницы, и онъ явно мѣшалъ. Подождалъ, все-таки, пока не позвонили въ послѣдній разъ къ обѣду. Тогда вернулся и, просунувъ въ дверь каюты одну только голову, спросилъ, не хочетъ ли Туся чего-нибудь покушать. Чашку бульона, напримѣръ, или яйцо въ смятку. И опять вмѣсто отвѣта—скрипъ:

— Убирайся! Неужели и сейчасъ... не можешь... не раздражать?

Москвитинъ обиженно пожалъ плечами.

— Какъ тебѣ угодно! Я считалъ себя обязаннымъ предложить.

Въ столовой—почти пусто. Нѣтъ и профессора, а подполковникъ давно бросилъ курить, смотритъ сентябремъ и сосетъ мятныя лепешки. Послѣ перваго блюда стремительно выбѣжали изъ столовой еще человѣка два или три, прикладывая салфетку ко рту.

— Пакость!—ругался подполковникъ.—Даже водка всякій вкусъ потеряла.

Сверху по-прежнему падали одинъ за другимъ приглушенные вопли гудка. За сосѣднимъ столомъ пассажиръ объяснялъ толстой барынѣ: гудки даютъ во избѣжаніе столкновенія со встрѣчнымъ пароходомъ. Барыня слушала, выпучивъ глаза, поблѣднѣла отъ страха и съ жадностью проглотила стаканчикъ рейнвейна.

Кругомъ все звенѣло, стонало, поскрипывало: какъ будто новенькій пароходъ сразу расшатался и впалъ въ больную дряхлость. Въ буфетѣ усиленно грохотала посуда. Качка была скверная: толчея. Бросало и на носъ, и на корму, и на борта, такъ что даже привычные лакеи еле пробирались, широко разставивъ ноги, между обѣденными столиками.

Москвитинъ совсѣмъ потерялъ аппетитъ, а при воспоминаніи о Тусиной болѣзни въ глазахъ краснѣло и горло конвульсивно сжималось. Кое-какъ отобѣдавъ, инженеръ выбрался въ курилку. Тамъ было все честь-честью: тлѣли въ каминѣ стеклянныя дрова и жужжалъ подъ потолкомъ электрическій вентиляторъ. Но шахматныя фигурки разсыпались по всему полу и перекатывались, стукаясь объ чугунныя ножки креселъ.

Сейчасъ вотъ отдохнуть бы немного отъ своихъ домашнихъ впечатлѣній, поговорить о чемъ-нибудь чужомъ, постороннемъ. Жаль, что подполковникъ сдѣлался такъ неразговорчивъ. А профессоръ, кажется, чувствуетъ себя не лучше Туси.

Вспомнился старшій механикъ Рублевъ. Такъ и не видѣлъ

его съ самаго момента отъѣзда. Да и гдѣ найти его въ этой хитрой путаницѣ салоновъ, каютъ, лѣстницъ и переходовъ. Можно, какъ въ большомъ домѣ, цѣлый годъ прожить «на одной площадкѣ» и ни разу не встрѣтиться. Москвитинъ нѣсколько минутъ побродилъ наудачу,—и, конечно, безъ всякой пользы. Догадался, наконецъ, справиться у встрѣчнаго матроса: гдѣ каюта старшаго механика. Тотъ съ большой готовностью провелъ по двумъ корридорамъ, спустился этажемъ ниже, потомъ опять поднялся.

— Вотъ, пожалуйте! Только они, пожалуй, отдыхаютъ сейчасъ.

— Отдыхаютъ? Такъ лучше ужъ я въ другой разъ.

— А вы стукните!

Москвитинъ постучалъ такъ осторожно, что его стукъ совсѣмъ пропалъ въ общемъ скрипѣ и грохотѣ. И, не дождавшись отвѣта, хотѣлъ было вернуться въ курилку, но желаніе поговорить о чужомъ пересилило. А матросъ тоже посовѣтовалъ:

— Вы посильнѣе, потому что они очень даже спать горазды.

Дверь пріоткрылась, и что-то темное и растрепанное загудѣло въ щель:

— Что тамъ еще? Опять перегрѣвается? Чортъ васъ не бралъ съ вашимъ подшипникомъ... Я говорилъ, что надо перемѣнить чашки... Что?

— Подожди, это я. Ты прости, что я не во́-время, но только я не насчетъ подшипника.

— Вотъ чортъ... Не разглядѣлъ съ просонокъ. Заходи скорѣй въ мою одиночку... А жена гдѣ? Травитъ?

— Да, нездоровится ей.

— Правильно! Погода не дамская. А ты ничего, переносишь? Садись вотъ тутъ. Нѣтъ, въ кресло пересядь. Удобнѣе...

Каюта маленькая,—пожалуй, даже поменьше тюремной одиночки,—но хорошо оборудованная и очень опрятная. Кружокъ иллюминатора задернутъ синей занавѣской, и, когда Рублевъ повернулъ выключатели разомъ у обѣихъ лампочекъ, сдѣлалось такъ свѣтло, что замелькало въ глазахъ. Освѣтивъ, механикъ торопливо оправилъ одѣяло на помятой койкѣ, застегнулъ на всѣ пуговицы люстриновый китель и, схвативъ щетку, принялся приглаживаться передъ зеркаломъ.

— Ты бы не безпокоился, Рублевъ! И вообще, если я не во́время... Надѣюсь, что прогонишь безъ всякаго стѣсненія.

— Ладно ужъ... И надо бы прогнать, да Аллахъ съ то-

бой,—оставайся. Нехорошо, братъ! Я и то было уже подумалъ: пренебрегаешь. Вообще, конечно: свадебное путешествіе, бумажникъ набитый и все такое. Можно и пренебречь. Или ждалъ, что я первый къ тебѣ пойду? Дудки... Не разъ уже нажигался. Подойдешь этакъ къ кому-нибудь съ распростертой душой, а онъ носъ воротитъ. Очень, молъ, радъ встрѣтиться, но тѣмъ не менѣе мнѣ сейчасъ совершенный недосугъ. Марсалы выпьешь? Отличное вино, прямо съ Сициліи и безъ всякаго купажа.

Изъ стѣнного шкафика съ обычной своей расторопной быстротой досталъ бутылку, два стаканчика. И свирѣпо скосилъ глаза, когда Москвитинъ нерѣшительно отодвинулъ одинъ стаканчикъ въ сторону.

— Думаешь, спаивать буду? Не бойся, я и самъ не Богъ вѣсть какой пьяница. Больше двухъ разъ въ недѣлю никогда не напиваюсь,—и вчера, видишь ли, былъ уже второй. Просто вотъ вино хорошее—и хочу имъ угостить достойнаго человѣка. Пей и разсказывай!

— Что разсказывать?

— Да все! Кромѣ государственныхъ тайнъ, разумѣется. Ты какъ,—всѣмъ доволенъ? «...самъ собой, своимъ обѣдомъ и женой?» Хотя обѣды здѣсь, скажу тебѣ, неважные.

— Нѣтъ, отчего же? Очень прилично кормятъ.

— Стало быть, все въ исправности? Ну и слава Аллаху... Только погоди... Личико-то у тебя совсѣмъ не херувимское. И даже съ этакой скорбной складкой. Или отъ качки?

— Право, не знаю, Рублевъ. Можетъ быть, и отъ качки.

Прежде, чѣмъ идти въ гости къ механику, слѣдовало бы вспомнить, что есть у него такая странная особенность: во что бы то ни стало забираться къ человѣку въ самую душу. И дѣлаетъ онъ это не для того, чтобы набрать матерьялъ для сплетенъ, и даже не изъ бабьяго любопытства. Просто такъ: заберется, покопается, а на другой день, какъ будто, все уже и забудетъ.

Москвитинъ вздохнулъ и повторилъ съ маленькимъ измѣненіемъ:

— Даже вѣроятнѣе всего, что отъ качки.

— Тогда—пустяки! Утромъ войдемъ въ Босфоръ—и сразу вся эта чортова толчея на смарку. Будетъ тишь, да гладь, да божья благодать. Пустяки, я говорю! Самъ я морской болѣзнью никогда не страдалъ, но дурное настроеніе у меня тоже случается. По причинѣ катара желудка. Тогда кочегаровъ и смазчиковъ разношу въ пухъ и прахъ, а если бы былъ женатъ—съ женой ругался бы. Впрочемъ, даже и прецедентъ такой былъ.

— Ты развѣ былъ женатъ? Какъ-то не идетъ тебѣ... Не вѣрится...

— Не то, чтобы совсѣмъ, но по всей обстановкѣ—какъ будто бы и женатъ. Даже двуспальную кровать купилъ. Восемь съ половиною мѣсяцевъ—изо дня въ день! Потомъ жена меня облила супомъ,—горячимъ, съ вермишелью,—а я отправилъ весь ея багажъ за окно, съ третьяго этажа. Очень было шумно... Ну, какъ марсала? Не плохо? А обошлась мнѣ, оптомъ, всего по франку двадцать за бутылку!

— Да, вино отличное. А насчетъ твоей женитьбы—такъ напрасно ты и пробовалъ. Такимъ, какъ ты, нельзя жениться.

Рублевъ, разставивъ ноги, прочно укрѣпился посреди каюты, засунулъ руки до самаго дна просторныхъ боковыхъ кармановъ.

— А такимъ, какъ ты, можно?

— Какъ видишь.

— Ничего не вижу. Вотъ пройдетъ годикъ—другой...

— Все равно... Я и въ будущемъ увѣренъ такъ же, какъ въ настоящемъ.

— Ого, постой... Этотъ предметъ требуетъ истолкованія. Почему тебѣ можно, а мнѣ нельзя? И почему такая увѣренность? Излагай по пальцамъ.

— Нѣтъ, что же тамъ... Я вообще!—попробовалъ увильнуть Москвитинъ, все еще надѣясь, что удастся поговорить о чужомъ, а не о своемъ.

— Родной мой, нельзя—вообще! Если ты набрался житейскаго опыта—подѣлись! Не держи свѣтильника подъ спудомъ.

— Опыта у меня еще нѣтъ. Это не опытъ, а просто внутреннее убѣжденіе.

Отхлебнулъ изъ стаканчика, посмотрѣлъ на свѣтъ.

— Да, такъ вотъ... Прежде всего, насколько я вспоминаю, у тебя нѣтъ того опредѣленнаго и прямого отношенія къ женщинѣ, какое необходимо для счастливаго брака. Ты—культурный человѣкъ. Но взглядъ на женщину у тебя слишкомъ смѣшанный, неясный. А между тѣмъ, одно изъ двухъ: или жена—товарищъ, или жена—любовница. Середины нѣту. Ты вотъ какъ-то былъ влюбленъ въ курсистку и въ то же время, послѣ лишней рюмки, отправился къ женщинамъ. И ничего, не испытывалъ потомъ никакого раскаянія,—какъ будто такъ и быть должно.

— Насчетъ курсистки—это древняя исторія! Не отвлекайся... Ты говоришь: жена—товарищъ. У васъ что же тутъ, на пароходѣ, каюты—отдѣльныя?

Москвитинъ покраснѣлъ густо.

— Ты не хочешь понять! Если—бракъ, то, конечно, и полная физическая близость, полное обладаніе. Но если жена—любовница, то это все равно, что продажная женщина. Разница только во времени. Тамъ—только на часъ, а здѣсь, иной разъ—на всю жизнь... И въ результатѣ—пресыщеніе и мерзость. А если у тебя жена—товарищъ, то каждый наступающій день можетъ принести тебѣ новыя сближенія, новыя радости. И въ концѣ концовъ наступитъ не пресыщеніе, а полный, проникновенный союзъ,—даже если страсть современемъ и остынетъ. Такъ вотъ, на основаніи всего, что я знаю о тебѣ,—а вѣдь мы почти выросли вмѣстѣ,—я могу утверждать, что ты никогда не сможешь найти жену—товарища.

— Да и искать не буду, родной! Довольно съ меня одного раза... Еще чего добраго вмѣсто супа-то дѣло и до сѣрной кислоты дойдетъ. А вѣдь человѣкъ я не злой.

— И не злой—и не добрый. Тутъ надо, чтобы у человѣка были въ душѣ и богъ, и дьяволъ,—и боролись.

— Ну, ну... Глубоко забираешься, голубчикъ! И знаешь, что я тебѣ скажу? Дѣло твое плохо.

— Почему ты такъ думаешь?

— Потому, что ты чувствуешь потребность въ философіи. А счастливые не философствуютъ. Имъ, братъ, незачѣмъ. Процвѣтаютъ—и баста.

Москвитинъ допилъ свой стаканчикъ и болѣзненно сморщился.

— Знаешь, Рублевъ, лучше мы пока оставимъ все это! Въ кои-то вѣки встрѣтились—а говоримъ, Богъ знаетъ, что...

Рублевъ съ готовностью согласился:

— Оставимъ! Ты вѣдь до самой Александріи? Времени хватитъ и на философію, и на мораль. Въ одномъ Константинополѣ простоимъ двое съ половиною сутокъ. А сейчасъ лучше, не мудрствуя лукаво, выпьемъ!

И взялся было за бутылку, чтобы наполнить опустѣвшіе стаканчики, но инженеръ всталъ и заявилъ рѣшительно:

— Нѣтъ, нѣтъ... Да мнѣ и вообще пора уже идти! Я вѣдь только на минуточку хотѣлъ заглянуть. Нужно жену провѣдать...

— Что,—пришили веревочкой?

Рублевъ проводилъ гостя до самой его каюты. Увидалъ, что каюта—верхняя, литерная и прищелкнулъ языкомъ.

— Помпезно устроились! А когда-то ты, братъ, принципіально по третьему классу ѣздилъ... Ну-съ, сладкихъ сновидѣній. А съ супругой твоей лучше мнѣ будетъ повидаться уже на твердой землѣ,—или въ Босфорѣ.

Туся не спала, смотрѣла широко открытыми глазами. И на всѣ вопросы мужа упорно отмалчивалась. По безпорядку въ каютѣ видно было, что во время отсутствія Москвитина ей опять сильно нездоровилось. Москвитинъ самъ прибралъ все, какъ могъ и умѣлъ, и молча легъ, огорченный и обиженный. Забылся только на разсвѣтѣ, совсѣмъ изнемогая отъ думъ. Туся крѣпко уснула много раньше, какъ только начала стихать качка.

Рано утромъ инженеръ тихонько одѣлся, вышелъ на палубу. Было тепло и солнечно. Отъ тумана остались только кое-гдѣ лѣниво таявшія прозрачныя пряди. Вмѣсто мутной мглистой полосы впереди былъ берегъ со свѣжими зелеными лугами и розово-желтыми пятнами скалъ и песку.

Несмотря на ранній часъ, на палубѣ было уже много пассажировъ,—всѣ чисто вымытые, улыбающіеся и безпечные. И подполковникъ, съ англійскимъ карманнымъ атласомъ въ рукахъ, объяснялъ всѣмъ желающимъ:

— Видите вонъ тамъ, направо, холмъ съ маякомъ? Это—Румели-Казакъ. За нимъ сейчасъ скрывается Босфоръ, а налѣво все—уже Анатолія. Ловкая штука, правда?

5.

Москвитинъ изо всѣхъ силъ торопилъ Тусю.

— Скорѣе, скорѣе! Гдѣ твоя кофточка? Дай, я помогу застегнуть. Сейчасъ пароходъ на нѣсколько минутъ остановится за практикой и потомъ начнутся самые красивые виды.

— За какой практикой?

— Не знаю. Мнѣ такъ Рублевъ сказалъ. Главное, ты поскорѣе. Посмотри только, что за погода!

Опустилъ въ окнѣ жалюзи и, словно нарочно нацѣлился, попалъ прямо въ солнце. Туся даже ахнула отъ его ослѣпляющаго, дурманящаго блеска.

— Правда, отлично? — пытливо присматриваясь къ ней, говорилъ Москвитинъ.—Выспаться мы и послѣ сумѣемъ, а сейчасъ надо ловить каждую минуту!

Передъ тѣмъ, какъ встать, Туся капризничала, говорила, что чувствуетъ себя совсѣмъ разбитой и лучше на весь день останется въ постели. А когда сдалась на убѣжденіе мужа, то, все-таки, говорила съ нимъ пренебрежительно и сухо. Москвитину хотѣлось теперь узнать,—надолго ли это.

Туся прикрыла глаза ладонью.

— Что за безобразіе! Я еще не успѣла одѣться, какъ слѣдуетъ, а съ палубы кто-нибудь можетъ увидѣть.

Въ столовой Москвитинъ заказалъ такъ сердито, что лакей посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ:

— Два кофе со сливками! Пожалуйста, не съ жидкимъ молокомъ, а съ настоящими сливками. Поняли?

Кофе выпили въ молчаніи. Только Туся замѣтила съ легкой язвительностью:

— А подали-то все-таки простое молоко!

На палубѣ сейчасъ же подошли всѣ знакомые: профессоръ, подполковникъ, старшій механикъ. И примазалась еще почему-то толстая барыня, обѣдавшая за сосѣднимъ столомъ. Барыня адресовалась къ подполковнику со всевозможными справками и томно засматривала ему въ глаза. Профессоръ былъ немножко блѣднѣе, чѣмъ вчера, но такъ же игралъ красивыми пальцами и улыбался.

Пароходъ стоялъ неподвижно въ узкомъ, какъ средняя судоходная рѣка, проливѣ и только слегка поворачивалъ носомъ въ быстрыхъ струяхъ встрѣчнаго теченія. У лѣваго борта дымилъ грязный турецкій катеръ съ какими-то людьми полувоеннаго вида: не то солдатами, не то таможенными надзирателями. У кормы важно, какъ монументъ, стоялъ чиновникъ въ заново выглаженной ярко-красной фескѣ и въ долгополомъ синемъ сюртукѣ, хитро расшитомъ и спереди, и сзади черной тесемкой. Чиновникъ просматривалъ, выдавалъ и подписывалъ какія-то бумаги съ томительной медленностью, но никто не сердился на это промедленіе. Только капитанъ слегка поругивался, стоя на своемъ мостикѣ у машиннаго телеграфа,— да и то не слишкомъ громко, чтобы не разслышали дамы.

Подполковникъ вдругъ ухватилъ Тусю подъ локоть и повелъ ее куда-то на другой конецъ палубы. Толстая барыня засѣменила слѣдомъ. Москвитинъ шагнулъ-было за толстой барыней, но прикусилъ усъ и остался. Старшій механикъ разсказывалъ ему о вновь изобрѣтенныхъ аппаратахъ для истребленія пароходныхъ крысъ, а онъ не слушалъ и искоса посматривалъ въ ту сторону, куда ушла Туся.

Тамъ подполковникъ показывалъ дамамъ въ бинокль турецкія батареи и, кажется, стращалъ пушечными залпами, потому-что сначала громко вскрикнула толстая барыня, а за нею,— и очень похоже,—Туся.

— Странно, очень странно!—возмутился Москвитинъ. Ему

было очень обидно, что Туся, хотя въ чемъ-нибудь, можетъ походить на нелѣпую толстую барыню.

— Почему—странно?—съ недоумѣніемъ воззрился механикъ.—Идея самая простая и вѣрная и аппаратъ дѣйствуетъ отлично. Только дороговатъ, конечно, и потому простымъ купцамъ не подъ силу. А на такихъ купцахъ главная крыса-то и дѣйствуетъ!

— Ну, конечно,—на купцахъ... Знаешь, тотъ берегъ, кажется, интереснѣе... Я пойду посмотрѣть.

И ушелъ такъ, что совсѣмъ потерялъ изъ виду Тусю съ ея спутниками.

Пароходъ двинулся впередъ, и медленно поплыли навстрѣчу мшистыя развалины генуэзскихъ башенъ, полузаброшенныя укрѣпленія, маленькія игрушечныя мечети и дальше — дворцы Буюкъ-дере. Проливъ расширился, сталъ похожъ уже не на рѣку, а на замкнутое со всѣхъ сторонъ спокойное озеро. Парусныя барки отражались въ водѣ цѣликомъ и были похожи на бокомъ летящихъ бабочекъ, потому что вода была такъ же легка и прозрачна, какъ безоблачное небо наверху.

Было спокойно, — уже по-особенному, по-восточному, спокойно. Вотъ задремало все,—и будетъ дремать тысячу лѣтъ. А потомъ, можетъ быть, просто растаетъ въ воздухѣ, расплывется, исчезнетъ, какъ несбывшаяся мечта.

Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ проливъ опять сильно сузился, вылѣзла впередъ насыпь турецкой батареи. Кажется, еще немного—и пароходъ задѣнетъ бортомъ за концы огромныхъ пушекъ, закутанныхъ въ сѣрый брезентъ. По узкой площадкѣ вдоль батареи ходитъ взадъ и впередъ часовой съ голубой заплаткой на полинявшемъ зеленомъ мундирѣ. Остановился, хотѣлъ зѣвнуть, да такъ и остался съ открытымъ ртомъ. Лѣнь закрывать.

Москвитинъ легко разсмотрѣлъ всѣ эти мелочи, и вдругъ захотѣлось выпрыгнуть съ парохода и пріютиться надолго гдѣ-нибудь тамъ, въ этихъ сонныхъ холмахъ, въ чащѣ старыхъ кипарисовъ. Когда въ душѣ поетъ счастье—хочется двигать горами, ковать у горна сыплющую искрами сталь, кричать бодрыя командныя слова. А вотъ сейчасъ—задремать бы.

Подкрались сзади чьи-то осторожные шаги и легкая рука легла на плечо. Обернулся—Туся. Губы улыбаются, а глаза о чемъ-то молятъ, и потому улыбка выходитъ трогающей и почти жалобной. Москвитинъ замялся.

— Это ты, Туся?

— А ты не узнаешь, будто? Развѣ мы такъ давно не видѣлись?

Быстрымъ движеніемъ, не замѣтнымъ ни для кого, кромѣ самого Москвитина, прильнула къ мужу въ горячей ласкѣ.

— Родной мой, я видѣла, что ты немножко сердишься, и ушла нарочно. Я не хочу, совсѣмъ не хочу, чтобы мы ссорились. И, конечно, я—гадкая. Только, право же, это только отъ болѣзни, Петюкъ. А сейчасъ такъ хорошо, хорошо. И все совсѣмъ новое. И люди смѣшные, правда? Офицеръ говоритъ, что они даже спать иногда ложатся въ фескахъ.

Москвитинъ слушалъ—и слышалъ совсѣмъ другое, потому что это другое такъ ясно просвѣчивало сквозь совсѣмъ ненужную болтовню о какихъ-то фескахъ. И это другое было:

— Люблю—и прости меня!

И, какъ туманъ сегодняшнимъ раннимъ утромъ, растаяла сонная тоска.

Батарея уже уплыла и заплатанный солдатъ превратился въ едва примѣтную точку,—да и Богъ съ нимъ. Пусть спитъ!

— Жить будемъ, Туся! Эхъ, какъ хорошо можно устроиться на свѣтѣ...

У подполковника—англійскій атласъ, а у профессора въ рукахъ книжка точно такой же величины, но въ черномъ кожаномъ переплетѣ съ золотымъ крестомъ: молитвенникъ. Профессоръ прохаживается по палубѣ, посматриваетъ на берега, иногда даже прицѣливается биноклемъ, и въ то же время успѣваетъ перевертывать странички. Это—часъ молитвы и его нельзя пропустить.

Туся недовѣрчиво покосилась на молитвенникъ.

— Какъ ты думаешь, онъ и въ самомъ дѣлѣ такой вѣрующій, или это только такъ, для публики?

— Будемъ думать, что вѣрующій! У всякаго человѣка должна быть своя святыня. Иначе—плохо.

— А у тебя?

Москвитинъ не сразу отвѣтилъ, задумался. Раньше отвѣтилъ бы не задумываясь, и не солгалъ бы, а сейчасъ—труднѣе. Сейчасъ—все свято, потому что все проникаетъ въ душу и всему хочется молиться. Даже горамъ этимъ, сдвинувшимся надъ синимъ проливомъ, и только-что зародившемуся бѣлому облачку, и солнцу. И святъ будетъ трудъ, къ которому вернется послѣ короткаго отдыха.

— У меня—ты!

— А, можетъ быть, такъ говорятъ всѣ, когда только-что

женились, Петюкъ? Нѣтъ, не сердись! Я знаю, что ты всегда говоришь правду. Но вѣдь это такое страшно большое слово: святыня.

Почва у разговора была скользкая, какъ морозный ледъ, и инженеръ благодарно улыбался, когда подошелъ подполковникъ. Это ничего, что онъ бралъ Тусю подъ руку. На самомъ-то дѣлѣ онъ очень милый.

На правой сторонѣ огромный темносѣрый замокъ съ высокими зубчатыми башнями придавилъ своей тяжестью прибережный холмъ. И, какъ въ грозовой тучѣ, что-то злое чудится въ его изъѣденныхъ стѣнахъ. Подполковникъ справился по плану и объяснилъ:

— Это— Румели-Гисаръ. Его построилъ Магометъ второй въ 1452 году, передъ самымъ паденіемъ Константинополя. И затратилъ на постройку всего три мѣсяца времени. Это вообще замѣчательное мѣсто. Здѣсь переправились черезъ Босфоръ Ксенофонтъ со своими десятью тысячами и Дарій передъ скиѳскимъ походомъ.

— Откуда вы все это знаете?—удивилась Туся.

— Такъ... Въ свободное время немножко почитываю военную исторію!

Москвитинъ на-дняхъ читалъ то же самое не въ военной исторіи, а въ коротенькомъ путеводителѣ, изданномъ пароходнымъ обществомъ. И офицеръ, съ его невинной ложью, сдѣлался еще милѣе. Захотѣлось подурачиться и пошкольничать, но Туся недовольно надула губы, когда инженеръ слегка обнялъ ее за талію. Вырвалась и взглянула на офицера,—не замѣтилъ ли? Подполковникъ оправилъ усы и кашлянулъ многозначительно.

Проливъ изогнулся еще разъ, другой,— и вдругъ заголубѣла просторная морская даль, прорѣзанная тоненькими темными линіями минаретовъ Стамбула.

Прямо въ проливѣ купается—и не таетъ—бѣлая сахарная мечеть Орта-кіой. А за нею, какъ муравьи въ патокѣ, кишатъ въ водѣ фелюги, барки, легкіе остроносые каики.

Подполковникъ приложилъ ладонь къ полямъ фетровой шляпы и сказалъ внушительно:

— Византія!

6.

Пароходъ осторожно пробрался сквозь портовую тѣсноту, ошвартовался у набережной. И новое, сказочное очарованіе востока на нѣкоторое время совсѣмъ исчезло, потому что то-

варные склады и неуклюжія высокія зданія, облѣпленныя разноязыкими вывѣсками, закрыли собою далекую и пеструю перспективу. Внизу, на мостовой, у еще не налаженныхъ траповъ горланила и тѣснилась толпа. Полуодѣтые амбалы, черные и сильные, какъ муравьи, сновали сквозь эту толпу съ огромными товарными тюками, хрипло бранились. Москвитинъ зналъ уже, что эта суета придется совсѣмъ не по вкусу Тусѣ, и поспѣшилъ успокоить:

— Подождемъ, пока все уладится, и тогда спустимся на берегъ. Особенно торопиться некуда.

— Я совѣтовалъ бы не разбиваться, а такъ и отправиться вмѣстѣ, всѣмъ взводомъ!—предложилъ подполковникъ.—Будетъ веселѣе...

— И гида можно будетъ нанять одного для всѣхъ!—поддержалъ профессоръ.

Инженеру это совсѣмъ не понравилось. Гораздо лучше было бы провести время и осмотрѣть все, что полагается, наединѣ съ Тусей. Онъ и проводниковъ не любилъ: народъ исключительно ненужный, тупой и надоѣдливый. Но Туся радостно всплеснула руками.

— Ахъ, какъ хорошо! И въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ же мы будемъ раздѣляться?

— Ты, навѣрное, скоро утомишься, Туся... И тогда все равно придется разстраивать компанію.

— Ничуть даже я не подумаю утомляться. Значитъ, рѣшено, господа?

Толстую барыню никто не спрашивалъ, но она первая отозвалась:

— Отъ души присоединяюсь, моя дорогая! Рѣшено.

Гурьбой ввалились на палубу проводники, комиссіонеры, торговцы. Тянули пассажировъ за рукава и за полы пальто, каждый въ свою сторону. Продавали открытки, альбомы, подѣльнаго янтаря мундштуки и четки, бисерные кошельки и коробочки съ окаменѣвшимъ рахатъ-лукумомъ.

— Очень дешевъ! Биллигъ! А бонъ марше!

— Грандъ отель де Пера!

— Оченъ гарошо говори по-русску! Спикъ инглишъ вери гудъ! По-русску!

Прошелъ православный монахъ въ высокомъ клобукѣ, степенный и сытый. Остановился, присматриваясь.

— Не желаете ли на подворье, господа?

Вопросъ о проводникѣ разрѣшился очень быстро. Механикъ

Рублевъ бывалъ здѣсь уже много разъ и все знаетъ не хуже любого гида. Подполковникъ щелкнулъ каблуками.

— Это конечно наилучшій исходъ! Но нѣсколько совѣстно, что мы принуждаемъ васъ оказать намъ такую любезность...

— Чего тамъ... Все равно, у меня сейчасъ время свободное. А когда мнѣ надоѣстъ, такъ я и уйду, не безпокойтесь.

Прежде всего, конечно, въ Стамбулъ—въ самое сердце великаго города. Правда, и тамъ уже снуютъ теперь электрическіе трамваи, а собакъ, кажется, разрѣшаютъ водить только на привязи и съ намордникомъ, но все-таки это—не вылощенная дипломатическая Пера и не международно-торговая распутная Галата.

— Въ Стамбулъ, господа!—командовалъ подполковникъ въ качествѣ взводнаго командира.—Тамъ, кажется, и эта самая Айя-Софія, и базаръ...

Благополучно избавились отъ грандъ-отелей и отъ янтарныхъ четокъ, но на набережной попали къ какой-то рогаткѣ. Свирѣпаго вида люди по ту сторону рогатки размахивали пачками печатныхъ билетовъ и требовали за пропускъ.

— Что такое? Паспорта мы уже показывали...

— Казенный сборъ на содержаніе набережныхъ и мостовыхъ!—объяснилъ Рублевъ.—Надо платить. Только подождите, я столкуюсь за всѣхъ. Дешевле выйдетъ!

Столковался. Вырвались, наконецъ, на улицу, немножко помятые. Профессоръ негодовалъ на турецкіе поборы. Механикъ утѣшилъ:

— Это ничего... Вотъ поѣдемъ черезъ мостъ, въ Стамбулъ—такъ и за мостъ платить будемъ. Тутъ вамъ не Невскій проспектъ для безплатнаго предобѣденнаго гулянія!

— Я обязательно опишу въ корреспонденціи!—сказала толстая барыня.—Какъ это такъ? Младотурки, хотятъ быть европейцами и позволяютъ себѣ эксплоатировать туристовъ...

— А вы писательница?—вдругъ загорѣлась интересомъ къ толстой барынѣ Туся.

— Собственно, я занимаюсь исключительно изящной словесностью и женскимъ вопросомъ. Корреспонденціи для меня только такъ, побочное занятіе. И я обязательно опишу..

— Теперь я ни слова при васъ не скажу!—кокетничала Туся.—Вдругъ вы и всѣхъ насъ опишете?

— Непремѣнно, дорогая моя! Вы и вашъ супругъ—такіе любопытные типы. И я непремѣнно буду наблюдать за развитіемъ...

Москвитинъ хотѣлъ-было сказать толстой барынѣ что-то ядовитое, но Рублевъ толкнулъ его подъ локоть.

— Не связывайся... Что съ такой дуры возьмешь?

Конечно, не умница, но вотъ, что Туся находитъ возможнымъ заискивать передъ подобной особой—это уже плохо. Изъ рукъ вонъ плохо. Неужели въ Тусѣ есть еще такъ много вотъ этого, чужого?

На двухъ извозчикахъ, сторговавшись при посредствѣ механика, поѣхали къ Айа-Софіи.

По обѣимъ сторонамъ длиннаго моста быстрымъ потокомъ льется толпа. Тутъ же, къ мосту, пристаютъ пароходики. Грохочутъ трамваи. Плюется бензиновымъ дымомъ старый трескучій автомобиль. Гдѣ же тутъ сонная лѣнь востока? Должно быть, обманулъ часовой съ голубой заплаткой тамъ, въ проливѣ. Спутники Москвитина—профессоръ и Туся—о чемъ-то очень оживленно бесѣдовали, но инженеръ нарочно старался не вслушиваться, чтобы отвлечь мысли къ чему-нибудь совсѣмъ далекому, не тревожному. Съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ толпу, стараясь понять, почему она, все-таки, такъ мало похожа на знакомую, западную.

Вотъ что! Во-первыхъ—почти нѣтъ женщинъ. Только изрѣдка промелькнутъ двѣ-три закутанныя фигуры. Мужчины—рослые, крѣпкіе, въ большинствѣ—красивые. Но нѣтъ женщинъ. И потомъ—только съ перваго взгляда кажется, что всѣ, дѣйствительно, чѣмъ-то заняты, куда-то бѣгутъ, торопятся. На самомъ дѣлѣ добрая половина топчется на одномъ мѣстѣ, плюетъ въ Золотой Рогъ, зѣваетъ по сторонамъ. Вотъ подошелъ пароходикъ—и сейчасъ же собралась цѣлая толпа. Смотрятъ лѣниво и равнодушно, какъ высаживаются и садятся пассажиры. Садится десятокъ, а смотрятъ полсотни.

— Но такъ невозможно, Петръ. Тебя второй разъ уже спрашиваетъ отецъ профессоръ, а ты о чемъ-то мечтаешь... Какъ ты невѣжливъ, право... Извини меня, но ужасно невѣжливъ!

— Виноватъ... Шумно очень. Я не разслышалъ.

— Я спрашивалъ,—ласково улыбнулся профессоръ,—я спрашивалъ, не имѣете ли вы намѣренія посѣтить также и Святую Землю.

— Едва-ли... Поѣздка и такъ отниметъ много времени, а меня ждетъ работа. И потомъ—я вообще не собираюсь въ Святую Землю. Мнѣ кажется, что тамъ все святое давно уже сдѣлалось только предметомъ выгодной торговли.

— А тебѣ развѣ не все равно? Ты самъ же сколько разъ говорилъ мнѣ, что ты—невѣрующій. Просто интересно посмотрѣть все это даже и съ точки зрѣнія туриста. Профессоръ очень интересно разсказываетъ.

— Можетъ быть... Вотъ ты и съѣзди сама когда-нибудь...

— Отпускаешь? Отлично! Возьмете меня въ компаньонки по путешествію, отецъ профессоръ? Навѣрное, мы съ вами не будемъ ссориться.

Москвитинъ крѣпко стиснулъ зубы. Да нѣтъ же, не та это Туся, совсѣмъ не та, какая была до свадьбы. Вѣдь не былъ же онъ слѣпъ тогда, видѣлъ все такъ же ясно, какъ и теперь,—и такъ же отчетливо работала мысль.

Была дѣвушка нѣжная и чуткая и ужъ конечно—любила. Родные не особенно покровительствовали этому браку и, пожалуй, все кончилось бы ничѣмъ, если бы не настояла сама Туся.

Такъ внимательно и вдумчиво слушала, когда сидѣли вдвоемъ по вечерамъ. Сама, правда, говорила немного, но умѣла слушать.

Или, можетъ быть, когда дѣвушка становится женщиной, то этотъ простой физіологическій актъ сразу перерождаетъ всю ея душу?

— Мы пріѣхали, Петръ... Выходи же...

Другая партія добралась до мѣста минутой раньше и ждала отставшихъ на площадкѣ передъ входомъ въ мечеть. Подполковникъ недовольно прохаживался, разминая ноги, а механикъ за спиной толстой барыни корчилъ гримасы. Потомъ шепнулъ Москвитину:

— Корреспондентка-то всю дорогу нашему воину авансы дѣлала! А онъ носъ воротитъ.

Изъ-за тяжелой драпировки, залоснившейся отъ безчисленныхъ прикосновеній, выглянулъ старый турокъ въ чалмѣ и длинномъ халатѣ, что-то сказалъ отрывисто и исчезъ.

— Не пускаетъ?—испугалась Туся.

— Сейчасъ пуститъ. Надо туфли надѣть.

Турокъ вернулся и сунулъ изъ-за драпировки цѣлую охапку стоптанной и необыкновенно большой обуви.

— Суйте туда ноги, какъ есть, въ башмакахъ!—обучалъ механикъ.—Вотъ эти, кажется, будутъ поменьше,—для дамъ.

Подполковникъ посмотрѣлъ, подумалъ.

— А въ однихъ чулкахъ вѣдь тоже можно войти? Такъ ужъ лучше я по-настоящему, по-турецки...

— Они могутъ истолковать это, какъ излишнее уваженіе къ ихъ религіи!—замѣтилъ профессоръ.

— Пусть толкуютъ! Народъ хорошій. Почему же и не доставить имъ такое маленькое удовольствіе?

Сѣлъ на мраморный порогъ и живо сбросилъ щегольскіе лакированные башмачки. Толстая барыня въ турецкой обуви совсѣмъ сдѣлалась похожей на раскормленную гусыню. А Туся прыгала зачѣмъ-то на одной ногѣ и хохотала чуть не до истерики.

Механикъ нахмурился.

— Неловко такъ, господа! Все-таки—мѣсто молитвенное.

Поверхъ мягкихъ цыновокъ постланы ковры и звукъ шаговъ совсѣмъ пропадаетъ. Сѣдой хаджи, снабдившій туфлями, скользитъ слѣдомъ, какъ укоризненная тѣнь. Кажется, занятъ чѣмъ-то своимъ, но на самомъ дѣлѣ слѣдитъ, не спуская глазъ. И отъ этого назойливаго скольженія, и отъ неудобной обуви, которая сваливалась на каждомъ шагу, и отъ неровнаго, какого-то полосатаго сумрака, наполнявшаго мечеть,—вниманіе Москвитина на первыхъ порахъ такъ разбилось и затуманилось, что онъ почти ничего не могъ разобрать. Бросилось въ глаза только множество простыхъ, въ родѣ желѣзнаго обруча, люстръ, развѣшанныхъ въ одномъ уровнѣ и очень низко,—чуть повыше человѣческаго роста.

— Какъ это замѣчательно!—охнула толстая барыня.

А Туся переспросила съ непритворнымъ удивленіемъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, вы находите, что это замѣчательно? А по-моему—просто сарай какой-то и довольно грязный. Я думала, что это будетъ настоящее восточное: съ золотомъ, съ разноцвѣтнымъ фаянсомъ, съ роскошными драпировками... И что это за противные обручи?

— Но, дорогая моя, вы должны смотрѣть исторически! Византійская имперія, золотой крестъ на вершинѣ этого купола... Какое величіе!

7.

Механикъ съ полнымъ усердіемъ исполнялъ свои случайныя обязанности. Показалъ на изъѣденной колоннѣ пятипалое грязное пятно,—отпечатокъ кровавой руки свирѣпаго султана-побѣдителя. И даже объяснилъ, почему этотъ отпечатокъ сдѣланъ такъ высоко: султанъ верхомъ на боевомъ конѣ въѣхалъ на гору наваленныхъ труповъ. Профессоръ покачалъ головой.

— Недостовѣрное преданіе!

Толстая барыня возмутилась.

— Я совершенно не понимаю вашего скептицизма! Можетъ быть, это и не совсѣмъ достовѣрно, но зато какой трагизмъ! Я закрываю глаза и совершенно ясно представляю себѣ эту гору труповъ и наверху—султана.

Отъ кровавой руки отправились къ другой колоннѣ. Здѣсь толпились женщины, старики. Были и два аскера, еще совсѣмъ молодые, безусые, съ грубыми деревенскими лицами. Изъ толпы поочереди подходили и всовывали указательный палецъ въ маленькую дыру, пробитую въ бронзовой обшивкѣ колонны. Вынувъ палецъ, прикладывали его къ глазамъ, и, удовлетворенные, уступали мѣсто другимъ. Механикъ и тутъ объяснилъ обстоятельно:

— Это называется: «Влажная колонна». За бронзовой обшивкой—трещина въ камнѣ, и въ этой трещинѣ почему-то постоянно скопляется вода. Помогаетъ эта вода отъ всѣхъ болѣзней, а особенно—отъ глазныхъ.

— Что-нибудь въ родѣ водопровода?—сообразилъ подполковникъ. — Да, можетъ быть, и воды-то никакой нѣтъ! Я посмотрю поближе...

Нѣтъ, есть вода. Иной разъ даже просто каплетъ съ пальца.

— Удивительно... Чѣмъ вы это можете объяснить, господинъ инженеръ? Я думаю, что, по всей вѣроятности, устроенъ водопроводъ...

Подошла старуха, — древняя, горбатая. Откинула съ лица покрывало, а затѣмъ обнажила даже и морщинистую, ссохшуюся грудь. На лицѣ и на груди—какіе-то синеватые прыщи, коросты. Старуха тоже помочила палецъ и приложила его къ слезящимся краснымъ глазамъ, но не успокоилась на этомъ, а еще нѣсколько разъ всовывала палецъ въ дыру, мазала всѣ свои язвы. Очередные терпѣливо ждали.

— Но вѣдь это же необходимо запретить! — заговорила толстая барыня.—Явное распространеніе заразы! Или, по крайней мѣрѣ, замѣнить воду сулемовымъ растворомъ...

Профессоръ строго посмотрѣлъ на толстую барыню и молча пошелъ прочь, а за нимъ потянулись и остальные. Шаркали неуклюжими туфлями, запинались, и одинъ только подполковникъ, въ полосатыхъ сиреневыхъ носкахъ, шагалъ молодцевато, придерживая подъ мышкой снятые ботинки. Механикъ показывалъ еще рваный, истлѣвшій коверъ, на которомъ въ свое время молился самъ пророкъ, и окно, изъ котораго постоянно дуетъ ледяной вѣтеръ. Окно, впрочемъ, оказалось наглухо запертымъ.

Москвитинъ ходилъ вмѣстѣ со всѣми и смотрѣлъ, не видя. Ярче всѣхъ колоннъ и ковровъ передъ нимъ все время выдѣлялась Туся, родная, уже знакомая до любой мелочи,—и все-таки такая далекая.

Вотъ, попросила профессора поправить ей туфлю,—и приподняла для этого юбку какъ будто слишкомъ высоко. А профессоръ съ готовностью становится на колѣни и возится надъ туфлями долго, безконечно долго. Туся довольна,—смѣется. И не обращаетъ никакого вниманія на мужа. Потомъ ей нужно распутать вуалетку, — и съ этимъ она обращается къ Москвитину и уже совсѣмъ не смотритъ на профессора. Для нея, какъ будто, сейчасъ всѣ — одинаковые, — а для него, мужа, есть и сейчасъ въ мірѣ только одна женщина, и эта женщина—Туся.

Механикъ повелъ всѣхъ къ алтарю,—для заключенія программы приберегъ самое интересное,—а Туся незамѣтно отстала и задержала мужа.

— Что съ тобой дѣлается, Петюкъ? Такой былъ славный, когда плыли по Босфору, а теперь—раскисъ! Скажи, пожалуйста, зачѣмъ же ты поѣхалъ, если все это тебѣ совсѣмъ не интересно?

— Мнѣ очень интересно, Туся! Хотя, пожалуй, было бы лучше, если бы мы поѣхали не теперь, а, напримѣръ, черезъ годъ. Сейчасъ во мнѣ еще слишкомъ много своего, личнаго, ты понимаешь?

— Даже и не хочу понимать. Просто—глупости! Почему именно черезъ годъ? Или, можетъ быть, черезъ годъ ты уже меня разлюбишь?

— Какъ ты можешь это говорить?

— Я ничего особеннаго не говорю. Ты самъ сказалъ! Ходишь, какъ потерянный, дуешься, самъ не зная, на что,—и еще говоришь мерзости... Не идите такъ скоро, полковникъ... Я никакъ не могу за вами угнаться!

Москвитинъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ только: почему это она произвела офицера въ слѣдующій чинъ? Больше ничего не зародилось въ утомленной головѣ,—ни одной мысли.

Надъ алтаремъ, почти въ самой серединѣ высокаго свода, механикъ показалъ остатокъ христіанской живописи, едва замѣтнымъ намекомъ проступившій сквозь грубую штукатурку. Профессоръ молитвенно сложилъ руки, беззвучно пожевалъ тонкими губами. Толстая дама сказала:

— Вѣдь это — не католическое, профессоръ! Впрочемъ, конечно, вы тоже должны будете радоваться, когда, наконецъ, возстановятъ эту святыню...

Старый хаджи все ходилъ слѣдомъ, смотрѣлъ молчаливо. И сурово нахмурился, когда подполковникъ постучалъ ногтемъ по алтарной нишѣ—мирабу—въ которую вдѣланъ осколокъ Чернаго Камня изъ Мекки. Но когда, наконецъ, все осмотрѣвъ, выходили изъ мечети, этотъ же самый хаджи долго и жадно торговался съ Рублевымъ изъ-за бакшиша, показывая узловатыми, грязными пальцами, сколько піастровъ нужно еще ему прибавить.

Отъ Айа-Софіи—совсѣмъ близко до Янычарова двора, до Сераля. Посѣщеніе Сераля отложили до завтра,—нужно добыть, сказалъ механикъ, особое разрѣшеніе,—а на пустынной пыльной площади Янычарова двора постояли минуты три у ветхаго, подпертаго костылями, платана.

— На этомъ самомъ деревѣ и вѣшали?—недовѣрчиво переспросилъ подполковникъ. — Ничего особеннаго! Да оно уже и прогнило совсѣмъ: одна кора осталась. Теперь, пожалуй, не только человѣка, а и собаки не выдержитъ.

— Пожалуй!—охотно согласился механикъ.—Въ Смирнѣ на этотъ счетъ любопытнѣе. Тамъ есть дубъ, подъ которымъ истязали Георгія Побѣдоносца. Всѣ проводники показываютъ. И я покажу, когда доѣдемъ. А пока—не взыщите!

Съ Янычарова двора отправились въ Баязидіе, покормили тамъ священныхъ голубей. Толстой барынѣ голуби заплатили черной неблагодарностью: испортили шляпку.

— Все это—явная некультурность! Я сколько разъ бывала въ Венеціи, на площади святого Марка. И тамъ никогда не случалось ничего подобнаго... Скажите, пожалуйста, хотя бы вонъ тому рыжему хулигану въ фескѣ, чтобы онъ меня вычистилъ.

На Атъ-Мейданѣ — византійскомъ гипподромѣ — механикъ принялся то и дѣло вытирать платкомъ лысину и часто вздыхалъ. И уже не такъ старательно, какъ въ мечетяхъ, дѣлился своими археологическими познаніями.

— Обелискъ-то? Конечно, египетскій... А кто его тутъ поставилъ—чортъ знаетъ... Просто пришло въ голову какому-то бездѣльному человѣку притащить изъ Египта этакую махину... И насчетъ бронзовыхъ змѣй ничего не знаю. Видите сами,—вещь старинная, античная, даже уже и въ землю вросла наполовину. Чего же вамъ еще?

А у новенькаго, пошло-безвкуснаго фонтана, сооруженнаго христіаннѣйшимъ другомъ Абдулъ-Гамида,—совсѣмъ забастовалъ.

— Довольно, господа! Пора уже и горло промочить. Ѣдемте

въ Перу. Здѣсь по части завтрака ничего нѣтъ порядочнаго, а главное—вина ни капли.

Усѣлись въ трамвай,—чистенькій, совсѣмъ европейскій, но съ особымъ, наглухо закрывающимся отдѣленіемъ, — для женщинъ. Толстая барыня зашла-было въ это отдѣленіе, съ цѣлью психологическихъ наблюденій, но минуты черезъ двѣ выскочила оттуда взволнованная и побагровѣвшая.

— Представьте себѣ: онѣ щиплются! Ужасно больно щиплются... И какъ отъ нихъ пахнетъ, если бы вы знали! Какъ отъ нихъ пахнетъ...

— А лицъ не разсмотрѣли?—дѣловито справился подполковникъ.

— Какія тамъ лица? Разумѣется, уродины...

— Ну, не всѣ же... Когда мы были на Атъ-Мейданѣ, одна дамочка проходила мимо и этакъ, словно невзначай, откинула свою закрышечку. И ничего! Даже съ огонькомъ, пожалуй...

— Извините, но я совсѣмъ не способна смотрѣть на вещи съ такой циничной точки зрѣнія. Но вопросъ о женскомъ равноправіи для меня стоитъ во главѣ угла и мнѣ тѣмъ больнѣе перенести подобное отношеніе...

Подполковникъ сидѣлъ въ трамваѣ рядомъ съ Тусей,—то-есть, собственно, сама Туся попросила его сѣсть поближе,—а Москвитину осталось мѣсто на противоположномъ концѣ.

Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на жену и на офицера, поневолѣ слишкомъ тѣсно прижавшихся другъ къ другу. Они были молодые, свѣжіе, съ одинаково бѣлыми зубами и блестящими глазами. И оба смѣялись такимъ глубокимъ, заражающимъ смѣхомъ. Инженеръ зачѣмъ-то захотѣлъ-было представить себѣ, что именно они двое—мужъ и жена, и вдругъ почувствовалъ, что представить это—очень легко и просто. Конечно, Туся точно такъ же могла бы цѣловать офицера и ласкать его, какъ теперь ласкаетъ Москвитина. Но вѣдь если такъ, то нѣтъ ни тайны, ни святыни, а просто—кто пришелъ раньше.

У Москвитина по спинѣ побѣжалъ жуткій, нехорошій холодокъ. Ревности онъ никакой не испытывалъ,—да пока еще и не было причинъ ревновать, — но чувство, вызвавшее жгучій холодокъ, было еще хуже ревности. Какъ будто приготовилъ онъ, для своей вѣчной подруги, цвѣтущій, благоухающій садъ, долго и тяжко трудился надъ нимъ, вскапывая землю и освобождая ее отъ колючей сорной травы,—а вмѣсто подруги пришли свиньи, объѣли цвѣты, развели навозную жижу, опачкали все своими нечистотами.

— Такъ то́ —какъ будто. А, вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ пришла именно подруга. И все-таки—садъ загаженъ.

Какъ во снѣ, незамѣтно промелькнулъ опять длинный мостъ черезъ Золотой Рогъ. Зашумѣла набережная Галаты. Трамвай свернулъ въ какую-то тѣсную улицу, остановился.

— Ты опять уснулъ, Петръ?

Банки, европейскія конторы, иностранные матросы и мѣстные банковскіе сторожа въ маскарадно-національныхъ костюмахъ. Но изъ кухмистерскихъ крѣпко пахнетъ чеснокомъ и испорченнымъ бараньимъ саломъ — и Рублевъ устремился куда-то выше, чуть не побѣжалъ бѣгомъ, не обращая вниманія на вопли толстой барыни. Завелъ своихъ спутниковъ въ полутемный сарай, видимо, сколоченный наскоро изъ легкихъ досокъ и балокъ. Это—станція подъемной дороги въ Перу, проложенной подъ землей, въ тоннелѣ. Скрипятъ блоки, мигаютъ электрическія лампочки, почти не разгоняя подземной темноты. Пахнетъ свѣже-вырытой могилой.

Пока поднимались — всѣ слегка присмирѣли. Туся даже перекрестилась украдкой. Богъ знаетъ, какъ это еще устроено у нихъ,—у турокъ. Все-таки не Швейцарія!

Наверху, на главной улицѣ Перы,—свѣтло, чисто, нарядно. Толстая барыня даже забыла сразу о всѣхъ своихъ огорченіяхъ.

— Ну, вотъ это я понимаю... Настоящій городъ! А тамъ—въ Стамбулѣ — просто возмутительно. Гнилая нація, которая давно уже исчезла бы, если бы ее не поддерживали искусственно.

Позавтракали сытно и вкусно, пили хорошее французское вино. У Туси ярче обычнаго заблестѣли глаза. Москвитинъ видѣлъ, что она чувствуетъ сейчасъ себя легко и просто, и съ почти болѣзненнымъ усиліемъ, словно поднимая большую тяжесть, старался тоже быть веселымъ и привѣтливымъ, завелъ съ подполковникомъ споръ о національномъ и съ толстой барыней—о новѣйшей литературѣ. А на душѣ было темно и душно, какъ въ тоннелѣ подъемной дороги.

8.

Послѣ завтрака поднимались на Галатскую башню, прокатились въ каикѣ по Золотому Рогу, дѣлали мелкія покупки,—«для родныхъ». Домой, на пароходъ, вернулись только къ самому обѣду. Стемнѣло, и въ темнотѣ не сразу нашли свою пристань,

долго блуждали среди какихъ-то сараевъ и таможенныхъ складовъ. За обѣдомъ пробовали обмѣниваться впечатлѣніями и намѣчали программу завтрашняго дня, но все это выходило слишкомъ вяло: устали.

Туся первая ушла къ себѣ въ каюту и, когда за обѣденнымъ столомъ остались только трое мужчинъ, подполковникъ сообщилъ таинственно:

— Господа, вношу предложеніе! Отдохнемъ часикъ, другой, а потомъ сойдемъ на берегъ, только ужъ въ самой интимной компаніи,—безъ женскаго пола. Потому что самое интересное тутъ, говорятъ, надо смотрѣть обязательно безъ женскаго пола.

Москвитинъ пожалъ плечами и отвѣтилъ рѣзко:

— Ко мнѣ это предложеніе, во всякомъ случаѣ, не можетъ относиться. А кромѣ того, я просто усталъ и хочу спать.

— Голубчикъ, да вы не думайте, что мы съ какими-нибудь тамъ намѣреніями... Посмотримъ и все тутъ! Для изученія характеровъ, какъ говоритъ наша писательница. Неужели вы думаете, что женатому человѣку даже и посмотрѣть нельзя на что-нибудь такое скоромное? Или въ собственной твердости сомнѣваетесь?

— Простите, но я и холостымъ человѣкомъ никогда не бывалъ въ подобныхъ мѣстахъ, потому что мнѣ было бы тамъ только противно и стыдно.

— Полноте разсказывать... Кто же повѣритъ? И кто же это вообще, въ наше время, можетъ соблюсти чистоту? Посмотрите, отецъ профессоръ по долгу службы обязанъ пребывать въ дѣвственности,—а и тотъ, что-то улыбается.

Инженеръ нетерпѣливо смялъ салфетку, всталъ.

— Я никому не навязываю своихъ взглядовъ. А ваша... агитація, по меньшей мѣрѣ, безцѣльна... Извините...

Прежде чѣмъ уйти въ свою каюту, побродилъ немного по темной и безлюдной палубѣ. Хотѣлось успокоиться, найти утраченное равновѣсіе между добромъ и зломъ, между правдой и ложью,—равновѣсіе, которымъ поддерживается вся жизнь. Сейчасъ вотъ въ душѣ шевелится злое,—и растетъ. А между тѣмъ, придется говорить съ Тусей, и нехорошо, если это злое не отступитъ передъ добромъ.

Ходилъ взадъ и впередъ, смотрѣлъ на разсыпанные по всему рейду разноцвѣтные огоньки и старался думать не о томъ, что̀ есть, а о томъ, что̀ наступитъ современемъ, когда все уладится и будутъ сглажены колючіе, острые углы.

Былъ такъ одинокъ до знакомства съ Тусей, совсѣмъ оди-

нокъ. И не потому, чтобы люди относились враждебно. Враговъ у Москвитина никогда не было. Просто какъ-то не умѣлъ наживать ихъ. Не было тоже и настоящихъ друзей, которые понимали бы все до конца. И не съ кѣмъ было радоваться, такъ же, какъ не съ кѣмъ раздѣлить и печаль. Въ длинномъ пустомъ коридорѣ шла вся жизнь. Идешь по такому коридору, а по обѣимъ сторонамъ наглухо запертыя двери. И конца не видно. Уже начиналъ было повременамъ останавливаться и думать:

«Да стоитъ ли идти дальше?»

Какъ вдругъ одна дверь открылась. Тамъ—Туся.

Нельзя, конечно, придавать такъ много значенія всѣмъ этимъ пустымъ и ничтожнымъ мелочамъ. Существенное, главное, не измѣнилось и не должно измѣниться. Дверь открылась—и не захлопнется.

Огоньки на рейдѣ словно засвѣтились ярче. Еще звучалъ въ ушахъ насмѣшливый голосъ подполковника и не улеглась горечь, но грудь уже дышала ровнѣе.

Туся, пожалуй, сейчасъ безпокоится, скучаетъ. Нужно идти.

Нашелъ жену уже въ постели, съ книжкой въ рукахъ. Одежда разбросана въ безпорядкѣ и по полу, и по другой постели.

— Ты очень устала, родная?

— Да, какъ видишь!

Москвитинъ собралъ разбросанный шелкъ и батистъ, уложилъ все въ аккуратную стопочку. Туся посмотрѣла поверхъ страницъ.

— Что ты тамъ дѣлаешь? Не тронь моихъ вещей, пожалуйста... Только изомнешь все...

— Я осторожно, Туся...

Замялся, не зная, что̀ говорить дальше. Когда Туся начнетъ такъ, съ холодкомъ, сразу теряется нить мыслей.

— Ты чѣмъ-то недовольна, какъ будто? Право же, я стараюсь, чтобы все было хорошо. А если иногда дѣлаю ошибки, такъ вѣдь можно же простить. Если ты хочешь, чтобы я не трогалъ твоихъ вещей—я не буду. Но только́ тогда сама уже и прибирай ихъ, а не разбрасывай по всей каютѣ.

Сказалъ—и испугался. Вѣдь это же опять—мелочь, и, слѣдовательно, нужно было просто пренебречь ею, а не привязываться.

Книжка шумно захлопнулась.

— Вы, что же, думаете заняться моимъ воспитаніемъ? Едва-ли это будетъ такъ полезно! Лучше бы за самимъ собою

смотрѣлъ повнимательнѣе. Держишься въ обществѣ, какъ грубый мужикъ!

— Разумѣется, я не аристократъ, Туся. Совсѣмъ не аристократъ, а самый обыкновенный, сѣрый рабочій человѣкъ. Ты это хорошо знала и раньше, еще до свадьбы.

— Ну да, знала! Но я все-таки надѣялась, что ты сумѣешь вести себя прилично.

— Да что же я такое сдѣлалъ, Господи? Сморкался пальцами? Неприлично ругался? Рыбу съ ножа ѣлъ?

— Ужъ лучше бы сморкался! Тогда бы всѣ видѣли, по крайней мѣрѣ, что съ тебя и спрашивать нечего. А ты—просто грубъ, невоспитанъ, портишь чужое настроеніе, и это гораздо хуже. Всѣмъ весело, всѣмъ хочется развлечься, а ты одинъ сидишь, какъ въ воду опущенный. Удивительно веселое свадебное путешествіе...

— Я и не настаивалъ ни на какомъ путешествіи. Я всегда находилъ, что лучше было бы первое время провести дома.

— Знаю! Слышала уже не далѣе, какъ сегодня. Заперъ бы меня въ четырехъ стѣнахъ и наслаждался... А потомъ уже, достаточно охладѣвъ... Да зачѣмъ ты сейчасъ явился сюда, скажи пожалуйста? Я хочу спать, а ты мѣшаешь.

— Такъ вѣдь ты же не спала, Туся! Ты читала.

— А теперь хочу спать. Поняли?

Москвитинъ хотѣлъ было сказать, что онъ тоже усталъ и тоже хочетъ спать, потому-что совсѣмъ плохо провелъ предыдущую ночь, но подумалъ о томъ, какой нелѣпый, дѣтски безсмысленный характеръ принялъ весь этотъ разговоръ, который, по его намѣреніямъ, долженъ былъ много выяснить и облегчить. Подумалъ—и весь наполнился сосредоточенной злобой.

Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ?

Не помнилъ, какъ выбрался изъ каюты, какъ попалъ въ курительный салонъ. Сломалъ три спички, пока, наконецъ, не закурилъ. И тогда увидалъ какъ разъ у себя подъ рукой электрическую зажигательницу. Нѣсколько разъ затянулся жадно, такъ что потемнѣло въ глазахъ.

Въ салонѣ предавались кейфу подполковникъ и профессоръ.

Профессоръ неторопливо и обстоятельно разсказывалъ какую-то чрезвычайно непристойную исторію изъ духовнаго быта, и, разсказывая, не забывалъ ласково улыбаться и играть пальцами. Исторія, впрочемъ, была тонкая, безъ бьющей въ носъ похабщины,

а скорѣе въ духѣ старой итальянской новеллы. Москвитинъ невольно началъ вслушиваться, сначала только такъ себѣ, краешкомъ уха, а потомъ заинтересовался. Но когда исторія кончилась—подполковникъ подавился хохотомъ, а Москвитинъ покраснѣлъ и закусилъ губу.

Какъ это онъ могъ слушать? Или онъ и въ самомъ дѣлѣ дурной человѣкъ и Туся права, когда сердится?

Подполковникъ отдышался, вытеръ слезу и, описавъ полукругъ на вертящемся креслѣ, обратился къ Москвитину:

— Вы какъ,—не передумали? По поводу вечерней экскурсіи?

— Нѣтъ, не передумалъ.

— Чудаки вы, молодожены! Вы простите, что я такъ откровенно, по товарищески, но право же—чудаки... Вы не слыхали анекдота про Пушкина и Дельвига? Какъ тотъ приглашалъ Дельвига къ барышнямъ, а Дельвигъ отказывался, ссылаясь на то, что онъ женатъ... Или, можетъ быть, было наоборотъ, это неважно. Главное, тамъ Пушкинъ хорошо отвѣтилъ... Если, говоритъ, ты пользуешься домашнимъ столомъ... Да вы куда же?

Инженеръ выскочилъ изъ курилки такъ же поспѣшно, какъ только-что передъ этимъ оставилъ Тусю. Нигдѣ нѣтъ покоя сегодня. Обиды вьются кругомъ, словно голодныя осы, то и дѣло жалятъ.

Можно было бы по-вчерашнему попытаться отвести душу съ Рублевымъ, но механикъ давно уже пьянъ. Да и съ нимъ, конечно, не вышло бы ничего хорошаго.

Голова горѣла, ноги болѣли отъ усталости. На палубѣ, въ коридорахъ, въ салонахъ—пусто и скучно. Москвитинъ заглянулъ-было въ библіотеку. Тамъ сидѣла и усердно строчила толстая барыня. Ее-то совсѣмъ уже не хотѣлось видѣть. Но барыня обрадовалась встрѣчѣ, сейчасъ же отложила перо.

— Ахъ, мосье Москвитинъ, я только-что думала именно о васъ,—и даже писала, какъ видите. Я окончательно рѣшила избрать васъ центромъ своихъ наблюденій. А вокругъ васъ, по концентрическимъ кругамъ, расположится все остальное. Круги, конечно, связаны радіусами—психологическимъ взаимодѣйствіемъ. Чѣмъ ближе кругъ, тѣмъ больше радіусовъ. Я, видите ли, разрѣшаю одинъ старый и, въ то же время, вѣчно новый вопросъ: это — нормальный строй семьи въ грядущемъ справедливомъ обществѣ.

— Да, это—любопытный вопросъ!—вѣжливо согласился инженеръ.—Очень любопытный! Но только почему же именно я...

— Именно вы? Это же такъ понятно! Вы еще не приспособились къ браку и потому всѣ противорѣчія вскрыты. Я подхожу, какъ анатомъ, погружаю свой ланцетъ... и строю выводы.

— И что же,—уже построили что-нибудь?

— Я люблю дѣйствовать обстоятельно. Если вы перечтете мои статьи, то увидите, что тамъ всегда и все обосновано, до послѣдней мелочи. И мнѣ нужно по крайней мѣрѣ нѣсколько дней, чтобы сдѣлать въ данномъ случаѣ окончательный выводъ. Пока я могу только опредѣлить, что вы сами—ярко выраженный коллективистическій типъ, а ваша супруга—индивидуалистка. И слѣдовательно (толстая барыня торжественно подняла кверху свою тетрадку)—слѣдовательно, вы являетесь носителемъ высшей соціальной правды, а ваша супруга—носительницей правды временной, прикладной, житейской. Ибо идейно вы стоите внѣ существующаго строя, а она—внутри.

«Вотъ вѣдь какъ вретъ нелѣпо!»—подумалъ Москвитинъ и недовольно кашлянулъ. Туся еще въ учебные годы прочла нѣсколько книжекъ о соціализмѣ, и инженеръ считалъ ее даже слишкомъ красной. Утѣшался тѣмъ, что это—временное, отъ молодости. Отвѣтилъ:

— По моему мнѣнію, коллективизмъ тутъ ни при чемъ. И кромѣ того, мнѣ совсѣмъ не нравится быть такимъ... анатомическимъ объектомъ. Лучше бы ужъ вы надъ кѣмъ-нибудь другимъ оперировали!

— Вы не сочувствуете? Очень жаль! Безъ вашего сочувствія мнѣ, разумѣется, будетъ труднѣе. Хотя, конечно, я не остановлюсь передъ трудностями.

Москвитинъ подумалъ еще раздраженнѣе: «Такъ бы и придавилъ тебя на мѣстѣ, скверная ты жаба!»—и, хотя толстая дама, повидимому, намѣрена была еще продолжать разговоръ, довольно невѣжливо пожелалъ ей спокойной ночи.

Дома ожидало странное зрѣлище: Туся зарылась лицомъ въ подушки и плачетъ такъ, что все ея маленькое тѣло дрожитъ и бьется.

— Туся, женушка милая, что съ тобой такое?

Не отвѣтила. Видно только: старается перестать плакать—и не можетъ.

— Ну, милая, родная... Дать тебѣ валерьяновыхъ капель?

— Не-не надо... Я сейчасъ... сама...

Москвитинъ испуганно и неловко высвободилъ изъ подушекъ Тусино лицо, цѣловалъ мокрыя, соленыя щеки, гладилъ

растрепанные, сбившіеся волосы. Туся не сопротивлялась, даже сама прижалась крѣпко къ его груди, обняла за шею.

— Сейчасъ... все пройдетъ! Мнѣ такъ хорошо было. Я лежала и думала,—и вдругъ мнѣ показалось, что я такая гадкая, такая гадкая!

— Ты—гадкая? Да какъ это могло тебѣ придти въ голову?

— Не знаю! Только это правда, Петюкъ. Ты не убѣждай меня. Это правда. Поэтому все и идетъ у насъ не такъ, какъ нужно... И, когда ты ушелъ, мнѣ было очень скучно. И еще я о мамѣ думала, что она такъ далеко... И вотъ...

— Полно, дѣточка... Если тебѣ такъ скучно, такъ вѣдь можно еще поправить... Пересядемъ на обратный пароходъ и вернемся.

Мысль эта пришла ему въ голову какъ-то совсѣмъ внезапно, такъ что онъ даже самъ ей удивился,—и въ то же время ухватился за нее крѣпко. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ лучше будетъ вернуться. И виновата во всѣхъ непріятностяхъ именно эта безтолковая, ненужная поѣздка.

— Пересядемъ на обратный пароходъ и вернемся! Вѣдь намъ обоимъ нужно немножко успокоиться, сосредоточиться... А здѣсь вся эта масса новыхъ впечатлѣній только разстраиваетъ нервы.

Туся отнеслась къ этому предложенію не то, чтобы холодно, а просто какъ-то пропустила его мимо ушей. Слезы понемножку высохли, но Москвитинъ, разстроенный и возбужденный, продолжалъ цѣловать и ласкать ее. И вмѣсто слезъ расцвѣла улыбка,—застѣнчивая и въ то же время призывающая. И призывно зазвучалъ застѣнчивый шопотъ.

9.

Утромъ, въ томъ же составѣ, опять отправились въ Стамбулъ,—на старый базаръ. У Рублева глаза были, какъ у заснувшей рыбы, и, разговаривая, онъ старался дышать въ сторону. Подполковникъ съ профессоромъ, должно быть, не успѣли еще переварить ночныхъ впечатлѣній, многозначительно улыбались и переглядывались. И первое время всѣ, кромѣ толстой барыни, были разсѣяны и вялы, шагали лѣниво, словно отбывали тяжелую повинность. Потомъ понемногу увлеклись,—ожили.

Старый базаръ—огромный каменный муравейникъ, весь источенный запутанными полутемными ходами. Въ каждой ма-

ленькой ячейкѣ-лавкѣ—сидитъ муравей въ чалмѣ или фескѣ, продаетъ, покупаетъ, шьетъ, рѣжетъ, приколачиваетъ. И, какъ у настоящихъ муравьевъ, въ кажущемся хаосѣ виденъ порядокъ, все распредѣлено по отдѣламъ, все налажено вѣковой привычкой. Портные сидятъ только съ портными, ювелиры съ ювелирами, сапожники съ сапожниками. Нѣсколько галлерей совсѣмъ потонуло въ коврахъ,—смирнскихъ, персидскихъ, бухарскихъ. Тутъ же, конечно, и нѣмецкое машинное производство, ловко поддѣланное въ тканьѣ и пестромъ рисункѣ.

Туся рѣшила, что совершенно необходимо купить нѣсколько ковровъ для будущей обстановки. Это было хлопотливо, да и жаль было Москвитину затрачивать нѣсколько лишнихъ десятковъ рублей, но все-таки онъ сейчасъ же согласился, самъ принялъ дѣятельное участіе въ выборѣ. Рублевъ уговаривалъ-было:

— Охота вамъ... Вѣдь надуютъ! Лучше подождите до Смирны.

Пусть надуваютъ. Только бы Туся была спокойна, не нервничала. Вчера былъ такой странный вечеръ: больной, жуткій, и потомъ—радостный. Но и въ самой радости было что-то тревожное и, какъ будто, тоже больное.

Выбрали два ковра, для гостиной и спальни. Вручили ихъ фактору, чтобы доставилъ на пароходъ, и Туся очень заботилась: не укралъ бы.

Москвитинъ восторгался покупкой съ нѣсколько преувеличеннымъ пыломъ, и жена посмотрѣла на него подозрительно:

— А мнѣ кажется, что ты совсѣмъ не такъ уже доволенъ!

— Что ты говоришь? Съ какой же стати...

— Скрываешь, что сердишься! Сердись, если хочешь, мнѣ все равно. Вѣдь деньги-то мои собственныя, изъ приданаго.

У инженера даже духъ захватило отъ этой, насквозь проѣденной пошлостью, фразы. Офицеръ дѣлалъ видъ, что очень занятъ какими-то вышивками, но явно все слышалъ,—и толстая барыня тоже. Вотъ ей-то особенно хорошо,—для наблюденія.

Москвитинъ жалобно сказалъ, чувствуя, что густо краснѣетъ отъ стыда и обиды:

— Я самъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ этотъ подарокъ, Туся! Но если ты не хочешь...

— Хороши подарки: отъ мужа женѣ. Вотъ подожди, я свяжу шерстяные напульсники и поднесу ихъ тебѣ ко дню рожденія, какъ нѣмецкая пасторша... Если подаритъ что-нибудь посторонній человѣкъ—это пріятно. А мужъ...

— «Не Туся, совсѣмъ не Туся!»—съ ужасомъ думалъ инже-

неръ. И особенно остро вспомнилъ, что вѣдь и вчера вечеромъ, въ минуты самой горячей ласки, былъ, все-таки, какой-то надломъ. Можетъ быть, и не надломъ даже, а просто фальшь, неправда.

Попали въ галлерею, всѣ лавки которой, какъ показалось сначала, были завалены какою-то никому не нужной дрянью: не то старьевщики, не то скобяная линія. Приглядѣлись поближе. Оказалось: ювелиры. Старинныя драгоцѣнныя вещи, пояса, пряжки, блюда, кувшины, поддѣльные и настоящіе, одинаково заросли пылью. Турокъ-продавцовъ здѣсь было мало. Все больше наглые греки, вкрадчивые евреи, тупо назойливые армяне. Хватали за полы, загораживали дорогу и горланили на всѣхъ языкахъ, расхваливая товаръ. Многіе бойко говорили по-русски.

Толстая барыня зажала уши.

— Пойдемте отсюда... Это невыносимо дѣйствуетъ на нервы. И кромѣ того—никакого самоуваженія!

Но подполковникъ уперся. Надо посмотрѣть,—кажется, есть недурныя вещицы.

Порылся въ двухъ или трехъ лавченкахъ и, дѣйствительно, нашелъ превосходный чеканнаго серебра аграфъ, отдѣланный бирюзой и чернью. Заплатилъ, не торгуясь, и тутъ же, съ почтительнымъ поклономъ преподнесъ его Тусѣ. Та сначала немножко замялась,—какъ-то слишкомъ это было неожиданно,—но сейчасъ же оправилась и уже безъ всякихъ колебаній приняла подарокъ.

— Благодарю васъ. По крайней мѣрѣ, останется хорошая память... И очень милая вещица, въ самомъ дѣлѣ...

— Да, пустячокъ славный!—снисходительно согласился офицеръ и нѣсколько небрежно, черезъ плечо, спросилъ Москвитина:—Вы, я надѣюсь, не будете въ претензіи?

Со вчерашняго вечера подполковникъ вообще какъ-то очень замѣтно и неделикатно презиралъ Москвитина. Инженеръ сейчасъ почувствовалъ это особенно рѣзко, но почему-то не далъ отпору, а только еще больше смутился и отвѣтилъ совсѣмъ уже потеряннымъ голосомъ:

— Нѣтъ, что же... Пожалуйста... Я ничего...

Толстая барыня зашепталась съ профессоромъ. Тотъ любезно подставилъ ей свое ухо, сдѣлалъ лицо задумчивое и многозначительное.

Рублевъ подошелъ, потрепалъ инженера по плечу.

— Позавтракать бы, а? Тутъ есть у самаго базара кафе Токатліаноса, спеціально для завтраковъ. Въ адмиральскій часъ народу биткомъ набивается... Что ты можешь возразить?

— Ничего. И оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ, Рублевъ. Оставь меня въ покоѣ, понимаешь?

— Не совсѣмъ. Непонятно что-то! И даже не обидно, хотя и явно не по-джентльменски. Муха укусила тебя, что ли? А ты пренебреги... Пріучайся къ общежитію, дорогой мой.

Москвитинъ молча пошелъ впередъ, не ожидая, когда послѣдуютъ за нимъ остальные. На спинѣ и затылкѣ чувствовалъ чужіе взгляды, недоумѣвающіе и насмѣшливые,—и хотѣлось стряхнуть съ себя эти взгляды, какъ стряхиваютъ съ одежды паука. А хуже всего было сознаніе, что вѣдь самъ-то онъ, Москвитинъ, далеко не такъ уже правъ, и, кромѣ того, не умѣетъ владѣть, какъ нужно, своими чувствами. И, если Туся сейчасъ очень разсердится, значительная доля правды окажется, пожалуй, на ея сторонѣ. Но тогда гдѣ же вообще искать эту правду?

Туся не дала ему достаточно времени, чтобы собраться съ мыслями и найти какой-нибудь благоразумный исходъ. Ловко и почти незамѣтно отдѣлилась отъ своихъ спутниковъ, догнала мужа.

Остановились на перекресткѣ двухъ галлерей, у маленькой пожарной машины, больше похожей на тѣ спринцовки, какими поливаютъ виноградъ отъ тли и грибка. Инженеръ, не глядя на жену, разсѣянно взялся за рукоятку машины.

— Подожди, Петръ... Я положительно отказываюсь понимать, чего ты хочешь отъ меня добиться... Прежде всего, оставь эту гадость и слушай...

Оторвала его отъ машины и провела еще на нѣсколько шаговъ впередъ, къ лавченкѣ портного, гдѣ было темнѣе и не такъ людно. Въ рукахъ нервно вертѣла только-что полученный подарокъ,—того и гляди, сломается хрупкое ажурное серебро.

— Ты долженъ будешь мнѣ объяснить... Не сейчасъ, конечно, сейчасъ не время, но все-таки... Я чувствую, что атмосфера сгущается, и Богъ знаетъ, до чего мы оба можемъ дойти... Ты долженъ объяснить мнѣ, почему съ тобой произошла такая странная перемѣна?

— Со мной? Ты говоришь: со мной?

— Такъ вѣдь не для меня одной, а для всѣхъ это очевидно. Полковникъ мнѣ говорилъ только-что...

— Полковникъ? А профессоръ тоже говорилъ что-нибудь? Оставь...

Двинулся прочь, но Туся крѣпко схватила его за руку.

— Петръ, неужели... неужели ты самъ не чувствуешь, какъ ты смѣшонъ? Вѣдь ты просто ревнуешь, повидимому! Теперь уже совершенно ясно, что ревнуешь.

Москвитинъ скорчился, съ безсознательной грубостью освободилъ свою руку, зажалъ уши. Что угодно могла бы сказать,—только не это.

— Не могу, Туся! Клянусь тебѣ,—не могу... Пусти меня!

Туся растерялась, безпомощно оглянулась назадъ, гдѣ ждали спутники. Больше всего на свѣтѣ она боялась показаться смѣшной,—и теперь эта боязнь тоже пересилила тревогу за мужа. У инженера поблѣднѣвшія губы дрожали, какъ у готоваго заплакать ребенка. Такимъ еще никогда не видѣла его Туся, и, конечно, очень жутко было бы разстаться съ нимъ въ такую минуту. Туся сдѣлала послѣднюю попытку.

— Хорошо, мы не будемъ больше говорить объ этомъ... Но постарайся же успокоиться: на насъ смотрятъ. И я все сдѣлаю, какъ ты захочешь! Ну, я отдамъ назадъ брошку. И буду разговаривать только съ однимъ тобой... Даже не посмотрю ни на какого полковника. Хорошо?

— Пусти меня! Я не могу.

— Куда же ты хочешь идти?

— Куда-нибудь! Все равно. Можетъ быть, прямо домой, на пароходъ. Ты не безпокойся, я скоро вернусь. Но только пусти... Мнѣ нужно побыть наединѣ, подумать. Увѣряю тебя, что такъ будетъ лучше.

Въ полутемной лавченкѣ портной закончилъ длинный шовъ, прошелся по нему зубами,—для прочности. И, отрывая новую нитку, недружелюбно покосился на двухъ гяуровъ, которые зачѣмъ-то толклись у самаго порога, хотя явно не собирались ни заказывать, ни покупать что-нибудь готовое.

А въ сторонѣ кипятилась толстая барыня, размахивала черепаховымъ лорнетомъ, то и дѣло тянулась къ уху профессора.

У Туси отъ стыда и негодованія лобъ покрылся мелкими капельками пота.

— Хорошо, Петръ... Мы еще увидимъ...

Такъ и осталось неизвѣстнымъ,—что именно она надѣялась увидѣть. Повернулась круто и пошла, стараясь съ каждымъ новымъ шагомъ подавить новую долю негодующаго волненія. Когда подошла къ подполковнику, то могла уже сказать довольно спокойно:

— Мужу немного нездоровится, господа, и онъ думаетъ вернуться на пароходъ... Вы говорили, что по близости есть хорошіе завтраки, м-сье Рублевъ? Пойдемте завтракать!

Офицеръ, снисходительно улыбаясь, предложилъ ей согнутую

колечкомъ руку. Остальные были недовольны, особенно—механикъ. Тотъ даже выругался потихоньку,—и, однако же, покорно повелъ всю компанію къ Токатліаносу.

10.

У нѣкоторыхъ людей, изъ много пошатавшихся по божьему міру, вырабатывается удивительная способность: какимъ-то внутреннимъ чутьемъ оріентироваться въ совсѣмъ незнакомой мѣстности. И такому человѣку все равно, куда бы ни занесла его судьба: въ Турцію или на Сѣверный полюсъ. Онъ вездѣ выберется на самую удобную дорогу.

У Москвитина, должно быть, не было этой способности и, кромѣ того, онъ слишкомъ уже мало думалъ о томъ, куда и зачѣмъ идетъ. Изъ базарнаго лабиринта онъ еще кое-какъ нашелъ выходъ, но потомъ, выбравшись изъ-подъ низкихъ каменныхъ сводовъ на вольный просторъ, сейчасъ же заблудился. Улицы были безъ тротуаровъ, вымощены крупнымъ неровнымъ булыжникомъ и то круто поднимались кверху, то нелѣпо крутились по самому краю косогора. Былъ часъ самаго оживленнаго движенія, передъ полуденнымъ отдыхомъ. Инженера больно толкали въ бока и въ спину тяжело нагруженные амбалы и оборванные погонщики муловъ. Разъ чуть не проѣхало по ногѣ массивное колесо длинной мажары. Съ мостовой поднималась тонкая бѣлая пыль, садилась на лицо и на одежду.

Такъ проходилъ Москвитинъ довольно долго, не меньше получасу. Былъ, какъ во снѣ, и все повторялъ про себя послѣднія слова Туси: «Хорошо, мы еще увидимъ!» Особаго смысла въ этихъ словахъ не было, но именно потому-то они и повторялись такъ удобно.

Очнулся, когда изъ тѣсноты, давки и пыльныхъ косогоровъ неожиданно выбрался на сравнительно просторное мѣсто. Обмахнулъ платкомъ лицо, очистилъ запорошенные пылью глаза. Неподалеку разсмотрѣлъ что-то знакомое, рѣзко выдѣлявшееся на синемъ небѣ и сѣрой стѣнѣ своей темной суховатой зеленью. Это старый платанъ, съ кряхтѣньемъ опершійся на толстый костыль. А вотъ тамъ, подальше,—наивная островерхая башенка надъ входомъ въ Сераль.

— Янычаровъ дворъ!—сообразилъ Москвитинъ. Не узналъ его сразу только потому, что вчера попалъ сюда, вмѣстѣ съ пароходными спутниками, совсѣмъ съ другой стороны.

Отсюда нетрудно уже было бы спуститься къ Галатскому мосту, но инженеръ, послѣ краткаго колебанія, рѣшительно повернулъ въ противоположную сторону. На пароходѣ сейчасъ нечего дѣлать. Слишкомъ тамъ чисто, просторно и слишкомъ удобныя кресла въ салонахъ. А сейчасъ хочется усмирить непокорныя мысли хотя бы простой физической усталостью. Да, усмирить, бороться самимъ съ собой, а не съ Тусей, потому что Туся—не врагъ. Не врагъ, но нельзя понять, что въ ней злое и что—доброе.

Остановился на площади, у обставленной старыми пушками небольшой византійской церкви, и не замѣчалъ, что не просто думаетъ, а почти говоритъ вслухъ.

Любовь къ Тусѣ вдругъ поднялась жгучей, безнадежной горечью, палила огнемъ.

«Но гдѣ же ты? Люблю—и никогда не перестану любить. Но гдѣ же ты, настоящая?»

Большая чугунная пушка, украшенная рыжимъ отъ ржавчины василискомъ, уставилась прямо на Москвитина своимъ темнымъ жерломъ. Вотъ,—пусть бы пыхнуло сейчасъ смрадное пороховое пламя, бросило бы прямо въ грудь тяжелое каленое ядро. Но въ жерлѣ давно пусто: только соръ какой-то, пыль, клочья соломы.

— Святая Ирина!—вспомнилъ инженеръ, какъ Рублевъ вчера называлъ обставленную пушками церковь. Теперь турки устроили въ ней что-то въ родѣ военнаго музея, свалили туда всякую стальную и чугунную рухлядь, покрытую кровью и копотью минувшихъ войнъ. Но самую постройку турки не тронули, и она осталась, какъ была: небольшая, изящная и кажущаяся еще меньше, чѣмъ въ дѣйствительности, благодаря сосѣдству Айя-Софіи.

«А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ,—какое же все это старое!»

Вчера очень ужъ мѣшала думать о старомъ толстая барыня. Не шли къ прошлому ея воспоминанія объ императрицѣ Ѳеодорѣ. А сегодня вдругъ такъ легко подумалось объ этомъ прошломъ,—и такъ же легко и внезапно вошла въ сердце умиротворяющая и сладкая грусть.

Да, все прошло,—и скоро сгніетъ до конца, развалится коричневымъ прахомъ платанъ-висѣлица.

Висѣлица сгніетъ, а святая Ирина будетъ стоять еще долго-долго. Потомъ и она развалится, или разберутъ ее сами турки по камешку и соорудятъ на освободившемся мѣстѣ какую-нибудь казарму съ нѣмецкими инструкторами.

«Пусть ихъ!»—умиротворенно подумалъ инженеръ. «Все кончится. И казарма. И перемрутъ инструкторы. Все кончится...»

Пошелъ мимо святой Ирины,—уже не такъ торопливо,—внимательнѣе и пытливѣе осматривался по сторонамъ.

Тяжелая, безформенная громада, вся облѣпленная пристройками, надстройками, минаретами, подслѣповатая и какая-то морщинистая,—загородила дорогу. Москвитинъ повернулъ вправо, чтобы обойти эту громаду, миновалъ отлогій каменный спускъ и, не зная зачѣмъ, вошелъ въ прохладный портикъ съ толстыми, какъ крѣпостной фортъ, стѣнами. Все это было тоже знакомое, вчерашнее. Здѣсь же и широкая дверь, защищенная тяжелой захватанной занавѣской.

Изъ двери этой, какъ вчера, выглянулъ турокъ въ чалмѣ и халатѣ, окинулъ Москвитина быстрымъ взглядомъ и выбросилъ ему подъ ноги туфли.

— Да нѣтъ, мнѣ не надо!—забывшись, отвѣтилъ-было по-русски Москвитинъ и сейчасъ же передумалъ: — А впрочемъ, пожалуй...

Ужъ лучше зайти сюда, чѣмъ сидѣть на пароходѣ, или опять бродить, блуждая по тѣснымъ и пыльнымъ улицамъ. Пошарилъ въ жилетномъ карманѣ, — есть ли мелочь, — юркнулъ ногами въ туфли и просунулся въ щель между мраморнымъ косякомъ и занавѣской. Потомъ пошелъ-было прямо впередъ, но смутился,—слишкомъ просторна и пустынна была середина мечети.

Изъ высокихъ оконъ круто падали на затянутый блеклыми коврами полъ золотыя полотнища яркаго солнца. Вчера ихъ не было замѣтно, этихъ полотнищъ, и потому, можетъ быть, сегодня мечеть показалась Москвитину совсѣмъ иною. Хотя, въ мелочахъ, все было по-прежнему. Узналъ знакомыя колонны и знакомые щиты на стѣнахъ съ переплетенными хитрой вязью изреченіями Корана. Узналъ крутую высокую лѣсенку, ведущую къ балдахину шейкъ-уль-ислама. Запримѣтилъ даже обложенную бронзой «Влажную» колонну.

Подался лѣвѣе, не рѣшаясь ступить на яркія солнечныя пятна. Въ углу, между мозаичной стѣною и густымъ рядомъ колоннъ, что-то чернѣлось рѣзкимъ контрастомъ съ этими пятнами, и, стараясь быть возможно незамѣтнѣе, Москвитинъ направился туда.

На красной кожаной подушкѣ, свернувъ ноги калачикомъ, сидѣлъ старый мулла, бородатый, постный, похожій на иконо-

писнаго Николая Чудотворца. Передъ муллой, на низкой раскидной подставкѣ—большой рукописный Коранъ съ расцвѣченными заставками и рамочками кругомъ страницъ. Мулла прочитывалъ вслухъ нѣсколько строкъ, обводилъ слушателей строгимъ, изъ-подъ нависшихъ бровей, взглядомъ и затѣмъ уже начиналъ говорить, не глядя въ книгу,—должно быть, объяснялъ и толковалъ священные тексты. Говорилъ мѣрно и плавно, и такъ же мѣрно жестикулировалъ, припечатывая каждую фразу острымъ движеніемъ указательнаго пальца.

А слушали его женщины. Сидѣли тѣсной черной толпой вокругъ красной подушки, молчаливыя, неподвижныя, и едва можно было уловить живое мерцаніе глазъ сквозь плотныя черныя покрывала. Мулла хмурился и говорилъ гнѣвно—и женщины робко склоняли головы, смотрѣли въ полъ, обхвативъ руками согнутыя колѣни. Но потомъ мулла сказалъ что-то, должно быть, веселое, даже собралъ помельче постныя морщинки на щекахъ—и по черной толпѣ, какъ вѣтеръ по колосящейся нивѣ, тоже пробѣжала беззвучная волна улыбки.

Москвитину казалось, что онъ угадываетъ почти дословно все, что говоритъ этотъ старикъ съ постнымъ лицомъ. Улыбался, когда улыбались женщины, и робко прижимался къ стѣнѣ, когда старикъ наполнялся гнѣвомъ.

Жгучія такія были эти слова, жгучія, мудрыя и—святыя. А старыя стѣны, какъ будто, вбирали въ себя эту мудрую святость,—и потому такъ торжественно и свято было въ мечети, и такъ жутко было бы сейчасъ выйти на залитую золотымъ солнцемъ просторную середину.

Все такъ же, у самой стѣны, таясь за рядомъ колоннъ, пробрался Москвитинъ дальше,—ближе къ мирабу,—уже привычно скользилъ стоптанными туфлями и остановился только, когда новая толпа встрѣтилась на дорогѣ.

Здѣсь было меньше порядка и толпа эта не чернѣла однообразно уродливыми покрывалами женщинъ, а пестрѣла пятнами красныхъ, синихъ, желтыхъ и коричневыхъ красокъ. Одни сидѣли такъ же чинно, какъ черныя женщины, другіе полулежали, третьи стояли, прислонившись къ колоннамъ. А въ центрѣ, на обрывкѣ цыновки, сидѣлъ странный человѣкъ, еще молодой, выбритый до-гола, босой и съ обнаженной ребристой грудью. Темно-сѣрые глаза этого человѣка были налиты кровью, и губы были пересѣчены темными трещинками и сильно припухли.

Онъ сидѣлъ нѣсколько мгновеній, закрывъ лицо ладонями,

и раскачивался взадъ и впередъ, — такъ сильно, что бритымъ лбомъ почти касался цыновки. Потомъ выпрямлялся, ронялъ руки на колѣни и выкрикивалъ пѣвучимъ фальцетомъ, краснѣя отъ напряженія и закатывая налитые кровью глаза. Закончивъ высокой, растянутой нотой, откидывалъ назадъ голову и внезапно ударялъ себя кулакомъ въ грудь. Ударъ отзывался внутри тяжелымъ и гулкимъ металлическимъ звукомъ. Слушатели шевелились и вздыхали, нѣкоторые подпѣвали негромко или тоже опускали на грудь сжатые кулаки. И у всѣхъ въ глазахъ было что-то особое, общее съ распѣвавшимъ свою проповѣдь дервишемъ.

Москвитинъ смотрѣлъ и слушалъ,—и все болѣе убѣждался, что именно это долженъ былъ онъ увидѣть и услышать, чтобы хотя отчасти познать горечь истины.

Тамъ, у сѣдого муллы — спокойная мудрость и знаніе, а здѣсь—страстное страданіе и любовь.

И еще больше наполнилась святостью старая, огромная, позолоченная солнцемъ мечеть.

Вчера ходили здѣсь равнодушные, наглые, съ мелкимъ подленькимъ любопытствомъ шныряли по блеклымъ коврамъ. И потому святыни не было, хотя были тѣ же стѣны, впитавшія въ себя мудрость и страданія вѣковъ, и тѣ же щиты съ изреченіями пророка, и тотъ же необъятный, недостижимый куполъ высоко надъ головами мелкой толпы.

Такъ вотъ и съ Тусей. Только въ мечети онъ сначала увидѣлъ однѣ пыльныя голыя стѣны и потомъ уже нашелъ святыню. А изъ Туси онъ сдѣлалъ эту святыню раньше, чѣмъ Туся пришла къ нему, какъ жена. Потому теперь вмѣсто храма—базаръ, и вмѣсто мудрой истины—суетная ложь.

Выходя изъ мечети, Москвитинъ сунулъ привратнику горсточку серебряныхъ монетъ,—чурековъ. Тотъ кланялся униженно и весь расплылся угодливой хамской улыбкой, но эта земная гримаса уже не пятнала вѣчной правды. Все это—соръ, ничто. И только святое—вѣчно.

Москвитинъ вышелъ на площадь, опять увидѣлъ синее небо, пестрыя, обожженныя солнцемъ стѣны. Улицы вымерли,—былъ уже обѣденный часъ. Идти просторно: никто не толкается, не кричали надъ самымъ ухомъ амбалы. Но у Москвитина ноги словно налились свинцомъ,—и когда заблестѣлъ внизу Золотой Рогъ, весь изсѣченный тонкими мачтами и повитый дымками пароходовъ,—инженеръ остановился, ударилъ себя кулакомъ въ грудь, какъ красноглазый дервишъ:

— Господи, но вѣдь это же такъ тяжело,—и такъ страшно!

11.

Профессоръ собрался нанести визитъ какому-то высокому духовному лицу, состоявшему при мѣстной католической миссіи. Надолго заперся въ своей каютѣ и вышелъ оттуда—неузнаваемый. Вмѣсто сѣренькаго пиджачка — длинное черное одѣяніе, застегнутое множествомъ маленькихъ пуговицъ, и даже шляпа—особая, круглая и плоская, какія носятъ только ксендзы. Туся ахнула.

— Такъ вѣдь вы же совсѣмъ настоящій! А я думала... Почему же вы до сихъ поръ все время пиджакъ носили? Знаете, это черное вамъ очень къ лицу... Даже—стильно.

— Мы, духовенство, стараемся не привлекать къ себѣ посторонняго вниманія. Особенно здѣсь, въ иновѣрческой странѣ.

— И напрасно! Такъ вы мнѣ гораздо больше нравитесь.

— Позвольте, позвольте!—вступился подполковникъ.—Вы вѣдь и меня въ мундирѣ-то еще не видали, а все только во образѣ несчастнаго штафирки.

— Не хвастайтесь, полковникъ!

— Какое же это хвастовство! Просто я требую равноправія. Если отецъ профессоръ показываетъ товаръ лицомъ, такъ я тоже не желаю отставать. Честное слово, надѣну мундиръ! Вотъ только выйдемъ въ открытое море—и надѣну со всѣми регаліями. И даже имѣю на это полное право, потому что нашъ пароходъ—частица русской территоріи...

У Туси въ глазахъ заблестѣли самодовольныя искорки.

— Это что же, господа, открытое состязаніе? Предупреждаю заранѣе, что никакого приза не будетъ.

Профессоръ скромно потупилъ глаза.

— Я давно уже замѣтилъ, что панъ полковникъ любитъ шутить... Очень извиняюсь, но я долженъ поспѣшить къ его эминенціи.

Поцѣловалъ ручку у Туси и удалился. Подполковникъ проворчалъ недружелюбно:

— Подумаешь тоже... Дамскій утѣшитель! Поѣдемте въ каюкѣ прокатиться, а?

— Нѣтъ, я иду переодѣться. Скоро обѣдать. Вы лучше моего Петра займите.

— А гдѣ онъ? Подчиняюсь, хотя и съ болью въ сердцѣ, державному приказу.

— Вы развѣ не видѣли? Вотъ онъ сидитъ, за шлюпкой.

Москвитинъ и правда сидѣлъ тутъ же, въ пяти шагахъ, на чугунномъ кнехтѣ, курилъ одну папиросу за другой и бросалъ въ воду окурки. Разслышавъ послѣднія слова Туси, хотѣлъ-было уйти, но подполковникъ уже загородилъ дорогу всѣмъ своимъ крупнымъ, сытымъ, выхоленнымъ тѣломъ.

— Напрасно вы утромъ такъ стремительно исчезли съ базара, дорогой мой! Я тамъ еще одно чудесное пріобрѣтеніе сдѣлалъ. Купилъ старинное кремневое ружье. Вѣсомъ больше полпуда и дуло на концѣ расширяется воронкой. Однимъ словомъ, то, что называется: мултукъ. И, знаете, удивительно мѣтко бьетъ! Только-что вошелъ съ нимъ въ каюту, повернулся — и бахъ этой самой воронкой по электрической лампѣ. Одни дребезги посыпались. Очень мѣтко!

— Да, это замѣчательно! — покорно согласился Москвитинъ.

— Думаю въ самомъ Египтѣ тоже найти кое-что по части оружія... Особенно хочется купить арабскую длинноствольную винтовку съ золотой насѣчкой. Есть одна такая у нашего начальника штаба, но совсѣмъ неважный экземпляръ. Хочется перекокать... Угостите спичкой, пожалуйста! У меня бензиновая зажигательница испортилась.

Москвитинъ угостилъ спичкой и самъ закурилъ новую папиросу, бросивъ только-что докуренную.

— Однако, вы здорово дымите! — удивился подполковникъ. — Впрочемъ, со мной это тоже иногда бываетъ. Я когда готовился къ выпускнымъ экзаменамъ въ академіи, такъ выкатывалъ въ день по сотнѣ.

— У васъ крѣпкій или вышесредній?

— Вышесредній.

— Лучше на крѣпкій переходите. Даетъ больше удовлетворенія. А вотъ профессоръ иногда балуется и куритъ дамскія, миньонъ. Не табакъ, а капуста съ опопонаксомъ. Какъ онъ вамъ нравится, нашъ отецъ профессоръ?

— Что же, онъ — ничего... Я какъ-то мало присматривался. Хорошій человѣкъ, вѣроятно...

— Пройдоха! Тихонькій такой и каждое утро самъ для себя мессу служитъ, а посмотрѣли бы вы его тогда, ночью... Прямо слюной изошелъ. Воображаю, какъ это онъ съ дамочками, съ исповѣдницами...

— Съ дамочками? Можетъ быть. Онъ красивый. Вы его конкурренціи не опасаетесь?

— Какъ это?

— Вы только-что съ моей женой разговаривали относительно конкурса. Такъ вотъ, я и спрашиваю: не опасаетесь?

Розовая краска на щекахъ подполковника сгустилась, перешла даже на лобъ и уши. Онъ недоумѣнно передернулъ плечами, тщательно сбросилъ за бортъ пепелъ со своей папироски.

— Какъ-то вы... странно спрашиваете. Надѣюсь, вы понимаете, что это была только шутка. То, что называютъ французы: pour la blague...

— Разумѣется. Хотя будьте увѣрены, что я лично ничего не имѣю противъ принципа свободной конкурренціи. Это, знаете, и во всемъ животномъ мірѣ— то же самое. Самцы дерутся, участвуютъ въ конкурсѣ, а самка стоитъ въ сторонкѣ и томно наблюдаетъ. Только, видите ли, у животныхъ призъ побѣдителю совершенно обезпеченъ. Такъ что я совѣтовалъ бы вамъ предварительно тоже выяснить условія. А то что же такъ-то, въ пустую... Скучно, по-моему...

— Нѣтъ, все-таки вы очень странно все это говорите!—сказалъ офицеръ, и краска у него понемногу начала сбѣгать, сначала съ кончиковъ ушныхъ раковинъ, а потомъ и со лба.—Положительно странно говорите. У васъ, должно быть, вообще разстроены нервы. Вы не огорчайтесь, Египетъ въ этомъ отношеніи чудеса дѣлаетъ. Взять хотя бы того же нашего начальника штаба. На войнѣ былъ контуженъ взрывомъ шимозы и, кромѣ того, получилъ форменное нервное разстройство. Темноты боялся и звуковъ. Когда при немъ откупоривали бутылку — убѣгалъ въ другую комнату. А въ довершеніе всего еще и почки разстроились. Однимъ словомъ—не человѣкъ, а только какой-то образъ человѣческій. И что бы вы думали? Получилъ отпускъ съ пособіемъ для лѣченія, провелъ полтора мѣсяца въ Гелуанѣ, — и все какъ рукой сняло. Вы очень хорошо надумали — поѣхать въ Египетъ.

— Я ничего не надумывалъ. Такъ жена захотѣла. А я только повѣрилъ, что это дѣйствительно нужно — и согласился.

— Ну, стало быть—супруга ваша большая умница. Право... Да, вотъ заговорили о дамахъ-то, а я и забылъ... Меня собиралась наша писательница интервьюировать,—по военной части. Ждетъ въ библіотекѣ. Такъ до обѣда, стало быть!

Уходя, нѣсколько разъ украдкой оглянулся и какъ-то очень ужъ четко пристукивалъ каблуками по просмоленнымъ доскамъ

палубы. Москвитинъ потянулся-было въ портсигаръ за новой папиросой, но ощутилъ во рту жгучую горечь и пошелъ въ буфетъ,—пить содовую.

За обѣдомъ сидѣли чинно и мирно, какъ будто все шло по-хорошему. Профессоръ еще не вернулся отъ высокой духовной особы и на его мѣсто перебралась толстая барыня. Очень ворчала на плохую кухню и очень много ѣла. Подполковникъ предупредительно наливалъ Москвитину водку и вино и даже помогалъ выбирать лучшіе куски съ блюдъ, которыми обносилъ лакей. Туся разговаривала съ толстой барыней о новомъ фасонѣ юбокъ и о томъ, какъ трудно будетъ приноровиться къ нынѣшнему лѣтнему сезону. Весело горѣло электричество, ловко сновали лакеи. Сѣдой капитанъ, какъ сказочный добрый король, отеческимъ окомъ посматривалъ на своихъ вѣрноподданныхъ пассажировъ.

У Москвитина сжимали горло нервныя спазмы и больно было глотать, но онъ всячески старался, чтобы другіе не замѣтили, что онъ ѣстъ такъ мало и неохотно. Нѣтъ, нѣтъ,—сейчасъ еще не время. И нехорошо даже, что такъ говорилъ съ офицеромъ. Нужно было подождать еще немного.

— А механика нашего что-то не видно!—вспомнилъ подполковникъ.

— И слава Богу! — чуть не перекрестилась толстая барыня.—Грубый человѣкъ и пьяница. Хотя, извините, — повернулась къ инженеру,—это, кажется, вашъ старый товарищъ?

— У меня всѣ товарищи—грубые люди и пьяницы.

Сказалъ, — и ущипнулъ самого себя очень больно, почти до слезъ. Вѣдь не нужно же!

Въ общемъ все обошлось благополучно. Только разошлись немножко раньше обыкновеннаго, не засиживались за опустѣвшимъ столикомъ въ долгой лѣнивой бесѣдѣ. На порогѣ столовой Туся справилась своимъ звонкимъ и всегда такимъ милымъ голоскомъ:

— Ты идешь вечеромъ въ городъ, Петръ?

— Въ городъ? Почему ты думаешь, что я хочу идти въ городъ? Да я и въ самомъ дѣлѣ пойду. Постараюсь разыскать своего грубаго человѣка!

— Можетъ быть, ты отложишь на другой разъ... свою прогулку? Мнѣ хотѣлось бы договориться съ тобой до чего-нибудь опредѣленнаго. Я все еще не совсѣмъ понимаю твое поведеніе.

— Только не сейчасъ, Туся! Для твоей же собственной пользы я говорю, — не сейчасъ.

Сейчасъ ненавидѣлъ каждый Тусинъ волосокъ, каждый ея вздохъ, каждое движеніе,—и такъ боялся себя самого, что при одной мысли о разговорѣ съ Тусей захватывало дыханіе. Туся, должно быть, догадалась: не настаивала и молча пошла куда-то вдаль по узкому, бѣлому корридору. А Москвитинъ сбѣжалъ по трапу на берегъ, миновалъ пакгаузы, отъ которыхъ въ сыромъ вечернемъ воздухѣ крѣпко пахло соленой рыбой, перцемъ и копрой, — и свернулъ наугадъ въ первую попавшуюся уличку низменной Галаты, уличку кривую и затхлую. Зналъ, что Рублевъ не любитъ дорогихъ ресторановъ и что искать его надо не въ благопристойной Перѣ, а именно гдѣ-нибудь здѣсь, въ этихъ затхлыхъ трущобахъ. Очень хотѣлось найти механика, и былъ увѣренъ, что найдетъ.

Вечеромъ, въ тускломъ свѣтѣ рѣдко разставленныхъ фонарей, еще труднѣе было освоиться съ мѣстностью, чѣмъ утромъ въ запутанномъ старомъ Стамбулѣ. Впрочемъ, улицы были всѣ одинаковыя,—и одинаковые у перекрестковъ кабачки съ безграмотными надписями на всѣхъ языкахъ міра. Такъ-что не было никакой разницы, въ какую улицу ни попасть.

На ходу Москвитинъ заглядывалъ въ каждую широко раскрытую дверь, морщился отъ ударявшей въ лицо теплой волны спирта и прогорклаго масла—и высматривалъ Рублева. Попадалось много лицъ пьяныхъ, потныхъ, съ прилипнувшими ко лбу волосами и отвислой нижней губой,—но механика среди нихъ не было. И, отвѣтивъ отрицательнымъ кивкомъ головы на зовъ прислуживавшихъ женщинъ, Москвитинъ устремлялся дальше.

Фонари все рѣдѣли, улицы суживались. И вдругъ, за крутымъ поворотомъ, сразу рѣзнули глаза разноцвѣтные огни, нестройнымъ гуломъ закружилась вмѣстѣ съ уличной пылью веселая музыка, пересыпанная женскими взвизгиваніями и смѣхомъ. Москвитинъ пріостановился, слегка испуганный, но сейчасъ же двинулся впередъ, не стараясь разобраться въ этихъ непонятныхъ и запутанныхъ ощущеніяхъ.

Цвѣтные фонари отражались въ грязныхъ лужахъ, апельсинныя корки то и дѣло подвертывались подъ ноги, и раза два инженеръ чуть не упалъ. Пьяный нѣмецкій матросъ лежалъ поперекъ улицы, и тутъ же валялась его круглая шапочка съ помпономъ на макушкѣ. Матросъ шарилъ руками по грязи, пробовалъ приподняться и слезливо ругался. Москвитинъ поднялъ шапку, стряхнулъ и подалъ пьяному. Тотъ взялъ было, посмотрѣлъ съ тупымъ недоумѣніемъ и, вдругъ отшвырнувъ шапку далеко прочь, пустилъ ей вслѣдъ какую-то необыкновенно сложную и непонятную для Москвитина брань.

— Вотъ вѣдь какой ты!—вздохнулъ инженеръ.—Зачѣмъ же такъ?

Вспомнилъ, что пропустилъ уже двѣ или три освѣщенныхъ двери, и торопливо сунулся въ слѣдующую.

Старая морщинистая негритянка, съ короткой пыльной шерстью на головѣ, выбивавшейся изъ-подъ криво повязаннаго краснаго тюрбана, жадно схватила его подъ руку и протолкнула дальше, за шелестящую занавѣску, сдѣланную изъ тонкихъ бамбуковыхъ палочекъ, нанизанныхъ вперемежку со стеклянными бусами. Холодныя гладкія палочки непріятно скользнули по лицу и рукамъ. Москвитинъ нетерпѣливо оттолкнулъ негритянку, остановился на самомъ порогѣ—и обмеръ.

На широкомъ, низкомъ диванѣ и прямо на полу, на разбросанныхъ въ безпорядкѣ ковровыхъ матрасахъ, сидѣли и лежали женщины, — не меньше десяти, — совсѣмъ нагія, украшенныя ожерельями изъ фальшивыхъ камней и позолеченными браслетами. Были черноволосыя и кофейно-смуглыя, похожія на уроженокъ Аравіи, были рыжія съ тѣломъ рыхлымъ и мертвенно бѣлымъ, какъ у подземныхъ личинокъ; были совсѣмъ несложившіяся дѣвочки и были обрюзгшія полустарухи. Ожерелья и браслеты зазвенѣли, руки тянулись и груди безстыдно выпячивались навстрѣчу вошедшему.

— Что это такое? Я не хочу!—растерянно сказалъ Москвитинъ.—Что это такое?

Одна, которая была всѣхъ ближе, голубоглазая и русая, встала и положила руку ему на плечи.

— Русскій, голубчикъ? Ну, пойдемъ со мной, землячокъ. Пойдемъ!

Отъ ея напудреннаго тѣла пахло чеснокомъ и какими-то очень сильными сладкими духами. Накрашенныя лиловыя губы прильнули къ губамъ инженера. У Москвитина закружилась голова отъ страха и жгучаго отвращенія. Одно мгновеніе ничего не помнилъ и не понималъ. Только мелькали передъ глазами разноцвѣтныя пятна и грохотала въ ушахъ музыка заводного органа. Потомъ нагнулся, чтобы легче освободиться отъ обвившихъ рукъ, и, убѣгая, сшибъ съ ногъ старую негритянку. Провожаемый визгомъ и хохотомъ, вылетѣлъ на улицу и подгонялъ самъ себя, бормоча:

— Прочь... прочь... прочь...

Окончательно пришелъ въ себя только уже на самой набережной, отдышался, поправилъ сбившійся галстухъ. И только теперь понялъ, какъ былъ нелѣпъ и неразсудителенъ, разыс-

кивая Рублева въ этомъ огромномъ, темномъ и страшномъ городѣ.

Но о томъ, что не встрѣтилъ механика—уже не жалѣлъ. Теперь было другое, болѣе важное, давящее тяжелой жутью.

Вѣдь если въ связи съ Тусей нѣтъ больше никакой святости, если Туся—такая же женщина, какъ и всѣ другія,—такъ вѣдь и тамъ, за бамбуковой занавѣской—тоже женщины. И, стало быть, даже у нихъ должно быть что-то общее съ Тусей.

— О-ой!—громко застоналъ инженеръ.—Не могу понять. Не могу.—И не хочу.

Когда вернулся на пароходъ, въ свою каюту, Туся уже спала—или притворялась спящей. Москвитинъ тихонько стащилъ съ себя пиджакъ, башмаки и легъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

12.

Утро было, какъ утро. По крайней мѣрѣ, началось все по заранѣе налаженному порядку. Матросы, не жалѣя морской воды, окатили палубу. Буфетчикъ у носового трапа принялъ провизію: теленка, двухъ барашковъ, корзину рыбы и цѣлую гору всякихъ овощей. Капитанъ надѣлъ мундиръ, новую фуражку и уѣхалъ въ городъ, по оффиціальнымъ дѣламъ.

Пассажиры одинъ за другимъ появлялись въ столовой и пили свое утреннее молоко, чай или кофе,—безъ особой торопливости. Константинополь далъ уже имъ почти все, что могъ, и теперь хотѣлось плыть дальше. Лѣниво посматривали на примелькавшіеся берега и, отъ нечего дѣлать, поругивали турокъ. Побили вотъ ихъ недавно,—такъ имъ и надо! Въ Дарданеллахъ, говорятъ, до сихъ поръ не убраны минныя загражденія. Пароходъ можетъ наткнуться на какую-нибудь затерянную мину и затонуть. Развѣ это не безобразіе?

Москвитины тоже въ свое время отбыли кофейную повинность. Инженеръ всталъ раньше и поджидалъ Тусю въ столовой. Ждалъ недолго, но по дорогѣ изъ каюты въ столовую Туся успѣла уже встрѣтиться съ подполковникомъ и съ профессоромъ и явилась къ столу самъ-третей. Похоже было, какъ будто эти двое нарочно подкарауливали Тусю въ корридорѣ, но это обстоятельство не произвело на Москвитина почти никакого впечатлѣнія. Онъ только съ сугубой любезностью передвинулъ свой стулъ чтобы освободить мѣсто профессору, и, пока другіе болтали о разныхъ пустякахъ, сосредоточенно молчалъ.

Спорили, когда именно отвалитъ сегодня пароходъ: въ двѣнадцать или въ четыре. По расписанію полагается въ четыре, но какое-то тамъ укрѣпленное мѣсто въ Дарданеллахъ пароходъ обязательно долженъ проходить засвѣтло, и потому могутъ отвалить утромъ.

— Изъ осторожности слѣдуетъ сегодня не ходить на твердую землю!—сказалъ профессоръ.

Подполковникъ успокоилъ:

— Пустяки! Должны вывѣсить доску надъ трапомъ... Да, въ сущности говоря, и идти-то некуда! Все одно и то же. Принадоѣли гололобые.

Порѣшили съѣздить въ Перу, во французскій магазинъ, и на этомъ покончить. Туся спросила, откусывая бисквитъ:

— Ты поѣдешь, Петръ?

— Зачѣмъ? Мнѣ ничего не нужно во французскомъ магазинѣ.

— Просто—для компаніи! Впрочемъ, ты ведешь себя самостоятельно. Мы можемъ обойтись и безъ тебя. Правда, господа?

Когда Туся отправилась надѣвать шляпку, Москвитинъ зашелъ вмѣстѣ съ женой въ каюту, присѣлъ на еще не убранную кровать.

— Вотъ ты хотѣла вчера поговорить со мной... А можешь ты сейчасъ удѣлить мнѣ пять минутъ?

— Сейчасъ? Нечего сказать, удачно... Почему же ты не могъ поговорить со мной вчера, именно, когда я тебя объ этомъ просила?

— Я не виноватъ, что не могъ! Это—сильнѣе меня. И я не задержу надолго, такъ что твои спутники не успѣютъ соскучиться... Всего какихъ-нибудь пять минутъ.

— Нечего попрекать меня какими-то спутниками, разъ тебя самого невозможно никуда затащить. Тебѣ пріятнѣе проводить время съ этимъ пьяницей-механикомъ, чѣмъ со мной... Гдѣ это вы изволили таскаться ночью, позвольте спросить? Вернулся вдребезги пьяный. Я вѣдь все знаю. Я только дѣлала видъ, что сплю. Костюмъ весь въ грязи, въ пятнахъ. Хорошіе сюрпризы ты мнѣ готовишь! До женитьбы прикидывался, Богъ знаетъ, какимъ возвышеннымъ человѣкомъ, а на дѣлѣ оказался—пьянчужка, бродяга, и еще смѣешь устраивать мнѣ публично какія-то идіотскія сцены ревности, какъ тогда, на базарѣ! Хорошо это, я тебя спрашиваю?

— Подожди, Туся... Я не пьянчужка и не бродяга, и все, что ты сейчасъ говорила—ложь. Но не въ томъ дѣло. Это—

мелочь, пыль, которую такъ легко стряхнуть. Ты не отвлекайся, не разбрасывайся по мелочамъ. Думай только о главномъ.

— Да о чемъ же? Ты, кажется, и до сихъ поръ еще не проспался... Или я ухожу въ магазинъ, или оставь всякія загадки и говори по-человѣчески!

— Я постараюсь... Хотя очень трудно говорить, когда ты намѣренно не хочешь—или не можешь—понять... Главное сейчасъ—это нашъ бракъ, Туся. Согласись, что это—главное. И если ты обзываешь меня нехорошими именами, или просто клевещешь, или устраиваешь конкурсы своихъ поклонниковъ—все это для меня сейчасъ очень мало значитъ. Вчера я опять былъ въ той большой мечети, въ Айя-Софіи, и тамъ многое понялъ. Не все, но многое... И понялъ, что мы сдѣлали огромную ошибку, въ которой никто не виноватъ,—ни ты, ни я. Никто не виноватъ, но все-таки—ошибка.

Туся въ это время стояла у зеркала и прикалывала шляпку: одна булавка въ зубахъ, другая уже въ шляпкѣ. Круто повернулась, и булавка, звеня, покатилась по полу. Шляпка съѣхала на бокъ, и лицо вдругъ сдѣлалось злымъ, страшнымъ и въ то же время унизительно жалкимъ.

— Ты... ты... и ты смѣешь... Я очень хорошо знаю, что ты хочешь сказать! Это нашъ бракъ—ошибка, да? И женой твоей я сдѣлалась по ошибкѣ, да? Сама навязалась, бросилась на шею, а ты и ошибся, да? Такъ я же скажу тебѣ, что ты... ты — неблагодарная тварь и... подлецъ, да, да, подлецъ, подлецъ...

Сорвала шляпку, бросила на полъ и въ истерической ярости топтала ее ногами.

— Подлецъ, насильникъ! Обманулъ, завезъ, Богъ знаетъ, куда, а теперь хочешь бросить? У-у, ненавижу... Сама уйду, сама уйду первая! Подлецъ ты!

Москвитинъ всталъ блѣдный, трясущійся.

— Туся, но вѣдь и ты не имѣешь права... ты не имѣешь никакого права называть меня подлецомъ... Я ни въ чемъ тебя не обвиняю, но и ты не имѣешь права оскорблять меня такъ незаслуженно...

— Вонъ! Сейчасъ же вонъ отсюда! Я видѣть тебя не могу... Уходи, или я сама не знаю, что такое я могу сдѣлать...

Тусино лицо искажалось все сильнѣе, было теперь совсѣмъ уже непохоже на настоящую Тусю. Глаза почернѣли отъ расширенныхъ зрачковъ, а губы брызгали пѣной. Инженеръ, глядя на это лицо, задомъ отступалъ къ двери, стукнулся въ дверь

затылкомъ и ступилъ въ корридоръ. Дверь передъ нимъ сейчасъ же захлопнулась, и щелкнула въ замкѣ тугая пружина.

Въ корридорѣ встрѣтился профессоръ, робко прижался къ стѣнѣ, пропуская Москвитина, и даже вытащилъ изъ кармана, въ качествѣ щита, свою золотообрѣзную книжку въ черномъ тисненномъ переплетѣ. Инженеръ просто не замѣтилъ его, какъ пролетѣвшую муху. Искалъ, гдѣ побольше воздуха и простора—и вышелъ на палубу.

Вчера безъ всякаго успѣха искалъ Рублева по всей Галатѣ, а нынче онъ оказался тутъ же, на палубѣ, у паровой лебедки, которую чинилъ пропитанный масломъ машинистъ. Рублевъ—опять спохмелья, глаза—рыбьи и голосъ—хриплый. Однако же, взглянувъ на инженера, сразу разобралъ, что, кажется, что-то неладно.

— Ты что?

Москвитинъ отвѣтилъ, порываясь куда-то еще дальше:

— Она меня прогнала сейчасъ.

Механикъ свистнулъ и поймалъ Москвитина за полу. Потомъ отвелъ въ сторону, за огромную вентиляціонную трубу, гдѣ никто посторонній не могъ ихъ услышать.

— Погоди, не торопись такъ... Поругались?

— Нѣтъ. Прогнала.

— Туфлей бросалась? Если нѣтъ подъ рукой горячаго супа, то всегда туфлей. Это ничего, братъ... Ты плюнь, пережди... Если сильно заштормовало—отстаивайся въ порту—и никакихъ. Всего безопаснѣе—и лишняго угля не сожжешь... Да куда ты идешь-то, чудакъ?

— Нужно мнѣ! Тѣсно здѣсь какъ-то. Я лучше пойду...

— Эхъ ты, бабья незадача... Еще отъ парохода отстанешь... Погоди хоть минуточку, сейчасъ капитанъ долженъ вернуться. Можетъ быть, къ обѣду уже отвалимъ, понимаешь? Сейчасъ капитанъ вернется и скажетъ. Тогда доску вывѣсимъ... А то что же такъ-то? Очень ужъ ты разстраиваешься.

— Я вчера хотѣлъ поговорить съ тобой, Рублевъ. А сегодня уже поздно. Не о чемъ. Сегодня я успѣлъ уже и съ Тусей до конца договориться... Пусти меня лучше.

— Пустое... О чемъ ты такомъ могъ договориться? У каждой бабы на недѣлѣ семь пятницъ. А самъ я вчера сильно намокъ и для философіи не годился. Пойдемъ лучше сейчасъ ко мнѣ въ каюту, старый... Марсалой угощу, хотя и не во благовременіи. Съ полчаса у меня еще есть свободныхъ. А по-

томъ—въ машинную. Золотникъ тамъ у помпы все заѣдаетъ, чортъ бы его взялъ... Побесѣдуемъ съ полчаса-то, а?

— Нѣтъ, пусти... Тѣсно!

— Такъ хотя бы шляпу надѣлъ, а то идешь непокрывшись... Напечетъ маковку-то...

— Не могу. Пусти!

— Глупо, старикъ. А въ концѣ концовъ—препятствовать не въ моихъ правилахъ. Если хочется бѣситься—бѣсись! Пожалуй, и лучше будетъ, когда провѣтришься... Только не опоздай, смотри. Можемъ отойти раньше расписанія. Капитанъ сейчасъ вернется изъ агентства и скажетъ. Понялъ?

— Да оставь же ты меня. Мнѣ нужно...

— Вотъ зарядилъ, словно граммофонъ какой... Мнѣ-то что? Иди...

Даже запряталъ руки въ карманы и круто повернулся, чтобы показать наглядно, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ больше никакого отношенія ко всему этому дѣлу. Но, отвернувшись, скосилъ глаза и прослѣдилъ внимательно, какъ Москвитинъ спускался по трапу. Потомъ напалъ на возившагося у лебедки машиниста:

— Это что? Развѣ сальники такъ набиваютъ? Вамъ бы навозъ возить, а не на пароходѣ служить, деревня вы этакая! Бабники...

13.

У пакгаузовъ и по всей линіи Галатскихъ пристаней всякій былъ занятъ своимъ дѣломъ и никто не обращалъ вниманія на Москвитина. И ему было пріятно. Какъ всегда, сразу сдѣлалось легче въ пестрой, шумной и чужой толпѣ.

Долго бродилъ отъ сарая къ сараю, смотрѣлъ, какъ выгружаютъ, пересчитываютъ и маркируютъ разный товаръ. Принюхивался къ разнымъ запахамъ, то пріятнымъ, то едва выносимымъ.

Но здѣсь было, все-таки, слишкомъ безпокойно: свистки пароходовъ, треплющіеся по вѣтру компанейскіе флаги, командные крики и чугунный рокотъ лебедокъ,—все это живо напоминало о томъ, что случилось, и опять вставало передъ глазами страшное и жалкое лицо Туси.

За пристанями, у Галатскаго моста, установилась вереница извощиковъ. Вѣтеръ былъ свѣжій, и Москвитинъ вспомнилъ, что ушелъ безъ шляпы, потому что волосы падали на глаза и щеко-

тали лобъ. Но это пустяки. Просто вотъ такъ захотѣлось—и пошелъ. Извощикъ, по крайней мѣрѣ, посмотрѣлъ на него безъ всякаго удивленія, тронулъ вожжами. Москвитинъ объяснилъ знаками, какъ глухонѣмой: куда-нибудь все прямо, прямо и—подальше.

Извощикъ попался хорошій, съ мягкими рессорами и на резиновыхъ шинахъ. Коляска покачивалась плавно, какъ лодка на мертвой зыби, убаюкивала. Съ мостовой скоро перекатились на шоссе, и колеса ровно зашипѣли по мелкому гравію.

Начало дороги Москвитинъ проѣхалъ, закрывъ глаза,—и, когда открылъ ихъ, увидѣлъ какую-то, еще совсѣмъ незнакомую, мѣстность. Дома стояли рѣдко, высокіе, вычурно нарядные, и, по большей части, снѣжно-бѣлаго цвѣта. Много было садовъ,—и фруктовые сплошь окутались бѣло-розовымъ облакомъ цвѣтовъ. Слышно было, какъ жадно гудятъ въ этомъ облакѣ хлопотливыя пчелы и тяжеловѣсные шмели. Лошади побѣжали лѣнивѣе и извощикъ погонялъ ихъ только для виду, а шелковая кисточка на его фескѣ подпрыгивала и раскидывалась вѣеромъ.

«Вотъ, онъ ѣдетъ себѣ и, навѣрное, мечтаетъ сейчасъ только о томъ, какъ бы побольше получить на чай, а для меня—все—кончено!»—подумалъ съ легкой завистью Москвитинъ.—«Какъ это странно и страшно понять: кончено. Но когда поймешь, то уже спокойно».

Но это былъ не покой, а какое-то мертвенное отупѣніе, отъ котораго тѣло сдѣлалось тяжелымъ, какъ свинецъ, а мысли заледенѣли. Бѣлые дома, и цвѣты, и пчелиное гудѣніе—все это было не то сонъ, не то сказка, нарочно выдуманная только для того, чтобы закрѣпить это оцѣпенѣніе. И на первый планъ выступали разныя мелочи, въ родѣ извощичьей кисточки или встрѣчной арбы, запряженной двумя рыжими волами, выступали и прикрывали своей мелочностью глубокое и больное.

«Теперь уже все! Все! Больше ничего не будетъ. Назвала подлецомъ, топала ногами,—значитъ, не только не любитъ, но и не уважаетъ. Женщины изъ переулка съ цвѣтными фонарями, навѣрное, такъ же бранятся и топаютъ ногами, когда имъ недоплатятъ гости».

Эта мысль всплыла внезапно, пробившись сквозь мелочи, и сдѣлалось такъ больно, словно кто-то воткнулъ прямо въ сердце толстую ржавую иглу и повернулъ ее нѣсколько разъ,—туда и сюда.

Боль эта отрезвила,—вотъ и пьянымъ въ участкахъ рвутъ уши, чтобы отрезвить,—и бѣлые дома сдѣлались настоящими,

не сказочными домами, а лошади побѣжали слишкомъ уже медленно, едва переступали ногой за ногу. Правая лошадь, которую лучше видѣлъ Москвитинъ, сильно вспотѣла, подъ ремешками упряжки полосками сбивалось мыло.

Должно быть, давно уже ѣдутъ. Пора вернуться. Москвитинъ ткнулъ извощика пальцемъ въ спину и объяснилъ знаками: назадъ. Но извощикъ закачалъ головой, зачмокалъ, покрутилъ въ воздухѣ хлыстомъ и указалъ имъ впередъ. Потомъ поднялъ два пальца. Должно быть: скоро доѣдемъ, двѣ минуты.

Пусть ѣдетъ впередъ, если хочетъ. Вѣдь некуда возвращаться. Туда или обратно—все равно. Некуда возвращаться.

Опять закрылъ глаза, стараясь вырвать изъ сердца ржавую иголку, и очнулся, только когда скрипнулъ тормозъ и перестали шипѣть колеса.

Бѣлый вычурный домъ, похожій на многія другія виллы, но передъ домомъ—широкая крытая терраса, уставленная по-европейски ресторанными мраморными столиками. Все пусто, и на самомъ заднемъ планѣ, у стѣны, дремлютъ три лакея во фракахъ, черные и носатые,—должно быть, греки.

Извощикъ описалъ кончикомъ хлыста широкій кругъ: пріѣхали. Ну, если пріѣхали — можно посидѣть на террасѣ. Кстати, отдохнутъ лошади. А потомъ еще куда-нибудь. Все равно.

Лакей склонился вопросительно:

— Monsieur?

Конечно, нужно что-нибудь заказать. Что-нибудь холодное, ледяное, потому-что внутри все горитъ. Кое-какъ объяснилъ это лакею, путая съ французскими русскія слова. Лакей долго вслушивался и все почтительнѣе склонялъ на бокъ голову, но наконецъ догадался и принесъ что-то густое, розовое, пахнущее миндалемъ и земляникой и, дѣйствительно, очень холодное.

Москвитинъ пригладилъ пальцами растрепанные волосы. Пожалуй, неудобно сидѣть въ такомъ приличномъ мѣстѣ безъ шляпы. А впрочемъ...

Послѣ холоднаго дыханіе сдѣлалось ровнѣе, и даже ржавая иголка не такъ злобно поворачивалась. Инженеръ откинулся къ спинкѣ стула, въ первый разъ всмотрѣлся повнимательнѣе во все окружающее. Ничего: красиво и очень тихо. Надо будетъ узнать, какъ это называется и далеко ли отъ города. Вотъ если бы сейчасъ была здѣсь Туся...

Такъ значитъ—кончилось?

А какъ же то, хорошее,—вѣдь было же оно!—и свѣтлыя

надежды, и впервые извѣданная радость взаимной близости, и все то многое, что уже успѣло врости въ жизнь? Этому не скажешь: «вонъ!», какъ сказала Туся. Было—и останется.

И точно ли такъ уже, вся до конца, поругана святыня? Сегодня было мерзко, безобразно и, главное, унизительно. Это правда. Но вѣдь Туся, конечно, просто не поняла, сочла себя обманутой. А онъ самъ именно хотѣлъ освободиться отъ всякой лжи, очистить запятнанное. Если бы онъ смогъ объясниться удачнѣе, совсѣмъ не такъ отнеслась бы и Туся.

Переходилъ отъ мысли къ мысли, словно дѣлалъ запутанные шахматные ходы. И почувствовалъ: его король въ смертельной опасности. Что, если партія проиграна только по его собственной винѣ?

Отчетливо увидѣлъ предстоящую жизнь: такую одинокую и убійственно ненужную. До Туси жилъ молодостью, потомъ—надеждой. Теперь и молодость, и надежда—позади. Нѣтъ ничего.

Нужно сдѣлать еще одну попытку, послѣднюю, потому что ставка слишкомъ велика: вся жизнь. Туся поймете, возьметъ обратно свои жалкія и жестокія слова. Вѣдь она совсѣмъ не глупая и очень добрая, она обязательно поймете. Конечно, еще долго жизнь ихъ будетъ идти очень неладно, будутъ срывы и мучительныя недоразумѣнія. Но онъ добьется своего,—возстановитъ святыню.

Опустилъ руку въ жилетный карманъ: пусто. Значитъ, оставилъ часы въ каютѣ, вмѣстѣ со шляпой. Это очень досадно. Должно быть, пора уже ѣхать. Когда не думаешь о времени, оно бѣжитъ слишкомъ быстро.

Что такое говорили за утреннимъ кофе относительно полудня? И о чемъ-то еще предупреждалъ Рублевъ. О чемъ? Отчаяннымъ усиліемъ воли постарался припомнить, и понемногу изъ какого-то уголка затемненнаго сознанія выползли вентиляціонная труба, рыбьи глаза механика, ступеньки трапа.

Вспомнилъ! Пароходъ можетъ уйти раньше срока.

Подозвалъ лакея, чтобы узнать у него, который часъ—и не рѣшился. Нѣтъ, если опоздалъ, такъ пусть ужъ лучше это выяснится тамъ, на мѣстѣ.

Извощикъ задремалъ на козлахъ. Москвитинъ разбудилъ его, подъ самымъ носомъ изумленнаго турка забренчалъ золотомъ.

— Если поѣдешь какъ можно скорѣе—все твое! Скорѣе, скорѣе... Понялъ?

Еще бы не понять! Турокъ заулыбался, показалъ крѣпкіе и большіе, какъ у лошади, желтые зубы. Настегалъ лошадей, и

онѣ съ мѣста понеслись стрѣлой. Сады и виллы завертѣлись огромнымъ пестрымъ колесомъ. Но дорога все же была слишкомъ длинна, нельзя было летѣть на крыльяхъ и оставалось только думать,—думать остро и напряженно.

Кромѣ Рублева, никто не видѣлъ, какъ онъ ушелъ съ парохода. Механикъ во время отвала, конечно, распоряжается въ машинной. И Туся будетъ увѣрена, что ея мужъ никуда не уходилъ, а сидитъ въ какомъ-нибудь изъ салоновъ, потому что въ каютѣ—его часы и шляпа. Да и не станетъ она никого разспрашивать, и въ особенности—механика. Заперлась и плачетъ.

— Скорѣй, скорѣй!

Вотъ городъ, мостовая, море красныхъ фесокъ, тѣснота, магазины. Въ витринѣ часовщика Москвитинъ невольно разглядѣлъ на огромномъ раззолоченномъ циферблатѣ: безъ десяти минутъ часъ.

— Галата! Русское пароходство!

И заколотилъ извощика кулакомъ между лопатокъ, словно фельдъегерь ямщика. Извощикъ привсталъ на козлахъ, гикнулъ. Съ лошадей мыло клочьями летѣло на мостовую. Были, должно быть, всѣ они чѣмъ-нибудь примѣчательны: взмыленныя лошади, усердный турокъ и простоволосый русскій,—потому что многіе останавливались и долго смотрѣли имъ вслѣдъ, а босоногіе мальчишки, во всемъ мірѣ одни и тѣ же, улюлюкали и показывали языки.

Защелкали подковы по гладкой набережной и, какъ на экранѣ кинематографа, сразу вспыхнула передъ глазами русская вывѣска. Крыша пакгауза мѣшаетъ видѣть причальную площадку. Торчатъ только тоненькія верхушки мачтъ,—и не разберешь, свои или чужія.

Москвитинъ скатился съ коляски, ворвался въ желѣзныя ворота. Турокъ на козлахъ завопилъ, требуя обѣщанной награды. Но сейчасъ и стальная цѣпь не остановитъ: разорвалъ бы какія угодно оковы.

Пахнетъ перцомъ и рыбой, на задвинутыхъ дверяхъ пакгауза виситъ солидный замокъ. Подъ грузовыми тачками, прячась отъ солнца, дремлютъ амбалы. И пусто, какъ на кладбищѣ, потому что нѣтъ больше знакомаго и теперь такого милаго красавца-парохода съ бѣлой надстройкой, блестящимъ чернымъ бортомъ и золотыми кругами иллюминаторовъ. Аккуратными змѣями свернулись ненужные причальные концы.

Ушелъ.

Инженеръ сѣлъ на свернутый канатъ, уткнулся лицомъ въ

ладони и затихъ, какъ мертвый. Если бы хватило силъ,—кричалъ бы, безумствовалъ, перебудилъ всѣхъ амбаловъ или, пожалуй, просто бросился бы въ воду. Но мускулы сразу ослабѣли, сонная одурь наполнила голову. Вотъ уже этого-то Туся никогда не пойметъ и не проститъ. Никогда.

Кто-то тронулъ его за плечо.

— Господинъ, вы что?

Москвитинъ приподнялъ голову, увидѣлъ молодого, краснощекаго человѣка, въ форменной русской фуражкѣ. Должно быть, служащій изъ агентства. И не затѣмъ, чтобы найти помощь, а только для того, чтобы удовлетворить любопытство краснощекаго человѣка, инженеръ кивнулъ въ сторону Босфора и сказалъ:

— Видите,—ушелъ.

Краснощекій человѣкъ сдвинулъ фуражку на лобъ, такъ что козырекъ коснулся кончика носа.

— Да уже около часу будетъ, какъ ушелъ! Даже и дымка не видно... А вы остались, что ли?

— Остался.

— Что же вы такъ... неаккуратно. Справиться надо было!

— Тамъ, на пароходѣ, жена моя. Туся.

— Жена? Это плохо... Хоть вы очень-то не убивайтесь... Въ общемъ самое пустое дѣло. Такое у насъ уже много разъ случалось,—и ничего особеннаго.

— Да, вѣдь, Туся тамъ, Господи!

— Что же такое, что Туся?

Молодой человѣкъ дружелюбно присѣлъ на канаты рядышкомъ съ Москвитинымъ и принялся объяснять:

— У насъ теперь на каждомъ пароходѣ радіотелеграфъ. Очень большое удобство. Вотъ, напримѣръ, можете сейчасъ же послать вслѣдъ изъ агентства телеграмму, чтобы супруга не безпокоилась, и прикажете ей сойти на берегъ въ ближайшемъ порту,—въ Смирнѣ. А сами нагоните со слѣдующимъ пароходомъ. Всего какихъ-нибудь полтора дня ей и подождать придется. Въ Смирнѣ гостинница есть хорошая, русскіе переводчики... Вы слушаете, что ли? Вамъ бы валеріановыхъ капель принять! Я вамъ дамъ въ агентствѣ. И зачѣмъ такъ убиваться—не понимаю. Какъ будто катастрофа какая... Отстучимъ телеграмму—и кончено.

— Развѣ это можно... телеграммой? Это даже такъ, въ разговорѣ, трудно объяснить, а вы говорите—телеграммой...

Краснощекій человѣкъ снялъ фуражку совсѣмъ, надулъ щеки воздухомъ и потомъ выдохнулъ его звучно:

— Уфф... Мало ли съ кѣмъ бѣды не бываетъ! Супруга ваша понять должна. Человѣкъ, по всей вѣроятности, интеллигентный. Вы чѣмъ горевать-то—дѣйствуйте... Давайте, провожу васъ до агентства! Въ первый разъ вижу такого слабаго человѣка.

Москвитинъ опять весь опустился мѣшкомъ, спряталъ лицо. И жалко ему стало краснощекаго, что тотъ не можетъ понять такой простой вещи.

— Дорогой мой, оставьте вы меня лучше... Не помочь мнѣ теперь. Ничѣмъ. Была вотъ одна, послѣдняя надежда. И рухнула. И святыня моя рухнула. Туся меня подлецомъ назвала. А что, если и въ самомъ дѣлѣ... Нѣтъ, лучше оставьте!

Краснощекій человѣкъ уныло развелъ руками.

Николай Олигеръ.

Городская читальня въ память И. С. Тургенева.

ЛЕДОХОДЪ.

Я тихо вышелъ на крыльцо
И долго слушалъ, какъ шумѣла,
Ломая ледъ, рѣка... Яснѣло
Надъ садомъ лунное лицо.

Дулъ влажный вѣтеръ, сонно пѣли,
Перекликаясь, пѣтухи,—
И, голубѣя, холодѣли
Березъ озябнувшихъ верхи...

Душою жадно и тревожно
Веснѣ внимая, какъ всегда,
Я понялъ все, что невозможно,
И васъ, потухшіе года.

И гулъ глухой тяжелой льдины,
И влажный вѣтеръ, и разсвѣтъ,
И надо всѣмъ—черты Галины
Въ ночи моихъ безумныхъ лѣтъ...

Н. Мѣшковъ.

КАССАНДРА.

I.

Антонина Владиміровна, круглолицая дама лѣтъ за тридцать, владѣлица шляпнаго заведенія, ноябрьскимъ утромъ влетѣла къ своей жилицѣ. Была она нѣсколько растрепана, въ капотѣ. Крѣпкая брюнетка г-жа Переверзева тоже не надѣла еще кофточки; она варила на спиртовкѣ кофе.

За окномъ синѣлъ снѣгъ; въ комнатѣ, по неубранной постели, на дешевенькихъ обояхъ, на лицѣ и капотѣ вбѣжавшей лежалъ его тусклый, изсиня-бѣлесоватый отсвѣтъ. Голыя руки Переверзевой выглядѣли могуче.

— Милуня,—говорила Антонина Владиміровна, разматывая папильотки:—у насъ новость. Со вчерашняго дня новый жилецъ.

Г-жа Переверзева посмотрѣла на нее внушительно.

— Кто же?—спросила она серьезно, низкимъ голосомъ.

У нея былъ такой видъ, будто Антонина Владиміровна уже провинилась передъ ней.

— Крошка—премилый! Студентикъ, хорошенькій. Ему очень идетъ тужурка,—точно военный. Кажется, скромный. Однимъ словомъ, ангелочекъ въ чистѣйшемъ оригиналѣ!

— Студентъ! А онъ вамъ революціи не устроитъ?—сказала г-жа Переверзева.

— Это совсѣмъ не такой. Навѣрно, по научной части.

— Нѣкоторые студенты по ночамъ въ карты дуются. Или мастерицу можетъ соблазнить. Тихій мужчина—это еще ничего не значитъ. У этихъ розовыхъ тихонь Богъ знаетъ, что на умѣ. Безусловно.

— Что вы, голубчикъ! Ничего не похоже.

Г-жа Переверзева погладила полныя, нѣсколько смуглыя руки.

— У меня тѣло дѣвичье, какъ у двадцатилѣтней. Но я съ

мужчинами строга. Притомъ, служу, не имѣю средствъ шикарно одѣваться. Мужчина же, безусловно, любитъ, чтобы хорошо одѣвались. Если женщина не одѣта, она не можетъ имѣть мужа.

Г-жа Переверзева уже надѣла блузку, застегнулась. Кофе былъ готовъ. Она налила себѣ чашку, и сѣла. Антонинѣ Владиміровнѣ ни за что не предложила бы,—непорядокъ. Закуривъ папиросу, заложивъ нога за ногу, г-жа Переверзева сказала:

— Студентъ въ домѣ—это довольно неудобно. Вы бы лучше конторщику сдали. Или приказчику. Приказчикъ цѣлый день на службѣ.

— Ахъ, вы на все мрачно смотрите! Я вашъ характеръ знаю.

— Мой характеръ твердый,—отвѣтила г-жа Переверзева.—Не то, что у васъ, Антонина Владиміровна. И ни одинъ мужчина не имѣлъ надо мной власти. Меня не обманывали. Затѣмъ, я всегда впередъ вижу, и понятно, чаще плохое, чѣмъ хорошее. Такъ ужъ въ жизни устроено. Но меня нельзя увлечь, какъ бы ни старались. Замужъ я готова, если человѣкъ солидный, съ положеніемъ. Только не зря.

— Милуня, я не такъ чувствую. Если ужъ полюблю, то готова на все.

Г-жа Переверзева взглянула на часы. Было половина девятаго,—время итти на службу къ Метцлю, гдѣ работала она пятнадцать лѣтъ.

— Безусловно,—сказала она, вставая:—у васъ слишкомъ легкомысленный характеръ, хотя вы и хозяйка мастерской. Пожалуй, этотъ студентъ тоже интересуетъ васъ съ *такой* стороны.

Антонина Владиміровна стала доказывать обратное. Г-жа Переверзева аккуратно снаряжалась въ путь и выглядѣла такъ, что все-равно ее не проведешь. Останется при своемъ.

Однако, въ корридорчикѣ мимоходомъ спросила:

— Покажете мнѣ вашего студента?

Антонина Владиміровна отвѣтила, что онъ еще спитъ. Г-жа Переверзева усмѣхнулась.

— Разумѣется! Студенты всегда долго спятъ.

Она ѣхала въ трамваѣ все въ томъ же сурово-пренебрежительномъ настроеніи. Оборвала какого-то господина, коснувшагося ея на площадкѣ. Кондуктору сдѣлала замѣчаніе—за неправильность счета при передачѣ. Входя къ себѣ на службу, вспомнила Антонину Владиміровну, студентика и, надменно улыбнувшись, съ чувствомъ превосходства и удовлетворенія подумала:

— Безусловно ничего хорошаго не будетъ.

II.

Было бы невѣрно сказать, что дѣла Антонины Владиміровны по шляпной части шли блестяще. Ея таланты были скромны, вкусъ умѣренъ, средства невелики. Все же она *оправдывала* свою квартиру на Бронной, съ полутемной лѣстницей и запахомъ сырости въ нижнемъ этажѣ. Хватало, съ Божьей помощью, и на жизнь, на содержаніе нѣсколькихъ мастерицъ, возраставшихъ у нея съ тринадцати лѣтъ до болѣе позднихъ сроковъ, когда онѣ шмыгали въ темныхъ воротахъ двора, подстерегаемыя молодыми человѣками, когда начинали назначать свиданія и узнавали то, что́ называется любовью и тайной жизни.

Какъ-ни-какъ, у Антонины Владиміровны составился кругъ кліентокъ—не шикарный, но многія дамы относились къ ней съ сочувствіемъ. Брала она недорого, была живого нрава; иногда, примѣряя, смѣшила заказчицъ разговоромъ, развлекала.

Дня черезъ три послѣ того, какъ поселился новый жилецъ, ей привели даже графиню—изъ небогатыхъ графинь, но настоящую. Она была въ восторгѣ. Волновалась, взяла съ нея дешевле дешеваго, и потомъ, желая высказать г-жѣ Переверзевой восхищеніе элегантностью графини, сказала такъ, и даже со вздохомъ:

— Да, что значитъ происхожденіе! Сейчасъ видна прирожденная вульгарность!

Г-жа Переверзева посмотрѣла на нее строго.

— Если это настоящая графиня, то въ ней не можетъ быть прирожденной вульгарности. Вы ошибаетесь, Антонина Владиміровна.

— Чего же ошибаться, если она свой адресъ оставила.

— Графиня не можетъ быть вульгарной,—твердо настояла г-жа Переверзева.—Моя сестра была знакома съ одной графиней, я ее помню. Безусловно.

Антонина Владиміровна была недовольна, и отвѣтила:

— Вы всегда критикуете. Вы и моего жильца ославили, будто онъ картежникъ и соблазняетъ дѣвушекъ, но оказывается, ничего подобнаго. Прямо милунъ, очень симпатичная личность. Я увѣрена, что мы съ нимъ будемъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ.

Г-жа Переверзева захохотала съ видомъ рѣшительнаго превосходства.

— Я предсказывала вамъ это съ самаго перваго дня! Нѣтъ сомнѣнія—это будетъ новый вашъ романъ!

— Не понимаю, крошка, чего вы смѣетесь? Я говорю, что мы съ нимъ будемъ въ самыхъ дружескихъ, т.-е. интимныхъ отношеніяхъ!

— Вы настоящій ребенокъ, Антонина Владиміровна. Прямо ребенокъ. Вы говорите, и сами не понимаете своихъ словъ.

Она нагнулась ей къ уху и, слегка задыхаясь,—г-жа Переверзева всегда отчасти волновалась, говоря объ этомъ,—шепнула нѣсколько словъ, объясняя ошибку.

— Малютка, вы не такъ меня поняли. Ничего подобнаго!

Но г-жа Переверзева хохотала своимъ грубоватымъ смѣхомъ.

— Я знаю, что вы угождаете своей женской природѣ. Просто вы не хотите сознаться. Я вижу все насквозь. Безусловно.

Хоть Антонина Владиміровна и возражала, и никакихъ интимностей съ жильцомъ у нея не было, все же пророческій даръ г-жи Переверзевой не совсѣмъ ее обманывалъ: хорошенькій студентъ частью ущемлялъ сердце Антонины Владиміровны—сердце не изъ тугоплавкихъ. Она уже играла съ нимъ взглядами, слегка замирала, при видѣ его, и, какъ говорятъ люди опытные, маятникъ ея женскаго существа, качнувшись, сказалъ уже *да*. Но маневровъ и диверсій болѣе существенныхъ еще не было.

— Изъ такого союза,—сказала г-жа Переверзева,—не можетъ получиться ничего хорошаго. Во-первыхъ, вы гораздо старше. Во-вторыхъ, онъ вамъ тотчасъ измѣнитъ. Я хоть и дѣвушка, но имѣю на мужчинъ опредѣленный взглядъ. Это животныя. Имъ только нужно, чтобы женщина хорошо одѣвалась.

Антонина Владиміровна не стала сопротивляться—она вообще не очень была довольна разговоромъ. Но знала, что г-жу Переверзеву не переспоришь. Изъ собственнаго, довольно обширнаго сердечнаго опыта, не всегда счастливаго, вынесла она о мужчинахъ иное мнѣніе.

— Милунъ,—отвѣтила она только:—я васъ познакомлю. Тогда и посмотрите.

Г-жа Переверзева сказала такъ:

— Я безусловно не отказываюсь отъ знакомства съ вашимъ жильцомъ. Понятно, онъ меня не съѣстъ. Но не думайте, что я способна имъ интересоваться.

Это Антонинѣ Владиміровнѣ было безразлично. Самое же знакомство состоялось вскорѣ послѣ этого разговора. Антонина

Владиміровна пригласила ихъ обоихъ къ чаю, къ себѣ въ столовую. Г-жа Переверзева надѣла чистый галстучекъ, черную шелковую блузку, подвила локонъ и могла сойти за тридцатилѣтнюю. Антонина Владиміровна не безъ волненія представила ихъ: «мсье Ѳоминъ, г-жа Переверзева».

Мсье Ѳоминъ былъ розовый и нѣсколько заспанный студентикъ въ сѣрой тужуркѣ. Онъ не обладалъ такими научными талантами, какъ полагала его квартирная хозяйка. Напротивъ—готовясь къ зачету по римскому праву, зубрилъ отчаянно, въ голосъ, мало спалъ и имѣлъ вялый видъ. Онъ лѣниво ѣлъ вареніе и выглядѣлъ такъ, что врядъ ли можно чѣмъ-нибудь его взволновать.

— У меня былъ братъ,—говорила г-жа Переверзева:—онъ тоже учился въ университетѣ. Разумѣется, это очень трудно.

Мсье Ѳоминъ нѣсколько проснулся.

— Главное дѣло, римское право. Учишь, учишь, все надо на память. А то какъ разъ срѣжутъ. Чортъ его возьми совсѣмъ!

— Студенты часто ходятъ въ театръ,—сказала г-жа Переверзева:—и большей частью въ оперу.

— Мнѣ некогда по театрамъ ходить,—промямлилъ мсье Ѳоминъ. Репетиціи на носу. Главное дѣло, римское право.

Антонина Владиміровна, слегка закипая оживленіемъ, вмѣшалась:

— Невозможно же такъ себя изнурять! Вы захвораете. На праздники мы съ вами должны пойти развлечься. Напримѣръ, какъ говоритъ Марья Степановна, въ оперу, на утренникъ.

— Развѣ въ кинематографъ,—вяло сказалъ мсье Ѳоминъ.—Тутъ «Національ» недалеко.

Въ это время въ передней позвонили. Прислуга сказала, что спрашиваютъ Петра Иваныча. Петръ Иванычъ вышелъ. Было видно, что въ прихожей онъ здоровается съ свѣтловолосымъ молодымъ человѣкомъ, въ огромной черной шляпѣ.

— Ну какъ?—вполголоса спросила Антонина Владиміровна.

Г-жа Переверзева сдѣлала неопредѣленно-важную гримасу.

— Держитъ себя прилично, безусловно.

Антонина Владиміровна вышла въ переднюю. Черезъ минуту свѣжій голосъ, нѣсколько грубый, отвѣтилъ:

«Можно и чаю. И съ варенъицемъ».

Затѣмъ они вернулись втроемъ. Молодой человѣкъ былъ въ сюртукѣ, съ копной золотистыхъ волосъ на головѣ, съ золотисто-козлиной бородой, довольно широкимъ носомъ и косо поставленными глазами. Руки онъ держалъ въ карманахъ; ступалъ нѣсколько вкось.

— Если приглашаете выпить чаю,—сказалъ онъ Антонинѣ Владиміровнѣ:—я не отказываюсь.

Подойдя къ г-жѣ Переверзевой, онъ тряхнулъ головой, такъ что волосы отчасти взлетѣли, подалъ ей руку и твердо сказалъ:

— Здравствуйте. Шалдѣевъ.

— Кончилъ Строгановское,—пробормоталъ мсье Ѳоминъ:—теперь художникъ. Преподаетъ чистописаніе.

— Это вѣрно, что Строгановское кончилъ, — произнесъ Шалдѣевъ.—И совершенно вѣрно, что дѣвчонокъ учу половчѣй писать.

Антонина Владиміровна налила ему чаю и подала варенiе. Она любезно замѣтила:

— У меня былъ одинъ знакомый строгановецъ, онъ отличные рисунки дѣлалъ для обоевъ. И даже много на этомъ зарабатывалъ.

— Вотъ, вотъ именно для обоевъ! Это вы, хозяюшка, хорошо сказали и хорошо оцѣнили. Потому что это по вашей части, вполнѣ оцѣнили.

Антонина Владиміровна смотрѣла недоумѣнно.

— Что же далѣе?—спросила г-жа Переверзева.

Шалдѣевъ, взглянувъ на нее, продолжалъ:

— Что жъ далѣе? Если на фабрикѣ служить, Строгановское хорошо. Такъ всѣ и говорятъ, кому искусства не надо.

— Безусловно, дѣлать рисунки къ обоямъ—это большое искусство! — заявила г-жа Переверзева.

Но Шалдѣевъ опять отвѣтилъ не ей.

— Для художника Строгановское—крышка. Вы, хозяюшка, по женскому положенiю, и занимаясь шляпами, ни черта, конечно, въ искусствѣ не понимаете—и не надо вамъ понимать, какъ и ей вотъ тоже—онъ показалъ пальцемъ на г-жу Переверзеву—и ужъ это такъ. И я на это заведенiе плюю.

«Несомнѣнно, дерзкій тонъ!» — подумала г-жа Переверзева. Она пожала плечами.

— Вы меня, напримѣръ, вовсе и не знаете.

Шалдѣевъ облизнулъ усъ, на которомъ осталась капелька варенiя.

— Вѣрно, что не знаю. Да и такъ сразу видно. И у Петьки видно. Онъ тоже изъ вашей компаніи.

— Какъ вы странно выражаетесь!

— Онъ со странностями,—сказалъ мсье Ѳоминъ.—Вы... на него... Да, ужъ не обращайте вниманія.

— Что жъ я такое говорю? Вотъ хозяюшка—Шалдѣевъ указалъ на Антонину Владиміровну,—мастерскую содержитъ. И сейчасъ видно, человѣкъ простой. Что жъ такого? Я самъ не дворянинъ, изъ простонародья. Изъ-за Москва́-рѣки. Ты,—онъ обратился къ мсье Ѳомину,—кончишь свое заведеніе, будешь въ судѣ чиновникомъ. Она,—онъ болѣе вѣжливо опять показалъ на г-жу Переверзеву,—пожалуй, въ контролѣ служитъ, и ждетъ, какъ бы замужъ выйти. И вы, можетъ, отличные люди. А въ искусствѣ-то нули. Понятно?—И онъ даже добродушно улыбнулся.—Чего жъ тутъ разговаривать?

У г-жи Переверзевой заблестѣли глаза, показался румянецъ.

— Это, безусловно, странный тонъ,—сказала она рѣшительно.

Шалдѣевъ допилъ стаканъ, поласкалъ отчасти бороду и отвѣтилъ:

— Милая, чего жъ тутъ кипѣть? Ну, вы дѣвушка, стало быть, вамъ и слѣдуетъ замужъ. Скажемъ, у меня вкусъ другой, я бы не польстился, а тамъ у васъ, на желѣзной дорогѣ, какому-нибудь бухгалтеру понравитесь.

Шалдѣевъ все улыбался, гладилъ бороду. Его косовато-сидящіе, узкіе глаза заголубѣли.

— Черезъ два года маленькій бухгалтеръ подъ столомъ бы забѣгалъ.

— Ну, какъ это ты, при дамахъ...—сказалъ мсье Ѳоминъ недовольно.

— Могу извиниться, если не такъ сказалъ. Мнѣ нетрудно.

Но г-жа Переверзева была окончательно недовольна. Она посидѣла еще минуту, поблагодарила хозяйку и ушла,—якобы у нея есть дѣло.

Антонина Владиміровна смотрѣла на Шалдѣева не безъ робости, но и безъ непріязни. Ея легкомысленному женскому взгляду даже нравилось, что онъ такой волохатый и нѣсколько родственъ козлу.

— Вашъ пріятель,—сказала она мсье Ѳомину:—выражается до высшей степени оригинально.

Шалдѣевъ мигнулъ въ сторону ушедшей.

— А та обидѣлась. Ну, это на лицѣ написано, что дура. Вотъ хозяюшка,—онъ взглянулъ на Антонину Владиміровну:—добрая женщина, сразу видать. А на ту бы я не польстился. Ни по чемъ. Даже и съ лица она не плоха, а не тронешь ее.

Г-жа Переверзева, дѣйствительно, обидѣлась. Какъ абсолютно-честная дѣвушка съ тѣломъ двадцатилѣтней, она не могла выносить разговоровъ о дѣторожденіи. Вечеромъ она высказала неудовольствіе даже Антонинѣ Владиміровнѣ, и спросила, какъ фамилія этого художника: за чаемъ она не разслышала.

На другой день г-жа Переверзева вернулась со службы торжествующая.

— Я такъ и знала,—заявила она.—Я и раньше была увѣрена.

— Что такое, малютка?

Антонина Владиміровна вертѣла въ рукахъ новую модель.— Правда мило? Тутъ перышко, фасончикъ острый и легенькій. Прямо пташка.

— У Метцля служитъ триста человѣкъ. Я всѣхъ спрашивала. Безусловно, такого художника нѣтъ. Никто не знаетъ.

Антонина Владиміровна засмѣялась.

— Ахъ, это вы про вчерашнее? Милуня, вы на него не сердитесь, у него языкъ такой... особенныя выраженія. А въ бородѣ даже есть что-то увлекательное.

— Вамъ всякій нахалъ кажется красивымъ. Я понимаю. Но только онъ не художникъ. У насъ и Рѣпина знаютъ, и Клевера, и Маковскаго. А такого никто не слышалъ. Это, несомнѣнно, мазилка.

Антонина Владиміровна была въ добромъ настроеніи—по случаю того, что своей шляпой угодила графинѣ, и та обѣщала заказать еще и пропагандировать мастерскую. И она посмѣялась, не стала возражать. А г-жа Переверзева пребыла при своемъ и чувствовала себя отмщенной.

III.

Антонинѣ Владиміровнѣ очень нравилось, когда мсье Ѳоминъ зубрилъ вслухъ. Въ комнатѣ его тихо гудѣло, будто меланхолически кружилъ огромный шмель. Если же дверь пріоткрыта, и пройти мимо, то услышишь странныя, отчасти даже загадочныя слова *сервитутъ*, *узуфруктъ*. Антонинѣ Владиміровнѣ казалось, что обученіе вслухъ свидѣтельствуетъ о большомъ усердіи; непонятные звуки внушали уваженіе. И его зубрежка была пріятно-мужественнымъ аккомпаниментомъ къ занятію шляпами. Благодаря многимъ недосыпаніямъ, шпаргалкамъ, таинственнымъ надписямъ—мельчайшимъ почеркомъ на программахъ,—мсье Ѳоминъ въ серединѣ декабря сдалъ зачетъ. Онъ повеселѣлъ, раза два

сходилъ въ кинематографъ «Національ». Антонина Владиміровна даже поздравила его, и рѣшила, что послѣ трудовъ молодому человѣку слѣдуетъ развлечься.

Наступало Рождество. Въ витринахъ книжныхъ магазиновъ появились дѣтскія книжки. Нерѣдко попадался на улицѣ мужикъ съ елкой на плечахъ. Быстрѣй ѣздили извозчики, обремененные пакетами. Сутолка въ винныхъ и гастрономическихъ учрежденіяхъ. Морозамъ же полагается крѣпнуть: Тверской бульваръ стоялъ въ инеѣ.

Антонина Владиміровна считала, что ей съ мсье Ѳоминымъ слѣдуетъ сходить въ театръ, но, разумѣется, на первые дни праздника: до самаго сочельника мастерская была завалена работой. Одной дамочкѣ надо на верниссажъ, другой крошкѣ на елку, и т. п. Это время было для Антонины Владиміровны тоже какъ бы экзаменомъ. На первый день она распустила мастерицъ, съ утра сидѣла за самоваромъ, принарядившись, ѣла ветчину и читала въ московскихъ газетахъ рождественскіе разсказы. Визитеровъ у ней было мало, больше приходили получать на чай. Разсматривала она и репертуаръ театровъ.

— Петръ Иванычъ,—спросила она.—Вы что предпочитаете: оперу, или же драму?

Мсье Ѳоминъ, пощипывая пушокъ на розовомъ подбородкѣ, тоже читалъ святочное художество; оно не дѣйствовало на него никакъ. Онъ читалъ, чтобы убить время. Имена авторовъ были ему безразличны.

— Да мнѣ все равно,—отвѣтилъ онъ.

Потомъ прибавилъ:

— Выбирайте, чтобы позанятнѣй было.

Антонина Владиміровна рѣшила, что наиболѣе подходяще сходить на пьесу изъ студенческой жизни, которая шла уже много разъ и, слѣдовательно, была хорошей пьесой. На всякій случай рѣшила она посовѣтоваться съ г-жей Переверзевой.

Г-жа Переверзева получила къ Рождеству двадцать пять рублей награды, купила новый галстучекъ, хотѣла-было дать прислугѣ рубль, но раздумала, и дала полтинникъ. Въ общемъ, скорѣе находилась въ духѣ, и отнеслась къ просьбѣ хозяйки сочувственно.

— Это, безусловно, хорошая пьеса,—сказала она.—Я сама не видала, но мнѣ говорилъ экспедиторъ, въ нашей конторѣ. Вы одна идете?

Когда Антонина Владиміровна, слегка смущаясь, объяснила, къ кѣмъ, г-жа Переверзева погрозила пальцемъ, и вновь под-

твердила, что хоть мсье Ѳоминъ и держитъ себя прилично, не то, что его товарищъ, все же добра изъ этого не будетъ.

Къ пророчеству Антонина Владиміровна отнеслась равнодушно. А г-жа Переверзева частью испортила себѣ настроеніе. Мысль ея, какъ случалось нерѣдко, вновь двинулась на мужчинъ; на ихъ подлую манеру обращать вниманіе, какъ женщина одѣта; на то, что у ней всего одинъ новый галстучекъ и все то же черное платье. «Безусловно», сказала она себѣ, посмотрѣвшись въ зеркало: «я красивѣе Антонины Владиміровны, но у меня нѣтъ туалетовъ, и я строже». Потомъ пришли еще черныя мысли: уйти на святкахъ къ сестрѣ, или нѣтъ? Съ этой сестрой г-жа Переверзева была въ ссорѣ, — правда, изъ-за пустяковъ: въ домѣ матери, которая любила сестру больше, чѣмъ г-жу Переверзеву, сестра садилась на ея любимое мѣсто въ креслѣ, у окна. Только и всего. Но ссора тянулась годами. Уже мать умерла, а онѣ все не могли помириться. И сейчасъ, отчасти хотѣлось идти, частью вспоминалось, какъ сестра торжественно сидитъ у окна—ужъ лучше остаться. Огорчало еще и то: не много ли Агашѣ полтинникъ? Пожалуй, и тридцать копѣекъ довольно.

Антонина же Владиміровна, напротивъ, была въ хорошемъ настроеніи. Она рѣдко ходила въ театръ, и потому идти—было для нея событіемъ, которое украшалось тѣмъ, что отправлялась она не одна. Она заранѣе приготовила себѣ шляпку-модель, купила билеты и, одѣваясь, подпудриваясь, слегка даже разрумянилась отъ оживленія. Такъ какъ шли въ партеръ, мсье Ѳоминъ надѣлъ студенческій сюртукъ; не безъ ловкости устроилъ онъ и боковой проборъ.

Антонина Владиміровна ощущала себя въ театрѣ серьезно, даже парадно. До праздниковъ она много работала, все, что нужно было — исполнила, а теперь имѣла полное право и основаніе смотрѣть изъ партера хорошую пьесу. Если съ ней молодой человѣкъ, въ этомъ тоже некого стѣсняться; да и отношенія съ мсье Ѳоминымъ, какъ извѣстно, *самыя интимныя, т. е. дружескія.* И за свои два рубля она съ полнымъ удовольствіемъ смотрѣла пьесу, гдѣ было много студентовъ, въ такихъ же тужуркахъ, какъ у мсье Ѳомина; они пѣли студенческія пѣсни, острили, спасали падшую дѣвушку и снова пѣли студенческія пѣсни. Затѣмъ опять острили, выпивали и приходили въ драматическое состояніе. Но тутъ помогали пѣсни. Кончалось все благополучно, какъ и надлежитъ въ Москвѣ, на Козихѣ.

Пьеса имѣла успѣхъ. Вызывали и актеровъ, и автора. Въ

антрактахъ толпа гудѣла въ буфетѣ. Пили, брали бутерброды охотно: знакъ благопріятный. Съ послѣднимъ занавѣсомъ восторги усилились; и, когда театръ уже пустѣлъ, гимназисты въ пальто орали еще съ верховъ.

Вмѣстѣ съ другими вышли и Антонина Владиміровна съ мсье Ѳоминымъ. Извозчика они не взяли. Проходя по Тверскому бульвару подъ руку, Антонина Владиміровна сказала:

— Интересная пьеса. Вы могли бы, Петръ Ивановичъ, спасти такъ падшую дѣвушку, какъ тамъ изображено?

Мсье Ѳоминъ хмыкнулъ.

— Тутъ по бульвару много дѣвицъ ходитъ. Что жъ всѣхъ спасать?

— Вы не такъ поняли. Но вообще, вы способны на такой возвышенный, благородный поступокъ?

Мсье Ѳоминъ промямлилъ неопредѣленно и предложилъ зайти въ угловой ресторанчикъ, выпить пива. Антонина Владиміровна согласилась, больше изъ вѣжливости: въ ресторанахъ она почти не бывала и мало въ нихъ смыслила.

Ресторанчикъ, внутри расписанный блѣдно-золотистыми узорами, въ стилѣ модернъ, былъ изъ тѣхъ, гдѣ при яркомъ свѣтѣ электричества студенты жестоко напиваются на рубль пивомъ; имъ помогаютъ мелкіе служащіе, часть которыхъ, безъ пиджаковъ, разитъ кіями въ билліардной. Кухню слышно здѣсь всюду. Однако, на маленькой эстрадѣ, декорированной цвѣтами, пиликали на скрипкахъ четыре еврейчика, являя собой блескъ и опьяненіе ресторана. Пригодился тутъ и маленькій токъ съ ésprit Антонины Владиміровны: она не безъ внушительности прошла въ немъ между столиковъ. Двѣ дѣвушки, которыхъ могъ бы спасать мсье Ѳоминъ, глотавшія пока-что чай, съ завистью взглянули на нее.

Обычно Антонина Владиміровна не пила; но тутъ отступила отъ нормы и соблазнилась двумя фужерами пива. Мсье же Ѳоминъ выпилъ водки и заказалъ почки на сковородѣ, которую подавали на пылающихъ угляхъ, такъ что вся она шипѣла. Это произвело на Антонину Владиміровну впечатлѣніе — какъ доказательство тонкаго вкуса и изысканности компаньона. Когда же еврейчики развели на скрипкахъ нѣчто чувствительное, и хмель подтуманилъ голову, стало казаться, что и сама она чрезвычайно шикарная и нарядная дама, и мсье Ѳоминъ не просто мсье Ѳоминъ, а молодой князь, который привезъ ее сюда на автомобилѣ и завтра умчитъ въ Парижъ, гдѣ будетъ одѣвать у лучшихъ портныхъ. А это — вовсе и не ресторанчикъ съ

дѣвицами, нуждающимися въ спасеніи, а первоклассное учрежденіе, почище Праги или Метрополя.

— Здѣсь, сказалъ мсье Ѳоминъ, не безъ жадности жуя:— готовятъ отличныя почки. А вы еще не хотѣли заходить.

Онъ нѣсколько подвыпилъ, развеселился и сталъ безпричинно улыбаться. Въ его глазахъ и въ ноздряхъ что-то мелькало. Впервые, со сладкимъ смущеніемъ она почувствовала, что нравится ему какъ женщина.

— Какъ по-вашему,—спросила она, отчасти замирая:—бываетъ чистая дружба между мужчиной и женщиной?

М-сье Ѳоминъ, вѣроятно, не сразу бы отвѣтилъ, и неизвѣстно, имѣлъ онъ на этотъ счетъ мнѣніе, или нѣтъ: какъ разъ въ ту минуту его хлопнули по плечу и, обернувшись, онъ увидѣлъ Шалдѣева. Шалдѣевъ мотнулъ головой, такъ-что встряхнулась вся его грива и, протягивая правую руку Антонинѣ Владиміровнѣ, сказалъ:

— Хозяюшкѣ почтеніе.

По своей позиціи мсье Ѳоминъ долженъ былъ бы остаться недоволенъ, что не къ мѣсту подошелъ Шалдѣевъ; но онъ не очень любилъ чувствительные разговоры, въ которые уже впадала Антонина Владиміровна; и потому даже обрадовался.

— Водочки, забормоталъ онъ:—ты съ нами долженъ водочки выпить.

— Могу. Давай.

И правда, Шалдѣевъ лихимъ наскокомъ выпилъ двѣ рюмки, и на повторный вопросъ Антонины Владиміровны снова мотнулъ головой и, глядя прямо на нее косоватыми, голубыми глазами, отвѣтилъ:

— Чистая дружба между мужчиной и женщиной, — значитъ, черезъ годъ дитенка будете пеленать. Это и есть чистая дружба.

Шалдѣевъ выпилъ еще и пришелъ въ возбужденно-ораторское настроеніе. Онъ гремѣлъ о дѣтяхъ, объ искусствѣ и мудрости.

— Кѣмъ міръ будетъ спасенъ? Вы съ Петькой станете его спасать? Или ваша дура, дѣвственница? Міръ спасутъ дѣти и кто на дѣтей похожъ. Это Христосъ сказалъ. А если Христа не понимаете, значитъ, вы дрянь.

— Искусство! Напишетъ пейзажикъ, и либо портретъ, въ рамочку, и сейчасъ на выставку. А ужъ тамъ онъ извѣстный ху-

дожникъ, академикъ! Нѣтъ, ты сдѣлайся, какъ дитя, и чтобы у тебя глаза раскрылись, чтобы ты такое увидѣлъ, чего никто не видитъ,—вотъ тогда ты міръ спасешь.

— Но увидѣть, чего не видятъ другіе, нельзя,— сказалъ мсье Ѳоминъ. — Или это значитъ, ты боленъ, у тебя галлюцинація.

Шалдѣевъ разсердился, сталъ очень насѣдать на мсье Ѳомина; бранилъ его и все приближалъ къ его лицу голубые глаза, въ которыхъ временами, правда, проносилось безуміе.

Антонина Владиміровна плохо его понимала, но нельзя сказать, чтобы онъ ей не нравился. Все-же мсье Ѳоминъ больше нравился, потому что былъ розовый, скромный и собою тоньше, напоминая ангелочка въ чистѣйшемъ оригиналѣ.

Было уже два, когда они тронулись. Шалдѣевъ философствовалъ и въ передней, а когда вышли на улицу, поднялъ воротникъ осенняго пальто и, крѣпко надвинувъ шляпу, зашагалъ по Тверскому бульвару. Съ собесѣдниками едва простился, особенно, съ мсье Ѳоминымъ.

Собесѣдники подъ ручку направились къ Бронной. Антонина Владиміровна была теперь уже увѣрена, что своими женскими достоинствами затронула сердце мсье Ѳомина. Какъ всегда бывало съ ней въ этихъ случаяхъ, она внутренно закипала и млѣла. Онъ же помалкивалъ и только разъ насмѣшливо хмыкнулъ по поводу товарища.

Швейцара въ подъѣздѣ у нихъ не полагалось. Они взбирались по довольно грязной лѣстницѣ; пахло сыростью и копотью лампочекъ, висѣвшихъ на поворотахъ маршей. Взойдя наверхъ, Антонина Владиміровна американскимъ ключемъ отворила дверь, и они оказались въ темной прихожей. Мсье Ѳоминъ снялъ пальто, помогъ раздѣться и Антонинѣ Владиміровнѣ, а потомъ обнялъ ее и сталъ очень рѣшительно цѣловать въ губы.

Такого маневра она не ждала. Предварительно слѣдовало не разъ поговорить о дружбѣ, возможности вѣчной любви, о свойствахъ любви мужской и женской, и о преимуществахъ послѣдней. Но вело это, разумѣется, къ тому же. И хотя она изумилась,—но ея изумленіе было пріятно, а сопротивленіе, по добротѣ сердца, краткое и слабое.

Г-жа Переверзева въ это время совершенно честно спала въ комнатѣ рядомъ. Хорошо, что спала. Ея безукоризненное дѣвичье сердце было бы возмущено, и Антонина Владиміровна поплатилась бы за легкомысліе.

IV.

Позиція мсье Ѳомина въ домѣ весьма укрѣпилась. Довольно быстро, неизвѣстно какимъ путемъ, и прислуга, и даже мастерицы почувствовали, что онъ сталъ не просто студентикъ-жилецъ, а *баринъ*. Теперь сама Антонина Владиміровна слѣдила, чтобы ему во-время убирали комнату, чистили платье, чтобы кофе по утрамъ былъ хорошъ. Какъ всегда случалось съ ней, она помолодѣла, воодушевилась, и еще лучше спорилась у ней работа. Крошки и содержаночки были вполнѣ довольны. Ея же главная жизненная радость заключалась теперь въ томъ, чтобы хорошо жилось мсье Ѳомину; чтобы онъ ее любилъ, какъ была влюблена въ него она; и чтобы ни въ коемъ случаѣ не заглядывался на другихъ женщинъ,—иначе, на ея языкѣ, это была бы «эксплоатація труда честной дѣвушки». Неудобно, въ этомъ отношеніи, оказывалось сосѣдство мастерской, гдѣ разныя Аксюши, Леночки также пылали жаждой любви; но Антонина Владиміровна полагала, что не можетъ м-сье Ѳоминъ, человѣкъ интеллигентный, предпочесть ее какой-нибудь Леночкѣ, которая, пожалуй, и не знаетъ, возможна ли чистая дружба между мужчиной и женщиной.

Почуяла перемѣну и г-жа Переверзева; и хотя фактовъ ясныхъ не имѣла, все же у нея явился слегка обиженный тонъ; конечно, была она строгой дѣвственницей, все-же казалось страннымъ, что успѣхъ имѣетъ Антонина Владиміровна, а не она. Она безусловно красивѣй. Правда, у Антонины Владиміровны шляпы. Безусловно, все изъ-за шляпъ. И хотя мсье Ѳоминъ ничего ей дурного не сдѣлалъ, но и къ нему шевельнулось недоброе чувство. Когда, розовый, заспанный, ходилъ онъ черезъ всю квартиру умываться, съ полотенцемъ на плечѣ, она, встрѣчаясь съ нимъ, думала: «Несомнѣнно, чистюля. Не все это не можетъ кончиться добромъ».

Свой пророческій даръ пришлось ей примѣнить однажды и въ конторѣ. Одному сослуживцу, желчному г-ну Андрюшину, нѣкогда бывшему въ университетѣ, она разъ сказала, когда онъ къ ней придрался:

— У васъ такой характеръ, г-нъ Андрюшинъ, что смотрите, какъ бы начальство не обратило на васъ вниманіе. Я увѣрена—это такъ и будетъ.

Черезъ нѣсколько дней, за ошибку въ записываніи наклад-

ныхъ Андрюшинъ, дѣйствительно, получилъ нагоняй. Очень раздраженный, проходя мимо ея, онъ сказалъ:

— Напророчила, унылая Кассандра!

Г-жа Переверзева сдѣлала видъ, что не обращаетъ вниманія, но слышала. Ее задѣли непонятныя слова: что это за унылая Кассандра? На другой день она обращалась кое-къ кому изъ товарищей. Слова «Кассандра» никто не зналъ. Она обезпокоилась. Можетъ быть, это еще оскорбленіе? Пусть не думаетъ, она одинокая, но честная дѣвушка, и сумѣетъ защитить себя. Къ Антонинѣ Владиміровнѣ она не направилась,—слишкомъ очевидно, что не знаетъ. Но мсье Ѳоминъ? Онъ «универсантъ», сдаетъ разныя репетиціи, зачеты, неужно и онъ не скажетъ?

Выбравъ время, когда онъ былъ дома, г-жа Переверзева учтиво и съ такимъ видомъ, что она *не зачѣмъ нибудь*, а за дѣломъ адресуется къ универсанту—постучала ему въ дверь.

Мсье Ѳоминъ сидѣлъ на диванѣ, который недавно поставила ему Антонина Владиміровна, и читалъ «Синій Журналъ». Въ выраженіяхъ отмѣнныхъ г-жа Переверзева изложила ему, что ее тревожитъ незнакомое слово, и не будетъ ли онъ добръ объяснить, что̀ оно значитъ.

— Кассандра, пробормоталъ мсье Ѳоминъ: да. Это что-то миѳологическое.

Г-жа Переверзева оживилась.

— Быть можетъ, сказала она, и мелькомъ взглянула на себя въ зеркало: это имя богини? Я вѣдь знаю, миѳологія, это все безусловно боги и богини.

— У меня товарищъ есть, Сережка, отвѣтилъ мсье Ѳоминъ: а онъ на филологическомъ. Это такой фруктъ, все отвѣтитъ, что ни спроси. Самыя трудныя слова знаетъ!

— Скажите пожалуйста! Несомнѣнно, у него богатая память.

— Если бы по энциклопедіи, или по римскому праву, я бы могъ. Тамъ... разные сервитуты... а то надо Сережку спросить.

— Это было бы очень любезно съ вашей стороны.

Она ушла отъ него съ тѣмъ же значительнымъ и горделивымъ видомъ, честно неся свое крѣпкое, начавшее уже грубѣть тѣло. Подъ ея поступью поскрипывала шашка паркета.

Мсье Ѳоминъ остался въ нѣкоей задумчивости. Онъ размышлялъ теперь о томъ, что хорошо бы купить словарь иностранныхъ словъ. Встрѣтилось незнакомое слово—посмотрѣлъ. Разумѣется, еще лучше словарь энциклопедическій, но объ этомъ трудно и мечтать.

Если бъ Антонина Владиміровна была знаменитостью, въ родѣ Ламановой или Пантелеймоновой, она могла бы подарить ему не только словарь, но и нѣчто иное; скажемъ,—студенческій мундиръ, дорогія запонки. Но развѣ этого дождешься? Держи карманъ! Всего онъ и получилъ вышитый мѣшочекъ для часовъ, съ изображеніемъ сердца и стрѣлы.

Мсье Ѳоминъ отложилъ ужъ совсѣмъ «Синій Журналъ» и принялся размышлять о разныхъ пріятныхъ вещахъ: какъ онъ кончитъ университетъ, женится на богатой, станетъ ѣздить на собственной лошади въ правленіе мануфактуры, гдѣ большинство акцій принадлежитъ женѣ. На сторонѣ онъ будетъ содержать какую-нибудь дѣвушку и навѣщать ее. Тутъ его мысли приняли нѣсколько иное направленіе: конечно, Антонина Владиміровна имѣетъ свои достоинства, но, во-первыхъ, не такъ ужъ она красива, а второе—и возрастъ средній. Въ сущности, мастерица Леночка, семнадцати лѣтъ—куда интереснѣе.

Мсье Ѳоминъ закурилъ, и лицо его приняло мечтательно-блаженное выраженіе. Если бъ Антонина Владиміровна видѣла его въ эту минуту, то несомнѣнно сочла бы за ангелочка въ чистѣйшемъ оригиналѣ. А если бы знала, о чемъ онъ думаетъ, навѣрно измѣнила бы свое мнѣніе.

На этотъ разъ мсье Ѳоминъ не былъ особенно доволенъ, что зашелъ Шалдѣевъ. «Опять ругаться будетъ», думалъ онъ, когда Шалдѣевъ энергически потрясъ гривой, сѣлъ къ столу и подперъ руками голову. Съ усовъ онъ не смахнулъ нѣсколькихъ снѣжинокъ. Онѣ растаяли, обратились въ капли.

Отъ Шалдѣева пахло морозомъ, свѣжимъ воздухомъ. «Опять что-нибудь про дѣтей заведетъ, про свое искусство». Но на этотъ разъ Шалдѣевъ сидѣлъ молча. Чтобы что-нибудь сказать, мсье Ѳоминъ спросилъ:

— Вотъ ты, какъ художникъ... Меня сегодня жилица спрашиваетъ, что́ такое Кассандра. Ее такъ назвали. А у меня нѣтъ словаря иностранныхъ словъ. Помню—что-то миѳологическое.

Шалдѣевъ поднялъ голову и поглядѣлъ на него косо поставленными глазами.

— Это какая жилица? Черная?

— У насъ только одна и есть.

— Ты развѣ тоже комнаты сдаешь?

— Нѣтъ... я просто такъ... выразился.

Шалдѣевъ минуту помолчалъ.

— Скажи ей, что это значитъ—вѣдьма.

— Ужъ ты придумаешь. И невѣжливо, да она на вѣдьму и не похожа.

— Не хочешь, такъ и не говори.

Опять помолчали.

— Послушай, сказалъ вдругъ Шалдѣевъ: дай мнѣ до понедѣльника троякъ.

— Т.-е. три рубля?

— Троякъ.

Мсье Ѳоминъ нѣсколько замялся.

— Видишь ли, я бы съ удовольствіемъ, но сейчасъ... такое время, у самого мало.

— Какъ мало?—Шалдѣевъ оглянулся.—Ну, это, ты мнѣ не разсказывай. Не хочу, молъ, дать. Чтобъ у тебя трояка не было! Ты тутъ котомъ пристроился, сдаешь комнаты, шляпами торгуешь.

Мсье Ѳоминъ заволновался.

— Это ужъ чортъ знаетъ что. Пришелъ въ гости, да еще дерзости говоритъ. Прямо свинство! Ты вообще сталъ зазнаваться.

— Наше дѣло простое. Встали и ушли.

Шалдѣевъ поднялся и, конечно, ушелъ бы, но какъ разъ отворилась дверь, и появилась Антонина Владиміровна. Ей показалось, что г-жа Переверзева все еще бесѣдуетъ съ мсье Ѳоминымъ, и это начало уже ее волновать. Шалдѣева она не ожидала встрѣтить.

— А,—сказалъ Шалдѣевъ:—вотъ и хозяюшка, добрая душа. А мы тутъ съ Петькой было поругались.

Антонина Владиміровна сдѣлала удивленное лицо.

— Изъ-за чего же съ нимъ ругаться? У Петра Иваныча въ высшей степени деликатный характеръ. Я даже изумляюсь.

— Вотъ онъ розовый,—говорилъ Шалдѣевъ, забравъ въ пригоршню всю свою бороду, остановившись посреди комнаты и слегка разставивъ ноги:—розовый, точно херувимъ. А попроси у него на два дня троякъ, когда вотъ какъ нужно—онъ полоснулъ себя рукой по горлу—не дастъ. Нѣту, говоритъ. И все вретъ.

— Ахъ, какія выраженія! Вѣроятно, у Петра Иваныча въ данный моментъ нѣту... Но почему же не обратиться тогда ко мнѣ?

— Я и разговаривать съ нимъ не хочу,—пробурчалъ мсье Ѳоминъ.—Пришелъ въ гости, да еще дерзости говоритъ.

Шалдѣевъ, постукивая каблучками, какъ козелъ на копыт-

цахъ, вышелъ въ корридоръ. Антонина Владиміровна за нимъ. Она была нѣсколько смущена. Непріятно, что нехорошо отнеслись къ Петру Иванычу, но то, что Шалдѣевъ не получилъ несчастныхъ трехъ рублей—тоже не радовало. Какъ хозяйка и добрая женщина, Антонина Владиміровна считала, что и сама она частью отвѣтственна.

— Мсье Шалдѣевъ,—сказала она:—можетъ быть, вы зайдете на минуту ко мнѣ?

Она отворила дверь въ свою комнату. Тутъ стояла огромная постель, надъ ней висѣли разныя поэтическія карточки, вѣерочки, искусственные цвѣты. Въ углу стоялъ граммофонъ. Надъ нимъ раскрашенная фотографія: видъ Ялты и крымскихъ горъ.

— Мнѣ такъ непріятно,—начала она, стѣсняясь:—во всякомъ разѣ, если Петръ Иванычъ отказалъ вамъ, то лишь потому, что у него не было наличныхъ. И вы его неправильно понимаете. Такъ что позвольте предложить вамъ... ну, взамѣнъ Петра Иваныча, тѣ деньги, которыя...

Шалдѣевъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Добрая душа. Вижу.

Антонина Владиміровна нѣсколько застыдилась и покраснѣла. Шалдѣевъ все не выпускалъ ея руки, гладилъ и опять поцѣловалъ...

Зеленую бумажку онъ спряталъ съ равнодушіемъ, сѣлъ въ кресло и завелъ разговоръ. Снова это было объ искусствѣ, фресковой живописи, которую онъ намѣревался возродить, о Мадоннѣ, Христѣ и наивности дѣтей. Онъ разгорячился. Слушательница понимала одну десятую, но его тонъ заражалъ. Ей казалось, что это, правда, необыкновенный человѣкъ, который черезъ десять лѣтъ прогремитъ на всю Россію. Шалдѣевъ увѣрялъ, что спустя эти десять лѣтъ она будетъ гордиться, что была съ нимъ знакома, дала взаймы три рубля, пожимала руку.

Онъ не казался ей хвастуномъ; въ его голосѣ, нѣсколько безумныхъ глазахъ было нѣчто, производившее, дѣйствительно, впечатлѣніе.

Они разстались, довольные другъ другомъ. Антонина Владиміровна звала его къ себѣ; онъ милостиво обѣщалъ. Потомъ надѣлъ широкополую шляпу и съ трехрублевкой у сердца, съ душой, полной туманныхъ бредовъ, зашагалъ по Броннымъ. Земля казалась ему недостаточно почтительной и слишкомъ грубой для поступи его, преемника великаго Веласкеца.

V.

Кромѣ того, что мсье Ѳоминъ былъ *чистюля*, онъ и вообще отличался аккуратностью. Мало пропускалъ лекцій, за профессорами записывалъ, садился поближе къ каѳедрѣ. Ловко причесывался, былъ опрятно одѣтъ. Въ карты онъ не игралъ, и у него не было товарищей, которые слоняются по Козихамъ гурьбами, заполоняютъ калошами переднюю, а комнату—табачнымъ дымомъ.

Если ужъ онъ обѣщалъ г-жѣ Переверзевой узнать, что значитъ незнакомое слово, то, дѣйствительно, узналъ, у себя же въ университетѣ, отъ того самаго геніальнаго Сережки, которому все на свѣтѣ извѣстно, и который гнѣздился тоже вблизи Латинскаго квартала. Мало того, что спросилъ: мсье Ѳоминъ записалъ отвѣтъ на бумажку, слѣдующимъ образомъ: «Кассандра—дочь Пріама и Гекубы. Она получила отъ Аполлона даръ предсказывать будущее, но не сдержала слова, даннаго богу, и онъ, изъ мести, пустилъ о ней молву, что она безумная, такъ что никто не вѣрилъ ея прорицаніямъ».

Придя домой, онъ передалъ эту бумажку г-жѣ Переверзевой. Она благодарила въ изысканныхъ выраженіяхъ и осталась очень довольна. Правда, было неизвѣстно, кто такіе Пріамъ и Гекуба, но врядъ ли они плохіе люди, это сразу чувствуется. Затѣмъ, сама Кассандра,—если и не богиня, то около того, и главное: она предсказывала правду, а ее считали безумной. «Это безусловно про меня!» подумала г-жа Переверзева. «Я даже удивляюсь, что Андрюшинъ могъ такъ удачно сказать!»

Она взглянула на себя въ зеркало. Конечно, въ ея наружности есть нѣчто трагическое. Черные волосы, большіе черные глаза—именно это и было у Кассандры.

Подумать только: всѣмъ говоришь о будущемъ правду, а тебя считаютъ дурочкой.

Г-жа Переверзева не могла не подѣлиться впечатлѣніями съ Антониной Владиміровной.

Та какъ разъ въ эту минуту провожала одну изъ своихъ заказчицъ-содержаночекъ.

— Знаю, знаю,—говорила она, любезно улыбаясь:—вашъ зять изъ себя будетъ поциничнѣе, т.-е. добродушнѣй. Очень хорошо помню.

Дама нѣсколько удивленно на нее взглянула, улыбнулась и вышла.

— Крошка,—сказала она г-жѣ Переверзевой:—вы ко мнѣ?

— О, это не такъ важно. Пустячекъ. Но въ передней, несомнѣнно, неудобно разговаривать.

Входя къ ней въ комнату, Антонина Владиміровна спросила:

— Что такое, милуня?

Г-жа Переверзева слегка смутилась, даже какъ бы зардѣлась.

— Нѣтъ, это безусловно пустячекъ!

Слегка сбиваясь, она разсказала, какъ m-r Андрюшинъ назвалъ ее въ раздраженіи Кассандрой, а оказалось, что это совсѣмъ не такъ плохо, и, въ сущности, у нея есть съ Кассандрой общее.

Антонина Владиміровна глядѣла недоумѣнно, какъ бы виновато.

— Малютка,—спросила она:—да я развѣ что-нибудь говорила?

— Нѣтъ, ничего дурного не говорили,—г-жа Переверзева очень благородно и съ воодушевленіемъ произнесла это: но все-же, съ недовѣріемъ относились къ тому, что́ я предчувствовала. А вы должны сознаться,—я предсказывала вѣрно.

— Крошка, вы говорили, напримѣръ, что мсье Ѳоминъ картежникъ, преслѣдуетъ дѣвушекъ...

Г-жа Переверзева погрозила пальцемъ, грубовато захохотала.

— А что у васъ съ нимъ будутъ шуры-муры?

Тутъ немного смутилась Антонина Владиміровна.

— Я вамъ повторяю: мы съ Петромъ Иванычемъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ.

Г-жа Переверзева хохотала, не стѣсняясь.

— Неисправима! Прямо неисправима.

— Малютка, если у васъ правда такой даръ, вы мнѣ скажите лучше о господинѣ Шалдѣевѣ. Знаете, это такой оригиналъ! И онъ говоритъ, что у него на ногахъ козлиныя копытца.

Она вспомнила Шалдѣева, засмѣялась. Г-жа Переверзева, напротивъ, стала серьезна. Даже отчасти потемнѣла.

— Это наглецъ. Безспорно. Онъ позволилъ себѣ при мнѣ, при дѣвушкѣ, двусмысленные намеки.

— Къ нему нельзя же такъ относиться! Поймите, онъ художникъ! И утверждаетъ, что черезъ десять лѣтъ я буду гордиться, что дала ему три рубля и что была съ нимъ знакома.

— Трехъ рублей онъ вамъ не вер-не-тъ!

— Крошка, вы бы послушали его! Я увѣрена, онъ бы васъ увлекъ.

— У меня были ухажеры почище, но я, безусловно, всѣхъ отстранила. У мужчинъ одни намѣренія—овладѣть нашимъ тѣломъ. А этотъ Шалдѣевъ совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ! Грубый!

— Интересно знать, будетъ онъ знаменитымъ художникомъ?

— У Метцля служитъ триста человѣкъ. И никто не слыхалъ его фамиліи.

— Ребенокъ, онъ еще молодъ.

— Это будетъ жалкій мазилка. Живописецъ вывѣсокъ. Я понимаю: Клеверъ, Маковскій... Хорошій художникъ богатъ, у него свой домъ. А этотъ занимаетъ три рубля. Живописецъ вывѣсокъ!

Антонина Владиміровна, видимо, не сочувствовала, но и не стала возражать. О Шалдѣевѣ она составила свое мнѣніе, и какимъ бы оно ни было для другого, принадлежало оно именно ей, и она не собиралась отъ него отрекаться.

Она и сама хорошенько не понимала, но если бы приглядѣлась, то увидѣла бы, что тайный обликъ козла, гнѣздившійся въ Шалдѣевѣ, также волновалъ и смущалъ ее.

Денегъ Шалдѣевъ, дѣйствительно, не отдавалъ, но иногда заходилъ къ ней: съ мсье Ѳоминымъ почти не видался. Антонина Владиміровна подкармливала его ватрушками, медомъ, очень вкусными печеніями. Ему нравилось, что она смотритъ на него, какъ на особенное существо, слушаетъ внимательно, даже съ почтеніемъ малопонятныя разсужденія.

Такъ что, въ концѣ концовъ, остался недоволенъ мсье Ѳоминъ. Не то, чтобы онъ ревновалъ. Но почему такое вниманіе къ Шалдѣеву, ласковый тонъ?

Впрочемъ, самъ онъ тоже подлежалъ укору—слишкомъ часто, въ отсутствіе Антонины Владиміровны, сталъ онъ навѣдываться къ мастерицамъ и дарилъ молоденькой Леночкѣ какія-то конфекты, гребенки, духи. Разъ даже, тайкомъ, былъ съ нею въ кинематографѣ,—разумѣется, въ дальнемъ кварталѣ. Но за нимъ было то преимущество, что свои дѣйствія онъ обставлялъ тайной, и Антонина Владиміровна ничего не подозрѣвала.

А тѣмъ временемъ ее тревожило, что ея нѣжность, раньше направленная на мсье Ѳомина, точно стала двоиться: все чаще и занятнѣе вспоминала она о Шалдѣевѣ, онъ начиналъ ее волновать. «Ахъ, думала она, ложась спать: ну, вѣдь это какъ нехорошо и безнравственно! Прямо въ высшей степени плохо! Разумѣется, Петя очень тихій и деликатный, и это съ моей стороны просто игра страстей, или женскихъ прихотей!»

Нѣсколько разъ примѣряя шляпки со своими малютками,

крошками и содержаночками, Антонина Владиміровна подымала вопросъ—можетъ ли сердце женщины, принадлежа одному, откликаться и другому? Взгляды малютокъ разошлись. Нѣкоторыя, посмѣиваясь, тоже говорили объ игрѣ страстей и прихотей; другія съ гордостью отвергали; третьи признавали двойную любовь; четвертыя считали, что можно втайнѣ любить, но нельзя отдаться; были и такія, что допускали сколько угодно комбинацій; но эти составляли меньшинство, хуже всѣхъ платили по счетамъ и явно жили на содержаніи. Антонина Владиміровна была любезна со всѣми—какъ маэстро своего дѣла—но въ душѣ строго осуждала послѣднюю категорію, ибо *разсчетъ нельзя примѣшивать къ чувству*. На этомъ она стояла твердо.

Какъ бы то ни было, пока мужская честь м-сье Ѳомина не терпѣла урона; и надо думать, не потерпѣла бы; но, поддаваясь человѣческой слабости, онъ самъ занесъ руку на Антонину Владиміровну.

Это вышло весьма просто.

Наступилъ мартъ и растопилъ сердца разныхъ Дунечекъ, Аксюшъ и Леночекъ. Та Леночка, что жила мастерицей у Антонины Владиміровны, не избѣгла общей участи. Мсье же Ѳоминъ проявилъ тутъ большое упорство и скрытность; онъ пустилъ въ ходъ и духи, и нессесэръ, и даже дешевый браслетикъ. Черненькая Леночка, отъ которой пахло лукомъ и одеколономъ мсье Ѳомина, наконецъ, сдалась. Но тутъ вмѣшалась судьба.

Наканунѣ *этой самой* ночи г-жа Переверзева съѣла сверхъ мѣры гуся—жирнаго гуся съ кухни Антонины Владиміровны. Ночью гусь далъ себя знать. Безусловно ничего не подозрѣвая, часа въ три она поднялась съ постели и, надѣвъ туфли, накинувъ теплый платокъ, отправилась въ дальній конецъ квартиры. Ей приходилось итти темнымъ корридорчикомъ мимо комнатки, гдѣ спала Леночка съ товаркой. На этотъ разъ товарки не было,—ее услали. Зато былъ мсье Ѳоминъ.

Г-жа Переверзева, по нѣкіимъ признакамъ, сразу сообразила, что тутъ неладно; и, довольная оборотомъ дѣла, рѣшила подслушивать.

Все было бы сносно, если бы за минуту, у двери Антонины Владиміровны, она не зацѣпила своей тяжкой ногой стула и не разбудила Антонину Владиміровну. Той какъ разъ не спалось; она была въ элегическомъ состояніи, что-то ей было непріятно; полежавъ немного, она встала и отправилась въ комнату мсье Ѳомина. Постель его была смята, но пуста. Антонина Влади-

міровна удивилась. Она зажгла свѣчку и въ недоумѣніи вышла въ прихожую. Тутъ ей попалась г-жа Переверзева. Глаза ея блестѣли. Она возвращалась, тяжело дыша, и имѣла торжествующій видъ. Она успѣла о многомъ освѣдомиться, но не знала все же, что герой—мсье Ѳоминъ.

— Безусловно,—сказала она:—ваши мастерицы распущены! Я иду по собственному дѣлу, и представьте, въ комнатѣ Ленки оказывается мужчина! Это уже развратъ.

Какъ была, со свѣчей и въ неполномъ туалетѣ, Антонина Владиміровна бросилась туда. О, жалобный и роковой скандалъ! Несомнѣнно, былъ онъ подстроенъ богами-завистниками, и смутное предчувствіе Кассандры, смуглой сорокалѣтней дѣвы, не безъ волненія ложившейся сейчасъ въ кровать,—ея предчувствіе было нелживо.

VI.

Конечно, дѣйствія мсье Ѳомина относительно Леночки не были лойяльны. Негодованію Антонины Владиміровны имѣлась причина. Это негодованіе приняло бурныя формы—какъ тамъ, на мѣстѣ преступленія, такъ и на другой, на третій и на четвертый день.

Мсье Ѳоминъ получилъ директиву — мгновенно убираться съ квартиры, безъ суда, слѣдствія и защиты.

Отъ Леночки, напоминаніемъ объ ней, осталась одна кровать. Да и ту скоро снесли на чердакъ. Мсье Ѳоминъ съѣхалъ на другой день. Онъ былъ очень недоволенъ, смущенъ; но, какъ юноша сообразительный, будущій юристъ, быстро оправился, основавшись въ сосѣднемъ переулкѣ; и высчиталъ, что за полмѣсяца комната его оплачена впередъ: пятнадцать рублей слѣдуетъ дополучить.

Къ Антонинѣ Владиміровнѣ явился посыльный, съ письмомъ, гдѣ все это ясно излагалось.

Она имѣла довольно несчастный видъ: лицо ея опухло, она дурно причесывалась, почти не болтала съ крошками, а на мастерицъ раздражалась. Письмо еще подлило ей горечи. Она положила въ конвертъ деньги, ни слова не написала и велѣла передать ему. Потомъ вышла въ другую комнату и заплакала.

Вечеромъ не удержалась—разсказала г-жѣ Переверзевой. Сердцу нужно сочувствіе.

Г-жѣ Переверзевой вся эта исторія доставила большое удовольствіе, и она не вполнѣ умѣла это скрыть. Во-первыхъ—

сбылись ея предсказанія насчетъ мсье Ѳомина. Второе—слишкомъ много себѣ позволяла Антонина Владиміровна, между тѣмъ она, г-жа Переверзева, была какъ стеклышко. Втайнѣ она одобряла неудачу, но понятно, въ тотъ вечеръ высказала сочувствіе.

— Безусловно некрасиво съ его стороны. Развратничать, и еще предъявлять требованія.

— Милуня, это прямо, прямо, эксплоатація труда честной дѣвушки.

Г-жа Переверзева взглянула на нее слегка насмѣшливо.

— Хотя вы безусловно не дѣвушка, все же съ его стороны это неблагородно. Я бы, на вашемъ мѣстѣ, не отдала ему этихъ денегъ.

— Крошка, у меня не такой характеръ. Не могу. Понятно, всякія бываютъ. Мнѣ одна содержанка пять лѣтъ пятидесяти рублей не платила. Я сама у ней сколько разъ была, представьте, живетъ великолѣпно, гостиная, знаете... не обои, а все гобельоны, гобельоны! Что вы думаете, пришлось судиться, не хотѣла, вѣдь, платить! Ну, а я не могу. Да я прямо въ лицо ему готова швырнуть эти проклятыя деньги.

— Такъ и вышло, что я была права!—замѣтила г-жа Переверзева съ важностью.—Какъ я вамъ говорила, все и вышло. Но вы не вѣрили. Несомнѣнно, мнѣ вообще мало вѣрятъ, и мало меня цѣнятъ. Правда, нѣкоторые мужчины посягали на меня, дѣлали разные намеки: но,—заключила она величественно,—я всѣхъ отвергла. У меня твердое сердце. У васъ же слабое.

Антонина Владиміровна отчасти уже успокоилась. Она отерла глаза, вздохнула и сказала:

— Ангелъ, понятно, слабое. На то мы и женщины. Но и такъ сказать: вотъ вы живете, живете, къ своему Метцлю ходите, а какая у васъ радость?

— Зато меня не оскорбляетъ какой-нибудь грубый человѣкъ.

— Это ужъ что говорить: въ отношеніи любви мужчины въ высшей степени неделикатны. Все же, какъ безъ нея проживешь? Значитъ, крошка, намъ такъ Господь велѣлъ. Какъ-то тамъ и въ писаніи сказано: прилѣпится,—въ этомъ родѣ, и станетъ два въ плоть едину. Это именно про насъ.

— Писаніе давно писалось,—все такъ же рѣзала г-жа Переверзева.—Мало ли что тамъ написано. А я знаю, что насъ можетъ спасти лишь одна строгость съ мужчинами.

Вдругъ она оживилась, будто что вспомнила.

— Напримѣръ, вы съ этимъ невоспитаннымъ человѣкомъ,

Шалдѣевымъ, мазилкой, разговариваете? Онъ у васъ сидитъ часами, говоритъ чепуху, а вы слушаете и кормите его ватрушками. Отдалъ онъ вамъ три рубля?

— Милуня, у него сейчасъ нѣтъ денегъ.

Г-жа Переверзева продолжала громить ее за Шалдѣева, но Антонина Владиміровна слушала менѣе внимательно, будто о чемъ вспоминала. Эти воспоминанія не были непріятны. Не относились ли они къ Шалдѣеву? Если бы г-жа Переверзева узнала объ этомъ, она осталась бы весьма недовольна.

Потому ли, что не было денегъ, или по инымъ причинамъ, но въ это время Шалдѣевъ не заходилъ. Возможно—былъ онъ занятъ какой-нибудь геніальной фреской, по окончаніи которой врядъ ли что осталось бы отъ разныхъ Дуччіо и Чимабуэ. Дѣла съ чистописаніемъ шли плохо; онъ ненавидѣлъ этотъ трудъ, пропускалъ уроки, грамматики не признавалъ. Выведя разъ на доскѣ слово *иній*, заставилъ дѣвочекъ разъ тридцать изобразить его. Зашла начальница, сдѣлала замѣчаніе; онъ такъ ее обругалъ, что та отступила. Вообще, въ гимназіи его побаивались. Онъ бывалъ дерзокъ.

Все же къ Антонинѣ Владиміровнѣ онъ зашелъ черезъ нѣсколько дней. За это время она уже нѣсколько успокоилась, была хоть и грустна, но покойнѣе и безъ раздраженія.

— Хозяюшкѣ поклонъ,—сказалъ Шалдѣевъ, и поцѣловалъ ей даже руку. При этомъ, заглянулъ въ комнату мсье Ѳомина. Увидѣлъ, что она пуста, удивился.

— Что жъ это,—спросилъ онъ:—или Петька уѣхалъ?

Антонина Владиміровна слегка смутилась.

— Вашъ пріятель оказался далеко не такимъ скромнымъ... я въ началѣ полагала...

— И полагать нечего,—отвѣтилъ Шалдѣевъ, стряхивая съ бороды капли дождя.—Онъ хоть тихій, а шельма. Такъ. Значитъ, комната пустуетъ?

Антонина Владиміровна подтвердила это. Шалдѣевъ вошелъ за ней въ комнату, потирая руки отъ холода, какъ всегда — косолапо ступая. Потомъ вдругъ вытащилъ маленькій кошелекъ зеленой кожи съ обтертыми, посвѣтлѣвшими краями, и вынулъ трехрублевку.

— Это вашъ бывшій котъ, — сказалъ онъ, указывая на помѣщеніе мсье Ѳомина:—не хотѣлъ мнѣ трешки взаймы дать. А вы дали. И теперь—получаете обратно.

Антонина Владиміровна могла бы обидѣться кое-на-что въ этихъ словахъ, но не успѣла: Шалдѣевъ все это произнесъ

между прочимъ, *проходнымъ* тономъ. Такъ что и не разсердилась.

А онъ посидѣлъ немного, меньше обычнаго говорилъ, всталъ и опять вышелъ въ бывшую комнату мсье Ѳомина. Вернувшись, рѣшительно сказалъ и взялъ даже за руку Антонину Владиміровну.

— Вотъ что, хозяюшка. Комнату я беру. У меня мѣсяцъ выходитъ, а здѣсь лучше. Согласны?

Антонина Владиміровна была довольна и протянула руку. Шалдѣевъ не выпускалъ ее и затѣмъ сказалъ строго:

— Насчетъ того, другого, третьяго, чтобы ни-ни. Конечно, у васъ мужа нѣтъ, скучно, и поразвлечься хочется. Вы какъ хотите устраивайтесь, какъ угодно, но на сторонѣ. Чтобы мнѣ не мѣшать. Я это все отлично понимаю, дѣло обыкновенное. Ну,—мнѣ некогда. Мнѣ, милая, не до того. Я художникъ. Если бабами начнешь заниматься, далече не уйдешь. А намъ путь немалый. Такъ я говорю, или нѣтъ?

Потомъ прибавилъ онъ еще условіе.

— Этой дубинѣ,—онъ показалъ въ направленіи г-жи Переверзевой,— ко мнѣ не заходить. А то возьму кисть, прямо помазокъ, и на рожѣ Жаръ-Птицу напишу. Такъ чтобы и знала.

Антонина Владиміровна снова могла бы обидѣться, но снова не обидѣлась, а захохотала.

— Ну, вы такъ рѣзко, такъ ужасно рѣзко всегда выражаетесь! Милуня, надо быть добрѣе!

Она согласилась на всѣ условія.

Какъ и тогда, въ ноябрѣ, при первомъ появленіи мсье Ѳомина—и теперь она не могла скрыть новости отъ г-жи Переверзевой. Вечеромъ она бесѣдовала съ ней. Обо всемъ разсказала,— кромѣ послѣдняго условія.

Г-жа Переверзева снова съ важностью корила ее за легкомысліе. Но на этотъ день Антонина Владиміровна окончательно пришла въ хорошее расположеніе, и ее нельзя было изъ него выбить. Смѣясь, она сказала г-жѣ Переверзевой фразу, въ которую не влагала плохого, но вышло плохо: «Ребенокъ, все намъ пророчите, вы бы себѣ чего погадали». Г-жа Переверзева не обратила вниманія и мало приняла къ сердцу. Лишь вечеромъ, когда ложилась спать, эта фраза выплыла. Выплыла и нагнала тоску. Правда, къ чему ея строгость, честные нравы, дѣвственность? Скоро будетъ ей сорокъ. А тамъ пятьдесятъ, и все такъ же, *безусловно*, будешь ходить къ Метцлю и смотрѣть, какъ другіе «удовлетворяютъ своимъ прихотямъ».

Г-жа Переверзева вспомнила разныя обиды въ своей жизни. Какъ сестра всегда садилась на ея любимое мѣсто, у окна, какъ однажды ей наступили въ трамваѣ на ногу и не извинились, наконецъ, какъ мало-учтива прислуга Агаша. Скоро будетъ Святая. Помириться съ сестрой, или нѣтъ. Опять неизвѣстно. Вообще жизнь темна и загадочна. И что бы ни говорили, но она, m-lle Переверзева, при всѣхъ ея честныхъ качествахъ и достоинствахъ, при непризнанномъ дарѣ предсказывать будущее,—несомнѣнно, она-то и забыта.

Уже лежа, въ темнотѣ, г-жа Переверзева долго плакала—холодными, тяжелыми слезами. Онѣ не облегчали ее.

Шалдѣевъ переѣхалъ къ нимъ очень скоро. Въ комнатѣ, гдѣ мсье Ѳоминъ изучалъ римское право, запахло красками, скипидаромъ. На стѣнахъ висѣли картоны съ набросками, въ углу стоялъ портретъ дамы монашескаго облика. Были эскизы сановиной, темперой. Темперу Шалдѣевъ любилъ. Какъ и великій Леонардо, полагалъ онъ, что существующія краски плохи; работалъ надъ изобрѣтеніемъ новыхъ. И, съ цѣлью эпатировать хозяйку заявилъ, что эти краски будетъ готовить на женскомъ молокѣ.

Какъ и условились, съ ней былъ онъ строгъ, требовалъ отношенія почтительнаго: для Антонины Владиміровны, впрочемъ, это не было трудно. Что же до г-жи Переверзевой, ее по-прежнему не выносилъ Шалдѣевъ; встрѣчаясь въ корридорѣ и отойдя нѣсколько шаговъ, плевалъ. На вопросъ Антонины Владиміровны, нравится ли ему г-жа Переверзева, какъ женщина,—отвѣтилъ, что скорѣе полюбилъ бы собаку.

Въ такомъ сочетаніи встрѣтили они весну, которая и въ тотъ годъ пришла съ обычнымъ своимъ сіяніемъ, нѣжными вздохами, голубизной апрѣльскаго неба. Застучали по мостовой подковы; обсохъ Тверской бульваръ; у памятника Пушкина запестрѣли дѣтскіе летучіе шары. Вечеромъ чаще сталъ выдѣляться Пушкинъ на фонѣ краснѣющей весенней зари, при блѣдномъ газѣ фонарей, при зеленыхъ искрахъ несущагося Грама.

Днемъ у его подножія играютъ дѣти. Недалеко—продаютъ цвѣты.

Мимо этого Пушкина шагалъ Шалдѣевъ, отправляясь на уроки, мечтая о Парижѣ, работѣ и славѣ Веласкеца. Ѣхала на трамваѣ «*А*» г-жа Переверзева. Антонина Владиміровна спѣшила въ магазинъ, за отдѣлками для крошекъ. И мсье Ѳоминъ, знавшій изъ Пушкина лишь то, что́ приходилось читать на монументѣ,

слѣдовалъ тутъ. Ему предстояли экзамены. Значитъ, надо готовить шпаргалки, подписывать программы: вообще работы много.

Разъ, въ концѣ мая, Антонина Владиміровна встрѣтила его здѣсь. Онъ шелъ быстро, видимо взволнованный, будто даже разговаривалъ съ собою. Фуражка нѣсколько съѣхала. Онъ былъ краснѣе, чѣмъ полагается. Это зависѣло отъ того, что на экзаменѣ вышла непріятность. Его спросили, каковы функціи Государственной Думы. Подумавъ, онъ отвѣтилъ, что этого въ программѣ нѣтъ. Профессоръ согласился. «Но, вообще, вы знаете, чѣмъ занимается Государственная Дума?» Онъ молчалъ. «Неужели вы не читаете газетъ?» спросили его. Онъ обидѣлся и повторилъ: въ программѣ о Думѣ нѣтъ. А по газетамъ онъ не обязанъ отвѣчать. Теперь онъ шелъ и про себя бормоталъ: «По газетамъ гоняетъ! Чортъ знаетъ что!» Ему хотѣлось жаловаться.

«Эксплоататоръ,—подумала Антонина Владиміровна съ горечью.—Некрасивая личность!» Она рѣшила, что на поклонъ не отвѣтитъ. Но онъ взглянулъ разсѣянно—не то не узналъ, не то и ему не захотѣлось кланяться.

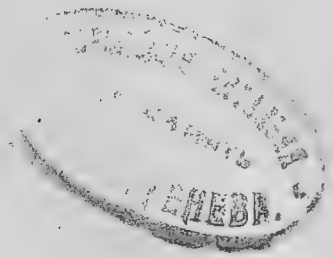
Она пришла домой въ нѣсколько мрачномъ настроеніи. Точно начинала ныть рана. Такъ продолжалось до средины дня. Тутъ зашла къ ней одна крошка. Антонина Владиміровна стала мѣрить ей шляпу, увлеклась и забыла.

— Ребенокъ,—говорила она:—вы въ этой шляпѣ—ну, прямо содержаночка! Нужно еще вуаль. Синюю, съ густотой. Знаете—женщина въ вуали—какъ въ рамкѣ.

А вечеромъ явился Шалдѣевъ, и ей стало казаться, что мсье Ѳомина никогда не было. То, что Шалдѣевъ держался такъ строго и говорилъ непонятное, приводило ее въ трепетъ. Она уже чувствовала, что влюблена. Это снова ее молодило, и она летала, какъ на крыльяхъ. Покупала ему печенье піу-піу, варила какао и гоняла дѣвчонку за папиросами «Зефиръ».

Г-жа Переверзева стала молчаливѣй. Она неизмѣнно ѣздила къ Метцлю; хранила чистоту, срѣзала прислугу Агашу; съ Шалдѣевымъ вовсе не говорила, сторонилась и Антонины Владиміровны. Она все видѣла и понимала. «Безусловно», говорила она себѣ: «изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго». И торжествовала.

Бор. Зайцевъ.



ДВА КЛАДБИЩА.

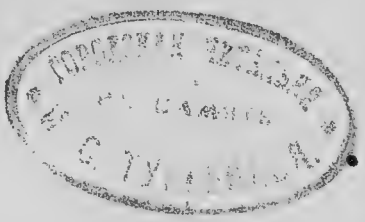
На кладбищѣ чужомъ, на пышномъ Campo Santo,
Я видѣлъ стройный рядъ кокетливыхъ аллей
Въ часъ утренній, когда сверкала брилліантомъ
Кристальная роса на чашечкахъ лилей.

Кресты изъ мрамора, красавцы-херувимы
Стоятъ, торжественно сверкая бѣлизной...
О, роскошь кладбища, о, саркофаги Рима,
Отъ васъ лечу я вдаль тоскующей душой:

Кладбище сельское встаетъ передо мною—
Затерянный погостъ родимыхъ деревень,
Съ плакучей ивою, съ березкою родною,
Манящей путника въ спасительную тѣнь...

Смѣются васильки... черемухи бѣлѣютъ...
Здѣсь няня спитъ моя подъ сломаннымъ крестомъ...
Отъ грустно-нѣжныхъ думъ глаза мои влажнѣютъ...
Какъ сладко отдохнуть на кладбищѣ глухомъ!

Анатолій Доброхотовъ.



ТАРАКАШКА.

I.

Хотя тяжелые, красноватые ставни были наглухо закрыты, но, вѣдь, въ каждомъ изъ нихъ найдется длинная, узенькая щелка между створками... Если даже объ этомъ не знаютъ тѣ, кто такъ плотно ихъ закрывалъ, то ужъ солнечнымъ-то лучамъ объ этомъ достаточно извѣстно: они такъ любопытны и шаловливы, что отъ нихъ не ускользнуть ни одной, даже самой маленькой трещинкѣ—всегда отыщутъ ее и тоненькой, лукаво-сверкающей змѣйкой юркнутъ туда. Вѣдь все, что́ наглухо закрыто, явно спрятано отъ нихъ, и потому тѣмъ веселѣй, наперекоръ засовамъ и затворамъ, блеснуть вдругъ, неожиданно и ярко, смѣющейся, переливчатой струйкой тамъ, гдѣ имъ совсѣмъ не надо быть. Отъ одного этого такъ весело, а тамъ можно приняться и за другія проказы.

Въ нашемъ домѣ съ закрытыми ставнями въ угловой просторной комнатѣ было два окна, и тамъ хозяйничали два солнечныхъ луча. Тихонько, украдкой скользили они вдоль пола—одинъ, подбираясь къ разноцвѣтному, теперь такому тусклому волчку, печально повисшему въ темномъ углу надъ маленькимъ кресломъ, куда уткнулся головой деревянный Сѣрко; а другой—совсѣмъ отчаянный,—намѣтилъ себѣ голубую дѣтскую кроватку, изъ которой сквозь плетеную сѣтку свѣшивалась маленькая, пухлая рука. Медленно, но неуклонно двигаясь, шалунъ этотъ добрался, наконецъ, до кровати, а тамъ, весь изогнувшись, скользнулъ по перильцамъ и, минуту спустя, словно брызнувъ безудержнымъ смѣхомъ, засверкалъ тысячами золотистыхъ искръ въ разметавшихся по подушкѣ мягкихъ, пушистыхъ волосахъ. Но и этого показалось мало: шаловливый лучъ скользнулъ дальше—и сквозь плотно сомкнутыя вѣки, въ спящіе, закрытые глаза заструились уже красноватыя волны яркаго, горячаго свѣта.

Спящія вѣки дрогнули, бѣленькая головка дернулась по подушкѣ, но горячая солнечная струя лишь прямѣй ударила въ глаза, разсыпавъ разноцвѣтныя искры на выгнутыхъ рѣсницахъ. Тогда неподвижно висѣвшая сквозь сѣтку ручонка зашевелилась и потянулась въ кровать, слегка открытый ротъ недовольно чмокнулъ и собрался въ гримасу, еле намѣченныя брови дрогнули и нахмурились, а сжатый кулачекъ порывисто заерзалъ по лицу. Однимъ словомъ, по всему было видно, что пушистой, бѣленькой головкѣ недолго остается лежать на подушкѣ. И дѣйствительно, минуту спустя, трепетно подергивавшіяся рѣсницы, особенно рѣзко дрогнувъ, стали медленно раздвигаться, а въ разрѣзъ ихъ, жмурясь и мигая отъ солнца, глянули не-то чѣмъ-то разсерженные, не-то недоумѣвающіе свѣтлые, голубые глаза. Солнце било прямо въ лицо, и бѣлая, пушистая головка, на которой сверкалъ лучистый, солнечный ореолъ, невольно скользнула за подушку, прильнувъ къ плетеной сѣткѣ. Тамъ голубые глаза раскрылись сразу широко и свободно: Миша проснулся.

Передъ нимъ на подушкѣ сверкало желтое солнечное пятно, а на стѣнѣ, надъ спящимъ Сѣркомъ, какъ ослѣпительное маленькое солнце, сіялъ металлическій волчокъ, до котораго добрался таки и второй лучъ изъ крайняго окна. Миша пристально смотрѣлъ туда нѣсколько секундъ, потомъ глубоко вздохнулъ—и засмѣялся. Затѣмъ его руки потянулись къ солнечному пятну на подушкѣ, стараясь зачерпнуть его въ ладони, а толстыя ножки тѣмъ временемъ уже разбросали одѣяло и, выгибаясь, цѣплялись за шнуры сѣтки, приподнимая все маленькое и еще неуклюжее тѣльце: Миша любилъ повозиться въ постели.

Плотно-закрытая дверь дѣтской вдругъ тихо скрипнула, и въ комнату ворвалось разомъ столько свѣта, что Мишины голубые глаза опять крѣпко зажмурились, а когда снова раскрылись, то увидѣли уже склоненное подъ кроватью знакомое морщинистое лицо и такія же сморщенныя руки, съ напускной суровостью тянувшія вверхъ сбитое одѣяло.

— И какъ не стыдно, прости Господи... Только проснулся да и фокусничать... Аграбадъ, прости Господи.—Кабы махонькій былъ-то, пеленишный, а то стыдъ одинъ...

Запутавшіяся въ веревочныхъ петляхъ ноги быстро скользнули обратно, сбившаяся рубашонка потянулась внизъ, а уткнувшійся въ подушку носъ тяжело и усиленно засопѣлъ.

Ворча и вздыхая, няня принялась натягивать на толстыя шаловливыя ножки маленькіе черные чулки.

II.

Въ тепломъ ватномъ пальто, но уже въ синенькой, весенней шапочкѣ, по черному ходу, отъ кухни, Миша спускается съ няней на дворъ. Ступеньки и вездѣ-то дѣлаются безъ вниманія къ размѣрамъ Мишиныхъ ногъ, а на заднемъ крыльцѣ онѣ настолько высоки, что даже няня идетъ по нимъ какъ-то совсѣмъ особенно и неровно. Миша же при каждой новой ступенькѣ безпомощно виснетъ у нея на рукѣ и тщетно перебираетъ въ воздухѣ ногами въ забавныхъ тупоносыхъ ботикахъ, которые мама зоветъ «карасиками». Няня тяжело дышитъ и сердится. Мишѣ же изъподъ ея руки, высоко подъ крышей, виденъ ярко освѣщенный солнцемъ узкій, рѣзной карнизъ, сплошь унизанный сѣроватыми, живыми, прыгающими комочками. Комочки эти угрожающе ерошатся, задорно и какъ-то бокомъ скачутъ другъ на друга, порывисто сталкиваются и снова разсѣиваются, издавая шумливые, задорные крики. Съ тѣхъ поръ, какъ во всѣхъ комнатахъ принялись растворять форточки,—даже у няни, противъ ея лежанки,—и Миша узналъ, что настала весна, этотъ задорный гомонъ долетаетъ до него каждый день, и онъ давно знаетъ, что такъ шумятъ воробьи. Но видитъ ихъ такую кучу Миша впервые. Ему хочется разглядѣть ихъ получше, но мѣшаетъ нянина рука, и, чтобы разсмотрѣть какъ слѣдуетъ, приходится совсѣмъ закидываться назадъ.

— Охъ, прости Господи. И кого ужъ не видалъ тамъ. Да вставай же, батюшка, ножками... Вѣдь по ступенькамъ такъ все и волочится—пальтецо-то, гляди, куда годно... И руки-то затекли съ тобой. Наказанье, прости Господи...

Миша вытягиваетъ подогнутыя ноги, но все-таки виситъ въ воздухѣ: послѣдняя ступенька такъ высока, что няня даже не сходитъ, а какъ-то бокомъ слѣзаетъ съ нея. Они внизу, на дворѣ.

Миша, неуклюже вытянувъ руки и разставивъ ноги, стоитъ на деревянныхъ мосткахъ, идущихъ отъ кухни къ калиткѣ, а няня, присѣвъ на корточки, усердно одергиваетъ и отряхиваетъ его.

Густая синеватая тѣнь тянется отъ строеній до половины двора, а подъ крыльцомъ, въ углу, еще бѣлѣетъ слежавшійся, обледенѣлый снѣгъ. Но дальше дворъ залитъ весенне-яркимъ солнцемъ и желтѣетъ просыхающимъ пескомъ.

Весна властно чувствуется во всемъ, но все-таки вотъ тутъ

въ густой тѣни, еще явственно пахнетъ недавней зимой: такъ же свѣжо лицу, какъ въ зимніе мягкіе дни, и тѣнь кругомъ подернута той же синевой, какъ тѣни зимняго снѣга. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: земля еще по-зимнему мерзлая, и чуть замѣтный леденистый налетъ лежитъ всюду, гдѣ не хватаетъ солнцемъ, а по утрамъ каждый разъ осаждается серебристая пленка хрустящаго инея.

Гремя подвѣшенными ведрами и расплескивая воду, въ воротахъ показался со своей бочкой водовозъ.

Няня потащила Мишу отъ крыльца.

— Ну, отряхнулись, и иди скорѣй на солнышко. Мамашенька-то поглядятъ, зачѣмъ ребенокъ холодаетъ все по-за-солнцемъ... Да постой, постой! Окатитъ, прости Господи, изъ бочки-то...

— Аринѣ Ивановнѣ!.. Съ веселой прогулкой! Съ веселымъ днемъ!

Высоко плеснулась, блеснувъ на солнцѣ, струя изъ бочки, качнувшейся черезъ узкій помостъ, прогремѣли по его доскамъ кованыя копыта Буланки, и, круто повернувъ, бочка остановилась у крыльца. Водовозъ, снова ухарски надвинувъ на бокъ синій франтовской картузъ, молодцевато спрыгнулъ и, не переставая балагурить, крупно зашагалъ съ ведрами по лѣстницѣ.

— У, охальникъ, прости Господи... Съ веселой прогулкой!.. Все тебѣ веселье... Сыновей женить надо, а самъ, прости Господи...

Миша побѣжалъ въ открытыя ворота. Глаза такъ жмурились отъ солнца, что во всѣ стороны тянулись тоненькія золотистыя ниточки, и было даже немножко больно. Но зато такъ ярко, тепло и весело.

За воротами, около дома, было совсѣмъ сухо; шуршала подъ ногами желтая прошлогодняя травка, а съ крыши мѣрно стекали капли отъ растаявшаго инея. Въ томъ мѣстѣ, куда онѣ упадали, вдоль всего дома, тянулся размытый ими желобокъ, полный блестящихъ—и круглыхъ и угловатыхъ—камешковъ.

Миша, присѣвъ на корточки и сопя въ своемъ тяжеломъ одѣяніи, неуклюже потянулся за одной изъ круглыхъ и бѣлыхъ, какъ кусочекъ сахара, галекъ, но вдругъ—словно его что-то толкнуло—вскинулъ вверхъ глаза—и застылъ съ протянутой рукой.

На темной, разогрѣтой солнцемъ стѣнѣ дома, прямо надъ Мишиной головой, сидѣлъ кто-то—очень странный и неподвижный, но явно живой... Какой-то ужасный и громадный тараканъ.

Такого—только тотъ былъ поменьше и не съ такими длинными ногами—няня вчера вечеромъ поймала за печкой и, показавъ Мишѣ, бросила въ тазъ съ водой. Да, но только этотъ, который сейчасъ сидѣлъ передъ Мишей, былъ гораздо страшнѣе. Странныя, будто сцѣпленныя изъ отдѣльныхъ палочекъ, ноги его далеко тянулись во всѣ стороны, на сѣрой спинѣ искорками поблескивало солнце и зеленоватыми зловѣщими огоньками горѣло въ его глазахъ, неподвижно уставившихся куда-то... можетъ быть, прямо на Мишу? Не отрывая глазъ, съ наростающимъ ужасомъ, Миша упорно смотрѣлъ на громаднаго, неподвижно сидящаго передъ нимъ... паука. Вдругъ длинныя, раскиданныя ноги паука зашевелились, стягиваясь вмѣстѣ, сѣрая спинка заколыхалась и, все сильнѣй выпрямляя сплетающіяся ноги свои, паукъ принялся приподыматься.

Мишины глаза широко раскрылись, потомъ жалобно сузились, губы дрогнули и растянулись, и, секунду спустя, раздался громкій, испуганный плачъ. Няня, задремавшая-было у воротъ на заваленкѣ, испуганно вскочила, но въ тотъ же мигъ вверху подъ чьей-то рукою звонко задребезжало оконное стекло. Миша, такъ и оставшійся на корточкахъ, весь вскинулся туда. Плачъ сразу пресѣкся. Только жалобно растянутыя губы такъ и остались раскрытыми.

Вверху, въ темной глубинѣ окна съ двойною рамой, четко обрисовывался свѣтлый силуэтъ и близко прильнувшее къ стеклу знакомое, очень знакомое Мишѣ лицо. Встрѣтясь съ голубыми, такъ забавно глядящими оттуда, снизу, глазенками, еще полными слезъ, темные, встревоженные глаза за окномъ вдругъ блеснули неудержимо-веселымъ, искристымъ смѣхомъ, а голова въ тяжелыхъ косахъ укоризненно закачалась изъ стороны въ сторону.

Няня тѣмъ временемъ подымала Мишу съ земли, но это удавалось съ трудомъ. Ему было не до того. Лицо его—сначала чуть-замѣтно и робко, а потомъ все больше, все шире и восторженнѣй расплывалось въ счастливую, всезабывающую улыбку, а глаза не отрываясь слѣдили за движеніемъ смѣющагося ему за стекломъ лица—и потому ноги плохо слушались.

— Да што и за ребенокъ, прости Господи... Да встань на ножки-то...

— Няня, няня: мама!.. мама!..

Миша взмахнулъ вверхъ руками и засмѣялся тонкимъ, заливчатымъ смѣхомъ.

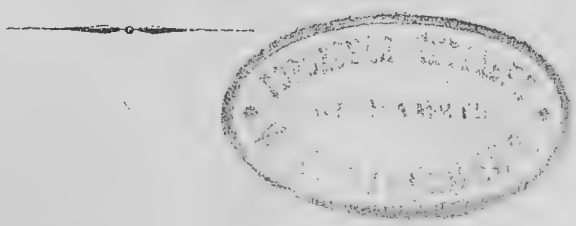
Страхъ остался гдѣ-то далеко—далеко. Въ душѣ былъ сплошной, почти пьянящій восторгъ, было ощущеніе прочнѣй-

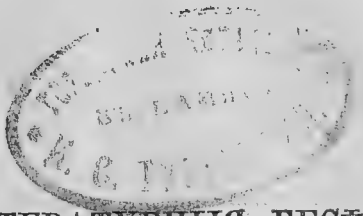
шей безопасности, было чувство ликующей свободы—свободы отъ власти всего темнаго, ужаснаго и непонятнаго, что́ только можетъ таить въ себѣ этотъ огромный и, по правдѣ сказать, странный окружающій міръ. Мишѣ хотѣлось крикнуть такъ звонко-звонко, какъ онъ еще никогда не кричалъ. Онъ снова скользнулъ взглядомъ вверхъ по стѣнѣ и высоко, почти подъ самымъ окномъ, увидѣлъ вдругъ быстро бѣгущаго на своихъ громадныхъ сплетающихся ногахъ и сверкающаго все тѣми же зеленоватыми искорками паука.

Волна счастья подкатила къ горлу, Миша заулыбался еще сильнѣй, затопалъ по землѣ ногами и, захлебываясь отъ волненія, закричалъ тоненькимъ, срывающимся и картавящимъ голоскомъ:

— Ма-ма, мама!.. Таракашка!.. Мама!..

Е. Ватманъ.





ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ БЕСѢДЫ [1]).

II.

Романтизмъ и «неоромантизмъ».

Да, русскій романтизмъ еще не умеръ. Замѣчательно, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда романтизмъ трактовали, какъ явленіе законченное и отжившее, не забывали тутъ же дѣлать оговорки о возможности его безсмертія. Такъ, въ сороковыхъ годахъ, подводя итогъ своимъ воззрѣніямъ на романтизмъ, Бѣлинскій провозгласилъ его «вѣчной потребностью духовной природы человѣка» и принялся выяснять «идеалъ новаго романтизма», представляющаго, по его мнѣнію, «органическую полноту и всецѣлость романтизма всѣхъ вѣковъ и всѣхъ фазисовъ развитія человѣческаго рода». Проходитъ добрыхъ сорокъ лѣтъ, и русскій ученый, проф. Н. П. Дашкевичъ, констатировавъ, что «романтика уступила мѣсто инымъ литературнымъ направленіямъ, и только отголоски его кроются, быть можетъ, въ литературѣ нашего времени», спѣшитъ, однако, прибавить: «Романтика въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ литературная реформа, какъ принципъ свободы поэтическаго творчества, при которой оно могло бы всякій разъ отливаться въ формы, наилучше соотвѣтствующія духу и потребностямъ извѣстнаго народа, никогда не потеряетъ своего значенія и будетъ время отъ времени возрождаться» [2]). Какъ видимъ, въ обоихъ случаяхъ права на безсмертіе романтизма пріобрѣтаются цѣною необычайно широкаго пониманія его содержанія: романтизмъ отожествляется съ первоосновами человѣческой жизни и литературнаго творчества.

---

[1]) См. февр., стр. 246

[2]) Статьи по новой русской литературѣ акад. Н. П. Дашкевича. Сборникъ отд. р. яз. и слов. И. А. Н. Т. XCII. Петроградъ. 1914 г. Статья (1883 г.) „Романтика на Западѣ и въ поэзіи В. А. Жуковскаго“. Стр. 73, 90.

Внѣ всякаго сомнѣнія, идейное и литературное движеніе, извѣстное на Западѣ и у насъ подъ названіемъ романтизма, имѣетъ свои корни въ общихъ свойствахъ человѣческой души, которыя отличаются отъ тѣхъ психическихъ первоосновъ, на которыя опираются, напр., реализмъ или матеріализмъ. Но тѣ же самыя свойства души, на которыхъ зиждется романтика, служатъ почвой и для другихъ ирраціональныхъ проявленій жизни и творчества, каковы, напр., аскетизмъ, масонство, мистика, философскій идеализмъ. Наука выиграла бы очень мало, если бы, въ виду тожества психической основы мы, просто взяли всѣ ихъ за одну скобку. Правильнѣе, какъ то и рекомендуетъ намъ логика, стремиться къ точному выдѣленію видовыхъ признаковъ каждаго изъ родственныхъ явленій: недостаточно опредѣлить родъ, нужно указать и specifica. Не сливать надобно, а дифференцировать и конкретизировать. Сказанное примѣнимо къ синхронистическимъ фактамъ, а тѣмъ болѣе къ явленіямъ, раздѣленнымъ во времени. Исторія не повторяется, хотя людямъ и кажется, что ничто не ново подъ луной.

Съ 90-хъ годовъ XIX в. у насъ начинаетъ развиваться особое литературное движеніе, получавшее названія: «декадентства», «символизма», «модернизма». Движеніе это, представляющее близкую параллель тому, что совершалось на Западѣ, продолжаетъ существовать и до сихъ поръ, и современные ученые обнаруживаютъ тенденцію подводить его подъ общее понятіе «*неоромантизма*». Нѣмецкому романтизму, пишетъ, напр., проф. Ѳ. А. Браунъ [1]), «суждено было возродиться въ новыхъ формахъ, но со старымъ идейнымъ содержаніемъ, въ живописи Беклина и его школы, въ музыкѣ Вагнера, понятой и оцѣненной лишь въ концѣ XIX вѣка, въ философіи Ницше, въ послѣднихъ драмахъ Ибсена, въ поэзіи Метерлинка, Кнута Гамсуна, нашего Бальмонта и многихъ другихъ, еще борющихся и ищущихъ. Куда приведутъ они насъ? Исторія романтизма далеко не закончена... Оправдаетъ ли неоромантизмъ надежды, которыми когда-то вдохновлялись романтики старшаго поколѣнія? Мы стоимъ передъ вопросомъ, для многихъ изъ насъ мучительнымъ». Проф. С. А. Венгеровъ идетъ дальше: онъ соединяетъ подъ однимъ знаменемъ неоромантизма не только тѣхъ, кого именовали и именуютъ «декадентами», «символистами» (Брюсова, Бальмонта, Блока, Соллогуба, Вяч. Иванова), не только «богоискателей»,

[1]) Нѣмецкій романтизмъ. Исторія западной литературы (1801—1910 г.г.) подъ ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Изд. т-ва „Міръ". Т. I, кн. 2, стр. 209—210.

но и Макс. Горькаго, Леонида Андреева и даже Арцыбашева. единственно на томъ основаніи, что всѣмъ имъ свойственно «одно общее устремленіе куда-то въ высь, въ даль, въ глубь, но только прочь отъ постылой плоскости сѣраго прозябанія», что всѣ они «пережили полосу все болѣе и болѣе нараставшаго чувства *чрезвычайности*» [1]).

Признаемся, терминъ «неоромантизмъ» кажется намъ не вполнѣ удачнымъ, особенно, если примѣнять его такъ щедро, какъ дѣлаетъ С. А. Венгеровъ. Во-первыхъ, «устремленіе куда-то» и «чувство чрезвычайности» опять приводятъ насъ къ слишкомъ общимъ началамъ психики, и, помимо сказаннаго выше по поводу Бѣлинскаго и Дашкевича, мы могли бы повторить здѣсь аргументы, которые самъ С. А. Венгеровъ приводитъ противъ термина «символизмъ». Именно: «Задача исторіи литературы вовсе не въ томъ заключается, чтобы констатировать вѣчныя начала. Это дѣло эстетики и изученія психологіи творчества. Исторія же литературы только тѣмъ и занимается, что отмѣчаетъ *временное*. Исторія литературы, поскольку она занимается исторіею одного только періода, интересуется только тѣмъ, какъ въ этомъ періодѣ тѣ или другія стороны художественнаго творчества получили специфическое развитіе» (ibid., 16). Во-вторыхъ, названіе «неоромантизмъ» неудобно по той же причинѣ, по которой С. А. Венгеровъ отвергъ терминъ «новыя теченія». «До какихъ же поръ «новое» должно считаться новымъ?» скажемъ его словами (16): «въ настоящее время даже опасно пользоваться этимъ эпитетомъ: подумаютъ, что рѣчь идетъ о футуризмѣ или акмеизмѣ». Футуризмъ и акмеизмъ, впрочемъ, едва-ли слѣдуетъ совершенно отрывать отъ «декадентства» и «символизма», каковы бы ни были взаимоотношенія современныхъ символистовъ и футуристовъ. Въ доказательство могу сослаться хотя бы на недавнія статьи Вал. Брюсова о футуристахъ въ «Р. Мысли». Въ-третьихъ, намъ кажется, что, если давать термину «неоромантизмъ» то распространительное толкованіе, какое находимъ у С. А. Венгерова, то мы рискуемъ внести въ понятіе «романтизмъ» еще больше неясности, на что́ и безъ того справедливо жалуются всѣ историки литературы, дорожащіе точностью терминологіи [2]).

Обобщеніе—вещь заманчивая, но не будетъ ли натяжкой всѣхъ дѣятелей русской литературы конца XIX в. и перваго десяти-

---

[1]) Русская литература XX вѣка. Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Изд. т-ва „Міръ“. Т. I, стр. 18.

[2]) См., напр., въ цитированной выше статьѣ проф. Ѳ. А. Брауна (стр. 207).

лѣтія XX ст. сливать въ одну сплошную группу. Среди нихъ явственно выдѣляются тѣ, кого С. А. Венгеровъ называетъ «форменными» символистами (19). Имъ принадлежитъ заслуга обновленія литературныхъ формъ, выработка особаго литературнаго стиля, который въ томъ или иномъ видѣ отразился на творчествѣ многихъ современныхъ имъ писателей [1]). Но обособленность ихъ группы такъ выразительна, что нѣтъ надобности затушевывать этого важнаго факта. За это говорятъ и объективныя данныя и самосознаніе «символистовъ». Нашъ символизмъ уже успѣлъ сложиться въ школу съ опредѣленной идеологіей. Начиная съ «Элементарныхъ словъ о символической поэзіи» К. Д. Бальмонта (въ сборникѣ «Горныя вершины», кн. I), идетъ рядъ работъ русскихъ символистовъ о символизмѣ. Назову книги Андрея Бѣлаго («Символизмъ», М. 1910), Эллисъ («Русскіе символисты», М. 1910), Вал. Брюсова («Далекіе и близкіе», М. 1912), Бальмонта («Горныя вершины», 1904 г. и «Бѣлыя зарницы», 1908), Вяч. Иванова («По звѣздамъ»,1909) и пр. Собственно говоря, ничто не мѣшало бы намъ остаться при терминѣ «символизмъ», которымъ дорожатъ сами создатели этого направленія, и въ которомъ содержится указаніе на характерную черту ихъ художественнаго стиля. Разумѣется, подобно термину «романтизмъ» онъ не чуждъ условности и въ этомъ отношеніи можетъ вызывать возраженія. Но вѣдь чуть не вся наша литературная терминологія грѣшитъ подобной условностью. Это еще не худшая бѣда. Съ теченіемъ времени условность забывается, и терминъ пріобрѣтаетъ устойчивость, лишь бы мы произвольно не расширяли области его употребленія [2]).

Какъ бы то ни было, нашъ символизмъ находится въ безспорномъ родствѣ съ романтизмомъ [3]). Конечно, сейчасъ еще трудно писать исторію русскаго «неоромантизма». Но и теперь можно

[1]) Ср. этюдъ проф. С. А. Венгерова „Побѣдители или побѣжденные?“ въ I т. собранія его сочиненій (Спб. 1911).

[2]) Уже написавъ эти строки, я встрѣтилъ въ статьѣ З. А. Венгеровой туже мысль, что едва-ли слѣдуетъ „присваивать символизму названіе неоромантизма“. Новалисъ. Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ. Перев. съ нѣм. Зин. Венгеровой и Василія Гиппіуса. М. Кн-во К. Ф. Некрасова. 1914. Вступит. статья Зин. Венгеровой, стр. IV. Отмѣтимъ, что только-что вышли „Фрагменты“ Новалиса въ переводѣ г. Петникова (М. 1915 К-во „Лирень“).

[3]) Въ 1913 г. въ Одессѣ вышла книга г. *А. Климентова* „Романтизмъ и декаденство“.—Назовемъ еще работу г. *В. Жирмунскаго* „Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика“. (Спб. 1914 г.) На стр. 197—8 говорится о русской литературѣ.—Вспомнимъ кстати и брошюру *О. Брауна* „Шеллингъ и наше время“ (перев. съ нѣм. С. С. Розанова. М. 1913 г.). Здѣсь, между прочимъ, мы также встрѣчаемъ терминъ „неоромантизмъ“ (стр. 12).—Еще въ 1908 г. въ Одессѣ появилась книжка „Модернисты, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ“.—Сюда же можно отнести работу г. *Александра Закржевскаго* „Лермонтовъ и современность“ (Кіевъ. 1915).

утверждать, что наши символисты испытали на себѣ вліяніе не только Бодлэра, Верлэна, Метерлинка, Эдгара По, Ницше, но и старой нѣмецкой романтики. Новалисомъ, напр., русскіе символисты заинтересовались не «теперь только», какъ думаетъ С. А. Венгеровъ (23), но и ранѣе: о немъ могъ напомнить имъ тотъ же Метерлинкъ. Бальмонтъ, правда, переводитъ «Кота Мурра» Гофмана. Но особенной любовью у нашихъ символистовъ пользуются все-таки ранніе нѣмецкіе романтики и болѣе другихъ Новалисъ. «Намъ чужда ихъ отвлеченность», пишетъ переводчица «Гейнриха фонъ Офтердингена», З. А. Венгерова (о. с. стр., IV): «въ современномъ искусствѣ больше плоти, ибо недаромъ оно прошло черезъ искусъ реализма и натурализма, сохранивъ его внимательность къ реальному содержанію жизни. Но духомъ своимъ оно снова живо ощущаетъ связь съ раннимъ романтизмомъ, объединявшимъ вѣчное начало въ человѣкѣ съ божественной тайной міра». Черезъ сто лѣтъ послѣ іенскаго романтизма у насъ народились поэты, болѣе конгеніальные съ нѣмецкими романтиками типа Новалиса, чѣмъ наши романтики 20—30-хъ годовъ XIX в. [1]).

Г. Василій Гиппіусъ въ статьѣ, напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли» за 1914 г., категорически утверждаетъ, будто русскій романтизмъ вообще былъ «отзвукомъ» бурной идейной атмосферы «іенскаго романтизма» [2]). Это отвѣтственное утвержденіе рѣшительно не оправдывается историко-литературными фактами. Русскій романтизмъ представляетъ весьма сложную и пеструю картину. На немъ отразились вліянія и нѣмецкаго, и французскаго, и англійскаго романтизма. Можно различать, по крайней мѣрѣ, четыре главныхъ разновидности русскаго романтизма: сентиментальный романтизмъ (Жуковскій), романтическій націонализмъ, философскій романтизмъ и байронизмъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть поставленъ въ *исключительную* связь съ старшими «іенскими» представителями нѣмецкаго романтизма (т.-е. съ Шлегелями, Тикомъ, Ваккенродеромъ, Новалисомъ, Шеллингомъ), какъ того хочетъ г. Вас. Гиппіусъ.

Мало того, для изслѣдователей давно уже выяснился фактъ, что старый русскій романтизмъ отличается отъ нѣмецкаго и вообще европейскаго большей сдержанностью и бо̀льшимъ реа-

---

1) Ср. послѣднюю главу во II т. „Исторіи р. общественной мысли“ Иванова-Разумника.

2) Василій Гиппіусъ. Узкій путь. Кн. В. Ѳ. Одоевскій и романтизмъ. Р. М. 1914, дек. Стр. 1.

лизмомъ. «Въ нашей литературѣ», писалъ, напр., проф. Дашкевичъ (о. с., стр. 89), «романтика оказалась не столь производительной, какъ во Франціи, но и не столь болѣзненной и односторонней, какъ въ Германіи. Вполнѣ и надолго утвердиться въ нашей литературѣ она не могла, и весьма интересно наблюдать въ эпоху романтизма борьбу нашей *самобытности* [1]) съ пришлымъ элементомъ... Хотя Пушкинъ назвалъ однажды романтизмъ «Парнасскимъ аѳеизмомъ», но наша литература настолько проникласъ правильностью *классицизма* [1]) въ предшествовавшее время, что избѣжала безпорядочности и распущенности французской и нѣмецкой романтики». Приведу еще интересную характеристику русскаго романтизма, данную А. Брюкнеромъ [2]): «Кто отъ экзотическихъ и мистическихъ цвѣтовъ нѣмецкой, французской, англійской романтики переходитъ къ русской, того ожидаетъ разочарованіе. Томленіе по голубомъ цвѣткѣ, фантастическая скачка въ волшебную страну, замысловатыя аллегоріи, пантеистическія или соціальныя грезы, мистическіе восторги — все это искони чуждо русской литературѣ, какъ чуждо и русскому темпераменту. И то и другое по самой природѣ своей отличается большой трезвостью (sehr nüchtern), тяготѣетъ къ земной дѣйствительности (kleben an der Scholle der Wirklichkeit), не паритъ въ звѣздахъ... Какъ быстро отрезвился Пушкинъ, какъ мало русскихъ стихотвореній, которыя являются въ роскошномъ нарядѣ романтики, со всѣми ихъ лиліями и звѣздами!»

Для исторіи русскаго романтизма въ 20—30-хъ годахъ, дѣйствительно, типично то, что Пушкинъ, стремясь отыскать «истинный романтизмъ», нашелъ художественный реализмъ. Таковы факты.

«Неоромантизмъ», возникшій въ концѣ XIX в., отличается существенно инымъ характеромъ. Конечно, и символисты не безъ роду и племени. Бальмонтъ опредѣленно ведетъ свою генеалогію отъ Тютчева, Фета, Случевскаго. Неоромантики высоко цѣнятъ Лермонтова, а Вал. Брюсовъ свою «романтическую поэму» подъ заглавіемъ «Исполненное обѣщаніе» благоговѣйно посвящаетъ Жуковскому. Но разница между старымъ и новымъ романтизмомъ весьма ощутительна. Это сказалось недавно на одномъ частномъ случаѣ, о которомъ я и собираюсь бесѣдовать.

Я имѣю въ виду упомянутую выше статью г. Василія

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) A. Brückner. Geschichte der russischen Literatur. S. 199—200.

Гиппіуса о романтизмѣ кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Поводомъ для нея послужила моя книга объ этомъ писателѣ [1]).

Въ появленіи работы объ Одоевскомъ г. Вас. Гиппіусъ видитъ «очень многозначительный симптомъ»,—«побѣду идейнаго перелома недавнихъ лѣтъ». Мою книгу онъ призналъ «большимъ и серьезнымъ изслѣдованіемъ»; замѣтилъ даже, что «авторъ старается быть объективнымъ» (2). Тѣмъ не менѣе, на его взглядъ «отъ разгадки личности Одоевскаго мы и послѣ книги Сакулина такъ же далеки, какъ и до нея». И это потому, что «опять, опять о романтизмѣ пишетъ врагъ романтизма и съ враждебной точки зрѣнія». Выступая отъ лица неоромантиковъ, Г. Гиппіусъ хочетъ быть «побѣдителемъ до конца» и беретъ на себя трудъ «вглядѣться въ романтизмъ Одоевскаго *съ точки зрѣнія романтизма*» [2]). Разумѣется, я не стану доказывать, врагъ я романтизма или другъ. Въ качествѣ изслѣдователя я считалъ для себя обязательнымъ объективно-историческое отношеніе къ вопросу, и полагаю, что мой критикъ съ самаго начала дѣлаетъ существенную методологическую ошибку. Вѣдь, если онъ имѣлъ основаніе протестовать противъ тенденціозности во взглядахъ на романтизмъ со стороны Скабичевскаго, Вѣтринскаго и Сумцова, то mutatis mutandis мы въ правѣ сказать то же самое о немъ. Неоромантическая презумпція превращаетъ статью г. Вас. Гиппіуса не въ изслѣдованіе объ Одоевскомъ, а въ судъ неоромантика надъ однимъ изъ своихъ предшественниковъ.

«Что́ новаго и своего принесъ этотъ русскій романтикъ?», спрашиваетъ г. Гиппіусъ: «Къ кому онъ близокъ? Къ раннему нѣмецкому романтизму? Къ Гофману? Къ нашимъ славянофиламъ? И самое главное: какъ понять, что онъ постепенно отрекся отъ своихъ романтическихъ грезъ и пришелъ къ позитивизму старости («научному реализму», по терминологіи Сакулина)?» Разумѣется, эти вопросы имѣлъ въ виду и я, но рядомъ съ ними и многое другое. Приступая къ своей работѣ, я ничего не предрѣшалъ a priori. Для меня было вопросомъ и то, въ какой мѣрѣ Одоевскій—романтикъ. Въ результатѣ я пришелъ къ заключенію, что Одоевскій, если взять его идейныя переживанія и творчество во всемъ ихъ объемѣ, не столько романтикъ, сколько идеалистъ вообще съ сильной тягой къ реализму. Источникомъ его идеалистическаго міровоззрѣнія были преимущественно Шеллингъ и мистики (С.

---

[1]) Изъ исторіи русскаго идеализма. Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Т. I, ч. I и II. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1913.

[2]) Курсивъ нашъ.

Мартенъ, Пордэчъ). Шеллингъ, разумѣется, входитъ въ исторію романтизма, и мистика—одна изъ существенныхъ сторонъ романтики, но все же мистика и Шеллингъ не одно и то же, что́ романтика. На этомъ основаніи я избѣгалъ выраженія «*романтическій* идеализмъ», которымъ пользуется проф. И. И. Замотинъ, а говорю или вообще объ идеализмѣ или о философскомъ идеализмѣ, мистическомъ идеализмѣ, философско-мистическомъ идеализмѣ. По той же причинѣ такія произведенія Одоевскаго, какъ «Сильфида», «Саламандра», «Косморама», я разсматриваю въ плоскости не романтики, а мистики. Но, конечно, я не исключаю участія собственно романтиковъ іенскаго періода въ образованіи идеализма Одоевскаго; только я считаю ихъ вліяніе совершенно второстепеннымъ, и потому лишь слегка касаюсь Ваккенродера, Тика и Новалиса (I, 156, 179, 476, 535—544; II, 12, 226, 236, 361). Въ виду этого г. Гиппіусъ не имѣлъ никакого права произносить свою фразу: «іенскаго романтизма... для Сакулина какъ будто не существуетъ» [1]). Факты убѣдили меня въ томъ, что идеаломъ для Одоевскаго, какъ писателя, были не Тикъ или Новалисъ, а Гёте и Пушкинъ, что его также тянуло въ сторону художественнаго реализма. Г. Гиппіусъ не далъ себѣ труда вдуматься въ приведенные мною аргументы и, безъ дальнихъ разсужденій, подошелъ къ Одоевскому съ іенскимъ аршиномъ, совершенно игнорируя многія существенныя стороны въ его литературной дѣятельности [2]). Въ своемъ усердіи г. Гиппіусъ усматриваетъ «завѣты романтизма» даже въ раннихъ подражаніяхъ Одоевскаго Лабрюйеру (2)! Однако критикъ-неоромантикъ не можетъ похвалиться особенной удачей. Оказалось, что съ Шлегелемъ, Тикомъ и Новалисомъ у Одоевскаго очень мало общаго. Шеллинга, по словамъ г. Гиппіуса, Одоевскій «приспособляетъ къ своему дуалистическому міроощущенію... вовсе не въ духѣ Новалиса и Шлегеля, а скорѣе въ духѣ эпигоновъ романтизма» (6 стр.; ср. у меня I, 149—152, 173—174) [3]).

[1]) Кстати сообщу къ свѣдѣнію г. Вас. Гиппіуса, что недавно вышло новое изданіе книги Ваккенродера-Тика „Объ искусствѣ и художникахъ“ съ моими примѣчаніями и послѣсловіемъ (М. 1914. Кн-во К. Ф. Некрасова).

[2]) Понятно, что при этомъ онъ счелъ возможнымъ два-три раза упрекнуть меня за опущеніе деталей, важныхъ для его цѣли. Съ своей стороны замѣчу, что его анализъ „Косморамы“ мѣстами кажется мнѣ сомнительнымъ, напр., относительно „мѣщанки“ Софьи.

[3]) Г. Гиппіусъ, не только вслѣдъ за проф. Замотинымъ, приписываетъ шеллингіанскій смыслъ разсужденіямъ Одоевскаго о кардіадахъ и эфиридахъ (см. у меня II, 21), но и въ серьезъ на шеллингіанскій ладъ трактуетъ статью Одоевскаго о зефиротахъ, хотя она напечатана только въ 1861 г. и едва-ли не является первоапрѣльской шуткой (Сѣв. Пч. 1861, № 73, 1-го апрѣля)

«Мысль Новалиса, что жизнь не сонъ, но должна стать сномъ,... была чужда Одоевскому» (10). Отношеніе къ плоти у Одоевскаго не то, что у Новалиса и Шеллинга (12). И любовь Одоевскій изображаетъ не такъ, какъ Новалисъ (13). «По выполненію «Русскія ночи» близки не къ романамъ Новалиса и Тика, а къ типу романтическихъ разсказовъ въ общей рамѣ» (17; ср. у меня II, 226). Въ ученіи Одоевскаго объ умѣ и инстинктѣ г. Гиппіусъ нашелъ, наконецъ, «полное совпаденіе съ идеями Новалиса», а во взглядѣ на науку сходство съ «общеромантической мечтой объ универсальной наукѣ, о Zukunftslehre» (18, 19). Но въ своей книгѣ я обстоятельно доказываю, что названныя идеи Одоевскаго, какъ и сѣтованія на плоть, эту «гадкую» человѣческую «одежду», иного, мистическаго, происхожденія: іенскихъ романтиковъ тутъ можно оставить въ покоѣ. Каковъ же итогъ всѣхъ экскурсовъ г. Гиппіуса? «Повидимому», пишетъ онъ на стр. 12, «шеллингіанскій пантеизмъ остался для него только умственнымъ вліяніемъ; въ своей поэтической практикѣ онъ—не наслѣдникъ раннихъ романтиковъ. Гораздо больше основаній сблизить его не съ ними, а съ тѣми изъ эпигоновъ, кто былъ воспитанъ на романтическихъ мечтахъ, но до конца этой мечты не воспринялъ и выбралъ выходъ болѣе легкій, хотя и болѣе горькій — пессимистическій дуализмъ». Изъ-за чего же было огородъ городить? Зачѣмъ было бросать мнѣ упрекъ, что «щедрый на сопоставленія разнаго рода», я избѣгаю сравненій Одоевскаго «съ романтиками, даже тѣхъ, которыя напрашиваются» (1—2). Вѣдь «напрашивается»-то только сравненіе съ «эпигономъ» Гофманомъ. Этому пункту у меня, какъ и полагается, отведено должное мѣсто, при чемъ свое изслѣдованіе я старался обставить всѣми методологическими гарантіями, зная, какъ легко впасть въ заблужденіе при рѣшеніи пресловутаго вопроса о «вліяніи». Г. Гиппіусъ призналъ, что мною указаны «совершенно правильно черты близости Одоевскаго и Гофмана», но тутъ же допускаетъ непозволительное искаженіе моей аргументаціи. Я, по его словамъ, сравнилъ у обоихъ писателей «отношеніе къ искусству, къ безумцамъ и «двоеміріе» (о немъ между прочимъ! а вѣдь этимъ опредѣляется все міровоззрѣніе!)». Сказать это можно было только или по небрежности, или по недобросовѣстности. Сопоставляя Одоевскаго съ Гофманомъ, я не только выдвигаю мотивъ двоемірія на *первое* мѣсто, но и останавливаюсь на немъ наиболѣе подробно, именно потому, что ему я придаю исключительно важное значеніе. Объ этомъ съ полной опредѣленностью

заявлено мною не одинъ разъ (II, 59, 83, 100, 223). Другое дѣло, что г. Гиппіусъ не можетъ согласиться съ моимъ выводомъ, или, по его выраженію, «парадоксомъ». Онъ патетически восклицаетъ (13): «Одоевскій и Гофманъ близки постольку, поскольку оба романтики! Была какая-то сфера «нѣмецкой романтики вообще», гдѣ будто бы всѣ романтики неизбѣжно сходились! Нѣтъ, именно къ Гофману, къ эпигону Гофману, къ безвѣрному дуалисту Гофману, къ пессимисту Гофману близокъ нашъ Одоевскій, а никакъ не къ «нѣмецкой романтикѣ вообще»!

Признаюсь, совершенно не понимаю этого негодованія противъ выраженія «нѣмецкая романтика вообще». Есть не только нѣмецкая романтика вообще, но и романтизмъ вообще. Пусть въ этомъ сложномъ явленіи совмѣстились различные оттѣнки, пусть оно пережило неизбѣжный процессъ эволюціи, и, кромѣ раннихъ романтиковъ, существуютъ еще эпигоны. Безъ всякихъ колебаній готовъ я повторить слова г. Гиппіуса (13): «Что Гофмана надо отдѣлить отъ зачинателей романтизма, въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣній». Все это такъ. Но, разъ мы произносимъ слово «романтизмъ», мы мыслимъ въ немъ нѣчто такое, что́ обще всѣмъ частнымъ проявленіямъ романтики. Стремясь понять сущность романтизма, ученый, скажемъ словами проф. Дашкевича, старается «найти то общее, которое сообщало внутреннее единство всему внѣшнему разнообразію романтики» (о. с., стр. 75). Иначе и быть не можетъ. Да и самъ г. Гиппіусъ, напр., на стр. 19 своей статьи упомянулъ «*общеромантическую* мечту объ универсальной наукѣ», а на стр. 2 говоритъ о «завѣтахъ романтизма», вѣроятно, романтизма вообще. Извѣстной близости Одоевскаго къ Гофману я не отвергаю, но, основываясь на анализѣ фантастики того и другого, на ихъ психологіи, утверждаю, что «глубокаго вліянія Гофмана на Одоевскаго вообще не могло быть» и не было. Опять сошлюсь на самого г. Гиппіуса. Совершенно голословно утверждая сходство «Реторты» съ сказками Гофмана (9) и вліяніе «Майората» на «нѣкоторыя повѣсти» Одоевскаго (12),—по отношенію къ «Русскимъ ночамъ», самому значительному произведенію Одоевскаго, онъ долженъ былъ признать, что «Серапіоновы братья» Гофмана тутъ ни при чемъ, и «къ тому же герои Одоевскаго не похожи на героевъ Гофмана» (17).

Впрочемъ, рѣшающее значеніе для г. Гиппіуса имѣетъ «не вліяніе Гофмана на Одоевскаго, а ихъ взаимная близость». Если Одоевскій не похожъ на іенскихъ романтиковъ, такъ дол-

женъ же онъ быть похожъ на «эпигона» Гофмана, и нашъ критикъ всячески стремится найти у Одоевскаго то, что́ онъ видитъ въ «безвѣрномъ дуалистѣ» и «пессимистѣ» Гофманѣ.

По мнѣнію г. Гиппіуса, Одоевскій—глубокій пессимистъ и мизантропъ, полный «дѣйствительнаго, хотя и тайнаго презрѣнія къ людямъ» (6), бросающій «вызовъ не только обществу и не только человѣчеству, но и всему міровому строю» (10). И это потому, что онъ—безнадежная жертва дуализма: дуалистическое ощущеніе міра, безвыходный расколъ души и плоти, *этого* и *того* міра, повидимому, былъ въ него (въ Одоевскаго) вложенъ природой» (5). Одоевскій-де чуждъ той вѣры и того свѣтлаго оптимизма, которыми отличаются романтики: «Романтики или идеализировали настоящее, или, даже борясь съ нимъ, даже смѣясь надъ нимъ, все же не отчаявались и вѣрили, что этотъ матеріалъ выльется въ новую форму», а у Одоевскаго «въ будущемъ—невѣдомая гармонія... но картина настоящаго самая безутѣшная» (19). Одинъ изъ тѣхъ міровъ, въ которыхъ Одоевскій жилъ и мыслилъ, очевидно, находится во власти Люцифера, и онъ не видитъ «въ томъ, лучшемъ мірѣ» силы, которая сокрушитъ Люцифера. Коротко говоря, «Бога, живого Бога мы у Одоевскаго не найдемъ... Мы напрасно будемъ искать въ немъ намековъ на личную вѣру въ Бога, на увѣренность въ торжество Бога въ мірѣ; самое имя Бога онъ, кажется, никогда и не произносилъ, всегда какъ-то обходилъ, говоря: религіозное чувство, иногда—Божество» (20). Отсюда и славянофильство Одоевскаго, выразившееся въ «Р. Ночахъ», «странное» и «бездоказательное»: онъ борется съ Западомъ, но «на религіозной позиціи» не стоитъ: «онъ не обмолвился ни полусловомъ о перевѣсѣ Россіи въ религіозномъ отношеніи» (20). И, призвавъ на помощь покойнаго С. Бурачка (впрочемъ, тутъ же обидѣвъ его напраснымъ упрекомъ въ «безсознательности»), г. Гиппіусъ такъ резюмируетъ свой взглядъ (22): «Оказалось, что съ раціональнымъ и позитивнымъ Западомъ борется врядъ ли не такой же позитивистъ... Его романтизмъ, его славянофильство были зданія на пескѣ; скоро отъ нихъ не осталось и слѣда».

Въ приведенныхъ словахъ много справедливаго. Если угодно, нарисованный здѣсь портретъ Одоевскаго тотъ же, что́ у меня, но не тѣ краски и тона. Одоевскій, по основному складу своего міросозерцанія,—идеалистъ. Съ точки зрѣнія своего идеализма онъ судитъ міръ и людей. Порой онъ въ состояніи, на нашъ взглядъ, быть несправедливымъ, напр., при изображеніи средняго

и низшаго сословій. Это я назвалъ идеалистическимъ аристократизмомъ. Абстрактный идеализмъ можетъ порождать атрофію соціальнаго мышленія въ нѣкоторыхъ вопросахъ жизни. Но отсюда далеко до «презрѣнія» къ людямъ и еще болѣе до гордаго «вызова» обществу и всему міру. Если г. Гиппіусъ вмѣстѣ съ Ап. Григорьевымъ въ этомъ смыслѣ трактуетъ «Княжну Мими», то не мѣшало бы ему вспомнить «Княжну Зизи», гдѣ совершенно другой типъ. Мнѣ кажется, Ап. Григорьевъ ближе къ истинѣ, когда говоритъ: «Князь Одоевскій *любитъ* человѣка, и потому онъ негодуетъ за человѣка» [1]). Одоевскій, создатель «Сегеліеля», не мизантропъ и не пессимистъ. Объ его чистомъ и искреннемъ альтруизмѣ свидѣтельствуетъ не только «біографія праведника—Одоевскаго», но и все творчество. Конечно, онъ чуждъ беззавѣтнаго и наивнаго оптимизма: онъ не мечтатель, а мыслитель. Но его «двоеміріе» вовсе не порождаетъ какого-то безвыходнаго дуализма. Мистика Одоевскаго имѣетъ свои границы и особенности, на что́ и было указано мною (напр., I, 605—7; II, 99—101, 295—6). Въ ней онъ почерпнулъ на нѣкоторое время новые элементы для своего идеализма. Впервые давая обстоятельную характеристику его мистическаго идеализма, я не ограничился какими-то «невинными», «благодушными» поясненіями, какъ угодно было выразиться г. Гиппіусу (8), а въ нѣсколькихъ мѣстахъ говорю о важномъ значеніи этого фактора не только для Одоевскаго, но и для цѣлой полосы русской жизни тридцатыхъ годовъ [2]). Но, по моему мнѣнію, идеализмъ Одоевскаго, образовавшійся подъ воздѣйствіемъ и шеллингіанства, и мистики, и науки, и искусства, сложнаго состава. «Идеалъ общества—полное развитіе науки, искусства и религіи», сказалъ однажды Одоевскій (у меня I, 565). Въ каждый данный моментъ онъ стремился къ синтезу, къ гармоніи и къ полнотѣ стихій человѣческой жизни. Это была его характерная особенность. Многое отрицая въ жизни людей, онъ однако никогда не думалъ «отрекаться» отъ міра, а сознательно, какъ его Сегеліель, стремился именно къ «преобразованію» этого міра [3]), имѣлъ своего Бога и вѣрилъ въ его конечную побѣду. Г. Гиппіусъ не нашелъ у Одоевскаго «живого

---

[1]) Сочиненія Аполлона Григорьева, т. I. Спб. 1876. Стр. 37.

[2]) Позволю себѣ напомнить слѣдующія мѣста, гдѣ рѣчь идетъ собственно о мистицизмѣ Одоевскаго: I, 458—462 (отсюда и выхватилъ г. Гиппіусъ одну, дѣйствительно, малозначительную фразу); II, 90, 223.

[3]) жденія Одоевскаго о монастырѣ—у меня I, 460.

Бога». Но это, очевидно, произошло отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, г. Гиппіусъ плохо искалъ, а, во-вторыхъ, у Одоевскаго *свой* Богъ, а не тотъ, въ котораго вѣритъ г. Гиппіусъ. Мы просимъ его еще разъ перечитать въ нашей книгѣ соотвѣтствующія мѣста въ I ч. на стр. 387, 436—7, 451—8, 553, 567 и во II ч. на стр. 218—219 [1]). Тутъ все—слова самого Одоевскаго. Они доказываютъ, что онъ говорилъ о религіи именно, какъ «о живомъ душевномъ дѣлѣ». Точно также совершенно противорѣчитъ фактамъ утвержденіе г. Гиппіуса, будто Одоевскій «не обмолвился ни полусловомъ о перевѣсѣ Россіи въ религіозномъ отношеніи». Отсылаю его къ тѣмъ, совершенно безспорнымъ сужденіямъ Одоевскаго, которыя приведены у меня въ I ч. на стр. 394—5, 589, 594—5 и во II ч. на стр. 273, 274. Они должны убѣдить г. Гиппіуса, что онъ напрасно въ этомъ пунктѣ противопоставляетъ Одоевскаго Кирѣевскому (20). Но, конечно, славянофильство Одоевскаго было sui generis, о чемъ и говорится у меня, напр., въ I ч., стр. 615—616; II, 276.

Послѣ всего сказаннаго я уже и не знаю, чей портретъ—«невѣрный»: мой или г. Гиппіуса, оказавшагося въ такомъ трогательномъ единомысліи съ Бурачкомъ? Пока предпочитаю оставаться при своихъ выводахъ. Въ первомъ, вышедшемъ, томѣ я еще не далъ цѣльнаго портрета Одоевскаго: это будетъ сдѣлано во II томѣ, гдѣ я предполагаю всесторонне разсмотрѣть отношеніе Одоевскаго къ славянофильской доктринѣ и, главное, освѣтить тотъ идейный переломъ, который я опредѣлилъ словами «научный реализмъ», а г. Гиппіусъ называетъ «повизитизмомъ старости». Мой критикъ считаетъ излишнимъ дожидаться второго тома и уже предрѣшаетъ (на 2 стр.) мои заключенія. Разумѣется, это—его дѣло. Могу однако категорически заявить, что безъ привлеченія къ дѣлу неопубликованныхъ матеріаловъ, которыми я располагаю, нельзя дать правильнаго понятія о послѣднемъ періодѣ въ эволюціи Одоевскаго. Его духовная жизнь и тутъ была гораздо болѣе сложной и яркой, чѣмъ кажется г. Гиппіусу (22—26): до конца жизни Одоевскій не утратилъ своей «мечты» и именно «божественной мечты», не превратился ни въ «мирнаго обывателя», ни въ «проповѣдника оптимизма», ни въ прямолинейнаго раціоналиста; Люциферу не удалось одержать надъ нимъ побѣды. Не имѣя сейчасъ возможности загромождать своей статьи цитатами изъ рукописей, относящихся къ третьему

[1]) Г. Гиппіусъ между прочимъ хочетъ использовать для своихъ цѣлей интересъ любомудровъ къ Спинозѣ. Рекомендую его вниманію въ I ч. стр. 138—9 и 286.

періоду, не могу не привести, для примѣра, слѣдующаго отрывка [1]): «Христіанство внесло въ міръ рѣшеніе такихъ задачъ, — которыхъ даже существованіе не предполагалось современниками той эпохи,—и здѣсь-то является важность, святость, *неземность* его значенія. Тѣмъ же объясняется оппозиція, которою оно было встрѣчено. Любовь взаимная, забвеніе обидъ, равенство, милосердіе даже къ виновному, любовь къ врагамъ, свобода и достоинство человѣка, какъ человѣка—все это было внѣ римскаго міра,—и даже теперь еще только разрабатывается, какъ разрабатываются математиками *предрѣшенія* теоремъ Евклидовыхъ.—Христіанство требовало и должно было требовать безсознательной вѣры въ его рѣшенія, ибо не существовало и, можетъ, еще не существуетъ того рода знаній, которыя необходимы для полнаго, сознательнаго развитія сихъ рѣшеній... Положенія, вдвинутыя христіанствомъ въ міръ, какъ теоремы недоказанныя, требовали вѣры и необходимо предполагали авторитетъ, который въ этомъ смыслѣ и въ одномъ этомъ имѣетъ право существовать.—Любовь къ врагамъ донынѣ еще есть понятіе, котораго мы не выразумѣли вполнѣ, ибо не можемъ еще себѣ представить такое устройство общества, гдѣ бы этотъ принципъ могъ реализироваться. Христіанство еще не завершилось вполнѣ. Такъ, общественное устройство не достигло еще того состоянія, гдѣ нищій предпочитается богатому, гдѣ люди ни орютъ, ни сѣютъ, какъ птицы небесныя, гдѣ они могутъ уподобиться крину сельному, гдѣ безприбыльное созерцаніе предпочитается прибыльнымъ хлопотамъ, гдѣ требующему хламиды отдается и срачица, и гдѣ за ударъ по ланитѣ одна отплата — другая ланита, подъ ударъ подведенная. Все это еще задачи для общества, — но смѣемъ ли сказать, задачи безъ разрѣшенія? Возьмемъ самую трудную изъ нихъ: любовь къ врагамъ; если мы и не достигли еще до полнаго совершенія этого завѣта,—то нельзя отрицать, что ненависть къ врагамъ значительно ослабѣла» и т. д. Въ бумагахъ Одоевскаго сохранилось французское письмо отъ 30 іюля 1867 г., когда ему исполнилось 63 года. Письмо носитъ элегическій характеръ и между прочимъ содержитъ слѣдующія строки, имѣющія прямое отношеніе къ статьѣ «Недовольно», въ которой противникъ Тургенева оказался, по словамъ г. Гиппіуса, «проповѣдникомъ оптимизма» [2]): Tourguénew, que je combats pour ne pas être en contradiction avec toute ma vie passée, a peut-être plus

[1]) Бумаги кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ И. П. Б., переплетъ № 22, л. 383—4, автографъ.

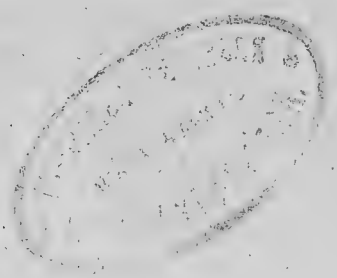
[2]) Бумаги въ И. П. Б., переплетъ 96, л. 213, автографъ.

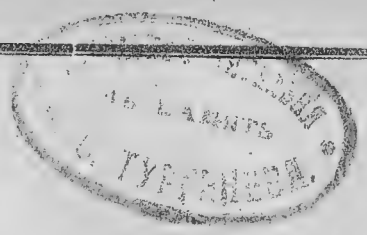
raison que je ne le crois. Heureux celui qui ne fait rien—il échappe à des angoisses bien ridicules» (т. е.: «Тургеневъ, котораго я оспариваю, чтобы не впасть въ противорѣчіе со всей своей прошлой жизнью, можетъ быть, болѣе правъ, чѣмъ я думаю. Счастливъ, кто ничего не дѣлаетъ—онъ не знаетъ мученій, очень смѣшныхъ мученій»). Нельзя не задуматься надъ этими горькими словами, которыя мыслящій человѣкъ произноситъ передъ лицомъ смерти...

«Одоевскій», пишетъ г. Гиппіусъ (26), «долженъ быть намъ дорогъ, потому что въ тупой и самодовольной толпѣ онъ одинъ изъ немногихъ звалъ къ мечтѣ». Съ неменьшимъ правомъ къ этому можно бы прибавить: дорогъ тѣмъ, что не сковалъ своего мышленія никакими догмами, а былъ «русскимъ скептикомъ», т.-е. человѣкомъ, непрестанно ищущимъ истины и правды; дорогъ тѣмъ, что былъ свободенъ отъ ограниченнаго самодовольства людей, которые слишкомъ скоро успокаиваются на опредѣленной вѣрѣ. Путь Одоевскаго не былъ «узкимъ», какъ именуетъ его г. Гиппіусъ, а, напротивъ, широкимъ, свободнымъ.

Статья г. Гиппіуса, так. обр., не столько характеризуетъ Одоевскаго, сколько самого автора: она даетъ намъ возможность судить о томъ, въ какомъ отношеніи старые русскіе романтики не удовлетворяютъ «неоромантиковъ». Внѣ всякаго сомнѣнія, свои упреки г. Гиппіусъ могъ бы повторить, иной разъ даже съ бо́льшимъ основаніемъ, по отношенію къ Станкевичу, которому посвящена наша первая бесѣда, да и ко всѣмъ рѣшительно романтикамъ 20—30 годовъ (можетъ быть, за исключеніемъ славянофиловъ, особенно И. В. Кирѣевскаго). Символисты, или неоромантики, дѣйствительно, глубже и полнѣе восприняли романтическую мистику и больше приблизились къ настроенію іенскихъ романтиковъ, чѣмъ ихъ русскіе предшественники. Это — крупный по своему значенію фактъ, который въ свое время и будетъ учтенъ исторіей литературы.

П. Сакулинъ.





МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

(Farfui).

Романъ Луціано Цукколи.

(*Продолженіе*) [1]).

Часть вторая.

I.

Бѣдная бонна куталась въ накидку, обмотала голову шелковымъ платкомъ, и тѣмъ не менѣе вся дрожала отъ рѣзкаго вѣтра и чувствовала, что у нея коченѣютъ носъ, уши, ноги и руки.

— Пойдемъ!—упрашивала она.—Ну, ради Бога, пойдемъ домой. Неужели тебѣ не холодно?

Но Фарфуи упрямо стоялъ на мѣстѣ, поднявъ носикъ кверху и глядя на дерево, росшее возлѣ бассейна съ золотыми рыбками; онъ какъ будто не слышалъ, что говорила ему синьорина Клавдія Сакки, или же не находилъ нужнымъ считаться съ тѣмъ, что́ она говоритъ.

— А я хочу влѣзить. Я влѣзить хочу,—повторялъ онъ, не трогаясь съ мѣста и, видимо, не зная, какъ осуществить задуманное.—Сейчасъ влѣзу.—Смотри—вотъ сейчасъ влѣзу...

Неожиданно въ первомъ этажѣ отворилось окно, и въ немъ показалась бѣлокурая женская головка.

— Синьорина, что вы тамъ дѣлаете?

— Синьора, Аквилейо хочетъ лѣзть на фиговое дерево.

Морелла съ изумленіемъ всплеснула руками и крикнула своимъ бархатнымъ голосомъ, который она усиливалась сдѣлать гнѣвнымъ:

— Фарфуи! Фарфуи! иди домой.

---

[1]) См. февраль, стр. 200.

Ребенокъ повернулся. Изъ-подъ краснаго беретика выбивались и падали ему на шею волны вьющихся кольцами бѣлокурыхъ волосъ; большіе сѣрые глаза съ длинными выгнутыми рѣсницами словно освѣщали кругленькое, смуглое личико. Для своихъ трехъ лѣтъ Фарфуи былъ высокій, стройный мальчикъ, съ тонкими, но крѣпкими ножками, теперь побагровѣвшими отъ холода. Одѣтъ онъ былъ въ свѣтло-коричневый бархатный костюмъ и поверхъ его въ темный плащъ съ капюшономъ.

Но, презирая капюшонъ, онъ напялилъ себѣ на голову алый беретъ, который надѣвалъ обыкновенно, когда садился на игрушечную лошадь и отправлялся въ походъ, на великіе подвиги.

— Мама, я хочу влѣзить. На фигу. Туда, на самый верхъ.

— Подсадите его, синьорина,—пусть попробуетъ, —сказала Морелла,—а потомъ ведите его домой.

Разспросивъ послѣдовательно кухарку, горничную, кучера и бонну, Фарфуи удостовѣрился, что дерево, ростшее возлѣ бассейна, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома,—фиговое дерево. И, хотя сѣверный декабрьскій вѣтеръ дулъ на совѣсть, рѣшилъ сегодня непремѣнно влѣзть на него и посмотрѣть, не осталось ли тамъ, наверху, плодовъ.

Прислуга въ отвѣтъ на это заявленіе маленькаго барчука расхохоталась, и всѣ въ одинъ голосъ принялись увѣрять его, что фигъ теперь на деревѣ не можетъ быть—для этого ужъ слишкомъ поздно, или еще слишкомъ рано. Но мальчикъ уже не довѣрялъ общественному мнѣнію и вѣрилъ только тому, что́ видѣлъ самъ; и вотъ, для того, чтобъ убѣдиться, бываютъ ли въ декабрѣ зрѣлыя фиги, онъ и рѣшилъ предпринять эту небольшую прогулку, и потащилъ за собой бонну—необходимый и неотдѣлимый отъ него придатокъ, вынужденный повиноваться ему и молча слѣдовать за нимъ.

Окно захлопнулось, но Морелла сквозь стекло слѣдила за происходившимъ въ саду.

Фарфуи повернулся къ Клавдіи:

— Ну подсади же меня. Я хочу влѣзить на фигу. Сзади, сзади, подсади.

— Не смѣй такъ говорить! — воскликнула негодующе бонна.—Я краснѣю за тебя.

Фарфуи внимательно посмотрѣлъ на нее—въ правду ли она краснѣетъ—но не замѣтилъ ничего анормальнаго на этомъ добродушномъ и блѣдномъ лицѣ, незначительномъ и скромномъ.

И съ удовольствіемъ почувствовалъ, что его берутъ за то самое мѣсто, которое онъ назвалъ, и поднимаютъ кверху; онъ оглядывалъ каждую вѣточку, хватаясь ручонками за самыя высокія, какія только могъ достать, и долго раздумывалъ о чемъ-то, пристально глядя на дерево, какъ-будто фиги съ минуты на минуту должны были появиться.

— Ну? скоро ты кончишь?—говорила Клавдія.—Я устала; не могу больше держать тебя.

Фарфуи не отвѣтилъ; высоко въ воздухѣ, онъ перебиралъ руками вѣтви, съ изумленіемъ вынужденный сознаться, что на этотъ разъ общественное мнѣніе не ошиблось, и прислуга была права: въ декабрѣ фигъ на деревьяхъ нѣтъ.

Бонна, не дожидаясь отвѣта, спустила ребенка съ его наблюдательнаго пункта и поставила на землю.

— Теперь идемъ домой. Смотри: мама въ окнѣ ждетъ тебя.

— Нѣтъ!—объявилъ Фарфуи.

— Чего нѣтъ?

— Фигъ.

— Я знала это; я же тебѣ говорила, и всѣ тебѣ говорили, что въ декабрѣ фигъ не бываетъ—въ этакій-то холодище!.. И чего только выдумаетъ!..

Фарфуи, уже направившійся было къ дому, вдругъ остановился. А вѣдь и въ правду, всѣ ему говорили—и бонна, и кучеръ, и кухарка, и горничная. Теперь они всѣ, навѣрное, поджидаютъ его, чтобы вышутить его, и потомъ будутъ смѣяться надъ нимъ за его спиной.

— Я хочу остаться въ саду,—рѣшительно объявилъ онъ.

Бонна съ отчаяніемъ всплеснула руками. Остаться въ саду, на воздухѣ, зимою, въ такой холодъ—значитъ рисковать схватить простуду; а потомъ у Фарфуи заболитъ горло, начнется кашель, и придется опять звать доктора—того самаго гадкаго, съ черной бородой.

— Ну хорошо. Тогда я пойду къ папѣ.

— Папа теперь занятъ и ему нельзя мѣшать. Пойдемъ лучше домой.

— Ну, тогда я пойду...

Онъ оглядѣлся вокругъ, ища, нельзя ли еще куда-нибудь приткнуться, лишь бы не возвращаться домой, но въ глаза ему бросилось только фиговое дерево.

— Тогда я пойду на фигу.

— Помилосердуй!—вскричала перепуганная бонна.—Ты что же, такъ и будешь цѣлый день сидѣть на фигѣ?

Морелла, слѣдившая за всѣми этими препирательствами, рѣшила, что пора вмѣшаться, и снова отворила окно.

— Синьорина, почему вы не ведете его домой? Холодно; онъ можетъ простудиться.

— Не хочетъ онъ итти домой, синьорина. Не понимаю, что́ съ нимъ сегодня дѣлается.

Морелла повернулась къ мальчику.

— Смотри, Фарфуи, я сейчасъ сама за тобой приду. Ты хочешь, чтобъ я сама пришла?

Слова эти должны были обозначать угрозу, но были произнесены съ такою лаской въ голосѣ, что ребенокъ поднялъ голову и спокойно отвѣтилъ:

— Да, мамочка, приди ты.

Молодая женщина улыбнулась этой наивности: ея мальчику и въ голову не приходило, что мама можетъ грозить ему, она поспѣшно сбѣжала въ садъ и взяла Фарфуи на руки.

— Почему ты не хочешь возвращаться домой? Развѣ дома не хорошо? Ну что́?—нашелъ ты свои фиги?

— Нѣтъ.

Но теперь огорченіе неудачей уже прошло, и мальчуганъ смѣялся, сжимая ручонками лицо матери и цѣлуя его и барахтаясь въ ея объятіяхъ.

— Да ты совсѣмъ замерзъ, мой маленькій — говорила она.—Что за фантазія!—искать фигъ на деревѣ въ эту пору года. И выдумаетъ же! Вотъ чудакъ!

Фарфуи хохоталъ, глядя на синьорину Клавдію, у которой носъ такъ покраснѣлъ, что на нее жалко было смотрѣть. Но, какъ только они переступили порогъ, онъ заставилъ спустить себя на землю, взялъ мать за руку и повелъ ее въ кухню, къ кухаркѣ. Съ матерью онъ чувствовалъ себя въ безопасности.

— А фигъ нѣтъ!—крикнулъ онъ, просунувъ голову въ дверь.

И прошелъ дальше, въ гардеробную, гдѣ горничная гладила бѣлье, и тоже крикнулъ ей:

— А фигъ нѣтъ!

Потомъ позволилъ увести себя въ гостиную, снять съ себя беретъ и плащъ и усадить себя грѣться у камина.

Онъ нашелъ, что лучше сразу предупредить горничную и кухарку насчетъ отсутствія фигъ, чтобъ онѣ потомъ не вышучивали его, когда встрѣтятъ его съ синьориной. И теперь силился объяснить эту свою тактику матери, которая слушала его, но плохо понимала; и Фарфуи размахивалъ руками и дѣлалъ убѣдительные жесты, заполняя недочеты своей логики.

— Словомъ,—заключила Морелла,—тебѣ хотѣлось сдѣлать видъ, что это открытіе сдѣлано тобой, и что Пьерина и Марія напрасно думали, что въ декабрѣ можно рвать фиги съ дерева?

— Ну да.

— Но, вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ, мальчикъ мой, было какъ разъ наоборотъ. Это ты упрямился и хотѣлъ непремѣнно видѣть своими глазами, и не вѣрилъ Пьеринѣ и Маріи.

— Ну да,—повторилъ Фарфуи.

— И ты придумалъ, какъ устроить такъ, чтобы свалить вину на нихъ и чтобъ невѣждами оказались онѣ и, что называется, остались въ дурахъ.

— Вотъ именно!—захлопалъ въ ладоши Фарфуи, радуясь, что мама такъ удачно выразила его мысль.

Но тотчасъ же умолкъ, наморщилъ лобикъ. «Оказались невѣждами»—это казалось ему удивительно звучнымъ и красивымъ, хотя смыслъ словъ былъ не совсѣмъ ему понятенъ, и это его нѣсколько тревожило. Ему хотѣлось бы, чтобъ мама повторила эту, фразу, но мама преспокойно взялась за журналъ съ картинками и углубилась въ чтеніе. Поразмысливъ немного, онъ снова захлопалъ въ ладоши и повторилъ:

— Вотъ именно! въ надеждѣ, что это заставитъ маму, въ свою очередь, повторить ту, замѣчательную фразу.

Но вмѣсто этого Морелла звонко разсмѣялась, увидавъ своего мальчика въ раздумьѣ передъ пылающимъ каминомъ, изъ котораго отсвѣты пламени падали на его золотистыя кудри,—и, посадивъ его къ себѣ на колѣни, осыпала поцѣлуями его личико и глаза.

II.

Его назвали Джузеппе Тито Аквилейо.

Джузеппе—въ память дѣда съ отцовской стороны; Тито—въ честь отца Мореллы; третье имя, Аквилейо, было прибавлено Мореллой по просьбѣ Эдоардо Фальконаро—это имя носилъ его младшій братъ, самый любимый и умершій молодымъ.

Прислуга звала его Аквилейо; родные всѣ звали по прозвищу: Фарфуи, данному также Эдоардо Фальконаро—отъ ломбардскаго: farfuillare, что значитъ: путать согласныя, сливать въ одно слово, не договаривать ихъ и упрощать, какъ это часто дѣлаютъ дѣти.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, прошедшихъ со дня рожденія Фарфуи, жизненный путь Эдоардо Фальконаро не всегда былъ

устланъ розами. На биржѣ онъ понесъ крупныя потери, вслѣдствіе неожиданнаго головокружительнаго паденія цѣнностей, которыя онъ слишкомъ долго держалъ. Нѣсколько разъ онъ былъ наканунѣ полнаго краха; ему удалось уйти отъ объявленія несостоятельнымъ лишь цѣною тягостныхъ жертвъ—продажи лошадей и экипажей и урѣзыванія себя во всемъ. Теперь онъ почти безвыѣздно жилъ въ своей квартирѣ на Монте Наполеоне, изъ которой была вывезена вся дорогая мебель и картины и всѣ предметы роскоши.

Вѣсть объ этомъ мгновенно разнеслась по городу; ее съ радостью повторяли всѣ несчетные недоброжелатели Эдоардо Фальконаро, которымъ онъ былъ антипатиченъ безъ всякихъ опредѣленныхъ основаній и, повторяя, пріукрашали ее своими измышленіями.

Лоренцо Моро первымъ узналъ о непріятной перемѣнѣ въ жизни друга. Морелла страдала молча, не только потому, что огорчалась за Эдоардо, но и потому, что предвидѣла то, что́ должно было случиться.

Лоренцо тотчасъ же бросился къ Эдоардо—предлагая ему всѣ свои наличныя деньги, а если ихъ не хватитъ, то и всѣ свои недвижимости, въ полное его распоряженіе.

Но наткнулся на непреклонное упорство, на мягкій, но рѣшительный отказъ.

Эдоардо обнялъ Лоренцо и горячо благодарилъ его, но не хотѣлъ взять отъ него ни одного чентезимо.—Все это сплетни: никакого разоренія нѣтъ—просто крупная потеря, которую онъ уже покрылъ; въ данный моментъ онъ, правда, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, но это его не слишкомъ огорчаетъ, и на другой же день послѣ бури онъ снова началъ работать и зарабатывать...

Тонъ Эдоардо былъ спокойный и увѣренный, но, слушая его, Лоренцо оглядывалъ комнату и видѣлъ, что библіотечные шкафы опустѣли, а предметы роскоши исчезли, вмѣстѣ съ цѣнной коллекціей оружія, въ томъ числѣ и стариннымъ ружьемъ, которымъ его пріятель очень дорожилъ. Несомнѣнно, все это унесено тѣмъ, что́ Эдоардо съ улыбкой называетъ «бурей».

Энергическій, стойкій, упорный отказъ принять какую бы то ни было помощь, въ концѣ концовъ, разсердилъ и обидѣлъ Лоренцо. Онъ обязанъ Эдоардо всѣмъ своимъ богатствомъ, а Эдоардо не хочетъ позволить ему уплатить хотя бы часть своего моральнаго долга и помочь ему съ такой же радостью и пре-

данностью, съ какими помощь въ трудную минуту была оказана ему.

Эдоардо понималъ всю справедливость доводовъ Лоренцо, понималъ, что поступаетъ съ нимъ несправедливо и оскорбляетъ его своимъ отказомъ, но, тѣмъ не менѣе, упорствовалъ. Разговоръ шелъ въ той самой комнатѣ, куда онъ привелъ съ собой Морелду, гдѣ обладалъ ею впервые, гдѣ былъ зачатъ Фарфуи,— и мысль протянуть руку мужу своей любовницы, чтобъ взять у него деньги, была ему противна до тошноты, вызывала въ немъ такое омерзѣніе, передъ которымъ пасовали всѣ совѣты благоразумія и необходимости.

— Это какая-то дьявольская гордыня!— рявкнулъ, наконецъ, Лоренцо.—Да пойми же ты, что это глупо и гадко. Если такъ, мы съ тобой больше не знакомы. И не смѣй больше бывать у насъ. Мы съ тобой больше не друзья.

Эдоардо молча вынесъ эту бурю и, когда Лоренцо, яростно мотая головой, направился къ выходу, онъ проводилъ его до двери и на прощанье снова обнялъ, съ улыбкой сказавъ:

— Ты самъ не знаешь, что́ говоришь.

Но Лоренцо искренно обидѣлся на эту, какъ онъ выражался, «дьявольскую гордыню» Эдоардо. Онъ жаловался на нее и Федерико съ Изидорой, и Морелдѣ, и всѣмъ имъ разомъ, клянясь, что нога Фальконаро больше не будетъ у него въ домѣ, называя его и юродивымъ, и чудакомъ, и высокомѣрнымъ, и Богъ вѣсть что о себѣ воображающимъ, и съ бранью увѣряя, что правы тѣ, кто называлъ его антипатичнымъ

Морелла вздохнула съ облегченіемъ. Она была довольна.

Ей по душѣ была эта надменность, тайная причина которой была извѣстна ей одной. Она представляла себя Эдоардо такимъ, какимъ онъ былъ въ тотъ лѣтній вечеръ, когда они на Фебѣ ѣхали черезъ лѣса и рощи, озаренныя волшебнымъ луннымъ свѣтомъ, и она декламировала ему «пѣсни» Уланда. Какимъ далекимъ ей казался этотъ вечеръ и съ какою нѣжностью она вспоминала о немъ!..

Однажды она набралась храбрости и, взявъ съ собой Фарфуи, отправилась прямо на домъ къ Эдоардо, на улицу Монте Наполеоне, въ ту самую квартиру, порога которой она не переступала больше съ того раза, какъ получила и вернула тамъ безумный поцѣлуй, окровавившій губы обоимъ...

Она принесла Эдоардо свои сбереженія, о которыхъ Лоренцо не зналъ вовсе, и свои драгоцѣнности, въ которыхъ онъ у нея никогда не спрашивалъ отчета—немного, всего тысячъ на трид-

цать лиръ; но, все же, этого могло хватить на уплату по самымъ спѣшнымъ векселямъ, или, по крайней мѣрѣ, на покупку лошадей и экипажа, чтобы зажать ротъ сплетникамъ и нѣсколько поднять его кредитъ.

Она думала, что отъ нея, отъ матери Фарфуи, отдавшейся ему съ такой безумной страстью, онъ можетъ принять небольшую, но не безполезную поддержку—по-женски думала, что это—временный заемъ, о которомъ никто никогда не узнаетъ.

Эдоардо удивился, но страшно обрадовался Морелле и Фарфуи.

Онъ обожалъ Фарфуи; ребенокъ былъ вылитый его портретъ—достаточно было взглянуть на его глаза, ихъ цвѣтъ и выраженіе—его и Мореллы, у которой онъ взялъ свою пышную золотую гриву. Отецъ не спускалъ его съ рукъ, цѣловалъ, носилъ по комнатѣ, показывалъ ему англійскіе офорты, съ изображеніемъ лошадей и охоты, въ которыхъ онъ поспѣшилъ замѣнить проданныя цѣнныя гравюры лучшимъ, что́ можно было пріобрѣсти на рынкѣ. Мальчикъ смѣялся, шлепалъ ручонками по лицу своего большого друга и дергалъ его за длинные усы.

Морелла хорошо помнила роскошное убранство этой комнаты; опустошеніе ей сразу бросилось въ глаза, и она молча вглядывалась въ Эдоардо; а тотъ подбрасывалъ на колѣняхъ Фарфуи, насвистывая воинственный маршъ, и въ эту минуту не помнилъ ничего: ни постигшей его лютой невзгоды, ни злобной радости враговъ, ни долгой борьбы, которую ему придется вести для того, чтобы вернуть утраченное.

Молодая женщина, сидя напротивъ него, мучилась, не зная, какъ приступить къ рискованному разговору и держа въ рукахъ запертую шкатулочку, завернутую въ синюю бумагу. Но, когда Эдоардо спустилъ Фарфуи на полъ, Морелла сложила горсточкой ручки ребенка, поставила на нихъ шкатулку, поддерживая ее рукою снизу, и шепнула:—Отдай это Эдоардо... Отдай Эдоардо...

Мальчикъ повиновался и, осторожно ступая, чтобъ не уронить шкатулки, поддерживаемый матерью, съ трудомъ поставилъ ее на колѣни Эдоардо.

— О!—воскликнулъ тотъ съ веселымъ смѣхомъ.—Ты, никакъ, мнѣ принесъ конфектъ? Ну, это уже не по правиламъ. Это мнѣ слѣдовало угостить тебя конфектами. Но, видишь ли, голубчикъ, я не ждалъ тебя и ничего не приготовилъ, а дома у меня конфетокъ нѣту... Ну, теперь мы ихъ съѣдимъ всѣ вмѣстѣ: Фарфуи, мамочка и я.

Морелла вся дрожала мелкой дрожью, пока Эдоардо развертывалъ бумагу.

Онъ отперъ шкатулку, заглянулъ туда—и поблѣднѣлъ.

Но тотчасъ же овладѣлъ собою, увидавъ, что Морелла сидитъ съ поникшей головой, не въ силахъ выговорить слова, и крупныя слезы катятся по ея щекамъ. Обидѣть ее укоромъ онъ не могъ—эта женщина принесла ему деньги и брильянты съ той же готовностью, съ какой она отдала бы ему свою жизнь, если бъ ему она понадобилась.

Эдоардо заперъ шкатулку и поставилъ ее на колѣни Морелле, шепнувъ:

— Спасибо, дорогая. Это невозможно.

Больше онъ не сказалъ ни слова.

Но восчувствовалъ полностью отчаянную тоску этой беззавѣтной любви, которая мучается тѣмъ, что не въ силахъ помочь ему, и, не выдержавъ, порывисто обнялъ сразу мать и дитя, сливъ въ этомъ безмолвномъ объятіи все, что было ему дорого въ мірѣ, всю свою жизнь и любовь.

III.

Среди многихъ, злорадствовавшихъ по поводу разстройства дѣлъ Эдоардо Фальконаро, несомнѣнно, всѣхъ довольнѣе былъ Маріано Фриджеріо.

Онъ ненавидѣлъ Эдоардо за то, что Эдоардо былъ богатъ, за то, что онъ, по наблюденіямъ Маріано, обладалъ Мореллой Моро, за то, что онъ помогъ Лоренцо деньгами, а ему, Маріано, отказался помочь и совѣтомъ въ биржевой игрѣ,—за то, что онъ былъ красивый мужчина, ни въ комъ не нуждался и нравился женщинамъ.

Когда ему сказали, что Эдоардо Фальконаро потерялъ крупную сумму на биржѣ, онъ пришелъ въ восторгъ; самъ онъ, вмѣсто того, чтобы заняться биржевой игрой, сталъ увлекаться фараономъ и макао въ маленькихъ кафэ, засиживаясь тамъ далеко за полночь, проигрывая и выигрывая, но все по мелочамъ, а не такія деньги, которыя бы либо вовсе разорили его, либо дали бы ему возможность, какъ онъ выражался, снова «сѣсть въ сѣдло». Тѣмъ не менѣе, его наслѣдство въ двадцать пять тысячъ лиръ уже значительно растаяло.

Избавившись отъ Стеллы Бонаретти, которой онъ подставилъ подъ ноги грошевую склянку, предоставивъ ей думать,

что она разбила вазу, стоившую пять тысячъ лиръ, онъ влюбился въ Ливію Минуччи, пользовавшуюся большой извѣстностью среди посѣтителей кафэ-концертовъ, не столько за свой голосъ, сколько за волнистую линію бедеръ и бѣлизну груди.

Ливія Минуччи, отвергнувъ мимолетную любовь элегантнаго юноши-богача, позволила обольстить себя Маріано Фриджеріо, который понравился ей блѣдностью лица, цинизмомъ рѣчи и, вообще, своимъ бездомнымъ, непосѣдливымъ существованіемъ.

Въ немъ, дѣйствительно, была та особая привлекательность ночного гуляки, развратника и неисправимаго кутилы, которая въ кругахъ низкаго нравственнаго уровня находитъ немало восторженныхъ поклонницъ; въ немъ чувствовался человѣкъ, который постепенно опускается со ступеньки на ступеньку, и, можетъ быть, завтра же дойдетъ до преступленія, или же до самоубійства.

Это плѣняетъ женщинъ, которыя сами ведутъ такую же лихорадочно-разгульную жизнь, полную цинизма и риска. У такихъ женщинъ особое чутье на мужчину, который способенъ колотить ихъ и наградить за ночь любви пинкомъ ногой; и, найдя такого мужчину, онѣ слѣпо покоряются ему, принося ему въ жертву все,—даже свою потребность лгать и измѣнять...

Съ Ливіей Маріано Фриджеріо прокутилъ остатки того, что у него еще было, и, вернувъ свою любовницу въ тотъ самый кафэ-шантанъ, откуда взялъ ее, всѣмъ своимъ пріятелямъ объявилъ, что онъ уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ будетъ, въ качествѣ знатока и эксперта, руководить большой антикварной торговлей.

Передъ отъѣздомъ, онъ имѣлъ удовольствіе встрѣтить Эдоардо Фальконаро на улицѣ, неподалеку отъ биржи.

Остановился поговорить съ нимъ и разспросилъ подробно о проигранномъ имъ «большомъ шлемѣ». И съ удовольствіемъ отмѣтилъ, что на Эдоардо пальто, хоть и не старое, но, все же, не послѣдней моды и что воротничекъ его сорочки слегка вытрепался.

Эдоардо больше не боялся его и не имѣлъ основанія не довѣрять ему. Его романъ съ Мореллой кончился, и, если даже предубѣжденіе молодой женщины противъ этого порочнаго человѣка было основательно, въ настоящее время Маріано уже не могъ повредить, такъ какъ ему нечего было выслѣживать и разрушать.

Поэтому Фальконаро обошелся съ нимъ ласково и сталъ его разспрашивать, что онъ подѣлываетъ.

— Такъ, что придется... Выходитъ, ты былъ правъ, когда предостерегалъ меня насчетъ биржевой игры: теперь я вижу, что и ты смыслишь въ ней не больше моего... Что́ я подѣлываю?.. Ѣду въ Парижъ вести торговлю художественными вещами... Да, послѣ сыра и масла, скачекъ изрядный... Но я всегда интересовался стариной; у меня полонъ домъ всякихъ древностей... Спроси-ка Стеллу Бонаретти... Ты ея не знаешь?.. Ахъ, извини! ты правъ—это ниже твоего достоинства—такихъ ты не удостаиваешь своей милостью... Но, смѣю тебя завѣрить, дѣвочка прелесть! Да, да, понимаю, ты предпочитаешь женъ твоихъ друзей... Ну, прощай; вѣрнѣе, до свиданья, такъ какъ я разсчитываю возвратиться скоро и съ цѣлымъ возомъ желтенькихъ... въ Парижѣ они зовутся луидорами... Ну, будетъ болтать... До свиданья...

Послѣ этой встрѣчи Маріано Фриджеріо исчезъ изъ Милана и въ кругу гулякъ и уличныхъ дѣвицъ скоро былъ забытъ: о немъ не поминали больше...

Эдоардо Фальконаро продолжалъ итти своей дорогой, трудной и тернистой, не ища помощи у постороннихъ, спокойный, учтивый, быстрый въ поступкахъ, скупой на слова.

Постепенно, въ отношеніи къ нему окружающихъ произошла нѣсколько запоздалая, но благодѣтельная перемѣна. Уваженіе къ нему людей благоразумныхъ, и раньше умѣвшихъ цѣнить его, еще больше возрасло. Онъ съ педантической точностью выполнилъ всѣ свои обязательства—какъ увѣряли, не оставилъ даже гвоздя въ домѣ, но спасъ свое доброе имя. Другіе маклера, наоборотъ, оттягивали платежи; одинъ бѣжалъ, другой покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Эдоардо Фальконаро спокойно оставался на своемъ посту, нерѣдко самъ труня надъ бурей, смевшей его благосостояніе, словно надъ лѣтнимъ ливнемъ, промочившимъ его до костей. Многимъ нравилось ясное спокойствіе, съ которымъ онъ принялъ свою неудачу, и всѣмъ—то, что онъ, какъ человѣкъ воспитанный, не нылъ и никому не плакался на свою участь.

Борьба стала менѣе трудной; а такъ какъ онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы сложить оружіе, даже когда ему не везетъ, многіе, дѣйствовавшіе во вредъ ему просто потому, что онъ имъ былъ антипатиченъ, стали его друзьями, порой даже союзниками. Фальконаро оказался сильнѣе, чѣмъ о немъ предполагали; такого человѣка надо уважать и, при случаѣ, переходить на его сторону.

Но еще долго ему приходилось во всемъ урѣзывать себя, и къ этому онъ никакъ не могъ привыкнуть.

Мучилъ его непрестанно и разрывъ съ Лоренцо, который насильно разлучилъ его съ Фарфуи.

Морелла иногда приводила къ нему мальчика, или же шла гулять съ нимъ по сосѣдству съ Биржей, гдѣ легко было встрѣтить Эдоардо. Но такія встрѣчи на улицѣ были опасны, такъ какъ на нихъ могли обратить вниманіе, да и ребенокъ начиналъ болтать, допытываться и запоминать синьора, который, встрѣчаясь съ мамой, всегда останавливался поговорить съ ней и казался мальчику красивымъ, такъ какъ онъ былъ высокъ ростомъ.

Однажды мальчикъ заболѣлъ, и Эдоардо былъ въ отчаяніи.

Болѣзнь Фарфуи была изъ тѣхъ коварныхъ и причудливыхъ, съ которыми никогда нельзя знать, что́ будетъ завтра; температура то поднималась страшно высоко, то падала совсѣмъ, и симптомы все были самые неожиданные и противорѣчивые.

Однажды ночью онъ едва не умеръ, и у Лоренцо, не питавшаго къ мальчику той безпредѣльной любви, какою окружала его мать, сорвались съ языка несчастныя слова, которыми онъ думалъ утѣшить Мореллу.

— Ну, полно! Будетъ. Чего ты такъ отчаиваешься... Этотъ умретъ,—другого сдѣлаемъ.

По счастью, въ комнатѣ больного были въ это время врачи—иначе Морелла, обезумѣвшая отъ гнѣва и горя, схватила бы за горло мужа. Но на другое утро, чуть свѣтъ, она послала записку Эдоардо: «Приди навѣстить твоего сына».

Эдоардо прибѣжалъ сейчасъ же и провелъ нѣсколько часовъ у кроватки мальчика, въ комнаткѣ, хорошенькой, какъ бомбоньерка, теплой и ласковой, какъ колыбель, гдѣ Фарфуи былъ не только полнымъ хозяиномъ, но и самымъ изящнымъ, самымъ драгоцѣннымъ украшеніемъ.

И когда, около полудня, Лоренцо вернулся домой, Фальконаро пошелъ ему навстрѣчу и, молча, стиснулъ его руку. Такимъ образомъ, они помирились, но Лоренцо не могъ забыть, что другъ въ трудную минуту отказался отъ его помощи и не пускался уже съ Эдоардо въ задушевныя изліянія, какъ прежде.

Будь Лоренцо Моро наблюдательнѣе, онъ за эти нѣсколько дней подмѣтилъ бы цѣлый рядъ фактовъ, которые, несомнѣнно, показались бы ему странными и подозрительными.

Болѣзнь ребенка волновала и огорчала Эдоардо гораздо сильнѣе, чѣмъ этого можно было ожидать просто отъ друга, и

его горе могло быть поставлено наравнѣ только съ горемъ Мореллы, которая шесть ночей не ложилась, ухаживая за больнымъ.

Эдоардо явно забросилъ всѣ дѣла и, теряя дорогое время, цѣлыми днями сидѣлъ безвыходно въ дѣтской. Постепенно, забывая о томъ, что за ними слѣдитъ прислуга, Эдоардо и Морелла раздѣлили между собою уходъ за ребенкомъ, и, чтобы дать ей отдохнуть, днемъ Фальконаро посылалъ ее прилечь, въ ея просторной спальнѣ, сиреневой и кремъ, смежной съ комнаткой Фарфуи, а самъ ходилъ на цыпочкахъ, оберегая сонъ любимой женщины, которая спала одѣтой, и больного ребенка.

Пьерина, камеристка, не разъ заставала его пристально вглядывающимся въ усталое лицо спящей Мореллы или въ глазки лежавшаго въ бреду Фарфуи. Однажды, войдя неслышно въ комнатку больного, она услыхала, какъ Эдоардо шепотомъ говорилъ барынѣ:

— Ради Бога, не отчаявайся такъ. Ты сама заболѣешь.

Но Фальконаро внушалъ прислугѣ больше уваженія и страха, чѣмъ даже самъ Лоренцо; да и врачи совѣтовались съ нимъ, давали инструкціи ему, утѣшали его, съ той особой чуткостью людей науки, которые все понимаютъ и умѣютъ дѣлать видъ, что ничего не видятъ...

Изидора и Федерико, обожавшіе племянника, тотчасъ примчались предложить Морелле свою помощь, и та, чтобъ объяснить свой отказъ, почти призналась сестрѣ:

— Благодарю тебя, Дора, но зачѣмъ же тебѣ утомляться? Здѣсь Эдоардо—оставь меня съ Эдоардо. Пожалуйста, и Федерико передай, что я ему очень признательна, но оставьте меня съ Эдоардо. А захотите навѣстить—милости просимъ, когда угодно...

Эдоардо! Она уже не называла его «Фальконаро», какъ прежде, но интимно, по-родственному: «Эдоардо», и только... Въ глубоко запавшихъ глазахъ сестры Изидора читала страшную усталость и, убѣдившись, что ея подозрѣнія не были ошибочными, испугалась за нее—за то, чтобъ она, въ эти минуты ослабленія нервовъ и воли, не выдала себя при Лоренцо, при Федерико, или въ присутствіи прислуги.

— Мора,—возразила она,—Фальконаро не можетъ же безвыходно сидѣть здѣсь. Кончится тѣмъ, что о васъ пойдутъ сплетни; да и Энцо можетъ изумиться, что возлѣ тебя все время Фальконаро, а не я, не Федерико.

— Ну да, ну да!.. Я же говорю: приходите—приходите

каждый день... Но только не удаляйте отъ меня Эдоардо, заклинаю васъ, не удаляйте его отъ Фарфуи... Не убивайте насъ обоихъ...

И она разрыдалась на плечѣ сестры, которая плакала вмѣстѣ съ нею, съ безконечной жалостью къ ея горю, ея безумію, ея отчаянію...

За все время болѣзни Фарфуи поведеніе Изидоры было въ высшей степени деликатнымъ и тактичнымъ: она сумѣла убѣдить своего мужа, что Морелліѣ нужно только одно—чтобъ не оставили одну возлѣ больного сына, и силилась затушевать неосмотрительность сестры и Эдоардо, не давая замѣтить этого ни одной, ни другому, все время дѣлая видъ, что она ничего не знаетъ, даже не подозрѣваетъ, и находитъ вполнѣ естественнымъ, что Эдоардо такъ самоотверженно посвятилъ себя больному мальчику.

Доброта замѣняла умъ простенькой и робкой Изидорѣ и придавала ей необычайную предусмотрительность, и помощь, оказываемая ею дошедшимъ до отчаянія отцу и матери Фарфуи, была не менѣе дѣйствительной, чѣмъ та, какую сами они оказывали больному ребенку.

Всего этого Лоренцо совсѣмъ, или почти не замѣчалъ. Поглощенный своей торговлей, онъ возвращался домой усталый, заглядывалъ на минутку въ дѣтскую, выслушивалъ отчетъ Морелліы и ложился отдыхать. Обѣдалъ онъ внѣ дома, такъ какъ дома обѣдъ теперь не подавался во-время, и рано укладывался спать въ своей отдѣльной спальнѣ, помѣщавшейся на другомъ концѣ дома. А на другое утро вставалъ чуть свѣтъ и возвращался къ своей трудовой жизни. О происшедшемъ за день ему по телефону сообщали жена, или Изидора, которая, по возможности, умалчивала о безсмѣнномъ почти присутствіи Эдоардо.

Случилось такъ, что ему понадобилось съѣздить по дѣламъ въ Фрейбургъ, и онъ объявилъ Морелліѣ, что поѣздку отложить нельзя, а мальчикъ уже поправляется и опасности никакой нѣтъ.

Эдоардо, случайно присутствовавшій при этомъ разговорѣ, взглядомъ далъ знакъ Морелліѣ, чтобъ она не возражала. Они уже привыкли понимать другъ друга съ одного взгляда, и молодая женщина тотчасъ согласилась, говоря, что Фарфуи, дѣйствительно, лучше теперь и опасность миновала.

Такимъ образомъ Лоренцо уѣхалъ, и цѣлую недѣлю не подавалъ вѣстей о себѣ и не спрашивалъ о сынѣ; никто о

немъ за эту недѣлю и не вспомнилъ; но Изидора приняла все это къ свѣдѣнію и передала Федерико, чтобъ убѣдить его, что вина на сторонѣ Лоренцо, а не Мореллы; ибо эти двѣ добрыхъ души все еще обсуждали между собой нелады Лоренцо съ женою и доискивались причинъ.

Вернувшись изъ Фрейбурга, Лоренцо засталъ ребенка выздоравливающимъ.

— Что́ я тебѣ говорилъ?—торжествующе сказалъ онъ Моретлѣ.—Вѣдь я же тебѣ говорилъ, что это вовсе не опасно...

IV.

Спустившись на самое дно пучины бѣдствій и скорбей, Эдоардо Фальконаро постепенно началъ выплывать на поверхность. Онъ думалъ о томъ, что чашки вѣсовъ, именуемыхъ жизнью, все время, чередуясь, то поднимаются, то опускаются, и, значитъ, надо только умѣть терпѣливо выждать, чтобы нижняя чашка постепенно поднялась, а верхняя постепенно опустилась; и нѣтъ скорби безпредѣльной, и нѣтъ радости, за которую не пришлось бы расплатиться скорбью.

Въ этой несложной философіи Эдоардо Фальконаро всегда черпалъ силы переносить невзгоды и упорную, непоколебимую вѣру въ конечную побѣду.

У него была поговорка, что всякимъ непріятностямъ онъ назначаетъ прійти завтра, а самъ, тѣмъ временемъ, набирается силы, чтобы побороть ихъ. И никакія невзгоды, никакія трудности не приводили его въ унынiе; наоборотъ, никогда его не видѣли такимъ бодрымъ и веселымъ, какъ въ тѣ минуты, когда требовалось напряженіе всей его энергіи; онъ словно тѣшился борьбой и увѣренностью, что нѣтъ равнаго ему противника, который рѣшился бы помѣряться съ нимъ силами и устоялъ бы противъ него.

Во всю свою жизнь онъ не зналъ, что́ такое безсонная ночь; даже самые трудные дни, даже когда онъ въ двадцать-четыре часа перешелъ отъ богатства почти къ нищетѣ,—Эдоардо спалъ отлично и просыпался на утро бодрымъ, съ полнымъ сознаніемъ того, что́ ему надлежитъ сегодня сдѣлать и сколько горькихъ пилюль проглотить.

Только болѣзнь Фарфуи, ужалившая его въ сердце, могла заставить его забыть о благоразумiи и не щадить силъ, которыя были ему такъ нужны для борьбы; но и на этотъ разъ онъ

остался побѣдителемъ и былъ вознагражденъ зрѣлищемъ первыхъ дней выздоровленія, во время отсутствія Лоренцо Моро.

Фарфуи привязался къ Эдоардо съ беззавѣтной нѣжностью и любовью, граничившими съ обожаніемъ, какъ это нерѣдко бываетъ у дѣтей. У своей кроватки за время болѣзни онъ видѣлъ только мать и Эдоардо и, повидимому, помнилъ это. Онъ ни на минуту не отпускалъ отъ себя Эдоардо; слушался его съ перваго слова, и лучшей наградой для него было, когда бонна приводила его въ гости къ его большому другу.

Суровый человѣкъ со лбомъ, прорѣзаннымъ глубокимъ шрамомъ, не считалъ ниже своего достоинства играть съ ребенкомъ на тигровой шкурѣ, разостланной на полу; и синьорина Клавдія Сакки, глядя, какъ они оба увлекались, разставляя солдатиковъ на полу, или же пуская игрушечный поѣздъ, только скандализованно качала головой и не могла рѣшить, кто изъ нихъ больше захваченъ игрой.

Къ этому времени Эдоардо уже успѣлъ значительно поправить свои финансы нѣсколькими смѣлыми спекуляціями, и домъ его постепенно снова пріобрѣталъ тотъ барскій видъ, который ему временно пришлось утратить; въ конюшнѣ снова появились лошади, въ сараѣ—экипажи, нижняя чашка вѣсовъ постепенно поднималась.

Для Эдоардо было огромнымъ удовольствіемъ катать въ своей коляскѣ Фарфуи. Синьорина держала его на колѣняхъ. Эдоардо правилъ, и ѣздили они всегда на бастіоны, гдѣ онъ пускалъ лошадей шагомъ и подолгу болталъ съ мальчикомъ, съ наслажденіемъ слушая его дѣтскій, еще невнятный лепетъ.

Иногда онъ бралъ съ собою кучера и тогда не бралъ бонны, и въ такихъ случаяхъ привозилъ домой ребенка только передъ самымъ обѣдомъ. Одинъ разъ, когда они ѣхали такимъ образомъ по корсо Венеціа, и Фарфуи, весь въ красномъ и въ большомъ красномъ беретѣ, сидѣлъ съ нимъ рядомъ, Эдоардо замѣтилъ человѣка, который кланялся ему и звалъ его по имени. Онъ велѣлъ кучеру остановиться и сталъ приглядываться.

Не сразу онъ узналъ того, кто подходилъ къ нему; потомъ, не столько по фигурѣ, сколько по медлительной, развинченной походкѣ, догадался, что это Маріано Фриджеріо. Ждать пришлось довольно долго, такъ какъ Маріано нѣсколько разъ останавливался, пропуская мимо себя господскіе экипажи, всѣ направлявшіеся въ бастіонамъ, и пыльные шоколаднаго цвѣта вагоны трама, идущаго въ Монцу.

Онъ былъ такой оборванный и отощавшій, что Эдоардо

невольно поморщился и отказался отъ мысли предложить ему сѣсть въ экипажъ.

А Маріано, остановившись, прежде всего изумленно спросилъ:

— Какъ?.. Ты женился?

— Кто? я? Нѣтъ,—отвѣтилъ Эдоардо, изумившись въ свой чередъ.

— Ну, ужъ я не знаю. Можетъ, ты и не женатъ; но это, несомнѣнно, твой ребенокъ... Понимаю, женатъ, но безъ жены. Такъ гораздо удобнѣе.

— Послушай, ты только за этимъ и остановилъ меня?

— Нѣтъ; я хотѣлъ сказать тебѣ другое... Но что́ за прелестный ребенокъ!.. Какъ тебя зовутъ?

Фарфуи, при видѣ блѣднаго, какъ полотно, и плохо одѣтаго человѣка, пригнувшагося къ самому его лицу, пугливо отодвинулся.

— Не пришелся по вкусу. Что подѣлаешь! Не нравлюсь я ребятамъ и собакамъ... По какъ онъ похожъ на тебя! Твои глаза, твой ротъ, твой цвѣтъ кожи... А волосы, какъ золото...

Маріано задумался, какъ бы припоминая что-то, но Фальконаро перебилъ его:

— Оставимъ шутки, Маріано. Тебѣ что́, собственно, нужно?

— Вотъ что́. Если не ошибаюсь, тесть Лоренцо Моро, т.-е. я хотѣлъ сказать: отецъ синьоры Мореллы Моро—антикварій?

— Кажется.

— Отлично; можешь ли ты дать мнѣ къ нему рекомендательную карточку, или же переговорить обо мнѣ съ синьорой?

— Могу,—то и другое—выбирай.

— У этой синьоры ты въ большомъ почетѣ, — взглядъ Маріано снова остановился на Фарфуи—и можешь оказать мнѣ услугу. У меня много разныхъ художественныхъ рѣдкостей для продажи, но мнѣ не хотѣлось бы попасть въ лапы къ жулику. Отецъ синьоры могъ бы дать настоящую цѣну... Какъ ты полагаешь?

Эдоардо снова смѣрилъ его съ ногъ до головы изумленнымъ взглядомъ, не ускользнувшимъ отъ вниманія Маріано.

— Ты думаешь, что и въ Парижѣ мнѣ не повезло?— Ошибся, другъ, я тамъ очень много заработалъ; но жизнь въ Парижѣ дорога: что́ заработалъ, то и прожилъ... Кстати, я забылъ поздравить тебя: когда я уѣзжалъ отсюда, ты ходилъ пѣшкомъ, а теперь ѣздишь въ колескѣ; насколько я могу судить,

твои дѣла поправились... Я очень радъ... А я, наоборотъ, запутался и не знаю, какъ выпутаться. Притомъ же, здѣсь, въ Миланѣ, у меня особаго рода осложненія, о которыхъ я тебѣ потомъ скажу... Меня столько разъ облапошивали... Я думаю, ты знаешь... Лоренцо далъ мнѣ за мой домъ на пятнадцать тысячъ лиръ меньше, чѣмъ онъ стоилъ; и при покупкѣ Бефа—ты знаешь Феба? чудеснѣйшая лошадь!—тоже прижалъ меня...

Эдоардо жестомъ остановилъ его:

— Любезный Маріано, я не могу позволить тебѣ въ моемъ присутствіи высказывать такія обвиненія противъ моего лучшаго друга, котораго я знаю за порядочнаго человѣка...

— Что онъ твой лучшій другъ—согласенъ; но насчетъ другого... Значитъ, ты согласенъ исполнить мою просьбу? Познакомить меня съ антикваріемъ?

— Конечно. Заходи ко мнѣ какъ-нибудь на-дняхъ.

— На этихъ дняхъ? Я думалъ, ты мнѣ сейчасъ это устроишь...

— Какъ: сейчасъ? на улицѣ, въ коляскѣ? Я же долженъ переговорить съ синьорой; мнѣ думается, лучше будетъ, если она сама поговоритъ съ отцомъ и порекомендуетъ тебя.

— Ты правъ,—согласился просвѣтлѣвшій Маріано.—Тогда, до послѣ-завтра... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Эдоардо, чей же это мальчикъ?.. Удивительно хорошенькій!.. Какъ его зовутъ?

— Аквилейо.

— И это правда, что онъ не сынъ твой?

— Да нѣтъ же! вѣдь я сказалъ тебѣ. Это ребенокъ Лоренцо.

— *Ахъ, такъ!*

Маріано такъ произнесъ это «Ахъ, такъ», чтобъ подъ нимъ ясно подразумѣвалось: «ну, тогда, конечно, это твой ребенокъ». Однако жъ, ничего больше не сказалъ и сдержалъ усмѣшку, просившуюся на уста, такъ какъ онъ въ данный моментъ нуждался въ Эдоардо и не хотѣлъ сердить его.

Эдоардо далъ знакъ кучеру ѣхать дальше, но, вмѣсто того, чтобы свернуть на бастіоны, велѣлъ ему ѣхать къ Лоренцо Моро.

— Уже вернулись?—удивилась Морелла, увидавъ Фурфуи, входившаго въ гостиную съ обычнымъ своимъ задумчивымъ, серьезнымъ видомъ, такимъ комическимъ въ ребенкѣ.

— Да; я встрѣтилъ Маріано.

Это было въ той самой залѣ, гдѣ три года тому назадъ они обѣдали однажды и за обѣдомъ Морелла упала въ обмо-

рокъ. Молодая женщина сидѣла въ креслѣ, повернувъ голову къ Эдоардо, который, стоя, разсказывалъ ей о встрѣчѣ и передавалъ содержаніе разговора съ Маріано.

— Не нравится мнѣ, что онъ опять вернулся сюда,— замѣтила Морелла. Я боюсь этого человѣка—и всегда боялась. Такое смѣшанное чувство... Страхъ—и жалость...

— Мнѣ тоже это не нравится, — сказалъ, усаживаясь, Эдоардо. — Онъ уже успѣлъ сказать мнѣ, что Фарфуи — сынъ мой, и что я у васъ «въ большомъ почетѣ».

— Наглецъ! — вспыхнула молодая женщина.

— Изрядный!—усмѣхнулся Эдоардо. — А въ заключеніе, придется купить у него эти его древности. Вашъ отецъ, разумѣется, не купитъ ихъ, ибо цѣнность ихъ весьма сомнительна, и, слѣдовательно, куплю ихъ я, но лучше, если Маріано будетъ думать, что онъ обязанъ всѣмъ вашей рекомендаціи: такимъ образомъ онъ будетъ чувствовать себя обязаннымъ вамъ. Значитъ, надо, чтобы вашъ отецъ помогъ вамъ и, если Маріано обратится къ нему лично, подтвердилъ ему, что онъ, дѣйствительно, самъ ихъ купилъ.

— Мой отецъ никогда не пойдетъ на такіе фокусы. Я его знаю.

— Попытайтесь, прошу васъ.

— И пытаться нечего; отецъ только удивился бы моей настойчивости.

— Это правда,—согласился Эдоардо.—Ну, что́ подѣлаешь! Тогда я пойду самъ къ Маріано и самъ куплю у него, что́ возможно, сказавъ ему, что мнѣ это нужно для подарка, что-ли—ну, тамъ ужъ что-нибудь придумаю.

Онъ хотѣлъ уже встать, но Морелла жестомъ удержала его. Между ними стоялъ Фарфуи, серьезно и сосредоточенно вглядываясь то въ лицо матери, то въ лицо Эдоардо, какъ бы сознавая всю важность этого разговора. Эдоардо нагнулся и поцѣловалъ его.

— Погодите минутку,—сказала Морелла.—Поразмыслимъ. Можетъ быть, и не надо покупать.

— Если я ему не помогу теперь, я создамъ себѣ врага; онъ и такъ не забылъ, что́ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я отказался помочь ему совѣтомъ въ биржевой игрѣ.

— Хотя бы и врага—что́ же онъ можетъ сдѣлать?

Эдоардо пожалъ плечами. — Почемъ я знаю? Достаточно, если онъ будетъ разсказывать направо и налѣво, что Аквилейо—*мой* сынъ.

— Ну, тогда иди!—заключила Морелла, неожиданно возвращаясь къ прежней фамильярности.

V.

Эдоардо Фальконаро никакъ не ожидалъ увидѣть зрѣлище, которое представилось его глазамъ въ двухъ комнаткахъ въ улицѣ Пассерелла, — послѣднемъ прибѣжищѣ расточителя Маріано.

Самъ онъ отсутствовалъ, и Эдоардо встрѣтила женщина, закутанная въ длинный плащъ изъ старинной парчи, надѣтый, повидимому, прямо на голое тѣло. Чистота линій и огонь во взорѣ говорили, что эта женщина была красива — можетъ быть, и сейчасъ красива, но кутежи и безсонныя ночи разрушили грацію тѣла и наложили на лицо маску тревоги и приниженности. Ярко-рыжіе волосы, ничѣмъ не сдерживаемые, каскадомъ разсыпались у нея по шеѣ и плечамъ до самыхъ бедеръ, словно выбухнувшее пламя.

— Извините, пожалуйста, — сказалъ Эдоардо, видя, что женщина, захваченная врасплохъ, испуганно запахиваетъ плащъ на груди.—Мнѣ надо видѣть Маріано Фриджеріо.

— Маріано живетъ здѣсь. Я сейчасъ схожу за нимъ—онъ, навѣрное, въ любимомъ своемъ кабачкѣ. Вы бы присѣли.

— Мнѣ непріятно, что я такъ ворвался къ вамъ безъ спросу,—но я думалъ, что мой пріятель живетъ одинъ...

Женщина засмѣялась и обожгла взглядомъ лицо синьора, въ которомъ сразу, по разнымъ мелкимъ деталямъ, тотчасъ подмѣченнымъ, чутьемъ признала богатаго.

— Не смущайтесь, — отвѣтила она: — Я еще не отстала отъ своихъ артистическихъ замашекъ и встаю страшно поздно...

Она снова засмѣялась, и этотъ смѣхъ, громкій, почти наглый, помимо всего прочаго, ясно говорилъ Эдоардо, что передъ нимъ одна изъ разновидностей женскаго типа, наиболѣе любезныхъ сердцу Маріано: — хористка, «кельнерша» или же кафе-шантанная пѣвичка.

Эдоардо опустился въ кресло, заскрипѣвшее подъ нимъ, но тотчасъ же замѣтилъ, что женщина, вмѣсто того, чтобы идти за Маріано, продолжала торчать передъ его глазами, а плащъ ея начинаетъ соскальзывать, открывая начало пышной груди, мраморно-бѣлой съ голубоватыми прожилками.

— Артистическія замашки, понимаете?—повторила женщина и снова засмѣялась, показавъ красивые зубы между алыхъ, чувственныхъ губъ. — Свобода, искренность, отсутствіе церемоній... Вѣроятно, и вамъ это знакомо, такъ какъ мужчины вашего сорта

не упускаютъ случая, а гдѣ же случаи легче подвертываются, какъ не съ артисктами: онѣ и доступнѣе, и—какъ бы это сказать—вкуснѣе...

Эдоардо невозмутимо слушалъ, предвидя, что еще немного — и ему придется разыграть роль Іосифа прекраснаго, чтобъ не обидѣть человѣка, которому онъ пришелъ помочь; внутренно же его потѣшало это приключеніе.

— Дорогая синьора...—началъ онъ.

— Синьорина,—нагло поправила женщина.

— Дорогая синьорина, мнѣ надо переговорить съ Маріано; если его нѣтъ, я лучше зайду въ другой разъ, такъ какъ ждать мнѣ некогда.

— Иду, иду! — прошипѣла женщина, бросивъ ему ядовитый взглядъ, и вышла.

Мгновеніе спустя до Эдоардо съ площадки лѣстницы донесся ея голосъ, громко звавшій:

— Катерина! Катерина! Катерина!

Эта женщина, очевидно, входила въ составъ «особыхъ осложненій», о которыхъ Маріано сообщилъ Эдоардо, и этотъ послѣдній, оставшись одинъ, сталъ приглядываться — что-бы тутъ стоило пріобрѣсти.

Онъ только-было сталъ присматриваться къ китайскимъ вазамъ, стоявшимъ на каминѣ, какъ вдругъ до слуха его донесся не то жалобный писк, не то мяуканье, постепенно становившееся все болѣе протяжнымъ и пронзительнымъ. Эдоардо, изумленный, обернулся—и не увидѣлъ ничего; обвелъ глазами полъ и потолокъ, выглянулъ даже въ окно и, наконецъ, замѣтилъ, что на широкой венеціанской кровати что-то шевелится подъ одѣяломъ, брошеннымъ поперекъ кровати.

Эдоардо подошелъ ближе и приподнялъ край одѣяла.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ громко.—Да у этой дѣвицы есть сынишка.

Но смѣхъ замеръ у него на губахъ при видѣ бѣднаго ребенка, совершенно голаго, хилаго, тщедушнаго, съ воспаленными глазками, блестѣвшими отъ лихорадки; головенка вся въ лишаяхъ, тѣльце желтое, словно вымазанное саломъ, или воскомъ. Отъ роду ему было всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Съ минуту Эдоардо и ребенокъ молча смотрѣли другъ на друга; затѣмъ, ребенокъ замяукалъ, и гость не рѣшился прикрыть его, опасаясь, какъ бы онъ не задохся.

Но въ эту минуту дверь отворилась—на порогѣ стояла та же женщина.

— Придется мнѣ самой итти за нимъ, Катерины нѣтъ; я хотѣла послать ее.

И перебила сама себя, замѣтивъ, что Эдоардо стоитъ возлѣ кровати.

— Ахъ, извините!.. онъ вамъ надоѣдаетъ?.. Пусть его оретъ... Такой несносный! только и умѣетъ, что орать.

И, повернувшись къ ребенку, словно онъ могъ понять ее, прибавила:—Очень тебѣ надо было подавать голосъ, дурень. Не могъ немного помолчать.

Затѣмъ, вдругъ, опустила руки, придерживавшія парчу—и мгновенно очутилась совсѣмъ нагая.

Эдоардо на своемъ вѣку зналъ многихъ женщинъ и не прочь былъ отъ легкихъ побѣдъ, но съ такой наглой и безстыдной ему еще не доводилось сталкиваться. Она преспокойно стояла передъ нимъ, совсѣмъ голая, какъ будто была въ комнатѣ одна, и его удивленіе, повидимому, только забавляло ее.

Женщина накинула на себя рубашку; потомъ, прямо на рубашку, темное платье и, не сказавъ ни слова—должно быть, оскорбившись тѣмъ, что и нагота ея не оказала на гостя никакого дѣйствія, снова вышла.

Эдоардо снова принялся за осмотръ вазъ, подъ аккомпаниментъ неумолкающаго крика ребенка, который сучилъ ножками, размахивалъ ручонками и, не умѣя еще управлять своими движеніями, поминутно тыкалъ себѣ стиснутыми кулачками то въ глазъ, то въ носъ.

Этотъ безпорядокъ, эта грязь и убожество жизни, такъ унизительно бившіе въ глаза, эта вонь и развратъ, казалось, просачивавшіеся сквозь самыя стѣны этой комнаты, и пробудили грусть и горечь въ сердцѣ Эдоардо. Онъ не понималъ, какъ можетъ человѣкъ до такой степени опуститься; и, жалѣя Маріано, въ то же время сердился на него.

— Морелла угадала,—думалъ онъ.—Такой человѣкъ способенъ на все.

Громкіе голоса на площадкѣ лѣстницы перервали нить его мыслей,—мгновеніе спустя дверь отворилась, и на порогѣ появился Маріано; позади него стояла женщина.

— О! какой пріятный сюрпризъ!—воскликнулъ Маріано.—Не ожидалъ, что ты удостоишь меня своимъ посѣщеніемъ... Досадно, что ты засталъ у насъ такой кавардакъ... Ливія встаетъ поздно и, вообще, лѣнтяйка... Ты ужъ познакомился и съ моимъ сыномъ?.. Онъ не такъ красивъ, какъ Аквилейо, но онъ еще совсѣмъ крошка, и можно надѣяться...

Онъ говорилъ сквозь зубы, силился шутить, но и въ голосѣ, и во всей его фигурѣ чувствовались страхъ и стыдъ, и Эдоардо былъ почти признателенъ ему за это, хоть его и оскорбило, что Маріано въ такое время и въ такомъ мѣстѣ осмѣлился назвать имя его сына.

— Слушай, Маріано,—началъ онъ...—Я думалъ...

Но тотъ не далъ ему докончить:

— Если тебѣ все равно, перейдемъ въ другую комнату. Здѣсь неудобно разговаривать, и Ливіи пора покормить Фаусто... Его зовутъ Фаусто... Тебѣ нравится это имя?..

Эдоардо сухо поклонился женщинѣ, горящіе глаза которой слѣдили за каждымъ жестомъ обоихъ мужчинъ, и, вслѣдъ за Маріано, прошелъ въ сосѣднюю комнату. Однако, сильно подозрѣвалъ, что женщина стоитъ за дверью и подслушиваетъ ихъ, и все время говорилъ вполголоса.

— Я подумалъ,—повторилъ онъ,—что не стоитъ обращаться къ Тито Барди съ предложеніемъ пріобрѣсти эти твои antiquités—вѣдь я и самъ могу купить ихъ. Какъ ты думаешь?

— Я думаю, что ты великій человѣкъ, прямо таки геній...—радостно воскликнулъ Маріано.—Теперь я увѣренъ, что меня не облапошатъ... Видишь ли—мнѣ нужны деньги... Я привелъ тебя сюда, потому что о нѣкоторыхъ вещахъ удобнѣй говорить наединѣ, особенно когда рѣчь идетъ о деньгахъ... Ты видѣлъ? Эту самую Ливію я бросилъ, уѣзжая въ Парижъ, а потомъ, вернувшись, снова взялъ ее—и вотъ—теперь папаша... Я всегда ненавидѣлъ плодовитыхъ женщинъ—и надо же мнѣ было наткнуться на такую, которая мнѣ преподнесла это чудовище! Хотѣлъ было сначала выгнать ихъ обоихъ... Но что подѣлаешь? Мы сантиментальны; насчетъ Ливіи-то мнѣ заботы мало; эта обойдется и безъ меня—красивая женщина—ты замѣтилъ, какіе волосы? А ребенка жалко.

Я тебѣ говорю: человѣкъ чувствительный; родился—такъ ужъ что подѣлаешь: приходится держать его у себя и кормить, воспитывать и обучать... Ну, и держу... и мать держу—ради молока... вѣдь я же не могу его кормить, у меня молока нѣту... И вотъ, какъ видишь, я—папаша, съ двумя ртами на рукахъ, даже съ тремя—вѣдь и меня надо считать... А дѣла не налаживаются, денегъ нѣтъ и взять ихъ неоткуда—какъ хочешь, такъ и живи... Вотъ, теперь хочу продать кой-какія вещицы... Ахъ, если бы Лоренцо Моро заплатилъ мнѣ тогда за домъ настоящую цѣну!.. Пятнадцать тысячъ лиръ!—цѣлое состояніе... Прости; я знаю, что ты не любишь, чтобъ при тебѣ говорили

дурно о Лоренцо; ты правъ—ты настоящій другъ... Какъ поживаетъ Аквилейо?.. Но, все-таки, повѣрь: Лоренцо околпачилъ меня... Прости... что́ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ... Можешь быть увѣренъ: урокъ пойдетъ мнѣ въ прокъ. Я бы хотѣлъ работать... Я готовъ работать... Не можешь ли ты посовѣтовать мнѣ, какую профессію избрать... Впрочемъ, объ этомъ послѣ... Какъ тебѣ кажется—можетъ мой Фаусто стать впослѣдствіи такимъ же красавчикомъ, какъ Аквилейо? Ахъ, этотъ Лоренцо! и везетъ же ему!.. Самъ какой корявый и вульгарный, а ребенокъ—прелесть—Амурчикъ... Я все время думаю о немъ... И одѣтъ какъ очаровательно!.. Если бъ я могъ одѣть такъ Фаусто... Правда, его мать не то, что синьора Моро... Ливія—животное: она и сама-то не умѣетъ одѣться; она больше привыкла раздѣваться... на подмосткахъ пріобрѣтаются извѣстныя привычки... Ну, вотъ, смотри... вотъ это я охотно продалъ бы...

Эдоардо великодушно выслушалъ эту путаную рѣчь, притворяясь, будто не понимаетъ намековъ Маріано и его оскорбительной, плохо скрытой иронiи...

Маріано былъ одѣтъ въ поношенный черный сюртукъ поверхъ мягкой ночной сорочки безъ воротничка; онъ былъ тощъ и блѣденъ, какъ мертвецъ; рѣдкіе желтоватые волосы прилипли у него ко лбу, какъ будто онъ только-что окунулся и вылѣзъ изъ воды; было ясно, что это—человѣкъ конченный, которому никогда ужъ не подняться; а желтоватая блѣдность лица и эти мокрые волосы придавали ему сходство съ утопленникомъ, выброшеннымъ на взморье вмѣстѣ съ водорослями.

И потому Эдоардо слушалъ терпѣливо и даже улыбался порою, изъ учтивости, думая, что не стоитъ придавать значенія намекамъ, которыми онъ пересыпалъ свою рѣчь.

Маріано одну, за другой, показывалъ гостю вещи, которыя ему хотѣлось бы продать: бокалы, канделябры, часы, фарфоровыя вазы, бронзовыя статуэтки; Эдоардо отставлялъ въ сторону то, что́ ему больше нравилось и казалось менѣе подозрительнымъ.

— Дорогой мой, твои бронзы очень красивы,—замѣтилъ онъ,—но всѣ до одной неприличны. Гдѣ ты хочешь, чтобы я держалъ ихъ?

— У себя дома, разумѣется—вѣдь ты человѣкъ холостой. Если у тебя и бываютъ дамы, то, вѣдь, не гимназистки же и не сестры милосердія. Понимаю: такія бабочки, какъ Ливія, Клодина, или какая-нибудь тамъ Фифи, не въ твоемъ вкусѣ, но

есть моменты, когда всѣ женщины одинаковы; а, вѣдь, твои пріятельницы идутъ къ тебѣ за тѣмъ же самымъ, за чѣмъ мои идутъ ко мнѣ.

Эдоардо не сталъ съ нимъ спорить и, отобравъ вещи, которыя ему больше нравились, освѣдомился о цѣнѣ;—и невольно вздрогнулъ, когда Маріано запросилъ за нихъ восемь тысячъ лиръ.

Выбросить такія шальныя деньги за окно онъ въ данный моментъ не могъ. Онъ еще не совсѣмъ оправился отъ послѣдствій урагана, унесшаго все его благосостояніе, и деньги доставались ему теперь съ большимъ трудомъ. Съ другой стороны, это было, несомнѣнно, вымогательство и поддаться сразу значило придать храбрости вымогателю и показать ему, что его боятся.

Онъ покачалъ головой и улыбнулся.

— Позволь, ты не хочешь, чтобы тебя облапошили, но зачѣмъ же ты хочешь облапошить меня?

— Что за вздоръ!—вскричалъ обиженный Маріано.—Я не прошу у тебя ни одного чентезимо больше, чѣмъ запросилъ бы съ антикварія.

— Да, но антикварій только усмѣхнулся бы въ отвѣтъ, и дѣлу конецъ... Впрочемъ, не стоитъ тратить словъ... У меня восьми тысячъ нѣтъ... Двѣ тысячи, такъ и быть, могу истратить... Отбери для меня на двѣ тысячи лиръ вещей, которыя ты по чести могъ бы отдать мнѣ за эту цѣну...

Маріано захохоталъ:

— У тебя нѣтъ восьми тысячъ лиръ? У тебя?—При томъ, что у тебя собственныя лошади и экипажи...

— Маріано!—загремѣлъ Эдоардо, шагнувъ впередъ. Глаза его сверкали.

Маріано понялъ...

— Прости меня,—пролепеталъ онъ, нагибаясь, чтобы поднять вещи, стоявшія на полу у его ногъ.—Несчастія озлобили меня, и я говорю и тогда, когда мнѣ слѣдовало бы молчать. Разъ ты такъ говоришь, я вѣрю... Ну, ладно—устроимъ комбинацію на двѣ тысячи лиръ... Мы такъ сдѣлаемъ: ты завтра пришли ко мнѣ слугу, и я дамъ ему вещи; а вечеромъ встрѣтимся гдѣнибудь—самъ назначь, гдѣ—и ты мнѣ отдашь деньги, а я тебѣ составлю расписку по всѣмъ правиламъ.

— Но, вѣдь, это все можно сдѣлать сразу. Мой человѣкъ завтра принесетъ тебѣ деньги, а ты ему отдашь вещи и расписку.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не здѣсь... Я, вообще, скажу ей, что мы сторговались за пять сотенъ лиръ... Есть вещи, которыя женщинамъ незачѣмъ знать...

Эдоардо понялъ: эта женщина имѣла привычку грабить своего любовника, а любовникъ хотѣлъ обмануть ее и утаить три четверти добытыхъ денегъ, чтобъ истратить ихъ на игру и другихъ женщинъ.

Онъ любилъ своего сына, но привычка къ бражничанью и распутству, къ дурному обществу и ночнымъ оргіямъ была сильнѣе этого, держала его въ тискахъ, словно капканъ, изъ котораго ему уже не освободиться.

Вернувшись въ сосѣднюю комнату, Эдоардо не сталъ перечить Маріано, когда тотъ сказалъ, что они сторговались на пяти сотняхъ лиръ.

И, поспѣшивъ проститься, вышелъ на улицу.

И только тутъ вздохнулъ свободнѣе. Узенькая, темная улочка Пассерелла и, еще больше, солнечное Корсо Витторіо Эммануэле показались ему дивно прекрасными послѣ этой берлоги. Онъ нарочно замѣшался въ толпу и не гнѣвался, когда его толкали; останавливался передъ витринами и подолгу разглядывалъ изящные предметы, выставленные въ нихъ, чтобъ изгладить изъ памяти картину этихъ двухъ комнатъ и этихъ жалкихъ, обездоленныхъ людей, метавшихся въ нихъ отъ нужды къ распутству и обратно.

За двѣ тысячи лиръ Эдоардо полу́чилъ нѣсколько чашъ, пару канделябръ и бронзовую статуэтку; все вмѣстѣ стоило едва ли четверть назначенной за нихъ цѣны.

Но объ этомъ онъ не обмолвился и словомъ никому, даже Морелле Моро, считая унизительнымъ для себя жаловаться на низость этого бывшаго человѣка, который послѣ на время исчезъ съ его горизонта.

VI.

Послѣ серьезной болѣзни, продержавшей его такъ долго въ постели, Фарфуи сразу расцвѣлъ, словно природа хотѣла вознаградить его за перенесенныя страданія. Это былъ кроткій, впечатлительный мальчикъ, очень чувствительный къ порицанію и похвалѣ, почти никогда не плакавшій. Въ три года онъ уже умѣлъ ясно выражать свои мысли и, если иной разъ говорилъ еще вмѣсто одного слова другое, то нимало не смущался смѣхомъ, которымъ взрослые принимали его ошибку.

Всѣ въ домѣ его любили, и утромъ, въ сопровожденіи бонны,

онъ всѣмъ наносилъ визиты—шелъ поздороваться сперва съ швейцаромъ Адельмо и его женой, Луиджіей, затѣмъ съ горничной Пьериной и кухаркою Маріей. Потомъ отправлялся въ конюшню, здороваться съ лошадьми, называя каждую по имени: Фебъ, Веспа, Воццоло и Вали. Сытыя, лоснящіяся животныя поднимали головы, настораживали уши и пристально смотрѣли на малютку влажными, тревожными глазами.

Въ сыроварнѣ онъ подолгу слѣдилъ за рабочими, сильными и рослыми, съ жилистыми руками и могучими спинами, наводившими лоскъ на готовые уже круги сыровъ, втирая въ нихъ красную окись желѣза ладонями, вымазанными въ бѣлой и розовой массѣ. Они проходили мимо него, обливаясь потомъ, съ тяжелыми сырами на плечахъ, и улыбались ребенку, и ласково подмигивали ему, а онъ смотрѣлъ на нихъ, такихъ огромныхъ, почтительно, снизу вверхъ, словно на горы.

Иные, посмѣлѣе, проходя, норовили потрепать его по плечу, или по бархатной щечкѣ. И синьора Клавдія всегда сердилась:—отъ такихъ ласкъ у Фарфуи оставался на щекѣ бѣлый или розовый слѣдъ, дѣлавшій его похожимъ на маленькаго цирковаго клоуна.

Въ отцовской конторѣ, среди служащихъ, у него былъ большой другъ, самый любимый—Паолино Торнаги. Уже пять лѣтъ женатый, не имѣя дѣтей, Паолино страстно ихъ любилъ и, завидѣвъ Фарфуи, моментально бросалъ счетныя книги и корреспонденцію, сажалъ мальчика къ себѣ на колѣни и разсказывалъ ему сказки. Сказки онъ зналъ удивительныя и каждый день придумывалъ новыя; Фарфуи, едва войдя въ контору, тотчасъ кидался къ Паолино и просилъ его:

— Паолино, разскажи мнѣ ту, про короля, который водилъ на водопой гусей... Или нѣтъ, лучше про волка, который бѣжалъ за поѣздомъ.

Торнаги немало доставалось отъ Лоренцо за эту его любовь къ сказкамъ; но, тѣмъ не менѣе, каждое утро повторялось то же и, несмотря на страхъ, внушаемый ему патрономъ, Паолино не могъ отказать своему маленькому другу и, усадивъ его къ себѣ на колѣни, начиналъ:

— Жилъ - былъ на свѣтѣ волкъ, огромный - преогромный...

И Фарфуи, замирая отъ восторга, слушалъ, пока хлопанье дверей и тяжелые шаги не возвѣщали о приближеніи Лоренцо. Тогда мальчикъ мгновенно соскакивалъ съ колѣнъ своего друга и кидался на полъ, дѣлая видъ, будто играетъ съ сорной корзиной,

полной всякихъ обрѣзковъ, или же съ козломъ, величественно шествовавшимъ изъ конторы въ магазинъ.

Приходу Фарфуи всѣ радовались и поджидали его, словно важную особу. А онъ, по возвращеніи домой изъ своего обхода, все разсказывалъ мамочкѣ, въ особенности же сказки Паолино Торнаги, подозрительно поглядывая на отца, такъ какъ насчетъ сказокъ они расходились въ мнѣніяхъ.

— Дѣтка мой, опять изъ-за тебя достанется отъ папы этому бѣдному Торнаги, — огорчалась Морелла. — Не ходи ты туда, не мѣшай ему работать!

— Нѣтъ, нѣтъ, мы хорошо дѣлаемъ,—возражалъ Фарфуи, встряхивая золотыми локонами, упавшими ему на лобъ.

На языкѣ Фарфуи «хорошо дѣлаемъ» обозначало, что они съ Паолино научились великолѣпнѣйшимъ образомъ надувать «папу».

Послѣ завтрака, когда Эдоардо не бралъ его съ собой кататься, Фарфуи шелъ гулять съ Мореллой, и обыкновенно они заходили къ тетѣ Изидорѣ, или къ бабушкѣ и дѣдушкѣ. Изидору мальчикъ тотчасъ же кидался цѣловать, душа ее въ своихъ объятіяхъ, ибо чувствовалъ въ этой простенькой женщинѣ столько искренности и доброты, что каждое слово ея, каждый взглядъ были для него лаской.

Зато бабка Джина совсѣмъ ему не нравилась. Съ удивительной чуткостью, присущей дѣтямъ, онъ сразу понялъ, что она глупа и апатична, что у нея нѣтъ ни своихъ словъ, ни своихъ чувствъ, и она только повторяетъ, что́ говорятъ другіе. Но дѣдушка любилъ его, такъ любилъ, что даже способенъ былъ дѣлать глупости ради него.

У старика была коллекція художественныхъ произведеній, которыя, сколько помнила себя Морелла, онъ никогда и никому не показывалъ; но, когда приходилъ Фарфуи, дѣдушка Тито забывалъ объ осторожности. Молодая женщина всякій разъ и дивилась, и умилялась, видя, что Тито позволяетъ мальчику играть съ его фигурками изъ слоновой кости, которыя онъ даже самъ заранѣе разставлялъ на отдѣльномъ столикѣ въ ожиданіи его прихода — цѣлый рядъ тончайшей работы шахматныхъ фигуръ рыцарей и дамъ, собачекъ, тигровъ и лошадокъ.

По одну сторону столика становился улыбающійся дѣдушка; по другую мальчикъ, всѣмъ фигуркамъ дававшій имена и комбинировавшій изъ нихъ страшныя драмы и великія сраженія; но, словно угадывая цѣнность этихъ хорошенькихъ игрушекъ и страстную любовь къ нимъ дѣда, Фарфуи обращался съ ними чрезвычайно осторожно, ни разу ни одной не бросилъ и не уронилъ.

И Тито былъ въ восторгѣ.

— Знатокъ! прирожденный знатокъ!—восклицалъ онъ, ибо для него, понимавшаго толкъ въ произведеніяхъ искусства, это слово было высшей похвалой геніальности.

И однажды, когда къ нимъ пришелъ знакомый, который сдѣлалъ видъ, будто не узналъ Фарфуи и спросилъ его, кто онъ такой, мальчикъ совершенно серьезно отвѣтилъ:

— Я—знатокъ.

На дачѣ у Фарфуи былъ еще одинъ закадычный другъ—маленькій Польдо, которому минуло теперь уже семь лѣтъ, и которому Морелла, прозвавшая его «откровеніемъ»—почему: это было вѣдомо только Эдоардо—рѣшила дать образованіе, вопреки желанію Лоренцо, утверждавшаго, будто ученый мужикъ—еще большій невѣжда, чѣмъ всѣ прочіе.

Польдо ученье давалось съ трудомъ, но учился онъ прилежно и съ той упорной настойчивостью, которую простолюдинъ вноситъ во все, что́ онъ дѣлаетъ, и именно потому, что пріобрѣсти какое-нибудь знаніе стоило ему бо́льшихъ усилій, чѣмъ его товарищамъ, разъ понятое и заученное навсегда уже оставалось въ его памяти. Получивъ отъ «барыни» разрѣшеніе играть съ Фарфуи, онъ сдѣлался его бдительнымъ и преданнѣйшимъ сторожемъ; у него до сихъ поръ сохранились лошадка, безъ колесъ, перепачканная, потемнѣвшая, и платочекъ, подаренный ему Эдоардо. Этотъ платочекъ онъ клалъ себѣ въ карманъ лишь въ праздничные дни, а затѣмъ снова заботливо складывалъ его и пряталъ.

Все шло отлично въ теченіе пяти дней въ недѣлю. Но на субботу и воскресенье Польдо пропадалъ безслѣдно. Какъ только на виллѣ Моро появлялся Лоренцо, мальчикъ исчезалъ и до его отъѣзда не показывалъ носа изъ дому: онъ не забылъ, какъ три года назадъ «баринъ» запустилъ въ него камнемъ и угодилъ ему въ затылокъ, и до смерти боялся его, и при одной вѣсти о его приближеніи навастривалъ лыжи...

Но, какъ только Лоренцо уѣзжалъ въ Миланъ, Польдо появлялся снова и возобновлялъ свои игры съ Фарфуи. Да и самому Фарфуи дышалось легче безъ отца; онъ чувствовалъ, что пріѣздъ этого человѣка нагоняетъ на всѣхъ холодъ и страхъ—лицо мамочки становится мрачнымъ и самая жизнь какой-то колючей. Лоренцо то и дѣло покрикивалъ то на одного, то на другого, дѣлалъ выговоры и жаловался на шумъ, къ которому прежде былъ совершенно равнодушенъ. Приходилось убирать въ шкафъ всѣ трубы, барабаны и свистульки. Зато понедѣльники

были чудесные дни. Польдо и Фарфуи играли во всѣ свои любимыя игры и кричали, сколько душѣ было угодно, разъѣзжая верхомъ на большой бѣлой лошади-качалкѣ.

Фарфуи нахлобучивалъ на голову бумажную шапку собственноручнаго издѣлія Польдо, который былъ мастеръ изготовлять изъ газетной бумаги всякаго рода воинскіе уборы, а Польдо щеголялъ въ красивомъ никеллированномъ шлемѣ Фарфуи, предпочитавшаго болѣе легкія, бумажныя, работы друга.

Но шлемъ Фарфуи былъ крохотный и только чудомъ держался на головѣ Польдо, раскачивался при каждомъ его движеніи. Фарфуи горделиво гарцовалъ на своемъ бѣломъ конѣ, отдавая самые причудливые приказы невидимой арміи и встряхивая головой, такъ что по воздуху развѣвались бумажныя ленты, прикрѣпленныя къ его головному убору.

Оба мальчика до самозабвенія увлекались игрой. Однажды Фарфуи въ пылу битвы такъ перегнулся на бокъ, что свалился съ лошади; въ другой разъ, во время атаки, Польдо съ разбѣгу угодилъ въ колючіе кусты, упалъ, исцарапалъ себѣ лицо и помялъ шлемъ; падать нерѣдко случалось обоимъ, но оба мальчика переносили боль молча и не жаловались, чтобъ не получить выговора отъ Мореллы.

Такимъ образомъ, и въ Миланѣ, и на дачѣ, и въ домѣ у Тичинскихъ Воротъ, и на виллѣ Мора, у дѣдушки съ бабушкой и у тетки съ дядей — всюду у Фарфуи были только друзья.

И мало-по-малу у него складывался характеръ горделивый, холодно-отважный, мужественно переносившій боль, презирая жалобы, ласковый, но упрямый—характеръ, явно для матери носившій на себѣ четкій и неизгладимый отпечатокъ личности Эдоардо Фальконаро.

Этотъ хрупкій ребенокъ, съ золотыми локонами и сѣрыми глазами, былъ преисполненъ гордыни. Теперь онъ уже никогда не плакалъ, никогда не позволялъ себѣ жестомъ выразить свой гнѣвъ или презрѣніе—когда что-нибудь было ему непріятно, онъ замыкался въ себѣ и ничѣмъ не выдавалъ своего огорченія, страдая молча.

Мореллу это прямо-таки пугало: она со страхомъ думала о томъ, что сходство между отцомъ и сыномъ бьетъ въ глаза и, когда мальчикъ достигнетъ полнаго физическаго развитія и научится полнѣе проявлять свою натуру, это сходство, уже подмѣченное зоркимъ глазомъ Маріано Фриджеріо, станетъ явнымъ и для разсѣянныхъ, не зоркихъ глазъ Лоренцо.

Молодую женщину такъ это тревожило, что она рѣшила провѣрить себя.

И начала испытывать Фарфуи. Подстрекала его и наталкивала на опасности, исподтишка слѣдя за нимъ, но дѣлая видъ, будто оставляетъ его одного. Онъ, напримѣръ, боялся Фокса, меделянскаго пса, приземистаго и квадратнаго, сердито скалившаго свои торчавшіе впередъ острые клыки—вѣрнаго стража сыроварни. Эта большая, сердитая собака наводила ужасъ на мальчика; но, послѣ того, какъ мать одинъ разъ пошутила надъ нимъ по этому поводу, онъ заставилъ себя подойти къ Фоксу и приласкать его —и очень скоро собака стала его другомъ.

Фарфуи боялся также темноты; въ темнотѣ ему всегда мерещились какія-то движущіяся фигуры—и, однако же, однажды вечеромъ онъ заставилъ себя пойти въ большую залу и нѣкоторое время оставался тамъ, чтобъ убѣдить Мореллу, которая подсмѣивалась надъ трусишками, что онъ-то ужъ, во всякомъ случаѣ, не трусъ.

Каждый разъ, подталкивая его на какую-нибудь рискованную затѣю, мать терпѣливо выясняла ему, въ понятныхъ для него словахъ, всѣ предстоящія ему опасности и рискъ. Фарфуи слушалъ, волнуясь и трепеща внутренно—и только укрѣплялся въ своемъ намѣреніи. Только легкая дрожь въ губахъ, потемнѣвшіе глазки и недвижность позы выдавали его волненіе, внутреннюю работу надъ собой, которую онъ вынужденъ былъ продѣлать, чтобы сперва побѣдить собственную робость, а затѣмъ уже опасности, раздутыя его фантазіей и умышленно преувеличиваемыя его матерью.

Въ ребенкѣ говорилъ тотъ же инстинктъ, что въ Эдоардо—инстинктъ борьбы, войны, радостная готовность къ риску—все, что въ жизни много разъ выручало Эдоардо и бодрило его во время тяжкихъ усилій,—передъ которыми отступили бы другіе. Это была гордость, готовая предпочесть смерть униженію. Какъ же можно было надѣяться вытравить изъ него эту моральную печать наслѣдства, которая, какъ и физическое сходство, становилась, что день, то замѣтнѣе?

Изъ-за яблока, плода, котораго онъ не любилъ, Фарфуи однажды рискнулъ—или, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ былъ, что рисковалъ жизнью.

Морелла положила яблоко на шкафъ и сказала мальчику, что, если онъ достанетъ его, яблоко будетъ принадлежать ему. Затѣмъ, намекнула, что лѣзть на шкафъ опасно, что Фарфуи можетъ упасть и ушибиться до крови.

Надо замѣтить, что мальчикъ не могъ видѣть крови. Ничего онъ такъ не боялся, какъ вида крови. Услыхавъ это, онъ невольно поморщился, но тотчасъ же сдержалъ себя. Морелла зорко вглядывалась въ розовое личико сына, стоявшаго передъ ней, разставивъ ножки, задумчиваго, озабоченнаго,—и надѣялась, и вмѣстѣ съ тѣмъ боялась, что у него не хватитъ духу пойти на такую опасность изъ-за награды, съ которой онъ не будетъ знать, что дѣлать.

Но мигъ—и Фарфуи рѣшился послѣ краткой, но тяжкой внутренней борьбы.

Не будучи въ состояніи самъ передвинуть столъ, онъ попросилъ мать перенести его поближе къ шкафу: на столъ велѣлъ ей поставить широкій стулъ, на этотъ стулъ другой, поменьше, и сверху еще свою любимую скамеечку, зеленую съ красными цвѣтами, къ которой онъ привязался, какъ къ живому существу.

— Смотри, я не буду держать тебя,—предостерегала его мать.

— Да,—отвѣтилъ онъ и полѣзъ на столъ.

Стулья закачались. Молодая женщина стояла возлѣ, готовая поддержать ребенка, но дѣлая видъ, будто смотритъ въ другую сторону.

— Смотри, не упади!—еще разъ предостерегла она.

— Да,—повторилъ онъ съ легкой дрожью въ голосѣ, карабкаясь на пирамиду стульевъ.

— Смотри: упадешь,—ушибешься до крови.

Онъ не отвѣтилъ; только остановился на минутку и, снова уцѣпившись ручонками за верхній стулъ, рѣшительно полѣзъ дальше.

Морелла не въ силахъ была вынести этого зрѣлища. Она схватила Фарфуи на руки и сняла его со стола, прижимая къ груди и осыпая поцѣлуями.

— Что дѣлать,—думала она,—когда онъ *его, его, его!*..

Фарфуи никакъ не могъ понять, почему мама его судорожно рыдаетъ и обливаетъ ему лицо горячими слезами. Изъза яблока, по его мнѣнію, не стоило такъ волноваться.

VII.

Драма разыгралась внезапно, когда ужъ никто больше не ждалъ ея, съ ужасающей яростью.

Миланъ въ этомъ году былъ болѣе обыкновеннаго полонъ

шумной жизнерадостности, которую вливала въ него его кипучая, колоссально разросшаяся дѣятельность.

Ярко освѣщенные театры, кафэ, рестораны—все было переполнено. Буржуазія, послѣ національной выставки 1881 года впервые осознавшая свою силу, съ страстнымъ увлеченіемъ предалась промышленности и торговлѣ, въ двадцать лѣтъ измѣнивъ физіономію города и во сто разъ увеличивъ его благосостояніе. На улицахъ стоялъ немолчный шумъ, едва покрываемый непрерывнымъ звономъ и грохотомъ трамваевъ. Днемъ всѣ улицы кишѣли толпой, жадно домогавшейся работы и заработка; вечеромъ, когда зажигались огни, ихъ наводняла другая толпа, искавшая развлеченій и готовая сорить деньгами; но и днемъ, и ночью суета и бѣготня не прекращались. Тихо ходить миланцы не умѣютъ.

Постепенно Миланъ становился безпощаднымъ городомъ, гдѣ нѣтъ мѣста трусамъ и малодушнымъ, гдѣ гибнутъ слабые, но ликуютъ и расправляютъ крылья сильные.

Эдоардо Фальконаро, Морелла, Лоренцо, всѣ трое прирожденные миланцы, охотно дѣлили яркую и веселую жизнь своего родного города.

Столица Ломбардіи все задорнѣе и выше поднимала свою торжествующую голову и раздвигала рамки своей жизни, какъ рѣка, широко разливавшая свои воды, вначалѣ мутныя и бурныя, стиснутыя въ ущельѣ.

Маленькому Фарфуи исполнилось уже четыре года, и онъ также принималъ нѣкоторое участіе въ миланской жизни.

Катался по Корсо въ коляскѣ со своею мамой и радостно смѣялся, когда впереди образовывался заторъ изъ экипажей, трамовъ и автомобилей и приходилось останавливать лошадей—смѣялся, зная, что толстый кучеръ Баттиста кусаетъ себѣ губы съ досады, что приходится все время сдерживать рысаковъ: Боццоло и Вали, и они не въ состояніи показать всѣмъ, какъ шикарно они умѣютъ бѣгать.

Мальчику нравилось, что на улицѣ такъ шумно и приходится, обращаясь къ кому-нибудь, возвышать голосъ. Мать и бонна все время твердили, что дома кричать нельзя и, вообще, не слѣдуетъ возвышать голосъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это необходимо. И, когда это оказалось нужнымъ для того, чтобы покрыть уличный шумъ, Фарфуи вознаграждалъ себя за то, что дома ему все время приходилось говорить вполголоса, и кричалъ во все горло, не мало потѣшаясь при видѣ изумленныхъ лицъ матери и бонны.

Бывалъ онъ и въ театрѣ съ Мореллой и Лоренцо, куда его водили «смотрѣть маски». Для него всѣ актеры, драматическіе и лирическіе, были «масками», потому что были одѣты въ костюмы и выступали на подмосткахъ; но эти маски, какъ и другія, которыхъ онъ видѣлъ на эстрадѣ во время карнавала, внушали ему почтеніе, не чуждое зависти, и какой-то благоговѣйный страхъ—онъ ждалъ отъ нихъ чудеснаго, необычайнаго...

Фарфуи принималъ участіе въ миланской жизни; лучшіе магазины въ городѣ были ему знакомы, и онъ отлично умѣлъ указать боннѣ, гдѣ продаются самые вкусные «marrons glacés» и самые прочные солдатики. У него были даже свои излюбленные поставщики, и, когда на домъ приносили какой-нибудь пакетъ, мальчикъ внимательно осматривалъ его, чтобъ убѣдиться, что онъ, дѣйствительно, изъ того магазина, который нравился Фарфуи. Читать онъ еще не умѣлъ, но прекрасно помнилъ, что у одного на коробкахъ буквы красныя, у другого пакеты перевязаны зеленой лентой, а третій даетъ въ видѣ преміи къ покупкѣ хорошенькую книжечку съ картинками. И этимъ неопровержимымъ признакамъ придавалъ огромное значеніе.

Въ угоду ему, однажды Морелла повела своего мальчика въ кондитерскую, которая особенно нравилась Фарфуи, и позволила ему выбрать пирожныя по своему вкусу.

Когда они выходили изъ кондитерской, человѣкъ, который еще дотого топтался у порога, посторонился, чтобы пропустить ихъ и при этомъ низко поклонился. Морелла отвѣтила поклономъ и слегка замедлила шаги.

— Мамочка, кто этотъ синьоръ?—спросилъ Фарфуи.

Морелла не отвѣтила, и мальчикъ, обернувшись, увидѣлъ, что незнакомый человѣкъ кланяется и ему.

— Мамочка, онъ и мнѣ поклонился, этотъ синьоръ,—съ важностью заявилъ ребенокъ.

— А ты что сдѣлалъ?—спросила Морелла, идя дальше.

— Я тоже поклонился ему. Мамочка, хорошо я сдѣлалъ, что тоже поклонился ему?

— Хорошо.

Синьоръ, который кланялся имъ, былъ Маріано Фриджеріо. Поклонившись, онъ отступилъ въ сторону, не рѣшаясь остановить Мореллу Моро—на немъ была грязная сорочка безъ крахмальнаго воротничка, обтрепанная накидка и грязные, разваливающіеся сапоги; и то ужъ показалось ему слишкомъ большою честью, что синьора, въ отвѣтъ на его поклонъ, граціозно наклонила голову.

Маріано Фриджеріо чувствовалъ, что онъ—человѣкъ конченный, что ему суждено исчезнуть въ бѣшеномъ потокѣ жизни и богатствъ, катившемся по городу, увлекая съ собою лишнихъ, ненужныхъ людей. Онъ такъ и не нашелъ себѣ пристанища: бывшіе его товарищи и конкурренты такъ опередили его, что, если бъ даже ему и не удалось устроиться какъ-нибудь, нечего было надѣяться на то, чтобы нагнать ихъ.

При томъ же, привычка къ праздности и ничего недѣланью говорила въ немъ громче всякихъ доводовъ разсудка. Дома была все та же Ливія, напивавшаяся до безчувствія, какъ только было чѣмъ напиться, и малютка Фаусто, которому пошелъ теперь ужъ второй годъ; но больше ничего не было.

Въ одной изъ комнатъ, занимаемыхъ имъ, теперь только и было мебели, что некрашенный деревянный столъ, на которомъ лежалъ револьверъ, пріобрѣтенный, когда Маріано еще было что оберегать отъ воровъ. «Произведенія искусства» и «древности» были распроданы одна за другой и ужъ не по «сходной цѣнѣ», какъ Маріано характеризовалъ свою сдѣлку съ Эдоардо, но по «рекламамъ», перекупщикамъ и старьевщикамъ, торгующимъ всякимъ хламомъ.

Въ другой комнатѣ оставалась венеціанская кровать, на которой теперь спала Ливія съ Фаусто, и кожаный диванъ, нѣкогда спеціально поставленный «для толстяковъ», а теперь служившій пристанищемъ обнищавшему хозяину, укрывавшемуся, вмѣсто одѣяла, старыми портьерами. Тамъ и сямъ были разбросаны грязныя чашки и тарелки, вилки съ засохшими на нихъ кусочками мыла и—баночки съ помадой и косметиками, ибо въ своемъ головокружительномъ паденіи Ливія сохраняла одно только—привычку прихорашиваться и «дѣлать себѣ лицо», какъ говорятъ актрисы.

Маріано дошелъ до послѣдней крайности и, какъ нѣкоторыя животныя, которыя, будучи затравлены, вдругъ свирѣпѣютъ и, прижавшись къ стволу дерева, сами наносятъ противнику жестокіе, хоть и послѣдніе удары, Маріано становился опасенъ. Его моральная агонія могла быть страшной для окружающихъ.

О Ливіи ему было мало заботы: ее онъ угощалъ пинками и толчками. Но ребенка ему было жалко: отнятый отъ груди, мальчикъ голодалъ, а ѣсть было нечего всѣмъ троимъ; онъ цѣлыми днями кричалъ, не умолкая, и сосѣди уже начинали жаловаться и ворчать: если бъ это дошло до домовладѣльца, они рисковали очутиться на улицѣ, такъ какъ Маріано уже за нѣсколько мѣсяцевъ не платилъ за квартиру.

Онъ отправился разыскивать Скопу, торговца сыромъ, драчуна и забіяку, котораго Маріано, бывало, всегда вышучивалъ. Скопа былъ богатъ и, подъ грубой внѣшностью, сердце у него было не злое. Маріано полагалъ, что Скопа питаетъ къ нему нѣкоторую симпатію за то, что никогда не отвѣдывалъ его кулаковъ, и, навѣрное, не откажется помочь ему, увидавъ его, послѣ долгой разлуки, такимъ оборваннымъ и даже не въ лакированныхъ ботинкахъ.

Разыскивая его, Маріано пѣшкомъ дошелъ до Корсико. День былъ холодный и туманный. Надъ городомъ висѣла тяжелая завѣса водянистаго пара, такого густого, что на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ уже трудно было различать предметы; съ утра безъ перерыва сѣялъ мелкій дождикъ, превратившій улицу въ грязное, скользкое болото.

Скопы нигдѣ не оказывалось.

Маріано разспрашивалъ сосѣдей и не могъ добиться толку. Но одинъ колбасникъ, широкоплечій и широкопузый, стоявшій на порогѣ своей лавки, услыхавъ эту фамилію, хихикнулъ и сказалъ:

— Ахъ, вы разыскиваете Скопу?.. Скопа на каторгѣ.

— Вотъ такъ исторія! — вздрогнувъ, воскликнулъ Маріано.—А, вѣдь, я ему предсказывалъ.

— Да; десять лѣтъ каторги,—продолжалъ словоохотливый колбасникъ, очень довольный впечатлѣніемъ, которое произвели его слова.—И еще пусть спасибо скажетъ, что десять, а не тридцать. Въ своемъ родѣ ему повезло... Глядите: вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы сейчасъ стоите, Скопа ножемъ распоролъ брюхо Пиноттo; тотъ такъ и повалился замертво... Вы знали Пиноттo... Ладно... Скопа, вѣдь, всегда носилъ въ карманѣ ножъ, шириною въ три пальца, которымъ онъ подчищалъ сырныя корки... Ну вотъ. Этимъ ножемъ онъ и «ликвидировалъ» Пиноттo... Десять лѣтъ каторги только потому, что адвокаты... Имъ только бы денежки платили—адвокаты-то... они и будутъ врать, что и Христа не распинали... Такъ и тутъ: адвокаты выдумали, будто бѣдняга Пиноттo самъ первый началъ драку, самъ далъ пощечину Скопѣ. Но я, вѣдь, своими глазами видѣлъ—я, какъ теперь, стоялъ на порогѣ...

Маріано не хотѣлось больше слушать. Это какое-то проклятіе: друзья его гибнутъ одинъ за другимъ; вокругъ его пустота... Онъ понурилъ голову, глядя на грязь подъ ногами, липкую, скользкую—поистинѣ, почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ...

И ему вспоминалось жестокое пророчество, которое онъ

однажды, подъ веселую руку, когда у него еще лежало въ портфелѣ двадцать пять тысячъ лиръ, бросилъ прямо въ лицо Скопѣ: «Ты умрешь на тюремной койкѣ, въ одиночной камерѣ въ Палланцѣ»... Теперь ему было совѣстно и страшно вспоминать это... Скопа тогда отвѣтилъ другимъ пророчествомъ...

Два дня онъ сидѣлъ безвыходно дома, питаясь обрѣзками изъ колбасной, которые миланскіе рабочіе зовутъ «республикой»; потомъ вышелъ—и натолкнулся на Мореллу Моро, которая вела за руку Аквилейо.

Ее ждалъ экипажъ—красивая, закрытая карета, темно-зеленая, съ красными прожилками, запряженная Фебомъ, который съ годами сталъ смирнымъ и послушнымъ.

Словно лучъ свѣта озарилъ его мрачную душу: Надо поговорить съ Лоренцо Моро, попросить у него взаймы, попытаться растрогать его.

И онъ направился къ Лоренцо.

VIII.

Лоренцо Моро отчитывалъ одного изъ своихъ рабочихъ, съ нѣкотораго времени пристрастившагося къ вину.

Маріано Фриджеріо вошелъ и сразу бухнулъ:

— Энцо, мнѣ надо переговорить съ тобой.

Лоренцо уже нѣсколько лѣтъ не видалъ Маріано и теперь съ любопытствомъ оглядѣлъ его. На Маріано была выцвѣтшая накидка, очевидно, надѣтая, чтобы прикрыть старый пиджакъ и панталоны, во многихъ мѣстахъ заплатанныя. Сапоги его были бѣлы отъ засохшей грязи; сѣрая шляпа тоже вся забрызгана желтой грязью.

Лоренцо понялъ. Уже одно то, что Маріано, обыкновенно горделивый и надменный, стоитъ передъ нимъ съ обнаженной головой и держитъ шляпу въ рукѣ, ясно показывало, что онъ пришелъ просить денегъ.

— Ладно,—сказалъ Лоренцо.—Говори. Я слушаю.

Маріано подозрительно покосился въ сторону рабочихъ.

— Тебѣ надо переговорить со мной наединѣ? Имѣй въ виду, что мнѣ очень некогда.—Эй вы, подите-ка въ ту кладовую, гдѣ сложены сыры изъ Фрейбурга, и отберите десятка два круговъ; я самъ потомъ васъ позову.

Рабочіе молча послушно вышли.

Лоренцо сидѣлъ на площадкѣ вѣсовъ, на которыхъ взвѣшивали сыры. На немъ былъ костюмъ изъ толстой мохнатой матеріи, отъ которой еще шире казались его плечи и еще короче шея, и весь онъ въ этомъ костюмѣ походилъ на медвѣдя. На головѣ у него была мѣховая шапка, такъ какъ корридоръ, въ которомъ шла работа, не отапливался, чтобы сыры не таяли.

Врожденная насмѣшливость Маріано на мигъ взяла свое, и онъ, иронически взглянувъ на Лоренцо Моро, подумалъ:—А хорошо сдѣлала его супруга, что наставила ему рога.

— Ну-съ—итакъ?—вопросительно сказалъ Лоренцо, вынимая изъ кармана трубку.

— Ты, вѣроятно, догадываешься, за какимъ дѣломъ я потревожилъ тебя,—пробормоталъ Маріано.

— Нѣтъ, не догадываюсь,—былъ короткій и сухой отвѣтъ.

— Мнѣ нужно, чтобы ты мнѣ помогъ... хоть немного... деньгами...

Не давъ ему договорить, Лоренцо поднялся на ноги и пошелъ по корридору, со словами:

— Если ты пришелъ за этимъ—ты напрасно потратилъ время, и это мнѣ непріятно. Денегъ у меня нѣтъ и помочь тебѣ я не могу.

Потускнѣвшіе глаза Маріано вдругъ вспыхнули зловѣщимъ блескомъ. Онъ кинулся вслѣдъ за Лоренцо Моро и удержалъ его:

— Выслушай меня!—взмолился онъ взволнованной скороговоркой.—У меня ребенокъ... сынъ. Я прошу у тебя помощи ради своего сына, малютки, ни въ чемъ неповиннаго. У тебя тоже есть сынъ, и ты долженъ понять меня. Мой ребенокъ голодаетъ...

— Дай мнѣ пройти,—сказалъ Лоренцо.—У тебя есть сынъ?—отлично! что же сдѣлалъ для него? Я для своего сына работаю, не покладая рукъ. Ты же, съ того дня, какъ бросилъ торговлю, отсталъ отъ общества порядочныхъ людей и началъ шататься по трактирамъ, по кабакамъ, съ разными потаскушками... Въ жизни за все, любезный мой, приходится расплачиваться. Теперь, ты говоришь, сынъ твой голодаетъ... Такъ я-то чѣмъ же виноватъ? Пеняй на себя... Мнѣ обидно за мальчика, но я ничѣмъ не могу помочь ему...

Лоренцо Моро всегда питалъ отвращеніе къ людямъ слабымъ и безпутнымъ, и теперь оно прорвалось наружу. Ему ни чуточки не жаль было Маріано; и ничего не шевельнулось въ душѣ его, кромѣ гнѣва и презрѣнія, при видѣ этой развалины

человѣка, который могъ бы быть честнымъ купцомъ, сытымъ и богатымъ обывателемъ—и превратился въ нищаго...

И, такъ какъ Маріано молчалъ, Лоренцо повернулся, думая, что разговоръ оконченъ; но, не успѣлъ онъ сдѣлать шага, какъ Маріано снова схватилъ его за руку.

— Берегись! Думай о томъ, что ты говоришь!—пробормотилъ онъ.—Думай о томъ, что́ ты говоришь, Лоренцо.

Тотъ изумленно воззрился на него.

— Какъ? Ты угрожаешь мнѣ? Я долженъ думать о томъ, что́ я говорю?—Я говорю тебѣ святую истину. Ты жилъ распутно—и вотъ, теперь голодаешь. Это законъ—законъ жизни... Онъ еще угрожаетъ мнѣ! Да я вотъ сейчасъ кликну рабочихъ и велю вышвырнуть тебя на улицу.

Тогда Маріано Фриджеріо повелъ себя, какъ затравленный звѣрь, который повертывается и кидается на охотника и, прежде чѣмъ самому умереть, убиваетъ его: глаза его сверкали яростью, губы дрожали; онъ съ трудомъ удерживался, чтобъ не послѣдовать примѣру своего друга Скопа и не вонзить ножъ въ сытое брюхо Лоренцо Моро; но во-время вспомнилъ, что въ его рукахъ болѣе вѣрное и болѣе острое оружіе.

— Ты хвастаешь побѣдой, которую одержалъ не ты,—со злостью прошипѣлъ онъ.—И ты былъ бы такимъ же нищимъ-бѣднякомъ, какъ я, если бъ твой ангелъ-хранитель не выручилъ тебя, протянувъ тебѣ руки помощи... Этотъ ангелъ-хранитель звался Эдоардо Фальконаро... Ты помнишь?.. Вѣдь это Эдоардо Фальконаро помогъ тебѣ выбраться изъ капкана, который тебѣ разставили твои враги и гдѣ ты уже погибалъ... Ты самъ разбогатѣлъ на чужія деньги, а теперь попрекаешь меня тѣмъ, что я прошу помощи...

Лицо Лоренцо Моро, вначалѣ побагровѣвшее отъ обиды, внезапно стало блѣднымъ: напоминаніе о благодѣяніи, оказанномъ ему Фальконаро, сразу успокоило его.

— Это правда,—подтвердилъ онъ.—Но я, по крайней мѣрѣ, сумѣлъ сдѣлать хорошее употребленіе изъ этихъ дерегъ... А ты—почему же *ты* не обратился за помощью къ Эдоардо Фальконаро?

— Будь спокоенъ—обращался и къ нему. И онъ купилъ у меня вещи, которыя не были ему нужны, и заплатилъ за нихъ, сколько я спросилъ. А онъ не покупалъ у меня дома, на которомъ бы онъ заработалъ пятнадцать тысячъ лиръ, и лошади не покупалъ за полторы тысячи цешевле ея стоимости...

Маріано хихикалъ, говоря это—хихикалъ и дрожалъ, пугливо взглядывая на Лоренцо, который, держа въ правой рукѣ

трубку, а лѣвую засунувъ въ карманъ штановъ, съ изумленіемъ глядѣлъ на него, спрашивая себя—ужъ не спятилъ ли этотъ его бывшій конкуррентъ...

— Нѣтъ, погоди!—злобно шипѣлъ Маріано.—А! Ты отказываешь въ кускѣ хлѣба моему Фаусто, который ничего не знаетъ и неповиненъ въ моихъ грѣхахъ? А! ты хочешь вышвырнуть меня на улицу? Хорошо. Я уйду. Но раньше, чѣмъ уйти отсюда, я убью тебя.

— О! О!—захохоталъ Лоренцо.—Будетъ вздоръ болтать. Хвастаешь, братъ. Да я двумя пальцами сверну тебѣ шею, милый мой Маріано. Ты знаешь, я никогда не былъ трусомъ...

Маріано въ свою очередь захохоталъ, шагнувъ впередъ.

— Что такое? Ты думаешь, я взаправду хочу убить тебя, какъ убиваютъ медвѣдя на охотѣ?—Нѣтъ, дорогой мой—я не такъ простъ. Я могу вонзить тебѣ ножъ въ сердце, не тронувшись съ мѣста, не шевельнувъ пальцемъ... Ну, слушай... Такъ ты отказываешь въ кускѣ хлѣба моему сыну?..—Но вѣдь тебѣ же помогали,—ты самъ призналъ это—и не одинъ, не два, а десять разъ, и ты разбогатѣлъ... Ты былъ наканунѣ банкротства—а вышло такъ, что изъ-за тебя обанкротились другіе... Я разъ обратился за помощью къ Эдоардо Фальконаро—второй разъ итти къ нему не хватитъ совѣсти... Да онъ и не дастъ. А знаешь, почему? Или не знаешь? Какъ ты полагаешь, почему онъ *тебѣ* помогалъ, а мнѣ помогать больше не станетъ?

У Лоренцо Моро вдругъ пропало желаніе уйти и выгнать этого нахала; онъ слушалъ, захваченный любопытствомъ, не чуждымъ подозрительности, прислонившись спиною къ этажеркѣ, заложивъ руки въ карманы пиджака, а трубку въ лѣвый уголъ рта. Отъ Маріано его отдѣляло лишь пространство, занимаемое вѣсами.

— Ты мнѣ скажешь,—продолжалъ Маріано,—разница въ томъ, что ты порядочный человѣкъ, труженикъ, а я лѣнтяй, распутникъ и безчестный... Но прежде, ты мнѣ скажи—въ послѣдній разъ спрашиваю тебя: можешь ты мнѣ дать немного денегъ, чтобъ накормить моего Фаусто?

Прежде чѣмъ нанести смертельный ударъ, Маріано молилъ: онъ предпочелъ бы спасти себя и не губить другихъ, а, получивъ деньги, онъ ужъ сумѣлъ бы выпутаться и обратить все въ шутку.

Отвѣтъ Лоренцо Моро былъ таковъ:

— Да ты съ ума сошелъ, любезный. Я же тебѣ сказалъ, что денегъ у меня нѣтъ и помочь тебѣ я не могу... Что же

ты думаешь: я теперь, послѣ такихъ твоихъ словъ, дамъ тебѣ денегъ?..

— Значитъ, нѣтъ?—Ничего не дашь?

Для пущей торжественности Лоренцо поднялъ руку:

— Ничего!—Ни единаго чентезимо.

— Такъ, значитъ, ты не знаешь, въ чемъ тутъ разница?—повторилъ Маріано, теперь уже спокойно и рѣшительно,—въ томъ, милый другъ, что ты женатъ, а я холостъ—только.

— То-есть? Что это должно обозначать?—спросилъ Лоренцо, который сразу даже не понялъ.

— То, что у *меня* нѣтъ жены, молодой, красивой, съ золотистыми волосами.

Онъ не договорилъ. Лоренцо, шагнувшій было-впередъ, чтобы кинуться на оскорбителя, вдругъ пошатнулся. Ударъ былъ сильный и направленъ мѣтко—такъ огорошиваютъ быка обухомъ по затылку; Маріано холодно и зорко вглядывался въ него, выжидая, что̀ будетъ дальше...

Лоренцо сдѣлалъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ, протянулъ руку и вдругъ осѣлъ всей тяжестью своего большого грузнаго тѣла на вѣсы, гдѣ онъ еще такъ недавно возсѣдалъ съ такой самоувѣренностью и нагло издѣваясь надъ просителемъ; обѣими руками онъ разорвалъ воротъ, который душилъ его, и поднялъ глаза на Маріано, бормоча:

— Негодяй!.. Подлецъ и негодяй!.. Такъ нельзя обвинять женщину.

— А! Нельзя!—захохоталъ Маріано.—А оставлять умирать съ голоду младенцевъ можно?.. Можно?.. Ты думаешь, что мы годны только на колбасы?.. Я говорю тебѣ: не оскорбляй меня! не мучь меня! А ты все пуще... Хорошо же! Я конченный человѣкъ, — я это знаю самъ — но горе тѣмъ, кто затравилъ меня... Мой бѣдный маленькій Фаусто помретъ съ голоду—но горе тѣмъ, кто не протянулъ ему руки помощи... Ахъ, скажите! Нравственность! Нравственность—хорошее изобрѣтеніе для тѣхъ, у кого, какъ у тебя, есть деньги, и кто хочетъ ихъ сберечь,—но ты самъ задохнешься подъ своей моралью, низкая твоя душа! Она самого тебя задавитъ, эта твоя мораль, разбогатѣвшій ты мужикъ... Пусть я издохну, я согласенъ—но и вы всѣ трепещите—я всѣмъ вамъ отомщу... Ага!.. Я говорилъ тебѣ, что могу пронзить твое сердце, не шевельнувъ пальцемъ...

Глаза его сверкали злобной радостью; онъ стоялъ, нагнувшись надъ ошеломленнымъ Моро—онъ побѣжденный, погибающій—

стоялъ, какъ побѣдитель, нанося ударъ за ударомъ съ какимъ-то свирѣпымъ упоеніемъ.

Лоренцо былъ уничтоженъ; въ ушахъ его стоялъ зловѣщій шумъ; передъ глазами плавалъ туманъ, съ каждымъ мгновеніемъ сгущавшійся, ноги одеревенѣли и не слушались; при каждой фразѣ Маріано онъ поднималъ руку, словно защищаясь отъ этого града уколовъ...

Послѣ долгаго молчанья онъ, наконецъ, пробормоталъ:

— Такъ нельзя обвинять... безъ доказательствъ... Гдѣ же доказательства?..

Маріано залился злобнымъ смѣхомъ, въ которомъ вылилась вся горечь его отравленной души.

— Доказательство?.. Дуракъ! Да эти доказательства съ утра до вечера передъ глазами... Какихъ же тебѣ еще доказательствъ? Ты только погляди на Аквилейо...

Отвѣтомъ былъ глухой стонъ. Поднятая рука Лоренцо безжизненно упала, и онъ, медленно клонясь на бокъ, всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ осѣлъ на полъ.

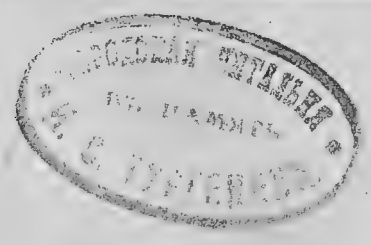
Маріано постоялъ, поглядѣлъ на него—потомъ направился въ фрейбургскую кладовую и толчкомъ ноги распахнулъ дверь.

— Эй, вы!—крикнулъ онъ рабочимъ.—Подите, поглядите, что́ тамъ съ вашимъ хозяиномъ, никакъ ударъ.

И вышелъ, медленно волоча ноги, насвистывая, какъ въ лучшія, былыя времена.

Съ итальянскаго перевела З. Журавская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



РИЧАРДЪ ФЕРЛОНГЪ.

Романъ Темпля Сёрстона.

(*Продолженіе* [1]).

XI.

Послѣ прогулки въ Кью Дикки до поздней ночи терзался мучительнымъ самобичеваніемъ.

Въ девятнадцать лѣтъ онъ еще не обладалъ способностью относиться къ жизни съ философскимъ спокойствіемъ. Создавшіяся съ Констанціей отношенія онъ разсматривалъ такъ, какъ будто впервые въ исторіи міра мужчина взялъ у женщины денегъ. Онъ не находилъ для себя достаточно сильныхъ словъ осужденія. На слѣдующее утро, собравъ всѣ свои лондонскіе этюды, онъ рѣшительно отправился въ поиски за продавцомъ, который далъ бы ему возможность отдать Констанціи свой долгъ.

Было уже близко къ сумеркамъ, когда, проходивши весь день съ мѣста на мѣсто безъ всякаго успѣха, Дикки повернулъ по улицѣ Ватерлоо. Съ утра онъ ничего не ѣлъ. На вчерашнюю поѣздку онъ истратилъ послѣдніе остатки денегъ Констанціи, а послѣ происшедшаго, конечно, готовъ былъ терпѣть всякія лишенія, только бы не обращаться больше къ ней. Отъ голода онъ ощущалъ сильную слабость. Но вдругъ онъ встрепенулся: въ окнѣ магазина онъ увидалъ акварели по такимъ цѣнамъ, какихъ не бывало въ настоящихъ художественныхъ магазинахъ. У Дикки зародилась надежда. Онъ заглянулъ въ магазинъ. Тамъ былъ покупатель. Дикки рѣшилъ переждать, пока тотъ уйдетъ, и войти только, когда хозяинъ останется одинъ.

Надъ дверью красовалась вывѣска: «Рамы и багеты компаніи Ватерлоо». Но м-ръ Ниббсъ, давнишній владѣлецъ, уже

---

[1]) См. февраль, стр. 151.

давно пришелъ къ заключенію, что однѣми рамами не проживешь. Онъ покупалъ рождественскіе номера иллюстрированныхъ журналовъ и ежемѣсячно—«Studio», вырѣзывалъ изъ нихъ картинки, вставлялъ въ хорошенькія дубовыя рамки и вывѣшивалъ въ окнѣ по сходной цѣнѣ. Это было именно то, что могло привлечь вниманіе обывателя, торопящагося на вокзалъ Ватерлоо, къ своему поѣзду въ Уимбледонъ. Литографія въ краскахъ «Идилліи» Грейфенхагена имѣла неизмѣнный успѣхъ. Одинъ экземпляръ ея въ рамѣ всегда украшалъ витрину.

Но все же торговля репродукціями и оригиналами не покрывала м-ру Ниббсу расходовъ по помѣщенію. Онъ взялся за продажу старыхъ гравюръ. Въ молодые годы онъ одно время работалъ у одного антиквара, чистилъ и реставрировалъ старыя гравюры. Онъ зналъ толкъ въ нихъ, зналъ имъ цѣну. Больше того, онъ любилъ ихъ. «Да, умѣли работать въ старину»,—говорилъ онъ и съ пренебреженіемъ глядѣлъ на современныя фото-гравюры въ полутонахъ.

М-ръ Ниббсъ зналъ, гдѣ можно найти старыя гравюры, и сталъ покупать ихъ. Видя ихъ у него въ окнѣ, странные люди изъ странныхъ мѣстъ начали приносить ему для продажи. Онъ рѣдко отказывался отъ пріобрѣтенія, покупалъ ихъ, какъ онѣ были, въ старенькихъ золотыхъ рамахъ и вѣшалъ на стѣнку въ магазинѣ или въ окнѣ. Если онѣ нуждались въ реставраціи, то онъ бралъ ихъ домой, въ Гринвичъ, и работалъ надъ ними до глубокой ночи. Обыкновенно, онъ даже охотнѣе покупалъ тѣ, которыя требовали подчистки. Это занимало его вечера. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые безъ работы бродятъ, какъ потерянные. Энергія и трудолюбіе свѣтились въ его глазахъ.

Черезъ нѣкоторое время люди, продававшіе гравюры, потолкавшись по ломбардамъ, стали приносить ему и разныя другія вещи, потому что они узнали, что старинныя вещи имѣютъ рыночную цѣну. Когда м-ръ Ниббсъ замѣчалъ нужду, онъ никогда не отправлялъ ихъ, не заключивъ торговой сдѣлки. Онъ ничего не понималъ въ фарфорѣ и въ бронзѣ, но покупалъ все, что попадалось, и ставилъ въ витрину, обозначая тѣми названіями, какія были даны при продажѣ.

Среди пестрой коллекціи всякаго хлама здѣсь можно было набрести на двѣ-три вещи, дѣйствительно, цѣнныя: хорошую пару старинныхъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ или фарфоровую бездѣлушку: стоило всегда зайти посмотрѣть. Среди массы разнообразныхъ вещей, загромождавшихъ магазинъ, всякій могъ найти себѣ что-нибудь по вкусу. Все было недорого. М-ръ Ниббсъ

покупалъ дешево у тѣхъ, кто мало имѣлъ, и продавалъ часто дешево тѣмъ, кто имѣлъ, несомнѣнно, много. Онъ не похожъ былъ на обычнаго маклака. Слишкомъ мало онъ понималъ въ тѣхъ вещахъ, которыя продавалъ. Если ему попадалась вещь накладного серебра на мѣдной основѣ, то онъ называлъ ее старой шеффильдской тарелкой, ибо за таковую она была продана ему.

Онъ указывалъ мѣста, гдѣ видна была мѣдь, и говорилъ:

— Вотъ видите... мѣдь... цѣльная мѣдь. Теперь ужъ не облицовываютъ серебромъ такія вещи.

И онъ продавалъ ее по такой цѣнѣ, которая привела бы покупателя въ бѣшеный восторгъ, если бъ это было настоящее шеффильдское блюдо. Впрочемъ, иногда оно, дѣйствительно, оказывалось настоящимъ, но м-ръ Ниббсъ не замѣчалъ разницы. Спеціальные маленькіе трюки, въ родѣ вставленной внутрь серебряной дощечки и т. п., были ему совершенно неизвѣстны.

Во всѣхъ покупкахъ м-ра Ниббса былъ также филантропическій элементъ. Странные люди, приходившіе въ его лавку со своими странными вещами, разсказывали ему печальныя исторіи. Глаза его сочувственно поблескивали сквозь старыя роговыя очки, съ трудомъ державшіяся на маленькомъ носу пуговкой. И не въ томъ дѣло, что м-ръ Ниббсъ не зналъ жизни, нѣтъ, онъ достаточно изучилъ ее за свои пятьдесятъ лѣтъ, но онъ и теперь вѣрилъ всему, что слышалъ. Не разъ случалось ему купить вещь съ самой проблематической надеждой на возможность продать ее оттого, что владѣлецъ упомянулъ о дѣтяхъ, которыя просятъ ѣсть и которыхъ надо какъ-нибудь прокормить.

Однажды м-ръ Ниббсъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, купилъ старый кувшинъ, похожій на оловянный. Онъ былъ сплюснутъ, весь въ ямкахъ, потерялъ форму. Онъ не имѣлъ никакой надежды продать его когда-либо, но женщина, принесшая кувшинъ, была жалкая и беременная. Она спросила только:

— Вы можете дать мнѣ за него два шиллинга?

Звукъ ея голоса, ея взглядъ сказали ему все. Не говоря ни слова, онъ положилъ передъ ней на стойку два шиллинга.

Затѣмъ, такъ какъ было мѣсто, онъ поставилъ кувшинъ въ витрину, и вотъ въ одинъ прекрасный день явился одинъ, знакомый ему, скупщикъ и пожелалъ видѣть кувшинъ.

Оглядѣвъ его тщательно, онъ спросилъ:

— Сколько вы за него хотите?

— А сколько бы вы дали?—освѣдомился м-ръ Ниббсъ въ свою очередь.

— Я дамъ пятнадцать шиллинговъ.

— Это серебро,—сказалъ м-ръ Ниббсъ на удачу. Должно быть, это серебро, разъ ужъ скупщикъ даетъ такую цѣну.

— Да, но очень помято,—отвѣтилъ торговецъ,—какая же ваша цѣна?

— Два фунта,—сказалъ м-ръ Ниббсъ.

— Ладно,—согласился торговецъ.

М-ръ Ниббсъ понялъ, что продешевилъ, но ему не было жалко. Свою награду за состраданіе къ бѣдной женщинѣ онъ все-таки получилъ. Подкрѣпленный этой удачей, м-ръ Ниббсъ съ тѣхъ поръ не прогонялъ никого изъ бѣдняковъ, приходившихъ къ нему. Удача никогда больше не повторялась, но онъ продолжалъ разсказывать объ исторіи съ кувшиномъ изъ года въ годъ, какъ будто такія вещи случались постоянно. Краеугольнымъ камнемъ его философіи стало убѣжденіе, что руку помощи надо протягивать всюду, гдѣ представляется случай.

— Живите и давайте жить другимъ,—говорилъ м-ръ Ниббсъ.—Каждый имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и я.

Онъ такъ часто повторялъ эти слова, что съ теченіемъ времени ему стало казаться, что они—его собственныя. А изъ угла лавки, гдѣ она вѣчно сидѣла за чтеніемъ повѣстей, м-съ Ниббсъ кивала головой, одобряя философію мужа. Она была согласна со всѣмъ, что онъ говорилъ, со всѣмъ, что онъ дѣлалъ.

Вотъ этотъ-то маленькій человѣчекъ со своей любовью къ старымъ гравюрамъ и съ филантропической философіей являлся первымъ поворотнымъ пунктомъ на пути трудовой лондонской жизни Дикки Ферлонга. Всегда странно, всегда таинственно ложатся карты, тасуемыя судьбой. Никогда не знаешь, какъ онѣ лягутъ. Даже рукѣ, которая тасуетъ ихъ, это неизвѣстно. И въ этомъ незнаніи радость. Судьба—внѣ закона. Даже открытіе четвертаго измѣренія когда-нибудь въ будущемъ не сможетъ посягнуть на нее. Игра случая всесильна и безгранична.

Какъ только покупатель покинулъ лавку, Дикки вошелъ въ нее. М-съ Ниббсъ безъ любопытства выглянула изъ своего угла, гдѣ сидѣла за романомъ, а круглые глаза м-ра Ниббса блеснули поверхъ очковъ. Дикки не сказалъ еще ни слова, а онъ зналъ уже цѣль его прихода. Отгадать было не трудно. Мягкая шляпа и длинные волосы выдавали его.

— Картины?—кратко спросилъ м-ръ Ниббсъ.

Дикки положилъ на прилавокъ свой портфель.

— Вы, вѣдь, продаете картины. Не такъ ли?—спросилъ онъ.

Маленькій человѣчекъ кивнулъ головой.

— У меня въ окнѣ есть кое-что Томаса Паркера. Я много продаю его вещей... то-есть какъ много?... не очень.

— Я хочу, чтобы вы посмотрѣли вотъ эти вещи,—сказалъ Дикки.—Всѣ онѣ написаны съ натуры въ разныхъ мѣстахъ Лондона.

Онъ сталъ вынимать свои этюды, одинъ за другимъ, объясняя:

— Вотъ это Вестминстерскій мостъ... а это видъ изъ Ковентъ-Гардена въ четыре часа утра... какъ только открываютъ торгъ...

М-ръ Ниббсъ поправилъ свои роговыя очки и молча разсматривалъ картинки. Онъ самъ не зналъ, что̀ думать о нихъ. Онъ былъ очень не увѣренъ. Работы казались ему странными. У Томаса Паркера сразу было видно, что̀ это такое. Его виды Венеціи, напримѣръ (хотя онъ зналъ, что Паркеръ никогда въ жизни не выѣзжалъ изъ Англіи) были очень аккуратные и похожи на тѣ мѣста, которыя изображали. Обыватели, забѣгавшіе къ нему на минутку по дорогѣ на вокзалъ, говорили ему не разъ, какъ они напоминаютъ имъ тѣ мѣста. И м-ръ Паркеръ продолжалъ у себя въ Лембсѣ изображать Венецію.

А эти вотъ этюды Лондона, такъ хорошо знакомаго м-ру Ниббсу, были не такъ похожи на свой оригиналъ. М-ръ Ниббсъ сомнѣвался въ томъ, видалъ ли онъ когда-либо Вестминстерскій мостъ въ такомъ видѣ. Но когда онъ глядѣлъ на картину, то въ головѣ у него мелькнуло, что, пожалуй, извѣстное настроеніе она даетъ.

Было также что-то такое въ личности самого Дикки, которое заставляло м-ра Ниббса думать, что картины, вѣроятно, не плохи. Работы Томаса Паркера онъ считалъ превосходными, но видъ самого художника никогда не внушалъ ему этого убѣжденія. А Дикки, даже когда молчалъ, производилъ на маленькаго человѣчка впечатлѣніе чего-то своего, индивидуальнаго.

Сразу м-ръ Ниббсъ приготовился отвѣтить, что онъ не купитъ ничего; но, можетъ быть, думалось ему, онъ отказывается отъ помощи хорошему дѣлу? Вотъ когда онъ сильно жалѣлъ, что мало понимаетъ въ живописи. Обстоятельство, вызвавшее его сегодняшній отказъ, было слѣдующее: онъ уже успѣлъ купить старый шагреневый футляръ съ парой старыхъ очковъ. Случилось это отчасти оттого, что онъ любилъ шагрень, отчасти оттого, что онъ любилъ старинныя очки. Онъ самъ всегда носитъ старинныя. Но больше всего, вѣроятно, купилъ онъ ихъ оттого, что принесъ ихъ человѣкъ слѣпой на одинъ глазъ, который не могъ найти себѣ работы.

— Что-то есть трагическое въ человѣкѣ слѣпомъ на одинъ глазъ, который приноситъ продать пару очковъ,—сказалъ м-ръ Ниббсъ женѣ, когда человѣкъ ушелъ съ четырьмя шиллингами въ карманѣ.

— Трудно будетъ продать ихъ,—возразила жена.

— Да... очень трудно,—повторилъ онъ,—но я ихъ выставлю въ витрину. А какъ онъ радовался деньгамъ, бѣдняга!

Вотъ почему послѣ этой утренней покупки м-ръ Ниббсъ не былъ расположенъ къ другой. Кромѣ того въ Дикѣ не было ничего, указывавшаго на нужду. Онъ имѣлъ видъ здороваго юноши. Все-таки м-ръ Ниббсъ не любилъ отказывать и, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ, онъ взялъ одинъ изъ этюдовъ и показалъ его своей женѣ, Эмиліи.

— Что это?—спросила она.

— Вестминстерскій мостъ.

— Да?—пересиросила она. Глаза ея весело блеснули, потому что картинка показалась ей забавной. Послѣ этой краткой критики она снова продолжала свой романъ.

М-ръ Ниббсъ вернулся къ стойкѣ.

— Къ сожалѣнію, я врядъ ли смогу купить у васъ сегодня что-либо,—сказалъ онъ, избѣгая смотрѣть въ лицо Дику.—Сколько вы бы хотѣли за нихъ?

— Сколько бы мнѣ дали,—отвѣтилъ Дикки. Весь этотъ томительный день, съ рядомъ разочарованій, всталъ передъ нимъ, давя подъ собою всякую надежду.

Должно быть, это прозвучало въ его голосѣ. Настроеніе Дика всегда было ясно для всякаго, кто желалъ прочитать его. М-ръ Ниббсъ почувствовалъ, что онъ долженъ купить одну картинку, что иначе онъ не можетъ. Живи и давай жить другимъ,—повторилъ онъ мысленно, уловивъ въ голосѣ Дика терпѣливую ноту разочарованія.

Онъ вытащилъ наугадъ изъ кучки этюдовъ одинъ. Это былъ возъ съ цвѣтами.

— Я вамъ дамъ десять шиллинговъ за этотъ,—сказалъ м-ръ Ниббсъ. Эмилія подняла голову отъ книги, но ничего не сказала.

Въ первый моментъ Дикки почувствовалъ радость, но тотчасъ холодная струйка разочарованія потушила ее. Маленькій человѣчекъ взялъ самую лучшую изъ его картинъ; но выборъ его былъ случайный, а не намѣренный. Рука его могла попасть и на другую вещь. Дикки сообразилъ мгновенно, что человѣчекъ этотъ мало смыслитъ въ живописи. Но какъ разъ выбралъ онъ картинку, составлявшую гордость Дика. Въ акварели больше,

чѣмъ въ чемъ бы то ни было, есть хорошіе и плохіе дни. Эту вещь онъ сдѣлалъ въ *свой* день. Онъ положилъ ее въ портфель, потому что хотѣлъ показать ее, но продать ее за десять шиллинговъ? нѣтъ, этого онъ не въ силахъ, хотя гордость шептала ему, что надо добыть денегъ во что бы то ни стало. Онъ взялъ ее со стойки и сталъ разсматривать съ удовольствіемъ, котораго не старался скрыть.

— Я не могу продать этой именно вещи, — началъ онъ наконецъ,—возьмите какую угодно изъ другихъ... Вестминстерскій мостъ... торговые ряды... вотъ этотъ берегъ въ Лембсѣ... каждую берите за десять шиллинговъ.

— Я думалъ, что вы хотите продать, — замѣтилъ м-ръ Ниббсъ.

— Да, я хочу... очень.

— Деньги у васъ есть?

Эмилія прислушивалась теперь къ каждому слову.

— Нѣтъ.

— Такъ отчего же вы не хотите продать эту картинку?

— Оттого что она лучше всѣхъ. Я хочу оставить ее себѣ.

М-ръ Ниббсъ склонилъ голову на̀ бокъ, взглянулъ на Эмилію, взглянулъ на картинку, затѣмъ снова на Дика. Глаза у него такъ и прыгали. Затѣмъ онъ заложилъ руки подъ свой фартукъ и разразился звучнымъ смѣхомъ.

— Вотъ ей Богу!—повторялъ онъ, задыхаясь,—вотъ ей Богу! Не хочетъ продать мнѣ картину, потому что она, видите ли, слишкомъ хороша! А плохія, пожалуйста, я могу имѣть по десяти шиллинговъ за штуку!

— Но, вѣдь, вы не знали, что́ изъ нихъ хорошо, а что̀ плохо, пока я не сказалъ,—оправдывался Дикки,—а кромѣ того... у меня нѣтъ ни одной такой плохой, какъ этого вашего Паркера.

М-ръ Ниббсъ зажмурилъ глаза, и лицо его въ одинъ моментъ стало серьезнымъ. Онъ уперся локтями на стойку и къ изумленію Дикка спросилъ:

— Такъ, значитъ, онъ никуда не годится?

Съ этой минуты началась дружба Дикка съ маленькимъ старымъ Ниббсомъ. Въ его вопросѣ была такая наивная душевность и простота, что Дикки понялъ: это—рѣдкій человѣкъ.

— Да былъ ли онъ когда-нибудь въ Венеціи?—спросилъ онъ.

— Откуда вы знаете?—возразилъ м-ръ Ниббсъ.

— Венеція не такая,—объяснилъ Дикки.

— Вы были тамъ?—спросилъ м-ръ Ниббсъ,

— Нѣтъ,—былъ отвѣтъ.

Во второй разъ маленькій человѣчекъ выпятилъ животъ, откинулъ назадъ голову и захохоталъ.

— Эмилія,—обратился онъ къ женѣ,—какъ у тебя тамъ съ чаемъ?

— Готово все,—отвѣтила она.

— Выпейте съ нами чашку, м-ръ...

— Ферлонгъ,—подсказалъ Дикки.

— Выпейте съ нами чаю, м-ръ Ферлонгъ!

При этихъ словахъ Дикки сразу почувствовалъ, что онъ голоденъ, и только кивнулъ головой, но спохватился и проговорилъ:

— Благодарю васъ. Съ удовольствіемъ.

XII.

Чаепитіе устроено было въ глубинѣ лавки: м-съ Ниббсъ занимала стулъ, а ея мужъ и Дикки усѣлись на ящикахъ. Маленькій антикваръ замѣтилъ, съ какимъ аппетитомъ Дикки уплетаетъ ломти простого, сѣраго хлѣба съ масломъ. Онъ видѣлъ, какъ съ каждымъ глоткомъ лицо юноши становится спокойнѣе, свѣтлѣе. Ему знакомо было это выраженіе. Онъ вполнѣ понималъ его. Оно подтверждало м-ру Ниббсу, что онъ поступилъ правильно, предложивъ десять шиллинговъ за картину, сколько бы ни пришлось взять за нее. Живи и давай жить другимъ—этотъ принципъ всегда непогрѣшимъ!

Впрочемъ, въ философіи м-ра Ниббса участвовалъ и элементъ слабости человѣческой. Онъ былъ милосердъ не безъ любопытства. Ему хотѣлось знать всю подноготную людей, которымъ онъ помогалъ, и въ памяти онъ хранилъ безчисленное количество всякихъ исторій. Его наградой и удовольствіемъ было—разсказывать ихъ время отъ времени. Этой наградой онъ пользовался во всю. Если заглянуть поглубже, то, надо признаться, что всѣ мы даже самые великодушные среди насъ не брезгаемъ наградой въ томъ или иномъ видѣ. У м-ра Ниббса дѣлалось это по-своему. Не прошло и пяти минутъ чаепитія, какъ его уже нестерпимо одолѣвало любопытство и, въ поискахъ перваго удобнаго вопроса, онъ нетерпѣливо ерзалъ на своемъ ящикѣ.

Смутное ощущеніе подсказывало ему, что Дикки больше, чѣмъ кто-либо другой изъ людей, интересовавшихъ его, сочтетъ

разспросы проявленіемъ простого любопытства. А этотъ свой недостатокъ (вѣроятно, оттого что онъ былъ самымъ уязвимымъ мѣстомъ) м-ръ Ниббсъ всегда рѣшительно отрицалъ. Это было единственное обвиненіе, которое могло вывести его изъ себя, и его жена, Эмилія, пользовалась этимъ оружіемъ лишь въ крайнихъ случаяхъ

Перебравъ въ своемъ умѣ нѣсколько предположеній относительно Дикки и найдя ихъ несостоятельными, онъ наконецъ не выдержалъ и прямо выпалилъ вопросъ, который давно уже просился на языкъ.

— Какъ могло случиться, что вы дошли до такого тяжелаго положенія?—спросилъ онъ.—Я хочу сказать вотъ что: если вы считаете свои картины лучше Паркеровскихъ, то отчего вы не продаете ихъ? Онъ своими кормится. Не Богъ вѣсть какъ жирно, но все же живетъ. Вотъ на дняхъ былъ у меня одинъ господинъ и говорилъ, что лучшихъ венеціанскихъ пейзажей, чѣмъ Паркера, онъ не видалъ. А въ Венеціи онъ бывалъ! Мнѣ самому больше нравится Тернеръ. Мѣсто у него не всегда выходитъ похоже, но что хорошо, то хорошо, и его всѣ признаютъ. Я спросилъ этого господина, не выше ли онъ считаетъ Тернера, но его онъ, оказалось, никогда не видалъ. Но все-таки если вы свои этюды считаете лучше Паркеровскихъ, то я не могу понять, отчего у васъ такое критическое положеніе. У васъ совсѣмъ нѣтъ денегъ.

Нотка любопытства уже прозвучала. М-ръ Ниббсъ не въ силахъ былъ изъять ее изъ голоса. Эмилія тоже подняла глаза, любопытствуя сама услышать отвѣтъ. Дикки ясно ощутилъ эту нотку. Но онъ не чувствовалъ досады. Онъ не забылъ своего перваго впечатлѣнія отъ этого невзрачнаго человѣка—одинъ на тысячу—и кромѣ того помимо любопытства въ головѣ звучало и участіе. И Дикки безъ особаго колебанія сказалъ, что у него нѣтъ ни гроша за душой.

М-ръ Ниббсъ взглянулъ на Эмилію. Она выжидательно посмотрѣла на него.

— Гм... что же мы будемъ дѣлать?—проговорилъ м-ръ Ниббсъ такъ, точно это семейное дѣло и рѣшить его надо безотлагательно. Эмилія этихъ словъ и ожидала отъ мужа. Она также замѣтила, какъ этотъ мальчикъ—онъ вѣдь, совсѣмъ еще мальчикъ—ѣлъ хлѣбъ съ масломъ. Что-нибудь сдѣлать надо! И она съ привычнымъ довѣріемъ предоставляла мужу рѣшить, что́ именно сдѣлать.

Путемъ дальнѣйшихъ, не всегда ловкихъ, разспросовъ, они

узнали въ концѣ концовъ всю исторію борьбы, которую велъ Дикъ. Круглые бисеринками глаза м-ра Ниббса и полуоткрытый ротъ Эмиліи почему-то поддерживали въ разсказчикѣ пламень его надеждъ. Онъ говорилъ о себѣ съ такой горячностью, какъ ни разу еще нэ говорилъ въ Лондонѣ. Въ поискахъ словъ, которыхъ ему иногда не хватало, онъ часто, по своей привычкѣ, поднималъ руку и быстро проводилъ по волосамъ. М-ръ Ниббсъ глядѣлъ на него и думалъ, что онъ больше похожъ на художника, чѣмъ Томасъ Паркеръ.

Въ характерѣ маленькаго антиквара, кромѣ любопытства, была еще одна черта: онъ имѣлъ слабость къ открытіямъ. Это онъ въ свое время открылъ Томаса Паркера, хотя, правду сказать, открытіе это не оказалось особенно цѣннымъ. Сужденія м-ра Ниббса объ искусствѣ были чрезвычайно примитивны. Онъ считалъ Паркера хорошимъ художникомъ потому, что его картины «шли». Тернера онъ считалъ лучшимъ мастеромъ, потому что слыхалъ, какія цѣны платятъ за Тернера. Но все же не одна финансовая сторона опредѣляла его сужденія. Чужія мнѣнія играли для него тоже значительную роль, а о Тернерѣ ему довелось слышать столько похвалъ, какъ ни о комъ другомъ изъ художниковъ. Оттого Тернеръ сталъ для него мѣриломъ сравненія.

Если Рескинъ открылъ величайшаго изъ всѣхъ художниковъ, то онъ открылъ по крайней мѣрѣ Томаса Паркера. Это онъ заявлялъ всѣмъ совершенно серьезно и даже съ огонькомъ гордости во взглядѣ. А теперь ему предстоитъ новое открытіе, которое по значенію затмитъ всѣ предыдущія. Способность интуиціи у м-ра Ниббса была чисто-женская: она давала ему то, чего ни логика, ни образованіе не могли дать.

Въ этомъ открытіи, которымъ гордился впослѣдствіи, м-ръ Ниббсъ инстинктомъ почуялъ одаренность личности Дика. Когда юноша заговорилъ о Тернерѣ съ благоговѣніемъ и обожаніемъ, м-ръ Ниббсъ понялъ, что его чутье не обманываетъ его. Онъ понялъ, почему этотъ мальчикъ со всѣмъ своимъ энтузіазмомъ голоденъ и не имѣетъ ни гроша въ карманѣ. Онъ представилъ себѣ, какъ онъ когда-нибудь скажетъ, что зналъ Ферлонга, когда онъ бродилъ безъ копѣйки по улицамъ Лондона.

Пришлось услышать ему и всю исторію побѣга Дика изъ дому. Все это укрѣпляло его въ справедливости своего отношенія. Одно только нарушало твердость упованій м-ра Ниббса: это то, что ему не удавалось заставить себя особенно восхищаться этюдами Дика. Даже Эмилія не узнала на его картинкѣ

Вестминстерскій мостъ, а ужъ у нея глазъ на этотъ счетъ зоркій! Но зато самъ Дикки вѣрилъ въ свои вещи, вѣрилъ такъ, что даже одну изъ нихъ не соглашался продать ни за какую цѣну, хоть и былъ безъ гроша.

— Такъ ли это?—дивился м-ръ Ниббсъ, глядя на него.—Можетъ ли человѣкъ устоять, если его соблазняютъ бѣшеной цѣной?

— Послушайте, м-ръ Ферлонгъ,—началъ онъ, поблескивая глазами, когда они снова вернулись къ стойкѣ, гдѣ все еще лежали этюды Дика,—мнѣ полюбилась эта ваша картинка съ цвѣтами. Сколько вы хотите за нее?

Дикки покачалъ головой.

— Я не хочу продавать ее. Серьезно,—сказалъ онъ.

— А если я дамъ фунтъ?

При всей своей неопытности Дикки зналъ, какъ знаетъ каждый художникъ, разницу между хвалебной оцѣнкой на словахъ и той, которая выражается въ цифрахъ. Названная м-ромъ Ниббсомъ сумма пріятно изумила его, но она не была настолько велика, чтобы заставить его забыть, что онъ хотѣлъ оставить картину себѣ. Онъ снова покачалъ головой.

— Ну, тогда тридцать шиллинговъ?— продолжалъ м-ръ Ниббсъ.

— Нѣтъ... Въ самомъ дѣлѣ, я не хочу продавать ее,—говорилъ Дикки.

Эмилія все шире раскрывала глаза: она никакъ не могла понять, который изъ нихъ двоихъ больше потерялъ разсудокъ. Но когда ея супругъ предложилъ два фунта, то она рѣшила, что онъ несомнѣнно рехнулся. Никогда еще въ жизни онъ не платилъ такой суммы за картину, а эту ему, безъ сомнѣнія, не удастся продать дороже, какъ шиллинговъ за пятнадцать. Но она молчала. На нее тоже произвела впечатлѣніе личность Дика и, быть можетъ, она угадала, какія мысли зародились у мужа. Проживъ съ нимъ восемнадцать лѣтъ, она знала его слабость къ открытію геніевъ, и оттого она почувствовала значительное облегченіе, когда по тону мужа уловила, что дальше двухъ фунтовъ онъ итти не намѣренъ.

Однако, и на это предложеніе Дикки еще не отвѣчалъ. Онъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ. Два фунта—это сумма, превосходящая всѣ его смѣлыя мечтанія. Это давало хорошій прецедентъ для дальнѣйшаго, а главное, онъ могъ бы отдать Констанціи деньги. Эта мысль была огромнымъ искушеніемъ, но онъ и ему не поддавался. Только понявъ все безуміе своего отказа, онъ, наконецъ рѣшившись, обратился къ м-ру Ниббсу:

— Ну, ладно. Отъ этого я не могу отказаться. Возьмите ее за два фунта. Она не стоитъ этихъ денегъ... то-есть, для васъ.

Вмѣсто разочарованія, м-ръ Ниббсъ чувствовалъ удовлетвореніе, онъ былъ радъ, что Дикки—не дуракъ. У него даже мелькнула мысль, что, можетъ быть, онъ намѣренно довелъ его отказами до такой необыкновенной цѣны.

— Ловко вы меня обработали,—сказалъ онъ, и какъ только сказалъ, понялъ, что этого не надо было говорить, такъ какъ глаза Дика заблестѣли негодованіемъ, и онъ быстро взялъ со стойки свою картину.

— Я васъ никакъ не обрабатывалъ!—возмутился онъ,—я не хотѣлъ продавать этотъ этюдъ и теперь ужъ ни за что не продамъ его. Вы свободны отъ своего обѣщанія.

Маленькій антикваръ еще разъ почувствовалъ, что онъ сдѣлалъ хорошее открытіе, и хотя онъ боялся, что потеряетъ картинку совсѣмъ, но глаза его такъ и прыгали отъ возбужденія.

— Дайте мнѣ ее назадъ, м-ръ Ферлонгъ,—просилъ онъ.—Дайте. Я, знаю, что́ покупаю. Я бы и три фунта далъ, если бы вы додержались.

— Но вы сказали, что я васъ обработалъ!—упорствовалъ Дикки.

— Ахъ, это такъ... моя глупая привычка,—объяснилъ м-ръ Ниббсъ и обратился къ женѣ за подтвержденіемъ, что онъ всегда такъ говоритъ. Та, не колеблясь, подтвердила. Дикки вручилъ свой этюдъ обратно. М-ръ Ниббсъ поднесъ его къ окну и разсмотрѣлъ внимательнѣе. Теперь, когда онъ готовился выложить за него два фунта, онъ сталъ находить въ немъ больше прелести, чѣмъ раньше.

По правдѣ сказать, сюжетъ не изъ особенно интересныхъ, но, глядя на него, чувствовалось, что есть въ немъ что-то. Но что́ именно, онъ не могъ бы объяснить. Ему мало говорили сами по себѣ эти возы цвѣтовъ, двигающіеся раннимъ утромъ къ Ковентъ-Гардену, но когда онъ смотрѣлъ на нихъ, у него являлись пріятныя воспоминанія. Невольно вспоминался его маленькій садикъ за домомъ въ Гринвичѣ, гдѣ лѣтомъ у него цвѣло нѣсколько кустовъ розъ, весной—тюльпаны, а осенью, почти до конца ноября—хризантемы. Вспоминался также большой, пышный цвѣтникъ, который онъ видѣлъ еще въ дѣтствѣ. Онъ не могъ прослѣдить, по какимъ ассоціаціямъ шла его мысль, но чѣмъ больше вглядывался онъ въ картинку, тѣмъ больше она нравилась ему.

— Какъ вы назвали ее?—спросилъ онъ, оглядываясь;— вѣроятно, «По дорогѣ въ Ковентъ-Гарденъ»? Или что-нибудь въ этомъ родѣ. «На рынокъ»! Да? Это недурное названіе. Или какъ?

— Я назвалъ ее «Благоуханіе»,—сказалъ Дикки.

М-ръ Ниббсъ безмолвствовалъ. Снова взглядъ его упалъ на картину. Благоуханіе—это сладостный запахъ, ароматъ. Онъ попытался вообразить себѣ это въ Лонгъ-Экрѣ, улицѣ съ грязными домами, но изъ этого ничего не вышло. Такое названіе къ ней не подходило. Но при взглядѣ на картину опять вернулось воспоминаніе сада съ кустами розъ.

— Да?—сказалъ м-ръ Ниббсъ.—Я бы лично назвалъ ее «На рынокъ» и, знаете, такъ ее легче было бы продать.

Дикки улыбнулся.

— Я продаю ее вамъ только подъ названіемъ «Благоуханіе».

М-ръ Ниббсъ пожалъ плечами, затѣмъ запустилъ руку въ карманъ брюкъ и вытащилъ сильно потертый кошелекъ. Не говоря ни слова, онъ вынулъ изъ него два фунта и положилъ ихъ на стойку. Эмилія съ интересомъ слѣдила за всѣмъ этимъ.

— Да, такъ что же мы будемъ дѣлать?—спросилъ м-ръ Ниббсъ.

Дикки вопросительно посмотрѣлъ на него.

— То-есть, какъ это?

— А такъ, что долго вамъ на эти два фунта не прожить. Есть у васъ долги?

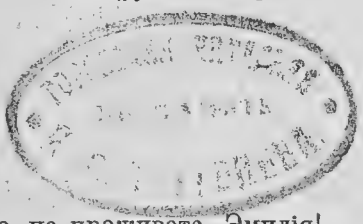
— Есть.

— Сколько?

— Почти три фунта.

— Когда надо заплатить ихъ?

— Какъ можно скорѣе.



— Вотъ видите, значитъ, на это не проживете. Эмилія!— обратился онъ къ женѣ,—какъ дѣла у стараго Марко? Нашелъ онъ уже кого-нибудь?

Эмилія покачала головой.

— Видите ли,—пояснилъ м-ръ Ниббсъ,—по сосѣдству съ нами въ Гринвичѣ живетъ одинъ субъектъ. Онъ пишетъ картины оптомъ, цѣлыми сотнями и продаетъ ихъ сотнями. Дрянь, конечно, между нами говоря. Но деньги ему платятъ порядочныя въ Каледонскомъ рынкѣ и еще въ какомъ-то аукціонѣ. Онъ спрашивалъ меня на дняхъ, не знаю ли я кого-нибудь, кто могъ бы помогать ему зарисовывать фонъ, знаете ли: море и небо, а выписываетъ-то онъ

все самъ. Предлагаетъ жить у него на всемъ готовомъ и платы пять шиллинговъ въ недѣлю. Разумѣется, дѣло не по васъ, но какъ-никакъ заработокъ. Вы могли бы тогда посѣщать вечерніе курсы живописи. Его жена помогаетъ ему, но она лѣнивая ужасно. Француженка.

— Она вовсе не жена его,—замѣтила Эмилія.

— Все равно. Должна была бы быть,—возразилъ м-ръ Ниббсъ,—а потому я говорю, что она есть. Во всякомъ случаѣ, ему ему нужна помощь. Вы могли бы взяться за это на мѣсяцъ-два, пока не станете на ноги.

Дикки не помнилъ себя отъ радости. Онъ крѣпко пожалъ руку м-ра Ниббса.

— Я, право, не знаю, зачѣмъ вамъ столько безпокоиться ради меня,—растроганно говорилъ онъ.

— Пустяки! такъ мнѣ хочется, вотъ и все,—отвѣчалъ м-ръ Ниббсъ, и это, пожалуй, было единственное объясненіе, которое онъ могъ дать. Вся его жизнь—была сплошная цѣпь причудъ. Онъ принадлежалъ къ тому классу людей, которыхъ зовутъ сантименталистами, при чемъ нѣкоторымъ это названіе представляется обиднымъ, другимъ же—высшей похвалой.

XIII.

Дикки шелъ домой, и на душѣ у него было такъ радостно, что хотѣлось пѣть. Люди на улицѣ улыбались ему. Онъ былъ доволенъ собою: онъ продалъ свою первую картину, побрякивалъ деньгами въ карманѣ, и весь міръ разстилался передъ нимъ, полный заманчивыхъ возможностей. Больше всего восхищала его мысль о работѣ: теперь онъ въ состояніи будетъ учиться живописи! Ему казалось, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ друзьями, которые протягиваютъ ему руки.

Вблизи Ковентъ-Гардена маленькая хористка, спѣшившая въ театръ, зараженная веселымъ насвистываніемъ Дика, улыбнулась ему. Онъ тоже улыбнулся, проходя мимо нея. Затѣмъ онъ услышалъ, что шаги ея затихли, и остановился. Она смотрѣла ему вслѣдъ и повидимому ожидала, чтобы онъ заговорилъ. Дикки приподнялъ шляпу и разсмѣялся. Она тоже разсмѣялась, кивая головой. Ему не особенно хотѣлось разговаривать съ ней, и онъ пошелъ бы дальше, но она сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, ему навстрѣчу. Ея глаза звали его. Было бы просто грубостью не пойти ей навстрѣчу.

Они сошлись на полъ-пути. Дикки почувствовалъ себя неловко, и снова приподнялъ шляпу.

— Вы, кажется, очень довольны собою,—бойко начала она.

— Я только-что продалъ картину,—объяснилъ Дикки.

— Такъ я и думала, что вы—художникъ,—отвѣтила она.

— Отчего?

— Оттого, что волосы длинные.

Оба разсмѣялись. Затѣмъ наступило неловкое молчаніе. Не по ея винѣ. Она сдѣлала все, что́ можно было отъ нея ожидать. Теперь была его очередь сдѣлать шагъ впередъ. Но Дикки не привыкъ къ такого рода страннымъ эпизодамъ. Онъ только улыбнулся ей, и то безъ всякаго убѣжденія.

— А я иду въ театръ,—сказала она, чтобы прервать молчаніе.—Пойдемте до подъѣзда?

Дикки покачалъ головой и заявилъ, что торопится домой.

Дѣвушка поняла: онъ не заинтересованъ ею настолько, насколько она заинтересована имъ. Что́ же? Приходится и это терпѣть. Она съ той же бойкостью кинула «До свиданья» и побѣжала.

Дикки продолжалъ свой путь домой, къ м-съ Бальдвинъ. Маленькая встрѣча позабавила его. Она была даже пріятна и какъ-то подходила къ неожиданнымъ удачамъ этого дня. На одну ступеньку онъ все-таки уже поднялся, что ни говори. Передъ нимъ открывается новый путь. Объ уходѣ изъ свѣчной лавки въ Дрюри-Лэнъ'ѣ онъ теперь думалъ тоже съ радостнымъ возбужденіемъ. Ему не приходило на умъ, какъ Констанція будетъ удручена этимъ извѣстіемъ. Ему представлялось даже, что, можетъ быть, ее обрадуетъ полученіе обратно части своихъ денегъ. И оттого его странно поразилъ ея подавленный видъ, когда онъ вручилъ ей тридцать шиллинговъ въ уплату своего долга.

Она молча взяла деньги, какъ бы покоряясь неизбѣжному, и положила ихъ возлѣ себя на столъ.

— Откуда вы раздобыли?—спросила она. Въ голосѣ ея звучала надежда, что, можетъ быть, деньги добыты неправильнымъ путемъ и что можно будетъ вернуть ихъ назадъ.

Взглядъ Дика опять загорѣлся.

— Я продалъ картину,—сказалъ онъ, ожидая, что ея рука протянется пожать его руку. Онъ ждалъ проявленія восторга и участія, но напрасно. Какое ей до этого дѣло? Она замѣтила, что онъ поднялся выше и что теперь онъ дальше отъ нея.

Если онъ уплатилъ свой долгъ, что будетъ его держать здѣсь? Если бъ могла, она бы увеличила его обязательства, чтобы удержать его, хотя бы одной только гордостью.

— Кому же вы продали ее?—настаивала она, все еще въ сомнѣніи и въ надеждѣ.

— Одному старому антиквару возлѣ моста Ватерлоо.

— И онъ вамъ далъ столько денегъ?

— Онъ далъ мнѣ два фунта. Десять шиллинговъ я еще оставилъ себѣ.

Два фунта за одну изъ его картинокъ! Констанція вѣрила въ Дикки, но все же не предполагала возможнымъ подобной оцѣнки. Значитъ, она ошиблась. Она не знала, когда картина хороша, и не знала цѣну хорошей. Но Дикки зналъ! И оттого онъ такъ упорно работалъ надъ ними. Ея выступленія въ мюзикъ-холлѣ вдругъ показались Констанціи невѣроятно убогими. Тяжелымъ трудомъ она выколачивала тридцать шиллинговъ въ недѣлю. А онъ въ недѣлю можетъ написать три такихъ картинки!

Констанція поняла, что теперь Дикки ускользаетъ отъ нея. Она не можетъ быть дальше опорой для него. Онъ поднялся выше, онъ уже не *ея* мужчина. Онъ самъ по себѣ. И когда онъ объявилъ, что переѣзжаетъ на мѣсто, то это не удивило ее. Только еще холоднѣе стало на душѣ.

— Значитъ, мы съ вами больше не будемъ видѣться,— произнесла она твердо.

— Отчего? Я, вѣдь, буду только въ Гринвичѣ. Развѣ это такъ ужъ далеко? вовсе нѣтъ.

— Хоть бы и рядомъ. Все равно,—сказала она съ горечью.—Вы насъ забудете. Дрюри-Лэнъ будетъ для васъ слишкомъ неподходящимъ мѣстомъ. Я васъ не осуждаю и не обвиняю, но... Вы продали картину, и это все измѣнило. Я не говорю, что вы не придете оттого, что будете смотрѣть на меня свысока, но вы не придете. Голубчикъ мой, не разстояніе улицъ мѣняетъ отношенія, а разстояніе внутри насъ.

Дикки чувствовалъ, что все это—правда. Каждое слово вѣрно. Не онъ, а обстоятельства дѣлаютъ такъ. Ему стало стыдно за себя, и онъ протянулъ Констанціи руку.

— Вы славный товарищъ,—сказалъ онъ съ нѣжностью,— и вотъ увидите! Я непремѣнно когда-нибудь напишу вамъ великолѣпный плакатъ.

Обѣщаніе было жалкое. Дикки чувствовалъ это, но что онъ могъ ей дать другого?

Констанція съ минуту смотрѣла на него и вдругъ разразилась смѣхомъ.

— Ахъ, ради Бога, не принимайте это такъ серьезно! Въ концѣ концовъ все это слова! Ну, скажемъ, вы даже повезли бы меня въ деревню, а теперь хотѣли вычеркнуть это вонъ, то и тогда это было бы не трудно. Но, вѣдь, вы даже этого не сдѣлали. Вамъ не въ чемъ раскаяваться. А посмотрѣть на васъ—право, подумаешь, что человѣкъ Богъ знаетъ что сдѣлалъ!

Глаза ея сразу перестали смѣяться. Въ нихъ появилось голодное, умоляющее выраженіе. Она наклонилась впередъ и протянула руку.

— Но я бы и теперь поѣхала въ субботу,—сказала она,—хотите, поѣдемъ—куда-нибудь за городъ, а затѣмъ можете уѣзжать въ свой Гринвичъ и хоть никогда больше не появляться здѣсь... если не захочется. Я никогда не буду звать васъ назадъ.

Ея глаза сіяли. Она давала все лучшее, что было въ ней. Большаго она не могла дать.

А Дикки стоялъ въ тяжеломъ смущеніи, и въ душѣ его шла борьба, и все слабѣе звучалъ голосъ его совѣсти.

Констанція увидала колебаніе на лицѣ его и поняла его значеніе. Онъ слабо пытался отстранять ее, но ея руки упрямо сомкнулись вокругъ его шеи...

XIV.

Изъ ряда старыхъ домовъ, извѣстныхъ въ Гринвичѣ подъ названіемъ Товарной набережной, видна широкая, яркая полоса рѣки до самаго берега Лимгауза. Тамъ она заворачиваетъ вправо и теряется изъ виду. Только огромныя лапы Тоуэрскаго моста вздымаются на дымчатомъ фонѣ горизонта и указываютъ на путь рѣки, а дальше, въ сѣрые дни, весь городъ окутанъ облачной пеленой. Но когда небо ясно, то зданія Вестминстера кружевными дворцами появляются и исчезаютъ, точно по мановенію волшебнаго жезла. Ибо облака дыма всегда рѣютъ надъ Лондономъ и то окутываютъ, то раскрываютъ его красоты подобно чародѣю въ сказкѣ.

Гринвичъ—уголокъ Лондона, знакомый только рабочимъ и морякамъ. Сюда не ѣздятъ, какъ бывало раньше, по праздникамъ на прогулки и пикники. Огромныя фабрики съ огнедышащими печами и длинными трубами, выпускающими столбы дыма къ закопченному небу—вотъ что отучило публику отъ излюблен-

ныхъ ею рыбныхъ завтраковъ въ ресторанѣ «Корабль», хотя оно самое и придаетъ жизнь и движеніе Гринвичу.

Вся пристань здѣсь дышитъ очарованіемъ далекихъ, экзотическихъ путешествій. И днемъ и ночью однообразно шумитъ вода подъ винтами пароходовъ, прибывшихъ изъ самыхъ удивительныхъ уголковъ земли или отплывающихъ въ море. Здѣсь вѣчное движеніе. Здѣсь нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью, и, заглушая отдаленный гулъ города, рѣка полна своихъ звуковъ, понятныхъ и близкихъ только морякамъ.

Какъ разнообразны эти голоса! Ихъ столько же, сколько и уличныхъ. Рѣка никогда не молчитъ. Снимается ли съ мѣста угрюмая баржа, мрачно погромыхивая цѣпью, реветъ ли гудокъ причалившаго парохода — всегда голоса эти разсказываютъ о чемъ-то своемъ, далекомъ.

Когда спускается ночь и тьма окутываетъ огромныя трубы судовъ, надъ водой загораются ихъ бдительные глаза—красные, зеленые, золотые—искрятся и скользятъ по сонной волнѣ. Мрачнымъ табором лежатъ баржи, охраняемыя своими огнями. Онѣ тѣснятся другъ къ дружкѣ, точно змѣи, старающіяся согрѣться. И всю ночь шепчутъ голоса, а буксиръ безстыдно прорѣзываетъ тишину своимъ пронзительнымъ рёвомъ. Взадъ и впередъ по темной глади скользитъ полицейскій катеръ, тихо крадучись, словно на ночной облавѣ. Поздно ночью, съ грохотомъ цѣпей, нестройнымъ гуломъ голосовъ и пыхтѣніемъ бросаетъ якорь пароходъ, а подъ утро надъ рѣкой проносится шопотъ, тотъ неуловимый шопотъ приближающагося дня, который возвѣщаетъ восходъ солнца и начало четкихъ, звонкихъ дневныхъ звуковъ.

Это — Гринвичъ моряковъ и всѣхъ тѣхъ людей, которые уходятъ отсюда далеко въ море. Но есть и другой Гринвичъ, который морякамъ рѣдко приходится видѣть: когда солнце окрашиваетъ золотомъ встающіе клубы дыма, а дымъ окутываетъ солнце таинственной пеленой, тогда всѣ фабричные корпуса и трубы, верфи и доки становятся въ волшебномъ освѣщеніи минаретами и дворцами.

Тогда это — построенная изъ желѣза Венеція, такая же таинственная и гордая, какъ и мраморная Венеція болѣе романтической эпохи. Не купола церквей вздымаются здѣсь къ закопченному небу, но величаво высятся желѣзные храмы, возсылая къ неутомимому Богу труда дымъ своихъ кадилъ. Нѣтъ здѣсь гондолъ, но черныя баржи такъ же тихо скользятъ по теченію. А склоненная фигура гребца, отчетливо рисующаяся противъ свѣта—чѣмъ это не гондольеръ этой желѣзной Венеціи?

Сюда-то, въ этотъ Гринвичъ м-ръ Ниббсъ и повезъ Дикки черезъ нѣсколько дней, къ m-г Марко. Когда они вышли изъ магазина, маленькій антикваръ остановился и предложилъ Дикку обратить вниманіе на витрину. На самомъ видномъ мѣстѣ, затѣняя и Паркера и всѣ олеографіи въ потемнѣвшихъ дубовыхъ рамкахъ, висѣла его картина. Подъ ней на карточкѣ м-ръ Ниббсъ изобразилъ своимъ «стильнымъ», какъ онъ говорилъ, почеркомъ: «Оригинальная акварель съ натуры «Благоуханіе» Ричарда Ферлонга. Дешево! Два фунта десять шиллинговъ».

Дикки смотрѣлъ на нее, и его обуревало пріятное ощущеніе своей значительности, которое никогда не бываетъ такъ сильно, какъ въ первый разъ. Ему еще ни разу не приходилось видѣть своей картины въ рамѣ и своей фамиліи, выставленной на показъ. Дикки чувствовалъ себя въ этотъ моментъ великимъ человѣкомъ. Онъ оглянулся на м-ра Ниббса и разсмѣялся довольно глупымъ смѣхомъ. Трудно было быть самимъ собой, потому что онъ уже не былъ самимъ собой. Ему пришла въ голову исторія пророка Ильи, взятаго на небо въ огненной колесницѣ, и онъ подумалъ невольно, что, вѣроятно, даже самъ Илья не умѣлъ держаться естественно при подобныхъ обстоятельствахъ.

— А, вѣдь, въ рамѣ красиво выглядитъ. Правда?—сказалъ онъ наконецъ.—Гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ. Страшно люблю эту штуку. Неужели вы не надѣетесь скоро продать ее, если она останется на томъ же мѣстѣ?

М-ръ Ниббсъ съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Все зависитъ отъ того,—сказалъ онъ,—кто ее увидитъ. А затѣмъ середина витрины не всегда лучшее мѣсто. Многіе любятъ найти то, что имъ нравится. Они не хотятъ, чтобы имъ это подсовывали впередъ.

Но Дикки врядъ ли слышалъ его. Онъ весь ушелъ въ восторженное созерцаніе своей картины, при чемъ однако восторгъ этотъ возбуждалъ въ немъ стремленіе къ высшимъ достиженіямъ. Скорѣе бы взяться за работу, скорѣе! И Дикки порывисто схватилъ подъ руку м-ра Ниббса и потащилъ его съ собой. А маленькій антикваръ пошелъ покорно, думая серьезно о томъ, какъ въ одинъ прекрасный день онъ будетъ съ гордостью вспоминать о томъ, что Ричардъ Ферлонгъ шелъ съ нимъ объ руку по улицамъ Лондона. Вѣра его въ свое открытіе была сильна и непоколебима.

М-г Марко ожидалъ ихъ и, когда они постучались въ его квартиру на Товарной набережной, онъ очень скоро отворилъ дверь.

Не больше десяти домовъ выстроилось здѣсь, глядя черезъ широкую полосу рѣки на Вестъ-Индскіе доки. Стоятъ они тутъ уже лѣтъ около полутораста, и, повидимому, ничто въ нихъ за это время не перемѣнилось. Все такія же въ нихъ старинныя окна съ выступами, напоминающія высокіе воротнички, какіе мужчины носили въ эпоху Георга, а подъ ними маленькіе балконы, напоминающіе черные галстухи тогдашней моды. Они имѣютъ только два этажа въ вышину, но потолки у нихъ очень высоки. Вѣроятно, въ свое время они были спокойно-величавы и считались красивыми и удобными для жизни домами, когда Гринвичъ былъ еще въ модѣ. Но теперь нѣтъ въ нихъ ничего величаваго. Осталось одно только спокойствіе. Живущіе здѣсь сдаютъ комнаты жильцамъ, а тѣ, которые не нуждаются въ этомъ, не претендуютъ на широкій масштабъ жизни.

Изъ всего населенія Торговой набережной одинъ только м-г Марко силился казаться чѣмъ-то лучшимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ сосѣдями, и они—съ нимъ. М-мъ Марко не носила обручальнаго кольца. Всякихъ колецъ у нея было много, но м-съ Генникъ, имѣвшая лавку разныхъ разностей за Трафальгаръ-отелемъ, высмотрѣла раньше всѣхъ кумушекъ, что обручальнаго у нея нѣтъ, и сообщила объ открытіи своей пріятельницѣ, м-съ Уинбурнъ.

А м-съ Уинбурнъ, жившая въ № 4, была весьма разговорчивая особа. Она мигомъ предостерегла всю Торговую набережную, и вся набережная стала игнорировать м-ье Марко съ такимъ же упорствомъ, съ какимъ м-ье Марко игнорировалъ ее. Когда его подруга выходила на улицу, во всѣхъ окнахъ за кружевными занавѣсками за ней слѣдили женскіе глаза, ибо женщины, повидимому, чрезвычайно интересуются тѣми, которыхъ онѣ осуждаютъ. М-мъ прекрасно замѣчала ихъ. Ей даже нравилось это, и она улыбалась про себя, когда замѣчала колыханіе тюлевой гардины или слышала стукъ отворяемаго вверху окна. И она проходила вдоль всего ряда домовъ, нарядная, всегда немного черезчуръ нарядная. И если шла она медленно, то надо извинить ей это. Очень ужъ нравилось ей обращать на себя вниманіе. Ей нравилась вѣжливость м-съ Генникъ, когда она давала ей сдачу и покупку въ своемъ магазинѣ. Ей нравилось читать въ глазахъ м-съ Генникъ зависть и восторгъ по поводу ея колецъ. Всѣ камни въ нихъ были фальшивые, но она знала, что м-съ Генникъ не подозрѣваетъ этого. Да и все, что́ касалось м-мъ Марко и м-ье Марко, было фальшиво, но до тѣхъ поръ, пока они съ успѣхомъ носили свой обманъ, они были оба такъ счаст-

ливы, какъ будто владѣли всѣми богатствами, которыя старались изобразить.

Никто на Торговой набережной не зналъ, что м-ье Марко былъ тотъ самый сеньоръ Пеллони, который года три тому назадъ практиковалъ въ Лондонѣ въ качествѣ магнетизера, дурача довѣрчивую публику. Онъ отрекомендовался врачемъ, получившимъ образованіе и дипломы въ Италіи, гдѣ онъ будто спеціализировался въ практикѣ магнетизма и теперь желаетъ послужить обществу своими познаніями.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ его карьера развивалась успѣшно, отчасти благодаря помощи соучастниковъ, однимъ изъ которыхъ была м-мъ Марко—въ то время синьорина Алльеви—отчасти благодаря его удивительному аппломбу. Но все же, въ концѣ концовъ, его вывели на свѣжую воду. Медицинская профессія была для него утеряна. Легковѣрные паціенты, обманутые имъ, выжили его изъ Лондона. Что происходило съ нимъ въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, я не могу установить; знаю только, что онъ появляется вновь въ Гринвичѣ въ качествѣ художника м-ье Марко.

Отчего онъ назвался синьоромъ Пеллони, а затѣмъ м-ье Марко, невозможно понять. Родился онъ въ Крикльвудѣ, когда Крикльвудъ былъ далекой лондонской окраиной—и это было не такъ уже давно. Фамилія его была Чизмэнъ; оттого, можетъ быть, ему захотѣлось перемѣнить ее. Происхожденіе его было тоже болѣе чѣмъ скромно: отецъ его былъ плохонькій сапожникъ и цѣлые дни сидѣлъ подъ окномъ и строчилъ кожаныя подметки.

У юнаго Эмануэля не было никакой охоты продолжать это ремесло. Въ его работѣ была искра дьявольскаго темперамента. Онъ сталъ вводить обманъ въ сапоги, которые шилъ, пока, наконецъ, его не накрылъ опытный заказчикъ. Отецъ выгналъ его изъ своей мастерской, предсказывая худой конецъ этому сыну, котораго онъ въ набожномъ порывѣ назвалъ Эмануэлемъ.

Очутившись на свѣтѣ безъ опоры, юноша скоро понялъ, что имя Эмануэль вмѣстѣ съ Чизмэномъ не способны дать успѣха. Его черные волосы и желтые глаза навели его на мысль выдать себя за иностранца. Несомнѣнно, рѣшеніе это укрѣпилось въ немъ, въ тотъ періодъ, когда онъ служилъ лакеемъ въ маленькомъ французскомъ ресторанѣ.

Въ этомъ ресторанѣ онъ оставался не менѣе года. Послѣ этого онъ исчезъ на нѣкоторое время изъ виду. Затѣмъ онъ

появился вновь съ длинными волосами, съ еще болѣе иностраннымъ видомъ, чѣмъ раньше, въ качествѣ уличнаго пѣвца. Голосъ у него былъ самый незначительный, но было у него что-то такое, что́ создавало ему успѣхъ. И тутъ онъ обманывалъ публику. Томность взгляда при пѣніи модныхъ романсовъ, искусная манера переходить на фальцетъ—вотъ тѣ маленькія хитрости, которыя дѣлали его популярнымъ всюду, куда онъ появлялся.

Но затѣмъ сильная простуда и жестокое воспаленіе легкихъ закончило его карьеру пѣвца. Послѣ этого онъ принялъ имя сеньора Пеллони и подучившись у одного испанскаго проходимца началъ свою практику магнетизма. Успѣхъ его въ этой профессіи длился мѣсяцевъ восемь-девять, не больше. Но за это короткое время онъ, должно быть, успѣлъ сдѣлать солидныя сбереженія, такъ какъ исчезновеніе его на три года, повидимому, отмѣчаетъ періодъ спокойной жизни въ свое удовольствіе. Подъ конецъ онъ взялся еще за это писаніе картинъ оптомъ и продажу ихъ оптомъ, какъ правильно выразился м-ръ Ниббсъ. Но замѣчательнѣе всего въ характерѣ m-eur Марко была та серьезность, съ какой онъ принималъ себя во всѣхъ своихъ разнообразныхъ обманахъ. Его натурѣ было несвойственно развивать и совершенствовать въ себѣ что-либо честнымъ путемъ, такъ что съ теченіемъ времени онъ сталъ разсматривать свою способность къ имитаціи и обману такъ серьезно, какъ истинный художникъ или артистъ относится къ своей искренности.

Вотъ этотъ человѣкъ, насквозь фальшивый, вошелъ теперь въ жизнь Дикки Ферлонга и прибавилъ новое кольцо къ той цѣпи случайностей, безъ котораго эта повѣсть была бы неполной.

XV.

Если вы примете во вниманіе, что настоящее имя этого человѣка было Эммануэль Чизмэнъ, что онъ былъ сыномъ бѣднаго сапожника изъ Крикльвуда и что онъ никогда въ своей жизни не выѣзжалъ изъ Лондона, то вы оцѣните искусство, съ какимъ онъ привѣтствовалъ Дика въ качествѣ художника m-eur Марко. Онъ схватилъ обѣ руки Дика, долго пожималъ ихъ, а затѣмъ обнялъ его за плечи.

— Собратъ по искусству... такъ, м-ръ Ниббсъ?—сказалъ онъ. Въ произношеніи его было даже что-то неуловимо иностранное, что́ онъ усвоилъ себѣ путемъ усерднаго упражненія.

Онъ былъ очень способенъ, но только на обманы, практикуемые въ разныхъ областяхъ. Напримѣръ, пѣть, какъ слѣдуетъ пѣвцу, онъ никогда не научился, но онъ въ совершенствѣ усвоилъ всякіе трюки, благодаря которымъ уличная публика была убѣждена, что у него чудный голосъ. Точно такъ же ему вполнѣ удалось освободиться отъ своего истинно-британскаго произношенія и пріобрѣсти легкій иностранный акцентъ.

— Да, братья по кисти,—говорилъ онъ,—старшій братъ и меньшій братъ, не правда ли, м-ръ Ниббсъ?

Затѣмъ, принявъ покровительственную позу, онъ особенно, по-товарищески заглянулъ Дикки въ лицо.

— Благородное это ремесло, другъ мой,—говорилъ онъ,—но очень плохо оплачивается. Если бы я посылалъ свои картины въ Академію, то составилъ бы уже состояніе, повѣрьте мнѣ. Но что такое теперь Академія? Это рынокъ... базаръ бездарности и больше ничего.

Онъ отступилъ на шагъ назадъ, слѣдя за эффектомъ своихъ послѣднихъ словъ на Дикки. Но Дикки былъ такъ ошеломленъ странными рѣчами художника, что ужъ не способенъ былъ реагировать больше. М-сье Марко обратилъ свои взоры на м-ра Ниббса. Но тотъ зналъ хорошо, что все это одни цвѣты краснорѣчія, и слушалъ молча и хитро поблескивая глазами.

— Вы не вѣрите тому, что́ я говорю! — воскликнулъ м-сье Марко,—вы думаете о тѣхъ картинахъ, которыя я пишу для продажи... объ этихъ ужасныхъ вещахъ... Богъ мой! Заклинаю васъ, дружище, не думайте о нихъ! Онѣ меня кормятъ—вотъ и все. Человѣкъ долженъ жить, м-ръ Ниббсъ. Но видѣли ли вы мой портретъ мадамъ Марко? Видѣли ли вы мой портретъ короля, для котораго онъ шесть разъ позировалъ мнѣ два года тому назадъ? Нѣтъ... вы не видали ихъ конечно... Я не рекламирую своихъ вещей. Онѣ у меня въ ателье. Показать вамъ ихъ?.. Нѣтъ! Но въ нихъ моя душа, м-ръ Ниббсъ. Теперь я опять пишу мадамъ Марко... большой портретъ во весь ростъ! Но она не согласится показать его! Она такъ робка... съ ея лицомъ! Настоящая Венера, м-ръ Ниббсъ, но скромная и застѣнчивая, какъ дѣвочка. А вы хотите судить обо мнѣ по мазнѣ, которая дѣлается для того, чтобы пить и ѣсть.

Онъ повернулся съ жестомъ отчаянія и отвращенія. Даже м-ра Ниббса тронуло его огорченіе, а Дикки почувствовалъ, что жизнь этого человѣка—сплошная трагедія.

— Отчего вы не продаете вашъ портретъ короля?—спросилъ Дикки.

М-сье Марко рѣзко повернулъ голову въ его сторону.

— Продать портретъ короля!—воскликнулъ онъ.—Кому? спрашиваю я васъ: кому? Только народу можно. Да! Но развѣ они купятъ его? О, нѣтъ! Вы узнаете въ скоромъ времени, милый юноша, что эта ваша Англія вся цѣликомъ не имѣетъ столько художественнаго вкуса, сколько у меня есть въ одномъ мизинцѣ. Что они покупаютъ? Іоттса, Тёрнера, Россетти?

Глаза Дика загорѣлись.

— А что вы можете сказать противъ Іоттса и Тёрнера?— вырвалось у него.

М-еиг Марко понялъ, что значилъ огонекъ въ глазахъ Дика, и склонилъ голову передъ авторитетомъ этихъ именъ.

— Великіе это люди, другъ мой, великіе люди. Но кто призналъ ихъ? Никто. Это судьба всѣхъ глубокихъ и тонкихъ мастеровъ кисти. Я никогда... никогда не осмѣлюсь претендовать на званіе тонкаго художника, но и моя судьба такова... Да, такъ-то... А теперь, пожалуйста пойдемте ужинать. У насъ, кажется, сосиски сегодня?

При этомъ m-ieur Марко сталъ потирать руки и повелъ гостей въ столовую, гдѣ мадамъ Марко уже разливала чай.

— Дорогая моя,—проговорилъ художникъ съ изысканнымъ жестомъ,—это нашъ юный собратъ по палитрѣ.

Дикки въ смущеніи остановился въ дверяхъ, но, замѣтивъ, что маленькая женщина, не слишкомъ стройная и не слишкомъ молодая, но все же удивительно, какъ ему показалось, интересная, привѣтливо улыбается ему, онъ тоже улыбнулся, и затѣмъ отвелъ глаза въ сторону.

— Поцѣлуй своего маленькаго брата, дорогая моя,— сказалъ вдругъ m-eur Марко,—брату и сестрѣ такъ полагается. Одинъ поцѣлуй, дорогая моя,—и, взявши подъ руку м-ра Ниббса, онъ стоялъ, радостно ухмыляясь тому, что его приказаніе такъ охотно исполняется. Ибо жена безъ всякаго колебанія съ улыбкой подошла къ Дику. Онъ почувствовалъ прикосновеніе круглой нѣжной щеки къ своей, и ея губы коснулись его губъ. Когда поцѣлуй кончился, лицо у Дика было какъ піонъ, а всѣ кругомъ смѣялись. Даже м-ра Ниббса разобрало, и онъ хохоталъ, запрокинувъ голову назадъ. Но для Дика это былъ ужасно тяжелый моментъ. Онъ отъ души обрадовался, когда всѣ сѣли за столъ и передъ ними появилось блюдо дымящихся сосисекъ съ картофельнымъ пюре.

Во время ужина Дикки постепенно сталъ приходить въ себя. М-me Марко приковала его вниманіе. Она была въ томъ возрастѣ,

который неизмѣнно привлекателенъ для мальчиковъ. Но при этомъ его удивляло, какъ m-eur Марко могъ назвать ее Венерой. Она была такая кругленькая и, что называется, сдобная, что сравненіе казалось невѣроятно смѣшнымъ. Онъ приписалъ его иностраннымъ понятіямъ m-eur Марко. Въ этомъ направленіи обманъ имѣлъ полный успѣхъ. Всѣ принимали его за иностранца, тѣмъ болѣе еще, что m-me Марко была самая несомнѣнная и истинная француженка, хотя исторія умалчиваетъ объ ея имени передъ тѣмъ, какъ она стала m-me Марко. Несомнѣнно, что его твердость въ иностранномъ акцентѣ въ значительной степени объяснялась постоянной совмѣстной жизнью съ нею.

Когда ужинъ кончился, всѣ они пошли наверхъ, гдѣ подъ самой крышей находилась чердачная комната съ низкимъ потолкомъ, которую m-eur Марко называлъ своимъ ателье. Подымаясь по лѣстницѣ, м-ръ Ниббсъ улучилъ удобный моментъ и шепнулъ Дикки на ухо:

— Помните, что́ я говорилъ вамъ? Ни черта все это не стоитъ. Но не показывайте вида, что вы это знаете. Дѣло идетъ о пяти шиллингахъ въ недѣлю и курсѣ въ школѣ!

Совѣтъ этотъ былъ драгоцѣннымъ для Дикки, потому что когда вопросъ касался картинъ, онъ всегда склоненъ былъ высказать напрямикъ все, что́ думаетъ. Но даже и это мудрое предупрежденіе м-ра Ниббса не подготовило его къ тому, что́ онъ увидѣлъ.

Всѣ стѣны комнаты были увѣшаны длинными полосами холста, не шире двухъ футовъ. Всѣ онѣ находились въ различныхъ стадіяхъ подготовки для сотенъ картинъ, которыя m-eur Марко писалъ и продавалъ. На одной полосѣ, напримѣръ, видны были только широкія линіи моря и неба, при чемъ полотно раздѣлено было на двѣ равныя части, и верхняя отведена подъ небо, а нижняя—подъ море. Дикки узналъ, что это такъ потому, что густая синева моря была изборождена математически правильно расположенными линіями волнъ, а болѣе блѣдная лазурь неба—традиціонными бѣлыми облаками. На другой стѣнѣ полотна были въ дальнѣйшей стадіи: изъ воды подымались скалистые утесы, а на горизонтѣ виднѣлись туманныя очертанія далекихъ холмовъ. Дальше висѣло полотно, еще болѣе законченное: здѣсь скалы были «отдѣланы»: огромные камни валуны вздымались на этихъ утесахъ, а среди расщелинъ цвѣли цвѣты, какіе никогда нигдѣ не встрѣчались, кромѣ ателье m-eur Марко. Наконецъ, на послѣдней стѣнѣ висѣло готовое произведеніе, въ которомъ полностью отразился геній художника. Это было длинное полотно, занятое

отъ одного конца до другого небомъ, скалами и моремъ. Но здѣсь кромѣ того были летающія чайки и корабли, либо лежавшіе, либо весело плывущіе подъ бѣлыми парусами по ярко синему морю.

Дикки переводилъ взглядъ съ одного холста на другой и не зналъ, какой изъ нихъ болѣе нелѣпъ. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, вспомнивъ про пять шиллинговъ, и понимая, что его молчаніе убійственнѣе всякой критики, онъ заставилъ себя проявить интересъ къ этой чудовищной мазнѣ.

Если бы онъ способенъ былъ къ юмористическому отношенію, то это спасло бы его и тутъ. Но онъ принималъ все это серьезно и задавалъ себѣ вопросъ, отчего жизненная борьба такъ жестока, что онъ обреченъ на такую работу, какъ эта. А между тѣмъ m-eur Марко явно ждалъ восхищенія. Онъ стоялъ, откинувъ назадъ свои длинные волосы, и глаза его сверкали гордостью. Всѣ ждали, что скажетъ Дикки; а на лицѣ m-me Марко выражалось беззаботное равнодушіе къ тому, что́ именно онъ скажетъ.

— Я какъ-то не совсѣмъ понимаю это—произнесъ онъ наконецъ,—значитъ, вы никогда не планируете вашихъ картинъ отдѣльно?

Этихъ именно словъ, оказывается и ждалъ m-eur Марко. Онъ просіялъ и, хлопнувъ по плечу м-ра Ниббса, воскликнулъ:

— Въ самую что называется точку попали! Въ этомъ, другъ мой, и лежитъ все хитроуміе!

Онъ вынулъ изъ ящика большія ножницы и, возбужденно размахивая ими передъ самой физіономіей Дикки, сказалъ:

— Вотъ этимъ маленькимъ инструментомъ я произвожу всю планировку. Всѣ такъ дѣлаютъ, но тайкомъ. Отрѣжешь чуточку ближе, и картина испорчена. Вотъ смотрите. Этотъ холстъ уже подсохъ.

Онъ придержалъ полотно за край и, тщательно примѣривъ ножницы, отрѣзалъ около полу-ярда. Затѣмъ, не показывая пока зрителямъ, онъ взялъ пустую золотую рамку и быстро вставилъ въ нее картину. Затѣмъ съ торжествомъ показалъ ее всѣмъ.

Картина была такая, какія приходится видѣть въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ, на дачахъ, въ маленькихъ загородныхъ ресторанахъ. Здѣсь фигурировала отвѣсная скала, пышно украшенная цвѣтами и кустарниками; здѣсь традиціонныя чайки летали надъ традиціонными волнами, а неправдоподобный корабль плылъ по неправдоподобному морю. Такія картины Дикки приходилось видѣть не разъ въ Эккингтонѣ, и онъ всегда съ уди-

вленіемъ думалъ, какъ у человѣка можетъ хватить терпѣнія написать такую пошлятину. Теперь онъ зналъ, что такіе люди есть, и самъ даже поступилъ на службу къ одному изъ нихъ.

— Ну вотъ,—сказалъ m-eur Марко,—что же вы думаете объ этомъ, молодой человѣкъ? Выскажитесь. Развѣ я боюсь критики? Развѣ я жаденъ на похвалу? Скажи, дорогая моя,—обратился онъ къ женѣ.

Та покачала головой, затѣмъ кокетливо положила ее на плечо мужу. Но въ глазахъ ея блеснулъ огонекъ, котораго никто не замѣтилъ.

— Да,—повторилъ m eur Марко.—Такъ какъ же? Вамъ не нравится?.. Что?

Тонъ его голоса измѣнился. Очень ужъ затянулось молчаніе Дикки! M-me Марко эта перемѣна была болѣе чѣмъ знакома, но даже и Дикки уловилъ ее и понялъ ея значеніе. Иронія придала оттѣнокъ убѣжденія его голосу, когда онъ воскликнулъ наконецъ: — Я нахожу это необыкновеннымъ! Въ отвѣтъ на это m-eur Марко обнялъ его шею и сказалъ, что они будутъ любить другъ друга, какъ братья.

Когда въ этотъ вечеръ Дикки ушелъ въ предоставленную ему на мезонинѣ комнатку, онъ легъ на кровать, зарылся лицомъ въ подушку и заплакалъ—не столько отъ разочарованія, сколько отъ стыда.

XVI.

За пять шиллинговъ въ недѣлю, столъ и квартиру, т. е. кровать на мезонинѣ, Дикки обязался исполнять ту работу, которую раньше дѣлала сама мадамъ. Онъ долженъ былъ писать небо, море, словомъ, весь фонъ пейзажа, который потомъ дополняла искусная кисть m-eur Марко. Черезъ нѣсколько дней Дикки убѣдился, что отъ него требуется еще кое-что: онъ долженъ былъ ходить по порученіямъ, помогать на кухнѣ, а вечеромъ и сбѣгать въ «Корону и Скипетръ» за кружкой пива, которымъ его патронъ заливалъ всѣ дневныя огорченія и приводилъ себя въ хорошее настроеніе духа.

Дикки съ охотой принялъ на себя всѣ эти низшія обязанности, потому что онѣ давали ему возможность учиться. Какъ только онъ собралъ немножко денегъ, то поступилъ на вечерніе курсы при политехникумѣ и сталъ ежедневно работать тамъ со всѣмъ пыломъ и усердіемъ, на какое способна была его натура.

Около одиннадцати часовъ, когда во всей квартирѣ уже было

темно и изъ спальни доносился громкій храпъ m-ieur Марко, Дикки усталый возвращался съ курсовъ.

Въ столовой на столѣ онъ всегда находилъ приготовленные для него буттерброды. Хоть они и не были особенно вкусны, но проголодавшись было пріятно съѣсть ихъ. Мадамъ Марко выражала этимъ вниманіемъ свою благодарность за то, что онъ снялъ съ ея плечъ работу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ у нихъ въ домѣ, она имѣла возможность послѣ обѣда нарядиться и выйти погулять по гринвичской Гай-Стритъ, гдѣ многіе заглядывались на нее. Это поддерживало въ ней ощущеніе своей красоты. Иногда она садилась въ трамвай и ѣхала «въ городъ», чтобы побродить по шумнымъ улицамъ и посмотрѣть витрины магазиновъ. Нерѣдко мужчины заговаривали съ ней, и хотя она отворачивалась, не отвѣчая, но это было пріятно. Послѣ такихъ инцидентовъ она возвращалась домой оживленная, посвѣжѣвшая и бывала особенно ласкова и внимательна къ мужу.

Дикки самъ по себѣ тоже интересовалъ ее. Онъ былъ молодъ. Она ожидала отъ него комплиментовъ и легкаго ухаживанія, и когда этого не произошло, стала присматриваться къ нему съ еще бо́льшимъ интересомъ.

Черезъ нѣкоторое время она догадалась, что онъ влюбленъ въ кого-то, и ея лѣниво-чувственному воображенію нравилось представлять себѣ его любовникомъ. Онъ, навѣрное, горячъ, пылокъ, нетерпѣливъ. За столомъ, когда ни Дикки, ни мужъ не слѣдили за ней, она наблюдала Дикки: ей нравился яркій блескъ его глазъ, изгибъ губъ и выраженіе пуританской сдержанности, которое всегда бывало на его лицѣ, когда онъ молчалъ. Она думала про себя, что было бы очень забавно видѣть этого юношу влюбленнымъ; въ натурѣ ея было слишкомъ много пассивности для того, чтобы она сама желала стать предметомъ этого чувства. Она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, главная слабость которыхъ—любопытство. Когда она увидѣла, что время идетъ, а Дикки не изливаетъ ей свою душу, она рѣшила сама заглянуть въ нее.

Однажды утромъ, когда m-eur Марко повезъ въ городъ цѣлый транспортъ новыхъ картинъ, она надѣла одно изъ своихъ лучшихъ платьевъ, которое—увы—очень не шло къ ней, и, поднявшись наверхъ, тихонько постучалась въ дверь мастерской.

Почти не дожидаясь отвѣта Дика, она вошла и увидѣла его сидящимъ на полу, въ крайнемъ унынiи.

— Устали?—спросила она.

Дикки разомъ вскочилъ на ноги. Она улыбнулась. Послѣ

увѣсистой любезности m-enr Марко такія манеры были чрезвычайно пріятны маленькой женщинѣ. Но онъ больше нравился ей, когда чувствовалъ себя просто, безъ всякой церемоніи; оттого она и сама опустилась на полъ и пригласила его сѣсть съ ней рядомъ.

— Не стѣсняйтесь,—сказала она,—вѣдь, такъ вамъ удобнѣе. Не по душѣ вамъ эта работа... что?

И она выразительно кивнула головой въ сторону длинныхъ полосъ холста, и поморщила носъ, втягивая запахъ краски.

Все это вызывало на откровенность, возбуждало довѣріе. Передъ тѣмъ, какъ она вошла, Дикки послѣ двухчасовой работы бросилъ кисти и со слезами отчаянія на глазахъ, въ изнеможеніи опустился на полъ.

— Не могу заставить себя,—выговорилъ онъ вдругъ, чувствуя, что ей можно это сказать.—Не нахожу никакого интереса, не могу душой отдаться дѣлу... это такая... такая...

— Пошлятина?—подсказала она, подмигнувъ.

— Я не сказалъ этого,—возразилъ полусмѣясь Дикки.

— Нѣтъ, конечно... но тогда отчего же вы дѣлаете это? А?

— Оттого, что это оплачиваетъ мое ученіе на курсахъ. Мнѣ надо учиться и въ то же время зарабатывать на это и на жизнь. Вы знаете, я почти цѣлыхъ полгода пробылъ въ Лондонѣ и за все это время ничего не успѣлъ.

— Такъ-таки ничего?—спросила m-me Марко, высоко поднявъ брови. Человѣку съ бо́льшимъ житейскимъ опытомъ, чѣмъ Дикки, ея тонъ многое бы сказалъ. Но онъ въ великолѣпномъ невѣдѣніи думалъ только о своей работѣ.

— Даже влюбиться не успѣли?—прибавила она лукаво.

Дикки быстро взглянулъ ей въ глаза и прочелъ въ нихъ приглашеніе поисповѣдаться. Съ минуту онъ колебался... а затѣмъ сталъ разсказывать ей все про Доротею, раскрывая свою душу до самыхъ завѣтныхъ уголковъ.

М-me Марко слушала и съ улыбкой кивала головой. Все это такъ, какъ она ожидала: онъ любитъ пылко, страстно. Любопытство ея увѣнчалось успѣхомъ. Ей интересно и пріятно было слушать его разсказъ. Но, когда Дикки дошелъ до той ночи, когда онъ прощался съ Доротеей, она противъ воли почувствовала какое-то внутреннее смятеніе.

— Да,—сказала она,—но это, вѣдь, не все? правда?

Глаза ея такъ и прыгали, стараясь прочесть правду на его лицѣ.

— Вы вели себя паинькой, нѣтъ? А? Что изъ двухъ?

Думаю, что второе; и теперь вамъ стыдно... вы — настоящій англичанинъ и вамъ стыдно передъ самимъ собою: не такъ ли?

— Я не стыжусь этого,—сказалъ Дикки.

Ни одна нотка въ его голосѣ не пропала для нея. Развѣ она не угадала? Да, это пылкій, горячій юноша. Было бы интересно видѣть его влюбленнымъ.

— Вамъ стыдно и той, другой,—сказала она.

Дикки быстро вскинулъ на нее глаза. Значитъ, она знаетъ, и это? Ну что жъ, онъ даже радъ, такъ какъ ему хотѣлось покаяться кому-нибудь. Отчего бы не ей? Женщинѣ такъ легко разсказать такія вещи. Она всегда интересуется ими и всегда готова понять и простить безумство каждаго мужчины, за исключеніемъ того, кого она сама любитъ. И снова, съ улыбкой кивая головой, m me Марко слушала разсказъ Дикки о Констанціи. Будь у него въ запасѣ еще сотня подобныхъ романовъ, она бы съ такимъ же вниманіемъ выслушала ихъ: любопытство было, дѣйствительно, слабое мѣсто лѣнивой француженки.

— И вы стыдитесь всего этого?—спросила она, когда онъ кончилъ.

Дикки опустилъ голову.

— Вѣдь, невозможно любить двухъ женщинъ сразу,—проговорилъ онъ наконецъ.—А я знаю, что люблю Доротею... безповоротно... сильно... Не могу же я думать, что люблю и Констанцію тоже? Все это вышло у насъ какъ-то неожиданно. Не успѣлъ оглянуться и... Я какъ подумаю: она такая хорошая, великодушная, благородная, а я... я просто лѣнтяй, который обрадовался, что можно пожить на чужой счетъ!

Нѣсколько секундъ m-me Марко молчала, любуясь силой самопрезрѣнія, звенѣвшей въ голосѣ Дикки; затѣмъ, вдругъ она запрокинула назадъ голову, расхохоталась и захлопала своими маленькими ручками.

— Ахъ вы, милые, смѣшные англичане! Будь я на мѣстѣ этой маленькой Доротеи или Констанціи, какимъ вы прекраснымъ были бы bien-aimé! И зачѣмъ только женщина старѣетъ? Отчего я не осталась молодой еще немного?

— Но вы еще совсѣмъ не стары,—сказалъ Дикки.

Она ждала этихъ словъ, но сказалъ онъ ихъ не такъ, какъ надо было. По какому-то неуловимому оттѣнку его голоса она поняла, что онъ считаетъ ее ничуть не моложе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Тридцать восемь лѣтъ! Хуже всего то, что помнишь это твердо именно тогда, когда хочется забыть. На-

строеніе m-me Марко сразу упало. Ея внутреннее смятеніе улеглось; пульсъ сдѣлался медленнѣе.

— Милый мой мальчикъ,—сказала она,—развѣ вы не видите, что это только начало? Молодому человѣку надо перебѣситься. Но это серьезно. И Доротея ваша, и Констанція только помогаютъ вамъ на трудномъ пути, онѣ вдохновляютъ васъ къ труду, къ стремленію. Благодаря имъ обѣимъ вы справляетесь съ этой непріятной работой и можете еще учиться на курсахъ. А потомъ будетъ какая-нибудь Эмилія и Джэнъ, и другія, и каждая внесетъ свою маленькую долю. Скажите: вы можете работать сразу надъ двумя картинами?

— Отчего же нѣтъ?

— Вотъ видите... то-то и есть! Вы влюблены въ обѣихъ: въ эту маленькую Доротею, оттого, что она кроткая и тихая. И въ Констанцію, оттого, что она смѣлая, великодушная и искренняя. Маленькая Доротея помогаетъ вамъ справляться съ этой поганой работой, потому что вамъ хочется скорѣе выбиться въ люди, а Констанція помогаетъ вамъ дѣлать успѣхи и писать хорошія вещи, и вамъ наплевать, продадите ли вы ихъ или нѣтъ, потому что, если у васъ нѣтъ денегъ, то она съ радостью дастъ вамъ ихъ. Развѣ не такъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—горячо воскликнулъ Дикки, особенно горячо оттого, что онъ боялся, что это правда.—Я люблю одну Доротею. Констанція мнѣ только нравится... я чувствовалъ къ ней влеченіе... страсть, что ли, и этого мнѣ теперь стыдно.

M-me Марко пожала плечами.

— Называйте, какъ хотите, — сказала она терпѣливо,—у всѣхъ васъ въ Англіи такія странныя понятія. Къ любви вы относитесь, какъ къ голоду. Удовлетворите его, а затѣмъ никогда больше не говорите о немъ, какъ человѣкъ не говоритъ о томъ, что онъ съѣлъ. Подите сюда и поцѣлуемся по-братски. Я пойду погулять по набережной и по Гай-Стритъ.

Дикки послушно поцѣловалъ ее, и она смѣясь ушла изъ комнаты.

— Онъ ужасно молодъ,—думала она, спускаясь по лѣстницѣ,—слишкомъ молодъ.

И мысль эта была для нея утѣшеніемъ. Она бы никогда не допустила непріятныхъ для себя мыслей: онѣ нарушаютъ гладкую нѣжность лба и прибавляютъ маленькія морщинки вокругъ глазъ.

— Онъ слишкомъ молодъ!—повторяла она про себя, надѣвая шляпу,—но какой темпераментъ!

XVII.

Въ первый свободный отъ занятій вечеръ Дикки пошелъ навѣстить м-ра Ниббса. Онъ засталъ своего друга за работой у стола, склонившись надъ ярко освѣщенной свѣтомъ масляной лампой. Когда Дикки, остановившись на порогѣ, увидалъ согнутую спину и старыя роговыя очки на носу м-ръ Ниббса, онъ сразу понялъ, какъ любовно работаетъ этотъ человѣкъ. Онъ почувствовалъ къ нему зависть, и, можетъ быть, подъ вліяніемъ этого чувства впервые зародилось въ его душѣ желаніе самому заняться гравированіемъ.

Пожали другъ другу руки. М-ръ Ниббсъ разспросилъ Дикки, какъ ему живется у m-elle Марко, какъ идутъ его занятія въ школѣ, а затѣмъ онъ поправилъ свои очки, усѣлся поудобнѣе на стулѣ, направилъ лучъ свѣта на то мѣсто гравюры, гдѣ онъ работалъ, и снова продолжалъ ее. Нѣкоторое время молчаніе ничѣмъ не нарушалось — Дикки съ возраставшимъ интересомъ слѣдилъ за его работой.

— Отчего никто теперь не занимается гравированіемъ по дереву?—спросилъ онъ вдругъ.

М-ръ Ниббсъ поднялъ голову.

— Нѣкоторые занимаются, но спросу на это нѣтъ. Публика не любитъ. Ужъ если что ей подавай, такъ это офортъ. За хорошій офортъ можно получить хорошія деньги на Бондъ-Стритѣ. А по дереву гравируютъ нѣкоторые, но это, по совѣсти говоря, забытое искусство. Возьмите, напримѣръ, заставки и виньетки Барроу; развѣ теперь умѣютъ дѣлать такъ просто? Нѣтъ. Публика и не цѣнитъ простоты, мнѣ кажется. Она любитъ колоритъ и цвѣтъ, а иначе ей думается, что не на что денегъ тратить!

У м-ра Ниббса Дикки выучился всему, что́ тотъ зналъ о гравированіи по дереву. Было это, правда, немного. У него былъ наметанный глазъ, онъ любилъ смѣлость линій. Но воображеніе Дикки стало работать надъ тѣми перспективами, какія онъ предчувствовалъ въ этомъ искусствѣ. Онъ жадно слушалъ все, что́ м-ръ Ниббсъ разсказывалъ ему о Дюрерѣ, Барроу и Бартолоцци, а также внимательно присматривался къ работѣ его надъ реставрированіемъ покупаемыхъ имъ старыхъ гравюръ. Каждый вечеръ, свободный отъ занятій въ политехникумѣ, онъ сталъ приходить въ маленькую рабочую комнатку м-ра Ниббса и сидѣлъ у него до тѣхъ поръ, пока не наступало время ложиться спать на своемъ мезонинѣ.

Однажды, придя къ м-ру Ниббсу, Дикки засталъ его погруженнымъ въ какую-то сложную манипуляцію съ перомъ. Затаивъ дыханіе, низко склонивъ голову, онъ весь ушелъ въ работу. Онъ не обернулся, когда услышалъ шаги, и Дикки тихо сѣлъ на приготовленный для него стулъ. Когда работа была окончена, онъ шумно перевелъ дыханіе, передвинулъ очки на лобъ и откинулся на спинку стула, протирая глаза краснымъ платкомъ.

— У-уфъ! — пропыхтѣлъ онъ и затѣмъ, взглянувъ на Дикки съ особенно привѣтливымъ видомъ, сказалъ:

— Да, голубчикъ мой, а вы того... двигаетесь впередъ... двигаетесь!

— Въ чемъ же это?—удивился Дикки.

— Въ чемъ?.. Ну, ладно... я вамъ скажу. Сегодня днемъ приходитъ ко мнѣ въ лавку господинъ... но не изъ тѣхъ, которые спѣшатъ на вокзалъ къ поѣзду... нѣтъ... у тѣхъ нѣтъ вкуса ни на грошъ. Онъ шелъ на Стрэндъ съ той стороны, понимаете? Такъ вотъ. Входитъ онъ и говоритъ: «Я хочу посмотрѣть акварель, которая у васъ выставлена въ окнѣ впереди».

— Мою?—воскликнулъ Дикки. Сердце заколотилось молотомъ у него въ груди.

— Да. Вашу. Я вынулъ ее, и онъ разсматривалъ ее навѣрное минутъ пять.

— А онъ сказалъ что-нибудь?—спросилъ Дикки.

— Да... Наглядѣвшись, онъ посмотрѣлъ на меня и спрашиваетъ: «Скажите, отчего онъ назвалъ ее «Благоуханіе»?» Я и говорю, что совѣтовалъ дать другое названіе. «А какъ бы повашему?»—спрашиваетъ. Я и говорю ему: «На рынокъ», какъ тогда и вамъ говорилъ. А онъ мнѣ на это: «Нѣтъ, вы были бы неправы! Тогда картина стоила бы только два фунта. А одно это заглавіе стоитъ десяти шиллинговъ». И, не говоря больше ни слова, онъ заплатилъ деньги, я завернулъ ему картину, и онъ ушелъ.

— А больше онъ ничего не сказалъ?—не унимался Дикки.—Это все?

Въ этотъ самый моментъ въ комнату вошла Эмилія, и м-ръ Ниббсъ обратился къ ней, пожимая плечами.

— Представь себѣ, онъ еще недоволенъ. Я разсказалъ ему, что господинъ не торгуясь заплатилъ полную цѣну, а ему мало.

— Я только хотѣлъ знать, не сказалъ ли онъ еще чего-нибудь,—оправдывался Дикки.

— Только!—повторилъ м-ръ Ниббсъ. Онъ сильно засопѣлъ носомъ, что случалось съ нимъ всегда, когда онъ искалъ и не

находилъ словъ.—Но, вѣдь, онъ купилъ картину! Чего же вамъ нужно? Неужели вы думаете, что онъ заплатилъ бы два фунта десять, если бы она ему не нравилась? Если ужъ въ нашемъ районѣ за картинку платятъ такія деньги, то, значитъ, она хороша! Вы какъ-будто не понимаете, что онъ сдѣлалъ для васъ?

— Что же онъ сдѣлалъ?

— А то, что я теперь куплю у васъ еще одну. И заплачу за нее ту же цѣну.

— Два фунта опять?—обрадовался Дикки.

— Да. Конечно.

Дикки едва вѣрилъ собственнымъ ушамъ. Ему казалось, что огромныя желѣзныя ворота, ведущія къ славѣ, медленно открываются передъ нимъ; ихъ тяжелые запоры раздаются подъ давленіемъ его желанія. Ему хотѣлось прыгать и плясать вокругъ м-ра Ниббса, хотѣлось поцѣловать Эмилію, которая стояла тутъ и улыбалась съ гордымъ сіяніемъ въ глазахъ.

— Вотъ великолѣпно,— воскликнулъ онъ,— ей Богу, великолѣпно.

Не только продажа картины казалась ему сейчасъ чудомъ. Нѣтъ! Вся жизнь и судьба, выносившая его теперь наверхъ послѣ долгихъ неудачъ, казались чудомъ.

— Какой этюдъ вы хотите?—спросилъ онъ.—Есть. «Въ таинственный путь!».. Нѣтъ, это недостаточно хорошо. У меня теперь выходитъ лучше. Тамъ фигуры не удались. Теперь послѣ натурнаго класса мнѣ это легче. Я напишу новую картину для васъ, м-ръ Ниббсъ. Вотъ что я сдѣлаю. Сюжетовъ здѣсь сколько угодно. Если старый Марко отпуститъ меня завтра, то я пойду писать этюдъ.

На слѣдующій день Дикки взялъ отпускъ безъ спроса, такъ какъ m-eur Марко собрался съ утра въ городъ.

Уходя, онъ потрепалъ Дикки по спинѣ:

— Успѣхи вы дѣлаете отличные, сказалъ онъ добродушно,— на будущей недѣлѣ, если я увижу, что и дальше идетъ хорошо, я дамъ вамъ написать кораблекрушеніе, совершенно самостоятельно.

Дикки стоялъ на лѣстницѣ вмѣстѣ съ m-me Марко, провожая хозяина.

— Развѣ онъ не милый?—спросила она, лукаво подмигивая глазами. Она уловила выраженіе лица Дикки, когда ея мужъ обѣщалъ ему «кораблекрушеніе», и ея губы дергались отъ улыбки.

— Вамъ нравится писать кораблекрушеніе, что? Вы всю душу вложите въ это... да?

Лицо Дика стало такъ серьезно, что она не выдержала и расхохоталась.

— Можете поцѣловать меня,—сказала она. Эту вещь она часто говорила съ тѣхъ поръ, какъ они тогда разговаривали въ мастерской, и Дикки всегда подчинялся: она была жена его хозяина, и онъ не хотѣлъ терять пять шиллинговъ въ недѣлю. Да и кромѣ того, это было значительно пріятнѣе, чѣмъ бѣгать за пивомъ въ «Корону и Скипетръ». И, когда онъ поцѣловалъ ее въ одну щеку, она подставила ему другую. Всю эту картину видѣла изъ своего окна сосѣдка изъ номера четвертаго, м-съ Уикбурнъ. У нея отъ стыда загорѣлись щеки. Такой красивый парень и попалъ въ сѣти этой вѣдьмы!

Въ этотъ день Дикки написалъ этюдъ берега Темзы съ баркасомъ для ловли устрицъ на немъ. Когда онъ возвращался домой, m-me Марко увидѣла его и захотѣла посмотрѣть его работу.

Она сказала, что имѣетъ право видѣть ее, такъ какъ онъ потратилъ драгоцѣнное для ея супруга время.

Глаза ея лукаво смѣялись, но Дикки не замѣчалъ этого и съ тревожнымъ сомнѣніемъ въ душѣ протянулъ ей свой этюдъ.

Она поднесла его къ окну, гдѣ было больше свѣту, долго разсматривала, а затѣмъ повернулась и съ досадой проговорила:

— Глупый вы мальчикъ!

Дикки приготовился услышать, что она хочетъ разсказать мужу, какъ онъ провелъ день.

— Зачѣмъ вы торчите тутъ, наверху, и малюете эту ерунду, горячо сказала она,—вы можете писать какъ слѣдуетъ.

— Я знаю, что могу,—отвѣтилъ Дикки. Какая-то волна подымалась у него въ груди: онъ чувствовалъ, что она говоритъ искренно.

— Такъ для чего вы здѣсь?

— Для того, чтобы зарабатывать пять шиллинговъ въ недѣлю и учиться.

— Да-а... Ну тогда совѣтую вамъ скрыть отъ m-eur Марко, что вы можете написать такую вещь, какъ эта,—сказала она,—если онъ увидитъ ее, то выставитъ васъ сейчасъ же изъ дому.

XVIII.

Вечера, проведенные съ м-ромъ Ниббсомъ надъ старыми гравюрами, не оказались безъ вліянія на Дикки. Въ политехнической школѣ онъ купилъ необходимыя для гравированія по

дереву принадлежности и поздно вечеромъ, когда весь домъ погружался въ сонъ, онъ сталъ садиться за работу. Сюжетъ былъ простой и несомнѣнно навѣянный произведеніями Барроу: нерѣдко на новый путь выводитъ насъ твердая рука великаго человѣка.

Баржа, на всѣхъ парусахъ медленно огибающая рѣчной каналъ—вотъ что изображалъ Дикки. За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ сдѣлалъ для этого этюдъ карандашомъ. Теперь онъ съ величайшей тщательностью и любовью вырѣзалъ его на деревѣ и, когда было готово, понесъ въ Политехникумъ. М-ру Ниббсу онъ ни слова не сказалъ о своемъ предпріятіи. При помощи печатной машины онъ перевелъ свой рисунокъ черными чернилами на старую индійскую бумагу и, когда увидѣлъ свою картину одушевленной, онъ почувствовалъ приливъ дѣтски-радостнаго возбужденія. Безконечно тянулось время, пока наконецъ пришелъ вечеръ, и онъ могъ понести свою гравюру м-ру Ниббсу.

Наблюдательный человѣкъ сразу по одному виду Дикки узналъ бы, что у него случилось что-то необыкновенное. Даже Эмилія, отворившая ему дверь, замѣтила, что онъ какой-то особенный сегодня. Она прошла вслѣдъ за нимъ въ комнату мужа, который сидѣлъ за своей работой какъ ни въ чемъ не бывало, и остановилась, ожидая, что́ будетъ дальше.

Въ первый же удобный моментъ Дикки вытащилъ свой эстампъ изъ кармана.

— Какъ вамъ понравится эта штука? спросилъ онъ и положилъ гравюру на столъ съ самымъ равнодушно-спокойнымъ видомъ.

М-ръ Ниббсъ взялъ ее и сталъ разсматривать. На лицѣ у него при этомъ было выраженіе дѣлового человѣка, а не любителя. Но для Дикки это не было неожиданностью. Онъ никогда не относился особенно серьезно къ критическому чутью м-ра Ниббса. Это просто антикваръ, который любитъ свои гравюры, все равно, хороши ли онѣ или плохи, какъ будто онѣ его дѣти.

— Какъ вамъ это нравится?,—повторилъ Дикки.

М-ръ Ниббсъ поднялъ голову.

— Видите ли... это не Барроу, потому что сюжетъ не въ его духѣ... но бумага старая или дьявольски-хорошая имитація. Смѣлая штука... да, смѣлая... Гдѣ вы ее откопали?

— Это моя,—сказалъ Дикки.

— Ну, да, я знаю, что ваша. Я такъ думаю, но гдѣ вы ее нашли? Гдѣ купили?

— Я самъ сдѣлалъ ее,—произнесъ Дикки, стараясь говорить спокойно, но ему хотѣлось разразиться неистовымъ хохотомъ. Ему удалось обмануть м-ра Ниббса! человѣка, который полъ-жизни своей возился съ гравюрами. Въ этотъ моментъ Дикки не думалъ, что старичекъ мало смыслитъ въ этомъ дѣлѣ.

— Я такъ и знала, что у него есть новость,—отозвалась вдругъ Эмилія изъ своего угла и, очевидно, полагая, что ея роль наблюдателя этимъ кончается, она удалилась къ своимъ важнымъ хозяйственнымъ обязанностямъ.

Когда м-ръ Ниббсъ вполнѣ раскусилъ, что̀ тутъ произошло, онъ былъ въ восхищеніи. Онъ сталъ протирать свои очки, бормоча, покряхтывая и заливаясь смѣхомъ.

— Ахъ ты, Боже мой! вотъ никогда бы не думалъ! не гадалъ,—повторялъ онъ много разъ.—Теперь, голубчикъ мой, на это дѣло надо вамъ приналечь. Подумать только! Черезъ сто лѣтъ или около того какой-нибудь старый хрычъ въ родѣ меня, будетъ корпѣть надъ старой гравюрой и будетъ ломать себѣ голову—настоящій ли это Ферлонгъ.

Такія перспективы, конечно, были преждевременны на основаніи столь непрочнаго обѣщанія, какъ эта гравюра. Все это были, конечно, одни только слова, но въ настоящій моментъ Дику нужны были именно слова для того, чтобы пріободрить его. Долго сидѣли они въ этотъ вечеръ, обсуждая, что̀ дѣлать дальше. Это былъ знаменательный вечеръ. Много лѣтъ спустя онъ былъ памятенъ Дикки.

— Но знаете, все-таки я неудовлетворенъ,—говорилъ онъ, уже собираясь прощаться съ м-ромъ Ниббсомъ.

— Чѣмъ же это?—спросилъ старикъ добродушно, вполнѣ удовлетворенный всѣмъ.

— Видите ли... мнѣ кажется, что паруса надо было сдѣлать такого цвѣта, какъ они есть на самомъ дѣлѣ. Отчего вы придерживаетесь только чернаго чернила?

— Всѣ они такъ дѣлали,—возразилъ м-ръ Ниббсъ,—этого вы не можете измѣнить.

— Нѣтъ, я могу,—сказалъ Дикки.—Я могу сдѣлать двѣ доски. Отпечатать первую въ черныхъ чернилахъ, а вторую только съ парусами—коричневымъ. Отчего же не сдѣлать такъ?

— Никогда такъ не дѣлалось,—упорно повторилъ м-ръ Ниббсъ, — ничего подобнаго я не слыхалъ. Отчего вамъ не раскрашивать ваши гравюры, какъ дѣлалъ Бартолоцци?

— Нѣтъ... я буду печатать ихъ,—упрямо стоялъ на своемъ Дикки,—подождите, вы увидите! Ахнете, когда посмотрите.

Но м-ръ Ниббсъ уже ахалъ. Идеи Дикки были прямо революціонны! Онъ не могъ вообразить, къ чему онѣ приведутъ. Когда Дикки ушелъ онъ, все еще оставался въ своемъ креслѣ, протиралъ очки и бормоталъ вслухъ:—Дюреръ никогда этого не дѣлалъ. А не можетъ же онъ затмить Дюрера!

Это было истинной правдой. Но если ему не дано было затмить великаго мастера, почему бы ему не сдѣлаться мастеромъ своего дѣла?

XIX.

M-me Марко, со своими французскими понятіями о любви, была все-таки права: во всемъ, что́ дѣлалъ Дикки, чувство это играло огромную роль.

Два фунта, полученные отъ м-ра Ниббса за картину, онъ употребилъ на поѣздку въ Эккингтонъ повидаться со своей Дороѳеей.

Разговоръ съ m-me Марко въ мастерской настроилъ его на воспоминанія о тѣхъ дняхъ, когда онъ съ Дороѳеей бродилъ по полямъ. Картины зеленыхъ луговъ по берегамъ Эвона неотступно стояли передъ его глазами и, хотя уже начался осенній листопадъ, онъ ощущалъ непреодолимое желаніе снова увидѣть родныя мѣста и даже мельницу, гдѣ такъ тяжело было бороться съ упрямымъ эгоизмомъ отца.

Время сильно смягчило эти воспоминанія. Дикки даже подумывалъ о возможности свиданія съ отцомъ. Онъ не сомнѣвался, что отецъ заинтересуется его дѣломъ теперь, когда онъ уже достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ. А при мысли о Дороѳеѣ, ея рукахъ, ея поцѣлуяхъ что-то млѣло внутри у Дикки, и вся душа устремлялась къ ласковой зарѣ того дня, когда они встрѣтятся.

Переговоривъ съ m-eur Марко, Дикки написалъ Дороѳеѣ, что онъ пріѣдетъ; просилъ ее рано встать и выйти встрѣтить его къ первому лондонскому поѣзду, приходящему въ Першоръ. Сестрѣ своей Анни онъ ничего не написалъ. Ему нравилось воображать, какъ онъ поразитъ ихъ дома своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ: они услышатъ стукъ калитки, Анни выглянетъ въ окно и увидитъ его идущимъ по дорожкѣ, обсаженной желтыми маргаритками. И когда Дикки очутился уже въ вагонѣ, онъ всю дорогу восторженно думалъ о томъ, какую радость готовитъ ему этотъ день.

Солнце было уже высоко на небѣ и все кругомъ въ свѣту; когда поѣздъ подъѣзжалъ къ Першорскому вокзалу. Сколько

воспоминаній нахлынуло на Дикки, но онъ не могъ теперь отдаваться имъ, такъ сильно было его нетерпѣніе поскорѣе увидѣть Доротею.

За нѣсколько минутъ до приближенія къ вокзалу, Дикки всталъ и высунулся изъ окна, и когда показалась станція, растущее въ душѣ возбужденіе разомъ упало, а сердце болѣзненно дернулось и замерло. Станція была пуста—пуста для него. На перронѣ стоялъ одинъ только заспанный носильщикъ, видимо не ожидавшій пассажировъ въ такой ранній часъ.

Дикки вышелъ изъ вагона, захлопнувъ дверцу. Поѣздъ тронулся дальше.

— Вы не видали барышни, которая ожидала здѣсь поѣзда?—спросилъ Дикки у носильщика.

Тотъ покачалъ головой.

— Никакой барышни сегодня не было.

Дикки пошелъ къ выходу. Вѣроятно, она слишкомъ поздно встала. Вѣдь, теперь еще нѣтъ семи. Можетъ быть, она уже идетъ, и они встрѣтятся по дорогѣ. Путь отъ Эккингтона немалый. Подогрѣвая въ себѣ надежду, Дикки вышелъ съ вокзала и быстро пошелъ по дорогѣ. При каждомъ поворотѣ онъ надѣялся столкнуться съ ней лицомъ къ лицу, но чѣмъ ближе онъ подходилъ къ Эккингтону, тѣмъ меньше оставалось надежды.

Окружавшая природа не радовала его глазъ. Онъ замѣтилъ и блѣдное золото, въ которое одѣлись ивы, и теплый пурпуръ дубовъ, и огненный нарядъ березъ, но все это не доходило до сердца. Какъ ни великолѣпно было это октябрьское утро, онъ не ощущалъ его красоты. Съ горечью думалъ онъ о томъ, что въ концѣ концовъ m-me Марко была права. Міръ прекрасенъ, какъ и раньше, но онъ не можетъ воспринимать его теперь.

Закрадывалась въ его сознаніе жуткая мысль, что тутъ что-то неладно: Доротея больна или она уѣхала. Чѣмъ больше онъ раздумывалъ, что́ бы такое могло быть, тѣмъ тяжелѣе давило на его совѣсть воспоминаніе о Констанціи. Пока Дикки добрался до Эккингтонскаго моста (Доротеи все еще не было), ея отсутствіе и эта неясная тревога въ его душѣ уже стали ему казаться справедливымъ наказаніемъ за его невѣрность.

Дикки сталъ вспоминать послѣднія письма Доротеи; теперь онъ ясно замѣтилъ въ нихъ какую-то холодность и отчужденность, которыхъ не видѣлъ раньше.

Съ гнетущимъ предчувствіемъ на душѣ подошелъ онъ, наконецъ, къ дому м-ра Легатта, постучалъ въ дверь и сталъ ждать. Наконецъ дверь отворилась, и появился Вильфридъ Легаттъ.

Раскрывши ротъ, онъ удивленными глазами смотрѣлъ на него въ упоръ.

— А я думалъ, что ты въ Лондонѣ!—сказалъ онъ.

— Я пріѣхалъ только на одинъ день,— объяснилъ Дикки.— Развѣ Доротея тебѣ не сказала? Я писалъ.

Вильфридъ покачалъ головой.

— Мы пьемъ кофе. Заходи.

Дикки успѣлъ только подумать, что его письмо, вѣроятно, пропало, какъ уже они очутились въ дверяхъ столовой. Доротея сидѣла за столомъ, по ту сторону. Его глаза прежде всего встрѣтились съ ея глазами: въ нихъ онъ прочелъ не радость, а страхъ. Онъ понялъ, что что-то случилось. Нечистая совѣсть подсказала ему, что навѣрное она узнала про Констанцію, и онъ почувствовалъ себя осужденнымъ.

— Дикки пріѣхалъ,—сказалъ Вильфридъ. Онъ былъ чрезчайно растерянъ, какъ-будто представлялъ въ школѣ новаго ученика. Дикки чувствовалъ себя нежданнымъ гостемъ и не зналъ, какъ ему себя держать. Среди неловкаго молчанія онъ пожалъ всѣмъ руки, послѣ всѣхъ Доротеѣ. Ея рука была холодная и влажная.—Садись, сказалъ м-ръ Легаттъ,—садись. Ты завтракалъ уже?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Дикки,—еще нѣтъ.

— Такъ вотъ садись и съѣшь чего-нибудь. Есть яйца. Дай ему яйцо, Вильфридъ; выбери коричневое. Да, дѣла, дѣла!— Ты, значитъ, вернулся. Не хватило силъ, да? Тяжелая жизнь, жестокая борьба! Но, вѣдь, ты взялъ это бремя на свои плечи. Я всегда говорилъ и двадцать разъ повторялъ съ тѣхъ поръ, какъ ты ушелъ изъ дому: «Этотъ мальчикъ вырвется изъ клѣтки, но онъ вернется назадъ». И когда я сказалъ твоему отцу, онъ кивнулъ головой и перешелъ на другую тему.

Дикки молча выпилъ чашку чаю и съѣлъ кусокъ хлѣба съ масломъ, казавшійся ему сухимъ, какъ подошва. Затѣмъ онъ поднялъ глаза.

— Я вовсе не вернулся назадъ,—сказалъ онъ,—я только пріѣхалъ на одинъ день повидаться... Завтра утромъ я возвращаюсь опять въ Лондонъ. М-eur Марко далъ мнѣ отпускъ на день. Я работаю. Я писалъ объ этомъ Доротеѣ.

Онъ взглянулъ на нее черезъ столъ. Она пыталась отвѣтить ему взглядомъ.

— Вѣрно это, Доротея?—спросилъ ее отецъ.

Она кивнула головой.

— Такъ отчего ты не сказала намъ?

— Не знаю.

— Хотѣлъ бы я знать, что́ ты собственно знаешь,—замѣтилъ онъ и, считая, что онъ очень удачно замаскировалъ свое пораженіе, онъ обратился къ Дикки.—Да? Это лучше, чѣмъ я ожидалъ. А кто этотъ m-eur Марко? Какъ онъ дальше?

— Просто Марко,—сказалъ Дикки.—Онъ живописецъ.

Онъ хотѣлъ сказать «художникъ», но было стыдно.

— Какого рода живописецъ? Вывѣски пишетъ, что ли?

— Нѣтъ... онъ пишетъ картины. Я работаю у него въ мастерской, а вечеромъ хожу въ натурный классъ.

М-ръ Легаттъ неодобрительно покачалъ головой. Онъ когда-то встрѣчалъ одного художника и зналъ, какую жизнь они ведутъ

— А что́ это такое... натурный классъ?—спросилъ онъ.

— Рисованіе съ моделей.

— Гипсовъ разныхъ и статуй, не такъ ли?

— Нѣтъ... людей... натурщиковъ... вотъ это натурный классъ.

— Что-о?.. Да неужели?..

Онъ не въ силахъ былъ произнести того, что́ хотѣлъ сказать, но всѣ его поняли. Дикки взглянулъ на близко-поставленные глаза м-ра Легатта, полные вопроса, и съ отчаянія брякнулъ.

— Да... тѣло...

М-ръ Легаттъ взглянулъ на часы.

— Мнѣ надо итти на молитву,—сказалъ онъ и сталъ съ величайшей методичностью складывать свою салфетку. Многое могъ бы онъ сказать, но до начала занятій въ школѣ оставалось всего пять минутъ, а если сказать коротко, то пропадетъ вся убѣдительность, казалось ему. Но все-таки онъ не выдержалъ и уже въ дверяхъ обернулся.

— Мнѣ кажется, что человѣкъ долженъ быть очень увѣренъ въ своемъ талантѣ,—замѣтилъ онъ,—прежде чѣмъ браться за такое дѣло. На мой взглядъ это—заблужденіе. Я никогда не видѣлъ никакой красоты въ наготѣ. Да... такъ я думаю, мы еще увидимся до твоего отъѣзда, а пока подумай объ этомъ. Такая жизнь не приведетъ къ добру. Пора на молитву, Вильфридъ. Кончай яйцо, другъ мой, и возьми еще, если хочется.

М-ръ Легаттъ произнесъ это чрезвычайно смягченнымъ голосомъ. Онъ считалъ, что добротой можно очень много сдѣлать съ молодежью, но сначала должно ихъ хорошенько пристыдить.

Однако, его рѣчь не вызвала въ Дикки никакого ощуще-

нія стыда. Мягкость тона м-ра Легатта только заставила его больнѣе почувствовать свою горечь и обиду. Какъ только закрылась дверь, Дикки положилъ ложечку и спросилъ:

— Не уйти ли мнѣ лучше?

М-съ Легаттъ коснулась рукой его плеча.

— Останьтесь и поговорите съ Доротеей,—сказала она.— Я пойду на верхъ. Мнѣ кажется, что она имѣетъ что-то сказать вамъ.

Сердце Дика упало: въ словахъ этихъ былъ какой-то зловѣщій оттѣнокъ. Теперь ясно было, что дѣло не въ Констанціи. Дѣло въ чемъ-то другомъ и гораздо худшемъ. Онъ выждалъ, пока м-съ Легаттъ вышла изъ комнаты, а затѣмъ быстро, тревожно и вмѣстѣ съ надеждой протянулъ черезъ столъ руку. Доротея боязливо-покорно взяла ее.

— Что́ такое?—глухо произнесъ Дикки.—Что́ ты имѣешь мнѣ сказать?

Она кинула на него умоляющій взглядъ, и этотъ взглядъ пробудилъ въ немъ всю старую нѣжность къ ней и всю тяжесть сознанія своей невѣрности.

— Я тоже долженъ тебѣ что-то сказать,—началъ онъ.— Оно камнемъ лежитъ на душѣ, и я не буду имѣть покоя, пока не сниму его. Твое не можетъ быть такъ тяжело, Дорри... дай мнѣ раньше разсказать.

Она съ любопытствомъ взглянула на него; уже ей приходилось бороться противъ силы его вліянія, которое снова, послѣ долгой разлуки, начинало неуловимыми нитями опутывать ее.

Но не сказать же ей такъ прямо сразу. Сначала онъ долженъ объяснить ей, какъ бережно онъ все это время хранилъ въ душѣ огонь любви къ ней. И онъ взялъ ея руку, и она холодно и неподвижно лежала въ его горячей ладони.

Дикки началъ свою исповѣдь. Ему казалось, что никогда еще ни одинъ человѣкъ до него не былъ въ такомъ чудовищномъ положеніи, чтобы женщинѣ, которой онъ клялся въ вѣчной любви, исповѣдываться въ своемъ увлеченіи.

И вотъ, наконецъ, спрятавъ голову на колѣняхъ Доротеи, онъ признался ей въ томъ, что́ стыдомъ жгло его: въ поцѣлуяхъ Констанціи. Извиненій никакихъ для него не могло быть. Онъ ни въ чемъ не винилъ Констанцію. Пойметъ ли Доротея или нѣтъ, но онъ говорилъ о Констанціи только хорошее. Въ чемъ не винить? У нея такія понятія о жизни. Она такъ воспитана. Вся отвѣтственность падаетъ на него, на Дикки. Пусть Доротея судитъ его какъ хочетъ, но онъ все же любитъ ее, одну ее!

Нѣсколько минутъ онъ еще держалъ голову спрятанной, затѣмъ взглянулъ вверхъ, чтобы видѣть, какъ она относится ко всему этому. Выраженіе ея лица совершенно перемѣнилось. Теперь въ немъ не было страха, а даже какъ-будто удовлетвореніе. У него мелькнула мысль, что она поняла его и жалѣетъ, но не понимаетъ его стыда.

— Дорри!—воскликнулъ онъ.

Она высвободила одну руку и положила ему на голову.

— Бѣдный, бѣдный Дикки,—ласково проговорила она,—я всегда думала, что будетъ такъ. Всѣ эти мѣсяцы я знала. Знаю, что тебѣ кажется, что ты меня любишь. Вѣрю, что ты страдалъ! У тебя такое живое воображеніе. Ты думалъ, что я буду подавлена, когда узнаю. Но я ожидала этого съ того самаго дня, какъ ты уѣхалъ въ Лондонъ. Страшно мило, что ты мнѣ сказалъ. Я, собственно, не могу понять, отчего ты это сдѣлалъ?

— Да оттого, что я люблю тебя.

Она улыбнулась, качая головой.

— Нѣтъ... нѣтъ... это только кажется,—возразила она.— Я это тоже знала. Когда ты рѣшилъ бросить мельницу, я знала, что мы никогда не женимся... Помнишь, я говорила тебѣ... даже тогда...

— Но, Дорри, мы поженимся!..

Доротея снова покачала головой... Она пыталась улыбнуться, чтобы смягчить то, что́ ей надо было сказать, но улыбка вышла слабая, натянутая.

— Что ты говоришь!—воскликнулъ онъ.—Можетъ быть, ты это и имѣла мнѣ сказать?

— Да.

— Но почему? Твои родители не позволяютъ? Они думаютъ, что я никуда не гожусь?

— Нѣтъ, это не то, Дикки. Папа, какъ видишь, не особенно вѣритъ въ твои успѣхи, но все-таки... это не то.

Дикки сѣлъ, не сводя съ нея испуганныхъ глазъ. Въ горлѣ у него пересохло, губы запеклись. Онъ попробовалъ облизнуть ихъ языкомъ.

— Кто-то другой?—прошепталъ онъ.

Головой она подтвердила это.

— И вы женитесь?

— Да. Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе какъ разъ позавчера... наканунѣ того, какъ я получила твое письмо. И я знала. Я угадала, что случилось съ тобой. Папа знаетъ, какъ художники живутъ въ Лондонѣ. Онъ былъ знакомъ съ однимъ. Но онъ не убѣ-

ждалъ меня. Я знала сама, а теперь... теперь ты самъ пріѣзжаешь и разсказываешь. Намъ не суждено было жениться, Дикки... ты зналъ это... послѣ того, какъ ты бросилъ все здѣсь.

Дикки медленно поднялся. Посмотрѣлъ въ одну сторону, потомъ въ другую. Затѣмъ онъ направился къ двери. Доротея протянула ему руку.

— Ты даже не прощаешься?

Онъ обернулся.

— А онъ... этотъ человѣкъ... знаетъ все?—спросилъ онъ.

Она отрицательно покачала головой.

— Прощай,—сказалъ Дикки.

XX.

Выйдя за ворота, Дикки машинально побрелъ по направленію къ Бредонскому холму, домой. Шелъ онъ довольно быстро, но въ его движеніяхъ не участвовала воля и сознаніе. Тяжелый гнетъ давилъ его мозгъ, и онъ пока не способенъ былъ ни на какую мысль кромѣ того, что Доротея уже не любитъ его. И единственное еще, что́ представлялось конкретно его сознанію, было то, что въ этомъ возмездіи есть справедливость.

Дикки шелъ, и эти двѣ мысли безпрерывнымъ кошмаромъ тѣснились у него въ головѣ. Онъ пытался успокоиться, пытался уцѣпиться за что-нибудь обычное, житейское, чтобы найти равновѣсіе. Въ безплодныхъ усиліяхъ онъ сталъ припоминать разныхъ лондонскихъ знакомыхъ и вслухъ произносилъ ихъ имена. Но удержать ихъ было невозможно. Они исчезали изъ его мыслей мгновенно. Оставалось передъ нимъ только одно—Доротея! Доротея, связанная съ другимъ, Доротея, которая больше не любитъ его, и онъ самъ, потерявшій ее, одинокій въ своемъ раскаяніи, среди моря печали, откуда не видны берега новой счастливой земли.

На одномъ изъ поворотовъ дороги онъ увидалъ человѣческую фигуру. Что-то встрепенулось въ его душѣ, когда онъ узналъ въ ней стараго пастуха, Энжеля, который шелъ на Бредонскій холмъ къ своему стаду. Насмѣшливой толпой нахлынули на Дикки воспоминанія при видѣ этого старика! Вѣдь, *его* они съ Доротеей встрѣтили въ то воскресное утро, когда впервые въ своей любви они ощутили пламенное дыханіе страсти, когда все плыло у нихъ передъ глазами. Дикки помнилъ, какъ старый пастухъ тогда говорилъ, говорилъ безъ конца, тогда какъ они перешли

за черту словъ. Въ то самое утро онъ сказалъ отцу о своемъ намѣреніи жениться на Доротеѣ. Ахъ! Горько тяжело было теперь это воспоминаніе!..

Услышавъ сзади стукъ шаговъ, старый Энжель обернулся: онъ радъ былъ всякой встрѣчѣ. Но когда онъ узналъ Дикки, того самаго мальчика, котораго онъ когда и то полумертваго, несъ на своей спинѣ, теперь юношу, онъ застылъ въ нѣмомъ изумленіи.

— Нашъ молодой баринъ!—закричалъ онъ, когда наконецъ рѣчь вернулась къ нему.—Вотъ, право... ахъ, Господи!—растерянно повторялъ онъ.

Дикки невольно улыбнулся.

— Вернулись домой совсѣмъ?—спросилъ онъ.

Дикки покачалъ головой.

— Только на день—сказалъ онъ.—Переночую у своихъ, а завтра утромъ опять въ Лондонъ.

Энжель кивнулъ головой разъ пять. Поди ты. Значитъ не такъ уже Дикки въ ссорѣ съ отцомъ, какъ ему казалось. Но, конечно, это не его дѣло, и онъ усердно кивалъ головой до тѣхъ поръ, пока мысль эта не ушла окончательно изъ его головы.

— Вы по этой дорогѣ пойдете теперь?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Дикки.—А вы, вѣрно, на холмъ?

— Такъ, такъ,—согласился пастухъ.

Они пошли вмѣстѣ и до перваго поворота дороги молчали.

— Послѣдній разъ, когда я васъ видѣлъ...—началъ старикъ.

— Да, да... я помню... вы шли изъ Кембертона. Видѣли вы теперь мою сестру?

— Какъ же! Этой осенью она частенько съ тѣмъ учителемъ ходила къ холмамъ. Но вы ошибаетесь. Я шелъ тогда не изъ Кембертона. Я былъ въ Эммъ-Кастлѣ, вотъ гдѣ! И тогда, какъ шелъ назадъ, встрѣтилъ васъ съ миссъ Доротеей у изгороди, гдѣ боярышникъ.

Пока дошли до мельницы, старый пастухъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы воскресить въ памяти юноши то утро, и Дикки ничѣмъ не могъ отвлечь его отъ этой темы. Оттого онъ не безъ облегченія попрощался съ старикомъ на перекресткѣ дорогъ и черезъ открытыя ворота пошелъ къ мельницѣ.

Поступь его стала увѣренной, движенія сознательными. Мысль о Доротеѣ и подавленность отошли вглубь передъ внезапной напряженностью ожиданія. Ему предстояло увидѣться съ отцомъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ бѣжалъ изъ дому. Можетъ быть, и здѣсь его ждетъ возмездіе? За полгода от-

сутствія Дикки ничего не забылъ изъ отцовскаго характера, но только его сужденія, благодаря опыту, стали мягче, снисходительнѣе. Онъ ощущалъ даже нетерпѣніе снова увидѣть его, и предвкушалъ моментъ, когда отецъ замѣтитъ на его лицѣ радость, что онъ опять дома. Потому что радость эта все росла въ немъ, пока онъ шелъ черезъ садъ мимо кривыхъ развѣсистыхъ яблонь и впереди виднѣлась сѣрая крыша ихъ дома, поросшая ярко-зелеными полосами мха. А когда его привѣтствовалъ знакомый шумъ воды, прорывающейся черезъ плотину, и привѣтливо закивали сѣдыя головы ивъ, онъ понялъ, что родина глубже запечатлѣна въ его душѣ, чѣмъ онъ самъ всегда думалъ.

Пульсъ его бился учащенно, когда онъ подошелъ къ крыльцу, къ той самой двери, гдѣ когда-то его мать Христина взяла его, полумертваго изъ рукъ пастуха. Онъ постоялъ нѣсколько секундъ, въ нерѣшительности, наконецъ постучалъ. Стукъ молотка гулко разнесся по широкому корридору. Дикки представилъ себѣ, какъ Анни отложила работу и стоитъ, прислушиваясь и соображая, кто бы это могъ быть. Отецъ, конечно, сейчасъ на мельницѣ, и стукъ неутомимаго колеса заглушаетъ всѣ прочіе шумы.

Дикки стоялъ на ступенькахъ, вслушиваясь въ этотъ стукъ. Все въ эту минуту было совершенно такое, какъ тогда, когда онъ былъ маленькимъ мальчикомъ: такъ же шумѣла вода, ту же немолчную пѣсню пѣли жернова.

У него было ощущеніе, что своимъ бѣгствомъ съ мельницы онъ какъ бы потерялъ право на все это, и оттого онъ не рѣшался прямо отворить дверь и войти въ домъ. Онъ возвращается, какъ блудный сынъ. Но, нѣтъ, гордость его возстала противъ такого сравненія. Онъ, вѣдь, не потерпѣлъ крушенія на чужбинѣ! Наоборотъ, онъ достигъ успѣховъ: онъ продалъ двѣ картины, и у него есть работа, которая ждетъ его. Въ одномъ только смыслѣ его положеніе аналогично съ блуднымъ сыномъ. И ему такъ хотѣлось ласковаго привѣта, что когда, наконецъ, открылась дверь и появилась его сестра Анни, въ нѣмомъ изумленіи уставившаяся на него, онъ обнялъ ее и сильно прижалъ къ своей груди.

Когда она, наконецъ, высвободилась изъ его объятій и отошла немного, чтобы лучше разсмотрѣть его, Анни увидѣла, что на глазахъ у брата блестятъ слезы, а губы его дрожатъ совершенно такъ же, какъ дрожали, когда онъ былъ маленькимъ. Это не только умиленіе отъ возвращенія домой. Со свойственнымъ женщинамъ чутьемъ Анни угадала, что братъ потрясенъ

чѣмъ-то. Вся душа ея мгновенно всколыхнулась стремленіемъ помочь ему. Она заперла дверь и, положивъ руку къ нему на плечо, повела его въ столовую.

Здѣсь Дикки остановился, разглядывая комнату, знакомую мебель, старые обои, кресло матери, на которомъ никто никогда не сидѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ она умерла. И чѣмъ больше онъ смотрѣлъ, тѣмъ больше таяла его твердая выдержка. Онъ опустился на ближайшій стулъ, положилъ голову на руки и зарыдалъ.

Анни мгновенно очутилась возлѣ него. Драматизмъ его нежданнаго возвращенія глубоко взволновалъ ее и вызвалъ въ ней всю нѣжность, всю жалость, на какую она была способна. Онъ несчастливъ. Навѣрное, надежды его на успѣхъ разбиты. Все материнское, которое есть въ каждой женщинѣ, пробудилось въ ней отъ этихъ мыслей. Онъ вернулся домой, сраженный своими неудачами. Другого объясненія она не могла найти его слезамъ.

— Милый, бѣдный мой Дикки!—шептала Анни.—Но какъ я рада, что ты вернулся. Безъ тебя было такъ ужасно.

И она шептала ему на ухо ласковыя слова, которыя были бальзамомъ на жгучую боль его израненнаго сердца. Но когда Дикки узналъ, что сестра не поняла, въ чемъ дѣло, онъ поднялъ голову. Со стыдомъ смахивая слезы съ своихъ покраснѣвшихъ глазъ, онъ сказалъ:

— Я не вернулся назадъ. Я не разбитъ. У меня есть работа,—и я продаю свои картины.

— Тогда почему же?—спросила Анни.

— Я пріѣхалъ повидать всѣхъ васъ... повидать... Доротею и... и... я видѣлъ ее.

Онъ всталъ, прошелся до окна и остановился тамъ, глубоко заложивъ руки въ карманы. Анни снова очутилась возлѣ него.

— Развѣ ты не знала?—спросилъ онъ ее,—ты не могла что-нибудь сдѣлать?

Анни покачала головой, выражая свое непониманіе. Но она уже поняла, что онъ думаетъ. Съ мѣсяцъ назадъ она встрѣтила Доротею на дорогѣ съ однимъ изъ учителей школы м-ра Легатта. Тогда она ничего особеннаго при этомъ не подумала, но теперь освѣщеніе получалось иное.

— Что она сказала тебѣ?—спросила она.

Дикки передалъ ей весь разговоръ съ горечью, но не обвиняя Доротеи. Она никогда не вѣрила въ него—вотъ въ чемъ

главное. Ожиданіе казалось ей слишкомъ долгимъ, она была одна, а онъ далеко. Правда, и м-ръ Холломъ и Анни обѣщали ему слѣдить за ней. Но что́ они могли сдѣлать? Дикки устало положилъ руку на плечо сестры. Онъ не обвинялъ ее. Такая ужъ его судьба! Онъ благодаритъ Бога за то, что имѣетъ работу, къ которой долженъ вернуться.

— Но только мнѣ теперь какъ-то все безразлично,—сказалъ Дикки,—что-то ушло. Конечно, она не помогала мнѣ. Я знаю, что она не понимала... никогда не понимала моихъ усилій, но все-таки что-то изъ моей работы ушло. Я не чувствую себя теперь способнымъ на что-нибудь настоящее!

— Не говори этого, Дикки,—просила его Анни.

— Отчего нѣтъ? Ради чего мнѣ теперь бороться, стремиться? Ради чего работать?

Вѣроятно, вдохновеніе или Божій промыселъ подсказали Анни отвѣтъ, потому что ей несвойственно было, вообще говоря, находить глубокія рѣшенія на трудныя жизненныя проблемы. Но теперь она взяла руку брата и сказала:

— Ради самого дѣла.

Должно быть, это было, дѣйствительно, само Провидѣніе, такъ какъ, даже произнося эти слова, Анни не представляла себѣ будущаго Дикки и вообще не знала, какое можетъ быть будущее для художника. Но именно въ этомъ словѣ Дикки теперь нуждался. Онъ изумленно обратился къ сестрѣ.

— Откуда ты взяла это?

Она покачала головой. Она сама не знала, откуда.

— Ты права. Остается самое дѣло. Можетъ быть, изъ него ничего не выйдетъ, но это еще неизвѣстно. Гравированіе, напримѣръ, въ краскахъ... въ этомъ что-то есть. И я, вѣдь, только что началъ!..

Но опять нахлынуло на него отчаяніе. Какъ хорошо было бы работать, если бы Доротея по-прежнему любила его! Съ какой энергіей онъ завтра взялся бы опять за постылыя небеса и моря m-eur Марко!—Конечно, его личная работа оставалась для него, но какими томительно-унылыми представлялись ему безконечные часы въ ателье.

— Я останусь ночевать, Анни,—сказалъ Дикки послѣ долгаго молчанія,—въ своей старой комнатѣ, да?

— Конечно! Вездѣ, гдѣ хочешь.

Онъ быстро взглянулъ на нее.

— Какъ ты думаешь, что́ скажетъ отецъ?

— Не знаю.

— А что онъ говоритъ о моемъ уходѣ?
— Онъ никогда не говоритъ объ этомъ.
— Никогда?
— Нѣтъ. Ни слова.

Они замолчали, и среди этого молчанія Дикки услышалъ, какъ грохнула дверь, ведущая изъ мельницы въ квартиру. Затѣмъ послышались шаги, которые не измѣнились за много лѣтъ. Сколько разъ, бывало, съ тревогой или досадой онъ ожидалъ ихъ! Теперь ощущенія его были очень смѣшаны—то радостное нетерпѣніе, то нервный страхъ владѣли имъ. Но вотъ шаги приблизились и стихли у дверей. Ручка повернулась съ старымъ, знакомымъ скрипомъ. Дикки такъ хорошо помнилъ этотъ скрипъ, что ожидалъ его, затѣмъ дверь отворилась, на порогѣ появился отецъ, и Дикки потерялъ всякое присутствіе духа. Картина встрѣчи, которую онъ нарисовалъ въ своемъ воображеніи, отступила назадъ передъ самымъ моментомъ, когда все произошло не такъ, какъ ожидалось.

Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга молча, затѣмъ м-ръ Ферлонгъ вошелъ въ комнату и заперъ за собою зверь.

XXI.

Анни сказала правду. За всѣ эти полгода м-ръ Ферлонгъ ни разу не заговорилъ о Дикки. Онъ даже не упомянулъ его имени. Это не значитъ, однако, что онъ не думалъ о немъ съ любовью и тревогой. Но побѣгъ сына уязвилъ его глубоко. И за всѣ мѣсяцы молчанія, когда онъ передумывалъ въ сотый разъ, какъ это все случилось, ему никогда не приходило въ голову, что доля вины падаетъ на него самого.

Часто ночью онъ на колѣняхъ просилъ Бога просвѣтить его и дать понять, за что онъ обреченъ нести такое тяжкое бремя разочарованія. И онъ молился о томъ, чтобы Дикки понялъ безумную тщету своихъ мечтаній и, раскаявшись, вернулся на мельницу.

Раскаяніе непремѣнно должно быть—раскаяніе и смиреніе. Такому сыну онъ съ радостью открылъ бы объятія, закололъ лучшаго тельца и устроилъ бы пиршество; онъ бы искренно думалъ, что празднуетъ возвращеніе сына, тогда какъ праздновалъ онъ только возвращеніе своего утраченнаго авторитета.

Увидя Дикки здѣсь, въ комнатѣ, м-ръ Ферлонгъ подумалъ сразу, что наконецъ-то молитвы его услышаны. Должно быть,

мальчикъ понялъ безуміе своей гордыни: сердце отца забилось трепетной радостью. Но Дикки и Анни, наблюдавшіе его, не замѣтили въ его глазахъ ничего, кромѣ тупого изумленія.

— Что́ это значитъ?—спросилъ онъ.

Слова эти соотвѣтствовали выраженію его глазъ, но они не передавали того, что́ было у него на душѣ. Ни дочь, ни сынъ не видѣли того, какъ онъ сдерживалъ свою радость до того момента, когда Дикки признается въ своемъ пораженіи и отдастъ себя на его судъ. М-ръ Ферлонгъ готовился быть великодушнымъ, и душа его рвалась къ этому моменту, когда не надо будетъ больше сдерживать себя.

Не получая отвѣта на свой первый вопросъ, онъ поставилъ его проще.

— Что́ ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ онъ.

Ему казалось даже, что онъ даетъ Дикки удобный случай начать разговоръ.

— Я пріѣхалъ повидаться, — просто сказалъ Дикки. Онъ чувствовалъ, что въ глазахъ отца потерялъ право считать этотъ домъ своимъ, и въ голосѣ его звучало смиреніе. Но все же отвѣтъ былъ не тотъ, какого м-ръ Ферлонгъ ожидалъ отъ него.

— Пріѣхалъ повидаться?—медленно протянулъ отецъ.—А по какому поводу?

Онъ давалъ мальчику удобную реплику для признанія. Вѣдь, ясно, что онъ потерпѣлъ пораженіе. Такъ вотъ, пусть скажетъ...

— Безъ всякаго повода,—отвѣтилъ Дикки.—Просто пріѣхалъ повидать васъ, Анни и все вообще... и больше ничего.

Что́ это значитъ? Ему стыдно признаться въ своемъ пораженіи, что ли? Но этотъ стыдъ должно преодолѣть искреннее раскаяніе. Этимъ онъ обязанъ передъ нимъ, своимъ отцомъ! М-ръ Ферлонгъ подошелъ къ камину и остановился передъ нимъ, заложивъ руки за спину.

— Значитъ, ты пріѣхалъ только повидаться? — спросилъ онъ, не стараясь скрыть иронiи въ своемъ голосѣ.—Какъ долго мы будемъ имѣть удовольствіе пользоваться твоимъ обществомъ?

Душа Дикки была какъ бы притуплена. Кара поджидала его на каждомъ шагу. Что жъ? Это горько, но, вѣрно, такъ и надо.

— Я думалъ остаться до завтра,—кротко произнесъ онъ,—если бы могъ лечь въ своей старой комнатѣ.

— Ахъ, такъ... ты хотѣлъ завтра вернуться назадъ? Значитъ, Анни и м-ръ Холломъ до сихъ поръ посылаютъ тебѣ деньги?

— Папа!—воскликнула Анни, но запнулась. Глаза отца, горѣвшіе огнемъ раздраженія, заставили ее замолчать.

— Я не беру денегъ ни у кого, — спокойно возразилъ Дикки.

— Вотъ какъ! Ты хочешь увѣрить меня, что самъ зарабатываешь на жизнь?

— Да.

— Чѣмъ же? Къ какой работѣ ты могъ оказаться способнымъ?

— Къ живописи.

Дикки произнесъ эти слова съ глубокимъ спокойствіемъ. Оттого, вѣроятно, они произвели особенно сильное впечатлѣніе. Но все же м-ръ Ферлонгъ не могъ повѣрить, чтобы его инстинктъ до такой степени обманулъ его.

— Писаніе картинъ?—спросилъ онъ.

— Да.

Значитъ, нѣтъ никакого пораженія! Онъ вернулся торжествующій, и несчастному отцу показалось, что онъ вернулся для того, чтобы кинуть ему въ лицо свое торжество и насмѣяться надъ его смущеніемъ! И вся его досада несдержаннымъ потокомъ сорвалась съ его устъ.

— И ты ждешь еще распростертыхъ объятій?—заговорилъ онъ, повышая голосъ.—Убѣжалъ изъ дому, втопталъ въ грязь мой авторитетъ, мою заботу, свой сыновній долгъ, все и, крадучись, какъ воръ, ускользнулъ, когда всѣ спали и никто не слѣдилъ. Какую жизнь ты велъ въ Лондонѣ, этого я даже и касаться не хочу, послѣ того, что ты мнѣ тогда наговорилъ о своемъ желаніи жениться на Доротеѣ Легаттъ. А теперь онъ изволитъ вернуться домой, какъ молодой лордъ, и ждетъ, чтобы всѣ были къ его услугамъ.

Онъ остановился, задыхаясь отъ досады. Картина, которую онъ рисовалъ, такъ живо представлялась его воображенію, что слова казались недостаточными. Дрожащей рукой онъ показалъ на дверь.

— Уходи изъ этого дома туда, откуда ты пришелъ,—закричалъ онъ и, чувствуя, что пересталъ владѣть собой, еще больше обозлился.—Ты отказался отъ права считаться моимъ сыномъ! Не жди отъ меня никогда другого привѣтствія, другого ты не заслужилъ!

Весь дрожа, Дикки стоялъ, глядя на горѣвшее гнѣвомъ лицо отца. И какъ ни безнадежно-горько было охватившее его отчаяніе, но онъ все-таки понялъ: если бы онъ вернулся сломленнымъ

и побѣжденнымъ, такихъ упрековъ не было бы. Но онъ не сломленъ! Онъ вступилъ на длинный, длинный путь, но это путь успѣха.

Въ эти минуты и отецъ и сынъ забыли про Анни. И когда вдругъ раздался ея голосъ, они оба съ удивленіемъ оглянулись: глаза ея сверкали возбужденіемъ, пальцы нервно перебирали бахрому скатерти.

— Если Дикки не останется здѣсь сегодня,—сказала она,—я тоже уйду, отецъ! Я не могу оставаться послѣ того, какъ онъ встрѣтилъ такой пріемъ. Онъ несчастливъ и пришелъ къ намъ отогрѣть душу... и вотъ что онъ получилъ!

Дикки несчастливъ? развѣ? М-ръ Ферлонгъ смотрѣлъ то на сына, то на дочь. Неужели они не чувствуютъ, какъ болитъ его душа? Въ одинъ моментъ потерять обоихъ дѣтей! Въ одинъ моментъ узнать, что они любятъ его меньше, чѣмъ другъ друга!

Но если такъ, пусть будетъ такъ. На него нашло ощущеніе какого-то фатализма.

— Такъ идите,—сказалъ онъ,—идите оба! И пусть вамъ никогда не дано будетъ испытать горечи имѣть дѣтей, которыя не имѣютъ къ вамъ жалости.

Дикки молча подошелъ къ Анни и тихо взялъ ее за руку.

— Она не думала того, что сказала, отецъ,—объяснилъ онъ.—Она взволнована очень. Вотъ и все. Я не хочу брать ее съ собой.

— Она можетъ говорить сама за себя,—сказалъ м-ръ Ферлонгъ.

— Да, она можетъ говорить сама,—повторилъ Дикки.—И это она и скажетъ. Правда, Анни?

Онъ крѣпко сжалъ ея руку, и она, вдругъ успокоенная, низко склонила голову.

— Но ты не уѣдешь сегодня, Дикки,—взмолилась она.

— Да... Я уѣду,—отвѣтилъ онъ.—Все равно. Дѣло только въ нѣсколькихъ часахъ. Все равно мнѣ надо было ѣхать завтра рано утромъ. Не выходи провожать меня... Постарайся думать, что я совсѣмъ не былъ здѣсь. Было глупо пріѣзжать.

Онъ взялъ голову сестры въ руки и поцѣловалъ ее. Катившіяся по ея щекамъ слезы увлажнили его губы. Онъ чувствовалъ ихъ соленый вкусъ. Не взглянувъ больше на отца, онъ взялъ свою шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Анни тихо плакала, склонивъ голову. Она не замѣтила невольнаго движенія отца къ двери, не замѣтила, какая мучительная борьба отражалась на его лицѣ, и какъ гордость удержала

его на мѣстѣ. Врядъ-ли даже она слышала, какъ онъ затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Но какъ только м-ръ Ферлонгъ вышелъ за дверь, онъ ускорилъ шаги и побѣжалъ на мельницу. Тамъ наверху было окно, откуда далеко видна была дорога на Эккингтонъ. Туда онъ запыхавшись вбѣжалъ по лѣстницѣ.

Фигура Дикки какъ-разъ появилась на дорогѣ, и взглядъ его припалъ къ ней.

— Вернись, вернись!—шепталъ онъ вслухъ и когда услышалъ собственныя слова, то плотно сжалъ губы. Но онъ продолжалъ стоять у окна, пока Дикки не скрылся изъ виду, и слезы обильной струей падали изъ его глазъ на густо покрытый мучной пылью полъ.

Съ англійскаго пер. М. Славинская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕМУ.

Такъ мимолетно, такъ случайно
Мы встрѣтились... но и безъ словъ
Моя душа на властный зовъ
Души родной, души мятежной

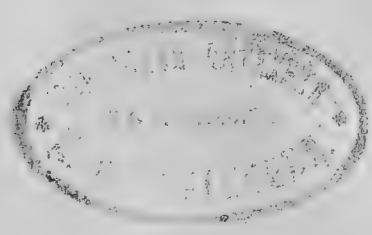
Отозвалась—и лаской нѣжной
Вся озарилась: такъ звѣзда,
Упавъ, изъ синевы безбрежной
Землѣ кидаетъ отблескъ нѣжный,

Съ землей прощаясь навсегда.
Передъ тобой встаетъ, какъ тайна,
Моя любовь... и нашъ разрывъ...
Тобой непонятый порывъ

Моей души, мечты влюбленной...
Боль страсти, мной не раздѣленной,
Развѣянной, какъ пыль волны,
Какъ отзвукъ пѣсни недопѣтой,

Какъ слезный стонъ тобой задѣтой
И мной оборванной струны.

Е. Астори.



ТУРКЕСТАНЪ, ЕГО ВОДЫ И ОРОШЕНІЕ.

Въ концѣ XIX ст. и началѣ XX столѣтія 4 великія державы [1]) дѣятельно занялись пріобрѣтеніемъ новыхъ владѣній и протекторатовъ въ заморскихъ, главнымъ образомъ, тропическихъ странахъ. Американская великая держава подъ конецъ сдѣлала то же (1898). Россія—держава глубоко континентальная, не послѣдовала ихъ примѣру, она продала свое единственное заморское владѣніе (нынѣ называемое Аляской) въ 1867 г., но между 1864 и 1885 г.г. пріобрѣла обширныя владѣнія на азіатскомъ материкѣ—нынѣшній Туркестанскій край.

Долгое время не только масса народа, но и интеллигенція мало интересовалась новымъ краемъ. Еще въ срединѣ 80-хъ годовъ не заурядный газетный репортеръ, а извѣстный литераторъ и педагогъ, Евгеній Марковъ, называлъ этотъ край «глиняными пріобрѣтеніями». Ученые посмотрѣли на дѣло иначе, и съ самаго начала завоеванія края цѣлый рядъ экспедицій занимался естественно-историческимъ обслѣдованіемъ края. Снаряженіе этихъ экспедицій—большая заслуга какъ центральнаго правительства, такъ и мѣстныхъ властей. Но до самаго недавняго времени было сдѣлано лишь одно крупое народно-хозяйственное дѣло — введено воздѣлываніе американскихъ сортовъ хлопка, главнымъ образомъ заботами правительства. Нѣкоторые дальновидные купцы и фабриканты поняли значеніе этого начинанія, и теперь Туркестанъ даетъ почти половину хлопка, потребляемаго русскими фабриками.

Но широкая публика не знала края и обратила на него вниманіе лишь въ концѣ 1911 года, когда правительство Соединенныхъ Штатовъ объявило о прекращеніи торговаго трактата съ Россіей, начиная съ 1913 г. Газеты забили тревогу, стали бояться «хлопковаго голода», подобнаго тому, который былъ въ 1863—65 г.г. во время американской междоусобной войны, и публика стала интересоваться краемъ,

[1]) Англія, Франція, Италія, Германія.

какъ страной хлопководства; Туркестанъ вошелъ въ моду. Страхи оказались вздорными, но именно по этому поводу можно сказать «нѣтъ худа безъ добра»,—интересъ къ нашей богатой южной окраинѣ останется, и этому нельзя не радоваться.

Туркестанъ принадлежитъ къ обширной области пустынь и очень сухихъ степей стараго свѣта, тянущихся отъ Марокко на западѣ до Восточной Монголіи на востокѣ. Въ этихъ странахъ на равнинахъ такъ сухо, что земледѣліе безъ искусственнаго орошенія невозможно, а орошеніе въ большихъ размѣрахъ возможно лишь тамъ, гдѣ есть рѣки. Но равнины не даютъ воды для рѣкъ,—онѣ только усыхаютъ на равнинахъ,—а воду даютъ горы, особенно такія высокія, которыя образуютъ мощные снѣжники и ледники, тающіе всего сильнѣе лѣтомъ. Особенно обширны и высоки горные хребты центральной Азіи, и поэтому особенно великъ запасъ снѣговъ въ нихъ. Искусственное орошеніе служило основой благосостоянія странъ древнѣйшей цивилизаціи, Месопотаміи и Египта. Ихъ широкое развитіе находитъ себѣ объясненіе въ искусственномъ орошеніи.

1) Для устройства искусственнаго орошенія въ большихъ размѣрахъ нужны были знанія и умѣнья, сотрудничество большого числа людей, общественная дисциплина. Все это имѣло воспитательное значеніе: народъ, у котораго были такія работы, находился на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ другіе.

2) Затѣмъ, хорошо устроенное искусственное орошеніе давало обезпеченные урожаи.

3) Это обезпечивало размноженіе населенія, а густое населеніе, въ свою очередь, создавало благопріятныя условія для развитія промысловъ и искусствъ.

4) Климатъ сухихъ странъ очень благопріятенъ для человѣка. Недаромъ многіе теперь проводятъ зиму въ Египтѣ, а чахоточные больные изъ сѣверо-востока Соединенныхъ Штатовъ и юга Канады поселяются на сухомъ западѣ Соединенныхъ Штатовъ.

5) Сухой климатъ съ яркимъ солнцемъ и возможностью орошенія особенно благопріятенъ для растительности. При такихъ условіяхъ получаются не только большіе урожаи, но и продукты высокаго качества.

Въ частности, сухой солнечный климатъ особенно благопріятенъ для развитія сахара и ароматическихъ веществъ въ растеніяхъ. Извѣстно, что финиковая пальма, по словамъ арабовъ, требуетъ, чтобы ея «голова была въ огнѣ, а ноги въ водѣ». Въ послѣдніе годы узнали высокое качество туркестанскихъ фруктовъ, особенно съ того времени, какъ предпріимчивые русскіе люди устроили

тамъ сады съ хорошими сортами плодовъ. Солнце нужно для сладости и аромата плодовъ. Извѣстно, какъ безвкусны плоды, поспѣвающіе зимой въ оранжереяхъ окрестностей Петрограда. Американцы по достоинству оцѣнили эти условія, и знатоки дѣла пишутъ, что нигдѣ искусственное орошеніе не дѣлаетъ такихъ чудесъ, какъ въ самой жаркой, солнечной и сухой части Сѣверной Америки, въ долинѣ нижняго Колорадо и въ сосѣднихъ пустыняхъ.

Въ Россіи наилучшія условія въ этомъ отношеніи встрѣчаются въ южной части Закаспійской области. Зима здѣсь холоднѣе, чѣмъ на восточномъ берегу Чернаго моря, а остальные мѣсяцы теплѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи; лѣто же имѣетъ среднюю температуру выше 30° Ц., т. е. теплѣе, чѣмъ гдѣ-либо на экваторѣ. Особенно хороши здѣсь условія солнечнаго освѣщенія; хороши до такой степени, что въ Закаспійскомъ краѣ лѣтомъ, можно сказать, не бываетъ пасмурныхъ дней, и лишь очень рѣдко и на очень непродолжительное время небольшія облака закрываютъ солнце. Въ другихъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Туркестана немного болѣе облаковъ, но все-таки очень мало, менѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи въ лѣтнее полугодіе. Очень важно и то, что не только лѣтомъ, но и до половины октября дожди рѣдки и непродолжительны. Это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе для сбора хлопка: дожди ему очень вредны, когда онъ созрѣлъ.

Выше упомянуто о томъ, что лѣто на равнинахъ Туркестана теплѣе, чѣмъ въ большей части тропическаго пояса, но мало того, почти вездѣ въ тропическомъ поясѣ лѣтомъ идутъ обильные дожди. Тепла довольно, воды тоже, а солнечнаго свѣта мало. Эти условія благопріятны для развитія листвы, и, дѣйствительно, листва тропическихъ деревьевъ поражаетъ своимъ роскошнымъ видомъ. Но для зеренъ и качества плодовъ такія условія гораздо хуже, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчаются въ Туркестанѣ. Такія же условія большой облачности и малаго количества солнечнаго тепла мы встрѣчаемъ въ Китаѣ и Японіи лѣтомъ. Оттого и плохо качество тамошнихъ плодовъ. Японскіе сады, столь красивые во время цвѣтенія (нигдѣ нѣтъ такихъ большихъ красивыхъ цвѣтовъ на плодовыхъ деревьяхъ, особенно вишняхъ и сливахъ), даютъ деревянистыя груши, жесткіе безвкусные персики, водянистый, кислый виноградъ. Лучшіе плоды въ Японіи мандарины, и это исключеніе только подтверждаетъ правило: эти плоды поспѣваютъ въ срединѣ зимы, а съ октября въ большей части Японіи довольно ясная погода.

Китайцы оцѣнили климатъ оазисовъ пустыни; издавна дыни, виноградъ и другіе плоды къ столу богдыхана привозились изъ оазиса Хами. Издавна также славился въ Азіи изюмъ изъ Турфана,

самаго нижняго и жаркаго оазиса восточнаго Туркестана [1]); славятся также чарджуйскія дыни [2]). Преимущества плодовъ сухихъ климатовъ не ограничиваются вкусомъ—они вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо здоровѣе.

Хозяйство въ теплыхъ сухихъ климатахъ потому особенно удобно, что вся вода во власти человѣка. Онъ даетъ ея столько, сколько нужно. Между тѣмъ потребность въ водѣ очень различна у разныхъ растеній; инымъ нужно очень много воды: напр., рису, кормовымъ травамъ изъ семейства бобовыхъ, клеверу, люцернѣ, а другимъ — избытокъ въ водѣ вреденъ. Въ сухихъ климатахъ легко удовлетворить потребностямъ тѣхъ и другихъ, тогда какъ во влажныхъ и дождливыхъ это невозможно. При тепломъ климатѣ Туркестана и обиліи солнца возможно воздѣлываніе нѣкоторыхъ тропическихъ и подтропическихъ растеній, напр. хлопка и риса, лишь бы было достаточно воды для искусственнаго орошенія; поэтому воды—главное богатство края, и первая задача экономической политики—цѣлесообразное использованіе водъ.

Человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы вода, испаряясь, дѣлала работу, полезную для него, т. е. испарялась съ поверхности растеній. Точно также нужно стараться о томъ, чтобы рѣчная вода, по пути отъ верховьевъ къ устьямъ, исполняла работу для человѣка, т. е. давала возможность передвиженія грузовъ и силу для разныхъ машинъ и орудій и для превращенія въ электрическую энергію. Пользованіе силой воды разумнѣе, чѣмъ паровой помощью каменнаго угля. Послѣдній прочно лежитъ въ землѣ, не измѣняясь, а вода протекаетъ, и та, которую мы не использовали въ данное время, пропадаетъ для насъ безслѣдно. Овладѣть водой и пользоваться ею для своихъ потребностей—одна изъ главныхъ задачъ человѣка въ экономической области. Французскій инженеръ Дюпоншель высказалъ мнѣніе, что современемъ воды будутъ течь не тамъ, гдѣ теперь, а тамъ, гдѣ нужно человѣку, исполняя работу, необходимую для него. Нынѣшнія рѣчныя ложа будутъ тогда служить для стока излишней воды, послѣ особенно большихъ дождей. *Пользованіе растеніями для полученія пищи, одежды и разныхъ другихъ нуждъ человѣка есть* въ сущности также въ измѣненномъ только видѣ—*пользованіе водою.*

До самаго недавняго времени водныя богатства русскаго Туркестана были почти совершенно не изслѣдованы, и лишь съ 1909 г. началось ихъ планомѣрное изученіе, при Туркестанскомъ управле-

1) Какъ извѣстно, наши экспедиціи Пѣвцова и Грумъ-Гржимайло открыли здѣсь котловину значительно ниже уровня моря.

2) На берегу Аму-Дарьи, близъ моста Закаспійско

ніи земледѣлія. Напечатано уже три большихъ отчета, за 1910, 1911, 1912 годы. Послѣдній въ—1000 съ лишкомъ страницъ со множествомъ цифровыхъ таблицъ, чертежей, картъ. Дѣло было организовано молодымъ талантливымъ инженеромъ, В. Г. Глушковымъ. Оно ведется очень разнообразными способами. Нѣкоторыя части края такъ мало изслѣдованы, что инженерамъ приходится дѣлать полную съемку мѣстности. Эти экспедиціи собираютъ самыя элементарныя данныя о водахъ края. Постоянныя водомѣрныя станціи измѣряютъ ежедневно уровень воды и, отъ времени до времени опредѣляютъ количество протекающей воды. Наконецъ, въ Ташкентѣ производятся подробныя изслѣдованія водъ въ разныхъ отношеніяхъ, особенно количество взвѣшенныхъ частицъ—песку, ила и т. д. и растворенныхъ солей. Всѣ эти изслѣдованія дали уже любопытные результаты, напечатанные въ отчетахъ, изъ которыхъ я привожу далѣе нѣсколько цифръ. По мѣрѣ того какъ идетъ изслѣдованіе водъ Туркестана, все болѣе выясняется *необходимость подробнаго изслѣдованія горныхъ снѣговъ, снѣжниковъ и ледниковъ*, такъ какъ ихъ таяніе даетъ воду для орошенія въ самые жаркіе и сухіе мѣсяцы. Въ Туркестанскомъ краѣ *нигдѣ не выпадаетъ много дождя*, такъ какъ равнины и нижнія долины вообще бѣднѣе осадками и сравнительно много ихъ выпадаетъ въ горахъ, при чемъ главнымъ образомъ падаетъ *снѣгъ*, а не дождь. Изслѣдованіе горныхъ снѣговъ въ Туркестанѣ началось съ осени 1912 г., когда по распоряженію В. Г. Глушкова въ разныхъ мѣстахъ въ горахъ были поставлены большіе дождемѣры, защищенные каменными заборами и оставляемые на всю зиму. Отчетъ гидрометрической части за 1913 г., который, вѣроятно, скоро появится, дастъ первые результаты въ этомъ отношеніи. Замѣчательно, что одновременно съ Туркестаномъ и подъ вліяніемъ тѣхъ же практическихъ потребностей—изученіе горныхъ водъ было недавно начато въ сѣверо-американскомъ штатѣ Невада. Сравненіе количества воды главныхъ рѣкъ Туркестана съ Волгой у Самары и Ниломъ у Ассуана даетъ слѣдующія цифры, въ кубическихъ метрахъ въ секунду.

1 куб. саж. = 9,71 куб. метр.

	Расходъ. Средній. Годовой.	Въ мѣсяцъ съ наим. наиб. расходомъ.		Отношеніе.
Сыръ-Дарья	671	324 янв.	1154 іюнь	3, 8, 1
Аму-Дарья	1613	508 февр.	4500 іюль	9, 1
Нилъ	2944	450 іюнь	10000 сент.	22, 1
Волга	6723	2610 нояб.	23680 май	9, 1

Количество воды за годъ въ цѣлыхъ кубическихъ километрахъ (равныхъ милліарду кубическихъ метровъ) таково: Сыръ-Дарья 21; Аму-Дарья 52; Нилъ 93; Волга 212.

Изъ этой таблицы видно, что Аму-Дарья—очень значительная рѣка. Знаменитый Нилъ несетъ почти вдвое болѣе воды по сравненію съ Аму, Волга нѣсколько болѣе, чѣмъ вчетверо. Какая драгоцѣнность такое количество воды въ сухомъ климатѣ!

Половодье Аму и Сыръ-Дарьи, главнымъ образомъ, зависитъ отъ таянія горныхъ снѣговъ и снѣжниковъ; половодье Волги—отъ таянія снѣговъ нашей равнины, Нила—отъ лѣтнихъ дождей въ Абиссиніи. Всѣ четыре рѣки имѣютъ то общее, что въ нижнемъ теченіи, а частью и въ среднемъ, не имѣютъ притоковъ.

Даю нѣкоторыя цифры расхода воды въ кубическихъ саженяхъ въ секунду за годъ стараго стиля, съ октября 1911 г. по сентябрь 1912 г., за годъ и мѣсяцы наименьшаго и наибольшаго расхода.

Аму-Дарья у Керки (среднее теченіе) годъ 207, іюль 522, іюнь 429, январь 79.

Сыръ-Дарья у Запорожской (среднее теченіе) годъ 55, іюнь 94, январь 33.

Нарынъ у Учкургана годъ 38, іюнь 87, январь 17.

Чирчикъ у Чимбайлыка годъ 26, іюнь 56, январь 8.

За 15 лѣтъ имѣются данныя для Аму-Дарьи, у Чарджуйскаго желѣзно-дорожнаго моста. Годъ 205, іюль 489, іюнь 454, февраль 88.

Изъ отдѣльныхъ годовъ всего болѣе воды, 283, въ 1892 г., наименѣе, 118, въ 1890 г. Первые годы были вообще маловоднѣе послѣдующихъ, при чемъ въ первые пять средній расходъ былъ не болѣе 172, а въ послѣднія семь лѣтъ расходъ ни разу не спускался ниже 196.

Въ Чарджуѣ, очевидно, должно быть менѣе воды, чѣмъ въ Керки, такъ какъ между ними рѣка не получаетъ притоковъ и часть ея воды идетъ на орошеніе сосѣднихъ полей.

Наконецъ, есть данныя за 1879—80 гг. въ низовьяхъ рѣки. Средній годовой расходъ у Тюя-Муюня, выше головы каналовъ, орошающихъ Хивинскій оазисъ, 190 куб. саж. въ секунду, а у Нукуса, ниже головы этихъ каналовъ—150 куб. саж., т. е. на орошеніе Хивинскаго оазиса идетъ среднимъ числомъ 40 куб. саж. въ секунду.

Въ зависимости отъ того, какъ высоки горы, питающія рѣки Туркестана, и половодье въ нихъ бываетъ въ разное время года. Такъ р. Мургабъ и Теджень, вытекающія изъ сравнительно невы-

сокихъ горъ Авганистана, имѣютъ самую высокую воду въ концѣ апрѣля, когда таетъ главная масса снѣговъ въ этихъ горахъ и когда къ тому же часто бываютъ довольно сильные дожди. То же можно замѣтить объ Ангренѣ, правомъ притокѣ Сыръ-Дарьи, впадающемъ въ эту рѣку немного южнѣе Ташкента: онъ вытекаетъ изъ менѣе высокой части Чаткальскаго хребта, принадлежащаго къ Тяньшанской системѣ.

Другой правый притокъ Сыра, Чирчикъ, получаетъ большую часть воды изъ болѣе высокой части Чаткальскаго хребта, а затѣмъ еще изъ Пскемскаго и Таласскаго Алатау. Здѣсь высокая вода уже позже, почти одновременно она въ Нарынѣ, получающемъ воду изъ высокихъ горъ Тяньшанской системы, и особенно поздно она бываетъ въ р. Сохъ, вытекающей съ С. склона Алайскаго хребта, при чемъ склонъ очень крутъ, и рѣчка наполняется, главнымъ образомъ, водою снѣжниковъ, и потому имѣетъ высокую воду въ самую жаркую часть лѣта. Рѣки Аму и Сыръ-Дарья въ среднемъ теченіи несутъ воды съ обширныхъ пространствъ, а потому условія половодья не такъ рѣзко выражены, какъ на небольшихъ рѣкахъ. Но такъ какъ притоки Аму болѣе вдаются въ горы, и эти горы вообще выше, чѣмъ въ рѣчной области Сыра, то и половодье Аму нѣсколько позднѣе.

Орошеніе въ Туркестанѣ производится троякимъ образомъ:

1). Изъ родниковъ, колодцевъ и кяризовъ [1]). Ихъ значеніе не велико и они не имѣютъ большой будущности. Могутъ ли получить большое значеніе артезіанскіе колодцы, устроиваемые современными инженерными способами,—пока неизвѣстно.

2) Изъ сравнительно небольшихъ рѣкъ, главнымъ образомъ горныхъ.

3) Изъ главныхъ рѣкъ, Аму и Сыръ-Дарьи, въ ихъ среднемъ и нижнемъ теченіи.

Изъ небольшихъ рѣкъ выведены главныя оросительныя системы, и благодаря большому потребленію воды на орошеніе, главныя рѣки Туркестана лишились нѣкоторыхъ своихъ притоковъ. Такъ въ Аму-Дарью болѣе не впадаютъ Кашка-Дарья [2])—и Зеравшанъ, а въ Сыръ-Дарью рѣки Ферганы, вытекающія съ сѣвернаго склона Алайскаго хребта, не исключая самыхъ значительныхъ изъ нихъ, Исфары и Соха, а болѣе крупная рѣка, Кара-Дарья, еле до-

---

[1]) Подземныя жилы воды, проводимыя подземными галлереями (кяризъ). Эти работы довольно распространены въ Закаспійской области, ихъ исполняютъ персіяне.

[2]) Орошающая среднюю часть Бухарскаго ханства

носитъ небольшое количество воды до сліянія съ Нарыномъ, откуда соединенная рѣка называется Сыръ-Дарьей.

Горныя рѣки особенно удобны для выведенія изъ нихъ оросительныхъ каналовъ, вслѣдствіе своего большого паденія. Обыкновенно онѣ начинаются тамъ, гдѣ рѣчка выходитъ изъ горъ въ болѣе широкую долину. Верхняя, головная часть канала обыкновенно, по крайней мѣрѣ въ Ферганѣ, называется *саемъ*, т. е. носитъ то же названіе что и горныя рѣки и рѣчки; дальнѣйшія развѣтвленія называются *арыками*. И дѣйствительно, эти главные каналы напоминаютъ горныя рѣчки по быстротѣ теченія. Карта оросительной системы напоминаетъ корни и стволъ дерева, при чемъ рѣчка выше каналовъ—стволъ; а каналы со своими мелкими развѣтвленіями—корни. Такая карта р. Сохъ съ каналами дана въ книгѣ кн. В. И. Масальскаго «Туркестанскій край» [1]). Сохъ, несомнѣнно, впадалъ въ Сыръ-Дарью къ С. отъ Коканда, но теперь вся вода разбирается на орошеніе.

Головныя сооруженія каналовъ, т. е. тѣ мѣста, гдѣ они выведены изъ рѣкъ—очень первобытныя сооруженія. Рѣки не перегораживаются, а только въ рѣку вдается дамба, въ Ферганѣ изъ т. наз. *сипаевъ*, т. е. треногъ изъ бревенъ, скрѣпленныхъ горизонтальными рамами, они ставятся на дно, а рама нагружается хворостомъ, камышемъ и камнями. Рядъ или нѣсколько рядовъ сипаевъ, промежутки между которыми нагружены камышемъ и камнями, и составляетъ дамбу, вдвигаемую въ рѣку. Сипаи довольно удобны въ томъ случаѣ, когда ихъ не приходится разбирать. Послѣднее, однако, случается нерѣдко, напр. проходитъ ливень, горная рѣчка поднимается, приходится заткнуть головную часть канала или одно изъ его крупныхъ развѣтвленій посредствомъ сипаевъ. Но проходитъ паводокъ, поля опять нуждаются въ водѣ, сипаи приходится разбирать, а это не легкая работа. Нерѣдко при этомъ тонутъ люди. Иногда наводки такъ быстры, что вода размываетъ берега, каналъ принимаетъ новое направленіе, размывая иныя поля и оставляя другія безъ воды.

Причина первобытнаго состоянія каналовъ слѣдующая. Послѣ завоеванія края первый его устроитель, генералъ Кауфманъ, мудро рѣшилъ оставить все дѣло въ прежнемъ положеніи. И дѣйствительно, туземная система, какъ ни какъ, а дѣйствовала, кормила населеніе, а русскія власти совершенно не знали этого дѣла. По-прежнему, пользованіе водой опредѣлялось обычаемъ; работы по содержанію, исправленію и чисткѣ каналовъ исполнялись натуральной по-

---

1) Изданіе А. Ф. Девріена, Спб. 1913 г., 871 стр. 8°. Это лучшее общее описаніе края.

винностью. Затѣмъ понемногу стали ассигновывать небольшія денежныя суммы, но кто знакомъ съ тѣмъ, что такое т. н. *земскій бюджетъ въ неземскихъ губерніяхъ*, знаетъ, какъ мизерны эти суммы. Ближайшій надзоръ за каналами порученъ водянымъ старостамъ (мирабамъ), избираемымъ населеніемъ, далѣе идутъ назначаемые изъ туземцевъ арыкъ-аксакалы. Дальнѣйшія инстанціи—приставъ, уѣздный начальникъ и, наконецъ, областное правленіе, которое поручаетъ дѣло инженеру.

Въ Самаркандской области такимъ инженеромъ довольно долго былъ Н. П. Петровскій, и я былъ удивленъ, видя послѣ первобытныхъ сооруженій на главныхъ каналахъ Ферганы, бетонные водосливы съ чугунными затворами на каналахъ, выведенныхъ изъ Зеравшана. Почему такая большая разница въ устройствѣ орошенія въ Ферганѣ и Самаркандской области, я не знаю, но фактъ на-лицо.

Въ Туркестанѣ орошеніе производится двоякимъ способомъ: 1) затопленіемъ и 2) въ борозды. При первомъ вокругъ поля насыпается невысокая глиняная или лѣсовая стѣнка, поле тщательно выравнивается, вода на него напускается и покрываетъ все поле. При такомъ способѣ орошенія нужно очень много воды, огромное количество идетъ на испареніе съ поверхности и на просачиваніе. Рисъ вездѣ воздѣлывается такимъ образомъ, такъ какъ это болотное растеніе. Воду спускаютъ лишь на короткое время. Но въ Закаспійской области такая система орошенія принята и для другихъ растеній, только въ отличіе отъ риса воду держатъ недолго на полѣ.

При второй системѣ воду проводятъ въ борозды между растеніями, и она постепенно напитываетъ землю. Эта система особенно господствуетъ въ Ферганѣ и въ Хивинскомъ оазисѣ и является болѣе раціональной для всѣхъ растеній, кромѣ риса.

Туземцы раздѣляютъ воды, служащія для орошенія, на *бѣлыя* (ак-су) и *черныя* (кара-су). Первыя—мутныя воды рѣкъ и рѣчекъ, прямо проведенныя на поля, вторыя—свѣтлыя воды изъ колодцевъ, кяризовъ, или же рѣчныя, отстоявшіяся въ разливѣ, озерѣ и т. д., гдѣ осѣлъ ихъ илъ. Бѣлыя воды рѣшительно предпочитаются чернымъ. Можно бы думать, что это только потому, что первыя приносятъ плодородный илъ [1]), но оказывается, что при орошеніи черными водами гораздо чаще бываетъ засоленіе почвъ, чѣмъ при орошеніи бѣлыми водами. Дѣло въ томъ, что туземцы орошаютъ свои поля на-глазъ, закрывая оросительныя канавы, когда имъ ка-

---

[1]) Илъ Аму-Дарьи очень похожъ по своему составу на знаменитый нильскій илъ.

жется, что поле достаточно пропиталось водой. Такъ какъ илъ бѣлыхъ водъ скоро закупориваетъ поры почвы, то верхній слой быстрѣе насыщается водою, чѣмъ при орошеніи свѣтлыми черными водами. При орошеніи послѣдними полю даютъ болѣе воды, чѣмъ нужно, слѣдовательно, на поле попадаетъ болѣе солей, а затѣмъ избытокъ воды вызываетъ быстрое испареніе. Наконецъ, почва въ Туркестанѣ вообще болѣе или менѣе солона, и стоячая вода растворяетъ соли.

До какой степени велика опасность засоленія полей при орошеніи «черными водами», показываетъ слѣдующій случай. Въ округѣ Порсу, Хивинскаго ханства, поля орошались большимъ каналомъ Клычъ-Ніазъ-Бекъ. Въ 1908 году былъ очень большой разливъ Аму-Дарьи, вода высоко поднялась и въ каналѣ. Жившіе на его берегахъ киргизы, опасаясь затопленія канала, прорыли отверстіе въ плотинѣ, отдѣлявшей каналъ отъ сосѣдняго озера. Вода устремилась туда, отстоялась тамъ, и затѣмъ опять попала въ каналъ, ниже по его теченію, и земледѣльцы стали орошать свои поля отстоявшеюся, освѣтленной водой, но уже въ 1911 году ихъ поля стали страдать отъ осолоненія, чего ранѣе не было.

Осолоненіе, образованіе солонцовъ—явленіе, наблюдаемое и въ другихъ странахъ, гдѣ существуетъ искусственное орошеніе. По этому вопросу существуетъ большая литература, особенно по Индіи, Египту и Калифорніи. Слѣдовало бы рядомъ съ орошеніемъ устраивать дренажъ, чтобъ была возможность спускать избытокъ воды. Въ русскомъ Туркестанѣ осолоненіе всего чаще наблюдается въ Закаспійской области, гдѣ господствуетъ система орошенія затопленіемъ. Всего благопріятнѣе въ этомъ отношеніи условія средней и восточной Ферганы, гдѣ подпочва гальковая, т. е. существуетъ естественный дренажъ.

Агрономическія условія хозяйства съ искусственнымъ орошеніемъ еще очень мало изучены вездѣ, а особенно въ Туркестанѣ. Но долголѣтняя практика дала туземнымъ земледѣльцамъ многое, и у нихъ есть чему поучиться. Но для того нужно отнестись къ туземнымъ пріемамъ критически, отнюдь не пренебрегая, но и не слишкомъ увлекаясь ими. Мѣстами, напримѣръ въ Хивинскомъ оазисѣ и особенно въ Ферганѣ, существуетъ очень интенсивная культура китайскаго типа, т. е. тщательная ручная обработка и удобреніе. Но всѣ эти пріемы—чистая рутина, ничего не записано, не приведено въ систему. Въ послѣдніе годы наши ученые агрономы въ Туркестанѣ обратили вниманіе на такъ наз. *модуль орошенія*, т. е. на количество воды, которое нужно давать на десятину для того или иного растенія. Свѣдѣнія только-что стали собирать, и пока показанія

очень расходятся между собою. Во всякомъ случаѣ оказалось, что всего болѣе воды туземцы даютъ въ Закаспійскомъ краѣ, особенно бѣдномъ водою. Здѣсь господствуетъ система затопленія, при которой, какъ выше упомянуто, особенно много тратится воды, и кромѣ того почвы засоляются, обращаются въ солонцы. Поэтому во многихъ мѣстахъ области существуетъ то, что можно назвать «*кочевымъ хозяйствомъ съ орошеніемъ*»: заселенныя земли забрасываются, изъ главныхъ оросительныхъ каналовъ проводятся новые каналы на земли, до тѣхъ поръ не обрабатывавшіяся.

При проектированіи новыхъ каналовъ обыкновенно считаютъ въ Туркестанѣ, что количество воды въ 1 куб. сажень въ секунду въ теченіе мѣсяцевъ—съ апрѣля по сентябрь достаточно для орошенія 10 тыс. десятинъ. Въ Мургабскомъ Государевомъ имѣніи, благодаря образцово устроеннымъ водосливамъ, возможно точно учесть количество воды въ оросительныхъ каналахъ, и тамъ оказалось, что въ настоящее время, при обыкновенной туркестанской системѣ затопленія, тратится вдвое и даже втрое болѣе воды, чѣмъ нужно. Такое большое количество воды не только роскошь, непозволительная въ столь сухомъ краѣ, и не только ведетъ къ осоленію почвъ тамъ, гдѣ почва и подпочва мало проницаемы для воды, но вредно и въ другомъ отношеніи, вредно для главнаго промышленнаго растенія Туркестана — хлопка. Инженеры, посланные нашимъ правительствомъ въ Египетъ для изученія орошенія хлопководства, указали въ своихъ отчетахъ на то, что въ годы, когда разливъ Нила великъ и земледѣльцамъ (феллахамъ) отпускается столько воды, сколько они пожелаютъ, сборъ хлопка не великъ, такъ какъ при избыткѣ воды роскошно развиваются листья, а сѣмянъ и обволакивающихъ ихъ волоконъ (ваты) сравнительно мало. Напротивъ, въ годы, когда разливъ малъ и количество воды, отпускаемой земледѣльцамъ, ограничено, сборъ хлопка бываетъ больше. Но въ Египтѣ по крайней мѣрѣ не боятся морозовъ, а въ Туркестанѣ они нерѣдко уменьшаютъ сборъ хлопка. При слишкомъ обильномъ орошеніи поспѣваніе хлопка запаздываетъ, и поэтому онъ нерѣдко страдаетъ отъ мороза.

Количество земли, орошаемой въ Туркестанѣ, неизвѣстно въ точности, и цифры, даваемыя лучшими знатоками края, подвержены нѣкоторому сомнѣнію, даже въ русскихъ владѣніяхъ. Онѣ еще менѣе точны для ханствъ Бухарскаго и Хивинскаго.

Князь В. И. Масальскій [1]) даетъ слѣдующія цифры:

---

1) Кн. В. И. Масальскій, Туркестанскій край, Спб. 1913 г., изданіе Девріена.

Тысячи орошенныхъ десятинъ.

Ферганская область	840
Самаркандская	480
Сыръ-Дарьинская	635
Закаспійская	150
Итого въ русскихъ владѣніяхъ	2105
Бухарское ханство	1600
Хивинское	350
Итого въ Туркестанѣ	4055 [1]).

Количество, приводимое въ этомъ трудѣ для обоихъ ханствъ, кажется мнѣ очень преувеличеннымъ, по сравненію съ русскими владѣніями, находящимися въ одинаковыхъ условіяхъ. и, по моему, правильнѣе было бы принять 1100 тыс. десятинъ для Бухарскаго и 370 тыс. десятинъ для Хивинскаго ханствъ, а для всего Туркестана, безъ Семирѣченской области, въ круглыхъ числахъ 3500 тыс. десятинъ. Цифра все-таки очень большая, и лишь Индія и Соединенные Штаты имѣютъ большее пространство орошенныхъ земель, чѣмъ нашъ Туркестанскій край. Но какъ ни велико это количество, оно далеко недостаточно даже для туземцевъ края, а тѣмъ болѣе для русскихъ переселенцевъ, которыхъ слѣдовало бы водворить въ этомъ богатомъ краѣ; оно недостаточно и для производства всего хлопка, перерабатываемаго нашими фабриками.

Но откуда же взять воду для орошенія въ этомъ сухомъ краѣ, гдѣ многія рѣки сплошь идутъ на орошеніе?

Изъ таблицъ, приведенныхъ выше, видно, какъ много воды не использовано въ большихъ рѣкахъ края, Сыръ-Дарьѣ и особенно Аму-Дарьѣ; эта вода, безъ пользы для человѣка, стекаетъ въ непроточное озеро Аралъ, второе по величинѣ непроточное озеро земного шара, площадь котораго 59.590 квадр. верстъ. Пока нами еще очень мало сдѣлано не только въ отношеніи постройки новыхъ оросительныхъ каналовъ, но и для упорядоченія старыхъ туземныхъ оросительныхъ системъ. Сотни тысячъ десятинъ когда-то орошенныхъ, дававшихъ богатыя жатвы, теперь пустуютъ, потому что оросительные каналы уничтожены или запущены. Лишь въ 1895 году начались изысканія, которыя должны были выяснить, какія земли всего удобнѣе оросить новыми каналами. Очень приблизи-

[1]) Безъ Семирѣченской области.

тельныя изысканія по 1900 г. коснулись 600 тыс. десятинъ такихъ земель въ областяхъ: Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской, и было составлено 8 схематическихъ проектовъ орошенія казенныхъ земель, площадью 210 тыс. десятинъ, съ затратой 11.700 тыс. рублей [1]).

Климатическія условія Голодной Степи, расположенной между 40° и 41° с. ш., весьма благопріятны для многихъ цѣнныхъ растеній. Лѣто отличается продолжительностью и сильными жарами (до +42° въ тѣни) при крайне незначительномъ количествѣ осадковъ: въ іюнѣ и іюлѣ дожди весьма рѣдки, а въ августѣ ихъ совсѣмъ не бываетъ. Весна и осень теплы, а зимы непродолжительны, но сыры и сравнительно суровы, съ кратковременными морозами, достигающими нерѣдко —29° (С.). Безморозный періодъ продолжается въ среднемъ около 190 дней, что вполнѣ достаточно для созрѣванія хлопка; годовое количество осадковъ составляетъ около 276 милл. при колебаніяхъ отъ 143 до 670 милл. Въ общемъ по своимъ климатическимъ условіямъ Голодная Степь пригодна для культуры всѣхъ, произрастающихъ въ Туркестанѣ растеній, не исключая и хлопчатника.

По первоначальному проекту орошенія 45.000 дес. въ Голодной Степи, составленному бывшимъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, предполагалось проложить магистральный каналъ на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, общей длиной 56 вер. съ расходомъ воды 5 куб. саженъ въ секунду. Общая стоимость работъ была исчислена въ $2^1/_2$ милл. рублей, при чемъ на средства казны предполагалось устроить лишь магистральный каналъ и главные распредѣлители, такъ какъ второстепенные распредѣлители должны были устраиваться будущимъ населеніемъ вновь орошенной площади. Предположенія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ были одобрены, и закономъ 7-го февраля 1900 г. было разрѣшено приступить къ работамъ съ сокращеніемъ ихъ общей стоимости до $2^1/_4$ милл. рублей. Однако, при осуществленіи этого дѣла выяснилось, что составленный проектъ являлся недостаточно разработаннымъ. Это обстоятельство, которое обнаруживалось по мѣрѣ развитія работъ, оказало крайне неблагопріятное вліяніе на выполненіе начатаго предпріятія и привело къ необходимости постепенной коренной переработки всего проекта. При пересоставленіи проекта были произведены всѣ необходимыя изслѣдованія, при чемъ главное управленіе землеустройства и земледѣлія исчислило размѣръ необходимаго ассигнованія на завер-

[1]) Кн. Масальскій, Туркестанскій край, стр. 482.

шеніе этого дѣла въ суммѣ 4.856 тысячъ рублей. По разсмотрѣніи проекта законодательными учрежденіями, онъ былъ утвержденъ 1-го іюля 1911 года съ отпускомъ на эту надобность 4.738.500 рублей. Благодаря ассигнованію необходимыхъ средствъ работы были налажены такъ, что въ ноябрѣ 1913 г. былъ открытъ Романовскій каналъ и положено начало первому въ Туркестанѣ крупному русскому ирригаціонному предпріятію. Значеніе его весьма велико, такъ какъ оно даетъ возможность создать въ центрѣ края крупный районъ съ стойкимъ въ экономическомъ отношеніи русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ, пріобщить къ культурѣ десятки тысячъ десятинъ пустующихъ степей и развить культуру на вновь орошенныхъ земляхъ столь необходимаго для нашей промышленности хлопка.

Вблизи головы новаго канала уже ранѣе существовалъ каналъ Императора Николая I, устроенный на свои средства Вел. Кн. Николаемъ Константиновичемъ и впослѣдствіи выкупленный казною. Онъ орошаетъ 12 тыс. десятинъ. Великимъ княземъ, явившимся піонеромъ русскихъ орошеній въ Туркестанѣ, еще ранѣе прорытъ каналъ (Искандеръ-арыкъ), берущій начало изъ р. Чирчика и также впослѣдствіи выкупленный казною. Искандеръ-арыкъ построенъ, когда казна не приступала даже къ изысканіямъ оросительныхъ каналовъ. Затѣмъ въ Мургабскомъ Государевомъ имѣніи построены водохранилища и проведена сѣть каналовъ, орошающихъ 25 тыс. десятинъ. Сооруженіе каналовъ и водосливовъ образцовое, дѣлающее честь инженеру, стоявшему во главѣ работъ. Изысканія и рекогносцировки очень дѣятельно производились и въ послѣднія 7 лѣтъ, и поэтому можно будетъ скоро исполнить новыя работы, разъ найдутся для нихъ средства. Эти изысканія дѣлались не одною казной, а также и частными лицами, въ надеждѣ, что имъ разрѣшатъ произвести орошеніе нынѣ пустующихъ земель. Съ 1912 г. пошла мода на Туркестанъ, и въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія являлись массы людей, чающихъ получить «концессію» на орошеніе въ Туркестанѣ, въ надеждѣ передать ее какой-нибудь компаніи и получить солидную сумму за такую уступку. Повторилось то, что̀ было съ желѣзными дорогами когда наступало «оживленіе», т. е. казна выдавала концессію на ихъ постройку частнымъ лицамъ.

Пока не дана ни одна крупная концессія на орошеніе въ русскихъ владѣніяхъ, и даже концессіи во владѣніяхъ бухарскаго эмира встрѣтили препятствія. Особенно возражали противъ такихъ концессій туркестанскіе генералъ-губернаторы; зато въ вѣдомствѣ землеустройства и земледѣлія господствовало настроеніе, благо-

пріятное для концессій на орошеніе, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ. Сторонники концессій основывались на томъ, что нужды этого дѣла очень велики, и потому желательно, чтобъ рядомъ съ казенными работами велись и частныя, ибо у казны будто-бы не хватитъ средствъ на постройку оросительныхъ каналовъ въ необходимыхъ обширныхъ размѣрахъ. Указывали на желательность привлеченія иностранныхъ капиталовъ къ этому дѣлу, иные говорили—также и о привлеченіи опытныхъ иностранныхъ инженеровъ и подрядчиковъ. Противники частныхъ оросительныхъ предпріятій указывали на нежелательность образованія обширныхъ частныхъ владѣній, особенно, если они будутъ въ рукахъ иностранцевъ.

Это возраженіе было бы совершенно справедливо, если бъ было необходимо отдавать огромныя земли въ собственность лицъ или компаній, производящихъ орошеніе. Но такой надобности не существуетъ, и практика Соединенныхъ Штатовъ указываетъ намъ на то. Законъ Кэри объ улучшеніи (меліораціи) пустующихъ земель запада этой страны и особенно то, что̀ было исполнено въ штатѣ Айдаго (Idaho), показываютъ намъ, какъ удачно можно разрѣшить вопросъ о привлеченіи частныхъ капиталовъ къ орошенію, безъ отдачи капиталистамъ земли въ собственность [1]).

Въ Соединенныхъ Штатахъ незаселенныя земли принадлежатъ центральному правительству, которое и заботится о ихъ заселеніи. Пока заселялись земли восточной половины страны, дѣло было легко. Тамъ дождя выпадаетъ достаточно, искусственное орошеніе не нужно; правительство заботилось о межеваніи земель, которыя пріобрѣтались гражданами отчасти даромъ (до 80 и 160 акровъ) [2]), частью за дешевую цѣну. Но когда стали заселяться земли на сухомъ западѣ страны, старая система уже не отвѣчала условіямъ мѣстности, и правительству пришлось подумать о земельныхъ улучшеніяхъ, особенно объ орошеніи. Оно исполнило нѣсколько крупныхъ оросительныхъ работъ, но рядомъ съ казной оказалось мѣсто и для частной предпріимчивости. Штатъ Айдаго предложилъ правительству отдать въ его распоряженіе милліонъ акровъ, обязуясь принять мѣры для ихъ заселенія. На это было получено согласіе, и дѣло было организовано слѣдующимъ образомъ.

Компаніи строили отдѣльные каналы подъ надзоромъ инженеровъ штата, и стоимость этихъ сооруженій записывалась долгомъ на переселенцахъ (фермерахъ), занимавшихъ орошенныя земли. Они

---

[1]) См. „Вѣстн. Евр.“ 1914 г. май, статью Ор. Шкапскаго: „Организація воднаго хозяйства въ Туркестанѣ.“ Ред.

[2]) Акръ—0,37 десятины.

платили ежегодно проценты и погашеніе. По мѣрѣ уплаты долга, они становились пайщиками компаніи, т. е. совладѣльцами своихъ закладныхъ, а по уплатѣ всей суммы долга фермеры будутъ собственниками и земли, и воды, орошающей ее; разница только въ томъ, что земля находится въ личной собственности, а вода въ коллективной собственности фермеровъ, владѣющихъ землями, орошенными данной системой. Дѣло пошло такъ удачно, что штату Айдаго былъ отданъ второй, а затѣмъ и третій милліонъ акровъ.

Этотъ примѣръ очень поучителенъ для насъ. Конечно, не слѣдуетъ рабски подражать тому, что сдѣлано въ Сѣверной Америкѣ, но общія условія дѣла пригодятся и для насъ 1).

Устройство оросительныхъ работъ нынѣшними способами—дѣло новое въ Туркестанѣ, оно сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ, и поэтому капиталисты, занявшіеся этимъ дѣломъ, будутъ, вѣроятно, разсчитывать на значительно большій процентъ, чѣмъ получаемый съ государственныхъ бумагъ. Таковы условія при отсутствіи гарантіи. Но, по-моему, отчего бы не гарантировать хотя часть капитала, затраченнаго на орошеніе, разъ даются гарантіи на желѣзныя дороги?

Откуда можно получить воду для новыхъ орошеній въ Туркестанскомъ краѣ?

Аму-Дарья у Керки (крѣпость между Термезомъ и Чарджуемъ) несетъ значительно болѣе половины воды, которою еще не пользуются для орошенія. Выше Керки, съ праваго берега въ Аму впадаютъ рѣки Вахшъ, Кафирнаганъ и Сурханъ, которыми вполнѣ можно воспользоваться для орошенія. Мѣстность, которую можно оросить водою этихъ рѣкъ, болѣе благопріятна для хлопка и плодовъ теплыхъ странъ, чѣмъ другія части Туркестана не только потому, что она южнѣе 38° с. ш., но и потому, что она защищена горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Ниже Сурхана, Аму-Дарья не имѣетъ притоковъ, и для орошенія придется воспользоваться водами самого Аму. Тутъ являются разныя возможности. Въ послѣдніе годы много говорили и писали о грандіозномъ проектѣ проведенія водъ Аму-Дарьи въ пустыню Кара-Кумъ и черезъ нее въ Мургабскій и Тедженскій оазисы. Для этого придется начать каналъ вблизи Афганской границы. Правительствен-

1) Надо всегда помнить то, что говорилъ покойный проф. А. И. Чупровъ о предоставленіи частнымъ предпринимателямъ владѣльческихъ правъ на воду, „Нужно быть слѣпымъ,—говорилъ онъ,—чтобы передавать въ руки спекулянтовъ, одушевленныхъ единственнымъ стремленіемъ къ наибольшей наживѣ, судьбу цѣлыхъ населеній и поколѣній“..... „Лишь общество, какъ цѣлое, имѣетъ право и обязанность эксплоатировать ее (воду) въ интересахъ своего народа“.. „Вѣстн. Евр.“ 1914 г. май, ст. Шкапскаго.

ныхъ изысканій нѣтъ, а есть лишь частныя. Одинъ проектъ, подполковника Ермолаева, предполагаетъ оросить водами Аму-Дарьи 516 тыс. десятинъ. Имѣется печатная записка по этому проекту. Другой проектъ, также основанный на изысканіяхъ на мѣстахъ, составленъ гг. Сазоновымъ и Альбрантомъ. Насколько извѣстно, изысканія, сдѣланныя по ихъ порученію, довольно подробны, и данныя напечатаны, но «на правахъ рукописи», т. е. получившіе эти данныя не имѣютъ права ихъ печатать во всеобщее свѣдѣніе.

Проекты орошенія водами Аму такого большого пространства очень заманчивы. Но имѣется немало противниковъ этихъ проектовъ. Одни указываютъ на то, что изысканія недостаточны, другіе на огромную потерю воды при проведеніи ея чрезъ сыпучіе пески, третьи, наконецъ, говорятъ, что отвлеченіе значительнаго количества воды изъ Аму-Дарьи обездолитъ Хивинскій оазисъ, гдѣ уже и теперь вода въ каналахъ стоитъ низко и ее приходится поднимать помощью чигирей. Послѣднее вѣрно, но есть очень простой способъ поднять уровень воды въ каналахъ Хивинскаго оазиса: ниже ихъ головъ находятся 4 скалистыя тѣснины, гдѣ легко устроить запруды или полузапруды, которыми можно поднять уровень воды. Поэтому и при отвлеченіи большого количества воды для орошенія оазисовъ Мургабскаго и Тедженскаго, ея останется довольно не только для нынѣшнихъ каналовъ Хивы, но для расширенія существующихъ и постройки новыхъ изъ низовій Аму-Дарьи. Затѣмъ, въ дельтѣ этой рѣки очень много воды безполезно для человѣка испаряется съ поверхности озеръ и болотъ. Регулированіе этихъ водъ въ дельтѣ дастъ возможность воспользоваться не одной сотней тысячъ десятинъ.

Есть еще предположеніе провести воду съ праваго берега Аму-Дарьи въ округа Бухарскій и Каракульскій Бухарскаго ханства нынѣ очень нуждающіеся въ водѣ и заносимые песками. Объ этомъ говорилъ и писалъ П. М. Лессаръ. Разработаннаго проекта о томъ нѣтъ, но Лессаръ былъ не только искусный дипломатъ, но и дѣльный «водяной инженеръ», и слѣдовало бы произвести изысканія въ этой мѣстности.

Въ рѣчныхъ областяхъ Сыръ-Дарьи и его притоковъ есть нѣсколько проектовъ орошеній. Рѣка носитъ названіе Сыра, начиная со сліянія Нарына и Кара-Дарьи. Послѣдняя въ очень значительной степени использована для орошенія, и у тѣснины Кампыръ-Рават начинаются каналы Шариханъ-сай и Андижанъ-сай, орошающіе лучшую часть Ферганы и имѣющіе огромное значеніе для хлопководства. Нарынъ гораздо богаче водою, но менѣе использованъ. Въ 1912 г. московскій капиталистъ А. И. Кузнецовъ произвелъ изслѣдованія, доказавшія возможность орошенія 250 тысячъ десятинъ въ

западной части Ферганы водами Нарына. Ихъ пришлось бы начать у Учъ-Кургана, выше сліянія Нарына съ Кара-Дарьей, при чемъ пришлось бы провести воду надъ или подъ послѣдней рѣкой и выведенными изъ нея каналами.

Ниже сліянія Нарына съ Кара-Дарьей, Сыръ-Дарья не имѣетъ ни одного лѣваго притока, но принимаетъ три правыхъ, Арысь, Чирчикъ и Ангренъ. Вторая рѣка самая значительная, изъ нея проведены Босъ-и Захъ-арыки, орошающіе Ташкентскій оазисъ, и въ низовьѣ ея, близъ впаденія въ Сыръ-Дарью, огромное пространство болотъ, изъ которыхъ лишь малая часть использована въ видѣ рисовыхъ полей.

Я упоминалъ уже о недавнемъ открытіи Голодностепскаго канала, орошающаго 30 тысячъ десятинъ. Очень нетрудно оросить еще 60 тысячъ десятинъ этой степи также водами Сыръ-Дарьи. Съ праваго берега этой рѣки вполнѣ возможно взять воду для орошенія Дальверзинской степи.

Предполагаемые каналы, о которыхъ была рѣчь, всѣ въ области хлопководства, и ихъ постройка, конечно, значительно увеличитъ площадь земли подъ хлопкомъ. Но на лѣвомъ берегу нижней Сыръ-Дарьи имѣется обширное пространство, которое легче оросить, чѣмъ какое-либо другое въ Туркестанѣ. Оно находится почти на сажень ниже уровня воды рѣки въ весеннее время, и лѣвые рукава ея Джана-Дарья и Куванъ-Дарья могутъ замѣнить главные каналы. Въ 1909 году были произведены раскопки въ пустынѣ Кизилъ-Кумѣ, которыя сопровождались нахожденіемъ прежнихъ городовъ, деревень и полей. Здѣсь было нѣкогда орошеніе и земледѣліе, были цвѣтущіе оазисы. Здѣсь въ началѣ XIX столѣтія жили каракалпаки, и воевавшіе съ ними кокандцы систематически разрушали оросительные каналы и превратили страну въ пустыню. Здѣсь климатъ слишкомъ холодный для успѣшнаго воздѣлыванія хлопка, но за то возможно воздѣлываніе пшеницы, риса и люцерны въ огромныхъ размѣрахъ; слѣдовательно, созданіе оазисовъ въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи поведетъ къ удешевленію этихъ продуктовъ въ хлопковыхъ районахъ Туркестана.

Можно увеличить пространство орошаемыхъ земель не только устройствомъ новыхъ каналовъ, но и посредствомъ устройства водохранилищъ. До сихъ поръ они существовали только въ Закаспійской области, гдѣ, какъ выше упомянуто, вода быстро сбываетъ уже въ маѣ, такъ что для хлопка и люцерны въ іюнѣ слишкомъ мало воды. Главное водохранилище въ области Мургаба было образовано посредствомъ плотины Султанъ-бендъ. Она была разрушена Бухарскимъ эмиромъ въ 1784 г. и возстановлена въ 1909 г. управленіемъ Мургабскаго Государева имѣнія.

Въ другихъ частяхъ Туркестана, т.-е. въ рѣчныхъ областяхъ Аму и Сыръ-Дарьи и ихъ притоковъ, рѣки питаются, главнымъ образомъ, таяніемъ горныхъ снѣговъ, снѣжниковъ и ледниковъ, и въ нихъ поэтому много воды и лѣтомъ. Вслѣдствіе того тамъ водохранилищъ до сихъ поръ не было и нѣтъ. Но и здѣсь водохранилища могутъ быть полезны, запасая воды: 1) въ теченіе пяти холодныхъ мѣсяцевъ, когда вода не нужна для полей и садовъ и 2) во время особенно большихъ паводковъ, не только безполезную воду но и вредную, такъ какъ при такихъ разливахъ затопляются поля, оросительные каналы размываютъ берега и измѣняютъ теченіе и т. д. Въ послѣдніе годы кое-что сдѣлано для изслѣдованія мѣстъ, удобныхъ для плотинъ, посредствомъ которыхъ можно устроить водохранилища. Такъ Н. П. Петровскій и другіе инженеры изслѣдовали 10 такихъ мѣстъ на Зеравшанѣ, выше Пенджекента, и одно на притокѣ этой рѣки Искандеръ-Дарьѣ, а инженеръ Миттъ, завѣдывающій головными частями главныхъ каналовъ Ферганы, нашелъ прекрасное мѣсто для такого сооруженія въ урочищѣ Кампыръ-Ратъ.

Ни въ какомъ другомъ краѣ человѣкъ не можетъ совершить культурной работы въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ Туркестанѣ; благословенной солнцемъ странѣ недостаетъ только оросительной воды, чтобы превратиться въ цвѣтущіе оазисы. Вода для этого имѣется въ изобиліи въ двухъ огромныхъ рѣкахъ, питаемыхъ снѣгами и ледниками высокихъ горъ. Милліоны нашихъ земледѣльцевъ найдутъ здѣсь новую родину, гдѣ на одной десятинѣ привольнѣе, чѣмъ теперь въ средней Россіи на десяти и даже двадцати.

Въ отдаленномъ будущемъ, при желательныхъ успѣхахъ гидротехническаго дѣла и сельскаго хозяйства, мы должны воспользоваться всею водой рѣкъ бассейна Арала въ маловодные годы для искусственнаго орошенія. Озеро должно будетъ служить лишь для стока излишней воды многоводныхъ годовъ.

Проф. А. Воейковъ.

БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ И ВОЙНА.

I.

...Западъ борется за обладаніе Востокомъ—вотъ основное содержаніе современной войны. Понятно, что эта общая формула вовсе не исключаетъ второстепенныхъ причинъ войны: стремленіе Гер-

маніи приблизиться къ Атлантическому океану (оккупація Бельгіи и пресловутый прорывъ къ Калэ), желаніе ослабить Россію и навязать ей выгодный Германіи торговый договоръ, нескрываемая зависть къ французскимъ колоніямъ въ сѣв. Африкѣ (Марокко) и т. д. Но все это второстепенныя причины, всецѣло подчиненныя основной—борьбѣ за обладаніе передней Азіей.

Германія стремится къ завладѣнію міровымъ рынкомъ въ интересахъ своей индустріальной, финансовой и торговой буржуазіи. Потому-то широкіе круги германскаго населенія горячо поддерживаютъ «военную партію», противъ которой не борется даже нѣмецкая соціалъ-демократія, также заинтересованная въ расширеніи рынка труда. И надо, чтобы русская публика знала это, тогда она пойметъ, что рѣчь идетъ объ упорной борьбѣ, которую дальновидные нѣмцы задолго до войны назвали «второй *семилѣтней* войной».

Мольтке незадолго до своей смерти высказалъ слѣдующую мысль: «Географическое положеніе Германіи таково, что она можетъ быть побѣждена даже безъ одного пушечнаго выстрѣла». При усиленіи державъ тройственнаго согласія, Германія въ любой моментъ можетъ быть отрѣзана отъ всего окружающаго міра и тогда она перестанетъ быть «міровой державой», ибо единственный исходъ къ океану—черезъ Швейцарію и Италію — давно считался нѣмцами не совсѣмъ надежнымъ. Уже въ началѣ 1914 г. въ германской прессѣ совершенно открыто высказывался взглядъ, что въ случаѣ конфликта Италія останется нейтральной. Тройственный союзъ всегда разсматривался въ серьезныхъ германскихъ кругахъ, какъ двойственный, т. е. какъ союзъ Германіи и Австріи. Въ виду этого Германія давно искала выходъ къ Востоку.

Какъ это ни странно, извѣстный англійскій колонизаторъ, Джонстонъ, уже много лѣтъ тому назадъ указалъ Германіи этотъ путь. «Будь я нѣмцемъ, писалъ онъ, я мечталъ бы о германско-австрійско-турецкой имперіи съ двумя главными торговыми гаванями—Гамбургъ и Константинополь. Это государство оказывало бы свое вліяніе черезъ Багдадъ на всю Малую Азію и Месопотамію. Непрерывная имперія отъ береговъ Эльбы до береговъ Тигра и Евфрата представляетъ собою гордую цѣль, достойную великой націи». Для пониманія дальнѣйшаго интересно отмѣтить, что было время, когда англичане ничего не имѣли противъ завладѣнія германцами передней Азіей, но при одномъ условіи: до Багдада и не дальше, т. е. не до Шатъ-Эль-Араба, не до Индіи.

Если Германія увлеклась предложеніемъ Джонстона, то, конечно, не подъ вліяніемъ юнкерско-феодальной партіи. Бисмаркъ очень мало интересовался Балканами и Востокомъ. Его идеалъ былъ—объеди-

ненная Германія въ ея нынѣшнихъ границахъ. Германскій имперіализмъ—продуктъ послѣ-бисмарковской эпохи владычества индустріальныхъ бароновъ Крупповъ, Штумовъ, Балиныхъ, Гельфериховъ и т. д. Изъ этихъ круговъ вышелъ авторъ нашумѣвшей въ свое время брошюры: «Берлинъ—Багдадъ». Она бросаетъ такой яркій свѣтъ на современную войну, что стоитъ на ней остановиться.

Фонъ-Винтерштетенъ, авторъ означенной брошюры, начинаетъ критикой изреченія бывшаго канцлера фонъ-Бюлова, что Германія стала міровой державой и безъ войны. Авторъ считаетъ, что міровой державой (Weltmacht) можетъ быть названа лишь такая, которая обладаетъ слѣдующими качествами: 1) неограниченное развитіе народнаго хозяйства благодаря наличности рынковъ для сбыта товаровъ и достаточныхъ источниковъ сырья и 2) наличность свободныхъ земель для заселенія новыми колонистами (Siedelungsland). Современная германская имперія не отвѣчаетъ этимъ основнымъ требованіямъ, а потому она, по мнѣнію автора, не представляетъ собою міровой державы. Чтобы стать таковой, надо, *во что бы то ни стало*, осуществить планъ: Берлинъ—Багдадъ. Германія должна стремиться къ основанію «Союза государствъ» (Staatenbund), въ который вошли бы Германія, Австрія, Румынія, Болгарія и Турція. Гегемонія въ этомъ союзѣ принадлежала бы Германіи, но она не мѣшала бы развитію культуры не-германскихъ народовъ, входящихъ въ этотъ союзъ. Такимъ образомъ Германія гарантировала бы себѣ неограниченное экономическое развитіе [1]).

И кто слѣдилъ въ свое время за судьбами этой знаменательной брошюры, знаетъ, что она была расхвалена не только генераломъ Каймомъ въ газ. «Der Tag» [2]) и въ органѣ Штума «Die Post», но даже въ органахъ либераловъ, демократовъ и соціалистовъ. Молчали лишь оффиціозы, памятуя нѣмецкое изреченіе: «So was tut man, so was sagt man nicht» (такія вещи дѣлаютъ, но о нихъ не говорятъ). Оффиціальная Германія уже давно осуществляла этотъ планъ втихомолку, временами при помощи державъ тройственнаго согласія, т.-е. пользуясь ихъ ошибками. Мы должны здѣсь же указать на одну такую крупную политическую ошибку, которую необходимо исправить въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Мы имѣемъ въ виду балканскую проблему.

Весь германскій планъ рушится въ тотъ моментъ, когда между Австріей и Турціей будетъ существовать крѣпкій союзъ балканскихъ государствъ, связанныхъ между собой общностью интересовъ. Въ

[1]) *D-r K. von Winterstetten*: Berlin — Bagdad. Neue Ziele mitteleuropäischer Politik. München. 1913.

[2]) См. *Der Tag*, 16 November 1913. *Die Post*, 19 Februar 1914.

виду этого нельзя допускать такого положенія, въ какомъ находится нынѣ Болгарія. Всѣмъ извѣстно, что она первая порвала съ своими балканскими союзниками, но отсюда не слѣдуетъ, что ее надо наказывать за то отнятіемъ всей Македоніи въ пользу Сербіи и всей Силистріи въ пользу Румыніи. Худшіе шовинисты—балканскіе. Каждая изъ балканскихъ державъ мечтаетъ втихомолку о гегемоніи—въ Бѣлградѣ, какъ въ Софіи, въ Букарестѣ, какъ особенно въ Аѳинахъ. И всякія сантиментальныя взыванія къ Болгаріи ни къ чему не приведутъ, пока Македонія остается цѣликомъ въ рукахъ Сербіи. Пусть не указываютъ на «руссофобство» Радославова и Геннадіева: они слишкомъ разсчетливы, чтобы сдѣлать изъ руссофобства государственную систему. Если уже говорить о недовѣріи къ Россіи, то оно гораздо сильнѣе среди сербскихъ «напредняковъ», чѣмъ среди болгарскихъ «либераловъ». На Балканахъ господствуетъ мораль македонской поговорки: «Кто мнѣ дастъ, за того и буду». Въ политикѣ еще больше, чѣмъ въ торговлѣ, царитъ прозаическій интересъ: les affaires sont les affaires.

Но не менѣе важно и созданіе экономической связи между Балканами и государствами тройственнаго согласія, спеціально Россіей. Экономически балканскія державы несравненно болѣе связаны съ Германіей и Австріей, чѣмъ съ державами тройственнаго согласія. Достаточно просмотрѣть торговый балансъ всѣхъ балканскихъ государствъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Мы уже не говоримъ о Сербіи, бывшей въ полной экономической зависимости отъ Австро-Венгріи, но даже Болгарія, порты которой—Бургасъ и Варна—находятся такъ близко отъ Одессы и Николаева, ни въ своемъ ввозѣ, ни въ своемъ вывозѣ не связана съ Россіей. Германія и Австрія своими товарами проникаютъ во всѣ поры балканской жизни. Два раза въ годъ, весной и осенью, какъ я лично наблюдалъ въ продолженіе десятка лѣтъ, всѣ крупные и малые города Болгаріи буквально заполнены коммивояжерами австрійскихъ и германскихъ фабрикъ. Связи, создаваемыя на этой почвѣ, куда солиднѣе тѣхъ, которыя создаются на почвѣ «благодарности» и всякихъ подобныхъ сантиментовъ. А у насъ будутъ разсуждать о германскомъ засильи и въ то же время ничего не дѣлаютъ для дѣйствительной борьбы съ этимъ засильемъ—не путемъ правительственной поддержки, а по собственной иниціативѣ, борьбой на почвѣ открытой конкурренціи съ нѣмцами, развитіемъ экономической самодѣятельности и производительныхъ силъ страны. А между тѣмъ балканскій рынокъ представляетъ величину, увеличивающуюся автоматически съ каждымъ днемъ.

Однимъ словомъ, именно на Балканахъ находится первый

этапъ стремленія Германіи на Востокъ. Отсюда должна начаться борьба—упорная и систематическая, основывающаяся на совершенно другихъ методахъ, чѣмъ тѣ, которыми пользуются наши бюрократы съ одной стороны и наше купечество съ другой стороны. Здѣсь необходимо безшумное и длительное напряженіе энергіи, при чемъ надо всегда помнить, что лишь та связь грозна, которая основывается на общности интересовъ политическаго и экономическаго характера.

Мы остановились на балканской проблемѣ и потому еще, что *формально* она, вѣдь, является первопричиной настоящей войны. Формально, какъ извѣстно, причиной войны является австрійскій ультиматумъ Сербіи. Теперь ни для кого не тайна, что эта причина только поводъ. Послѣ сенсаціоннаго раскрытія Джіолитти никто не сомнѣвается въ томъ, что Сербія должна была стать жертвой германо-австрійской политики. Но это могло осуществиться лишь съ того момента, какъ Сербія подписала бухарестскій договоръ, который уничтожилъ согласіе между балканскими государствами. Если бы Австрія знала, что Сербія можетъ опереться на Болгарію, едва-ли мы имѣли бы войну въ 1914 году. Можно съ увѣренностью сказать, что ея не было бы. Тогда и Турція оставалась бы совершенно спокойной.

Такимъ образомъ, выясняется, какое огромное значеніе имѣетъ балканская проблема для рѣшенія всего восточнаго вопроса. Хотя, съ другой стороны, мы не должны упускать изъ виду, что основа мірового конфликта все-таки не на Балканахъ, а въ передней Азіи, ибо Балканы лишь проходная станція на линіи Берлинъ—Багдадъ. Потому-то нѣмцы такъ основательно забыли завѣтъ Бисмарка: не жертвовать ни однимъ нѣмецкимъ солдатомъ изъ-за балканскихъ дрязгъ. Потому-то Бисмаркъ запрещалъ прусскому королю родниться съ болгарскимъ принцемъ Александромъ Баттенбергскимъ, а Вильгельмъ II поспѣшилъ послать лейтенанта Вида занять опереточный албанскій престолъ. Теперь Германія готова пожертвовать изъ-за Сербіи милліонами нѣмцевъ, потому что за Сербіей скрывается... Берлинъ—Багдадъ.

II.

Откуда появилась идея «Берлинъ—Багдадъ»? Ея творцомъ является сама Турція. Припомнимъ, что Азіатская Турція обнимаетъ пространство, равное Англіи, Германіи, Франціи и Австро-Венгріи, вмѣстѣ взятымъ; а между тѣмъ на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ живутъ всего 20 милліоновъ людей—вмѣсто 180 мил-

ліоновъ, которые могли бы жить, если бы вся эта область находилась подъ воздѣйствіемъ сознательнаго человѣческаго труда. Получается страна безъ фактическаго хозяина, ибо въ наше время хозяиномъ страны является только тотъ, кто ее оплодотворяетъ своей энергіей и своимъ упорнымъ трудомъ, кто старается ее использовать для увеличенія общаго благоденствія. Отграниченныхъ національныхъ хозяйствъ теперь нѣтъ, — весь міръ составляетъ одно хозяйство. И если какая-либо область остается невоздѣланной, она нуждается въ опекунѣ—во имя общечеловѣческихъ интересовъ. Индустріальная Европа, нуждающаяся въ рынкахъ для сбыта своихъ продуктовъ и въ сырьѣ для своихъ фабрикъ, волей-неволей натолкнулась уже давно на пустующую азіатскую Турцію. Всѣ повторяютъ въ одинъ голосъ одно и то же: это—богатѣйшая страна, одаренная всѣми естественными богатствами, но турки не способны использовать эти богатства, а подъ управленіемъ европейской державы передняя Азія была бы призвана къ величайшему развитію [1]). И дѣйствительно, вѣдь въ древности эти области были житницами міра. Оросительныя работы, начатыя Вилькоксомъ въ Месопотаміи, незначительная часть которыхъ была закончена въ 1913 г., изслѣдованія Эдварса Майтленда относительно минеральныхъ богатствъ Малой Азіи, донесенія консуловъ, всѣ сообщенія путешественниковъ и прессы доказываютъ лишь одно: азіатская Турція—страна съ огромнымъ экономическимъ будущимъ. Само собой понятно, что такая страна должна была уже давно привлечь къ себѣ вниманіе европейскихъ державъ.

Но «восточная проблема» не исчерпывается экономическимъ содержаніемъ. Въ ней имѣется не менѣе важная политическая сторона. Здѣсь передъ нами выступаетъ міровая проблема. Спорная область лежитъ въ центрѣ трехъ материковъ: Азіи, Африки и Европы. Кто владѣетъ этой областью, развивая при этомъ всю ея экономическую потенціальную энергію, владѣетъ главнѣйшими путями мірового товарообращенія и главнѣйшими пружинами политическаго вліянія. Послѣдній моментъ особенно важенъ, если мы примемъ во вниманіе, что Россія примыкаетъ къ этой области на огромномъ протяженіи на сушѣ и на морѣ, что Англія примыкаетъ къ азіатской Турціи и со стороны Индіи, и со стороны Египта; что Россія, Англія и Франція обладаютъ милліонами мусульманскихъ подданныхъ, такъ или иначе связанныхъ съ судьбами и жителями данной страны. Естественно, поэтому, что появилась борьба

---

1) *G. Burdeau*: Les ressources économiques de la Turquie d'Asie. La Dépeche coloniale. 1914.

за обладаніе столь цѣннымъ кускомъ земного шара. Даже борьба за простое вліяніе на ближайшее развитіе азіатской Турціи занимала видное мѣсто въ дипломатической работѣ всѣхъ европейскихъ державъ. При этомъ не надо смѣшивать борьбу за Европейскую Турцію и за Малую Азію. Та борьба окончилась въ ничью. Побѣдила не Россія и не Англія, а возродились самостоятельныя балканскія государства, которыя однимъ своимъ существованіемъ положили конецъ конкурренціи великихъ державъ. Борьба за азіатскую Турцію—явленіе сравнительно молодое, впервые выступившее на историческую сцену приблизительно лишь лѣтъ тридцать тому назадъ, хотя подготовка къ этой борьбѣ началась уже очень давно.

Всѣ послѣднія тридцать лѣтъ державы старались не доводить борьбы до конфликта, размѣры котораго мы наблюдаемъ теперь. Пытались избѣгнуть конфликта вполнѣ раціональными средствами. Всѣ державы, *за исключеніемъ одной*, предлагали Турціи оставаться нейтральной и заняться развитіемъ своихъ внутреннихъ силъ, превративъ свои несмѣтные пустыри въ культурныя земли и установивъ правильно функціонирующую государственную машину. Тогда державы гарантировали цѣлостность Оттоманской имперіи. Какъ создался этотъ принципъ европейской дипломатіи, выяснилъ въ свое время, между прочимъ, Рене Пишонъ [1]). Онъ, вмѣстѣ со многими другими писателями, указалъ, что будущее Турціи зависитъ отъ нея самой, отъ ея способности превратиться въ федеративное государство свободно развивающихся національностей. Но при этомъ Пишонъ не скрывалъ своихъ мотивовъ, т. е. мотивы французской дипломатіи вообще. «Разложеніе Оттоманской имперіи, писалъ онъ, было бы гибельно для нашихъ (французскихъ) интересовъ. Если бы даже мы заняли при раздѣлѣ Сирію, мы въ одинъ прекрасный день были бы сдавлены германской имперіей въ Анатоліи и англійской имперіей въ Египтѣ и Аравіи. *Къ счастью, всѣ державы стремятся къ переустройству турецкой имперіи въ Азіи*» (нашъ курсивъ). Почти дословно то же самое повторяетъ другой французскій публицистъ—Шерадамъ [2]). Изъ словъ Пишона выясняется основа принципа неприкосновенности Турціи: страхъ передъ конфликтами. И, какъ мы видѣли, Франція боялась не только историческаго своего врага, Германіи, но и своей союзницы—Англіи. Теоретически турки это понимали. Они чувствовали надвигающуюся грозу. Одна изъ

[1]) *René Pichon*: La reorganisation de la Turquie d'Asie. Revue des Deux-Mondes. 15 août. 1913.

[2]) *Chéradame*: La Turquie d'Asie peut-elle être sauvée? „Le Correspondant“ 25 juin 1913.

турецкихъ газетъ ясно формулировала положеніе, когда она писала: «Германія отрѣзала себѣ львиную долю нашихъ азіатскихъ владѣній. Она захватила нашу армію въ свои руки, а постройка принадлежащей ей Багдадской желѣзной дороги позволила ей завладѣть сердцемъ Турціи (т. е. Анатоліей)... Россія довольствуется покамѣстъ Арменіей... Англія стремится къ югу, она желаетъ соединить Персидскій заливъ съ Египтомъ, для чего ей нужно завладѣть Аравіей... Франція избрала себѣ Сирію... Италія бросила свои взоры на Киликію». Только внутреннія реформы могутъ спасти страну. «Надо не только предложить реформы, но и примѣнить ихъ на дѣлѣ» [1]).

И можно было надѣяться, что благоразуміе турокъ и взаимное недовѣріе европейскихъ державъ позволятъ избѣгнуть конфликта, по крайней мѣрѣ отодвинуть его. На самомъ дѣлѣ вышло иначе.

Младотурки оказались не только недальновидными государственными дѣятелями, но просто плохими администраторами. Они не могли разрѣшить національной проблемы, что̀ привело къ потерѣ Македоніи и Эпира и къ сильному броженію не только среди христіанъ, но и среди мусульманскихъ арабовъ. Они не создали условій для экономическаго возрожденія страны и не могли удержаться на почвѣ нейтралитета. А европейскія державы были вынуждены покончить разъ навсегда съ принципомъ цѣлостной Турціи потому, что они подъ феской турка узрѣли каску германца. Выяснилось, что Германія, которая въ началѣ этого года славословила принципъ кооперації (при переговорахъ о желѣзнодорожныхъ концессіяхъ въ Турціи), совершенно ясно выдвинула принципъ нѣмецкой гегемоніи: Анатолію она взяла себѣ, но одновременно съ этимъ стремилась пробраться въ Персію и въ Арменію, въ Сирію и въ южную Месопотамію, а къ тому еще она послала генерала Сандерса въ Константинополь. Какимъ образомъ это случилось, намъ выяснитъ исторія вліяній европейскихъ державъ въ азіатской Турціи.

III.

Въ эволюціи европейскаго вліянія въ Малой Азіи Франція занимаетъ хронологически первое мѣсто. Франція въ данномъ случаѣ равнозначуща съ католицизмомъ, ибо прежде всего европейское вліяніе развивалось здѣсь въ духовной, а не въ экономической области. Монахъ былъ первымъ дипломатомъ азіатской Турціи и продолжаетъ имъ быть до сихъ поръ. «Франджи»—до сихъ поръ

[1]) Les reformes et les problèmes de l'Asie-Mineure. La Jeune Turquie, 14 janvier 1914.

очень популярное имя. *Марониты* и *мелькиты* (греки-католики) не только католики, но ярые партизаны французскаго вліянія. Но если французское вліяніе здѣсь очень сильно, то этотъ результатъ достигнутъ почти исключительно усиліями французскихъ миссіонеровъ, особенно францисканцевъ и бенедиктинцевъ. И надо признать, что долгое время они были единственными носителями европейско-христіанской культуры въ передней Азіи. Ихъ школы, больницы, сиротскіе дома, благотворительныя учрежденія—прямо образцовыя. Чтобы понять, какая масса энергіи вложена французскими монахами въ дѣло распространенія культуры въ одной Сиріи, мы укажемъ въ общихъ чертахъ на ихъ учебныя заведенія. Въ одной Сиріи французами созданы: высшая теологическая школа въ Іерусалимѣ, университетъ въ Бейрутѣ, обнимающій медицинскій, юридическій и восточный факультеты, инженерная школа, семинаріи, гимназіи мужскія и женскія во всѣхъ городахъ Сиріи и огромная масса народныхъ школъ. Въ ихъ госпиталяхъ имѣется до 5.000 постоянныхъ кроватей, въ ихъ поликлиникахъ лѣчатся ежегодно до 300.000 человѣкъ.

Франція долгое время занимала совершенно особое мѣсто благодаря тому, что она обладала правомъ протектората надъ всѣми католиками Востока, къ какой бы національности они ни принадлежали, и лишь въ послѣдніе годы итальянцы и нѣмцы стараются освободиться отъ французскаго протектората. Но французское вліяніе сталкивается съ конкурренціей со стороны другихъ державъ. Прежде всего со стороны Англіи. Отмѣтимъ при этомъ, что культурная дѣятельность американскихъ миссіонеровъ тоже укрѣпляетъ англійское вліяніе въ Сиріи, ибо сиріецъ тонкостей не знаетъ: для него всѣ, говорящіе по-англійски—Англія. Англичане и американцы также имѣютъ свой университетъ въ Бейрутѣ и многочисленныя среднія и высшія школы.

Какъ извѣстно, въ Сиріи работаетъ и русское палестинское общество, которое также основало цѣлый рядъ школъ и больницъ. Меньше всего успѣли въ культурной работѣ нѣмцы. Д-ръ И. Лепсіусъ, знатокъ Турціи, пишетъ по этому поводу слѣдующее: «Что дѣлаетъ Германія въ культурномъ отношеніи для Турціи? Почти ничего (So gut wie nichts)... Въ лучшемъ случаѣ число учащихся въ германскихъ школахъ (въ Турціи) достигаетъ 3—4.000, а число учащихся въ англійскихъ школахъ—50.000 и во французскихъ—80.000» [1]). Въ результатѣ получается, что на станціяхъ германской Багдадской желѣзной дороги оффиціальный языкъ... французскій.

[1]) *I. Lepsius*: Reisebriefe. Der christliche Orient und die Muhamedane r ission. 1913.

Прибавимъ ко всему этому, что конкурренція европейцевъ и ихъ культурной дѣятельности въ Малой Азіи носитъ всегда рѣзкій характеръ. Это объясняется не только нетерпимостью монаховъ, а гораздо больше тѣмъ, что здѣсь всѣ чувствуютъ, какъ за каждой школой скрывается политическое вліяніе. И на самомъ дѣлѣ, всѣ эти школы, больницы и миссіонерскія учрежденія преслѣдуютъ ту же цѣль, что и желѣзнодорожныя концессіи: созданіе кліентовъ той или иной національной индустріи и партизановъ той или иной національной политики [1]).

Здѣсь, въ Малой Азіи, исчезаютъ всякіе оффиціальные альянсы. Недавно еще оффиціальный органъ французскихъ католиковъ писалъ: «Россія, наша союзница на западѣ, является нашимъ дѣйствительнымъ врагомъ на востокѣ» [2]). Съ неменьшей ненавистью говоритъ тотъ же органъ о вліяніи англичанъ и, понятно, нѣмцевъ. И несомнѣнно, что на этой почвѣ нельзя достигнуть соглашенія между отдѣльными державами, ибо вся эта культурная дѣятельность европейцевъ проникнута духомъ взаимной нетерпимости, вмѣсто того, чтобы руководиться принципами кооперації. Но едва-ли изъ-за этого могъ бы возникнуть конфликтъ между державами. Да и не этимъ путемъ завоевываютъ страны, даже имѣя въ виду мирное завоеваніе, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже указали, вся «восточная проблема» въ основѣ своей—проблема экономическаго воздѣйствія на Турцію. Главнымъ инструментомъ современной экономической дѣятельности является желѣзная дорога. Потому-то за послѣднія тридцать лѣтъ борьба европейскихъ державъ за вліяніе въ Турціи носила опредѣленный характеръ борьбы за желѣзнодорожныя концессіи. Здѣсь-то Германія проявила свои диктаторскія наклонности, и если мы привели данныя о культурной дѣятельности Европы въ Турціи, то мы хотѣли этимъ подчеркнуть одинъ очень важный психологическій моментъ. Франція, Россія и Англія вѣками уже работали въ Турціи, онѣ много жертвъ принесли для укрѣпленія своего вліянія въ Малой Азіи; и вдругъ появляется выскочка—parvenu—и цинично заявляетъ, что все вліяніе должно принадлежать ему одному... во имя волчьяго аппетита тевтонской расы! Психологія—не политика, но политика обнимаетъ и психо-

---

[1]) Недавно еще Ролофъ взывалъ къ нѣмецкимъ капиталистамъ, чтобы они жертвовали побольше денегъ въ кассу евангелическихъ миссіонеровъ на Востокѣ въ виду того, что „миссіонеры—лучшіе піонеры міровой торговли“: *M. Roloff.* Die Kulturaufgaben der evangelischen Mission im Orient.

[2]) L'influence catholique et française en Syrie. La Croix. 2 décembre 1913.

логію. Исторія борьбы за желѣзнодорожныя концессіи въ Турціи заключаетъ въ себѣ очень много политики, но и очень интересные психологическія моменты.

Послѣ русско-турецкой войны Абдулъ-Гамидъ понялъ огромное значеніе желѣзныхъ дорогъ для развитія своей имперіи. Онъ менѣе всего думалъ объ экономическомъ развитіи своей страны: ему нужны были стратегическія желѣзныя дороги. Таковой ему представлялся путь, соединяющій Константинополь съ Персидскимъ заливомъ. Но самъ онъ не могъ строить такую дорогу. Надо было обратиться къ иностранцамъ. Но къ кому? Россія—врагъ. Англія за свое маклерство на берлинскомъ конгрессѣ забрала островъ Кипръ и слишкомъ интересовалась Египтомъ. Франція настойчиво втягивалась въ Сирію и уже господствовала надъ очень многими милліонами мусульманъ. Оставалась одна держава, которая импонировала блескомъ своего военнаго могущества и въ то же время была очень скромна въ области колоніальныхъ пріобрѣтеній. И султанъ обратился за помощью къ безобидному нѣмцу. Въ 1888 году султаномъ была продана нѣмцамъ существовавшая тогда линія Гайдарпаша—Измидтъ длиною въ 92 километра. Во главѣ этого дѣла стоялъ «Deutsche Bank». Въ 1889 году нѣмцы получили концессію на линію Измидтъ—Ангора (578 килом.). Эта линія была выстроена въ концѣ 1892 года. Черезъ 4 года линія была продолжена до Конія (829 килом.). Тогда, наконецъ, и выступила наружу такъ называемая Багдадская желѣзная дорога, для постройки которой была образована новая компанія акціонеровъ «Compagnie des Chemins de fer d'Anatolie» 23-го декабря 1899 г. Эта компанія получила при энергичномъ содѣйствіи германской дипломатіи (знаменитая поѣздка Вильгельма II на Востокъ въ 1898 г.) концессію на постройку желѣзной дороги до Багдада и дальше до Персидскаго залива, при чемъ приблизили линію къ морскому берегу, соединивъ магистраль съ портами Александрета и Мерсина. Тогда другія державы запротестовали, ибо почуяли сильнаго конкуррента въ азіатской Турціи. Нѣмцы очень умно уступили. Дѣло въ томъ, что германскій капиталъ не могъ собственными средствами закончить это гигантское предпріятіе: онъ нуждался въ поддержкѣ французскаго капитала. Послѣ недолгихъ переговоровъ французскій «Banque Ottomane» получилъ 30% всѣхъ акцій и двухъ администраторовъ въ управленіе Багдадской желѣзной дорогой. А когда финансовая поддержка французовъ уже была получена, оказалось, что концессія на эту дорогу выдана исключительно нѣмецкой компаніи! Однако наступило на пару лѣтъ затишье. Вопросъ обострился только послѣ турецкой революціи. Россія съумѣла воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы получить концессіи на желѣзныя дороги въ

пограничной Турціи и въ турецкой Арменіи, при чемъ она послѣ потсдамскаго свиданія въ 1910 году дала согласіе на соединеніе Багдадской желѣзной дороги съ тѣми линіями, которыя она проведетъ въ будущемъ черезъ Арменію до Персіи. Такимъ образомъ, нѣмцы получили бы возможность проникнуть и въ Персію. Англичане начали безпокоиться за Персидскій заливъ и поспѣшили объявить свой протекторатъ надъ Ковейтомъ. Французы вообще не имѣли системы: они просто хотѣли забрать побольше концессій гдѣ бы то ни было: въ европейской Турціи, въ Арменіи, въ Сиріи и т. д. Благодаря этому, Франція натолкнулась на противодѣйствіе и со стороны Германіи и со стороны Россіи, которая въ лицѣ своего константинопольскаго посла Гирса была менѣе уступчива, чѣмъ при послѣ Чарыковѣ. Послѣ путешествія Пуанкаре въ Петербургъ (въ августѣ 1912 г.) Россія согласилась съ требованіями французовъ, но вскорѣ послѣ этого разразилась балканская война. Послѣ войны Турція нуждается въ займѣ, который Джавидъ-бей пытается заключить въ Парижѣ. Тогда Франція вновь представила списокъ своихъ требованій, въ числѣ которыхъ былъ цѣлый рядъ желѣзнодорожныхъ концессій. Турки взволновались, но заемъ имъ нуженъ былъ до зарѣзу, они должны были уступить.

Такимъ образомъ, началась эра раздѣла Турціи на различныя области экономическаго вліянія. Державы рѣшились вступить въ переговоры, чтобы окончательно отграничить сферы вліянія каждой и чтобы, такимъ образомъ, избѣгнуть всякихъ треній между собой. Эти переговоры привели къ заключенію окончательнаго англо-германскаго соглашенія[1]). Сущность этихъ соглашеній состоитъ въ слѣдующемъ: Франція въ лицѣ Аттоманскаго банка отказывается отъ всякаго участія въ Багдадской желѣзной дорогѣ; имѣвшіяся въ портфелѣ этого банка акціи Багдадскаго предпріятія, т. е. 30% всего основного капитала, были проданы Германіи въ лицѣ «Deutsche Bank». Нѣмцы, такимъ образомъ, стали полными господами Багдадской желѣзной дороги. Взамѣнъ этого Германія отказывается отъ постройки желѣзныхъ дорогъ въ Сиріи и въ Арменіи. Англо-германскій договоръ содержитъ слѣдующее соглашеніе: Багдадская желѣзная дорога заканчивается не у Персидскаго залива, а у Бассоры, при чемъ англичане участвуютъ въ управленіи линіей Багдадъ—Бассора. Такимъ образомъ, получилось полное соглашеніе между всѣми державами, приведшее къ строгому разграниченію ихъ «сферъ

[1]) Мы не можемъ здѣсь исчерпать всего вопроса, куда входятъ и переговоры Италіи съ Турціей по поводу концессіи въ Адаліи, равно какъ и соглашенія между Россіей и Франціей относительно желѣзныхъ дорогъ въ Сѣв. Анатоліи и Арменіи.

вліянія» въ азіатской Турціи. Это было такъ недавно—всего лишь въ началѣ 1914 г.

И всѣ были довольны. «Courrier Européen» тогда былъ убѣжденъ, что «les ententes générales et durables pourront un jour prochain être négociées par les deux diplomaties elles-mêmes avec une égale bonne foi, avec une parfaite confiance réciproque». А газета «Petit Parisien» писала, что заключеніе этихъ соглашеній доказываетъ полное спокойствіе въ международныхъ отношеніяхъ и полную гармонію между тройственнымъ союзомъ и тройственнымъ согласіемъ. Такъ заявляла въ февралѣ 1914 г. не только французская, но и вліятельная германская пресса (см., напримѣръ, «Hamburger Nachrichten» отъ 24-го февраля 1914).

Такъ обстояло дѣло въ началѣ года, а въ іюлѣ началась война, безпримѣрная по своимъ размѣрамъ и, что болѣе важно, по своей интенсивности. И приходится спросить себя, въ самомъ ли дѣлѣ война возникла изъ-за восточнаго вопроса? Не слѣдуетъ ли ее объяснить борьбой между Россіей и Австріей изъ-за южныхъ славянъ? Достаточно припомнить, что дѣйствительнымъ иниціаторомъ войны является Германія, очень мало заинтересованная во всемъ славянскомъ вопросѣ, и что типичнѣйшимъ носителемъ идеи анти-германизма является теперь Англія, чтобы понять, что настоящая міровая война имѣетъ болѣе глубокія причины.

IV.

Мы должны вернуться къ нашему исходному пункту: Германія систематически проводила политику «Берлинъ—Багдадъ». Что это обозначаетъ на практикѣ?

Для того, чтобы имѣть непрерывную линію «Берлинъ—Багдадъ», надо быть увѣреннымъ въ томъ, что эта линія не будетъ прервана на Балканахъ. Одновременно съ переговорами о Багдадской линіи велись въ Вѣнѣ переговоры о такъ наз. Orientbahn, т.-е. о линіяхъ, соединяющихъ Вѣну съ Константинополемъ. Сербія хотѣла просто выкупить ту часть Orientbahn, которая проходитъ черезъ ея новыя владѣнія; Австрія, поддержанная Германіей, настаивала на сохраненіи прежняго положенія, когда она была собственницей этихъ линій. Франція, поддержанная Россіей, предложила интернаціонализацію этихъ линій съ цѣлью парализовать австро-германское вліяніе. Еще въ мартѣ 1914 г. сербскій посланникъ въ Вѣнѣ, Іовановичъ, рѣшительно защищалъ сербскій суверенитетъ на спорную желѣзную дорогу. Но въ такомъ случаѣ весь планъ Берлинъ—Багдадъ рушится, такъ какъ этотъ длинный путь могъ въ любую минуту быть

прерваннымъ между Бѣлградомъ и Салониками, или по линіи Бѣлградъ—Демотика.

Отсюда проистекала специфическая германская политика на Балканахъ. Надо замѣтить, что здѣсь всѣми участниками ведется двойная игра. Болгарія и Греція мечтаютъ о завладѣніи Константинополемъ: каждый болгаринъ мечтаетъ о Царьградѣ, а каждый грекъ о коронѣ византійской имперіи. Потому-то политика этихъ двухъ балканскихъ державъ очень осторожна и проникнута глубокимъ недовѣріемъ по отношенію къ тѣмъ державамъ, которыя претендуютъ на обладаніе Константинополемъ. Къ этому присоединяется огромная ошибка державъ тройственнаго согласія, допустившихъ Букарестскій договоръ, сильно задѣвшій интересы Болгаріи. Благодаря этому передъ Германіей и Австріей стала проблема: уничтоженіе Сербіи. Но не для уничтоженія славянства, а для укрѣпленія пути Берлинъ—Багдадъ. Австрія охотно пошла бы съ Сербіей временъ Милана Обреновича, какъ она теперь кокетничаетъ съ Болгаріей. А самое важное то, что настоящая война вызвана не Австріей, а именно Германіей. Послѣдняя никогда не интересовалась славянской проблемой, какъ таковой. Она интересовалась Балканами, преддверіемъ къ Турціи, т.-е. къ Багдаду. Германія въ данномъ случаѣ пользовалась антисербской политикой Австріи, какъ средствомъ. Вѣдь за послѣднія двадцать лѣтъ вообще Австрія перестала проводить свою собственную иностранную политику: неспособная разрѣшить у себя національный вопросъ и желая во что бы то ни стало сохранить гегемонію нѣмецкаго элемента, она всецѣло зависѣла отъ Германіи, взявшей на себя обереганіе нѣмецко-мадьярской гегемоніи въ Австріи.

«Берлинъ—Багдадъ» означало, далѣе, своеобразную защиту Турціи Германіей. Мы уже указали на то, что всѣ державы говорили о необходимости охранять цѣлостность Оттоманской имперіи. И надо же быть откровеннымъ: всѣ защищали Турцію, потому что всѣ боялись мірового конфликта, а до идеи мирнаго сотрудничества Европа еще не доросла. Турки это знаютъ. Въ февралѣ 1914 г. была напечатана въ органѣ французской haute finance, въ «L'information», статья турецкаго государственнаго дѣятеля (вѣроятно, Джавидъ-бея). Въ этой статьѣ прямо заявляется, что въ сущности великія державы вовсе не желали возрожденія Турціи. Это—вѣрно, хотя, съ другой стороны, младотурки успѣли доказать всему міру, что они не способны возродить Турцію. Державы не желали возрожденія Турціи, но боялись объявить ея ликвидацію, и Прессансе, незадолго до своей смерти, писалъ: «Послѣдствія раздѣла Турціи будутъ гораздо болѣе гибельными (funestes), чѣмъ послѣдствія раздѣла

Польши». Бывшій французскій министръ Стегъ писалъ въ тотъ же день въ другой газетѣ: «Дипломатія можетъ и должна найти формулы, необходимыя для установленія соглашенія относительно сохраненія Турціи и европейскаго спокойствія» [1]). А въ «L'Information» на слѣдующій день появилась статья высокоавторитетнаго французскаго политика, въ которой мы читаемъ: «Европа крайне заинтересована въ томъ, чтобы не началась эра расчлененія Азіатской Турціи со всей массой конфликтовъ, которые неизбѣжно будутъ вызваны этимъ гигантскимъ раздѣломъ». Но всѣ эти статьи появились послѣ того, какъ полуоффиціозная французская газета напечатала корреспонденцію изъ Константинополя подъ заглавіемъ: «Le partage de la Turquie d'Asie». А содержаніе этой статьи заключено въ одной фразѣ: «La succession turque est ouverte», при чемъ основной причиной новаго кризиса авторъ статьи считаетъ совершенно правильно «la constitution du Bagdad allemand» [2]). А въ маѣ 1913 г. сэръ Грей и Хакки-паша подписали предварительный договоръ, согласно которому Англія позволяетъ Турціи возвысить пошлины на ввозные товары до 15%, но зато получаетъ въ фактическую собственность побережье Персидскаго залива.

Можно себя спросить, почему же вдругъ заговорили о раздѣлѣ Турціи? Исключительно потому, что Германія слишкомъ откровенно начала проявлять свою защиту Турецкой имперіи. Она совершенно открыто заявила, что строитъ Багдадскую желѣзную дорогу для соединенія Германіи съ Индіей и съ Персіей, а для большей ясности она добилась назначенія германскихъ генераловъ главнокомандующими турецкой арміей. Значеніе этого послѣдняго факта настолько очевидно, что «Le Temps» писалъ тогда: этотъ выборъ (генерала Сандерса) «заставитъ выдвинуть азіатскіе вопросы, т.-е. вопросъ о существованіи Турціи, каковое державы тройственнаго согласія всегда хотѣли консолидировать» [3]). Въ виду фактическаго поведенія Германіи въ Турціи сладкія рѣчи Бетмана - Гольвега въ германскомъ рейхстагѣ не могли произвести никакого впечатлѣнія. 9-го декабря 1913 г. онъ заявилъ въ германскомъ рейхстагѣ, что и Грей и Сазоновъ его увѣрили въ нежеланіи ихъ государствъ дѣлать завоеванія въ Турціи. И несмотря на это—генералъ Сандерсъ во главѣ турецкой арміи. Гораздо яснѣе высказалась въ это время германская пресса. Органъ германской крупной буржуазіи писалъ:

---

[1]) La situation en Turquie. „L'information. 27 Fevrier 1914. См. статью Прессансе въ „L'Humanité" 13 décembre 1913. *Seeg* la Dèpeche Algèrienne.

[2]) L'Echo de Paris. 1 décembre 1914.

[3]) Les responsabilités de l'Allemagne à l'égard de la Turquie. Le Temps, 18 décembre 1913.

Германія «готова защищать цѣлостность Оттоманской имперіи даже самыми крайними средствами, помогая ей экономически, политически и стратегически», потому что «Малая Азія (а не только Анатолія) составляетъ единственную, еще никѣмъ (?) не занятую страну съ умѣреннымъ климатомъ» [1]). Смыслъ этого заявленія одинъ: мы противъ дѣлежа Турціи, потому что мы хотимъ занять ее цѣликомъ. Болѣе откровенно еще проводится этотъ взглядъ въ появившейся тогда же брошюрѣ д-ра Гроте [2]). И здѣсь говорится, что германскіе интересы охватываютъ *всю* азіатскую Турцію.

Вотъ почему послѣ того, какъ въ началѣ 1914 года всѣ эти переговоры—англо-турецкіе, франко-турецкіе, германо-турецкіе, англо-германскіе, франко-германскіе, русско-турецкіе и т. д.—дали какъ будто удовлетворительные результаты, черезъ пару мѣсяцевъ возгорѣлась всемірная война. Ибо послѣ всѣхъ переговоровъ Германія должна была констатировать, что фактически начался раздѣлъ Турціи, и что ея Багдадская линія рискуетъ быть прерванной въ началѣ (на Балканахъ) и остаться безъ конечной цѣли, такъ какъ Бассора—Персидскій заливъ остается въ рукахъ англичанъ. Это разочарованіе германцевъ еще усугублялось цѣлымъ рядомъ другихъ обстоятельствъ. Постройка Багдадской линіи совершается не очень гладко. Часто работа прерывается за отсутствіемъ денегъ. Франція не давала денегъ Турціи, казна у турокъ пуста, значитъ, нѣтъ километрической гарантіи, акціи Багдадскаго предпріятія не допущены къ котировкѣ на Парижской биржѣ. И вдругъ можетъ случиться, что Англія, владѣя Ковейтомъ, займется сооруженіемъ трансъ-азіатской желѣзной дороги, которая, начинаясь у Суэцкаго канала, пройдетъ черезъ всю Аравію и, слѣдуя по побережью Персидскаго залива, соединитъ Суэцъ съ Калькуттой. Этотъ проектъ уже разрабатывается англичанами; но вѣдь тогда Багдадская линія теряетъ свое міровое значеніе. Дѣло въ томъ, что Германія вообще не умѣетъ колонизовать. Она не умѣетъ побѣждать на полѣ конкурренціи, а только спасается монопольнымъ владѣніемъ. Нѣмцы не умѣютъ пріобрѣтать симпатіи коренного населенія и очень мало интересуются культурной работой среди чуждаго населенія. Потому-то на станціяхъ Багдадской линіи нѣмецкіе служащіе говорятъ—по-французски. Они не умѣютъ даже ладить со своими итальянскими рабочими, строющими ихъ Багдадскую дорогу [3]). И фактически, успѣхи

[1]) См. „Rheinisch-Westphälische Zeitung“, 10 Dezember 1913.

[2]) Dr. Hugo-Grothe. Die asiatische Türkei und die deutschen Interessen. 1913. Halle.

[3]) См. очень обстоятельную статью Louis Alaux: La pénétration allemande en Asie-Mineure, Le Temps, 23 septembre 1913, а также корреспонденціи Beviane въ газ. „Stampa“, январь 1914.

Германіи въ завоеваніи экономическаго рынка Турціи очень скромны, какъ это доказывается тоннажемъ пароходовъ въ оттоманскихъ водахъ. Въ 1911—1912 году было перевезено тоннъ товаровъ въ Турцію:

Англійскими пароходами	17.547.825
Австро-венгерск. »	9.663.849
Греческими »	6.813.334
Французскими »	4.001.007
Итальянскими »	2.605.141
Германскими »	2.357.873

А тамъ, гдѣ нѣтъ надежды на побѣду въ процессѣ соревнованія, надо прибѣгнуть къ силѣ—для завоеванія монополіи. Германія начала войну, чтобы пріобрѣсти цѣликомъ для себя всю азіатскую Турцію, захватить попутно Марокко у французовъ, Анголу у португальцевъ и вообще все, что можно будетъ урвать. Вотъ основной смыслъ настоящей войны. И противъ этого очевиднаго факта безсильны всѣ хитросплетенія Зомбарта и Гардена, желающихъ насъ увѣрить въ томъ, что англичане, молъ, ведутъ войну изъ-за коммерческихъ соображеній, а нѣмцы изъ-за какихъ-то моральныхъ принциповъ. Если Россіи нуженъ свободный выходъ въ Средиземное море, если Англія желаетъ гарантировать свои владѣнія въ Египтѣ и Индіи, Франція желаетъ овладѣть Сиріей, то Германія хочетъ сдѣлаться единственнымъ властелиномъ всего Востока, и потому-то война популярна среди всѣхъ слоевъ германцевъ. Въ успѣхѣ борьбы заинтересованы не только крупные буржуа, владѣльцы банковъ и фабрикъ, но и рабочіе этихъ фабрикъ. Всѣ они заражены индустріальнымъ имперіализмомъ. Потому-то нѣмецкая соціалъ-демократія съ такимъ легкимъ сердцемъ отказалась отъ принциповъ интернаціонализма, потому-то она не протестовала противъ нарушенія бельгійскаго нейтралитета. Дѣло не въ борьбѣ различныхъ культуръ, а въ борьбѣ изъ-за реальныхъ интересовъ различныхъ государствъ. И вопросъ въ слѣдующемъ: выяснили ли себѣ державы тройственнаго согласія линію поведенія не только на время войны, но послѣ войны? Вотъ надъ этимъ вопросомъ стоитъ задуматься русской общественной мысли.

Когда говорятъ, что ближайшая цѣль войны—сокрушеніе Германіи, то этимъ выражаютъ трюизмъ. А затѣмъ? Опытъ всѣхъ войнъ доказываетъ, что самое трудное наступаетъ на завтра послѣ войны, особенно, если въ достиженіи послѣдней участвовали нѣсколько державъ. Рѣшенъ ли вопросъ о Балканахъ? Если да, то

въ какомъ смыслѣ? Рѣшенъ ли вопросъ о раздѣлѣ Турціи? Если да, то въ какой формѣ?

Рѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо немедленно. Вѣдь въ области восточнаго вопроса на нашихъ глазахъ произошла «переоцѣнка цѣнностей». Вѣдь во времена Пальмерстона, Дизраэли и лорда Сольсбери считалось аксіомой, что, если Сирія перестанетъ быть турецкой, она должна сдѣлаться англійской, а сэръ Грей далъ въ декабрѣ 1912 г. французскому послу въ Лондонѣ увѣренія въ томъ, что Англія совершенно не интересуется судьбами Сиріи. И возникаетъ вопросъ, допуститъ ли Англія укрѣпленіе великой державы по сосѣдству съ Египтомъ? А между тѣмъ, въ самой Франціи очень многіе и слышать не хотятъ о «сирійской авантюрѣ», которую Габріель *Ганото,* бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, считаетъ грубой ошибкой. Онъ, Поль Адамъ и другіе заявляютъ: Франція имѣетъ достаточно дѣла въ Европѣ и въ Африкѣ, гдѣ она обладаетъ неизмѣримыми и неисчерпаемыми колоніями. И, наконецъ, самое существенное: всякій договоръ имѣетъ значеніе, лишь поскольку онъ соотвѣтствуетъ реальному соотношенію силъ. Ясно поэтому, что дѣйствительнымъ наслѣдникомъ Турціи, если дойдетъ дѣло до ея раздѣла, будетъ тотъ, кто фактически будетъ владѣть Средиземнымъ моремъ.

Мы не рѣшаемъ поставленныхъ вопросовъ, но мы считаемъ, что ихъ нужно рѣшить сейчасъ, еще до окончанія войны. Цѣль войны ясна: лишить Германію возможности гдѣ-нибудь проявлять и осуществлять претензіи на политическую и экономическую гегемонію. Но этого мало. Надо также знать, что̀ будетъ потомъ. Точнѣе говоря: надо стремиться къ тому, чтобы послѣ войны установились между державами прочныя отношенія мирной кооперації, такъ какъ Европа не выдержитъ второй всеобщей войны безъ риска для своей культуры. Настоящая война найдетъ свое оправданіе въ томъ, что она доставитъ Европѣ долгій и прочный миръ, который дастъ возможность всѣмъ народамъ спокойно работать для своего счастья. А это вовсе не такая легкая проблема, какъ многіе думаютъ.

Ignotus.

РУМЫНЫ ВЪ ВЕНГРІИ.

Когда Австро-Венгрія съ такимъ легкомысліемъ предъявила ультиматумъ Сербіи въ надеждѣ покончить съ сербской «ирредентой» на своей южной границѣ, она, очевидно, не предполагала, что неудачныя операціи австро-венгерскихъ войскъ сразу поставятъ на очередь совершенно аналогичные вопросы въ другихъ пограничныхъ областяхъ двуединой монархіи, которые, однако, до войны не имѣли для нея такого грознаго характера, какъ сербскій. Всѣ тѣ симпатіи къ зарубежнымъ единоплеменникамъ у итальянцевъ, румынъ и другихъ національностей Австро-Венгріи, которыя въ мирное время не имѣли особенно серьезнаго политическаго значенія, ходомъ военныхъ операцій сразу пріобрѣли характеръ процессовъ, которые могутъ оказаться роковыми для имперіи Габсбурговъ. Присоединеніе Тріента и Тріеста, о которомъ до войны едва-ли даже и мечтали реальные и отвѣтственные политики Италіи, теперь оказалось «въ предѣлахъ досягаемости». Совершенно также вступили въ фазу реальной политики ирредентистскія тенденціи Румыніи.

Число румынъ, населяющихъ Австро-Венгрію, очень значительно. Они распредѣляются крайне неравномѣрно между Цислейтаніей и Транслейтаніей. По переписи 1910 года, въ австрійской Буковинѣ (въ прочихъ частяхъ Цислейтаніи румынскій элементъ очень невеликъ) было румынъ—273.254. Въ Венгріи же число румынъ достигало въ 1910 г. 2.932.214. Румыны живутъ тамъ, главнымъ образомъ, въ Трансильваніи (Семиградіи) и въ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ комитатахъ собственной Венгріи. Такъ какъ Трансильванія теперь не образуетъ самостоятельной государственной единицы, а раздѣлена на 15 комитатовъ, въ административномъ отношеніи не выдѣленныхъ изъ числа прочихъ комитатовъ, то приходится говорить о 26 комитатахъ восточной Венгріи, образующихъ область, населенную румынами.

Историческія условія, вызвавшія въ этомъ уголкѣ Европы смѣшеніе столькихъ національностей и расъ, являются въ то же время причиной и того, что румынское населеніе распредѣлено по территоріи всѣхъ этихъ комитатовъ весьма неравномѣрно. Напримѣръ, въ трехъ комитатахъ Трансильваніи: Удваргель, Чикъ и Гаромсекъ, въ которыхъ сосредоточена главная масса трансильванскихъ мадьяръ

(секлеровъ), румыны образуютъ лишь незначительное меньшинство, колеблющееся отъ $2^1/_2$—14%. Не вдаваясь въ лишнія подробности, можно раздѣлить, какъ это дѣлается въ Румыніи, области Венгріи съ румынскимъ населеніемъ на слѣдующія 4 части: 1) *Трансильванія* (по-румынски Ardeal) въ собственномъ смыслѣ слова, въ которой общее населеніе въ 2.678.367 чел. распадалось на: румынъ—1.472.021 (т. е. почти 55%), мадьяръ (секлеровъ)—918.217, нѣмцевъ (саксонцевъ)—234.086, остальныхъ національностей—54.044; 2) *Temisana*, т. е. территорія южной Венгріи, раньше носившая названіе Темешварскаго Баната, границы которой образуютъ на югѣ Дунай, на западѣ—р. Тисса, на сѣверѣ р. Марошъ, а на востокѣ—отроги Карпатъ. Въ этой области румыны составляютъ 592.049 изъ 1.582.133 общаго населенія, т. е. 37,4%; 3) *Crisana*, т. е. комитаты, расположенные между р. Марошемъ на югѣ, р. Тиссой на западѣ, р. Самошемъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ и Трансильваніей на востокѣ. На этой территоріи румыны образуютъ 654.281 изъ 1.316.981 общаго населенія, т. е. 49,1%; 4) *Maramures*, какъ румыны называютъ Угорскую Русь. Въ этой области изъ 766.667 жителей 213.863, или 27,8%, румыны.

Въ среднемъ, такимъ образомъ, во всѣхъ 26 комитатахъ Венгріи къ востоку отъ рѣки Тиссы, образующихъ область, населенную румынами, послѣдніе составляютъ 46,2%. Слѣдовательно, называть эту область румынской безъ оговорки, какъ это дѣлается теперь въ Румыніи, достаточнаго основанія нѣтъ. Это даже непримѣнимо къ Трансильваніи, гдѣ, какъ мы видѣли, румыны составляютъ всего 55% населенія, а въ отдѣльныхъ комитатахъ, населенныхъ секлерами, только лишь весьма незначительное меньшинство. Въ Румыніи это численное соотношеніе національностей въ Трансильваніи совершенно игнорируется и о ней говорятъ какъ объ области, которая по справедливости, вслѣдствіе національнаго принципа, т. е. права національности на самостоятельное существованіе, должна достаться Румыніи. Большинству относительному въ данномъ случаѣ присваиваются права большинства абсолютнаго.

Убѣжденіе въ томъ, что Трансильванія (для краткости будемъ говорить только о ней, хотя «національный идеалъ» румынъ ею не ограничивается, а простирается до р. Тиссы) и Румынія образуютъ одно цѣлое и что только по историческому недоразумѣнію эти области еще не присоединены къ Румыніи, господствуетъ всецѣло не только въ королевствѣ Румыніи, въ рядахъ сторонниковъ идеи «Великой Румыніи», но также и въ широкихъ кругахъ румынскаго населенія Венгріи. Въ этомъ вопросѣ настроеніе румынъ земель короны Св. Стефана рѣзко отличается отъ настроенія румынъ

австрійской Буковины. У послѣднихъ нѣтъ такого тяготѣнія къ королевству и такого остраго сознанія ненормальности ихъ національнаго существованія, какъ у ихъ венгерскихъ единоплеменниковъ. Точно также и румынскіе націоналисты, требующіе теперь осуществленія румынскаго національнаго идеала и въ связи съ этимъ выступленія противъ Австро-Венгріи, лишь мелькомъ говорятъ о Буковинѣ, но тѣмъ болѣе страстно трактуютъ о Трансильваніи, несмотря на то, что въ южной и юго-восточной Буковинѣ численное преобладаніе румынъ гораздо болѣе несомнѣнно, чѣмъ въ Трансильваніи. Такое различіе въ отношеніи буковинскихъ и венгерскихъ румынъ къ вопросу о національномъ объединеніи является результатомъ того, что въ Буковинѣ національныя права румынъ обезпечены и осуществляются въ несравненно большей степени, чѣмъ въ Венгріи. Буковинскіе румыны пользуются, подобно всѣмъ другимъ національностямъ Цислейтаніи и даже больше, чѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ, весьма широкими національными правами. Румынское населеніе Буковины никогда не вызывало въ Вѣнѣ тѣхъ подозрѣній въ нелойяльности, которыя заставляли австрійское правительство всегда относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ другому элементу Буковины, украинцамъ, въ виду того, что среди послѣднихъ, хотя и прозванныхъ за ихъ преданность династіи «тирольцами востока», все же были очень сильны такія антиавстрійскія теченія, какъ москофильство.

Совершенно инымъ было отношеніе венгерскаго правительства къ румынамъ Транслейтаніи. Можно сказать, что въ теченіе многихъ вѣковъ совмѣстнаго сожительства румынъ и мадьяръ въ Трансильваніи и Венгріи не прекращалась румыно-мадьярская борьба. О ней можно говорить уже и тогда, когда Трансильванія еще была самостоятельнымъ княжествомъ съ автономнымъ внутреннимъ строемъ, хотя по временамъ и подчинялась поочередно венгерскимъ королямъ, австрійскимъ императорамъ и турецкимъ султанамъ. Въ эти вѣка въ Трансильваніи въ политическомъ отношеніи господствовали три «націи». Этими «націями»: были мадьяры, т.-е. венгерское дворянство, секлеры, т.-е. принадлежащіе къ той же мадьярской расѣ колонисты, приглашенные королями Венгріи для защиты области отъ набѣговъ татаръ, печенѣговъ и т. д. и получившіе поэтому названіе секлеровъ (по-мадьярски секлеры означаютъ—лѣсная стража), и саксонцевъ, т.-е. нѣмцевъ, приглашенныхъ отчасти по тѣмъ же причинамъ военнаго характера, отчасти съ цѣлью развитія промышленности и ремеселъ, съ береговъ средняго Рейна и Мозеля въ Трансильванію. Румыны же или валахи не пользовались никакими политическими правами. Они были въ Трансильваніи крестьянами-крѣпостными

и занимали такое низкое соціальное положеніе, что слово «roman» стало синонимомъ крѣпостного. Въ разныхъ актахъ трансильванскаго сейма говорится о румынахъ, что они только временно пользуются «терпимостью»; что «румыны, не заслуживая лучшаго вслѣдствіе своего поведенія, будутъ обложены десятиннымъ налогомъ на хлѣбъ, вино, овощи, овецъ, свиней и улья»; что «румынамъ не разрѣшается носить верхнее платье и шаровары изъ сукна, сапоги, шляпы стоимостью въ одинъ флоринъ и рубахи изъ тонкаго полотна» Въ 1744 г. сеймъ отказываетъ румынамъ въ удовлетвореніи ихъ требованій для того, «чтобы строй нашего княжества не былъ ниспровергнутъ и чтобы бродячая чернь не заняла мѣста среди его націй» [1]).

Такое отношеніе господствовавшихъ въ Трансильваніи народностей къ румынамъ объясняется тѣмъ, что послѣдніе были отдѣлены отъ нихъ не только соціальнымъ положеніемъ и расовымъ происхожденіемъ, но и религіей: мадьяры, секлеры и саксонцы—католики, кальвинисты и протестанты, въ то время какъ румыны—православные (часть ихъ приняла унію съ римской церковью) и, такимъ образомъ, антагонизмъ религіозный присоединялся къ расовымъ и соціальнымъ противорѣчіямъ.

Румыны были, конечно, недовольны своимъ положеніемъ. Это недовольство выливалось, съ одной стороны, въ часто повторявшихся крестьянскихъ возстаніяхъ, изъ которыхъ особенно извѣстно своими размѣрами и проявленнымъ озлобленіемъ возстаніе 1784—85 г.г., во главѣ котораго стоялъ Горіа; съ другой стороны, румынское духовенство не переставало дѣлать усилія для улучшенія положенія своего народа. Такъ, напримѣръ, императоръ Карлъ VI получилъ отъ румынскаго епископа въ Блазендорфѣ, Мику-Клейна, 24 записки и жалобы по поводу угнетенія румынъ. Преемники Карла VI, дѣйствительно, проявили нѣкоторый интересъ къ румынамъ. Уже Марія - Терезія издала рядъ актовъ съ цѣлью упорядочить и облегчить крестьянскія повинности въ Трансильваніи. Еще дальше пошелъ Іосифъ II, который нѣсколько разъ объѣхалъ Трансильванію и познакомился на мѣстѣ съ положеніемъ румынъ. Актомъ 1783 г. онъ отмѣнилъ привилегію помѣщиковъ, по которой крѣпостные не имѣли права вступать въ бракъ безъ согласія своихъ господъ. Затѣмъ крестьянамъ было предоставлено право распоряжаться своимъ имуществомъ, помѣщики были лишены права выселять крестьянъ изъ ихъ жилищъ безъ предварительнаго постановленія суда и т. д. Въ томъ же году Іосифомъ II была возстановлена православная епископская каѳедра въ Германштадтѣ.

[1]) Цитирую по *Alexandre Djuvara* Hongrois et roumains въ Revue générale de droit international public 1895 г. выпускъ № 1.

Однако, всѣ мѣропріятія Іосифа II въ пользу румынскаго народа не были осуществлены вслѣдствіе сопротивленія дворянскихъ круговъ. Въ 1791 г. два румынскихъ епископа, Иванъ Бобъ и Герасимъ Адамовичъ, снова обращаются къ императору Леопольду II съ ходатайствомъ о румынахъ, въ которомъ изложена опредѣленная національная программа. Недавно скончавшійся лидеръ румынской либеральной партіи, неоднократно занимавшій министерскіе посты въ Румыніи—Дмитрій Стурдза, въ рѣчи, произнесенной 1894 г., формулируетъ содержаніе записки этихъ двухъ епископовъ слѣдующимъ образомъ. Они требовали «чтобы выраженія ненависти къ румынскому народу и издѣвательства надъ нимъ были устранены изъ законовъ Трансильваніи; чтобы румынской націи было предоставлено мѣсто, на которое она имѣетъ справедливыя притязанія и одинаковыя права съ мадьярами, секлерами и саксонцами; чтобы румыны были представлены въ организаціи управленія и судопроизводства сообразно ихъ числу». По настоянію императора сеймъ Трансильваніи разсматривалъ это ходатайство, но требованія румынъ остались неудовлетворенными. Такъ же мало успѣха имѣло и аналогичное ходатайство румынъ Трансильваніи, возбужденное въ 1834 г. по иниціативѣ епископовъ обоихъ вѣроисповѣданій—православнаго и уніатскаго

Результатомъ такихъ отношеній между румынами и господствовавшими надъ ними элементами было то, что румыны привыкли смотрѣть на династію Габсбурговъ, какъ на защитниковъ въ ихъ трудной борьбѣ съ мадьярами. И, когда началась революція 1848 г. венгры возстали въ надеждѣ добиться независимости, румыны, подобно кроатамъ и другимъ славянамъ Венгріи, оказались на сторонѣ Габсбурговъ и злѣйшими врагами мадьярскихъ революціонеровъ. Однимъ изъ первыхъ актовъ венгерскаго парламента въ Пресбургѣ послѣ начала революціи, еще задолго до разрыва съ Австріей, было провозглашеніе присоединенія Трансильваніи къ Венгріи. Сеймъ Трансильваніи подъ давленіемъ венгерскихъ властей одобрилъ этотъ актъ. Но противъ присоединенія рѣшительно высказались румыны. 15 мая 1848 г. было созвано общее собраніе румынъ въ Блазендорфѣ, на которое прибыло около 40.000 человѣкъ. Предсѣдателемъ былъ епископъ Шагуна, сыгравшій огромную роль въ румынскомъ національномъ движеніи. Собраніе выработало программу, которая въ своихъ существенныхъ деталяхъ продолжаетъ и до сихъ поръ служить основой національныхъ требованій румынъ въ Венгріи. Румыны требовали признанія полнаго гражданскаго и политическаго равноправія за румынской національностью; равноправія румынскаго языка въ законодательствѣ и администраціи; предо-

ставленія румынамъ количества членовъ въ сеймѣ соотвѣтственно численному значенію румынскаго элемента населенія, равно какъ и назначенія въ такомъ же соотвѣтствіи румынъ на государственныя должности по гражданской и военной службѣ; признанія за румынской церковью православнаго или уніатскаго вѣроисповѣданія полной независимости и равноправія со всѣми остальными церквами государства; возстановленія архіепископской каѳедры и ежегодно созывавшихся по старинному обычаю синодовъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ делегатовъ; упраздненія десятины и натуральныхъ повинностей крестьянъ, отмѣны цеховъ и привилегій ремесленныхъ и торговыхъ организацій. Затѣмъ, были выражены требованія свободы слова, печати, неприкосновенности личности, гласности въ судопроизводствѣ, суда присяжныхъ и т. д. Румынское духовенство должно было получать содержаніе отъ казны на одинаковыхъ началахъ со всѣми другими церквами. Дальше, румыны требовали отпуска государственныхъ средствъ на содержаніе румынскихъ школъ, начиная съ низшихъ и кончая университетами, сообразно процентному отношенію румынскаго населенія, и уничтоженія въ государственныхъ актахъ Трансильваніи названій «валахи» и «олахокъ», которыя румыны признавали для себя обидными. Въ послѣднемъ пунктѣ программы румыны заявляютъ, что они протестуютъ противъ обсужденія остальными «націями» Трансильваніи вопроса о присоединеніи къ Венгріи раньше, чѣмъ румынская нація не получитъ возможности политически организоваться и не будетъ представлена въ законодательномъ учрежденіи рѣшающими голосами.

Для характеристики настроенія этого историческаго собранія очень любопытенъ текстъ присяги, которую приняли его члены. Присутствовавшіе клянутся быть вѣрными царствовавшему тогда императору и великому князю Трансильваніи Фердинанду I и всей династіи, быть друзьями друзей императора и отечества и врагами ихъ враговъ, защищать въ качествѣ румынъ права румынскаго народа, отстаивать его религію и языкъ и не дѣлать ничего, что могло бы нанести ущербъ правамъ и интересамъ румынскаго народа, уважать всѣ другія націи Трансильваніи, но требовать въ свою очередь уваженія и отъ нихъ, никого не притѣснять, но въ то же время и не допускать притѣсненія румынской націи или отдѣльныхъ ея членовъ со стороны другихъ, добиваться отмѣны барщины, освобожденія торговли и промышленности и соблюденія справедливости на благо человѣчества, румынскаго народа и отечества. «Да поможетъ мнѣ Господь и да даруетъ Онъ мнѣ вѣчное спасеніе. Аминь»,—такъ кончался текстъ присяги.

Послѣ этого началась жестокая война между румынами и

мадьярами, стоившая румынамъ огромныхъ жертвъ. Въ поданной 25 февраля 1849 г. «всеподданнѣйшей запискѣ объединенныхъ вождей румынъ Трансильваніи, Венгріи, Баната и Буковины», говорится, что румыны Трансильваніи выставили въ октябрѣ 1848 г. для борьбы съ возставшими мадьярами и секлерами милицію (Landsturm) въ 195.000 человѣкъ, что румыны Баната также выставили соотвѣтственно значительныя силы, что мадьяры «разграбили и превратили въ пепелъ сотни румынскихъ деревень и перебили свыше 10.000 румынъ» [1]). Эти цифры, безспорно, преувеличены, но все же не подлежитъ сомнѣнію, что жертвы румынъ были громадны. Въ виду такихъ жертвъ, они просили объ объединеніи всѣхъ румынъ австрійскихъ земель въ «одну самостоятельную націю подъ скипетромъ Австріи съ самостоятельной національной администраціей въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ»; объ учрежденіи ежегодныхъ собраній румынскаго народа для обсужденія національныхъ интересовъ; представительства румынъ пропорціонально ихъ численности въ обще-австрійскомъ парламентѣ; назначенія представителя румынскаго народа при австрійскомъ имперскомъ министерствѣ и принятія австрійскимъ императоромъ титула великаго герцога румынъ.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ румыно-мадьярской борьбы во время венгерской революціи и на послѣдовавшемъ послѣ подавленія ея періодѣ господства реакціи. Приведемъ лишь слова одного изъ историковъ Румыніи, который говоритъ: «Не Австрія и даже не Россія одержали побѣду надъ мадьярами, ихъ побѣдили другія національности Венгріи, которыхъ мадьяры хотѣли подчинить игу, отъ котораго они сами едва успѣли освободиться. Такъ какъ мадьяры были притѣснителями въ такой же мѣрѣ, въ какой они были раньше притѣсняемы, побѣда ихъ была бы такимъ же насиліемъ надъ справедливостью, какимъ было пораженіе ихъ».

Въ теченіе контръ-революціоннаго періода въ Австріи, который закончился только послѣ неудачъ войны 1859 года, реакціонное австрійское правительство не дѣлало различія между націями, которыя ему оставались вѣрными во время революціи, и тѣми, которыя противъ него возстали. И тѣ и другія подверглись въ одинаковой мѣрѣ гнету реакціоннаго режима. Но когда послѣ 1859 года Австрія опять начала дѣлать попытки насажденія политической свободы и былъ изданъ сначала «октябрьскій дипломъ» 1860 г., а затѣмъ «февральскій патентъ» 1861 г., правительство Шмерлинга

1) *Eugen Brofe* „Die rumänische Frage in Siebenbürgen und Ungarn". Berlin 1895, стр. 175.

предоставило Трансильваніи, согласно требованіямъ румынъ, права политической автономіи. На основаніи временнаго избирательнаго закона для Трансильваніи, изданнаго въ 1863 г., гораздо болѣе благопріятнаго для румынъ, чѣмъ старый избирательный законъ 1791 г., былъ созванъ въ Германштадтѣ въ томъ же году сеймъ, который призналъ полное равноправіе румынской націи съ другими народами Трансильваніи, равно какъ и равноправіе румынскаго языка. Въ томъ же году императоръ Францъ-Іосифъ одобрилъ требованіе, уже давно предъявлявшееся румынами, объ отдѣленіи румынской церкви отъ сербской, и возстановилъ румынскую національную митрополичью каѳедру въ Германштадтѣ, при чемъ митрополитомъ былъ назначенъ уже ранѣе упоминавшійся Шагуна. Но мадьяры, которые не признавали централистической февральской конституціи въ Австріи и требовали возстановленія для Венгріи законовъ 1848 года, конечно, не мирились съ самостоятельностью Трансильваніи и продолжали настаивать на присоединеніи ея къ Венгріи. И, когда въ 1867 г. Австрія послѣ пораженій въ 1866 году сочла себя вынужденной уступить венграмъ и заключить съ ними соглашеніе, которое превратило имперію Габсбурговъ въ дуалистическое государство, въ Транслейтанію была включена и Трансильванія, несмотря на протесты румынъ. Еще раньше, въ 1865 г. мадьярамъ удалось добиться замѣны сейма въ Германштадтѣ, избраннаго на основаніи закона 1863 г., другимъ сеймомъ въ Клаузенбургѣ (Колошваръ), собравшимся на основаніи крайне устарѣлаго закона 1791 г. Въ этомъ сеймѣ румынскіе представители составляли незначительное меньшинство[1]). Само собою разумѣется, что онъ высказался въ же-

[1]) До чего отличаются составы сейма по этимъ двумъ законамъ, видно изъ слѣдующаго. По закону 1791 г. сеймъ Трансильваніи состоялъ: изъ 33 членовъ, избранныхъ комитатами изъ дворянъ; 15 секлеровъ, избиравшихся секлерами; 27 саксонцевъ, избранныхъ саксонцами; 2 католическихъ священниковъ, какъ представителей двухъ монастырей, 38 депутатовъ городовъ и мѣстечекъ, 316 членовъ, принадлежащихъ къ аристократіи, изъ которыхъ часть засѣдала по назначенію, 9 представителей вдовъ крупныхъ землевладѣльцевъ, одного румынскаго епископа. Въ общемъ сеймъ состоялъ, такимъ образомъ, изъ 440 членовъ, изъ которыхъ большинство, согласно принятому въ феодальныхъ собраніяхъ обычаю, было связано императивнымъ мандатомъ. По закону же 1863 г. сеймъ состоялъ изъ 125 членовъ по выбору и только 45 членовъ по назначенію императора, при чемъ депутаты должны были выбираться не только среди дворянства, но среди всѣхъ классовъ населенія. Императивный мандатъ былъ упраздненъ. Депутаты могли говорить по своему усмотрѣнію на любомъ изъ трехъ языковъ Трансильваніи, т.-е. нѣмецкомъ, мадьярскомъ или румынскомъ. Для того, чтобы справиться съ сопротивленіемъ румынъ для выборовъ въ сеймъ 1865 года, былъ примѣненъ законъ 1791 г., несмотря на его очевидную архаичность.

лательномъ мадьярамъ духѣ и Трансильванія была лишена своей автономіи и присоединена къ Венгріи. Австрійское правительство тогда не предвидѣло, къ какимъ опаснымъ для имперіи послѣдствіямъ приведетъ такая щедрость по отношенію къ Венгріи,—выдача мадьярамъ націй, подобныхъ кроатамъ и румынамъ, которые такъ долго и упорно боролись съ мадьярами. Австрійскіе нѣмцы, наоборотъ, полагали, что раздѣленіе имперіи между ними и мадьярами будетъ выгодно и для нихъ. Канцлеру Бейсту, заключившему соглашеніе съ Венгріей, приписывается фраза, будто бы сказанная имъ при подписаніи акта представителямъ Венгріи: «Берегите ваши орды, а мы будемъ стеречь наши». Въ этихъ словахъ бывшаго саксонскаго министра, ставшаго руководителемъ судебъ Австріи въ одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ періодовъ ея исторіи, до крайности ярко выражена вся близорукость нѣмецкихъ и австрійскихъ политиковъ, которые надѣялись цѣной соглашенія съ мадьярами подавить національныя стремленія всѣхъ остальныхъ народовъ имперіи.

Въ первые годы по заключеніи соглашенія въ Венгріи еще господствовали взгляды такихъ осторожныхъ и гуманныхъ политиковъ, какъ Деакъ и Этвешъ, которые понимали, что въ такомъ многоплеменномъ и разноязычномъ государствѣ, какъ Венгрія, невозможно насильственное превращеніе всѣхъ національностей въ одну мадьярскую. Они тоже стремились къ тому, чтобы мадьярскій элементъ занималъ доминирующее положеніе въ Транслейтаніи, но надѣялись этого добиться не способами законодательной и административной репрессіи, а созданіемъ такого порядка, при которомъ «инородцы» не имѣли бы основанія жаловаться на свою судьбу. Мирное сожительство всѣхъ націй Венгріи, писалъ, напримѣръ, Этвешъ,—возможно только тогда, «когда мы удовлетворимъ справедливыя требованія различныхъ національностей нашей родины и такимъ образомъ устранимъ причины, которыя вызываютъ національныя движенія». Эти умѣренные взгляды и идеи политической терпимости до извѣстной степени, хотя далеко не въ полной мѣрѣ, легли въ основу закона о равноправіи національностей въ Венгріи, изданнаго 6 декабря 1868 года, въ тотъ же день, когда былъ опубликованъ и законъ о присоединеніи Трансильваніи къ Венгріи. Законъ въ дѣйствительности далекъ отъ полнаго національнаго равноправія, что́ видно, напримѣръ, уже изъ одного того, что языкомъ преній и дѣлопроизводства въ венгерскомъ парламентѣ объявляется исключительно мадьярскій (только для членовъ кроатской делегаціи сдѣлано извѣстное исключеніе). Достаточно сопоставить эту исключительную прерогативу мадьярскаго языка въ парламентѣ въ Будапештѣ съ полной свободой, которая была предоставлена въ

этомъ отношеніи депутатамъ въ австрійскомъ парламентѣ, чтобы видѣть, какъ далеки были венгерскіе законодатели отъ дѣйствительнаго равноправія. Точно также и другія статьи закона о равноправіи, трактующія о правахъ языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, администраціи, судѣ и т. д., далеко не доходятъ до тѣхъ предѣловъ равноправія, которые обезпечены разнымъ австрійскимъ національностямъ въ Цислейтаніи ст. 19 австрійской конституціи. Но при всѣхъ недостаткахъ этого закона, онъ все-таки гарантировалъ не мадьярскимъ національностямъ Венгріи извѣстный минимумъ національныхъ правъ.

На самомъ дѣлѣ, однако, этотъ законъ почти не примѣнялся. Очень скоро по заключеніи соглашенія въ Венгріи восторжествовали шовинистическія теченія, которыя, вмѣсто терпимаго отношенія къ не-мадьярскимъ національностямъ Венгріи, стали, наоборотъ, стремиться къ насильственной ихъ денаціонализаціи. Не желая дѣлить въ государствѣ власти съ національностями, не признающими себя мадьярами, и стремясь во что бы то ни стало сдѣлать изъ Венгріи государство чисто мадьярское, эти шовинистическія теченія не могли не придти къ политикѣ, смыслъ которой состоялъ въ безпощадной борьбѣ со всѣми не-мадьярскими элементами, желавшими сохранить свою національную индивидуальность. Вся внутренняя политика Венгріи поэтому уже съ начала 70 годовъ прошлаго вѣка состоитъ изъ ряда націоналистическихъ эксцессовъ, игнорированія законовъ и предоставленныхъ ими разнымъ національнымъ группамъ правъ. Не желая выходить изъ рамокъ нашего очерка, мы будемъ говорить здѣсь только о румынахъ.

Прежде всего были приняты мѣры къ тому, чтобы ограничить ихъ политическое вліяніе. Въ избирательномъ законѣ, который былъ въ силѣ до 1912 года, для Трансильваніи были внесены отдѣльныя статьи, которыя устанавливали для нея имущественный цензъ приблизительно въ 9 разъ болѣе высокій, чѣмъ въ Венгріи. Мадьярскій элементъ въ Трансильваніи пользовался по этому закону почти всеобщимъ избирательнымъ правомъ, въ то время какъ въ румынскихъ комитатахъ нерѣдко попадаются цѣлыя коммуны въ 2—3.000 жителей, въ которыхъ нѣтъ ни одного избирателя. Въ среднемъ въ 4 комитатахъ съ преобладающимъ мадьярскимъ населеніемъ одинъ депутатъ приходится на 1.700 жителей, въ румынскихъ же комитатахъ одинъ на 3.400. «Двѣнадцать мадьярскихъ избирательныхъ округовъ Трансильваніи, въ которыхъ въ общей сложности 5.160 избирателей, посылаютъ въ парламентъ 12 депутатовъ; румынскій же округъ Кореншебешъ съ его 5.275 избирателями выбираетъ одного депутата. Одиннадцать комитатовъ Трансильваніи

съ населеніемъ въ 170.000 человѣкъ, среди которыхъ большинство румыны, выбираютъ 50 депутатовъ, а четыре трансильванскихъ комитата съ мадьярскимъ большинствомъ, число жителей которыхъ равняется 530.000, посылаютъ въ парламентъ 23 депутатовъ» [1]). Избирательные округи такъ распредѣлены, что полосы съ румынскимъ населеніемъ часто включены въ мадьярскіе округа, чтобы обезпечить торжество мадьярскаго элемента. Къ тому же венгерскія власти, которыя вообще умѣютъ «дѣлать» выборы, въ «инородческихъ» округахъ уже совершенно ничѣмъ не стѣсняются. Злоупотребленія администраціи и давленіе на избирателей принимаетъ такіе размѣры, что фактически инородцы лишены возможности пользоваться избирательнымъ правомъ. На выборахъ 1887 г., напримѣръ, румыны имѣли возможность провести въ парламентъ всего одного депутата, который, слѣдовательно, долженъ былъ быть тамъ представителемъ почти трехмилліоннаго народа. Безплодность избирательной кампаніи для румынъ была до такой степени очевидна, что они послѣ 1887 года очень долго совсѣмъ не участвовали въ выборахъ. Новый избирательный законъ, который былъ принятъ въ 1912 г. венгерскимъ парламентомъ, не внесъ существенныхъ измѣненій въ пользу румынъ и проектировавшееся въ связи съ новымъ закономъ перераспредѣленіе избирательныхъ округовъ тоже должно было быть произведено такимъ образомъ, чтобы все-таки по возможности повсюду обезпечить большинство за мадьярами [2]).

Не менѣе рѣшительно подавляются права румынъ въ области обученія. Несмотря на то, что законъ о равноправіи національностей (§ 17) провозглашаетъ обязанность государства давать гражданамъ Венгріи какой бы то ни было національности возможность получать образованіе на родномъ языкѣ «до того момента, когда начинается высшее „академическое образованіе», въ дѣйствительности венгерское государство не содержитъ и не субсидируетъ ни одной школы съ преподаваніемъ на румынскомъ языкѣ. Въ 1891—92 г.г. въ Венгріи существовали 3.083 начальныя школы, 5 среднихъ учебныхъ заведеній, 4 городскихъ училища, 7 учительскихъ семинарій и 7 духовныхъ семинарій, въ которыхъ преподаваніе велось на румынскомъ языкѣ. Но всѣ эти учебныя заведенія содержались не за счетъ государства, которое взимало, конечно, съ румынъ налоги въ такой же мѣрѣ, какъ и съ «господствующей на-

[1]) *L. Eissenmann*, Le compromis austro-hongrois, Paris, 1904, стр. 569.

[2]) Относительно проекта новаго распредѣленія округовъ ср. выпускъ, посвященный Румыніи, въ „Les annales des nationalités“, Paris, 1914 стр. 232—233.

ціональности», а за счетъ религіозныхъ румынскихъ общинъ. Напротивъ, государство приняло цѣлый рядъ мѣръ для того, чтобы расширить преподаваніе мадьярскаго языка за счетъ всѣхъ остальныхъ языковъ Венгріи. Закономъ 1879 г. государственный языкъ, т. е. мадьярскій, былъ сдѣланъ обязательнымъ предметомъ преподаванія въ начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. То же самое постановилъ законъ 1883 г. относительно среднихъ учебныхъ заведеній. Еще дальше пошелъ законъ 1891 г. о дѣтскихъ садахъ, который предписываетъ всѣмъ родителямъ или опекунамъ дѣтей отъ 3—6 лѣтъ отдавать ихъ въ дѣтскіе сады, гдѣ одной изъ основныхъ задачъ преподавательскаго персонала должно быть обученіе мадьярскому языку. Правительство стремится также при помощи ряда законовъ и распоряженій подкопаться подъ автономію обѣихъ румынскихъ церквей, православной и уніатской, чтобы имѣть возможность подчинить своему контролю, а слѣдовательно, и мадьяризаціи школы, которыя содержатся за счетъ этихъ церквей. Съ этой цѣлью былъ, напримѣръ, изданъ законъ о субсидированіи преподавателей приходскихъ школъ, получающихъ менѣе 300 гульденовъ въ годъ. Государство обязуется дополнить изъ своихъ средствъ получаемые этими учителями оклады, но зато оно подчиняетъ ихъ школьную дѣятельность контролю своихъ чиновниковъ. Оно не ограничивается тѣмъ, что отказываетъ въ содержаніи инородческихъ школъ на средства казны, но отказываетъ систематически даже въ разрѣшеніи румынамъ открывать среднія учебныя заведенія на свои собственныя средства. Такъ, напримѣръ, говоритъ въ 1895 г. Джювара въ цитированной выше работѣ [1]), съ 1881 года 84 румынскія общины тщетно добиваются права открыть гимназію въ Карашебешѣ, «хотя нужныя средства у нихъ наготовѣ». Въ нѣсколькихъ румынскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ даже во время абсолютистскаго австрійскаго режима языкомъ преподаванія былъ румынскій, венгерскія власти замѣнили его мадьярскимъ.

Законъ 1907 г. о начальномъ образованіи, получившій по своему автору названіе «закона Аппоньи», предписываетъ, чтобы преподаваніе закона Божія румынскимъ ученикамъ въ государственныхъ школахъ законоучителями-румынами велось на мадьярскомъ языкѣ, и только до 4 класса разрѣшается прибѣгать къ родному языку учащихся въ качествѣ вспомогательнаго языка.

Какую энергію проявляетъ правительство въ дѣлѣ мадьяризаціи школъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1869 г. изъ

---

[1]) Ibid., стр. 36.

13.798 начальныхъ школъ Венгріи было чисто-мадьярскихъ 5.818, школъ со смѣшаннымъ языкомъ преподаванія 1.452, а 6.458 такихъ, въ которыхъ мадьярскій языкъ не былъ ни языкомъ преподаванія, ни предметомъ обученія. Но уже въ учебномъ 1891—92 г. въ Венгріи изъ 16.917 начальныхъ школъ лишь въ 2.386 мадьярскій языкъ совсѣмъ не преподавался. Изъ остальныхъ—9.445 были чисто мадьярскими, а 2.681 со смѣшаннымъ языкомъ преподаванія. Такимъ образомъ, за 22 года число мадьярскихъ школъ возросло съ 42% до 56%; число же школъ, въ которыхъ мадьярскаго языка совсѣмъ не было, упало до 14% [1]).

И вотъ послѣдствіемъ этого: съ начала 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, т. е. съ того момента, когда національстическій курсъ окончательно восторжествовалъ въ Венгріи, стало увеличиваться число дѣтей, не посѣщающихъ школъ. Въ 1881 г. 463.339 дѣтей школьнаго возраста, т. е. 21%, не посѣщали школъ, а въ 1906 г. такихъ, не посѣщавшихъ школъ, дѣтей было уже 645.820, т. е. 24%.

Борьба съ инородческими элементами распространяется и на политику внутренней колонизаціи. Такъ, напримѣръ, въ 1895 г. былъ принятъ законъ, по которому при передачѣ крестьянамъ принадлежащихъ государству земель въ комитатахъ Бачъ-Бодрогъ и Крашо-Серень должно быть оказываемо предпочтеніе мадьярскимъ крестьянамъ передъ мѣстными. Это задумано, конечно, съ цѣлью создать мадьярскіе оазисы въ инородческомъ населеніи.

Тотъ же духъ національстической исключительности проявляется и при назначеніи на государственную службу. Румыны либо вовсе не назначаются, или же назначаются лишь такіе, которые всецѣло отказываются отъ своей національности и становятся орудіями мадьярской политики. Въ Трансильваніи до присоединенія ея къ Венгріи было 12 румынскихъ префектовъ, изъ румынъ же была треть остальныхъ чиновниковъ. Въ 1891 же году изъ 3.105 чиновниковъ Трансильваніи было всего 183 румына, или 5,8%, а въ остальныхъ комитатахъ со значительнымъ румынскимъ населеніемъ румынъ-чиновниковъ тоже было не больше 6%. Изъ этихъ чиновниковъ большинство занимаетъ лишь второстепенные посты [2]).

Въ такой же мѣрѣ, какъ остальныя права національностей, якобы обезпеченныя законами 1868 г., игнорируются венгерскими властями права румынъ въ судѣ и администраціи. По этому закону каждый гражданинъ имѣетъ право обращаться въ государственныя и общинныя учрежденія на своемъ родномъ языкѣ и на свои жалобы,

[1]) *Eugen Brote*, l. c., стр. 83—84.

[2]) *Scofus Viator*, Racial problems in Hungary, London 1908, стр. 153—154.

прошенія и т. д. получить на томъ же языкѣ отвѣтъ. Между тѣмъ на практикѣ въ дѣлопроизводствѣ всякаго рода государственныхъ учрежденій допускается почти исключительно государственный, т. е. мадьярскій, языкъ.

Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ орудій въ борьбѣ съ національными стремленіями румынъ является преслѣдованіе румынской печати. Оно основывается на законѣ 27 мая 1852 г., изданномъ австрійскимъ правительствомъ въ періодъ злѣйшей контръ-революціонной реакціи. Этотъ законъ не примѣняется въ остальныхъ частяхъ Венгріи, а только въ Трансильваніи для борьбы съ румынской печатью. Онъ характеризуется ужъ однимъ тѣмъ, что въ немъ сохранилось еще обязательство внесенія залоговъ для періодическихъ изданій. Чтобы придать внѣшній либеральный видъ закону о печати, венгерское правительство подчинило преступленія въ прессѣ суду присяжныхъ и учредило въ 1871 г. три постоянныхъ суда присяжныхъ въ трехъ городахъ Трансильваніи, изъ которыхъ два—Клаузенбургъ и Марошъ-Вашаргель, города съ чисто-мадьярскимъ населеніемъ а Германштадтъ—съ населеніемъ нѣмецкимъ. Но, когда оказалось, что нѣмецкіе присяжные въ Германштадтѣ не проявляютъ должнаго патріотизма и оправдываютъ румынскихъ писателей которыхъ венгерскія власти считаютъ врагами отечества, судъ въ Германштадтѣ былъ упраздненъ и разборъ подчиненныхъ его вѣдѣнію дѣлъ перенесенъ въ Клаузенбургъ (Колошваръ), гдѣ мадьярскій шовинизмъ въ населеніи очень силенъ. Ожиданія, которыя возлагало на этотъ судъ венгерское правительство, вполнѣ оправдались. Между 1886 и 1896 г.г. 143 румына были приговорены мадьярскими судами присяжныхъ за преступленія въ печати въ общей сложности къ 93 годамъ 1 мѣсяцу и 23 днямъ тюремнаго заключенія и 42.464 кронамъ денежныхъ штрафовъ. Отъ 1897 до 1908 г. 210 румынъ были приговорены къ тюремному заключеію на 38 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 3 дня и 51.327 кронъ денежнаго взысканія. Такое обиліе обвинительныхъ приговоровъ не можетъ вызвать удивленіе, если имѣть въ виду, что присяжные въ Клаузенбургѣ мадьяры, крайне враждебно относящіеся къ румынамъ и являющіеся, такимъ образомъ, въ процессахъ противъ румынъ судьями въ собственномъ дѣлѣ. Большая часть привлеченій къ суду происходила на основаніи обвиненія въ возбужденіи вражды къ мадьярской націи, которое прокуроръ усматривалъ въ тѣхъ или иныхъ газетныхъ статьяхъ, воззваніяхъ или книгахъ. Иногда судебное преслѣдованіе мотивировалось призывомъ къ нарушенію законовъ или выраженіемъ неуваженія къ нимъ, якобы имѣвшимъ мѣсто въ инкриминируемыхъ статьяхъ и другихъ произведеніяхъ печати.

Особенно широкую извѣстность пріобрѣлъ процессъ о «меморандумѣ», предъявленномъ румынами императору Францу-Іосифу въ 1892 г. Происхожденіе этого меморандума слѣдующее. Въ 1881 г. была основана въ Вэнгріи румынская національная партія, объединяющая румынъ Венгріи и Трансильваніи, которая на съѣздѣ въ Германштадтѣ выработала политическую программу. Въ ней требовалось примѣненіе румынскаго языка въ населенныхъ румынами областяхъ въ судѣ и администраціи; назначеніе въ этихъ областяхъ на государственную службу чиновниковъ румынской національности или же, по крайней мѣрѣ, лицъ, знающихъ румынскій языкъ и обычаи румынскаго народа; сохраненіе автономіи румынскихъ церквей и содержимыхъ ими школъ; оказаніе румынскимъ учебнымъ заведеніямъ поддержки изъ государственныхъ средствъ сообразно участію румынской націи въ повинностяхъ гражданъ; выработка демократическаго избирательнаго закона и возстановленіе автономіи Трансильваніи легальными средствами, т. е. безъ какихъ бы то ни было революціонныхъ актовъ со стороны румынъ.

Мадьяры продолжали игнорировать эту программу и ни на какія уступки не шли. Тогда на очередныхъ съѣздахъ делегатовъ румынскаго населенія было постановлено обратиться къ австрійскому императору съ меморандумомъ, въ которомъ должны были быть изложены всѣ жалобы румынъ. Въ маѣ 1892 г. комитетъ румынской національной партіи съ д-ромъ Ратіу во главѣ отправился въ Вѣну для врученія этой записки императору. По настоянію венгерскаго кабинета, стоявшаго на той точкѣ зрѣнія, что румыны, какъ граждане Венгріи, должны обращаться не къ императору Австріи, а къ королю Венгріи, черезъ посредство венгерскаго правительства, румынскіе делегаты не были допущены къ императору. Они тогда оставили записку въ запечатанномъ конвертѣ въ вѣнской придворной канцеляріи. Этотъ конвертъ былъ въ нераспечатанномъ видѣ отосланъ въ Будапештъ венгерскому правительству, и тогдашній премьеръ Сапари вернулъ его румынскому національному комитету съ указаніемъ, что члены комитета не имѣли права говорить отъ имени «венгерскихъ гражданъ румынскаго языка». Не ограничиваясь этимъ, венгерское правительство привлекло составителей меморандума къ отвѣтственности на основаніи §§ 171 и 173 венгерскаго уголовнаго уложенія, карающихъ выраженіе неуваженія къ дѣйствующимъ въ Венгріи законамъ. Это неуваженіе правительство усмотрѣло въ тѣхъ мѣстахъ румынскаго меморандума, въ которыхъ говорилось, что присоединеніе Трансильваніи къ Румыніи, состоявшееся, какъ мы видѣли выше, при игнорированіи румынскаго народа, было незаконнымъ.

Процессъ разбирался въ маѣ 1894 г. 14 обвиняемыхъ были приговорены въ общей сложности къ 28 годамъ тюремнаго заключенія, изъ которыхъ 5 лѣтъ достались главному секретарю румынской національной партіи, Лукачіу,—тому самому Лукачіу, который въ декабрѣ прошлаго года былъ избравъ предсѣдателемъ румынской культурной лиги въ Бухарестѣ. Во время процесса обвиняемые послали телеграмму императору Францу-Іосифу, составленную въ самыхъ горячихъ вѣрноподданническихъ выраженіяхъ. Эта телеграмма однако не только не избавила ихъ отъ наказанія, но, наоборотъ, еще содѣйствовала озлобленію противъ нихъ мадьярскихъ судей.

Въ такомъ духѣ велась политика мадьяръ по отношенію къ румынамъ до нашихъ дней. И только уже послѣ начала европейской войны венгерскій премьеръ графъ Тисса въ письмѣ, посланномъ 9/22 сентября 1914 г. румынскому архіепископу—митрополиту Метіану въ Германштадтѣ (письмо было опубликовано въ ноябрѣ), выразилъ готовность пойти навстрѣчу нѣкоторымъ требованіямъ румынъ. Въ этомъ письмѣ венгерскій премьеръ говоритъ, что румыны Венгріи проявили въ нынѣшнюю войну патріотизмъ, который даетъ правительству возможность относиться отнынѣ къ румынамъ съ большимъ довѣріемъ. Въ виду обнаруженной ими общей лбюви къ родинѣ, Тисса находитъ возможнымъ удовлетворить тѣ требованія, которыя предъявлялись румынскими представителями въ переговорахъ, происходившихъ приблизительно за годъ до войны между ними и венгерскимъ правительствомъ по вопросу о румыно-мадьярскомъ соглашеніи. Эти требованія заключались, главнымъ образомъ, въ пересмотрѣ и измѣненіи закона о начальномъ образованіи въ духѣ, благопріятномъ для румынскихъ національныхъ требованій, употребленіи румынскаго языка въ административныхъ учрежденіяхъ и измѣненіи избирательнаго закона въ направленіи, которое обезпечило бы за румынскимъ народомъ вліяніе, соотвѣтствующее его численному значенію.

Теперь Тисса выражаетъ въ принципѣ готовность удовлетворить эти требованія и надежду, что такимъ путемъ будутъ устранены препятствія, стоявшія на пути къ сближенію мадьяръ съ румынами.

Таковы тѣ «уступки», которыя готово сдѣлать венгерское правительство въ моментъ крайней опасности для государства, когда сохраненіе Трансильваніи за Венгріей стало во всякомъ случаѣ сомнительнымъ. И даже такія уступки,—которыми румыны до войны, въ виду невозможности добиться бо́льшаго, можетъ быть, и удовлетворились бы,—правительство дѣлаетъ только *въ принципѣ*

ограничиваясь туманными обѣщаніями, вмѣсто того, чтобы поспѣшить провести соотвѣтствующіе законопроекты черезъ венгерскій парламентъ. Нѣтъ надобности указывать, до какой степени эти «реформы», обѣщаемыя Тиссой, далеки отъ полнаго удовлетворенія требованій румынъ. Очевидно, подобнаго рода палліативными мѣрами мадьярамъ не удастся побороть центробѣжныя стремленія румынскаго населенія Венгріи.

И. О. Левинъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Вопросы, возбуждаемые примѣненіемъ ст. 87 Основныхъ законовъ.— . . . . . —Процессъ „Рѣчи".

Чрезвычайно широкое, въ послѣднее время, примѣненіе ст. 87 зак. основ. возбуждаетъ множество нелегко разрѣшимыхъ недоразумѣній. Дѣйствіе мѣры, принятой на основаніи ст. 87-й, прекращается, если соотвѣтствующій ей законопроектъ не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія ея занятій. При установленіи этого правила, безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду, что нормальная продолжительность думской сессіи будетъ значительно больше двухъ мѣсяцевъ и, слѣдовательно, Дума, получивъ законопроектъ, будетъ имѣть возможность немедленно приступить къ его разсмотрѣнію. На самомъ дѣлѣ случилось другое: сессія Думы продолжалась всего три дня, и многочисленныя чрезвычайныя мѣры, принятыя во время послѣдняго междудумья, не могли бы быть разсмотрѣны ею, если бы даже соотвѣтствующіе имъ законопроекты были внесены въ самый день открытія сессіи. Какъ выйти изъ создавшагося такимъ образомъ положенія? Этому вопросу посвящена передовая статья въ № 35 «Русскихъ Вѣдомостей». Существуетъ взглядъ, въ силу котораго прекращеніе сессіи раньше двухъ мѣсяцевъ со времени ея открытія останавливаетъ теченіе срока, установленнаго ст. 87; другими словами, дѣйствіе мѣры, принятой на основаніи этой статьи, продолжается ipso jure до новаго созыва Думы и еще столько времени, сколько остается за вычетомъ числа дней предъидущей сессіи изъ двухмѣсячнаго срока. Согласиться съ этимъ взглядомъ, по справедливому замѣчанію «Русскихъ Вѣдомостей», невозможно. Статья 87-я предусматриваетъ

только *одно* возобновленіе думской сессіи и не даетъ никакой точки опоры для раздробленія двухмѣсячнаго срока на нѣсколько отдѣльныхъ, разновременно протекающихъ частей. Чрезвычайныя мѣры, по самому своему существу, требуютъ возможно скораго облеченія въ форму закона; искусственное продленіе ихъ силы противорѣчитъ ихъ характеру, ихъ назначенію, и не можетъ быть согласовано съ закономѣрностью, лежащею въ основѣ правового государственнаго строя.

Искусственнымъ оказывается и тотъ способъ, которымъ спорный вопросъ разрѣшается предсѣдателемъ совѣта министровъ. Въ циркулярномъ письмѣ, съ которымъ И. Л. Горемыкинъ обратился недавно къ министрамъ и главноуправляющимъ, высказана мысль, что, въ виду состоявшагося возобновленія занятій Государственной Думы, по всѣмъ мѣропріятіямъ, основаннымъ на ст. 87 и обнародованнымъ до 27 января, надлежитъ войти въ Думу съ требуемыми закономъ представленіями, если дальнѣйшее послѣ 27 марта дѣйствіе этихъ мѣропріятій признается необходимымъ и отвѣчающимъ интересамъ дѣла. «Само собою разумѣется»,—читаемъ мы дальше въ письмѣ И. Л. Горемыкина,—«что проекты упомянутыхъ представленій, какъ предусматривающіе мѣры, главное основаніе и существенныя черты коихъ уже являлись предметомъ обсужденія совѣта министровъ, не подлежатъ внесенію на предварительное, до направленія въ Государственную Думу, одобреніе совѣта министровъ, а лишь препровождаются въ канцелярію совѣта для свѣдѣнія». Итакъ, представленія будутъ *внесены* въ предѣлахъ двухмѣсячнаго срока—но внесены куда? Въ Думу? Нѣтъ: въ *канцелярію* Думы, гдѣ они будутъ лежать неподвижно и безплодно впредь до открытія новой думской сессіи. Не все ли, однако, равно, въ какой канцеляріи покоится бумага—въ канцеляріи Думы, или въ канцеляріи совѣта министровъ, или въ канцеляріи того или другого министерства? Важно не географическое, если можно такъ выразиться, положеніе бумаги: важно ея цѣлесообразное движеніе, ведущее къ рѣшенію ея судьбы, къ фактическому результату, т. е. къ прекращенію дѣйствія временной мѣры или къ обращенію ея въ постоянный законъ. Двухмѣсячный срокъ, о которомъ говорится въ ст. 87, установленъ именно и только съ цѣлью ускоренія этого результата. Если бы мѣсто нахожденія законопроекта имѣло хотя какое-нибудь серьезное значеніе, срокъ, для *внесенія* его въ Думу, считался бы со дня *обнародованія* чрезвычайной мѣры, а не со дня возобновленія занятій Думы. Толкованіе ст. 87, усвоенное предсѣдателемъ совѣта министровъ, несогласно, поэтому, ни съ буквальнымъ, ни съ внутреннимъ смысломъ закона.

Раздѣляя исходную точку «Русскихъ Вѣдомостей», я при-

соединяюсь и къ заключительному ихъ выводу. Юридически открытыми онѣ признаютъ лишь два пути: внесеніе законопроектовъ въ Думу при *условіи созыва ея до 27 марта*—или подтвержденіе чрезвычайныхъ мѣръ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ были приняты, т. е. Высочайше утвержденными постановленіями совѣта министровъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что второй путь—не что иное, какъ излишняя формальность, никакой гарантіи не представляющая и столь же легко могущая привести къ ухудшенію, какъ и къ улучшенію изданныхъ въ чрезвычайномъ порядкѣ правилъ. Едва-ли, однако, это такъ. Разъ дѣйствіе временныхъ правилъ продолжается гораздо дольше, чѣмъ предполагалось первоначально, они могутъ оказаться несовершенными, недостаточными, не достигающими цѣли или бьющими дальше цѣли; обязательный ихъ пересмотръ представляется, поэтому, вполнѣ раціональнымъ. Припомнимъ, сколько вѣскихъ возраженій финансовыя мѣры, принятыя, на основаніи ст. 87, осенью прошлаго года встрѣтили въ бюджетной комиссіи и въ самой Думѣ. Правильность этихъ возраженій была признана, отчасти, представителями министерства—и при новомъ пересмотрѣ временныхъ правилъ въ ихъ текстъ могли бы быть внесены соотвѣтственныя поправки. Весьма вѣроятно, что въ каждомъ отдѣльномъ постановленіи кое-что было бы взято назадъ, кое-что введено вновь, согласно съ указаніями опыта. Не могло бы быть, во всякомъ случаѣ, и рѣчи о формальномъ нарушеніи ст. 87: вновь состоявшіеся указы были бы внесены *въ Думу*, послѣ возобновленія ея засѣданій, а не въ *канцелярію* не засѣдающей Думы.

Но если переизданіе временныхъ мѣръ, принятыхъ на основаніи ст. 87-ой, имѣетъ безспорныя преимущества передъ тѣмъ способомъ дѣйствій, который избранъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, то еще гораздо болѣе цѣлесообразенъ первый изъ двухъ путей, указанныхъ «Русскими Вѣдомостями»: созывъ Думы до 27-го марта, съ тѣмъ, чтобы она, вслѣдъ за истеченіемъ двухъ мѣсяцевъ послѣ 27-го января, имѣла возможность приступить къ разсмотрѣнію проектовъ, узаконяющихъ вышеупомянутыя мѣры. Чѣмъ больше времени проходитъ послѣ чрезвычайныхъ мѣропріятій, тѣмъ труднѣе становится ихъ измѣненіе или отмѣна, тѣмъ тяжелѣе задача, выпадающая на долю законодательныхъ учрежденій. Откладывать пересмотръ указовъ, состоявшихся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, до осени или зимы, значило бы предопредѣлять, въ значительной мѣрѣ, рѣшеніе вопросовъ, по существу своему крайне спорныхъ. Январьская сессія Думы показала съ полною ясностью, что никакихъ неудобствъ созывъ Думы въ военное время не представляетъ; трехдневный об-

мѣнъ мыслей, сравнительно свободный, только способствовалъ подъему настроенія и подтвердилъ передъ лицомъ Европы мужественную рѣшимость русскаго народа. Въ теченіе весенней сессіи, хотя бы и непродолжительной, ничто не мѣшало бы покончить не только съ вопросами, поставленными въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года, но и съ тѣми, которые разрѣшены, въ порядкѣ ст. 87-й, послѣ закрытія январьской сессіи. До какой степени желателенъ, въ обѣихъ областяхъ, скорѣйшій переходъ отъ указовъ къ законамъ, объ этомъ даютъ понятіе, съ одной стороны, указанныя въ февральской книжкѣ «Вѣст. Евр.» неудобства чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣропріятій, съ другой—возможныя послѣдствія временныхъ правилъ о землевладѣніи и землепользованіи иностранныхъ подданныхъ и выходцевъ, состоявшіяся 2 февраля, т. е. уже послѣ закрытія думской сессіи. Правила эти установляютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, въ болѣе или менѣе краткіе сроки. Такъ, напримѣръ, недвижимыя имущества внѣ городскихъ поселеній, состоящія, въ извѣстныхъ губерніяхъ, во владѣніи австрійскихъ, венгерскихъ, германскихъ или турецкихъ подданныхъ, должны быть отчуждены, по добровольнымъ соглашеніямъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня распубликованія списковъ лицъ, подходящихъ подъ дѣйствіе этого правила; въ противномъ случаѣ они продаются съ публичнаго торга. Для отчужденія по добровольному соглашенію внѣ-городскихъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ австрійскимъ, венгерскимъ или германскимъ выходцамъ (принявшимъ русское подданство послѣ 1 января 1880 года), назначаются нѣсколько болѣе продолжительные сроки (отъ 10 мѣсяцевъ до одного года 4 мѣсяцевъ, смотря по мѣсту нахожденія имуществъ). Получается, такимъ образомъ, слѣдующее положеніе вещей: въ большинствѣ случаевъ, для которыхъ установленъ шестимѣсячный срокъ, онъ окажется истекшимъ еще до возобновленія занятій Госуд. Думы, если она будетъ созвана только въ ноябрѣ; вѣдь къ скорѣйшему составленію тѣхъ списковъ, со времени распубликованія которыхъ начинается теченіе срока, будутъ, безъ сомнѣнія, приняты энергичныя мѣры. Допустимъ, однако, что распубликованіе списковъ состоится, кое-гдѣ, лишь лѣтомъ нынѣшняго года и въ этомъ случаѣ шестимѣсячный срокъ легко можетъ окончиться раньше внесенія въ Думу законопроекта, соотвѣтствующаго правиламъ 2 февраля, такъ какъ крайній срокъ внесенія—послѣдній день второго мѣсяца послѣ открытія сессіи. Наконецъ, разсмотрѣніе законопроекта никогда не начинается вслѣдъ за его внесеніемъ; онъ передается предварительно на обсужденіе комиссіи, рѣдко работающей меньше мѣсяца. Если принять все это въ сообра-

женіе, то приходится признать, что не только шестимѣсячный, но и десятимѣсячный срокъ можетъ оказаться истекшимъ раньше, чѣмъ будетъ приступлено къ разсмотрѣнію законопроекта. Скажемъ болѣе: раньше этого момента могутъ быть назначены въ продажу или даже проданы имущества, подходящія подъ дѣйствіе правилъ 2 февраля, въ особенности изъ числа тѣхъ, для отчужденія которыхъ по добровольному соглашенію назначенъ шестимѣсячный срокъ. Госуд. Дума будетъ имѣть передъ собою рядъ совершившихся фактовъ—и это легко можетъ стѣснить свободу ея сужденій и рѣшеній. Не трудно представить себѣ положеніе владѣльцевъ, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ временными правилами. Тѣ изъ нихъ, кто больше расположенъ къ унынію, чѣмъ къ надеждѣ, будутъ лихорадочно искать покупателя, чтобы избѣжать публичной продажи, и согласятся, скрѣпя сердце, на крайне невыгодныя условія; оптимисты, наоборотъ, будутъ медлить до послѣдней минуты, рискуя довести дѣло до продажи съ публичнаго торга. Когда продажа совершается принудительно и должна быть совершена въ теченіе опредѣленнаго, короткаго срока, это всегда понижаетъ покупную цѣну; въ настоящемъ случаѣ такому пониженію будетъ способствовать, въ добавокъ, неопредѣленность положенія, регулируемаго не закономъ, а временными правилами. Выходъ изъ всего сказаннаго ясенъ: примѣненіе статьи 87—мало подходящій способъ производства глубокихъ перемѣнъ въ строѣ гражданскихъ правоотношеній, основой которыхъ долженъ служить прочно установленный закономъ порядокъ, не легко поддающійся колебаніямъ.

Вѣроятно ли, однако, возбужденіе въ средѣ думскаго большинства какихъ бы то ни было сомнѣній относительно необходимости и цѣлесообразности правилъ 2-го февраля? И если оно невѣроятно—или прямо немыслимо,—то не все ли равно, въ какой формѣ проведены эти правила? Мнѣ кажется, что предвидѣть заранѣе рѣшеніе Думы очень трудно, въ особенности если его приходится ожидать чуть не цѣлый годъ. Если и есть основаніе предполагать, что принципіальныхъ возраженій правила 2 февраля со стороны большинства Думы не встрѣтятъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что оно одобритъ всѣ ихъ детали—а именно детали представляютъ, въ данномъ случаѣ, большую важность. Съ другой стороны, если шансы согласія Думы съ существомъ мѣръ, ограничивающихъ иностранное землевладѣніе, были такъ велики, то что́ же могло помѣшать внесенію ихъ на разсмотрѣніе Думы 27—29 января, когда, очевидно, уже былъ готовъ текстъ правилъ, утвержденныхъ пять дней спустя? Конечно, этимъ замедлилось бы окончаніе сессіи, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ принятія законопроекта Думой онъ подлежалъ бы еще раз-

смотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ; но какими же неудобствами могли грозить 10—15 добавочныхъ дней законодательной работы? И если бы о неудобствахъ и могла быть рѣчь, то не уравновѣшивались ли бы они полученіемъ прочнаго, окончательнаго результата, а можетъ быть и исправленіемъ частныхъ дефектовъ первоначальнаго проекта? Едва-ли, наконецъ, была бы опасна отсрочка въ самомъ принятіи ограничительныхъ мѣръ. Ко времени открытія осенней сессіи Думы, несомнѣнно, окончится война, а до тѣхъ поръ и при дѣйствіи правилъ 2 февраля, въ виду устанавливаемыхъ ими сроковъ, имущества иностранцевъ и иностранныхъ выходцевъ будутъ, въ большинствѣ случаевъ, оставаться въ рукахъ нынѣшнихъ ихъ владѣльцевъ. Не было, слѣдовательно, periculum in mora; достаточенъ былъ бдительный надзоръ за образомъ дѣйствій владѣльцевъ, для чего въ распоряженіи правительства имѣлись и помимо правилъ 2 февраля всѣ нужныя средства.

. . . . . .

. . . . . .

Петроградская судебная палата утвердила оправдательный приговоръ окружнаго суда по дѣлу редактора «Земщины», обвинявшагося въ оклеветаніи издателей и руководителей «Рѣчи». Точно опредѣлить значеніе этого рѣшенія можно будетъ лишь тогда, когда станутъ извѣстны его мотивы; усматривать въ немъ уже теперь признаніе палатой самаго факта подкупа «Рѣчи» финляндскими деньгами могутъ только тѣ, кто не привыкъ съ словомъ обращаться честно. Удручающее впечатлѣніе производятъ нѣкоторые эпизоды судебныхъ преній, свидѣтельствующіе о томъ, съ какимъ легкимъ сердцемъ вырабатываются и пускаются въ ходъ, въ извѣстной средѣ, самыя тяжелыя обвиненія. Свидѣтель Володимеровъ, издатель «Земщины», бывшій членъ (крайній правый) третьей Думы, показалъ, что позиція, занятая «Рѣчью» въ финляндскомъ вопросѣ, не оставляла никакихъ сомнѣній въ полученіи ею за это отъ финляндцевъ вознагражденія [1]). На самомъ дѣлѣ позиція «Рѣчи» въ финляндскомъ вопросѣ была та же самая, какую занимала, съ восьмидесятыхъ годовъ, вся прогрессивная русская журналистика; ту же позицію заняло значительное меньшинство третьей Думы, а также незначительное по числу, но вѣское по именамъ своихъ членовъ меньшинство Государствен-

1) Привожу это показаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно воспроизведено въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“.

наго Совѣта. Это была та позиція, которая вытекала сама собою изъ широко распространеннаго взгляда на политическія отношенія, на права національностей, на интересы государства. Нужно было смотрѣть чрезъ совершенно особыя очки, чтобы объяснить ее низменными соображеніями, чтобы увидѣть въ ней признаки подкупа. Продиктовать такой выводъ могла только партійная ненависть, соединенная съ привычкой вносить въ политическую борьбу мотивы вовсе не политическаго свойства. Во что обратилось бы общество, во что обратилась бы печать, если бы вошли въ обиходъ методы толкованія политическихъ теченій, усвоенные «Земщиной»? Началась бы настоящая война всѣхъ противъ всѣхъ, дышащая мелкой злобой, все низводящая къ низменному уровню, спекулирующая на худшія страсти, ничего не признающая и не понимающая внѣ ихъ жалкой сферы. Къ счастью, ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи: монополія пріемовъ извѣстнаго рода остается всецѣло за «Земщиной» и близкими къ ней органами печати...

К. Арсеньевъ.

ВОИНСТВЕННАЯ ГЕРМАНІЯ И ВОЗВРАТЪ КЪ КАНТУ.

Въ литературѣ и журналистикѣ значительной части Европы дѣлаются разнообразныя попытки выработать новые взгляды на Германію и ея правителей, разгадать ея національную психологію и объяснить значеніе и роль германизма въ культурномъ мірѣ. Многіе отыскиваютъ корень новѣйшихъ событій въ особыхъ свойствахъ и стремленіяхъ германской расы, которыя будто бы впервые открылись теперь человѣчеству во всей своей наготѣ. Французскіе и англійскіе писатели разоблачаютъ неизвѣстныя или незамѣченныя раньше

черты нѣмецкаго народа и нѣмецкой политики, устанавливающія непроходимую пропасть между Германіею и другими европейскими націями.

Въ рядѣ талантливыхъ этюдовъ, помѣщенныхъ въ «Revue des deux Mondes», обстоятельно и краснорѣчиво доказывается принципіальное отличіе германскаго міросозерцанія отъ всякаго другого. Для нѣмцевъ,—говоритъ напр. Викторъ Бераръ—война была всегда нормальнымъ состояніемъ. «Другія націи могутъ полагать свое благополучіе въ мирномъ обмѣнѣ услугъ съ сосѣдями; состояніе войны есть для нихъ случайность настоящаго, дурное наслѣдіе прошлаго; онѣ мечтаютъ о будущемъ вѣчномъ мирѣ между всѣми людьми. Даже когда онѣ восторгаются своими полководцами, онѣ въ глубинѣ души сохраняютъ лучшія свои чувства для дѣлъ и дѣятелей мира. Онѣ думаютъ, что народъ можетъ и долженъ поочередно носить оружіе и тогу, но что въ обыденной жизни господствуетъ тога, а не оружіе. Но германская нація существуетъ только тогда, когда она въ полномъ вооруженіи, подъ начальствомъ своего вождя, собирается въ походъ для грабежа и для покоренія другихъ народностей, нѣмецкихъ или иностранныхъ. Старый германскій богъ—все тотъ же Торъ съ молотомъ. Только изъ среды латинской расы выходили пророки и мечтатели всеобщаго мира, всеобщаго разоруженія, человѣческаго братства, поклонники того «безмѣрнаго величія римскаго мира», о которомъ говорилъ Плиній. А изъ Германіи всегда выходили хвалители и теоретики постоянной, необходимой, благодѣтельной войны между людьми и племенами, между народностями и гражданами,—войны кантоновъ, королевствъ и религій въ прежнія времена, войны расъ въ настоящемъ, войны классовъ въ будущемъ, войны на почвѣ ненависти и злобы,—ибо Германія есть по существу царство кулака. Война, всегда война, ничего кромѣ войны,—таковъ нѣмецкій продуктъ всѣхъ режимовъ, которые Германія усваивала извнѣ и которые въ другихъ странахъ производили нѣчто другое. Отъ Каролинговъ до Гогенцоллерновъ, старая имперія и великое междуцарствіе (до 1870 г.) дали Германіи и Европѣ десять или одиннадцать вѣковъ насилій. Въ 1913 году, послѣ сорока лѣтъ вооруженнаго мира, князь Бюловъ (въ книгѣ о германской политикѣ) предсказывалъ, что новая имперія доставитъ новое торжество этой «рѣшительно національной политикѣ». Въ 1914 году, внукъ Вильгельма «Великаго» присоединилъ къ длинному списку нѣмецкихъ формъ войны новую категорію—войну міровую. Римская имперія нашла свой послѣдній девизъ въ «единодушіи римскаго мира», а теперь германская имперія, послѣ одиннадцати вѣковъ величія, упадка и возро-

жденія, нашла, кажется, свой девизъ въ «единодушіи человѣческой войны» [1]).

Мы привели эту длинную цитату, какъ образчикъ новѣйшихъ французскихъ разсужденій о Германіи. Въ связи съ одностороннимъ культомъ войны, какъ проявленія грубой физической силы, отмѣчается и подчеркивается другое, не менѣе важное свойство нѣмцевъ—неспособность понимать и признавать чужое право, хотя бы подтвержденное ими формально въ силу существующихъ договоровъ. Конечно, не трудно было бы указать нѣкоторыя преувеличенія этихъ обобщающихъ характеристикъ; можно бы напомнить, что въ исторіи Франціи война занимала не меньше, если не больше мѣста, чѣмъ въ исторіи Германіи, и что нарушенія чужого права всегда практиковались во время международныхъ конфликтовъ. Знаменитая фраза Бисмарка о политикѣ «крови и желѣза», произнесенная въ бюджетной комиссіи прусской палаты депутатовъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вызвала, какъ извѣстно, сильнѣйшее волненіе и протесты въ тогдашней нѣмецкой печати; это волненіе отразилось и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ что самъ Бисмаркъ долженъ былъ употребить большія усилія, чтобы успокоить короля Вильгельма I. Очевидно, культъ физической силы и войны далеко не раздѣлялся тогда общественнымъ мнѣніемъ Германіи и не могъ считаться популярнымъ въ самой Пруссіи; онъ представлялъ собою явленіе сравнительно новое и непривычное для массы нѣмецкаго народа, будучи въ сущности порожденіемъ особаго духа прусской военной касты и спеціально-прусскихъ традицій.

До эпохи Бисмарка Германія не отличалась ни особой воинственностью, ни отрицаніемъ чужихъ правъ; напротивъ, она была фактически вполнѣ миролюбива и въ концѣ сороковыхъ годовъ стремилась достигнуть національнаго объединенія мирнымъ путемъ, безъ кровавыхъ внѣшнихъ столкновеній. Германія и Пруссія не участвовали ни въ крымской войнѣ, ни въ итальянской кампаніи Наполеона III; манія политическаго величія овладѣла умами нѣмцевъ только послѣ ошеломляющихъ успѣховъ 1870—71 годовъ, подъ вліяніемъ которыхъ всѣ другія державы прямо или косвенно подчинились первенству вновь созданной имперіи въ Европѣ. Вырожденіе прусско-германской гегемоніи въ претенціозный міровой имперіализмъ зависѣло, такимъ образомъ, не отъ спеціальныхъ качествъ, наклонностей и недостатковъ германской расы, а отъ другихъ причинъ, болѣе общаго характера.

Было бы несправедливо забывать, что идеи общечеловѣче-

[1]) „Revue des deux Mondes“, 1915, février 1—15.

скаго права и вѣчнаго мира имѣли своихъ выдающихся теоретиковъ и проповѣдниковъ и въ Германіи. Одинъ изъ самыхъ содержательныхъ и блестящихъ трактатовъ о вѣчномъ мирѣ принадлежитъ, несомнѣнно, нѣмецкому философу Иммануилу Канту, напечатавшему свой «философскій проектъ» въ 1795 году, наканунѣ эпохи Наполеоновскихъ войнъ. Общедоступное лейпцигское изданіе, вышедшее въ 1881 году, въ періодъ расцвѣта бисмарковской политики, снабжено обстоятельнымъ предисловіемъ, написаннымъ въ духѣ принципіальнаго отрицанія войны и милитаризма. «Постоянныя войска—говоритъ Кантъ—должны современемъ прекратить свое существованіе, ибо они постоянно угрожаютъ войной другимъ государствамъ вслѣдствіе своей всегдашней къ ней готовности; они побуждаютъ эти государства соперничать между собою въ вооруженіяхъ, которыя не имѣютъ никакой границы, а такъ какъ употребляемыя на это затраты дѣлаютъ наконецъ миръ слишкомъ обременительнымъ, то они сами становятся поводомъ къ наступательнымъ войнамъ, чтобы избавиться отъ этого бремени; къ тому же наборъ людей для взаимнаго истребленія, какъ простыхъ орудій въ рукахъ государства, противорѣчитъ праву человѣчества въ нашемъ собственномъ лицѣ».

Кантъ какъ-будто предвидѣлъ современную германскую форму міровой войны. «Государство—говоритъ онъ—не должно позволять себѣ на войнѣ такія враждебныя дѣйствія, которыя уничтожаютъ возможность взаимнаго довѣрія при наступленіи мира. Ибо какое-нибудь довѣріе къ образу мыслей непріятеля должно сохраниться и во время войны, такъ какъ иначе нельзя было бы заключить никакого мира, и вражда превратилась бы въ истребительную войну; между тѣмъ война есть все-таки только печальное крайнее средство отстоять свое право силою при отсутствіи международнаго судилища, и только исходъ войны рѣшаетъ, на чьей сторонѣ право, а между государствами немыслима война съ цѣлью наказанія. Изъ этого слѣдуетъ, что истребительная война, когда истребленіе поражаетъ обѣ стороны и съ ними всякое право, создаетъ возможность вѣчнаго мира только на великомъ кладбищѣ человѣческаго рода». И потому употребленіе незаконныхъ или вѣроломныхъ средствъ, приводящихъ къ такой войнѣ, должно быть признано недопустимымъ.

Различіе между европейскими и африканскими дикарями—замѣчаетъ Кантъ между прочимъ—состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя племена послѣднихъ цѣликомъ съѣдены своими врагами, а первыя умѣли лучше использовать побѣжденныхъ, увеличивъ ими число своихъ подданныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ количество орудій для бу-

дущихъ, болѣе обширныхъ войнъ. «При свойственныхъ человѣческой природѣ злобныхъ инстинктахъ, которые проявляются открыто въ свободныхъ отношеніяхъ между народами, надо удивляться, что слово «право» не изгнано еще окончательно изъ области военной политики, и что ни одно государство не осмѣлилось еще публично высказаться въ этомъ смыслѣ; ибо все еще повторяются ссылки на трактаты Гуго Гроція, Пуффендорфа, Ваттеля и другихъ, не имѣющіе въ сущности никакой обязательной силы для государствъ, хотя ссылки эти добросовѣстно дѣлаются только для оправданія военныхъ нападеній и насилій, и не было еще примѣра, чтобы убѣдительные доводы столь крупныхъ авторитетовъ заставили какое-нибудь государство отказаться отъ своего намѣренія. Это внѣшнее почтеніе къ понятію права, выражаемое каждымъ государствомъ по крайней мѣрѣ на словахъ, показываетъ, что въ человѣкѣ заложено болѣе сильное, пока еще дремлющее нравственное начало, которое должно когда-нибудь одержать верхъ надъ принципомъ злобы; въ противномъ случаѣ слово «право» никогда не сходило бы съ устъ правителей, желающихъ воевать между собою, развѣ только оно употреблялось бы для насмѣшки, по примѣру того галльскаго вождя, который заявилъ, что «слабые предназначены отъ природы подчиняться сильнѣйшимъ». Понятіе международнаго права, какъ права на войну, «не имѣетъ опредѣленнаго смысла, или оно означаетъ только, что придерживающіеся этого понятія люди должны быть довольны своею судьбою, занимаясь взаимнымъ истребленіемъ другъ друга и подготовляя себѣ вѣчный миръ въ обширной могилѣ, которая покрываетъ всѣ ужасы насилій вмѣстѣ съ ихъ виновниками. Даже колоніи, пріобрѣтаемыя для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей, или для распространенія христіанства между туземцами, служатъ обыкновенно для увеличенія вооруженныхъ силъ метрополіи и, слѣдовательно, для веденія болѣе частыхъ войнъ въ Европѣ. «Державы, придающія большое значеніе религіи и однако неизмѣнно питающіяся беззаконіями, выдаютъ себя въ своей набожности за избранныя орудія Провидѣнія». И для того, чтобы сдѣлать дѣйствительно невозможнымъ дальнѣйшее господство безправія въ международныхъ отношеніяхъ, Кантъ предлагаетъ систему широкихъ преобразованій политическаго строя народовъ въ духѣ истинной демократіи [1]).

Забвеніе этой существенной стороны вопроса, какъ мы указывали неоднократно, составляетъ основную принципіальную ошибку новѣйшаго практическаго пацифизма. Всеобщее признаніе принципа обязательнаго третейскаго суда для всѣхъ международныхъ споровъ,

1) Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf von Immanuel Kant. Königsberg, 1795.

заключеніе формальныхъ договоровъ объ арбитражѣ, установленіе правилъ о посредничествѣ для улаженія возникающихъ конфликтовъ, апелляція къ общественному мнѣнію заинтересованныхъ націй,—все это предполагаетъ способность и готовность такихъ правительствъ, какъ германское, добровольно отказываться отъ своихъ честолюбивыхъ плановъ изъ уваженія къ какимъ бы то ни было внѣшнимъ нормамъ. Кантъ отлично понималъ, что мечты о прочномъ мирѣ останутся совершенно безплодными, пока осуществленіе ихъ будетъ зависѣть отъ доброй воли державъ, организованныхъ извѣстнымъ образомъ и располагающихъ внушительными постоянными арміями. Никакія Гаагскія конвенціи и никакія международныя соглашенія не измѣнятъ этого положенія вещей, которое, однако, почему-то игнорировалось или оставлялось въ сторонѣ многими убѣжденными проповѣдниками пацифизма. Авторъ популярной книжки о «великой иллюзіи», Норманъ Анжелль, обращался къ здравому смыслу читателей для доказательства того, что войны вообще невыгодны и разорительны для народовъ даже въ случаѣ побѣды; но онъ самъ впалъ при этомъ въ великую иллюзію, предположивъ въ видѣ аксіомы, что реальные интересы народовъ служатъ обязательною и единственною основою дѣятельности такъ называемыхъ великихъ державъ или ихъ правительствъ, при современной ихъ организаціи. Та же иллюзія отражается во всѣхъ проектахъ и разсужденіяхъ института «международнаго мира» Карнеги. Не слѣдуетъ ли поэтому возвратиться къ идеямъ Канта, вмѣсто того, чтобы доказывать вѣчную воинственность и особую безсердечную психологію тевтонской расы?

Л. Слонимскій.

ПУТИ И ГРАНИ МОЛОДОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Новости беллетристики).

Новыхъ книгъ долго не было, а ихъ такъ хотѣлось... Потребность въ нихъ ощущалась даже въ тѣ лихорадочно-общественныя минуты, когда, казалось бы, интересъ къ литературѣ долженъ былъ совсѣмъ замереть. И вотъ—книги снова начали появляться. Но къ нимъ замѣчается странное, будто недовѣрчивое отношеніе. Ихъ встрѣчаютъ настороженно, какъ что-то постороннее, пришедшее издалека.

Большой оригинальностью должна обладать книга, чтобы побѣдить это встрѣчающее ее предубѣжденіе, и даже послѣ того, какъ оно разсѣется и книгѣ удастся возбудить къ себѣ интересъ, вокругъ нея какъ бы рѣютъ тревожныя, ревнивыя мысли: въ какомъ отношеніи стоитъ она къ современнымъ міровымъ событіямъ? Есть ли въ ней откликъ на нихъ, или душа ея живетъ, помимо нихъ, собственною жизнью? И не вѣрится, что возможна такая самодовлѣющая книга, на которую бушующая вокругъ буря не бросила бы никакой тѣни...

Настроеніе читателя сейчасъ, въ сущности, двойственно. Захватить вполнѣ, приковать его вниманіе можетъ только то, что̀ связано съ основными общественными переживаніями. Но въ глубинѣ души онъ давно чувствуетъ потребность хоть ненадолго уйти отъ этихъ кошмарныхъ переживаній—отдохнуть отъ нихъ и почувствовать, повѣрить, что существуетъ нѣчто совсѣмъ внѣ ихъ, иное по природѣ—чего не сокрушитъ никакая буря.

Понятенъ литературный интересъ къ очередному, только-что появившемуся, четвертому сборнику «Слово», выходъ котораго былъ обѣщанъ еще осенью. Эти сборники, какъ и вообще моск. изд-во писателей, постепенно объединяютъ талантливые и живые элементы молодой литературы. Объединить ихъ вполнѣ пока не удалось еще, но все, что̀ выпускается этой фирмой, всегда интересно и подлинно литературно, является опредѣленнымъ «словомъ» писателей о себѣ, а отчасти и общимъ словомъ литературы о пройденномъ ею этапѣ

«Тѣнь» современности есть на четвертомъ сборникѣ «Слово»—въ видѣ небольшого очерка Вересаева: «Марья Петровна», но значеніе новаго сборника и его интересъ не въ злободневномъ, а именно въ «постороннемъ»—отчасти вѣчномъ, отчасти преходящемъ, уже отошедшемъ. Разнообразно и со вкусомъ составленная книжка не только доставляетъ непосредственную художественную радость, а и даетъ богатый матеріалъ для подведенія итоговъ значительной, но уже до извѣстной степени изжитой полосы.

Каждый изъ участниковъ сборника такъ интересенъ самъ по себѣ, что является соблазнъ не подводить никакихъ итоговъ, а заняться ими въ отдѣльности, взять каждаго изъ писателей во всемъ своеобразіи его физіономіи и прослѣдить его художническій ростъ и эволюцію.

Но и нѣкоторые итоги сами собой напрашиваются. Въ новѣйшей литературѣ давно намѣчается поворотъ, чувствуется наростаніе новыхъ настроеній. Это сказывается и въ психологіи уже извѣстныхъ, опредѣлившихся писателей, и, особенно, въ обликѣ появляющихся на литературной аренѣ новичковъ. У молодой литературы,

на-ряду съ дѣтьми, постепенно завелись внуки. Эти послѣдніе и иллюстрируютъ разницу между литературнымъ настоящимъ и нарождающимся будущимъ.

Подъ «дѣтьми» я подразумѣваю писательское поколѣніе, непосредственно примыкающее къ Куприну и наиболѣе характерное для новѣйшей литературы: Бунина, Вересаева, Ремизова, Сергѣева-Ценскаго, Зайцева, Арцыбашева и др. А подъ «внуками»—совсѣмъ еще юныхъ, недавно выступившихъ, но уже довольно опредѣленно заявившихъ о себѣ: Слезкина, Тренева, Окунева. (Есть, разумѣется, писатели и писательницы, которыхъ нельзя подвести ни подъ одну изъ этихъ группъ. Нѣкоторые, напр. Шмелевъ, занимаютъ промежуточное мѣсто между этими группами, другіе, какъ напр. Сургучевъ, Яблочковъ, Ольнемъ, являются одиночками).

У перваго изъ этихъ двухъ беллетристическихъ поколѣній есть свои заслуги — не только въ области творчества формъ, какъ это всѣми признается, а и въ дѣлѣ ликвидаціи «модернизма», какъ обособленной школы, какъ идеологіи, истощавшей соки литературы. На ихъ долю выпала трудная задача пріобщенія новыхъ теченій къ общему руслу и перенесенія въ литературу лучшихъ завоеваній модернизма.

Важность этихъ пріобрѣтеній модернизма признаютъ даже тѣ, кто къ его представителямъ относится несочувственно. С. А. Венгеровъ въ своей вступительной статьѣ къ «Ист. литер. XX вѣка» говоритъ: «Воздѣйствіе новыхъ теченій конца XIX и начала XX вѣковъ опредѣленно сказалось и въ литературной манерѣ, болѣе утонченной, чѣмъ прежде, и въ кругѣ сюжетовъ и темъ, захватывающихъ теперь такія сложныя проблемы, на которыхъ прежнія литературныя исканія... совершенно не останавливались».

Къ сожалѣнію, молодые беллетристы унаслѣдовали отъ «зачинателей новыхъ теченій» не одни эти цѣнныя пріобрѣтенія, а и вредно отразившійся на ихъ развитіи духъ крайняго, гипертрофированнаго индивидуализма и связанную съ нимъ оторванность отъ жизни. На всей новѣйшей, такой цвѣтистой литературѣ лежитъ печать подпольной затхлости, худосочія, анемичности. Это и отдалило отъ нея широкаго читателя.

Болѣе чуткіе изъ «молодыхъ» писателей сами тяготились полученнымъ наслѣдствомъ и ставили себѣ задачей преодолѣніе его. Въ этомъ направленіи совершалось все литературное движеніе послѣднихъ лѣтъ; оно сказалось, въ области формы, эволюціей въ сторону большей простоты и выразительности, а въ содержаніи — въ сближеніи съ жизнью. Сущность этого стремленія, объединившаго самыя разнообразныя писательскія индивидуальности, вполнѣ передается

извѣстнымъ призывомъ Вересаева: «Къ жизни!», съ которымъ онъ выступилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ своей повѣсти и въ книжкѣ о Достоевскомъ и Толстомъ.

Но одно дѣло—желать, другое — достигнуть. И окружающая атмосфера, съ своей стороны, не содѣйствовала побѣдѣ жизни. Она была блѣдна, бездѣятельна и уныла. Въ ней все, за исключеніемъ одного яркаго, но слишкомъ краткаго луча въ 1905 году, было заполнено удушливой мглой.

Младшее литературное поколѣніе, какъ разъ то, которое озарилъ волшебный лучъ, — «внуки» молодой литературы — во всѣхъ отношеніяхъ болѣе счастливо. Внукамъ далось даромъ то, чего тщетно добивались въ мучительныхъ усиліяхъ ихъ предшественники. Они какъ бы пришли на страстный отцовскій призывъ «къ жизни», имъ отъ рожденія присуща та «стихійность» и «солнечность» творчества, по которой вздыхало предыдущее поколѣніе...

Такъ самъ собой подготовился въ литературѣ тотъ переломъ, который совершается теперь на нашихъ глазахъ подъ вліяніемъ гигантской общественной волны. Писатели принимаютъ крещеніе огнемъ, котораго они давно жаждали, пріобщаются къ общественной стихіи, по которой они тосковали.

Съ точки зрѣнія происходящаго сдвига и связанныхъ съ нимъ перемѣнъ во всѣхъ областяхъ и въ нашей психологіи, многое, и въ содержаніи литературныхъ произведеній, и въ настроеніи писателей, не можетъ не показаться анахронизмомъ—правдой вчерашняго дня. И чѣмъ крупнѣе, чѣмъ ярче писатель, тѣмъ острѣе должно быть это чувство разлада съ нимъ, ибо онъ прочнѣе связанъ съ этимъ вчерашнимъ днемъ...

Такое именно чувство оставляетъ красивая, поэтичная повѣсть Б. Зайцева: «Мать и Катя», помѣщенная въ четвертомъ сборникѣ «Слово». По изящной ажурности и стильной простотѣ она напоминаетъ «Спокойствіе»; она написана съ той особенной воздушностью и интимной нѣжностью, которая приближаетъ литературу къ музыкѣ.

Это вещь типично зайцевская и вмѣстѣ съ тѣмъ характерная для той литературной полосы, которая теперь явственно приблизилась къ своей грани. Герои повѣсти, обычные зайцевскіе пассивные, лѣнивые созерцатели, будничные люди, не могутъ сейчасъ не возбуждать недоумѣнія, даже протеста. Мы это или не мы? Какъ будто бы похоже... Авторъ такъ удачно схватилъ русскій колоритъ въ людяхъ и въ природѣ... Но въ сущности—совсѣмъ не то! Долго мы представляли себя такими, какъ рисуетъ насъ Зайцевъ, а сей-

часъ почувствовали, что это не все — лишь одна наша сторона. Раньше казалось, что всѣ мы изъ одного вещества съ зайцевскими героями: только мечтатели. Но, вдругъ, вспыхнуло въ насъ вещество иной природы—дѣйственное—и горитъ ровнымъ, упорнымъ огнемъ. Нѣтъ, не мы это... Не хотимъ, не можемъ признать родства съ зайцевскими скитальцами-неудачниками. И самъ Зайцевъ воспринимается сейчасъ, какъ чужой, далекій.

Герой новой зайцевской повѣсти, помѣщикъ Панурinъ—не то поэтъ, не то ученый, а вѣрнѣе, «лишній человѣкъ»; онъ очень похожъ на героя «Спокойствія», даже носитъ то же имя: Константинъ Сергѣевичъ. Это такой же дилеттантъ и странникъ, не знающій сегодня, что съ нимъ будетъ завтра, вездѣ скучающій и во все слегка влюбленный. Онъ до такой степени не кузнецъ своего счастья, что даже комнаты себѣ по своему вкусу устроить не желаетъ: какъ жили въ ней его предшественники, такъ и онъ живетъ со «слѣдами разныхъ хозяевъ». У него цѣлый домъ, а онъ ютится въ одномъ кабинетѣ, гдѣ накопился всякій чужой хламъ. «Какъ отецъ спалъ за ширмочкой и тамъ умеръ, такъ поступалъ и Константинъ Сергѣевичъ».

Кромѣ наукъ, герой Зайцева немножко занимается музыкой — играетъ на рояли, но, по его словамъ, «не придаетъ этому значенія». Самъ онъ характеризуетъ себя, какъ дилеттанта. —Съ дѣтства учили языкамъ, музыкѣ... А въ общемъ изъ меня ничего не вышло. Ни въ какой области».—Дилеттантомъ оказывается Панурinъ и въ созданіи собственной жизни, и въ любви. Это типичный тургеневскій Гамлетъ, пустоцвѣтъ. Немного скучая, онъ все странствуетъ, и нигдѣ не чувствуетъ себя осѣдло—ни въ Россіи, ни въ Европѣ. Жизнь складывается у него случайно, безъ всякихъ усилій съ его стороны и плана. Случайна и любовь, хотя авторъ и окружилъ ее поэтическимъ ореоломъ. Константинъ Сергѣевичъ не прочь сорвать цвѣты удовольствія и знаетъ въ нихъ толкъ, какъ, вообще, человѣкъ со вкусомъ, но на глубокое «индивидуальное» чувство онъ неспособенъ. И краткій поэтичный романъ съ Катей разыгрывается у него только потому, что подвернулась Катя. Повстрѣчалась бы другая «славная, милая дѣвушка», то же было бы и съ другой. Онъ ея не выбиралъ и не искалъ, какъ никого не ищетъ.

«— Вы, все-таки, очень странный человѣкъ,—робко говоритъ ему Катя уже послѣ сближенія: — Я васъ не совсѣмъ понимаю. Можетъ быть, потому, что я простая дѣвушка. Но главное... вы, по-моему, меня совсѣмъ не любите. Такъ, между прочимъ...

Панурinъ слегка протестуетъ. (Онъ и говоритъ характерно для него—лѣниво и небрежно—слегка заикаясь, на распѣвъ).

«— Почему у васъ такія мысли? Было бы невѣрно сказать, что вы мнѣ не нравитесь. Напротивъ. Можетъ быть, я немного даже влюбленъ.

«Катя молчала.

«— Но вамъ не этого надо,—прибавилъ онъ ласково, чуть усмѣхнувшись:—вамъ надо, чтобы я прыгнулъ въ ва-асъ, какъ въ этотъ пру-удъ, и съ головой бы. Только бы пузырьки со дна пускать.

«— Я на васъ правъ никакихъ не имѣю. И не смѣю имѣть.

«— Нѣтъ, дѣло не въ пра-авахъ.

«Пануринъ сидѣлъ, задумавшись. Снова, какъ тогда на балконѣ въ его имѣніи, предвечернее небо было особенно прозрачно, высоко и тонко. Медленно блестѣлъ прудъ, иногда поплескивала въ немъ рыба. Тихое золото разливалось вокругъ, золото было въ далекомъ жнивьѣ за прудомъ, въ крестцахъ ржи, въ самомъ свѣтломъ героѣ сегодняшняго дня—спускающемся солнцѣ.

«— Я могу любить васъ въ томъ смыслѣ,—сказалъ, наконецъ, Пануринъ,—въ ка-акомъ люблю этотъ свѣтъ, солнце, красоту русской природы. Можетъ быть, я, дѣйствительно, странный человѣкъ, но всегда та-кимъ былъ. Для меня тѣ, кто мнѣ нравился, всегда были искрами пре-екраснаго, женственнаго, что разлито въ мірѣ. Женщина же, какъ и вы, хочетъ безраздѣльнаго господства. Этого во мнѣ, дѣйствительно, нѣтъ».

Пануринъ много философствуетъ о томъ, что «русская природа имѣетъ таинственную и глубокую связь съ лицомъ и душою русской женщины». Тѣмъ, главнымъ образомъ, мила ему и Катя, что она часть этой природы.

«— По че-ертамъ лица васъ не назовешь, пожалуй, кра-сивой,—говоритъ онъ Катѣ:—Но я чувствую въ васъ большую простоту и близость къ природѣ нашихъ мѣстъ. Изъ вашихъ глазъ опредѣленно смотрятъ на меня наши по-оля. Если бы у нихъ глаза были, они бы такъ же смотрѣли».

Катя, дѣйствительно, вся—естественность. Какъ во всѣхъ зайцевскихъ героиняхъ и герояхъ, въ ней жизнь стихійная, сильнѣе и ярче индивидуально-человѣческой. И она совсѣмъ подъ стать Пануринъ. Хоть она и курсистка, она тоже птица небесная, не сѣющая и не собирающая. Какъ женщина, она эмоціональнѣе, но тоже изъ чувствъ не дѣлаетъ трагедіи, а любитъ, какъ трава растетъ; такъ спокойнѣе для ея вялой, неглубокой натуры, да и пороху для трагедій у нея не хватило бы.

Своихъ заурядныхъ, однотонныхъ, сейчасъ анахронистическихъ героевъ авторъ показываетъ въ чрезвычайно красивой и поэтичной

рамкѣ. По-прежнему Зайцевъ является мастеромъ въ изображеніи человѣческой весны, съ ея шумными, но невинными грозами и обильными слезами, не оставляющими ѣдкихъ слѣдовъ, съ ароматной теплотой и нѣжностью красокъ. И герои его, и природа словно окутаны однимъ сказочнымъ розовымъ облакомъ, и куда-то плывутъ въ золотыхъ лучахъ...

Коротенькій разсказъ Бунина, съ такимъ заманчиво-мирнымъ заглавіемъ: «Весенній вечеръ» — по содержанію кошмаренъ. Онъ примыкаетъ къ извѣстной бунинской лѣтописи о деревнѣ, но на этотъ разъ авторъ вноситъ въ нее необычайно страшную страницу. Сюжетъ разсказа несложенъ и заурядненъ. То, что̀ изображено въ разсказѣ,—звѣриное, нелѣпое убійство мужикомъ-пропойцей нищаго, послѣ совмѣстнаго пьянства въ трактирѣ,—вполнѣ возможно; но нарисована эта картина у Бунина съ такой острой отчетливостью и подчеркнутостью и въ такихъ сгущенныхъ тонахъ, что получается впечатлѣніе жуткой, чудовищной жестокости.

И «богатый» мужикъ, «пропивающій въ годъ по лошади», «прокуривающій по хорошему барану», допившійся до хмельного безумія—звѣрь, и его нищій (матеріально и духовно) собесѣдникъ — тоже звѣрь. Оба они — никудышные, отпѣтые, какіе-то отбросы жизни, которымъ всѣ пути заказаны. Это ими сознается.

«— Бродяги мы съ тобой...—хмуро разсуждаетъ богатый мужикъ: — Сволота несчастная, побирушки... Я тебя давно понялъ! Васъ такихъ-то тыщи весеннее время идутъ...

Нищій соглашается:—Правда, большія тысячи насъ такихъ-то идутъ. Полъ-Россіи идутъ»...

Отъ этой символической бунинской «Полъ-Россіи» тянутся незримыя нити въ глубину той Россіи, которую созерцаетъ Зайцевъ. Несчастные бунинскіе бродяги, попрошайки и воры, трогающіеся въ путь, какъ только растаетъ снѣгъ, находятся въ таинственномъ духовномъ родствѣ съ культурными скитальцами Зайцева, которые, тоже какъ птицы перелетныя, ищутъ, гдѣ имъ удобнѣе, и такъ же, какъ Бунинскіе отверженные, неспособны ни къ какому созиданію жизни.

Этотъ скупой, сжатый разсказъ написанъ сильно, съ той особенной «художественной жестокостью», которая въ новѣйшей литературѣ свойственна одному Бунину. Она не похожа на лихорадочную, эмоціональную жестокость Достоевскаго, мучающаго нервы. Она хладнокровна и обращена къ мысли. Какъ отточенный кинжалъ, ранятъ бунинскія слова, тоже отточенныя, холодноватыя и прозрач-

ныя—колющія и жгущія, какъ ледяные кристаллы. Всѣ эти мужичьи горькія жалобы и признанія, что «лучше воровать, чѣмъ съ голоду околѣвать и сѣнцы послѣднія раскрывать», въ перемежку съ залихватскимъ гономъ, угощеніе собственной водкой, пересыпанное издѣвательствами и угрозами, совмѣстное пьяное пѣніе жалобныхъ псалмовъ—все это не сливается въ одно кошмарное впечатлѣніе, а воспринимается раздѣльно, съ полной отчетливостью, да еще въ поэтической рамкѣ «весенняго» вечера, ворвавшагося въ избу когда нищій, по приказанію мужика, распахнулъ окно.

«Свѣжо, хорошо запахло полемъ. Поле было уже совсѣмъ темно, мутно-розовая заря потухла, чуть рѣяла надъ мягкой тьмой его, тихаго, счастливаго, оплодотвореннаго. Слышно было, какъ допѣвали свои самыя послѣднія пѣсни полусонные жаворонки».

И сама катастрофа воспринимается тоже раздѣльно, отчетливо—она передана авторомъ въ обычныхъ спокойныхъ, точныхъ словахъ, безъ аффектаціи: самое страшное—за словами. «Размахнувшись лѣвой рукой и поймавъ нищаго за шею, мужикъ крѣпко ударилъ его въ откачнувшееся лицо холоднымъ камнемъ. Нищій рванулся назадъ и, падая, задѣвая лаптемъ столъ, стукнулся затылкомъ объ лавку, потомъ объ полъ. И, навалившись на него, мужикъ сталъ яростно, сдавивъ въ груди дыханіе, перебивать ему камнемъ горло».

Ослабляется впечатлѣніе отъ страшнаго разсказа только раціоналистически—тѣмъ сознаніемъ, что бунинская жестокая «правда», еще въ большей степени, чѣмъ зайцевская—уже правда вчерашняго дня. Тутъ не настроенія, не психологическія перемѣны, а неопровержимые факты—геологическій переворотъ въ деревенской почвѣ. Всѣхъ чудесъ—перемѣнъ, которыя должны возникнуть въ деревенской жизни послѣ изгнанія изъ нея главнаго врага, казавшагося непобѣдимымъ, ненасытнаго Зеленаго Змія, невозможно предвидѣть. Но нельзя не замѣчать, какъ эта старая «водочная» деревня таетъ на глазахъ, преображается.

«— Не будетъ его (вина), другіе люди пойдутъ! Наши дѣти, если Господь дастъ, ничего ужъ того, что мы терпѣли, видѣли, не увидятъ... пьяницами не будутъ... имъ ужъ чудно, за сказку станетъ казаться, какъ мы-то жили»...

Такъ разсуждаютъ нынѣшніе крестьяне у безыскусственнаго «народнаго писателя» Подъячева, который хорошо знаетъ деревню, ибо самъ онъ изъ нея вышелъ [1]).

---

[1]) Разсказъ С. Подъячева „Обыденное“ въ „Ежемѣсячномъ журналѣ“, В. С. Миролюбова, 1914 г., № 11 и 12.

До «художественности» очеркамъ Подъячева далеко, уже потому, что они слишкомъ торопливы. Но написаны они сильно и талантливо, съ той неотразимой правдивостью, которая рождаетъ особенную эмоцію, не уступающую художественной.

Наблюденія Подъячева надъ прежней пьянствующей деревней сходятся съ бунинскими. Родственны и чувства, которыя она возбуждаетъ въ этихъ писателяхъ, хотя источникъ ихъ и различенъ. Подъячевъ бичуетъ деревню не съ брезгливостью чуткаго, но посторонняго наблюдателя, а какъ сынъ, измучившійся около нея, всячески изголодавшійся, проклинающій ее. Нѣтъ той горькой истины, того оскорбленія, которыя этотъ строптивый, вполнѣ современный сынъ не бросилъ бы въ лицо своей несчастной матери; но, когда онъ это дѣлаетъ, у него сердце исходитъ болью. Чувствуется, какъ жадно онъ ищетъ свѣтлыхъ точекъ въ темномъ царствѣ, признаковъ возрожденія...

«Стилизованная» деревня Бунина, какъ отраженіе вчерашняго дня, вполнѣ совпадаетъ съ «реальной» деревней Подъячева. Эта прошлая деревня напоминаетъ о себѣ и сейчасъ, когда уже началось возрожденіе. Развѣ не ея призракъ видимъ мы въ той колоритной сценѣ въ «Обыденномъ» у Подъячева, гдѣ баба въ наивной темнотѣ войну славитъ за то, что у нея мужа-пропойцу взяли и пособіе семьѣ назначили? Объ одномъ только эта осиротѣлая жена и тревожится: кабы его, за негодностью, не вернули...

«— Пригонютъ, спаси Царица Небесная, назадъ, что я стану дѣлать? Давать тогда не будутъ, а съ нимъ мученье одно... разоръ... Погубилъ онъ меня, мошенникъ... Всю кровь изъ меня выпилъ. Войну эту Господь, знать, надо мной сжалился, послалъ... Дай-то Господи, молю и день, и ночь Царицу Небесную, не пришелъ бы!»

Другая баба, жена портного, у которой такого «кормильца», дѣйствительно, «пригнали» обратно, день и ночь осыпаетъ его упреками, а тотъ, съ наивностью, оправдывается:—Дура, чортъ, да я-то тутъ при чемъ? Нешто я причиненъ въ этомъ?

Но зато, какъ ярки неожиданные просвѣты въ этой, еще недавно сплошной, тьмѣ! Тамъ, гдѣ прежде всѣ деньги уходили въ «казенку», выписывается газета и, вмѣсто компанейскаго пьянства, собираются вокругъ чайнаго стола для чтенія и дѣловитыхъ бесѣдъ... сочувственно обсуждается реформа, толкуютъ о свѣтломъ будущемъ дѣтей... Въ журналѣ В. С. Миролюбова хорошо подобранъ матеріалъ, рисующій эти просвѣты на почвѣ «отрезвленія».

Чтобы изобразить эту новую деревню, самому художнику нужны новые глаза, новыя краски.

Разсказъ молодого писателя К. Тренева: «Мокрая балка», напечатанный въ сборникѣ «Слово», тоже посвященъ деревнѣ. Но тутъ деревня совсѣмъ особенная—романтическая, изображаемая хотя и правдиво, съ большою наглядностью, но добродушно, съ юморомъ, безъ всякаго трагизма. Разница обусловлена, съ одной стороны, тоже принадлежностью автора къ болѣе молодому поколѣнію, съ другой—его малорусскимъ происхожденіемъ. Въ томъ ласковомъ взглядѣ на міръ съ искорками тонкаго безобиднаго юмора, который присущъ Треневу, есть что-то короленковское. Авторъ, въ передачѣ мужичьихъ разговоровъ, немного злоупотребляетъ малорусскимъ языкомъ, не приспособляя его къ пониманію читателей-великороссовъ, поэтому не всѣмъ доступна соль разсказа, а между тѣмъ, юморъ у него безподобный, истинно-украинскій, заставляющій надрываться отъ смѣха, и поэтичный. Авторъ хорошо улавливаетъ комизмъ положеній и въ маломъ, и въ большомъ, обнаруживая его умѣло, съ большимъ чувствомъ мѣры, поэтому серьезность его разсказа нисколько не проигрывается. Треневъ знаетъ крестьянскій бытъ и рисуетъ его конкретно, колоритно и характерно. Въ его разсказахъ много чисто-южнаго движенія, свѣта и ласковой теплоты. Герои разсказовъ, мужики, и старые и молодые—совсѣмъ живые и типичные. Бабы же—нѣсколько дѣланныя. Одна изъ нихъ, мечтательная Ганна, со своей сантиментальной любовью къ маляру, особенно искусственна, напоминаетъ тѣхъ «молодыць», которыя изображаются въ старинныхъ украинскихъ драмахъ и опереттахъ. (Напр., на стр. 201 мы читаемъ, какъ эта Ганна, убѣжавъ ночью, во время драки мужиковъ, изъ дому къ пруду, «остановилась подъ уснувшими вербами: не знала, бѣжать ли дальше или броситься въ прудъ, такой, такой тихій, ласковый при мѣсяцѣ»...) Весь этотъ романъ, вообще, не въ деревенскомъ стилѣ. Неправдоподобно и эксцентричное отправленіе Ганны на богомолье, безъ всякихъ сборовъ—«въ чемъ была»—и безъ спросу у старшихъ!

У Тренева изображается старая, пьющая деревня, въ которой ни одно дѣло не устраивалось безъ «могорыча», ни одинъ праздникъ не обходился безъ попойки, сопровождающейся руганью, ссорами и драками. Сквозь авторскую идеализацію и добродушный юморъ и у Тренева проглядываетъ та же суровая правда деревенской жизни, которая такъ потрясаетъ у Бунина. Изображаемые имъ нравы тоже не отличаются мягкостью.

«У Качки тоже были гости. Но вышелъ ночью скандалъ: зять Василь, напившись, сталъ считаться и требовать у дѣда лошадь въ приданное. Разгнѣванный отказомъ, выбѣжалъ во дворъ, къ яслямъ, гдѣ стояли лошади, и, схвативъ дрюкъ, двумя ударами убилъ Була-

наго. Тогда Хома съ ревомъ подмялъ его подъ себя, такъ что съ трудомъ стащили. А Василя только къ разсвѣту отлили водой».

«Мокрая балка» гораздо удачнѣе прежнихъ произведеній молодого автора, собранныхъ имъ въ только-что вышедшей книжкѣ [1]). Этотъ послѣдній разсказъ говоритъ не только о новомъ яркомъ талантѣ, свѣжемъ и привлекательномъ, а и о быстромъ ростѣ его. Въ болѣе раннемъ творчествѣ Тренева нѣтъ той увѣренности кисти и изобразительной стройности, которыми отличается «Мокрая балка». Всѣ эти ранніе очерки и этюды написаны несовсѣмъ ровно и очень растянуты. Зато сборникъ даетъ болѣе полное представленіе о внутренней физіономіи новаго писателя. По прочтеніи такой интересной, въ психологическомъ отношеніи, вещи, какъ «Владыка», дѣлается яснымъ, что передъ нами своеобразный художникъ, не только остро воспринимающій жизнь, но и задумывающійся надъ ней—съ благородной душевной тревогой и моральной чуткостью. Но есть въ сборникѣ и совсѣмъ слабая «Любовь Бориса Николаевича», показывающая, что до зрѣлости даровитому автору еще далеко.

Какъ будто бы особнякомъ стоитъ отъ другихъ произведеній, помѣщенныхъ въ «Словѣ», а, въ сущности, вполнѣ съ ними гармонируетъ интересная повѣсть Яблочкова: «Въ плѣну», захватывающая своимъ свѣжимъ, большимъ душевнымъ содержаніемъ и жизненнымъ драматизмомъ.

По внѣшнему мастерству, эта повѣсть не можетъ соперничать со своими изысканными сосѣдями по сборнику. Она кажется простоватой, какъ человѣкъ, попавшій въ домашнемъ платьѣ, средь нарядныхъ гостей, на балъ. Она недостаточно отдѣлана, даже для того безпретенціознаго стиля, который выбранъ авторомъ; не всѣ ея фигуры выписаны съ одинаковой тщательностью между прочимъ, и внѣшній обликъ главной героини не отличается выразительностью, мало конкретенъ; нѣкоторые психологическіе моменты нуждаются въ большей обоснованности и пр. Но въ повѣсти обильно бьетъ тотъ родникъ творческаго вдохновенія, который доставляетъ читателю высшую художественную радость.

Героиня повѣсти—простая женщина, Ольга Семеновна (какъ величаютъ ее всѣ за ея корректность и почтенность, несмотря на молодость). Это на первыхъ порахъ немного расхолаживаетъ, заставляетъ держаться на-сторожѣ и опасаться обычнаго «обсахариванія» простыхъ людей, тѣмъ болѣе, что съ первыхъ страницъ ясна

---

[1]) К. Треневъ. Владыка. Разсказы. М. Изд-во писателей. 1915 г.

серьезность поставленной себѣ авторомъ психологической задачи. Но постепенно разсказъ увлекаетъ, опасенія разсѣиваются. Съ героини словно спадаетъ ея внѣшняя оболочка. Вопросъ о ея бытовомъ правдоподобіи совсѣмъ стушевывается (хотя бытовой колоритъ и выдержанъ авторомъ). Передъ нами только обнаженная человѣческая душа, исключительная, особенная и притомъ характерно-женская, русская—въ ея лучшихъ праздничныхъ переживаніяхъ.

Такія души, «изъ лучшаго эѳира», съ ихъ природнымъ стремленіемъ къ возвышенному, къ добродѣтели, къ святости, всегда и вездѣ возможны; имъ тяжело и скучно въ грѣшномъ мірѣ; чаще всего онѣ уходятъ въ монастырь, посвящаютъ себя какому-нибудь подвигу. Но у Ольги Семеновны эта особенная душевная организація осложнялась необычайной бурностью и страстностью натуры. Подъ наружнымъ спокойствіемъ въ ней клокотала лава; во всѣ свои дѣла и влеченія она вносила неистовство и жажду всеисчерпывающей полноты, цѣльности. Какъ бы она ни отворачивалась отъ впечатлѣній жизни, она не оставалась къ нимъ равнодушною. При такихъ условіяхъ «мірская» жизнь неизбѣжно должна была ранить ея святую душу и взять «въ плѣнъ».

Авторъ хорошо оттѣнилъ органическую чистоту и внутреннюю религіозность героини на фонѣ шаблонной традиціонной набожности, со всѣми ея предразсудками, темными представленіями о грѣхѣ, о власти дьявола и т. п.

Съ дѣтства она мечтала о служеніи Богу и изъ родной семьи вынесла прочное религіозное чувство (на нее оказалъ вліяніе примѣръ тетки-«старицы»); въ монастырь она не попала по случайнымъ причинамъ, да едва-ли монастырь и удовлетворилъ бы ея широкимъ требованіямъ. «Богъ вездѣ, а въ монастырѣ тоже, говорятъ, грѣха много»... разсуждала она впослѣдствіи. Она не довольствуется посѣщеніемъ церкви, ей нужны тѣсное, индивидуальное общеніе съ Богомъ, домашняя молитва, изступленіе, вериги; у нея собственный культъ Божіей Матери, предметъ ея особенной, «нѣжной любви» и «обожанія».

«Плѣнъ» былъ неожиданный и вполнѣ реальный. Ольга Семеновна влюбилась въ городового Кузьму, защитившаго ее на базарѣ отъ хулигановъ. Любовь ея сразу приняла характеръ непреодолимой страсти. Однако, сама, по своей волѣ, Ольга Семеновна не отдалась бы грѣху, не попала бы въ плѣнъ. Кузьма взялъ ее хитростью, чуть не силой. Тогда-то и закипѣла мятежная борьба, полная истиннаго драматизма.

Ольга Семеновна извелась совсѣмъ. Она безумствовала. Одинъ разъ, чуть не зарѣзала Кузьму; чуть сама не удавилась. Собствен-

ными силами изъ заколдованнаго круга ей ни за что бы не выбраться. Но помогла ея церковная знакомая—старушка, которая повела ее за совѣтомъ и утѣшеніемъ къ почтенному иноку-старцу (напоминающему Зосиму Достоевскаго). Совѣтъ старца былъ мудрымъ и при томъ свѣтскимъ: въ любви нѣтъ грѣха; если Ольга Семеновна любитъ Кузьму, то и должна жить съ нимъ, какъ жена. А за сомнѣніе въ благости Божьей онъ наложилъ на нее эпитимію: она должна съѣздить въ Валаамскій монастырь и отбить тамъ тысячу поклоновъ.

Эта поѣздка—одно изъ самыхъ интересныхъ въ психологическомъ отношеніи мѣстъ повѣсти, гдѣ всего ярче обнаруживается природа героини. Когда она съ восторгомъ отдается созерцанію «божественной» красоты невиданныхъ дикихъ мѣстъ, монастырскаго уединенія, то дѣлается яснымъ, что родина ея души именно здѣсь, а все прочее было лишь «плѣнъ». Она, вернувшись, конечно, исполнитъ совѣтъ старца о жизни въ мірѣ, но предпочла бы совсѣмъ туда не возвращаться. «Господи! Такъ бы вотъ и прожить всю жизнь!»—восклицаетъ она.

«Ей казалось, что не надо ей больше ничего, а надо только уйти вотъ въ такую же пустынь и до конца дней молиться и наслаждаться красотой»... «Она провела на Валаамѣ недѣлю, забывъ все, охваченная непрерывнымъ восторгомъ, оторвавшись отъ прошлой жизни, которая только изрѣдка вспоминалась ей, какъ черный и страшный сонъ. И когда ѣхала назадъ, то все—и скалы, и храмы, и скиты, и лѣсъ, и озеро, и дикіе утесы, и бѣлки—все это, слившись, звучало въ ея душѣ, какъ никогда неслыханная, торжественная музыка».

Тотъ фактъ, что героиня Яблочкова, *простая женщина*, отклонила законный бракъ съ Кузьмой и (будто бы въ наказаніе себѣ, за грѣхъ) рѣшила обречь себя на свободное сожительство съ нимъ—нѣкоторая натяжка, одинъ изъ тѣхъ слабыхъ пунктовъ повѣсти, которые нуждаются въ обоснованіи. Къ сожалѣнію, авторъ именно на этой случайности строитъ всю дальнѣйшую драму, закончившуюся катастрофой, хотя для такого трагическаго финала есть достаточно внутреннихъ причинъ.

Союзъ съ Кузьмой (законный или незаконный, все равно) естественно долженъ былъ не смягчить, а обострить драму героини. Кузьма ей внутренно ненуженъ и любовь къ нему—только плѣнъ. Но, разъ онъ былъ съ нею, она не могла не любить его всѣми силами своей вулканической натуры, и пламя этой неистовой любви не угасало, а разгоралось отъ совмѣстной жизни. И тѣ высшіе запросы духа, которые шли въ разрѣзъ съ этой «грѣшной» любовью, тоже не гасли у Ольги Семеновны, а расширялись и укоренялись

требовали себѣ пищи. «Она точно раздѣлилась пополамъ»... Ольга Семеновна не принадлежала къ типу чеховской «душечки», у нея было собственное оригинальное содержаніе. Моленія и скитанія были ея органической потребностью. Они пробуждались въ ней стихійно, чаще всего весной, когда вся природа начинала жить усиленною жизнью, обновленными соками. Какъ только «вскрывалась Нева, и начинало ярко свѣтить солнце», ее охватывала тоска, вспоминались пережитыя свѣтлыя впечатлѣнія и снова тянуло на богомолье. Сами собой выростали преграды между ней и Кузьмой.

Послѣднія драматическія событія: измѣна Кузьмы (во время отсутствія Ольги Семеновны) и его женитьба на богатой вдовѣ, возвращеніе домой несчастной богомолки, ея изступленное отчаяніе, богохульство, попытка мести и, наконецъ, полное самоотреченіе и возвращеніе къ Богу—переданы авторомъ сильно, съ психологической послѣдовательностью.

Внутренней законченностью и округленностью разсказа произведеніе Яблочкова выдѣляется въ современной, по большей части, эпизодической литературѣ. По обстоятельности, широтѣ и полнотѣ содержанія эта повѣсть приближается къ роману.

Коротенькое талантливое произведеніе А. Толстого «Четыре вѣка» очень характерно для того схематизма, къ которому еще недавно стремилась молодая литература. На двадцати страничкахъ передъ нами промелькнули четыре поколѣнія, въ самыхъ общихъ, умышленно смутныхъ очертаніяхъ. Самъ по себѣ такой пріемъ интересенъ. По авторскому замыслу, такая схема должна замѣнять прежнія родословныя, которыя подробно излагались старыми бытописателями. Но она непремѣнно должна сохранять свой общій характеръ. Авторъ же «Четырехъ вѣковъ» суживаетъ свою схему, внося въ нее случайные, субъективные штрихи; стремясь къ опредѣленности, онъ смѣшиваетъ бытовыя и идеологическія черты. Поколѣніе «дѣдовъ» односторонне обобщено у него въ видѣ «крѣпостниковъ», «общественники»-дѣти тоже упрощены и слегка окаррикатурены—представлены ограниченными нигилистами-«дарвинистами», хотя и въ мученическомъ вѣнцѣ. Два послѣднія поколѣнія: переходное—«внуки», восьмидесятники, и скороспѣлые «правнуки» «изъ сѣмени бурь»,—болѣе удались автору. Эта молодежь («правнуки») у А. Толстого—всего интереснѣе. Для нея, очевидно, придумана и вся схема—чтобы показать ея родословную. Для старой дряхлѣющей прабабки («Пра», какъ ее называетъ, для краткости, дерзкая правнучка) это новое поколѣніе—непосильная загадка. И представи-

тельница третьяго (безцвѣтнаго) поколѣнія тоже безсильна передъ собственными дѣтьми, хотя и старается ихъ понять. Она жалуется бабушкѣ:—Я измучилась съ этими дѣтьми; просто, Словохотовъ хочетъ жениться на Гаянѣ; я объяснила, что нужно кончить гимназію и ему, и ей; ну, что я могу еще сказать? Гаяна отвѣтила вполнѣ резонно, что не я выхожу замужъ, а она, и поэтому она сама выберетъ себѣ мужа такого, какого хочетъ; я сказала, что она еще дѣвочка, она отвѣтила, что любить нужно молодымъ, а не старымъ; все это вѣрно, бабушка, я присматривалась—они всѣ очень смѣшныя, но смѣлыя и умныя дѣти».

Разсказъ А. Толстого, по темѣ, близокъ къ роману Ю. Слезкина: «Ольга Оргъ» [1]), гдѣ, съ юной непосредственностью, въ простой повѣствовательной формѣ колоритно изображено то же бунтарское, самоувѣренное поколѣніе скороспѣлокъ, полное жизненныхъ соковъ и молодого задора, покровительственно относящееся къ «отцамъ». Сходство впечатлѣній обоихъ авторовъ подтверждаетъ общую правдивость схемы, набросанной А. Толстымъ.

Разсказецъ Сургучева: «Пѣсни любви», съ внѣшней стороны, записанъ тщательно, пожалуй, даже компактнѣе и сочнѣе его прежнихъ разсказовъ; но онъ оставляетъ странное, какое-то экзотическое впечатлѣніе—и не только по своему «интернаціональному» сюжету (любовь молоденькой итальянки къ русскому, въ Италіи), а и по отсутствію серьезнаго литературнаго настроенія. Всего удачнѣе въ этой изящной бездѣлушкѣ ея итальянскій колоритъ. Въ тщательномъ букетномъ ассортиментѣ сборника она кажется лишней.

«Злободневный» разсказъ Вересаева: «Марья Петровна» тоньше обычныхъ разсказовъ на военныя темы, но проникающее его настроеніе скорѣе исключительно, чѣмъ характерно для текущаго момента, когда въ обществѣ преобладаютъ не отвлеченно-гуманныя, а довольно грубыя, но конкретныя чувства—тѣ «атавистическія» чувства, о которыхъ писалъ, ненавидя ихъ въ себѣ, Флоберъ во время французской войны. Эта вересаевская несчастная Марья Петровна, потерявшая на войнѣ сына и находящая утѣшеніе своему острому горю въ жалости къ его врагамъ, раненымъ плѣннымъ,—не типична. Въ разсказѣ не чувствуется того глубокого отстоявшагося настроенія, которое обыкновенно свойственно творчеству Вересаева.

Только-что появившаяся вторая часть книги Вересаева «Живая жизнь», озаглавленная «Аполлонъ и Діонисъ» (о Ницше), въ отношеніи общественныхъ настроеній уже является запоздавшей. А

[1]) Напечатанъ въ „Русской Мысли“ въ 1914 г., на-дняхъ выходитъ отдѣл. изд. въ П. Изд. Яснаго.

когда-то, въ своей повѣсти: «Къ жизни» онъ былъ ихъ піонеромъ Пока онъ углублялся въ себя и разрабатывалъ свой протестъ противъ убиванія въ себѣ нашей интеллигенціей инстинкта жизни, желательный для него поворотъ уже совершился, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ... Это, однако, не мѣшаетъ его книгѣ быть прекрасной книгой, хорошо продуманной и выношенной, написанной съ хрустальной искренностью и всегда полезной. Она всего интереснѣе въ той своей части, гдѣ авторъ подвергаетъ критикѣ ліонисіевскій культъ Ницше, какъ совершенно несоотвѣтствующій дегенератской природѣ этого философа, столько лѣтъ царившаго въ мысляхъ нашихъ «индивидуалистовъ» и бывшаго для нихъ олицетвореніемъ здоровья.

Среди литературныхъ новинокъ выдѣляется пятый томъ соч. Ив. Шмелева, интересный какъ самъ по себѣ, такъ и по отношенію къ тому общему процессу, который въ послѣднее время наблюдается въ литературѣ.

Эти разсказы гораздо живѣе и удачнѣе прежнихъ, особенно тѣхъ, которые помѣщены были въ предпослѣдней книжкѣ,—четвертомъ томѣ, и удручали искусственностью и надуманностью («Стѣна», «Пугливая тишина» и др.).

Новые разсказы написаны съ той же внутренней непосредственностью и внѣшней выпуклостью, что́ и его, обратившій общее вниманіе, «Человѣкъ изъ ресторана». Шмелевъ, послѣ довольно долгаго блужданія по разнымъ путямъ и перепутьямъ, какъ бы снова нашелъ себя, вернулся въ ту область, гдѣ онъ чувствуетъ себя всего прочнѣе и свободнѣе: къ психологіи простыхъ душъ, «нутряныхъ», близкихъ къ природѣ людей.

Яркій, полный живыхъ солнечныхъ красокъ и движенія разсказъ: «Виноградъ»—новый шедевръ Шмелева. Изображаются переживанія повара, горничной и лакея, отправившихся изъ Москвы на лѣто служить въ крымскомъ пансіонѣ. Тутъ все—правда, все—жизнь, переданная картинно и пластично. Въ несложной психологіи своихъ героевъ авторъ сумѣлъ оттѣнить общечеловѣческое, сдѣлать ее для всѣхъ интересной. Даже тотъ умышленно грубоватый (стильный) колоритъ, съ которымъ онъ передаетъ новыя захватывающія впечатлѣнія своихъ путешественниковъ отъ крымской природы, ничуть не мѣшаетъ воспринимать ея красоту, не расхолаживаетъ юмористическими нотками, а напротивъ, волнуетъ, тревожитъ что-то собственное—пережитое, свои первыя впечатлѣнія.

«Съ перевала увидали вдругъ внизу—синее...

«Такъ вотъ оно какое, море!..

«Ибрагимъ возился у колеса, подкладывалъ желѣзный тормозъ. А они глядѣли въ нежданно-открывшуюся имъ огромную дверь.

«Вотъ оно какое... Господи, да какое-жъ оно синее, большое!.. И кто его такъ засинилъ и чѣмъ засинилъ?!

«Синее...

«— Во-отъ! — сказалъ Василій и засмѣялся. — Вотъ замѣчательно!

«— Какое... Ма-а-тушки!

«Только и сказала Саша. Смотрѣли безъ словъ. И отозвалось въ ней, чуть-чуть знакомое, какъ будто такое похожее цвѣтомъ,— синька въ корытѣ... А глаза жадно вбирали это новое и знакомое, это безкрайнее корыто съ синькой.

«— А ужъ и кручъ!—сказалъ, тряхнувъ головой, поваръ.

«И горы рядомъ—влѣво горы, вправо горы, высокія, никогда не въѣдешь на нихъ. И снѣга по щелямъ, сверкающіе, какъ вымытое бѣлье.

«Винтами и петлями побѣжала внизъ бѣлая дорога на синее море, а оно яснѣло и вливалось въ глаза. Влилось,—и никогда не уйдетъ теперь, хоть потеряй глаза, хоть уткнись въ темный уголъ на весь вѣкъ свой».

Въ художественномъ отношеніи, пожалуй, еще интереснѣе другой разсказъ въ сборникѣ Шмелева: «Розстани», не такой непосредственный, но за то болѣе зрѣлый. Каждая изъ тщательно вырисованныхъ фигуръ этого разсказа говоритъ о большомъ интересѣ автора къ жизни и о его любви къ своему мастерству; разсказъ насквозь пропитанъ теплomъ, той «солнечной правдой», въ которой авторъ окончательно утвердился. Особенно любопытенъ крѣпышъ-дѣдъ, не уставшій жить и все еще, весною, сажая подсолнухи, гадающій о томъ, какъ они взойдутъ и сколько ему еще лѣтъ жить: три... семь... или больше.

Одновременно съ разсказами Шмелева вышли сборники—Телешова: «Золотая осень» и Серафимовича: «Сухое море», интересные и литературные, но ничего новаго къ физіономіи этихъ авторовъ не прибавляющіе [1]).

---

[1]) Сборникъ Бунина „Чаша жизни“ (Моск. изд-во писателей) вышелъ уже послѣ того, какъ моя статья была написана. Поэтому я не могла включить въ свой обзоръ этой выдающейся новинки, которая и сама по себѣ интересна, и была бы весьма цѣнна для моей задачи.

Е. К.

Обильна и разнообразна та литература, которая возникла на почвѣ начавшагося сліянія двухъ теченій—стараго и новаго... Ей недостаетъ еще прочной спаянности и цѣльности, можетъ быть, и устойчивости; ей придется еще преодолѣть не одну «грань»—не только теперь, а и въ будущемъ. Но все же общій обликъ ея отличается уже достаточною опредѣленностью. Своеобразіе отдѣльныхъ писательскихъ индивидуальностей не мѣшаетъ этой опредѣленности, а, напротивъ, содѣйствуетъ полнотѣ ея выраженія. Въ общей физіономіи новой литературы теперь уже нетрудно разглядѣть тѣ черты, которыя роднятъ ее со старой литературой: исключительную моральную широту и чуткость къ высокимъ запросамъ духа, а также органическую правдивость въ изображеніи жизни.

Дальнѣйшее, болѣе прочное пріобщеніе «молодой» литературы къ старому руслу упразднитъ самый вопросъ о еретическомъ новаторствѣ (новаторство будетъ совершаться вполнѣ эволюціонно, безъ скачковъ и мучительныхъ разрывовъ съ прошлымъ, ни въ комъ не вызывая протеста), исчезнетъ и много праздныхъ вопросовъ, тормозящихъ писательское развитіе, напр. вопросъ о «формѣ», какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ содержанія произведенія, о «реализмѣ» и «символизмѣ» въ искусствѣ и пр. Облегчится для писателя возможность найти себя, и это будетъ содѣйствовать расцвѣту литературы.

Е. Колтоновская.

ИЗЪ АМЕРИКИ.

Въ картинѣ міра, охваченнаго бурею, не достанетъ, быть можетъ, значительной полосы, если не дать, хотя бы въ краткихъ и основныхъ чертахъ, характеристики современныхъ переживаній въ Новомъ Свѣтѣ. Отдѣленная отъ Европы великимъ Атлантическимъ океаномъ, Америка все же живо чувствуетъ несчастіе, постигшее европейскія страны. Для нея война—не академическая проблема, на которую можно откликнуться тѣми или иными сужденіями логическаго или моральнаго свойства. Война живо и непосредственно отразилась на всѣхъ сторонахъ американской жизни и создаетъ для нея своего рода «похмелье въ чужомъ пиру».

Но достаточно перелистать хотя бы издающіяся въ Вашингтонѣ «Dayly consular and trade reports», чтобы убѣдиться, съ какой энергіей и поспѣшностью работаютъ теперь рѣшительно во всѣхъ странахъ американскіе торговые агенты. По мѣрѣ того, какъ германскія полчища отступаютъ со своихъ позицій передъ единодушно противъ милитаризма возставшими европейскими націями, опредѣленнѣе и яснѣе вырисовывается вопросъ, кому быть наслѣдникомъ Германіи на міровомъ рынкѣ. И подъ грохотъ орудій и шумъ возставшихъ стихій, энергичные, настойчивые янки дѣлаютъ повсюду поспѣшно и увѣренно свое дѣло. Непрерывно, изъ самыхъ различныхъ концовъ земли, въ Вашингтонъ стекаются сообщенія, какіе товары, гдѣ, въ какомъ количествѣ и на какихъ условіяхъ могли бы теперь пойти. Эти сообщенія быстро распредѣляются по соотвѣтствующимъ промышленнымъ организаціямъ, и нити, связующія Новый Свѣтъ съ Европой, множатся и растутъ съ каждымъ днемъ. Послѣдствія этого могутъ въ свое время сильно и плодотворно сказаться на промышленной жизни Америки.

Какъ извѣстно, однако, скоро лишь «сказка сказывается», а дѣло, и въ особенности такое большое дѣло, дѣлается лишь исподволь и медленно. Уже больше мѣсяца тому назадъ, напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ образовалась Русско-Американская Торговая Палата. Съ дѣятелями ея автору этихъ строкъ приходилось встрѣчаться и бесѣдовать. Работа идетъ очень успѣшно, и развитіе въ будущемъ русско-американскихъ промышленныхъ отношеній почти несомнѣнно. Но пока-что налаживается еще сложный и громоздкій механизмъ этихъ отношеній. Проектируется устройство русско-американскаго банка, такъ какъ безъ организаціи кредита въ этомъ дѣлѣ не двинешься ни на шагъ. Собираются свѣдѣнія о русскомъ и американскомъ рынкѣ, о спросѣ и предложеніи, намѣчается выпускъ періодическихъ изданій на русскомъ и англійскомъ языкѣ, въ которыхъ обѣ заинтересованныя стороны могли бы найти для себя всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Возможно, слѣдовательно, что только-что наступившій 1915 г. пройдетъ для Америки подъ знакомъ успѣха. Американское золото и американскіе продукты, быть можетъ, будутъ призваны залѣчивать раны въ европейскомъ хозяйствѣ; но «улита ѣдетъ, когда-то будетъ»...

Только-что на-дняхъ вышелъ ноябрьскій номеръ оффиціальнаго изданія «Monthly Summary of Commerce and Finance of the United States». Имѣются, слѣдовательно, детальныя свѣдѣнія объ американскомъ хозяйствѣ уже за четыре первыхъ мѣсяца войны. Въ журналѣ общаго характера не приходится, конечно, касаться частностей; но нѣкоторые, основные моменты въ этомъ вопросѣ, быть можетъ, все же будутъ небезынтересны для читателей.

Первый мѣсяцъ войны,—августъ,—былъ, естественно, мѣсяцемъ паники во внѣшней торговлѣ С. Штатовъ. Экспортъ понизился, въ круглыхъ цифрахъ, на 44 милліона долларовъ, по сравненію съ іюлемъ, и на 77 милліоновъ, по сравненію съ вывозомъ за августъ въ предшествующемъ, 1913 году. Начиная съ сентября, сумма американскаго вывоза непрерывно растетъ, и послѣдовательныя цифры за сентябрь, октябрь и ноябрь 1914 г. 156 мил., 195 мил. и 206 мил.

Приглядываясь ближе къ содержанію этихъ цыфръ, мы замѣчаемъ, что ростъ ихъ, главнымъ образомъ, построенъ на ростѣ вывоза пищевыхъ продуктовъ въ воюющія страны,—кромѣ Германіи, конечно, такъ какъ она совершенно потеряла контроль надъ океаномъ. Вывозъ пищевыхъ продуктовъ возросъ и непосредственно въ своей суммѣ и относительно, въ общей суммѣ вывоза. За три мѣсяца, съ сентября по ноябрь, въ 1913 г. на долю пищевыхъ продуктовъ приходилось, въ среднемъ, лишь 8,2%, а въ 1914 г., соотвѣтственно, 18,6%. Сумма вывоза этихъ продуктовъ за три мѣсяца въ 1913 г. равнялась 118.913.904 долл., а въ 1914 году—215.175.764 долл. Разница, слѣдовательно, равняется 96.261.860.

Но если уже за первые мѣсяцы войны столь сильно преуспѣли фирмы, занятыя производствомъ пищевыхъ продуктовъ,—знаменитыя чикагскія бойни и мясныя фирмы, напримѣръ, заняты теперь и днемъ и ночью, заготовляя мясо и консервы для воюющихъ странъ,—зато имѣются и потерпѣвшіе: потерпѣли прежде всего производители сырья. Вывозъ сырья изъ Америки за три мѣсяца войны, съ сентября по ноябрь, въ круглыхъ цифрахъ понизился на 234 милл. долл. Львиная доля въ этомъ ущербѣ пришлась на долю хлопка. За 11 мѣсяцевъ, кончая ноябремъ, въ 1913 г. его было вывезено изъ Америки на 493.542.154 долл., а 1914 году—всего лишь на 294.554.185 долл. Получается весьма чувствительная, чтобы не сказать болѣе, разница въ 198.987.969 долл. Небезынтересно отмѣтить, что до войны, за семь мѣсяцевъ, кончая іюлемъ, вывозъ хлопка изъ Америки въ 1914 г. превышалъ даже на 34.545.703 долл. вывозъ хлопка за соотвѣтствующій періодъ въ 1913 г. Война, слѣдовательно, наказала американскихъ экспортеровъ хлопка, за первые четыре мѣсяца, на 233.533.672 долл. Одна только Германія, въ прошломъ году за это время купившая американскаго хлопка почти на 100 милл., теперь, вслѣдствіе отрѣзанности, не купила почти ничего.

При всемъ желаніи, очевидно, ни одна изъ современныхъ культурныхъ странъ не можетъ остаться вполнѣ «нейтральной» въ такомъ конфликтѣ. Страна можетъ, конечно, безукоризненно выдерживать эту позицію въ смыслѣ международно-правовомъ; но по существу ей приходится и помогать какой-либо изъ воюющихъ сторонъ и нести

свою долю ущерба въ общемъ міровомъ несчастіи. Позиція С. Штатовъ въ европейскомъ конфликтѣ въ этомъ смыслѣ воистину замѣчательна. Съ одной стороны, конечно, нейтралитетъ; и никто не рѣшится высказать что-либо въ смыслѣ невыдержанности этой оффиціальной американской позиціи; съ другой стороны, вслѣдствіе потери Германіей контроля надъ моремъ, Америка снабжаетъ съѣстными и военными матеріалами только союзниковъ, противниковъ Германіи. Правда, германцы въ Америкѣ подняли по этому поводу большой шумъ, и, подъ вліяніемъ ихъ агитаціи, уже внесенъ въ конгрессъ билль о запрещеніи вывоза всякихъ продуктовъ, дающихъ возможность воюющимъ продолжать свое дѣло. Но у этой агитаціи и у этого билля, конечно, лишь видимость благородной защиты истиннаго нейтралитета. Съ точки зрѣнія международно-правовой,— а только на этой точкѣ зрѣнія можетъ стоять современное государство, — нейтралитетъ заключается въ одинаково дружескомъ отношеніи къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ и готовности съ обѣими вести и дипломатическія, и торговыя, и всякія иныя сношенія. Нейтральная страна имѣетъ неоспоримое право вести съ воюющими всякія торговыя сношенія и продавать рѣшительно все, что̀ можетъ служить предметомъ торговли въ мирное время. Американская печать, обсуждая подъ вліяніемъ германской агитаціи внесенный билль и высказываясь рѣшительно про̀тивъ него, вспоминаетъ небезынтересный фактъ. Во время американо-испанской войны, Америка получала для себя военные припасы изъ Германіи. Переправлялись они черезъ Антверпенъ. И это не вызывало никакихъ возраженій ни со стороны Испаніи, ни со стороны германскаго правительства, которое открыто сочувствовало Испаніи, ни со стороны бельгійскаго правительства, которое сохраняло строгій нейтралитетъ. Вашингтонское правительство, въ своемъ обращеніи къ американскимъ гражданамъ 15-го ноября 1914 г. о правѣ продавать воюющимъ правительствамъ и ихъ агентамъ рѣшительно все, что̀ можетъ служить предметомъ торговли, хотя бы это и служило непосредственно цѣлямъ войны, объявляло буквально слѣдующее: «Конечно, военные припасы, за предѣлами нейтральной зоны, разсматриваются, какъ контрабанда, и подлежатъ конфискаціи со стороны непріятеля покупающей страны. Но это уже *его*[1]) обязанность позаботиться о томъ, чтобы купленные припасы не достигали мѣстъ своего назначенія, а не обязанность націи, граждане которой продали ихъ. И если такъ случилось, что непріятель покупающей стороны лишенъ бы былъ способности сдѣлать это, такъ это для

1) Курсивъ мой. А. З.

него одно изъ злоключеній всегда возможныхъ въ войнѣ. Такое обстоятельство вовсе не налагаетъ на правительство нейтральной страны обязанность предупредить продажу». Эту же точку зрѣнія на дняхъ подробно развилъ Брайанъ въ оффиціальномъ письмѣ на имя сенатора Стона.

Разсуждая и иронизируя по поводу билля, нью-іоркскій «Times» пишетъ: «Мы можемъ понять нашихъ германо-американскихъ друзей, которые горюютъ по поводу того, что покупка и экспортъ военныхъ припасовъ приходятся всецѣло на долю союзниковъ въ то время, какъ Германія, вслѣдствіе потери контроля надъ моремъ, не въ состояніи всѣмъ этимъ воспользоваться. Если бы мы, продавая союзникамъ, отказывались продавать и Германіи, германо-американцы имѣли бы большое основаніе для жалобъ. Это было бы, дѣйствительно, нарушеніемъ нейтралитета. Но вѣдь мы готовы продавать и Германіи, если только она въ состояніи заплатить и увезти себѣ свои товары».

Безукоризненная съ точки зрѣнія международнаго права, вполнѣ въ этомъ смыслѣ нейтральная позиція С. Штатовъ, конечно, по существу дѣла представляетъ все же весьма большое и моральное и матеріальное участіе въ европейскомъ конфликтѣ, притомъ, вполнѣ опредѣленно, на одной изъ воюющихъ сторонъ. Америка такъ же «не принимаетъ участія» въ европейской трагедіи, какъ машинистъ, смазывающій машину, будто бы не принимаетъ участія въ ея работѣ. По этому поводу можно, конечно, высказать безсчетное количество самыхъ благородныхъ моральныхъ сужденій; но дѣлу это врядъ ли хоть сколько-нибудь поможетъ. Роковой историческій парадоксъ нашихъ дней въ томъ и заключается, что и ужаснѣйшее изъ міровыхъ столкновеній происходитъ какъ разъ въ дни наибольшей экономической и культурной спаянности человѣчества. Въ кровавую распрю вовлечены всѣ; и жаромъ происходящихъ въ Европѣ битвъ овѣяна даже Америка. Ея демократическая культура,—учительница и родная сестра европейской демократіи,—съ симпатіей склоняется передъ героической борьбой европейскихъ народовъ съ чудовищемъ воинствующаго милитаризма. Ея развитая промышленность, тысячами нитей связанная съ европейской, проводитъ сюда и здѣсь отражаетъ столкновенія европейскихъ стихій.

Какія бы блестящія перспективы ни открывались передъ ней въ будущемъ,—я вѣрю въ нихъ,—сейчасъ это во всякомъ случаѣ захваченная общимъ міровымъ несчастіемъ страна. Блескъ ея вульгарной роскоши, крикливость ея техническихъ сооруженій, гремящіе по всему міру подвиги ея сказочныхъ милліардеровъ скрываютъ отъ насъ ея темныя стороны. Мы уже видѣли, что за одиннадцать мѣся-

цевъ, кончая ноябремъ, американскій экспортъ въ 1914 году значительно понизился, въ сравненіи съ соотвѣтствующимъ періодомъ за 1913 годъ, но надо замѣтить, что и до начала войны Америка пребывала въ состояніи депрессіи. Прошлогодній кризисъ еще давалъ себя чувствовать, и безработица была велика до войны.

Нѣсколько цифръ, приводимыхъ американской прессой, въ состояніи иллюстрировать наше положеніе. Съ высоты птичьяго полета, Нью-Іоркъ богатъ, бурливъ и веселъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ, напримѣръ, для встрѣчи Новаго Года въ блестящихъ нью-іорскихъ ресторанахъ, по даннымъ «Times'a», собралось свыше 350.000 человѣкъ, которые въ общей сложности затратили на это веселіе свыше 4.000.000 дслл., т. е. около восьми милліоновъ рублей. Но вглядитесь попристальнѣе въ нью-іоркскую жизнь за этой шумихой, веселіемъ и потоками золота, передъ вами встанутъ страшные призраки совершенно исключительной нищеты. Въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ 562.700 безработныхъ, изъ которыхъ 125.000 женщинъ. Еще на дняхъ газеты сообщали, что на такъ называемомъ Истъ-Сайдѣ (East Side), въ самой бѣдной и запущенной части города, дѣвушки и женщины набираются «предпринимателями» по 10—25 долларовъ каждая. Когда полиція подослала къ нимъ своихъ «детективовъ», послѣдніе получили предложеніе пріобрѣсти дѣвушку за 25 долларовъ. По сообщенію нью-іоркскаго городского ночлежнаго дома, въ богатѣйшемъ въ мірѣ городѣ сейчасъ имѣется свыше 10.000 людей, у которыхъ не только нѣтъ ночлега, но чѣтъ и десяти центовъ, чтобы переночевать въ ночлежкѣ. Десятки тысячъ здоровыхъ, честныхъ, привыкшихъ къ труду людей бродятъ теперь въ холодные дни и ночи, безъ хлѣба, безъ одежды.

Если обратиться къ другой американской столицѣ, къ Чикаго, и тамъ глаза встрѣтятъ ту же самую картину. На войнѣ, гдѣ гибнутъ сотни тысячъ людей, все это покрывается шумомъ битвъ, разгаромъ и азартомъ военныхъ увлеченій. Передъ народами раскрываются новыя, великія перспективы, и въ могучемъ «ура» даже будничное и себялюбивое сознаніе перерождается въ героизмъ. Но та трудовая Америка, о которой я говорю,—является жертвою самыхъ невыносимыхъ, безшумныхъ битвъ. Въ обстановкѣ обычной будничной жизни, безъ зарева пожаровъ, безъ трескотни ружей и пулеметовъ, безъ гула орудійной пальбы, ея жертвы, быть можетъ, особенно страшны.

Въ 1913 году, въ ноябрѣ, въ чикагскомъ городскомъ ночлежномъ домѣ спало 6.589 человѣкъ. Въ ноябрѣ 1914 года въ этомъ же домѣ искали убѣжища уже 64.819 человѣкъ. За первые 11 мѣсяцевъ 1913 г. въ городскомъ ночлежномъ домѣ спало 37.167 чел., а

за 11 мѣсяцевъ 1914 г.—335.169 человѣкъ. Для всѣхъ, стремящихся въ ночлежку, уже не хватаетъ мѣста. Въ началѣ декабря 1914 г. болѣе 3.000 чел. спало на полу рядами, а въ особенно жестокія морозныя ночи такъ располагалось свышѣ 4.000 человѣкъ.

Нѣтъ, поэтому, ничего непонятнаго въ томъ, что многіе изъ несчастныхъ стремятся хоть въ тюрьмѣ найти для себя ночлегъ и пищу. Недавно одинъ изъ безработныхъ «сознался» даже въ убійствѣ, котораго онъ никогда не совершалъ. Къ великому его разочарованію, обманъ былъ скоро раскрытъ, и его выпустили на волю. Другіе ищутъ выхода въ самоубійствѣ, и за послѣдніе дни въ Чикаго было зарегистровано свыше 20-ти такихъ случаевъ. А третьи ищутъ выхода въ настоящемъ преступленіи. Съ наступленіемъ зимы и безработицы количество преступленій всегда растетъ, но то, что происходитъ въ Чикаго, рѣшительно превосходитъ опытъ предыдущихъ лѣтъ. По сравненію съ 1913 годомъ, въ 1914 г. количество убійствъ возросло на 20%, кражи со взломомъ на 41%, обычныя кражи—на 16%, грабежи на 14%.

Сообщенный недавно въ американской печати случай въ С. Луисѣ проливаетъ свѣтъ на существо, позволю себѣ такъ выразиться, безработной преступности. Въ С. Луисѣ безработный механикъ вышелъ на улицу, имѣя на себѣ такое объявленіе:

«Начальникъ полиціи Іонъ нуждается въ увеличеніи полиціи на 300 человѣкъ, чтобы пріостановить усилившіяся преступленія. Что я долженъ дѣлать? Нѣтъ работы, нѣтъ денегъ, четверо дѣтей, у которыхъ мать умерла. Долженъ ли я украсть или ограбить кого-либо или убить и себя дѣтей? Тысячи человѣкъ въ этомъ городѣ въ такомъ же положеніи, какъ и я. Великая роскошь! И необыкновенная бѣдность! Что же я долженъ дѣлать?»

Безработнаго механика отправили, конечно, въ полицію «за загроможденіе улицы». Но вопросъ «что дѣлать» все же остался и виситъ надъ Америкой. Милліонъ безработныхъ — вотъ траурная полоса на ея жизни. Пять милліоновъ страдающихъ отъ безработицы людей—такъ опредѣляетъ въ своемъ воззваніи американская соціалистическая партія, очевидно, присчитывая сюда и семьи безработныхъ.

Въ демократической Америкѣ безработица не можетъ, конечно, не привлечь къ себѣ широкаго общественнаго вниманія. И городскія, и штатныя, и федеральныя власти мобилизуютъ свои силы для борьбы съ ней. Профессіональныя рабочія организаціи, наиболѣе близко переживающія трагедію американской рабочей жизни, выдвигаютъ свои средства и методы борьбы съ нею. Сейчасъ мы отмѣтимъ только, что на 12-е февраля по всей Америкѣ на-

значенъ парадъ безработныхъ. Его устраиваетъ Комитетъ Непосредственнаго Дѣйствія при американской соціалистической партіи. «Этотъ день,—гласитъ воззваніе Комитета,—долженъ быть использованъ всѣми рабочими и соціалистическими силами страны для демонстраціи противъ постигшаго насъ соціальнаго зла... Пусть рабочій классъ нашей страны въ этотъ день выжжетъ въ сознаніи народномъ представленіе о тѣхъ несправедливостяхъ, страданіяхъ и обидахъ, которыя приходится переживать безработнымъ. Пусть народъ ужаснется вытекающихъ отсюда опасностей, предостерегающихъ на каждомъ шагу нашу цивилизацію».

А. І. Закъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о вѣроятной судьбѣ Константинополя.—Газетныя разсужденія и парламентскій отвѣтъ сэра Эдуарда Грея.—Возможны ли разногласія между союзниками изъ-за Константинополя?—Оффиціальная полемика по вопросамъ морской войны и морского разбоя.—Политика нейтралитета Италіи и Греціи.

Важные политическіе вопросы, связанные съ судьбою Константинополя, стали предметомъ общаго обсужденія въ европейской печати. Могущественная англо-французская эскадра приступила съ 6 (19) февраля къ рѣшительной бомбардировкѣ Дарданеллъ, съ явною цѣлью очистить себѣ путь къ Босфору и занять столицу Турціи. Двѣ союзныя державы готовятся нанести ударъ въ самое сердце Оттоманской имперіи, и этотъ ударъ будетъ въ то же время серьезнымъ пораженіемъ для Германіи. Проливы, служащіе единственнымъ выходомъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, будутъ наконецъ вырваны изъ турецкихъ рукъ и сдѣлаются свободными для судоходства и торговли всѣхъ культурныхъ народовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ положенъ конецъ германскому хозяйничанью въ Стамбулѣ, и нѣмцы потеряютъ свой престижъ въ глазахъ турецкихъ патріотовъ.

Но какъ рѣшится вопросъ о самомъ Константинополѣ? Не повліяетъ ли на это рѣшеніе тотъ фактъ, что городъ будетъ занятъ англичанами и французами, безъ непосредственнаго участія русскихъ войскъ?

Многіе думаютъ, что предварительная оккупація Константинополя можетъ опредѣлить и его дальнѣйшую судьбу.

Нѣкоторый матеріалъ для подобныхъ предположеній давали отзывы вліятельныхъ французскихъ и англійскихъ газетъ. Напр., парижскій «Temps» (отъ 22 февраля) разсуждаетъ о проливахъ въ такомъ тонѣ, какъ будто, кромѣ свободы ихъ, ничего другого Россіи не нужно на Босфорѣ. «Свободный выходъ въ Средиземное море,—говоритъ газета—задѣваетъ крупные матеріальные интересы, въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ военныхъ операцій. Россія и Румынія не имѣютъ другого выхода въ Средиземное море. Корабли, нагруженные русскимъ или румынскимъ хлѣбомъ, не могутъ теперь выйти изъ Чернаго моря. Отъ этого страдаетъ торговля, и снабженіе западнаго міра жизненными продуктами находитъ преграду въ пушкахъ и минахъ султана. Наши союзники лишены одного изъ своихъ необходимыхъ путей международныхъ сообщеній, и Босфоръ служитъ убѣжищемъ для германскихъ и турецкихъ судовъ, совершающихъ свои разбойничьи набѣги на берега Крыма и Кавказа. Англо-французскій флотъ, угрожая положенію Оттоманской имперіи, какъ хранительницы проливовъ, совершаетъ поэтому актъ, вытекающій изъ обстоятельствъ и составляющій роковое послѣдствіе союза Турціи съ нашими врагами». По мнѣнію «Temps», Англія значительно измѣнила свои прежніе взгляды на свободу Дарданеллъ и отказалась отъ своихъ традиціонныхъ предубѣжденій. «Русскіе публицисты,—продолжаетъ газета,—проповѣдывали мысль о подчиненіи проливовъ международному режиму, въ родѣ того, который открываетъ Суэцкій каналъ для всѣхъ кораблей безъ различія. Теперь задача расширяется, ибо дѣло идетъ не только объ отысканіи комбинацій, пріемлемыхъ для султана и способныхъ удовлетворить международные коммерческіе интересы. Ставится уже вопросъ о Константинополѣ со всѣмъ его прошлымъ и со всѣми послѣдствіями этого прошлаго. Пусть новое устройство на международной основѣ смѣнитъ на Босфорѣ нынѣшнюю германскую тиранію, пусть Россія осуществитъ свои вѣковыя стремленія, и Константинополь сойдетъ съ своего ранга столицы, чтобы остаться только хранителемъ проливовъ. Весь волшебный романтизмъ, связанный съ его именемъ, будетъ продолжать жить въ воспоминаніяхъ, но Стамбулу суждено быть только портомъ транзитной торговли, и съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть на готовящееся преобразованіе. Румынія не имѣетъ никакого повода безпокоиться за свободу своего мореплаванія между Чернымъ и Средиземнымъ морями. Болгарія имѣетъ уже прямой выходъ въ Средиземное море. Державы знаютъ, что послѣ насильственнаго открытія Дарданеллъ

союзниками свободный проходъ по этимъ морямъ будетъ обезпеченъ для всѣхъ. Новый этапъ будетъ пройденъ въ исторіи міра, и, чтобы правильно судить о будущемъ, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ старыя традиціи и блужданія».

Эти настойчивыя указанія на новое международное устройство Константинополя, на превращеніе его въ общедоступный торговый портъ и на устраненіе всякихъ историческихъ прикрасъ и традицій получаютъ особый смыслъ въ связи съ успокоительными фразами по адресу небольшихъ балканскихъ государствъ. Вставленное въ эту аргументацію утвержденіе, что низведеніе Константинополя на степень простого транзитнаго порта осуществитъ вѣковыя стремленія Россіи, является уже съ лишкомъ искусственнымъ и тенденціознымъ. Вліятельная французская газета какъ будто полемизируетъ съ приверженцами преувеличенныхъ мечтаній о Царьградѣ, какъ о будущемъ южномъ центрѣ новой возрожденной Россіи. Недавно еще наши газеты, обсуждая раздѣлъ наслѣдства «больного человѣка» на Босфорѣ, категорически заявляли, что «Царьградъ долженъ быть нашъ», и отголосокъ этого настроенія усматривался также въ словахъ думской рѣчи нашего министра иностранныхъ дѣлъ, въ засѣданіи 27 января, относительно Турціи. Эти толки о Царьградѣ, какъ извѣстно, обратили на себя вниманіе британскаго парламента, гдѣ сэру Эдуарду Грею былъ предложенъ соотвѣтственный вопросъ въ слѣдующей дипломатической формѣ: «Можетъ ли министръ освѣдомить парламентъ, было ли недавнее заявленіе министра Сазонова въ Государственной Думѣ, что Россія намѣрена навсегда занять Константинополь, сдѣлано съ одобренія и вѣдома британскаго правительства». Сэръ Эдуардъ Грей отвѣтилъ: «Такого заявленія я не нахожу ни въ одномъ изъ отчетовъ. Заявленіе, которое я видѣлъ, гласитъ, что событія на русско-турецкой границѣ приблизятъ Россію къ осуществленію политическихъ и экономическихъ проблемъ, связанныхъ съ полученіемъ Россіею доступа къ открытому морю. Къ этому стремленію мы относимся съ полнымъ сочувствіемъ. Точная форма осуществленія его будетъ, безъ сомнѣнія, установлена въ условіяхъ мира».

Отвѣтъ британскаго министра долженъ быть признанъ корректнымъ и правильнымъ по существу. Дѣйствительно, въ рѣчи С. Д. Сазонова не содержится приписанныхъ ему словъ о намѣреніи Россіи занять навсегда Константинополь, а сказано только о полученіи выхода къ свободному морю; поэтому сэръ Эдуардъ Грей имѣлъ возможность высказаться сочувственно объ этомъ скромномъ естественномъ стремленіи русской политики, отдѣливъ отъ вопроса о проливахъ болѣе сложный и щекотливый вопросъ о судьбѣ Константинополя. Совершенно вѣрно также замѣчаніе о томъ, что самая форма

осуществленія свободы проливовъ можетъ быть окончательно установлена только тѣми условіями мира, которыя будутъ въ свое время выработаны союзниками. Страннымъ кажется здѣсь лишь одно обстоятельство. Какъ извѣстно, вопросы отдѣльныхъ членовъ парламента, касающіеся вѣдомства того или другого министерства, сообщаются заранѣе подлежащему министру, который можетъ предложить другую ихъ формулировку для облегченія правильнаго отвѣта; въ данномъ случаѣ, фактическая сторона вопроса была изложена завѣдомо ошибочно, и министру пришлось какъ будто возстановить текстъ сказанныхъ въ Россіи словъ по отчетамъ, напечатаннымъ во всѣхъ газетахъ и, слѣдовательно, доступнымъ также автору запроса. Можно ли предположить, что членъ парламента, желая публично обратиться къ министерству съ серьезнымъ политическимъ вопросомъ, не потрудится правильно прочесть тѣ газетные отчеты, изъ которыхъ онъ заимствуетъ матеріалъ для своихъ сомнѣній? Въ подобныхъ случаяхъ министръ могъ бы частнымъ образомъ указать члену парламента на ошибочность его цитаты вмѣсто того, чтобы публично дѣлать поправку и связывать ее съ политическими комментаріями, имѣющими большое политическое значеніе. Очень можетъ быть, что неправильная формулировка вопроса была придумана сознательно, такъ какъ ссылка — хотя и ложная — на русскую министерскую рѣчь давала для запроса то основаніе, какимъ не могли служить отзывы и разсужденія нашихъ газетъ. А для министра было, конечно, желательно воспользоваться подходящимъ предлогомъ, чтобы намекнуть на особую британскую точку зрѣнія на вопросъ, издавна интересующій общественное мнѣніе Англіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что англійскіе взгляды по этому предмету болѣе или менѣе сходятся съ французскими. Однако, было бы несправедливо и по меньшей мѣрѣ преждевременно дѣлать отсюда какой-либо опредѣленный политическій выводъ. Державы тройственнаго согласія не имѣли еще повода совмѣстно обсудить и рѣшить вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Константинополя. Этотъ вопросъ остается пока открытымъ, и то или иное рѣшеніе его можетъ выясниться лишь въ зависимости отъ хода военныхъ событій. Въ данное время дѣйствія союзнаго флота направлены только къ форсированію Дарданеллъ и къ занятію Босфора, и они могутъ имѣть своимъ результатомъ только открытіе свободнаго прохода черезъ проливы; вопросъ же о судьбѣ Константинополя вопросъ чисто-политическій, и онъ не можетъ обсуждаться безъ ближайшаго участія той изъ союзныхъ державъ, на которой лежитъ почти вся тяжесть непосредственной войны съ Турціею и отъ военныхъ успѣховъ которой зависитъ судьба малоазіатскихъ турецкихъ владѣній и въ томъ числѣ багдадской желѣзной дороги.

Свободный и обезпеченный доступъ къ обширнымъ областямъ Малой Азіи имѣетъ для Англіи гораздо большее практическое значеніе, чѣмъ вопросъ о Константинополѣ. При благопріятномъ для насъ исходѣ войны, Россія можетъ получить все то, что ей необходимо, не вызывая существенныхъ разногласій и затрудненій, ибо пріобрѣтенія союзниковъ сами собою опредѣляются не только результатами ихъ военныхъ операцій, но и характеромъ поставленныхъ политическихъ задачъ. На долю Англіи досталась значительнѣйшая часть германскихъ колоній; Кипръ перешелъ въ ея полное владѣніе, Египетъ формально избавленъ отъ верховной власти султана и подчиненъ всецѣло британскому протекторату,—и Франція, какъ и Россія, находитъ это вполнѣ естественнымъ. Точно такъ же союзники, очевидно, одобряли присоединеніе восточной Галиціи къ русскимъ владѣніямъ и планъ возсоединенія польскихъ земель Австро-Венгріи и Германіи съ нашимъ Царствомъ Польскимъ подъ общею властью Россіи. Союзники слишкомъ нуждаются другъ въ другѣ, чтобы допускать какія-либо недоразумѣнія по поводу отдѣльныхъ вопросовъ, когда дѣло идетъ о всей будущности воюющихъ націй. Поэтому можно надѣяться, что при установленіи будущихъ условій мира сохранится то внѣшнее единодушіе союзныхъ державъ, которое поддерживалось до сихъ поръ и не могло быть поколеблено никакими усиліями и интригами германской закулисной дипломатіи.

Оживленная оффиціальная полемика возникла между правительствами Соединенныхъ Штатовъ, Англіи и Германіи по поводу вопросовъ, касающихся нейтральной торговли.

Характеръ и направленіе этой полемики мѣнялись нѣсколько разъ. На первыхъ порахъ казалось, что старанія американскихъ нѣмцевъ возстановить общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ противъ Англіи имѣютъ нѣкоторые шансы успѣха. Англичанамъ ставили въ упрекъ, между прочимъ, именно то, что наиболѣе задѣвало и волновало Германію—слишкомъ широкое примѣненіе понятія контрабанды къ хлѣбнымъ и пищевымъ продуктамъ, направляемымъ на нейтральныхъ судахъ въ германскіе и даже въ нейтральные порты. Американцы находили неправильнымъ задержаніе нейтральныхъ грузовъ, относительно которыхъ не установлено въ точности, что они предназначены для непріятельскихъ вооруженныхъ силъ. Вашингтонскій кабинетъ, разумѣется, не могъ отрицать, что контролировать назначеніе привозимыхъ въ Германію съѣстныхъ припасовъ для мирныхъ жителей или для войскъ невозможно, и что Англія имѣетъ безспорное право пользоваться всѣми доступными ей средствами для успѣшной борьбы съ такимъ безпощаднымъ вра-

гомъ, какъ Германія. Но протесты американскаго торгово-промышленнаго класса были все-таки непріятны для Англіи и ставили ее въ нѣкоторое затрудненіе, тѣмъ болѣе, что объ уступкахъ въ данномъ вопросѣ не могло быть и рѣчи.

Вскорѣ, однако, само германское правительство своими оффиціальными мѣрами подорвало значеніе американскихъ доводовъ и дало англичанамъ достаточно надежное оружіе для отпора. Такъ какъ всѣ хлѣбные запасы въ предѣлахъ Германіи поступили въ распоряженіе государства и должны были подлежать правительственному контролю, то и доставляемые нѣмцамъ изъ нейтральныхъ странъ хлѣбные грузы не могутъ уже считаться частною собственностью владѣльцевъ, а входятъ въ составъ германскаго государственнаго достоянія, съ которымъ непріятель можетъ поступить какъ съ законною своею добычею. Такимъ образомъ, основаніе для протеста отпадаетъ, и американцы лишились возможности оспаривать право англичанъ задерживать нейтральные корабли съ хлѣбными и пищевыми продуктами, предназначенными прямо или косвенно для Германіи.

Съ своей стороны нѣмцы обвиняли правительство Соединенныхъ Штатовъ въ допущеніи свободнаго вывоза оружія и боевыхъ снарядовъ въ Англію и Францію. Въ отвѣтъ на это обвиненіе, американскій статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, Брайанъ, въ открытомъ письмѣ на имя сенатора Стона объяснилъ, что подозрѣніе въ пристрастіи Соединенныхъ Штатовъ къ Англіи и въ непріязненномъ отношеніи къ ея противникамъ вытекаетъ лишь изъ безспорнаго фактическаго превосходства британскаго флота надъ флотами Германіи и Австро-Венгріи, вслѣдствіе чего англичане имѣютъ возможность не допускать контрабанды до непріятельскихъ портовъ, а нѣмцы не въ силахъ препятствовать нейтральнымъ судамъ съ контрабаднымъ грузомъ доходить до береговъ Англіи. «Соединенные Штаты, какъ и другія нейтральныя страны,—говоритъ Брайанъ,—не обязаны дѣлать за германцевъ и австрійцевъ то, чего тѣ не въ состояніи дѣлать они сами. Друзья Германіи повидимому предполагаютъ, что дѣло Америки предупреждать всякую контрабандную торговлю и этимъ уравнять различіе въ относительной силѣ флотовъ воюющихъ сторонъ. Такой обязанности у нейтральныхъ не существуетъ. Тотъ фактъ, что Германія и Австро-Венгрія не могутъ вліять на американскіе рынки въ виду господства англичанъ на моряхъ, вовсе не обязываетъ Америку закрыть свои рынки для Англіи: они открыты на равныхъ основаніяхъ для всѣхъ, кто обладаетъ достаточнымъ морскимъ могуществомъ, чтобы обезпечить себѣ доступъ къ нимъ».

Американскіе нѣмцы усмотрѣли въ этихъ заявленіяхъ Брайана новое доказательство систематическаго недружелюбія правительства къ Германіи и усилили свою агитацію въ пользу измѣненія правительственнаго курса. Представители мѣстныхъ нѣмецко-американскихъ обществъ, въ составѣ которыхъ числится не менѣе пяти милліоновъ членовъ, образовали особую «лигу нейтралитета» съ цѣлью оказывать давленіе на политику Соединенныхъ Штатовъ въ германофильскомъ духѣ. Лига ставитъ себѣ задачею «возстановить истинный американскій нейтралитетъ и сохранить его свободу отъ подчиненія коммерческимъ, финансовымъ и политическимъ интересамъ иностранныхъ державъ»; она требуетъ «свободы мореплаванія для торговли Соединенныхъ Штатовъ и безпрепятственной перевозки товаровъ, не признаваемыхъ контрабандой въ силу существующихъ постановленій международнаго права»; она предлагаетъ немедленно издать законъ, запрещающій вывозъ оружія и военныхъ снарядовъ, и принять скорѣйшія мѣры для созданія американскаго торговаго флота. Не выступая непосредственно противъ президента Вильсона, нѣмецко-американская лига обязывается «индивидуально и коллективно поддерживать только такихъ кандидатовъ на публичныя должности, которые, независимо отъ принадлежности къ той или другой партіи, будутъ ставить американскіе интересы выше интересовъ другихъ державъ и постараются содѣйствовать устраненію всякихъ незаконныхъ иностранныхъ вліяній изъ оффиціальной жизни Соединенныхъ Штатовъ».

Намеки на сознательное подчиненіе американскихъ интересовъ британскимъ и смѣлыя притязанія нѣмцевъ на прямое вмѣшательство въ дѣла законодательства и политики страны возбудили негодованіе въ значительной части американской печати. Подъ предлогомъ скорѣйшаго увеличенія американскаго торговаго флота германская лига хлопочетъ о проведеніи правительственнаго билля, касающагося покупки иностранныхъ судовъ на ассигнованную сумму въ 30 милліоновъ долларовъ (60 милл. рублей), при чемъ имѣется въ виду выгодная продажа американцамъ германскихъ пароходовъ, задержанныхъ войною въ американскихъ гаваняхъ. Газеты справедливо указывали, что эта комбинація съ германскими кораблями была бы дѣйствительно грубымъ нарушеніемъ нейтралитета, и такое превращеніе непріятельскихъ судовъ въ нейтральныя при участіи правительства считалось бы совершенно недопустимымъ. Президентъ отстаивалъ этотъ билль съ разными оговорками и поправками, съ обязательствомъ не покупать кораблей воюющихъ сторонъ безъ согласія заинтересованныхъ державъ; но оппозиція рѣзко возставала противъ законопроекта, и изъ-за него едва не произошелъ расколъ

въ демократической партіи. Противники прибѣгали въ сенатѣ къ обструкціи, чтобы помѣшать обсужденію билля; такъ, сенаторъ Смутъ говорилъ въ теченіе одиннадцати съ половиною часовъ, послѣ чего уступилъ мѣсто другому сенатору, который также говорилъ безъ конца. Голосованіе билля задержано, такимъ образомъ, на неопредѣленное время, и первоначальный планъ пріобрѣтенія германскихъ пароходовъ не могъ осуществиться.

Среди обострившихся германо-американскихъ споровъ о сочувственномъ или непріязненномъ нейтралитетѣ была объявлена Германіею новая мѣра, произведшая въ Америкѣ и въ другихъ нейтральныхъ странахъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Въ оффиціальномъ органѣ германскаго правительства было напечатано слѣдующее сообщеніе отъ 4 февраля (нов. стиля), за подписью начальника морского штаба: «Воды, окружающія Великобританію и Ирландію, включая и все пространство Англійскаго канала, объявляются отнынѣ военнымъ райономъ. Съ 18 февраля всякое непріятельское судно, оказавшееся въ этомъ военномъ районѣ, будетъ потоплено, при чемъ не всегда будетъ возможно предупредить команду или пассажировъ объ угрожающей имъ опасности. Нейтральные корабли также будутъ подвергаться опасности въ военномъ районѣ, гдѣ предположенныя нападенія на непріятельскія суда могутъ коснуться и нейтральныхъ, въ виду злоупотребленія нейтральными флагами, предписаннаго британскимъ правительствомъ, и неизбѣжныхъ случайностей морской войны. Морской проходъ къ сѣверу отъ Шотландскихъ острововъ и восточная часть Сѣвернаго моря въ зонѣ до тридцати миль вдоль берега Нидерландовъ не подвергаются никакой опасности».

Этотъ неожиданный берлинскій декретъ, направленный къ уничтоженію всякаго вообще судоходства въ неопредѣленномъ «военномъ районѣ» открытаго моря, вноситъ полный произволъ въ установившіеся и безъ того суровые обычаи морской войны; онъ санкціонируетъ новые пріемы пиратства въ связи съ изобрѣтеніемъ новаго, коварнѣйшаго разрушительнаго орудія—подводныхъ лодокъ. Создается новый типъ подводной блокады, не допускающей выясненія ея дѣйствительности или фиктивности,—блокады, угрожающей жизни и имуществу массы ни въ чемъ неповинныхъ лицъ, внѣ всякой зависимости отъ преслѣдованія какой-либо контрабанды. Объявивъ «опасными» для мореплаванія всѣ водныя пространства около Великобританіи и Ирландіи и присвоивъ себѣ право уничтожать минами всѣ встрѣчающіеся тамъ коммерческіе пароходы, Германія сразу вступила на путь рѣшительнаго конфликта съ нейтральными государствами и прежде всего съ Соединенными Штатами,

которые раньше, такъ или иначе, защищали германскіе интересы. Тревога нейтральныхъ усиливалась еще указаніемъ на секретное британское распоряженіе, позволяющее англійскимъ судамъ прикрываться въ извѣстныхъ случаяхъ нейтральными флагами. Ссылка эта подтвердилась инцидентомъ съ океанскимъ пароходомъ «Lusitania», принадлежащимъ одной изъ британскихъ пароходныхъ компаній и прибывшимъ изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль подъ американскимъ флагомъ. Когда корабль приближался къ берегамъ Ирландіи, капитанъ получилъ по безпроволочному телеграфу приказъ адмиралтейства поднять американскій флагъ и направиться немедленно въ Ливерпуль, что̀ и было исполнено, къ великому смущенію пассажировъ и команды. Очень можетъ быть, что этимъ способомъ удалось спасти пароходъ отъ гибели, но германскому морскому вѣдомству дано этимъ основаніе не довѣрять нейтральному флагу и примѣнять свои угрозы ко всякимъ вообще кораблямъ въ британскихъ водахъ, не стѣсняясь никакими флагами; а тогда наибольше пострадаютъ нейтральныя націи, съ Соединенными Штатами во главѣ.

Представители нейтральныхъ державъ должны были параллельно выступить съ протестами противъ чудовищнаго германскаго декрета и противъ злоупотребленія нейтральными флагами со стороны Англіи. Британское министерство иностранныхъ дѣлъ поспѣшило напечатать въ газетахъ объясненіе, изъ котораго видно, что поднятіе нейтральнаго флага для избѣжанія захвата или нападенія въ открытомъ морѣ всегда допускалось практикою, какъ военная хитрость, и имѣло своимъ единственнымъ послѣдствіемъ понужденіе непріятеля къ реальной провѣркѣ національности корабля по судовымъ документамъ и къ фактическому осмотру груза съ цѣлью опредѣленія его нейтральнаго или контрабаднаго характера. Въ подобныхъ случаяхъ признавалось вполнѣ допустимымъ и употребленіе британскаго флага иностранными судами, какъ это широко практиковалось американцами въ междоусобной войнѣ шестидесятыхъ годовъ. Однако эта англійская практика—быть можетъ разумная и справедливая по существу,—предполагаетъ нормальныя условія морской войны, когда обѣ стороны имѣютъ возможность задерживать нейтральныя суда для провѣрки бумагъ и досмотра груза; но германскія подводныя лодки дѣйствуютъ скрытно, подъ водою, и не могутъ исполнять тѣ правила, которыя соблюдаются господствующимъ на моряхъ британскимъ флотомъ. Поэтому вызываемое англійскою практикою недовѣріе къ нейтральному флагу имѣетъ большое практическое значеніе, упраздняя всякія гарантіи неприкосновенности для нейтральнаго судоходства.

Въ американской нотѣ, доставленной 11 февраля (нов. ст.)

лондонскому кабинету, подробно излагаются обстоятельства, дѣлающія крайне нежелательнымъ и рискованнымъ употребленіе нейтральнаго флага судами одной изъ воюющихъ сторонъ. «Случайное употребленіе нейтральнаго флага подъ страхомъ непосредственнаго преслѣдованія или съ цѣлью ввести въ заблужденіе приближающагося непріятеля,—говорится въ этой нотѣ,—существенно отличается отъ положительно предоставленнаго торговымъ кораблямъ даннаго государства права вообще поднимать нейтральный флагъ въ извѣстныхъ районахъ открытаго моря, которые могутъ быть посѣщаемы непріятельскими военными судами. Въ виду возвѣщенныхъ германскимъ адмиралтействомъ намѣреній, пользованіе американскимъ флагомъ со стороны англійскихъ кораблей въ предѣлахъ британскихъ водъ не служило бы защитою для этихъ кораблей, но являлось бы серьезною и постоянною угрозою для жизни и судовъ американскихъ гражданъ». Въ вѣжливыхъ, но твердыхъ выраженіяхъ вашингтонскій кабинетъ даетъ понять, что допущеніе такой незаконной практики, подвергая опасности корабли дружественной державы, «возлагало бы на британское правительство извѣстную долю отвѣтственности за гибель американскихъ гражданъ и судовъ въ случаѣ непріятельскаго нападенія». Отвѣтъ сэра Эдуарда Грея, отъ 18 февраля, сводится къ тому, что Англія будетъ всячески избѣгать причиненія какихъ-либо потерь нейтральнымъ государствамъ, но она вынуждена принять необходимыя мѣры для огражденія своихъ интересовъ отъ незаконныхъ германскихъ посягательствъ, ибо «невозможно требовать, чтобы одна страна нарушала установленныя правила и прецеденты, а другая соблюдала бы ихъ».

Въ одновременномъ обращеніи къ Германіи правительство Соединенныхъ Штатовъ принимаетъ тонъ гораздо болѣе рѣшительный и настойчивый, хотя и подчеркиваетъ свои неизмѣнно почтительныя и дружественныя чувства. Въ нотѣ прямо заявлено, что отношенія между обѣими странами стали бы весьма критическими, если бы германскія военныя силы, примѣняя предписанные имъ способы дѣйствія, уничтожили какой-нибудь корабль Соединенныхъ Штатовъ или причинили бы смерть американскимъ гражданамъ. Вашингтонскій кабинетъ «отказывается вѣрить, чтобы императорское германское правительство считало себя въ правѣ нападать въ открытомъ морѣ на корабли или топить ихъ, не удостовѣрившись предварительно въ ихъ принадлежности къ воюющей сторонѣ и въ контрабандномъ характерѣ ихъ груза. Возможное подозрѣніе, что непріятельскія суда неправильно пользуются нейтральнымъ флагомъ, никакъ не можетъ создать или оправдывать предположеніе, что всѣ корабли, проходящіе черезъ извѣстную часть моря, должны навле-

кать на себя то же самое подозрѣніе». Какъ бы то ни было, всякая попытка разрушить въ открытомъ морѣ американскій корабль или потопить его экипажъ и пассажировъ «будетъ разсматриваться правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ какъ ничѣмъ не оправдываемое нарушеніе нейтральныхъ правъ, которое трудно было бы примирить съ существующими добрыми отношеніями обоихъ правительствъ». Если бы, однако, такое печальное событіе случилось, то американское правительство было бы вынуждено считать Германію отвѣтственною за подобныя дѣйствія ея морскихъ властей и приняло бы «необходимыя мѣры для огражденія американскихъ жизней и имуществъ и для обезпеченія американскимъ гражданамъ безпрепятственнаго пользованія принадлежащими имъ правами въ открытомъ морѣ». Въ заключеніе вашингтонскій кабинетъ выражаетъ надежду, что германское правительство «дастъ обѣщаніе не трогать американскихъ гражданъ и ихъ кораблей, кромѣ случаевъ примѣненія права досмотра и обыска, хотя бы эти корабли проходили черезъ районъ, указанный въ прокламаціи германскаго адмиралтейства».

Дипломатическая полемика между Соединенными Штатами, съ одной стороны, и Англіею и Германіей—съ другой, приняла крайне непріятный оборотъ для берлинской дипломатіи; но послѣдняя какъ будто не замѣчала этой перемѣны и продолжала отстаивать свободу международной хлѣбной торговли, возставая въ то же время противъ допущенія вывоза оружія и боевыхъ снарядовъ въ Англію и Францію. Аргументація отвѣтной германской ноты отъ 17 февраля (нов. ст.) отличается какою то нервною сбивчивостью и неясностью. Возбудивъ противъ себя раздраженіе почти всѣхъ культурныхъ націй своими неслыханными притязаніями и кровавыми беззаконіями, германское правительство серьезно взываетъ къ чувствамъ человѣколюбія и жалости для доказательства необходимости безпрепятственнаго снабженія нѣмцевъ привозными хлѣбными и пищевыми продуктами, безъ которыхъ «мирному» германскому народу угрожаетъ голодъ. «Всѣ стремленія Англіи—жалуется берлинская дипломатія—направлены къ тому, чтобы довести Германію до голода и отдать ея гражданское населеніе въ жертву голодной смерти», такъ какъ фактически Германія лишена возможности сообщаться моремъ съ нейтральными странами, которыя обыкновенно снабжали ее недостающими запасами хлѣба. Если же Англія въ борьбѣ съ Германіею привлекаетъ въ качествѣ союзника голодъ, то и Германія будетъ вести морскую войну съ англичанами болѣе энергично и безпощадно: она «закроетъ, насколько это возможно доступъ въ военную зону посредствомъ минныхъ заграждений, а также

будетъ уничтожать, снимая съ себя отвѣтственность за послѣдствія, всѣ непріятельскія суда всякими другими мѣрами, вслѣдствіе чего опасность угрожаетъ безъ различія всѣмъ торговымъ судамъ, которыя окажутся въ предѣлахъ военной зоны». Берлинскій кабинетъ откровенно разсчитываетъ на то, что напуганные его угрозами американцы выскажутся противъ стремленія Англіи «подвергнуть культурный 70-милліонный народъ бѣдствіямъ голода», и что Америка «въ послѣдній моментъ сдѣлаетъ возможнымъ для Германіи привозъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ», чѣмъ заслужитъ «благодарность германскаго правительства за услугу, оказанную въ интересахъ человѣчнаго способа веденія войны». До сихъ поръ Германія не только не обнаруживала никакой жалости къ мирному населенію занятыхъ ею чужихъ земель, но, напротивъ, разсматривала это мирное населеніе, какъ безправную непріятельскую массу, которую можно во всякое время превратить въ толпу голодныхъ и безпріютныхъ нищихъ,—и потому является совершенно непонятнымъ требованіе нѣмцевъ, чтобы воюющіе съ ними народы заботились объ обезпеченіи продовольствіемъ «мирнаго населенія» Германіи. Очевидно, нейтральныя державы никакъ не могутъ поддерживать подобное нелѣпое требованіе, послѣ того, какъ хлѣбные и пищевые продукты признаны уже безусловною контрабандою по отношенію къ Германіи; а на «человѣколюбивые» доводы берлинскихъ дипломатовъ нетрудно отвѣтить: «откажитесь отъ затѣянной вами войны, и культурный нѣмецкій народъ будетъ избавленъ отъ угрожающаго ему голода». Свободный привозъ хлѣбныхъ и пищевыхъ продуктовъ въ Германію далъ бы ей возможность продолжать войну безъ испытываемыхъ нынѣ затрудненій, а недостатокъ продовольствія можетъ заставить культурный 70-милліонный народъ стремиться къ миру. Надѣяться на то, что эти простыя соображенія здраваго смысла будутъ оставлены безъ вниманія доброжелательными нейтральными націями, и что истребляемые нѣмцами французы и англичане сами согласятся доставить врагамъ средства для продолженія ихъ разрушительной работы,—это одна изъ тѣхъ грубыхъ, граничащихъ съ цинизмомъ «наивностей», которыми такъ богата дипломатическая практика Германіи за послѣдній годъ.

Въ нейтральныхъ государствахъ, близко заинтересованныхъ въ ходѣ военныхъ событій, замѣчается все болѣе возрастающее волненіе по поводу энергическихъ операцій англо-французскаго флота противъ Дарданеллъ и Босфора.

Въ Италіи не ставится уже вопроса о томъ, слѣдуетъ ли ей вмѣшаться въ войну или нѣтъ, а продолжаются только споры о

формѣ этого вмѣшательства и о выборѣ для него надлежащаго момента. Германія употребляетъ большія усилія для устройства какого-нибудь компромисса, способнаго удовлетворить итальянскихъ патріотовъ при помощи добровольныхъ территоріальныхъ уступокъ; съ этою цѣлью германскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ ѣздилъ въ австрійскую главную квартиру для личныхъ переговоровъ съ новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи, барономъ Буріаномъ, а усердные представители германскаго имперіализма, вліятельный дѣятель партіи центра, депутатъ Эрцбергеръ, и мнимый соціалъ-демократъ Зуденумъ отправились въ Римъ, чтобы повліять на настроеніе католическихъ группъ и рабочей массы въ Италіи. Въ газетахъ много говорилось о проектѣ присоединенія къ итальянскимъ владѣніямъ части южнаго Тироля или Истріи съ Тріестомъ, подъ условіемъ сохраненія вѣрности тройственному союзу; но трудно предположить, чтобы подобная сдѣлка могла осуществиться безъ серьезныхъ усилій и жертвъ со стороны Италіи. Едва-ли возможно придумать правдоподобные мотивы, которые побудили бы Австро-Венгрію даромъ отдать свои итальянскія земли и взамѣнъ не получить даже никакой новой поддержки въ несчастной войнѣ съ Россіею; положеніе монархіи не только ухудшилось бы, но и оказалось бы унизительнымъ, а только германскій главный штабъ избавленъ былъ бы отъ необходимости увеличить свои военныя силы на австро-русскомъ фронтѣ въ случаѣ отвлеченія части австрійской арміи къ итальянской границѣ. Вмѣшательство Италіи не можетъ имѣть для австрійцевъ худшаго результата, чѣмъ тѣ уступки, которыя предлагается имъ сдѣлать добровольно, безъ всякихъ компенсацій; естественно поэтому, что Австро-Венгрія предпочитаетъ ожидать дальнѣйшаго развитія событій, вмѣсто того чтобы намѣренно ускорять ихъ. Точно также и Италія не имѣетъ повода торопиться, и правительство Саландры и Соннино твердо держится разсчетливой политики нейтралитета, хотя и раздѣляетъ повидимому патріотическія надежды и ожиданія итальянскаго общественнаго мнѣнія.

Осторожная система выжиданія сохраняетъ свою силу и въ Румыніи; только въ Греціи умы необычайно заволновались при мысли, что судьба Константинополя можетъ рѣшиться безъ ея участія, и правительство стало серьезно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Министръ-президентъ Венизелосъ выработалъ уже планъ соглашенія съ Англіею и ея союзниками, но встрѣтилъ энергическое противодѣйствіе со стороны короля Константина, близко связаннаго, какъ извѣстно, съ семьею Вильгельма II. Венизелосъ вышелъ въ отставку 21 февраля (6 марта), но вѣроятно вернется къ власти,

когда политическое положеніе сдѣлается болѣе яснымъ, ибо въ настоящее время Греція не имѣетъ болѣе даровитаго и ловкаго политическаго дѣятеля, чѣмъ Венизелосъ. А приметъ ли она участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Дарданеллъ и Босфора или нѣтъ,—отъ этого едва-ли измѣнится рѣшеніе вѣкового вопроса о судьбѣ Константинополя.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РУССКОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВТОРОЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКОВЪ.

Происходившій въ Петроградѣ, съ 7 по 16 февраля, второй всероссійскій съѣздъ золото-и платино-промышленниковъ сосредоточилъ общественное вниманіе на современномъ положеніи русской золотопромышленности, получающей особое народно-хозяйственное значеніе въ связи съ выдвигаемыми войной заботами объ интересахъ нашего бумажно-денежнаго обращенія и валютнымъ вопросомъ. Повышеніе, по указу 23 іюля 1914 года, эмиссіоннаго права Государственнаго банка до 1.500 милл. кредитныхъ рублей, непокрытыхъ золотомъ, и возможность еще дальнѣйшаго въ связи съ войной расширенія этого права, а также и небывалое вздорожаніе съ начала войны курсовъ на иностранную валюту, обусловленное почти полнымъ прекращеніемъ нашего вывоза при продолжающихся, однако, крупныхъ заказахъ и закупкахъ за границей,—не могли не возбудить въ обществѣ серьезныхъ опасеній за дальнѣйшую судьбу нашего кредитнаго рубля и за возможность возстановленія размѣна въ ближайшемъ будущемъ. Отсюда понятенъ и общественный интересъ къ только-что закрывшемуся съѣзду, въ связи съ надеждами на усиленіе у насъ добычи золота.

Правда, положеніе нашего разсчетнаго баланса еще задолго до войны не могло не озабочивать общество въ этомъ отношеніи. По опубликованнымъ Кредитной Канцеляріей въ началѣ 1914 года даннымъ [1]), по однимъ лишь государственнымъ и гарантированнымъ правительствомъ займамъ наша заграничная задолженность превышаетъ 5 милліардовъ рублей, при чемъ платежи только по этой части задолженности болѣе 250 милліоновъ рублей

[1]) Особенная Канцелярія по Кредитной части, „Къ вопросу о русскомъ золотомъ запасѣ за границей“, Птг. 1914 г.

въ годъ. Къ этой обязательной суммѣ ежегодныхъ выплатъ за границу надо присоединить таковыя же уплаты по нашей общественной и частной заграничной задолженности. Сюда входятъ: реализованные за границей облигаціонные займы нѣсколькихъ нашихъ крупныхъ городовъ, достигавшіе, по подсчетамъ «Вѣстника Финансовъ» за 1913 г., 950 милл. руб. и требовавшіе ежегодной уплаты процентовъ и погашенія въ размѣрѣ свыше 57 милл. руб.; далѣе—негарантированныя облигаціи и акціи частныхъ желѣзныхъ дорогъ, банковъ и торгово-промышленныхъ предпріятій, а также краткосрочные кредиты, открываемые нашимъ банкамъ и предпріятіямъ заграничными кредитными учрежденіями. Дѣйствительную сумму ежегодныхъ расходовъ по этой статьѣ опредѣлить невозможно, да она и колеблется постоянно; однако, по подсчетамъ «Торгово-Промышленной Газеты», только однѣхъ облигацій торгово-промышленныхъ предпріятій размѣщено во Франціи, Англіи и Бельгіи на сумму до 141 милл. руб., а размѣры краткосрочныхъ кредитовъ, открытыхъ заграничными банками 17 нашимъ крупнымъ коммерческимъ банкамъ, достигали за 1911 годъ — 266,7 милл. руб. и за 1912 г.— 222,6 милл. руб. Такимъ образомъ, только по этимъ двумъ статьямъ ежегодныя выплаты за границу достигали не менѣе 18 милл. руб. Затѣмъ сюда слѣдуетъ отнести ежегодную высылку за границу дивидендовъ по основаннымъ въ Россіи на иностранные капиталы торгово-промышленнымъ предпріятіямъ; сумму затраченныхъ въ эти предпріятія капиталовъ опредѣлить точно не представляется возможнымъ, такъ какъ иностранный капиталъ проникалъ къ намъ также въ формѣ пріобрѣтенія акцій русскихъ предпріятій. Если же ограничиться подсчетомъ лишь тѣхъ капиталовъ, которые выдѣлены для Россіи иностранными обществами, допущенными къ дѣятельности у насъ, то сумма только этихъ капиталовъ, на основаніи данныхъ «The Russian Year Book 1913», опредѣляется по 1912 г. включительно въ размѣрѣ 410,3 милліоновъ рублей [1]); для настоящаго же времени, въ виду продолжавшагося прилива къ намъ иностраннаго капитала, слѣдуетъ признать эту сумму весьма преуменьшенной. Тѣмъ не менѣе, если считать, что въ видѣ дивидендовъ выплачивается, въ среднемъ, только 6%, то ежегодный платежъ за границу по этой статьѣ баланса составитъ 24,6 милліон. рублей. Къ этому надо еще добавить значительныя суммы, уплачиваемыя нами за границу по морскимъ фрахтамъ, такъ какъ нашъ собственный торговый флотъ весьма незначителенъ. Наконецъ, весьма крупныя деньги расходуются за границею нашими путешествен-

[1]) Большинство приводимыхъ здѣсь данныхъ заимствованы изъ монографіи И. И. Левина: „Германскіе капиталы въ Россіи“, Птг. 1914 г.

никами, посѣтителями курортовъ и постоянно проживающими на чужбинѣ русскими семьями и учащейся молодежью. Если попытаться опредѣлить размѣры этихъ расходовъ по числу полугодовыхъ заграничныхъ паспортовъ, выбиравшихся за послѣдніе годы въ количествѣ приблизительно до 210—240 тысячъ въ годъ, и если принять во вниманіе, что по одному паспорту путешествуютъ за границей цѣлыя семьи, и что, поэтому, исчисленіе расхода на паспортъ въ 500—800 рублей едва-ли будетъ преувеличеніемъ, — то общая сумма расходовъ по этой крупной статьѣ нашего разсчетнаго баланса опредѣлится между 105—190 милліон. рублей и въ среднемъ можетъ быть принято въ 150 милл. руб.

Такимъ образомъ, совокупность только исчисленныхъ пассивныхъ статей нашего разсчетнаго баланса составляетъ ежегодную сумму въ 500 милліоновъ рублей, а если присоединить къ этому невошедшіе еще въ подсчетъ расходы по морскимъ фрахтамъ, по оплатѣ негарантированныхъ облигацій и акцій частныхъ желѣзныхъ дорогъ, при участіи иностраннаго капитала въ русскихъ предпріятіяхъ, и нѣкоторыя другія не упомянутыя, болѣе мелкія выплаты за границу, то общій размѣръ нашихъ заграничныхъ ежегодныхъ платежей, за исключеніемъ всѣхъ разсчетовъ по торговому балансу, выразится въ суммѣ не менѣе 600—650 милліон. рублей.

Для покрытія этихъ платежей главной активной статьей въ нашемъ разсчетномъ балансѣ служитъ сальдо по нашему торговому балансу, достигавшее за 1908—1912 годы, въ среднемъ, 350 милліоновъ рублей въ годъ (349,7 милл.). Слѣдовательно, за вычетомъ этой суммы, ежегодныя уплаты Россіи за границу опредѣлялись въ 250—300 милліоновъ рублей. Однако, превышеніе цѣнности нашего вывоза надъ привозомъ, достигшее въ 1909 году 521,4 мил. рублей, начиная съ 1910 г. стало постепенно уменьшаться и въ 1913 году составило всего уже 146,1 милл. рублей. За первую половину 1914 года, т. е. еще до войны, нашъ торговый балансъ изъ активнаго превратился уже въ пассивный, съ превышеніемъ привоза надъ вывозомъ на 32,7 милл. рублей; за весь же минувшій 1914 годъ, подъ вліяніемъ отмѣченнаго выше почти полнаго прекращенія нашего вывоза во второй половинѣ года,—сальдо по торговому балансу, несмотря на сокращеніе также и привоза, оказалось для насъ пассивнымъ на сумму, по предварительнымъ подсчетамъ департамента таможенныхъ сборовъ, въ 157,3 милліона рублей [1]).

---

[1]) Цѣнность привоза за 1914 годъ опредѣлилась въ 1.101,8 милл. руб. противъ 1.374,0 милл. руб. за 1913 годъ, а цѣнность вывоза—въ 944,4 милл. руб. противъ 1,520,1 милл. руб. за предыдущій годъ.

Итакъ, за послѣдніе два года разсчетный балансъ требовалъ отъ насъ приплатъ въ пользу за границы въ 1913 году—до 500 мил. рублей, а въ 1914 г.—до 800 милл. рублей, не считая новыхъ уплатъ по увеличившейся государственной задолженности. Покрыть эти ежегодные платежи своимъ золотомъ Россія, очевидно, не могла, и въ дѣйствительности наши заграничные разсчеты были ликвидированы путемъ увеличенія нашей заграничной задолженности за пятилѣтіе 1909—1913 г.г. на 1,7 милліарда рублей, что составляетъ до 340 милліоновъ рублей въ годъ.

Благодаря такому увеличенію нашей задолженности, мы сохранили свои золотые запасы, и Россія встрѣтила наступленіе грозныхъ военныхъ событій съ нетронутымъ, весьма крупнымъ, ранѣе накопленнымъ золотымъ фондомъ Государственнаго банка, составлявшимъ на 1 января 1915 года (вмѣстѣ съ принадлежащимъ банку золотомъ за границей)—1.728,3 милл. рублей. Однако, отношеніе этого золотого покрытія къ суммѣ выпущенныхъ банкомъ кредитныхъ билетовъ весьма рѣзко за годъ измѣнилось, понизившись съ 101,3% до 57,0%. Такимъ образомъ, передъ нашей родиной встаетъ крупная задача дальнѣйшаго удержанія и даже увеличенія золотыхъ запасовъ своего центральнаго эмиссіоннаго учрежденія, при крайне неблагопріятно-слагающемся разсчетномъ балансѣ. Для рѣшенія этой трудной задачи огромнаго государственнаго значенія возможно-быстрое и крупное расширеніе ежегодной добычи золота въ Россіи можетъ сыграть, несомнѣнно, значительную роль.

Если обратиться къ даннымъ, характеризующимъ развитіе нашей золотопромышленности, то придется признать, что эта отрасль нашего народнаго хозяйства прогрессируетъ чрезвычайно медленно, и что Россія далеко отстаетъ въ этомъ отношеніи въ своемъ поступательномъ движеніи отъ другихъ добывающихъ золото странъ, приступившихъ къ разработкѣ своихъ пріисковыхъ богатствъ частью даже позднѣе Россіи. Дѣйствительно, ежегодная добыча золота, начавшаяся въ Россіи еще въ самомъ началѣ XIX вѣка, поднималась весьма медленно, достигнувъ лишь въ 1843 году 1.241 пуда. Съ этого времени и до 1869 года добыча понемногу повышалась, не достигая, однако, 2.000 пудовъ въ годъ. На этомъ уровнѣ, съ колебаніями отъ 2.000 до 2.700 пудовъ, добыча оставалась до 1908 г., и только за послѣднія шесть лѣтъ, съ 1908 по 1913 г. она превысила въ годъ 3.000 пудовъ шлихового золота, дойдя въ 1910 году до 3.885 пудовъ, а въ 1913 году—до 3.714 пудовъ. По переводѣ въ килограммы эта добыча за 1902—1911 г., составляла отъ 35.539 кил.

въ 1902 году до 63.714 килогр. въ 1910 году и 52.086 килограммовъ въ 1911 году. Между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ добыча золота за тотъ же періодъ колебалась между 120.371 кил. въ 1902 г. до 149.988 килогр. въ 1909 г. и 146.813 килогр. въ 1911 году. Добыча Австраліи, составившая въ 1902 году 122.885 кл., поднялась къ 1904 году до 131.281 килогр., но затѣмъ начала постепенно понижаться и дала въ 1911 году только 93.168 килограм. Наконецъ, добыча Трансвааля съ 53.464 килогр. въ 1902 году быстро возрастала ежегодно и достигла въ 1911 году свыше 250.000 килограм.

Конечно, такіе большіе размѣры добычи золота въ приведенныхъ странахъ зависѣли прежде всего отъ богатства ихъ золотоносныхъ нѣдръ. Однако, какъ наши геологи, такъ и сами золотопромышленники единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что и наши золотоносные районы, особенно въ восточной Сибири, могутъ обезпечить значительно болѣе высокую добычу золота по сравненію съ нынѣшней. Но это возможно лишь при наличіи благопріятныхъ къ тому условій, облегчающихъ приливъ къ нашей золотопромышленности значительныхъ капиталовъ, необходимыхъ для примѣненія наиболѣе совершенныхъ техническихъ пріемовъ добычи, обычныхъ въ вышеупомянутыхъ, обогнавшихъ насъ, странахъ.

Дѣйствительно, такіе пріемы добычи золота, какъ разработка розсыпей гидравлическимъ способомъ или посредствомъ драгъ и эскаваторовъ, или примѣненіе способа химической обработки рудъ посредствомъ ціанистаго кали—требуютъ затраты весьма значительныхъ капиталовъ, почти отсутствующихъ у нашей золотопромышленности. Однако, основнымъ условіемъ для того пышнаго расцвѣта золотопромышленности въ названныхъ странахъ, о которомъ упомянуто выше, была та общая благопріятная экономическая обстановка, среди которой производится въ нихъ добыча золота. Тщательное изученіе золотоносныхъ районовъ въ геологическомъ отношеніи, съ опубликованіемъ во всеобщее свѣдѣніе результатовъ работъ правительственныхъ экспедицій; сооруженіе въ золотоносныхъ районахъ желѣзныхъ дорогъ, проведеніе телеграфныхъ линій, организація почты, устройство артезіанскихъ колодцевъ, какъ это имѣло мѣсто въ западной Австраліи,—всѣ эти общія экономическія мѣры, осуществляемыя, главнымъ образомъ, за счетъ общественной власти, существенно облегчаютъ работу золотопромышленниковъ. Рядомъ съ этимъ твердое законодательство о правѣ владѣнія нѣдрами, при явочномъ порядкѣ образованія акціонерныхъ обществъ съ самыми мелкими размѣрами акцій,—обезпечиваютъ приливъ въ эту отрасль промышленности громадныхъ капиталовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ откры-

ваютъ возможность широкаго содѣйствія ей кредитомъ со стороны банковыхъ учрежденій.

Всѣхъ этихъ общихъ экономическихъ и юридическихъ благопріятныхъ условій недостаетъ нашей русской золотопромышленности, и работа только-что закончившагося золотопромышленнаго съѣзда, естественно, направилась къ выясненію необходимости созданія и у насъ такихъ условій.

Не останавливаясь на всѣхъ резолюціяхъ съѣзда, слѣдуетъ, однако, отмѣтить главнѣйшія изъ нихъ. Такъ, въ результатѣ работъ своей *геологической секціи*, съѣздъ постановилъ ходатайствовать о производствѣ въ широкомъ масштабѣ геологическихъ изслѣдованій золотоносныхъ районовъ въ восточной Сибири, а также на сѣверномъ Уралѣ и на киргизскихъ земляхъ Степного края съ тѣмъ, чтобы результаты этихъ изслѣдованій были возможно скорѣе опубликованы, и были изданы доступныя по цѣнѣ геологическія карты, и чтобы въ этихъ видахъ было открыто при геологическомъ комитетѣ особое геодезическо-топографическое отдѣленіе. *Юридическая секція* выдвинула рядъ принятыхъ съѣздомъ весьма важныхъ пожеланій о полномъ пересмотрѣ дѣйствующаго съ 1903 г. крайне несовершеннаго устава о частной золотопромышленности на казенныхъ и кабинетскихъ земляхъ, въ цѣляхъ облегченія нахожденія мѣсторожденій нашими золотоискателями изъ народной среды, проникающими въ глухую тайгу и какимъ-то «нюхомъ» открывающими въ ней золото, а также и—въ цѣляхъ приданія большей устойчивости праву владѣнія пріисками. Такъ, секція, а за нею и съѣздъ указали на необходимость разработки особыхъ правилъ о производствѣ малыхъ *отводовъ*, съ предоставленіемъ золотоискателю, нынѣ разсматриваемому обычно въ качествѣ нелегальнаго хищника, права приступать къ добычѣ немедленно по застолбованію и заявкѣ пріиска, съ тѣмъ, чтобы все добытое имъ золото было признано его собственностью, и чтобы за эти малые отводы не взималось въ пользу казны никакой поземельной платы. Въ видахъ упроченія права владѣнія пріисками съѣздъ постановилъ ходатайствовать о скорѣйшемъ утвержденіи выработаннаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ проекта закона о переходѣ и укрѣпленіи правъ на пріиски, съ установленіемъ обязательной регистраціи пріисковъ въ книгахъ старшихъ нотаріусовъ, съ допущеніемъ права перемежовки отработанныхъ пріисковъ и разрѣшеніемъ всѣхъ споровъ о заявкахъ путемъ учрежденія особыхъ для сего арбитражныхъ судовъ.

Наибольшее оживленіе на съѣздѣ вызвали, однако, работы *финансово-экономической секціи*, принятыя съѣздомъ главныя по-

желанія которой могутъ быть сведены къ нижеслѣдующему. Съѣздъ постановилъ ходатайствовать о соединеніи города Бодайбо, какъ центра ленской золотопромышленности, съ сибирской магистралью и о сооруженіи къ золотоноснымъ районамъ ряда другихъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ и подъѣздныхъ путей, а также о проложеніи за счетъ казны или средствъ, взимаемыхъ на губернскія земскія повинности, ряда колесныхъ дорогъ въ пріисковыхъ районахъ, съ привлеченіемъ къ этой работѣ, между прочимъ, и плѣнныхъ солдатъ воюющихъ съ нами державъ, а также о направленіи переселенческаго движенія въ эти районы. Далѣе, съѣздъ ходатайствуетъ объ устройствѣ въ золотоносныхъ районахъ за счетъ казны почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, такъ какъ содержаніе ихъ за счетъ съѣздовъ золотопромышленниковъ, какъ это было до сихъ поръ, представляется для нихъ совершенно непосильнымъ. Затѣмъ, секція и съѣздъ подробно остановились на вопросѣ объ обложеніи золотопромышленности и постановили ходатайствовать не только о безотлагательномъ освобожденіи золотопромышленниковъ отъ различнаго рода сборовъ и натуральныхъ повинностей по содержанію нѣкоторыхъ правительственныхъ органовъ и учрежденій на окраинахъ,—каковые расходы и повинности составляютъ несомнѣнно историческій пережитокъ,—но и о полномъ освобожденіи золотопромышленности на извѣстное число лѣтъ отъ уплаты промысловаго налога. Таковой налогъ предполагается ими замѣнить впослѣдствіи обложеніемъ дѣйствительныхъ прибылей золотопромышленныхъ предпріятій на подоходномъ началѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ постановилъ ходатайствовать также о повсемѣстномъ установленіи однообразной поземельной платы въ пользу казны за право разработки пріисковъ въ размѣрѣ 50 коп. съ десятины. Рядъ горячихъ дебатовъ вызвалъ на съѣздѣ и вопросъ о кредитѣ для золотопромышленности. Принявъ въ принципѣ проектъ учрежденія особаго золотопромышленнаго банка, имѣющаго цѣлью обслуживать золотопромышленность всѣми видами кредита, какъ краткосрочнаго, такъ и долгосрочнаго подъ залогъ установленныхъ запасовъ золота въ нѣдрахъ,—съѣздъ высказался также за коренной пересмотръ правилъ о ссудахъ изъ Государственнаго банка на пріобрѣтеніе драгъ и подъ шлиховое золото и на снабженіе золотопромышленниковъ оборотными средствами, съ принятіемъ во вниманіе всѣхъ особенностей золотого промысла и въ частности длительнаго періода работъ. Въ цѣляхъ приближенія кредита къ золотопромышленникамъ и открытія возможности кредитоваться даже самымъ мелкимъ изъ нихъ, съѣздъ возбудилъ ходатайство о преобразованіи въ пріисковыхъ районахъ казначействъ въ отдѣленія государственнаго банка, а также объ открытіи въ этихъ районахъ ряда учрежденій мелкаго кредита.

Коснувшись также вопросовъ о необходимости проникновенія въ нашу золотопромышленность болѣе совершенныхъ пріемовъ добычи, съѣздъ высказался за возобновленіе безпошлиннаго ввоза машинъ для золотого дѣла, такъ какъ машины эти и, въ частности, драги почти не выдѣлываются въ Россіи, а между тѣмъ существующія на нихъ пошлины, доходящія до 52% отъ ихъ стоимости, непомѣрно удорожаютъ введеніе ихъ на пріискахъ, и безъ того весьма затрудненное вслѣдствіе высокихъ расходовъ по доставкѣ этихъ машинъ на пріиски, въ виду дальности ихъ провоза и полной бездорожности пріисковыхъ районовъ. Для поощренія русскихъ машиностроительныхъ заводовъ на съѣздѣ рекомендовалось установленіе особыхъ премій за выдѣлку золотопромышленныхъ машинъ. Въ тѣхъ же видахъ поднятія пріисковой техники, съѣздъ возбудилъ ходатайство о выдѣленіи золотого дѣла въ особый курсъ преподаванія въ высшихъ и среднихъ горныхъ школахъ, подобно тому, какъ это введено теперь въ петроградскомъ Горномъ и томскомъ Технологическомъ институтахъ и въ уральскомъ Горномъ училищѣ. Рѣшено ходатайствовать объ открытіи вообще большаго числа среднеучебныхъ техническихъ школъ съ преподаваніемъ горнаго дѣла, объ устройствѣ временныхъ курсовъ по этому дѣлу и объ учрежденіи лабораторій и испытательныхъ станцій по усовершенствованію способовъ добычи и извлеченія золота.

Наконецъ, затронутъ былъ на съѣздѣ и злободневный вопросъ о лажѣ на золото, выдвинутый въ обращенной къ съѣзду привѣтственной рѣчи графа С. Ю. Витте. Указавъ на значительное повышеніе иностранной валюты въ расцѣнкѣ на нашъ кредитный рубль, графъ Витте подчеркнулъ, что явленіе это, хотя, быть можетъ, и вызванное временными причинами, а именно, почти полнымъ прекращеніемъ нашего вывоза, все же представляется настолько устойчивымъ, что повліять на него въ смыслѣ серьезнаго пониженія вексельныхъ курсовъ не могло и заключенное недавно финансовое соглашеніе между правительствами тройственнаго согласія. Отсюда и возникаетъ серьезный вопросъ, какимъ способомъ, при наличномъ состояніи вексельныхъ курсовъ, удержать добываемое у насъ золото въ странѣ, разъ Государственный банкъ расцѣниваетъ его на кредитные билеты при пріемѣ, по установленному закономъ паритету. Обсуждая этотъ злободневный вопросъ, золотопромышленный съѣздъ подробно остановился на вліяніи войны на ходъ нашей золотопромышленности и отмѣтилъ рядъ условій, вызвавшихъ повышеніе себѣстоимости добычи во многихъ золотопромышленныхъ районахъ.

Такъ, указывалось, что призывъ въ армію запасныхъ воинскихъ чиновъ и ратниковъ ополченія повліялъ въ нѣкоторыхъ районахъ на

повышеніе расцѣнки рабочаго труда, а въ другихъ вызвалъ сокращеніе добычи, влекущее за собой повышеніе общихъ расходовъ на каждый пудъ или золотникъ выработаннаго золота; особенно, тяжело—говорятъ,—отразилось это явленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда призыву подверглись опытные рабочіе и мастера, замѣнить которыхъ не оказалось возможнымъ.

Далѣе, было констатировано значительное вздорожаніе такихъ необходимыхъ для золотопромышленности продуктовъ, какъ ртуть и ціанистый калій, выписка которыхъ изъ-за границы не только въ огромной степени затруднилась съ перерывомъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Германіей, но и оказалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно невыполнимой, такъ какъ полученіе грузовъ черезъ Архангельскій портъ было для многихъ предпріятій невозможно. По этой же причинѣ нѣкоторыя предпріятія были лишены и выписанныхъ ими изъ Америки и Англіи машинъ или запасныхъ къ нимъ частей; наши же русскіе заводы вовсе отказывались отъ принятія на себя въ ближайшее время такихъ заказовъ. Для Приамурскаго района серьезнымъ препятствіемъ къ увеличенію добычи золота, а вмѣстѣ съ тѣмъ и причиной вздорожанія таковой служатъ принятыя администраціей ограничительныя мѣры по использованію на пріискахъ труда пришлыхъ китайцевъ, этихъ почти единственныхъ рабочихъ всего Приамурья послѣ ранѣе произведеннаго изгнанія изъ него корейцевъ. Всѣ эти обстоятельства и вызвали такое вздороженіе себѣ стоимости добычи золота, при которомъ,—по выраженію съѣзда,—необходимо принятіе неотложныхъ мѣръ, дабы это удорожаніе не отразилось на дальнѣйшей добычѣ золота.

Въ заключеніе съѣздъ высказался за отмѣну существующихъ для золотопромышленности ограниченій по разработкѣ золота въ Приморской и Камчатской областяхъ и по праву занятія золотымъ дѣломъ въ зависимости отъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ условій.

Таковы итоги работы только-что закрывшагося съѣзда. Какъ же слѣдуетъ отнестись къ нимъ, если посмотрѣть на эту работу съ точки зрѣнія широкихъ народно-хозяйственныхъ интересовъ? Что развитіе нашей золотопромышленности можетъ сыграть весьма серьезную роль въ дѣлѣ поддержанія и дальнѣйшаго накопленія нашихъ золотыхъ запасовъ, а слѣдовательно—и для возможности скораго, по окончаніи войны, возстановленія размѣна нашихъ кредитныхъ билетовъ,—объ этомъ спорить не приходится. Однако, борьба съ высокими вексельными курсами не можетъ ограничиться

однимъ развитіемъ нашей золотопромышленности, такъ какъ нельзя же мечтать о томъ, чтобы ежегодная добыча золота возросла у насъ вскорѣ во много разъ, а между тѣмъ, для покрытія приплатъ по нашему разсчетному балансу, даже въ благопріятные годы по сведенію торговаго баланса, требовалось около 300 милл. рублей;—вся же нынѣшняя добыча золота достигаетъ всего 60—70 милліоновъ рублей. Очевидно, что для указанной выше цѣли придется принять рядъ другихъ энергичныхъ мѣръ, сводящихся къ развитію въ Россіи всѣхъ тѣхъ отраслей промышленности, продукты которыхъ мы въ такомъ большомъ количествѣ ввозили изъ-за-границы; а также рядъ мѣръ къ серьезному сокращенію нашего ежегоднаго паломничества за границу въ цѣляхъ лѣченія и для полученія высшаго образованія, въ которомъ родина отказывала до сихъ поръ многимъ изъ своихъ дѣтей.

Тѣмъ не менѣе, и положеніе нашей золотопромышленности, безусловно, должно быть признано тяжелымъ, и, слѣдовательно, можно только привѣтствовать большинство перечисленныхъ выше, принятыхъ съѣздомъ пожеланій, клонящихся къ созданію общихъ благопріятныхъ экономическихъ и юридическихъ условій для дальнѣйшаго возможно быстраго развитія и этой важной отрасли нашего народнаго хозяйства. Осуществленіе предложенныхъ мѣръ, хотя бы за счетъ значительныхъ расходовъ и пожертвованій со стороны казны, можетъ безусловно повліять на пониженіе промысловыхъ расходовъ по добычѣ золота. Но этимъ и должно ограничиться воспособленіе золотому промыслу, какъ таковому, ибо оно отнюдь не должно имѣть характера благотворенія за счетъ казны отдѣльныхъ золотопромышленниковъ. Поэтому отнюдь не слѣдуетъ соглашаться на такія ходатайства, какъ освобожденіе золотопромышленности отъ промысловаго обложенія, хотя бы послѣднее было реформировано на началахъ подоходности: гдѣ предпріятія даютъ опредѣленную прибыль на капиталъ,—тамъ, несомнѣнно, государство должно получить свою долю въ формѣ нормальнаго обложенія промысловой прибыли.

Равнымъ образомъ слѣдуетъ рѣшительно возражать противъ всякихъ попытокъ полученія золотопромышленниками лажа на золото, хотя бы и въ скрытомъ видѣ выдачи имъ взамѣнъ металла иностранной валюты по установленному паритету, если эта валюта пріобрѣтается государствомъ по значительно отклоняющейся отъ него цѣнѣ. Предоставленіе золотопромышленникамъ, въ прямомъ или скрытомъ видѣ, какихъ-либо приплатъ за золото было бы, несомнѣнно, актомъ явнаго признанія существованія у насъ лажа на золото, и потому могло бы нанести непоправимый ударъ нашему кредитному

рублю въ его современномъ неустойчивомъ положеніи. Объ этомъ надо громко говорить, пока еще не поздно, вмѣсто того, чтобы ограничиваться констатированіемъ всѣмъ извѣстныхъ причинъ паденія нашихъ вексельныхъ курсовъ, какъ это дѣлаютъ въ повременной печати нѣкоторые наши экономисты.

П. Р.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Дѣло пяти соціалъ-демократовъ четвертой Думы. — Лишеніе непріятельскихъ подданныхъ права судебной защиты.—Право незаконнаго обогащенія.—Смыслъ дѣлъ о клеветѣ. — Объективная лживость и субъективная виновность.—Три рѣшенія одного судебнаго мѣста по одному и тому же дѣлу. — Еще о нелишенныхъ правъ безправныхъ. — Князь В. Л. Геловани †.

Когда въ ноябрѣ прошлаго года были арестованы пять членовъ Государственной Думы, принадлежащіе къ большевистскому крылу фракціи соціалъ-демократовъ, съ этимъ арестомъ связывались толки о раскрытіи если не измѣнической организаціи, то, во всякомъ случаѣ, попытки совершенія измѣническихъ дѣйствій. Эти толки имѣли подтвержденіе и въ оффиціозныхъ оповѣщеніяхъ. Но при судебномъ разсмотрѣніи дѣла, которое происходило 10—13 февраля, обнаружилось, что въ дѣйствіяхъ судившихся членовъ Думы, а также ихъ соучастниковъ по процессу, не было и тѣни измѣны. Отпали даже всѣ намеки, имѣвшіеся или, вѣрнѣе, предполагавшіеся въ данномъ отношеніи. Предметомъ сужденія была принадлежность подсудимыхъ къ сообществу, предусмотрѣнному ст. 102 уголовнаго уложенія. Въ этомъ только дѣяніи они признаны виновными и за него приговорены къ ссылкѣ на поселеніе.

Процессы по ст. 102 уголовнаго уложенія уже въ теченіе многихъ лѣтъ составляютъ одно изъ самыхъ обычныхъ, чуть не повседневныхъ у насъ явленій. По этой статьѣ въ свое время были осуждены соціалъ-демократы второй Думы, совѣтъ рабочихъ депутатовъ, А. А. Лопухинъ и т. д., и т. д. Она послужила закономъ, силою котораго были ликвидированы всѣ проявленія революціонной дѣятельности, поскольку они не выражались въ террористическихъ актахъ. Съ прекращеніемъ революціоннаго движенія, она служитъ карательнымъ правиломъ, ликвидирующимъ дѣятельность кружковъ и отдѣль-

ныхъ лицъ, такъ или иначе связанную съ программными задачами соціалистическихъ партій. За это время долгаго и обычнаго примѣненія, ст. 102-ая получила безчисленное множество кассаціонныхъ разъясненій. Создался шаблонъ составленія обвинительныхъ актовъ и формулъ приговоровъ. Ни обвинительная власть, ни защита уже не останавливаютъ вниманія судебныхъ палатъ и военныхъ судовъ на юридическомъ анализѣ состава вмѣняемыхъ въ вину подсудимымъ дѣйствій. Создался шаблонъ и въ отношеніи размѣра наказанія. Весьма рѣдко назначается нормально положенное въ ст. 102-ой наказаніе—каторга. Почти всегда судебныя палаты признаютъ наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ и переходятъ отъ каторги къ поселенію.

По этому самому шаблону судились и осуждены депутаты Государственной Думы Петровскій, Шаговъ, Мурановъ, Бадаевъ и Самойловъ. Въ проектѣ вопросовъ, которые судебная палата имѣла въ виду поставить на свое разрѣшеніе, пропущено было даже упоминаніе о томъ, что во время совершенія инкриминируемыхъ дѣйствій они состояли членами Думы. И если бы не ходатайство защиты объ исправленіи редакціи вопроснаго листа, то приговоръ могъ бы и не отразить, что осуждены не рядовые обыватели, а представители рабочихъ въ нашей нижней законодательной палатѣ, а между тѣмъ, только это и выдѣляло процессъ изъ сотенъ аналогичныхъ. И выдѣляло не столько въ виду носимаго осужденными званія, сколько въ виду того, что примѣненіе къ дѣяніямъ членовъ Думы ст. 102-ой особенно ярко свидѣтельствуетъ объ искусственномъ подведеніи партійной дѣятельности соціалистическихъ партій подъ кару закона, написаннаго тогда, когда у насъ ни партій, ни легальной партійной дѣятельности не существовало и существовать не могло.

Какъ совершенно справедливо говорилъ въ своемъ объясненіи Г. И. Петровскій, онъ и другіе члены соціалъ-демократической фракціи, будучи членами Думы, «работали у всѣхъ на виду: имѣли свою квартиру, свой штатъ служащихъ, открыто собирались». Онъ могъ бы прибавить, что они также открыто высказывали свои партійныя убѣжденія съ думской трибуны, при чемъ газеты «распространяли» ихъ слова по всей странѣ, и что вся ихъ дѣятельность съ момента избранія въ Думу была ни чѣмъ инымъ, какъ открытымъ, ни отъ кого не скрываемымъ, служеніемъ цѣлямъ и задачамъ соціалъ-демократіи. Почему же за эту дѣятельность ихъ не преслѣдовали, а тотъ фактъ, что они собрались 4 ноября, вмѣстѣ съ нѣкоторыми партійными единомышленниками, на квартирѣ Гавриловой, въ связи съ найденными у нихъ при обыскѣ записками, дневниками, письмами

и прокламаціями, далъ матеріалъ для преданія ихъ суду и для осужденія за участіе въ преступномъ сообществѣ?

Въ той обрисовкѣ, которую даетъ ст. 102-ой уголовнаго уложенія сенатская практика, этотъ вопросъ имѣетъ если не объясненіе, то отвѣтъ. Но въ общественномъ сознаніи отвѣта на него нѣтъ.

Весьма типичная для націоналистической прессы газетная кампанія предшествовала «разъясненію» сената, которое состоялось 9-го февраля и которымъ подданные воюющихъ государствъ лишены права судебной защиты. Суворинскія газеты напрягали самыя крайнія усилія, чтобы рѣшеніе сената по вопросу, внесенному министромъ юстиціи, послѣдовало именно въ такомъ смыслѣ, а не въ обратномъ. Въ послѣдній моментъ не была упущена даже мѣра, еще сравнительно недавно не считавшаяся допустимой: въ «Новомъ Времени» появился списокъ сенаторовъ и чиновъ сенатской канцеляріи, имѣющихъ нѣмецкія и схожія съ нѣмецкими фамиліи. Такой пріемъ аргументаціи не составляетъ уже, впрочемъ, исключительной привилегіи «распространенной» газеты. Къ нему прибѣгъ, напримѣръ, въ засѣданіи петроградскаго окружнаго суда товарищъ прокурора Гредингеръ. Въ судѣ слушалось дѣло нѣкоей Фогельзангъ, и обвинитель въ своей рѣчи особенно подчеркивалъ ея нѣмецкую фамилію, дѣлая отсюда выводъ о свойственной ей «нѣмецкой жестокости». И онъ по заслугамъ выслушалъ отвѣтъ защитника, присяжнаго повѣреннаго Беренштама. «Напрасно,—возразилъ ему противникъ, одинаково съ нимъ носящій нерусскую фамилію,—г. прокуроръ потратилъ такъ много краснорѣчія на «нѣмецкую жестокость» Фогельзангъ. Вотъ самъ прокуроръ носитъ фамилію Гредингеръ. Я—Беренштамъ. И у насъ фамиліи нерусскія,—пожалуй, нѣмецкія. А считаемъ же мы себя русскими, не способными на нѣмецкія жестокости».

И послѣ приложенныхъ усилій, конечно, понятенъ восторгъ, съ которымъ газета привѣтствовала «разъясненіе». «Властный голосъ сената,—писало «Новое Время»,—сказалъ то слово, которое ожидала отъ него вся Россія. Со вздохомъ облегченія прочтутъ во всѣхъ ея концахъ объ этомъ рѣшеніи»... Въ привѣтственной статьѣ «Новое Время» устраняло малѣйшія сомнѣнія относительно того, что общимъ собраніемъ перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената могли руководить какія бы то ни было соображенія, кромѣ строго-юридическихъ. Но въ отношеніи себя и въ отношеніи отождествляемой съ собою «всей Россіи» газета откровенно сознавалась, что цѣн-

ность «разъясненія» заключается въ томъ, что оно является отвѣтомъ на оскорбленія, чинившіяся и чинимыя русскимъ подданнымъ въ Германіи. Въ возраженіяхъ же противъ рѣшенія сената, по мнѣнію нововременскихъ публицистовъ, нѣтъ ничего другого, кромѣ «слезоточивости нашихъ либеральныхъ Маниловыхъ».

Предметомъ разсмотрѣнія общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената были три вопроса: имѣютъ ли право на судебную защиту ихъ имущественныхъ интересовъ подданные воюющихъ державъ, проживающіе внѣ предѣловъ Россіи, имѣютъ ли право на такую же защиту непріятельскіе подданные, оставленные въ предѣлахъ Россіи на жительствѣ, и сохраняется ли за русскими подданными право на предъявленіе въ русскихъ судахъ исковъ къ непріятельскимъ подданнымъ. Первый и третій вопросы не встрѣтили въ сенатѣ разномыслія и разрѣшены единогласно: первый—въ отрицательномъ смыслѣ и третій—въ положительномъ. Споръ, расколовшій общее собраніе на большинство въ 56 голосовъ и меньшинство въ 32 голоса, вызвалъ только второй вопросъ.

Основнымъ положеніемъ, опредѣляющимъ права иностранцевъ, служитъ у насъ ст. 822 т. IX свода законовъ, которая гласитъ: «Иностранцы, находясь въ Россіи, какъ лично, такъ и по имуществу ихъ, подлежатъ дѣйствію россійскихъ законовъ и пользуются общею оныхъ защитою и покровительствомъ». Приведенный текстъ не заключаетъ въ себѣ никакого указанія на то, что онъ имѣетъ въ виду иностранцевъ, находящихся въ Россіи, лишь въ мирное время, и что онъ исключаетъ подданныхъ воюющихъ съ нами государствъ. А потому, сама по себѣ, ст. 822 не можетъ обосновывать лишенія непріятельскихъ подданныхъ, при условіи ихъ нахожденія на русской территоріи, защиты и покровительства законовъ. И противъ этого большинство сенаторовъ не возражало. Но оно приводило на справку, что во время прежнихъ войнъ, напр. во время послѣднихъ войнъ съ Турціей и Японіей, были издаваемы особые указы, въ которыхъ объявлялось о сохраненіи силы 822 ст. и въ отношеніи подданныхъ воевавшихъ тогда съ нами странъ. А такъ какъ въ нынѣшнюю войну такого указа не послѣдовало, то, значитъ, нѣтъ законодательнаго акта, считавшагося въ прежнее время необходимымъ, дабы за непріятельскими подданными сохранялось право судебной защиты, и, значитъ, законъ долженъ быть понимаемъ въ ограничительномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ его примѣненія къ однимъ подданнымъ дружественныхъ державъ.

Другимъ основнымъ положеніемъ, опредѣляющимъ права иностранцевъ и именно непріятельскихъ подданныхъ, служитъ ст. 23 гаагской конвенціи 1907-го года. Этою статьею, между прочимъ, вос-

прещается «объявлять потерявшими силу, пріостановленными или лишенными судебной защиты права и требованія подданныхъ противной стороны». Здѣсь также дано правило, выраженное безотносительно и категорично. И большинство сената опять оспаривало его не догматическими доводами. Оно утверждало, что правило ст. 23 гаагской конвенціи относится исключительно къ раіону непосредственныхъ военныхъ дѣйствій и не касается правоотношеній, возникающихъ во время войны внутри страны.

Казалось бы, что послѣднее соображеніе не только не можетъ аргументировать лишенія непріятельскихъ подданныхъ права на судебную защиту внѣ раіона военныхъ дѣйствій, но должно приводить къ прямо противоположному выводу. Ибо, если даже въ раіонѣ непосредственныхъ военныхъ дѣйствій, т. е. въ боевой обстановкѣ и по распоряженію военной власти, нельзя лишать права и требованія непріятельскихъ подданныхъ судебной защиты, то какое можетъ быть основаніе для лишенія судебной защиты ихъ правъ и требованій за тысячи верстъ отъ мѣста боевыхъ столкновеній? Практически, если понимать ст. 23 гаагской конвенціи такъ, какъ ее понимаетъ сенатъ, получается вотъ что: за все, взятое у непріятельскаго подданнаго даже на полѣ сраженія, взявшій обязанъ заплатить деньги, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, его принудитъ заплатить судъ. А уплата за взятое у непріятельскаго подданнаго въ городѣ, удаленномъ отъ театра военныхъ дѣйствій на тысячу верстъ, если имущество было взято не въ условіяхъ совершенія преступнаго дѣянія, предоставляется доброму желанію взявшаго. Просить о принужденіи его къ уплатѣ потерпѣвшій никого не можетъ.

Но и независимо отъ ст. 23 гаагской конвенціи, юридическая правильность принятаго сенатомъ рѣшенія опровергается тою непослѣдовательностью, которую большинство сената вынуждено было допустить. Ст. 822 т. IX говоритъ: «Иностранцы, находясь въ Россіи, какъ лично, такъ и по имуществу ихъ» и т. д. Разницы, такимъ образомъ, между условіями защиты правъ личныхъ и имущественныхъ законъ не знаетъ. И, слѣдовательно, если признавать, что для сохраненія силы ст. 822 въ отношеніи непріятельскихъ подданныхъ необходимо было изданіе, послѣ объявленія войны, особаго законодательнаго акта, то эта необходимость одинаково касается и правъ личныхъ, и правъ имущественныхъ, т. е. безъ такого акта подданные воюющей державы не могутъ пользоваться не только гражданско-правовой, но и уголовно-правовой защитой суда и закона. Но допустить безнаказанность совершенія преступленій кѣмъ бы то ни было и противъ кого бы то ни

было, само собою разумѣется, немыслимо. И большинство сената въ свою аргументацію включило, какъ передавалось въ газетахъ, слѣдующую оговорку: «Въ области же личной неприкосновенности, подданные воюющихъ государствъ остаются подъ защитой законовъ, ибо всякое уголовное противъ нихъ дѣяніе будетъ преслѣдоваться судомъ, какъ и каждое преступленіе, независимо отъ того, учинено ли оно подданнымъ русскимъ или иностраннымъ». Эта оговорка по существу, конечно, стоитъ внѣ возможности спора. Но съ усвоеннымъ большинствомъ сената толкованіемъ условій примѣненія во время войны ст. 822 она находится въ неустранимомъ противорѣчіи.

Юриспруденція учитъ, что при толкованіи законодательныхъ опредѣленій никогда нельзя отрывать букву закона отъ его разума и тѣмъ лишать опредѣленія логичности ихъ построенія. А потому въ разрѣшеніи стоявшихъ передъ сенатомъ вопросовъ невозможно было устранять изъ поля зрѣнія тѣ отвлеченныя юридическія начала, которыя тѣснѣйшимъ образомъ съ ними связаны. Такихъ началъ два. Первое выражается принятой въ современномъ международномъ правѣ формулой: «войну ведетъ государство противъ государства». Второе—есть то начало гражданскаго права, которое никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не допускаетъ въ области имущественныхъ отношеній незаконнаго обогащенія.

Всѣ формулы международнаго права условны. И надъ ними всѣми стоитъ принципъ взаимности. Отсюда вытекаетъ допустимость самыхъ разнообразныхъ репрессій, секвестра и даже конфискаціи частной собственности непріятельскихъ подданныхъ. Но основной смыслъ этого рода мѣръ и основное ихъ оправданіе заключаются въ томъ, что онѣ примѣняются государствомъ по его усмотрѣнію и въ его интересахъ, а отнюдь не по усмотрѣнію и не въ интересахъ отдѣльныхъ гражданъ. Пока государство наноситъ имущественный ущербъ подданнымъ воюющей съ нимъ державы—это одно; когда же право нанесенія ущерба передается гражданамъ—это совершенно другое. А, между тѣмъ, суть преподаннаго сенатомъ разъясненія въ томъ и состоитъ, что лишеніе непріятельскихъ подданныхъ права судебной защиты предоставляетъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ нанесеніе имъ имущественнаго ущерба волѣ и усмотрѣнію обывателей. Внутри страны явилась категорія людей, стоящихъ, въ смыслѣ охраны имущественныхъ правъ, «внѣ закона». Явилось, обратно, право другихъ людей обогащаться за счетъ этихъ стоящихъ «внѣ закона».

Нѣмецкія власти въ Германіи примѣняли и примѣняютъ исключительно недопустимыя мѣры притѣсненія въ отношеніи русскихъ

подданныхъ, имѣвшихъ несчастіе попасть до войны на германскую территорію. Не обладая иными средствами воздѣйствія на германское правительство, правительство русское, по началу взаимности можетъ вводить самыя крайнія даже ограниченія и личнаго, и имущественнаго характера въ отношеніи подданныхъ германскихъ. Въ этихъ мѣрахъ будетъ суровость, быть можетъ жестокость, но въ нихъ будетъ цѣль и будетъ разумъ; найти же разумъ и какую бы то ни было государственную цѣль въ правѣ Ивана Иванова не платить за квартиру, если онъ живетъ въ домѣ, принадлежащемъ непріятельскому подданному, рѣшительно невозможно. Государство можетъ, преслѣдуя тѣ или другія цѣли, брать плату за квартиру Ивана Иванова себѣ, дабы она въ данное время не шла на руки домовладѣльцу-непріятелю. Но Ивана Иванова это не должно никоимъ родомъ касаться: онъ, во всякомъ случаѣ, обязанъ за квартиру платить подъ угрозою судебнаго принужденія.

Съ юридической точки зрѣнія не такъ важны имущественныя ограниченія, созданныя рѣшеніемъ сената для непріятельскихъ подданныхъ, какъ тѣ незаслуженныя имущественныя выгоды, право на которыя отнынѣ получили отдѣльные русскіе обыватели. Не родъ мораторіума созданъ «разъясненіемъ», а опрокинуто элементарнѣйшее начало гражданскаго права. За недобросовѣстными людьми санкціонировано право на недобросовѣстность. И что именно въ этомъ смыслѣ «разъясненіе» будетъ понято, есть уже доказательства. 19-го февраля въ «Русскомъ Словѣ» была напечатана слѣдующая замѣтка: «По медицинскому отдѣлу городской управы представилась возможность неожиданной экономіи въ бюджетѣ. Городъ покупалъ для своихъ лѣчебныхъ заведеній термометры у одного агента. Оказалось, что агентъ былъ представителемъ нѣмецкой фирмы. Теперь городъ получилъ возможность денегъ за поставку термометровъ не платить».

Нѣтъ основанія думать, конечно, что авторъ замѣтки отразилъ въ ней мысли московскаго городского общественнаго управленія; но свои собственныя мысли онъ раскрылъ съ полной откровенностью. Сенатское рѣшеніе, въ смыслѣ мѣры воздѣйствія на германское правительство, дабы оно не притѣсняло русскихъ, есть для него фактъ теоретическаго значенія. Его обывательскую психологію радостно поразила оборотная сторона медали: «представилась возможность неожиданной экономіи въ бюджетѣ», явилась возможность «денегъ за поставку термометровъ не платить», и онъ торопится дать надлежащій совѣтъ городу. Самъ онъ, конечно, ни минуты не колеблясь, используетъ «возможность» не платить денегъ и сдѣлать «неожиданную экономію». Онъ даже сочтетъ это своимъ патріотическимъ долгомъ.

Лишеніе непріятельскихъ подданныхъ права судебной защиты находится въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ однимъ изъ коренныхъ началъ гражданскаго права, что если бы буква закона даже безусловно исключала иное пониманіе, вопросъ, все-таки, долженъ былъ быть рѣшенъ въ порядкѣ законодательномъ, а не въ порядкѣ толкованія. Но и это соображеніе меньшинства сенаторовъ большинство отвергло. Оно не сочло нужнымъ обратиться къ законодательному порядку, несмотря на то, что въ порядкѣ толкованія немыслимо было обойти еще другое, отмѣченнаго выше, противорѣчіе.

Освобожденіе непріятельскихъ подданныхъ отъ обязанности отвѣчать по искамъ было бы явно недопустимой для нихъ привилегіей. Но отвѣтъ по иску есть отвѣтъ передъ судомъ, т. е. участіе въ судебномъ спорѣ, результатомъ котораго является судебное рѣшеніе, основанное на оцѣнкѣ и разборѣ доводовъ обѣихъ сторонъ, истца и отвѣтчика. И иностранецъ, отвѣчающій по иску, непосредственно или черезъ опекуна, какъ установлено сенатскимъ «разъясненіемъ», несомнѣнно пользуется судебной защитой, ибо судъ можетъ убѣдиться его отвѣтными доводами и въ искѣ отказать. Большинство сената упустило изъ виду, что судебная защита есть актъ двухсторонній и что въ правомѣрномъ гражданскомъ оборотѣ разрывать стороны этого акта логически невозможно.

Выше (см. «На темы дня») отмѣченъ оправдательный приговоръ петроградской судебной палаты по дѣлу о клеветѣ, возбужденному издателями и руководителями «Рѣчи» противъ редактора «Земщины», г. Глинки-Янчевскаго. Такъ какъ и по условіямъ, въ которыхъ дѣло двигалось по судебнымъ инстанціямъ въ теченіе почти пяти лѣтъ, и по содержанію приговора, данный процессъ останавливаетъ особенное вниманіе и наводитъ на рядъ мыслей общаго характера, то мы позволяемъ себѣ къ нему вернуться.

Газетные отчеты о разсмотрѣніи дѣла напомнили тѣ политическіе моменты одновременно далекаго и недавняго прошлаго, отъ которыхъ, при современномъ темпѣ общественно-политической жизни, вѣетъ, если не стариной, то, во всякомъ случаѣ, не злободневностью. А между тѣмъ, само собою разумѣется, что весь смыслъ процессовъ о клеветѣ заключается именно въ томъ, чтобы судебное разрѣшеніе спора ближайшимъ образомъ слѣдовало за его возникновеніемъ. Въ этомъ одинаково заинтересованы обѣ стороны, ибо въ процессахъ о клеветѣ и сторона обвиняющая, и сторона обвиняемая находятся въ одномъ положеніи. Обѣимъ брошено обвиненіе

въ поступкѣ, противномъ правиламъ чести: одной, обвиняющей—тѣмъ извѣтомъ, который сторона обвиняемая пустила въ публичный оборотъ; другой, обвиняемой—тѣмъ именемъ клеветника, которое связала съ ней сторона обвиняющая.

Для публициста имя клеветника столь же оскорбительно, какъ сообщеніе о его продажности. И если невыносимо тяжело ждать годами судебнаго приговора оклеветанному, то не менѣе тяжело ждать его тому, кто несправедливо названъ клеветникомъ. Вотъ почему медленность въ разрѣшеніи дѣлъ о клеветѣ, несомнѣнно, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ судебный способъ упорядоченія нравовъ печати оказывается такъ мало дѣйствительнымъ. Если суровость репрессіи и можетъ имѣть въ данномъ отношеніи нѣкоторое значеніе, то, во всякомъ случаѣ, оно въ огромной мѣрѣ уступаетъ значенію быстроты судебнаго рѣшенія.

Медленность движенія дѣлъ о клеветѣ не можетъ не отражаться и на содержаніи приговоровъ. Для обвинительнаго приговора въ этихъ дѣлахъ необходима наличность двухъ условій: объективной лживости сообщеннаго свѣдѣнія и субъективной виновности, т. е. лживости, для обвиняемаго завѣдомой. На судѣ должно быть установлено и то, и другое. И если судъ не придетъ къ убѣжденію, что обвиняемый допустилъ сознательную ложь, то онъ постановляетъ оправдательный приговоръ. Въ отношеніи же такого убѣжденія, время неизбѣжно создаетъ колеблющія его сомнѣнія. Суду, разсматривающему дѣло черезъ нѣсколько лѣтъ, почти невозможно отрѣшиться отъ фактовъ и обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто послѣ напечатанія инкриминируемыхъ статей или замѣтокъ. Дѣло обростаетъ не имѣющими прямого къ нему отношенія соображеніями. Въ глазахъ суда, наконецъ, выдвигается вопросъ о давности, если не въ его формальномъ значеніи, то въ значеніи житейскомъ. Главная основа давности — забвеніе. И г. Глинкѣ-Янчевскому нельзя отказать въ томъ, что онъ имѣлъ основаніе заявить судебной палатѣ: «Со времени возникновенія дѣла прошло четыре года. Я уже начинаю многое забывать изъ того, что́ было тогда. Мои впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ я писалъ статьи, начинаютъ ослабѣвать. Къ тому же, я человѣкъ уже не молодой, могу и вовсе забыть то, на чемъ основывался».

Въ итогѣ, чѣмъ медленнѣе дѣло о клеветѣ проходитъ по судебнымъ инстанціямъ, тѣмъ больше увеличивается вѣроятность оправданія. И когда защитники г. Глинки-Янчевскаго требовали вновь отложить слушаніе дѣла, они, очевидно, это учитывали. Но нельзя забывать, что оправдательный приговоръ по дѣлу о клеветѣ, когда обвиняемый объявляется оправданнымъ по отсутствію въ его утвержденіяхъ

объективной лживости, есть въ то же время, для другой стороны, приговоръ обвинительный,—если не въ уголовномъ смыслѣ, то въ смыслѣ моральномъ. И даже при оправданіи по отсутствію признака завѣдомой лживости, такимъ приговоромъ, все-таки, на чести обвинителя оставляется если не пятно, то тѣнь. Широкая публика не станетъ и не можетъ разбираться, почему именно обвиняемый оправданъ. Въ ея глазахъ останется общее впечатлѣніе, что обвиненіе въ клеветѣ отвергнуто и, слѣдовательно, то обвиненіе, которое было возведено въ печати на обвинителя, не составляло клеветническаго извѣта. А чтобы сдѣлать отсюда дальнѣйшій выводъ, не нужно даже особаго недоброжелательства: достаточно просто легкаго отношенія къ вопросамъ чести. И политическіе противники «Рѣчи», конечно, сдѣлаютъ такой выводъ изъ двукратнаго оправданія г. Глинки, и въ судѣ, и въ палатѣ. Въ дѣйствительности же объективная лживость извѣта, взведеннаго на руководителей «Рѣчи» руководителемъ «Земщины», была отрицательно установлена еще при первомъ разсмотрѣніи дѣла, — въ приговорѣ окружнаго суда.

Въ номерѣ «Земщины» отъ 22 февраля 1910 года г. Глинка помѣстилъ статью «Каковы гуси», въ которой сообщилъ, что въ теченіе января и февраля «Рѣчь» получила переводами изъ Финляндіи 250.000 рублей. Черезъ день, въ статьѣ «Гласно и тайно», онъ писалъ: «Убѣдительно прошу всѣ монархическія газеты огласить фактъ перевода изъ Финляндіи «Рѣчи» 250.000 руб. Я всецѣло принимаю это извѣстіе на свою отвѣтственность и, конечно, докажу справедливость его на судѣ, если «Рѣчь» осмѣлится привлечь меня за клевету»... «Пусть вся Россія пойметъ, наконецъ, почему прогрессивная «Рѣчь» распинается и на стѣну лѣзетъ въ защиту «угнетенныхъ» и «лойяльныхъ» финляндцевъ».

Такимъ образомъ, г. Глинка бросилъ въ руководителей «Рѣчи» самымъ позорнымъ для публицистовъ камнемъ: онъ ихъ обвинилъ въ продажности. Продажности со стороны «Рѣчи», что̀ установлено неоспоримыми доказательствами, не было и слѣда. Деньги изъ Финляндіи, въ приведенной г. Глинкою суммѣ и въ указанное имъ время, были получены въ томъ домѣ, гдѣ помѣщается редакція «Рѣчи», но не «Рѣчью», а представителемъ собственника типографіи, акціонернаго общества «Слово», и не для «Рѣчи», а для биржевой игры на курсѣ. Получившій деньги г. Вальденъ документально удостовѣрилъ цѣль, съ какою онѣ ему высылались изъ Выборга и Гельсингфорса. Какими путями раскрылась для г. Глинки тайна почтовыхъ сношеній г. Вальдена съ финляндскими банковыми учрежденіями—осталось неяснымъ. И если окружный судъ не

приговорилъ г. Глинку къ наказанію, то только вслѣдствіе признанія, что помѣщенныя имъ въ «Земщинѣ» свѣдѣнія не были для него «завѣдомо ложны», ибо они были «почерпнуты имъ изъ совокупности имѣвшихся въ его распоряженіи данныхъ, которыя могли служить ему разумнымъ основаніемъ къ убѣжденію въ правдивости этихъ свѣдѣній».

При разсмотрѣніи дѣла въ палатѣ, объективная лживость или правдивость извѣта г. Глинки въ сущности и не была предметомъ дебатовъ. Защита исключительно оспаривала субъективную его виновность. При этомъ, такъ сказать, мимоходомъ, дѣлались попытки снять съ г. Вальдена его собственное, подтвержденное документами, признаніе въ томъ, что онъ, за комиссіонное вознагражденіе, былъ петроградскимъ агентомъ финляндскихъ банковъ, которые играли на курсѣ и тѣмъ причиняли ущербъ русской казнѣ. Но, какъ основной доводъ, приводился фактъ полученія въ краткій срокъ значительной суммы денегъ изъ Финляндіи въ домѣ, гдѣ печатается «Рѣчь». И изъ этого факта, въ связи съ отношеніемъ органа партіи народной свободы къ финляндскому вопросу, защита дѣлала выводъ: г. Глинка «не могъ не подумать того, что онъ подумалъ».

Передъ окружнымъ судомъ и передъ судебной палатой вопросъ о виновности г. Глинки стоялъ въ неразрывной связи съ назначеніемъ наказанія—мѣсяцевъ тюремнаго заключенія—человѣку, которому, какъ онъ говорилъ въ послѣднемъ словѣ, семьдесятъ лѣтъ и жизнь котораго «на исходѣ». При такихъ условіяхъ судейская совѣсть подсказываетъ особенную осторожность въ оцѣнкѣ добросовѣстности заблужденія. Она обязываетъ судью, оцѣнивающаго завѣдомость напечатанной лжи, цѣликомъ переноситься въ плоскость сужденій обвиняемаго, смотрѣть на людей его глазами и понимать причинную связь и зависимость побужденій и дѣйствій такъ, какъ онъ ее понимаетъ.

Дѣйствительно ли г. Глинка, въ силу совокупности имѣвшихъ въ его распоряженіи данныхъ, «не могъ не подумать того, что онъ подумалъ»? Обычный средній человѣкъ составляетъ сужденіе о логичности дѣйствій другихъ людей на основаніи самонаблюденія. Г. Глинка выше средняго человѣка не стоитъ. И, конечно, онъ трактовалъ отношеніе къ печатному слову руководителей «Рѣчи», ихъ отношеніе къ вопросамъ публицистической чести и этики и къ независимости печати именно такъ, какъ самъ ко всему этому относился. А насколько въ его глазахъ этика печати условна и относительна, характерно обнаружили, во-первыхъ, одинъ эпизодъ, разсказанный г. Вальденомъ, а во-вторыхъ,—показаніе издателя «Земщины» и его политическаго единомышленника, г. Володимерова.

Г. Вальденъ, прочитавъ статьи «Земщины», отправился къ г.г. Володимерову и Глинкѣ и объяснилъ, что газета впала въ ошибку. И этотъ визитъ имѣлъ совершенно неожиданный результатъ. За г. Вальденомъ начали ходить сыщики. Избавился онъ отъ ихъ постояннаго сопровожденія лишь благодаря редактору «Дружескихъ Рѣчей», также печатавшихся въ типографіи «Слово». Послѣдній далъ ему карточку въ охранное отдѣленіе. Послѣ посѣщенія Вальденомъ этого учрежденія, гдѣ онъ объяснилъ всѣ обстоятельства дѣла, агенты охраны прекратили за нимъ наблюденіе. Едва ли эта эпизодическая подробность дѣла нуждается въ комментаріяхъ. Достаточно будетъ сказать, что она ярко свидѣтельствуетъ, насколько газеты типа «Дружескихъ Рѣчей» и «Земщины» иначе понимаютъ задачи, способы дѣйствій и независимость печати, нежели ихъ понимаютъ газеты противоположнаго политическаго лагеря.

Г. Володимеровъ показывалъ въ окружномъ судѣ, что онъ чрезвычайно порадовался изобличенію «Рѣчи»—«порадовался, какъ политическій дѣятель, какъ членъ правой организаціи». «Насчетъ полученія «Рѣчью» денегъ за защиту финляндскихъ интересовъ,—говорилъ онъ въ палатѣ,—думская фракція правыхъ не сомнѣвалась». На вопросы обвинителя онъ отвѣчалъ, что со времени возникновенія дѣла не получалъ отъ г. Глинки никакихъ данныхъ, подтверждающихъ справедливость статей, но что для него было достаточно и того факта, что «Рѣчь» горячо отстаивала интересы Финляндіи. Отстаивала интересы,—значитъ, брала за это деньги. И эти дикія слова были сказаны тономъ твердаго убѣжденія!.. Такіе люди имѣютъ свою собственную психологію, и къ нимъ нельзя прилагать общихъ мѣрокъ отличенія разумныхъ основаній отъ неразумныхъ.

Весьма ярко изобразилъ одинъ юмористъ ходъ мыслей г.г. Володимерова и Глинки.

...«Прочитавъ стенограмму думской рѣчи Милюкова и передовую статью «Рѣчи» въ защиту правъ Финляндіи, г. Глинка-Янчевскій сразу поставилъ себѣ вопросъ:

«Сколько дадено»?

«Въ томъ же, что финляндцами было, вообще, дадено, а «Рѣчью» взято,—экономическій матеріалистъ г. Глинка не сомнѣвался ни секунды.

«Ужели-жъ «Рѣчь» даромъ станетъ распинаться за какія-то тамъ права финляндцевъ?

«Чай, не маленькая»...

Медленность разсмотрѣнія кореннымъ судомъ дѣлъ о клеветѣ въ печати и неизбѣжность сосредоточенія вниманія суда на субъективной виновности, разъ виновность связывается съ уголовной

карой, заставляютъ тѣмъ болѣе желать, чтобы вошло въ нравы и обычаи обращеніе по дѣламъ подобнаго рода къ третейскому разбирательству. Заключеніе клеветника въ тюрьму не нужно для того, кто возбуждаетъ дѣло не съ цѣлью мести и кого заботитъ, главнымъ образомъ, возстановленіе своей попранной чести. Ему нужно одно авторитетное, не допускающее сомнѣній и кривотолковъ, признаніе извѣта ложью. Уголовное же послѣдствіе приговора только стѣсняетъ судейскую совѣсть и затрудняетъ возстановленіе, въ глазахъ широкихъ массъ, чести подвергшагося оклеветанію. Суровыя кары за клевету представляютъ собой обоюдоострую мѣру. Онѣ увеличиваютъ вѣроятность той неудовлетворенности для подвергшагося клеветѣ, которая сопутствуетъ оправданію по отсутствію признаковъ субъективной виновности.

Дисциплинарное производство о петроградскихъ адвокатахъ, одновременно привлеченныхъ и къ дисциплинарной, и къ уголовной отвѣтственности за извѣстную резолюцію по дѣлу Бейлиса, принятую въ общемъ собраніи 23 октября 1913 года, получило окончательное разрѣшеніе. 21 февраля петроградская судебная палата въ общемъ собраніи департаментовъ разсмотрѣла апелляціонный отзывъ прокурора палаты на рѣшеніе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и, въ отмѣну этого рѣшенія, троимъ изъ обвинявшихся воспретила практику на годъ, а двадцати восьми—на шесть мѣсяцевъ.

Не входя въ разборъ существа рѣшенія палаты, напомнимъ, что свое отношеніе къ виновности адвокатовъ, подвергнутыхъ ею столь тяжкому дисциплинарному взысканію, петроградская судебная палата, въ составѣ той же самой коллегіи, высказала еще тогда, когда ею было предложено совѣту присяжныхъ повѣренныхъ возбудить дисциплинарное производство. И высказала она его тогда въ формѣ болѣе чѣмъ опредѣленной, не различая даже, какія слова допустимы и какія недопустимы въ оффиціальныхъ актахъ. «Не выждавъ окончанія суда надъ Бейлисомъ,—писала палата въ томъ своемъ опредѣленіи,—присяжные повѣренные, по самому званію своему лучше другихъ обывателей долженствовавшіе понимать, что до судебнаго приговора нельзя утверждать о неосновательности возбужденія уголовнаго преслѣдованія, позволили себѣ бросить государственной власти *наглое* обвиненіе». Такимъ образомъ, приговоръ палаты, какъ апелляціонной инстанціи дисциплинарнаго суда, въ сущности, былъ давно предрѣшенъ, и разсмотрѣніе ею дѣла 21 февраля имѣло характеръ формальности.

Подобный же характеръ неизбѣжно долженъ имѣть и пред-

стоящій апелляціонный пересмотръ въ той же судебной палатѣ обвинительнаго приговора, постановленнаго въ уголовномъ порядкѣ. Въ томъ направленіи, которое получило дѣло петроградскихъ адвокатовъ, петроградская судебная палата—одно и то же судебное мѣсто,—оказалась и органомъ, возбудившимъ дисциплинарное преслѣдованіе, и органомъ суда: во-первыхъ—дисциплинарнаго, во-вторыхъ—уголовнаго. Дѣло по апелляціонной жалобѣ осужденныхъ на приговоръ окружнаго суда судебная палата, правда, будетъ разсматривать не въ общемъ собраніи департаментовъ, а въ составѣ лишь одного департамента. Но судьи этого департамента уже дважды участвовали въ разсмотрѣніи тѣхъ же самыхъ фактовъ, обстоятельствъ и юридическихъ доводовъ, ихъ сужденіе составилось и закрѣплено рѣшеніемъ. Они впадутъ въ непримиримое противорѣчіе съ самими собой, если постановятъ въ уголовномъ порядкѣ оправдательный приговоръ лицамъ, дѣйствія которыхъ одинъ разъ назвали «наглыми», а въ другой разъ признали заслуживающими дисциплинарной кары. Недопустимость смѣшенія въ одномъ судебномъ мѣстѣ различныхъ судебныхъ функцій составляетъ одно изъ азбучныхъ началъ уголовнаго процесса. Разъ петроградскал судебная палата была органомъ, возбудившимъ дисциплинарное дѣло въ подробно мотивированномъ опредѣленіи, она не могла послѣ того стать органомъ дисциплинарнаго и уголовнаго суда по тому же самому дѣлу, ибо никакое судебное мѣсто не можетъ быть почитаемо компетентнымъ для провѣрки и пересмотра своего собственнаго сужденія.

Еще два слова по вопросу объ адвокатахъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ, по поводу рѣшенія сената по дѣлу помощника присяжнаго повѣреннаго Георгадзе, мы писали, что это рѣшеніе можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ исключеніе изъ присяжной адвокатуры немалаго числа заслуженныхъ и лучшихъ ея представителей. Жизнь уже дала первый примѣръ.

Бывшій членъ первой Государственной Думы, въ свое время осужденный по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, М. Е. Земцовъ, несмотря на судимость, въ 1912-мъ году былъ принятъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ московскимъ совѣтомъ, такъ какъ онъ судебнымъ приговоромъ не былъ подвергнутъ ограниченію въ правахъ. Въ 1914 году М. Е. Земцовъ перечислился въ новочеркасскій округъ. Но прокуроръ новочеркасской судебной палаты постановленіе совѣта о его перечисленіи опротестовалъ, и палата протестъ уважила. Сенатъ оставилъ жалобу Земцова безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, по толкованію сената, лицо, судившееся за

дѣяніе, за которое могло быть назначено лишеніе правъ, какового судъ, однако, не назначилъ, не только не можетъ вступить въ присяжную адвокатуру, но и подлежитъ исключенію, если уже въ ней состоитъ. И хотя новое уголовное уложеніе, распространенное на политическія преступленія, не знаетъ пожизненныхъ праволишеній, но данное ограниченіе въ правахъ не покрывается никакой давностью, ни даже помилованіемъ. Чѣмъ шире распространяется, для людей безправныхъ, но судомъ правъ не лишенныхъ, кругъ запретной дѣятельности,—служебной, политической и общественной,—тѣмъ ярче выдвигается необходимость закона, который устранилъ бы несообразность создавшагося положенія.

Война унесла третью жертву изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей лѣваго направленія, добровольно отдавшихся долгу боевого служенія родинѣ. А. М. Рыкачевъ и А. М. Колюбакинъ отдались этому долгу непосредственно, какъ воины, и они убиты. Князь Варламъ Левановичъ Геловани пошелъ на войну, какъ гражданинъ, помогать больнымъ и раненымъ. Онъ стоялъ во главѣ санитарнаго отряда Государственной Думы, работалъ въ лазаретѣ, заразился и умеръ отъ сыпного тифа.

Человѣкъ цѣльный и чистый, кн. Геловани съ первыхъ моментовъ войны рвался туда, гдѣ свистятъ пули и гдѣ, кромѣ воиновъ, такъ нужны, для заботы о нихъ, граждане. Съ транспортомъ вещей онъ ѣздилъ изъ Петрограда на западный фронтъ. Раздавая привезенное бѣлье, онъ пробрался въ моментъ боя въ передовые окопы и, когда увидѣлъ возлѣ себя раненаго солдата, на своихъ плечахъ вынесъ его изъ ада рвущихся шрапнелей. Вернувшись, кн. Геловани говорилъ, что будетъ ждать, не вспыхнутъ ли военныя дѣйствія на фронтѣ его родины, на Кавказѣ, чтобы немедленно туда отправиться. Ждать пришлось недолго. Въ дни боевъ подъ Саракамышемъ на его долю и на долю его отряда, по свидѣтельству письма начальника дивизіи, при которой отрядъ состоялъ, выпала «нечеловѣческая работа». «Персоналъ отряда,—говорится въ томъ же письмѣ,—видя неутомимую дѣятельность кн. Геловани, былъ выше всякой похвалы». Когда въ лазаретѣ появились несчастные, пораженные ужасной заразой, онъ, подавая примѣръ персоналу, самъ ухаживалъ за ними...

Князя В. Л. Геловани послала въ четвертую Госуд. Думу родная Кутаисская губернія. Въ Думѣ онъ принадлежалъ къ трудовой группѣ и считалъ своей задачей быть представителемъ нуждъ и стремленій грузинскаго народа. Не разъ онъ горячо про

тестовалъ съ думской каѳедры противъ обвиненія грузинъ въ стремленіи къ сепаратизму. Его слова принимались съ недовѣріемъ. Своей смертью, во имя общаго великаго боевого русскаго дѣла, онъ доказалъ, что говорилъ правду...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ПАМЯТИ Ѳ. Е. КОРША.

Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу «старшіе богатыри» русской филологической науки.. За послѣдніе два года скончались Вс. Ѳ. Миллеръ, Ф. Ѳ. Фортунатовъ, В. И. Ламанскій, — и вотъ теперь—Ѳ. Е. Коршъ († 16 февр.).

Съ изумительнымъ даромъ полиглотта Ѳ. Е. Коршъ соединялъ огромную, доведенную до совершенства, филологическую эрудицію. Онъ былъ знатокомъ и авторитетомъ во всѣхъ отдѣлахъ сравнительной грамматики, какъ индоевропейскихъ языковъ, такъ и семитическихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ владѣлъ огромнымъ лингвистическимъ и филологическимъ матеріаломъ отдѣльныхъ группъ ближайшеродственныхъ языковъ и каждаго изъ нихъ въ отдѣльности: въ классической филологіи, въ славистикѣ, въ области германскихъ и романскихъ языковъ, въ восточной филологіи, — повсюду онъ былъ какъ у себя дома и безъ помѣхи справлялся съ трудными, сложными и нерѣдко еще непочатыми вопросами фонетики, морфологіи, синтаксиса и метрики. Его лингвистическая (грамматическая въ обширномъ смыслѣ) эрудиція опиралась на солидномъ базисѣ большой начитанности въ текстахъ — греческихъ, латинскихъ, славянскихъ, санскритскихъ, иранскихъ, арабскихъ, еврейскихъ. Къ этому присоединялось еще изумительно-тонкое «чутье живого языка», одинаково непогрѣшительное, какъ по отношенію къ живымъ языкамъ, такъ и по отношенію къ мертвымъ. Этими послѣдними онъ владѣлъ такъ, какъ будто они живые, и какъ будто онъ самъ — не московскій профессоръ и петроградскій академикъ Ѳедоръ Евгеньевичъ Коршъ, а напр. эллинъ временъ Перикла, civis romanus временъ Цицерона, образованный индусъ, современникъ Калидасы, еврей, современникъ пророка Исайи. Этимъ рѣдкимъ даромъ лингвистическаго перевоплощенія покойный ученый любилъ «играть»: вдругъ напишетъ частное письмо по-санскритски или по-арабски, или стихотвореніе на лесбосскомъ нарѣчіи древнегреческаго языка, или не-

реведетъ стихи Пушкина на латинскій, греческій, санскритъ. На своемъ юбилеѣ онъ отвѣчалъ на привѣтствія депутацій, между прочимъ, по-турецки, по-армянски, по-датски. Любилъ онъ переводить стихи размѣромъ подлинника, или близкимъ къ этому размѣру, съ какого-либо живого языка на другой, принадлежащій къ той же лингвистической группѣ (что особенно трудно), напр. съ одного славянскаго на другой. Такъ, однажды покойный А. А. Потебня получилъ отъ него въ письмѣ переводъ стихотворенія Преширна (знаменитаго словинскаго (хорутанскаго) поэта) на украинскій языкъ, и, помнится, А. А. Потебня нашелъ переводъ безукоризненнымъ. Кстати упомянуть, Ѳ. Е. Коршъ очень любилъ «малороссіянъ», интересовался ихъ національно-культурнымъ движеніемъ, писалъ по-украински и выступалъ на защиту правъ украинскаго языка и литературы.

Къ великому сожалѣнію, научное наслѣдіе Корша, высоко цѣнное по качеству, весьма не велико по количеству: подобно Ф. Ѳ. Фортунатову, покойный неохотно писалъ и не спѣшилъ печатать. Его ученикамъ и почитателямъ приходилось упрашивать, уговаривать его и даже прибѣгать къ нѣкоторому нравственному воздѣйствію, чтобы заставить Ѳедора Евгеньевича, если не написать, то хоть продиктовать то или другое изслѣдованіе, давно готовое въ огромномъ умѣ и хранящееся въ колоссальной памяти. Такъ, только благодаря энергіи и настойчивости А. А. Шахматова, появилась въ печати одна изъ замѣчательнѣйшихъ работъ Корша, если не ошибаюсь, о стихѣ русскихъ былинъ, гдѣ впервые была раскрыта метрическая природа и уловлена мелодія этого стиха.

Коршъ былъ однимъ изъ немногихъ въ ученомъ мірѣ знатоковъ метрики различныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ. И свою ученую дѣятельность онъ и началъ диссертаціей «De versu Saturnio» (1867). Впослѣдствіи онъ много и плодотворно работалъ надъ изученіемъ метрики санскритскихъ и пракритскихъ текстовъ, а равно и надъ арабской, въ тайну которой не удалось проникнуть его предшественнику въ этой области, высокодаровитому французскому арабисту Stanislas Guard. Результаты этихъ изслѣдованій были опубликованы лишь частично, урывками.

Въ 1877 году Коршъ защитилъ докторскую диссертацію — по сравнительному синтаксису («Способы относительнаго подчиненія»), капитальное изслѣдованіе, произведенное на основаніи огромнаго матеріала изъ разныхъ языковъ, въ томъ числѣ арабскаго.

Своей богатой эрудиціей покойный ученый дѣлился съ читателями спеціальныхъ — филологическихъ — журналовъ, русскихъ и иностранныхъ, большею частью въ формѣ рецензій на труды по

всѣмъ отдѣламъ сравнительнаго языкознанія и филологіи, а также небольшими статьями и замѣтками по этимологіи (въ томъ числѣ и русской) и по критикѣ текстовъ (преимущественно греческихъ и латинскихъ).

Наслѣдіе, для 47-ми-лѣтней дѣятельности, — небольшое, но каждая статья, написанная Коршемъ, была вкладомъ въ науку.

Его преподавательская дѣятельность протекала въ Москвѣ (въ университетѣ по каѳедрѣ классической филологіи и въ Лазаревскомъ институтѣ по каѳедрѣ персидской словесности), съ небольшимъ перерывомъ (1889 — 1892), когда онъ преподавалъ въ Новороссійскомъ университетѣ. Въ 1900 г. онъ былъ избранъ въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Его многочисленные ученики и почитатели свято хранятъ память объ учителѣ, ученомъ и обаятельномъ человѣкѣ съ искрящимся умомъ, блестящимъ остроуміемъ и неизмѣнно-радушной готовностью подѣлиться сокровищами своихъ знаній со всѣми, кто когда-либо обращался къ нему за совѣтомъ, за указаніями и справками. Простой, общительный, живой, онъ всего менѣе походилъ на жреца, священнодѣйствующаго въ храмѣ науки, — и не было въ немъ и тѣни профессорскаго педантизма и ученаго высокомѣрія.

Д. Ов.-К—ій.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Седьмой мѣсяцъ войны).

Въ противоположность предыдущему мѣсяцу, седьмой мѣсяцъ войны, по крайней мѣрѣ, по скольку рѣчь идетъ о восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, отличался особымъ оживленіемъ, большими рѣшительными столкновеніями, сложнымъ и запутаннымъ маневрированіемъ войскъ.

Въ самомъ началѣ мѣсяца, на рубежѣ между шестымъ и седьмымъ мѣсяцемъ, наибольшее вниманіе привлекалъ къ себѣ польскій театръ войны, гдѣ въ болимовскомъ направленіи германцы вели ожесточенныя атаки на путяхъ къ Варшавѣ. Въ этомъ районѣ германскія дѣйствія не прекращались въ теченіе почти полутора мѣсяцевъ, начиная съ первыхъ чиселъ декабря. Здѣсь имъ удалось переправиться на правый берегъ р. Равки и продвинуться на нѣ-

сколько верстъ впередъ до линіи деревень Гуминъ—Боржимовъ—Воля-Шидловецка. Эти деревни частью находились въ рукахъ германцевъ, частью оставались за нами, и на нихъ въ теченіе полутора мѣсяцевъ шли частыя, почти безпрерывныя германскія атаки. Атаки эти отличались большимъ упорствомъ и раньше. Въ нихъ германцы нерѣдко вводили крупныя силы, но никогда это упорство не доходило до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ въ бояхъ, начавшихся 18-го января. Въ эти дни на небольшомъ сравнительно фронтѣ Гуминъ—Боржимовъ—Воля-Шидловецка — Тартакъ Болимовскій, всего приблизительно на протяженіи 9—10 верстъ, германцы выставили 7 пѣхотныхъ дивизій, т. е. $3^1/_2$ корпуса и общей численностью болѣе 100.000 человѣкъ. Такое густое построеніе войскъ являлось исключительнымъ даже въ эпоху наполеоновскихъ войнъ; при современномъ же артиллерійскомъ и оружейномъ огнѣ, оно считалось теоретически совершенно недопустимымъ. При современныхъ условіяхъ боя, при средней обстановкѣ, боевой участокъ одного корпуса равенъ 8—12 верстамъ, и, слѣдовательно, весь участокъ германскихъ атакъ могъ свободно заниматься однимъ только корпусомъ. Германцы здѣсь выставили болѣе, чѣмъ тройныя силы; нѣкоторые же отдѣльные участки этого небольшого фронта были заняты ими еще гуще. Такъ, были случаи, что они развертывали цѣлую дивизію на фронтѣ всего въ одну версту. Этими колоссальными силами они вели упорныя атаки густыми колоннами подрядъ нѣсколько дней—съ 18 до 21 января. Нѣчто подобное этому можно бы было найти только на западномъ театрѣ войны, во время ожесточенныхъ германскихъ же атакъ на англійскія позиціи у Ипра. Но, повидимому, атаки на Боржимовъ и Гуминъ превзошли собою и то, свидѣтелями чего были англійскія войска.

Въ первые моменты германское наступленіе привело къ захвату нѣкоторыхъ нашихъ передовыхъ окоповъ, что, разумѣется, совершенно не соотвѣтствовало ни количеству введенныхъ въ дѣло германскихъ войскъ, ни тяжести понесенныхъ ими при этомъ потерь. Но и этого частнаго успѣха германцамъ не удалось закрѣпить за собою. Русскія войска почти немедленно начали контръ-атаки. Завязались упорные штыковые бои, отдѣльные окопы и позиціи неоднократно переходили изъ рукъ въ руки, и, въ результатѣ нѣсколькихъ дней усилій, германцы ничего не достигли. Всѣ захваченные ими наши окопы были отбиты нами обратно. Обѣ стороны вернулись къ своему первоначальному положенію, и въ итогѣ всѣхъ этихъ боевъ явились только колоссальныя потери, понесенныя германцами и исчисляемыя нашими оффиціальными источниками въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Такая цифра, конечно, не является преувели-

ченной, въ виду того, что условія боя неизбѣжно вели къ громаднымъ потерямъ германцевъ; нельзя безнаказанно развертывать такія густыя массы на такомъ ограниченномъ пространствѣ, обстрѣливаемомъ многочисленной артиллеріей.

О силѣ артиллерійскаго огня во время этихъ сраженій можно судить по тому, что германцы ввели въ дѣло свыше 100 батарей, т. е. 600 тяжелыхъ и легкихъ орудій, и поддерживали изъ нихъ все время ураганный огонь, не соблюдая порядка очередей и заботясь только о томъ, чтобы выпустить какъ можно болѣе снарядовъ въ наиболѣе короткій промежутокъ времени. Наша артиллерія успѣшно соперничала съ германскими батареями. Напряженности артиллерійскаго огня соотвѣтствовала напряженность огня пулеметнаго и ружейнаго. Германцы на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ зданіяхъ ухитрились поставить колоссальное количество пулеметовъ. Такъ, на винокуренномъ заводѣ у селенія Воля-Шидловецка, изъ-за котораго шла большая борьба, германцы выставили 50 пулеметовъ, которые почти всѣ погибли, когда этотъ заводъ былъ разрушенъ огнемъ нашей артиллеріи.

21-го января уже вполнѣ выяснилось, что германскія атаки потерпѣли неудачу, и постепенно онѣ стали затихать. Къ 24 января на этомъ участкѣ установилось уже затишье, нарушаемое только артиллерійской стрѣльбой, которая постепенно становилась все менѣе напряженной. Послѣ того, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, на западнопольскомъ фронтѣ крупныхъ боевыхъ столкновеній не происходило. Еще въ разгарѣ боржимовскихъ боевъ русскія войска на лѣвомъ берегу нижняго теченія Бзуры нѣсколько продвинулись впередъ и захватили важный опорный германскій пунктъ у мѣстечка Каміонъ, но затѣмъ наше дальнѣйшее движеніе впередъ здѣсь остановилось, и въ теченіе послѣдующихъ недѣль мы только одинъ разъ перешли въ наступленіе противъ фольварка Могелы (недалеко отъ Воли-Шидловецкой). Мы здѣсь сперва взорвали минами нѣкоторыя германскія траншеи, а затѣмъ атаковали двойной рядъ германскихъ окоповъ и овладѣли ими, нанеся противнику довольно серьезныя потери. Спѣшившіе, было, на помощь къ германцамъ три батальона изъ Болимова были разсѣяны огнемъ нашей артиллеріи. Овладѣвъ этимъ фольваркомъ, мы не дѣлали дальнѣйшихъ попытокъ продвинуться еще впередъ. Со своей стороны и германцы въ Западной Польшѣ лишь изрѣдка предпринимали слабыя атаки противъ нашихъ позицій на отдѣльныхъ участкахъ фронта,—атаки, носившія безпорядочный характеръ и не связанныя никакимъ общимъ планомъ. Такія попытки были сдѣланы германцами и на Нижней Бзурѣ у Витковице, и къ югу отъ Равы, у Мрочковице, и вдоль сѣвернаго

берега Пилицы, и къ югу отъ Пилицы, у селенія Богуславы, у деревни Лопушно, на верхней Нидѣ у Бохинца. Но ни въ одномъ случаѣ германцы не вводили въ дѣло сколько-нибудь крупныхъ силъ и не вели наступленія съ достаточной энергіей. Эти атаки безъ особенно большого труда отбивались нами, и затѣмъ, на соотвѣтственныхъ участкахъ фронта, опять водворилось затишье, продолжающееся и до сихъ поръ, уже почти цѣлый мѣсяцъ.

Взамѣнъ затишья на западно-польскомъ фронтѣ, чрезвычайно оживленныя боевыя дѣйствія возгорѣлись на восточно-прусскомъ театрѣ войны, считавшемся, и вполнѣ справедливо, до тѣхъ поръ совершенно второстепеннымъ. Германское наступленіе въ этомъ районѣ началось медленно послѣ отбитыхъ нами германскихъ атакъ въ районѣ Боржимова, и потому было вполнѣ естественно ставить эти двѣ операціи въ связь, видѣть въ одной изъ нихъ продолженіе другой или, наоборотъ, видѣть въ болѣе ранней подготовку болѣе поздней. Но очевидно, германское наступленіе въ Восточной Пруссіи не явилось въ результатѣ неудачныхъ германскихъ атакъ въ Западной Польшѣ. Какъ ни соблазнительно предположеніе, что германцы предприняли свое наступленіе въ Восточной Пруссіи только потому, что убѣдились въ безплодности своихъ попытокъ наступить на Варшаву съ запада, отъ этого предположенія необходимо отказаться. Атаки въ районѣ Боржимова закончились совершенно только 24 января, а уже въ это время обнаруживались признаки накопленія германцами значительныхъ силъ въ Восточной Пруссіи. Наступленіе въ Восточной Пруссіи было подготовлено германцами очень тщательно. Войска были исподволь снабжены теплой одеждой, санями, значительнымъ количествомъ полозьевъ и всѣмъ тѣмъ, что необходимо для передвиженія по глубокому снѣгу въ суровое время года. Такая подготовка не могла быть, конечно, импровизированной въ 2—3 дня, и очевидно, что наступленіе въ Восточной Пруссіи было задумано задолго до того, когда выяснились результаты попытки наступленія въ районѣ Боржимова. Еще не зная, чѣмъ кончатся ихъ атаки на путяхъ къ Варшавѣ съ запада, германцы уже задумали и заранѣе тщательно подготовили свое наступленіе въ Восточной Пруссіи.

Но, съ другой стороны, атаки въ раіонѣ Боржимова не могутъ быть разсматриваемы, какъ подготовка германскаго наступленія въ Восточной Пруссіи, какъ средство отвлечь наше вниманіе и наши силы отъ того направленія, гдѣ противникъ замышлялъ главный ударъ. Атаки въ раіонѣ Боржимова велись настолько крупными силами (какъ мы видѣли, здѣсь была введена въ дѣло цѣлая армія), что, разумѣется, это была не простая демонстрація, не простое

желаніе отвлечь наше вниманіе въ сторону. Въ Восточной Пруссіи почти въ одномъ направленіи германцы не вводили въ дѣло такихъ крупныхъ войсковыхъ массъ, какія они ввели въ Западной Польшѣ, и было бы нецѣлесообразнымъ предполагать, что для демонстраціи они употребили силы большія, чѣмъ для попытки удара въ главномъ направленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самый ходъ операціи въ Восточной Пруссіи не обнаруживаетъ стремленіе со стороны германцевъ вызвать какое-либо общее рѣшеніе. Это наступленіе разбилось какъ бы на двѣ отдѣльныя операціи: на нападеніе на нашу 19-ую армію въ восточномъ направленіи и на наступленіе противъ линіи рѣкъ Бобра и Нарева въ южномъ направленіи. Если для германцевъ главнымъ являлось восточное направленіе, пути, преграждаемые нашей десятой арміей, то имъ незачѣмъ было отказываться отъ своего начатаго успѣшно въ этомъ направленіи наступленія и замѣнять его наступленіемъ на линію рѣкъ Нарева и Бобра. Если же ихъ главная цѣль была именно въ этомъ наступленіи на линію Нарева и Бобра, имъ незачѣмъ было тратить столько времени и силъ на нападеніе на нашу 10-ую армію, что задержало ихъ по меньшей мѣрѣ на полторы недѣли. Въ восточномъ направленіи германцы достигли замѣтныхъ успѣховъ уже 28-го января, а ихъ натискъ на линію Бобра и Нарева сталъ давать себя ощутительно чувствовать только 10 днями позже, приблизительно около 8-го февраля. Если бы германцы дѣйствительно хотѣли прорвать линію Нарева и Бобра, конечно, они не стали бы тратить столько времени на борьбу съ 10-й арміей, а сразу бы двинулись изъ Восточной Пруссіи въ южномъ направленіи, тѣмъ болѣе, что наша 10-ая армія не занимала въ тотъ моментъ сколько-нибудь угрожающаго положенія. Она, правда, до того времени почти все время вела наступленіе, но это наступленіе развивалось очень медленно, и германская армія, стоявшая на линіи Мазурскихъ озеръ и рѣки Ангерапа, могла еще долгое время сопротивляться напору нашихъ войскъ съ востока, и, слѣдовательно, наступленію германцевъ на Наревъ и Бобръ не угрожало никакой непосредственной опасности со стороны нашей 10-й арміи. Да и помимо того, если бы вообще серьезное наступленіе на Наревъ и Бобръ входило когда-либо въ планы германской главной квартиры, то для этого наступленія можно бы было выбрать гораздо болѣе подходящій моментъ. Несомнѣнно, что въ тотъ моментъ, когда русскія войска находились у границы Силезіи, стояли вблизи отъ Кракова и были отдѣлены большимъ разстояніемъ отъ Варшавы, намъ было бы гораздо труднѣе парировать нападеніе на Наревъ и Бобръ, чѣмъ въ настоящій моментъ, когда русскія войска отошли такъ

близко къ Варшавѣ. Въ подобнаго рода операціяхъ результатъ въ чрезвычайно большой степени зависитъ отъ выигрыша времени, и, конечно, въ этомъ отношеніи въ концѣ октября или въ началѣ ноября наступленіе на Наревъ открывало германцамъ несравненно болѣе широкія перспективы, чѣмъ въ концѣ января или въ началѣ февраля. Тѣмъ не менѣе, въ то время германцы не дѣлали подобной попытки, очевидно, потому, что наступленіе на Наревъ не входило въ ихъ планъ кампаніи. Это вполнѣ понятно потому, что линія Бобра и Нарева является одной изъ наиболѣе сильныхъ естественныхъ оборонительныхъ линій, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи на польскомъ театрѣ войны, и эта естественная оборонительная линія, кромѣ того, усилена цѣлымъ рядомъ укрѣпленій. Вся система рѣкъ Нѣмана, Бобра, Нарева и Буга представляетъ изъ себя сплошную укрѣпленную линію, которую германскіе военные источники оцѣниваютъ очень высоко. Было бы странно расчитывать, что германцы, потерпѣвъ неудачу въ наступленіи на Варшаву съ запада, гдѣ на ихъ пути не было никакихъ серьезныхъ естественныхъ преградъ, гдѣ имъ не приходилось бороться съ русскими крѣпостями,—чтобы они возымѣли надежду на большій успѣхъ удара по пути гораздо болѣе трудному, прегражденному сильными укрѣпленіями.

Въ виду этого намъ приходится сдѣлать выводъ, что германское наступленіе подъ Боржимовомъ и сложная операція въ Восточной Пруссіи были операціями, лишь случайно совпадавшими во времени,—можетъ быть, косвенно долженствовавшими помочь одна другой, но по существу совершенно самостоятельными и независимыми, преслѣдовавшими равноцѣнныя цѣли. А этотъ выводъ ведетъ неизбѣжно къ допущенію и того, что и въ томъ, и другомъ случаѣ германцы не стремились къ общему рѣшенію, а преслѣдовали, можетъ быть, и довольно крупныя, но все-таки частныя цѣли. Они не стремились приблизиться къ рѣшенію войны какимъ-нибудь однимъ энергичнымъ ударомъ, а хотѣли только достигнуть нѣкоторыхъ частныхъ успѣховъ, не ускорить окончаніе войны, а, наоборотъ, продлить свое сопротивленіе.

Къ началу германскаго наступленія въ Восточной Пруссіи, на этомъ театрѣ войны сложилась слѣдующая обстановка: съ востока на Пруссію постепенно надвигалась наша немногочисленная 10-я армія, составъ которой сами германцы исчисляютъ только въ 11 пѣхотныхъ дивизій, въ дѣйствительности же такая оцѣнка была нѣсколько преувеличена. Эта армія постепенно подошла къ укрѣпленной германской линіи на рѣкѣ Ангерапѣ и у Мазурскихъ озеръ и стояла здѣсь уже въ теченіе долгаго времени. Нашъ крайній пра-

вый флангъ велъ въ началѣ и срединѣ января наступленіе въ районѣ Ласденена и въ лѣсахъ къ сѣверу отъ Пилькаллена и Гумбинена. Но это наступленіе не дало какихъ-нибудь крупныхъ результатовъ, и, по указаніямъ «Русскаго Инвалида», къ моменту начала германскаго наступленія, подготовлялось отступленіе нашей 10-й арміи. Чѣмъ это отступленіе было вызвано—неизвѣстно, но въ обзорахъ «Русскаго Инвалида» содержатся намеки на то, что съ нашей стороны замышлялась какая-то операція, которая стала извѣстна германцамъ, что и ускорило ихъ наступленіе. Позиціи 10-й арміи въ 20-хъ числахъ января простирались отъ Ласденена на сѣверо-востокѣ къ Гумбинену (немного не доходя до него), отсюда шли къ рѣкѣ Ангерапъ, гдѣ у деревни Гроссъ-Медунишкенъ мы утвердились уже на лѣвомъ берегу рѣки; затѣмъ шли вдоль Мазурскихъ озеръ, при чемъ наша тяжелая артиллерія была установлена противъ города Летценъ и защищавшей его небольшой германской крѣпости Бойенъ. Затѣмъ далѣе къ югу русскимъ войскамъ еще въ ноябрѣ удалось прорваться черезъ проходъ между озерами Бульвельно и Тыркло и проникнуть въ область между озерами Левентинъ и Шпирдингъ, но затѣмъ мы остановились передъ занятыми германцами высотами Попродкенъ и Домбровкенъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не продвигались далѣе впередъ. У южной оконечности Мазурскихъ озеръ мы занимали городъ Іоганнисбургъ, и немного къ западу отъ него наши позиціи находились у селенія Снопкенъ. Такимъ образомъ, нашъ крайній правый флангъ былъ нѣсколько оттянутъ назадъ, по сравненію съ центромъ и лѣвымъ флангомъ 10-й арміи. Съ южной стороны Восточной Пруссіи сколько-нибудь значительныя силы съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали только на такъ называемомъ Млавскомъ направленіи, въ предѣлахъ Плоцкой губ., при чемъ въ теченіе первой половины января районъ боевыхъ столкновеній перемѣщался здѣсь отъ желѣзной дороги Варшава-Млава все далѣе къ западу. Тѣсня противника, русскія войска захватили городъ Серпецъ, затѣмъ оттѣснили непріятеля за рѣку Скрву, взяли мѣстечко Скемпе, а наши передовыя части подходили уже съ одной стороны къ городу Липно, а съ другой стороны къ деревнѣ Надрожъ, въ 8 верстахъ отъ Рыпина. Но преимущественно въ этомъ направленіи съ нашей стороны дѣйствовали кавалерійскія части, поддерживаемыя пѣхотой лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ.

Германцы повели наступленіе почти одновременно въ трехъ направленіяхъ. 24-го января они силами приблизительно до 5 дивизій, т. е. $2^1/_2$ корпуса, повели наступленіе въ районѣ Липно, Серпецъ и Бѣжунь, т. е. на лѣвый флангъ нашихъ войскъ, дѣйство-

вавшихъ на млавскомъ направленіи. На слѣдующій день, 25-го января, началось ихъ наступленіе на Іоганнисбургъ, противъ лѣваго фланга нашей 10-й арміи. Еще днемъ или двумя позже они повели отъ Тильзита наступленіе на правый флангъ той же 10-й арміи. Хотя это наступленіе въ сѣверномъ районѣ началось позже всего, для него германцы сосредоточили наиболѣе внушительныя силы, и оно дало поэтому крупный эффектъ. Обрушившись на нашъ крайній право-фланговый корпусъ, германцы нанесли ему большія потери на вержболовскихъ позиціяхъ и принудили его къ отходу, который сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго называетъ «весьма спѣшнымъ». Этотъ отходъ обнажилъ нашъ сосѣдній корпусъ (20-й) и поставилъ его въ крайне тяжелое положеніе. Такъ какъ право-фланговый корпусъ и раньше стоялъ нѣсколько позади 20-го корпуса, то, послѣ отступленія право-фланговаго корпуса, германцы получили возможность ударить не только во флангъ 20-му корпусу, но и зайти въ тылъ ему. Уже вечеромъ 31-го января связь 20-го корпуса, находившагося въ то время въ районѣ между Гольдапомъ и Сувалками, съ 10-й арміей была прервана. Корпусъ оказался окруженнымъ германскими войсками, силы которыхъ постепенно возрастали. Въ этомъ положеніи оказались главныя силы 20-го корпуса, именно вся 29-я дивизія и три полка второочередной 53-й дивизіи [1]). Охваченный со всѣхъ сторонъ превосходными силами противника и вынужденный сражаться на 4 фронта, 20-й корпусъ не отказался, однако, отъ сопротивленія и въ теченіе 10 дней дѣлалъ попытки прорваться сквозь цѣпи противника, постепенно продвигаясь впередъ, пройдя за эти дни въ непрерывныхъ бояхъ свыше 50 верстъ, ведя за собою многочисленныхъ плѣнныхъ, сохраняя свою артиллерію и сражаясь до послѣдняго патрона. Двумъ изъ полковъ 29-й дивизіи удалось, въ концѣ концовъ, пробиться черезъ войска противника въ Августовскихъ лѣсахъ и присоединиться къ нашимъ частямъ. Остальнымъ 5 полкамъ сдѣлать это не удалось. Предпринятыя-было нами попытки подать помощь этимъ полкамъ изъ Гродна были скоро остановлены.

Южные корпуса 20-й арміи, противъ которыхъ противникъ предпринялъ наступленіе съ лѣваго фланга, тоже были вынуждены отступать при тяжелой обстановкѣ, идя всю дорогу по глубокимъ снѣгамъ и увозя за собою артиллерію не только полевую, но и осадную, которая была выставлена противъ крѣпости Летценъ. Эти войска въ теченіе долгаго времени выдерживали упорные бои. У Лыка

1) Въ обыкновенное время 20-й корпусъ состоитъ изъ 28-й и 29-й дивизій. Во время войны къ нему была присоединена 53-я дивизія, второочередная, но зато 28-я была отчислена къ одному изъ другихъ корпусовъ.

одинъ изъ нашихъ сибирскихъ корпусовъ оказалъ настолько упорное сопротивленіе противнику, что его подчеркиваютъ съ особымъ уваженіемъ даже и германскіе отчеты. Эти войска, въ концѣ концовъ, преодолѣли всѣ естественныя препятствія и благополучно отошли на нашу оборонительную линію.

Послѣ того, какъ германцы достигли своей ближайшей цѣли, нанесли частичное пораженіе 10-й арміи и вынудили къ отступленію другія ея части, они сразу и рѣзко измѣнили пути своего наступленія. Первоначально ихъ главныя массы двигались на крайнемъ сѣверѣ изъ района Тильзита, а передовыя ихъ части, въ первые дни наступленія, доходили до Таурогена и Юрбурга. Но затѣмъ вся германская армія сдвинулась къ югу, выставила противъ Нѣмана лишь небольшіе конные разъѣзды и направила свои главныя усилія противъ линіи Бобра и Нарева. Въ сѣверной части Сувалкской губ. германскихъ войскъ совсѣмъ почти не оказалось. Во всякомъ случаѣ, оба берега Нѣмана, на протяженіи отъ Олиты до Ковна, были заняты нашими войсками, а наши передовыя части выдвинулись довольно далеко на западъ отъ рѣки. Затѣмъ къ югу отъ Олиты наши передовыя части выдвинулись въ направленіи къ Симно и Серее, и только въ самой южной части Сувалкской губ. германцы занимали лѣвый берегъ Нѣмана, а въ одномъ пунктѣ, у деревни Свентоянскъ, сдѣлали даже попытку переправиться на правый берегъ рѣки. Попытка эта была предпринята, впрочемъ, съ очень небольшими силами, и небольшая германская пѣхотная часть, переправившаяся-было на правый берегъ Нѣмана, была безъ большого труда отброшена нашими войсками обратно. Довольно значительныя силы германцевъ стояли въ видѣ заслона противъ Гродна, и здѣсь, въ непосредственной близости отъ крѣпости, на разстояніи въ 15 или 20 верстахъ отъ города, начались по нашей иниціативѣ довольно упорные бои, постепенно принимавшіе все болѣе крупные размѣры и приведшіе къ частичному отходу германскихъ войскъ.

Стоявшія противъ Гродно германскія войска образовывали въ сущности нѣчто въ родѣ заслона и прикрытія лѣваго фланга главнаго германскаго фронта, обращеннаго къ югу и юго-востоку, въ сторону рѣкъ Бобра и Нарева. На верхнемъ Бобрѣ боевыя столкновенія происходили преимущественно въ районѣ Штабина и у деревни Ястржембны, около желѣзной дороги, соединяющей Гродно съ Августовымъ, и у самой южной оконечности августовскихъ лѣсовъ. Немного къ юго-западу отъ Штабина, у деревни Чарнево, германцы сдѣлали попытку перейти по гати черезъ Бобръ, но эта попытка была предпринята небольшими силами, и переправившійся черезъ Бобръ германскій батальонъ былъ полностью уничтоженъ нами, за

исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, попавшихъ въ плѣнъ. Гораздо болѣе серьезныя дѣйствія германцы предприняли противъ Осовца, гдѣ они выставили свою тяжелую артиллерію вплоть до гаубицъ калибромъ въ 11 — 12 дюймовъ, а въ послѣднее время къ этимъ тяжеловѣснымъ орудіямъ присоединилась даже одна изъ пресловутыхъ 16-ти-дюймовыхъ мортиръ. Германцы знали, что наша тяжелая артиллерія изъ Осовца была перевезена отчасти подъ Летценъ, но ихъ разсчеты на захватъ этой артиллеріи и на ослабленіе обороны Осовца не оправдались. Осовецкія орудія благополучно вернулись изъ-подъ Летцена на свои мѣста и были даже усилены находившимися подъ Летценомъ орудіями изъ нѣкоторыхъ нашихъ другихъ крѣпостей. Противъ Осовца германцы употребляли настолько серьезныя усилія, что возможно, что именно эта крѣпость и являлась главнымъ объектомъ всей германской операціи въ Восточной Пруссіи, и что бои на болѣе верхнихъ теченіяхъ Бобра, а также на Наревѣ имѣли только цѣлью прикрыть осаду этой крѣпости.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Осовцомъ, Бобръ, а также Наревъ дѣлаютъ большую излучину къ югу, въ сторону г. Ломжи, и эта излучина послужила ареною упорныхъ, ожесточенныхъ боевъ, въ которыхъ иниціатива переходила то на ту, то на другую сторону. Германцы стремились прочно утвердиться въ этой излучинѣ для того, чтобы прикрыть осадныя работы противъ Осовца. Съ нашей стороны, наоборотъ, были попытки вести наступленіе въ направленіи къ Щучину, успѣхъ котораго автоматически заставилъ бы германцевъ отойти изъ-подъ Осовца, бросивъ всю свою тяжелую артиллерію. Одно время, около 8-го февраля, здѣсь получилось довольно сложное положеніе. Бои шли одновременно у деревни Едвабно (въ 18 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Ломжи) и на путяхъ къ Радзилову, Щучину и Кольно, такъ что получилось нѣчто въ родѣ охвата германскихъ войскъ. Но, затѣмъ, выдвинутыя къ Щучину и Кольно русскія войска вынуждены были отойти назадъ, и послѣ того бои шли уже между Едвабно и Бобромъ, гдѣ германцы съ исключительнымъ упорствомъ стремились прорвать наше расположеніе, а съ другой стороны на путяхъ къ Новогроду, лежащему на Наревѣ, къ западу отъ Ломжи и въ 18 верстахъ къ югу отъ Кольно. Бои въ новогродскомъ направленіи, равно какъ и на путяхъ къ Остроленкѣ не имѣли, впрочемъ, рѣшающаго значенія, и въ нихъ участвовали, повидимому, сравнительно не особенно большія силы.

Гораздо большее значеніе пріобрѣло болѣе западное, праснышское направленіе. Тутъ германцы и предприняли довольно сложную операцію, цѣль которой сводилась къ тому, чтобы нанести тяжелое пораженіе всей группѣ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ

млавскомъ направленіи. Противъ этой группы они вели сперва наступленіе на лѣвый флангъ со стороны Серпца, овладѣли фронтомъ Раціонжъ и Плоцкъ, но затѣмъ безуспѣшно пытались пробиться далѣе къ востоку въ направленіи къ Плонску. Приблизительно къ 5 февраля попытки германскаго наступленія въ этомъ направленіи были остановлены, и вслѣдъ затѣмъ германцы перебросили свои силы противъ праваго нашего фланга, опорнымъ пунктомъ котораго служилъ г. Праснышъ. Здѣсь германцы, выступивъ изъ района Хоржеле, обошли нашъ правый флангъ между Праснышемъ и рѣкою Оржицъ и черезъ деревню Щуки вышли въ тылъ нашему правому флангу, стоявшему приблизительно на линіи деревень Лысакова и Хойново и г. Праснышъ. Для того, чтобы обезпечить свое обходное движеніе со стороны Нарева, германцы выставили сильный заслонъ на линіи Пржитулы—Красносельцъ—Подосье—устье рѣки Венгерки—Красне—Колачково и въ то же время вели наступленіе на наши войска, стоявшія на линіи Праснышъ—Хойново—Лысаково, и съ сѣвера и съ юга, гдѣ они доходили до линіи деревни Воля-Вержбовская. 11-го февраля германцамъ удалось овладѣть Праснышемъ, но этотъ успѣхъ оказался запоздалымъ. Въ тотъ же день русскія войска обрушились на германскій заслонъ, стоявшій на рѣкѣ Оржицѣ, и опрокинули его. Прежде чѣмъ германскія войска, обошедшія нашъ сѣверный отрядъ, могли произвести соотвѣтственныя перестроенія, они подвергались удару со стороны русскихъ войскъ, и завязались многодневные упорные бои въ запутанномъ положеніи, гдѣ войска обѣихъ сторонъ какъ бы переслаивались между собой. 13-го и 14-го февраля исходъ боя уже опредѣленно склонился въ нашу пользу. Праснышъ вновь перешелъ въ наши руки, и германцы вынуждены были начать въ безпорядкѣ отступленіе. Нашими трофеями за 4 дня боя явились болѣе 10.000 плѣнныхъ, значительное число орудій, пулеметовъ и германскихъ обозовъ. Германскія войска спѣшно отходятъ въ направленіи къ Млавѣ и Янову.

Пораженіе германскихъ войскъ у Праснышa явилось моментомъ перелома всей операціи. Праснышское направленіе само по себѣ не имѣетъ какихъ-либо замѣтныхъ преимуществъ передъ другими путями, ведущими съ сѣвера къ Нареву и Бугу. Но весь планъ германской операціи не мирился даже съ частичными неудачами. Вся эта операція была построена на наступленіи какой бы то ни было цѣной, на быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣхахъ. Германскія силы, введенныя тутъ въ дѣйствіе, были сравнительно не очень значительны. До начала наступленія въ Восточной Пруссіи германскихъ войскъ было немного. Естественная сила позиціи Мазурскихъ озеръ давала германцамъ возможность сдерживать нашу 10-ю армію сравнительно не-

большими силами. Еще меньше были силы германцевъ, дѣйствовавшія на млавскомъ направленіи. Не рискуя впасть въ большую ошибку, можно предполагать, что до 20-хъ чиселъ января германцы имѣли въ Восточной Пруссіи 4, 5, самое большее 6 корпусовъ. Эти корпуса были усилены шестью новыми. Изъ нихъ одинъ (21-й) былъ перевезенъ въ Восточную Пруссію съ французскаго фронта. Два (38-й и 40-й) явились новыми, только-что сформированными и прибывшими въ Восточную Пруссію непосредственно изъ внутренней Германіи, и, наконецъ, отдѣльныя части, въ общей сложности около 3 корпусовъ, были переведены въ Восточную Пруссію съ западнаго польскаго фронта, съ Бзуры и Равки. Съ этими подкрѣпленіями численность германскихъ войскъ въ Восточной Пруссіи достигла 10—12 корпусовъ. Этихъ силъ было достаточно для того, чтобы достигнуть извѣстныхъ и даже довольно крупныхъ успѣховъ, но частныхъ по характеру, въ отдѣльныхъ направленіяхъ, такъ какъ съ арміей въ 400.000 и даже въ 500.000 человѣкъ германцы не могли и думать о серьезномъ общемъ наступленіи противъ главныхъ русскихъ силъ въ Польшѣ. Разъ острота момента пропала, разъ изъ рукъ германцевъ стали исчезать отдѣльные эффектные успѣхи, въ ихъ наступленіи уже утрачивался смыслъ; оставаться же на той линіи, которой они достигли для обороны, съ ихъ точки зрѣнія, было бы опять таки нецѣлесообразно. Въ сравненіи съ ихъ прежними позиціями въ Восточной Пруссіи занятая ими линія вдоль Нарева и Бобра, упирающаяся лѣвымъ крыломъ въ Нѣманъ, представлялась, во-первыхъ, очень растянутой, а во-вторыхъ, неприкрытой какими-нибудь естественными оборонительными линіями и искусственными укрѣпленіями. Для обороны на этихъ позиціяхъ, конечно, требовалось гораздо больше войскъ, чѣмъ на позиціяхъ Мазурскихъ озеръ, и въ то же время, все-таки, эта оборонительная линія подвергалась опасности обхода съ лѣваго фланга въ направленіи отъ Олиты или даже отъ Ковно. Единственнымъ выигрышемъ могло бы считаться то, что, занимая эту линію, германцы переносили здѣсь дѣйствія на русскую территорію, очищали отъ русскихъ войскъ Восточную Пруссію. Но этотъ выигрышъ въ военномъ отношеніи, конечно, являлся третьестепеннымъ, и, ради прикрытія небольшой приграничной полосы Восточной Пруссіи, германцы врядъ ли согласились бы затрачивать на оборонительную въ сущности операцію большія силы, которыя имъ гораздо болѣе нужны въ другихъ направленіяхъ. Неудача подъ Праснышемъ показала, что германское наступленіе впередъ уже не можетъ продолжаться съ какими-либо шансами на успѣхъ. Вполнѣ естественно, что она сразу отразилась и на сосѣднихъ участкахъ, вынудила отходъ германцевъ

въ направленіи къ Кольну и Мышинцу, помогла нашимъ операціямъ по близости Вислы, отразилась косвенно даже на положеніи въ отдаленномъ гродненскомъ районѣ, гдѣ уже намѣтился отходъ германскихъ войскъ. Можно ждать, что скоро этотъ отходъ приметъ болѣе общій характеръ. Послѣднія сообщенія отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго во всякомъ случаѣ, подчеркиваютъ что германцы почти всюду переходятъ къ оборонѣ и что на большинствѣ фронта ихъ операціи носятъ пассивный характеръ. Исключеніемъ является пока только районъ Осовца, гдѣ германцы не ослабляютъ своихъ дѣйствій противъ крѣпости.

Другой ареной оживленныхъ боевыхъ дѣйствій являлась Галиція, или, точнѣе сказать, южный галиційскій фронтъ, шедшій вдоль Карпатъ. Здѣсь боевыя дѣйствія приняли оживленный характеръ еще въ первой половинѣ января, при чемъ обѣ стороны проявили извѣстную иниціативу. Съ нашей стороны велось наступленіе въ западной части карпатскихъ переваловъ въ районѣ Змигрода, Дукла и Яслиски, въ направленіи на Бартфельдъ, Свидникъ и Мезо-Лаборчъ. Австрійскія войска, усиленныя нѣсколькими германскими корпусами, предприняли въ отвѣтъ довольно энергичное наступленіе на восточной половинѣ Карпатъ, главнымъ образомъ въ долинѣ Верхняго Сана и особенно на такъ называемомъ Мункачскомъ направленіи. Наше наступленіе въ западной части Карпатъ привело насъ къ занятію Свидника, Мезо-Лаборча и перевала Лунковъ, такъ что русскія войска уже перевалили черезъ главный Карпатскій хребетъ и вступили въ предѣлы Венгріи, но затѣмъ въ этомъ направленіи наше движеніе впередъ остановилось, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ни та, ни другая сторона не могли здѣсь продвинуться впередъ, хотя и съ нашей стороны и съ австрійской попытки подобнаго рода предпринимались неоднократно. Въ области верхняго Сана, упоминавшейся въ нашихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ подъ именемъ района Лутовиски, наше наступленіе началось нѣсколько позже, чѣмъ въ области дуклинскихъ проходовъ, и привело насъ на лѣвый берегъ Сана, но за послѣднее время и здѣсь темпъ операцій нѣсколько замедлился, и въ положеніи сторонъ не произошло никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ. На мункачскомъ направленіи австрійцы и германцы сосредоточили первоначально особенно крупныя силы, и имъ удалось продвинуться одновременно и по желѣзной дорогѣ Мункачъ—Стрый, и вдоль шоссе, идущаго параллельно этой желѣзной дороги, и нѣсколько къ сѣверо-востоку отъ нея. Продвиженіе это было, однако, непродолжительнымъ и было остановлено нашими войсками на линіи деревни Козювки и перевала Тухла. Противъ нашихъ позицій у деревни Козювки германцы предпринимали ожесточенныя атаки, по

своему упорству и настойчивости мало чѣмъ уступающія атакамъ въ боржимовскомъ районѣ. Здѣсь были дни, когда со стороны германцевъ слѣдовали одна за другой по 22 атаки въ сутки. Эта настойчивость не дала никакихъ результатовъ. Русскія войска удержали свои позиціи, и линія Тухла—Козювка такъ и осталась до сихъ поръ фронтомъ боевыхъ соприкосновеній между нашими войсками и войсками противника. На сосѣднемъ, хустовскомъ направленіи австрійцамъ удалось немножко продвинуться отъ деревни Майданки до перевала Вышковъ. Но здѣсь это наступленіе было остановлено, и за первую недѣлю февраля русскія войска достигли на этомъ направленіи довольно замѣтныхъ успѣховъ у деревни Сенегуръ, къ западу отъ Вышкова, и деревни Клаусе, къ юго-востоку отъ этого перевала. Здѣсь положеніе дѣлъ сложилось очень благопріятно для насъ, но затѣмъ нашимъ операціямъ здѣсь былъ положенъ конецъ, вслѣдствіе событій, развернувшихся на еще болѣе восточномъ направленіи, на путяхъ отъ Мармароша къ Станиславову и къ Долинѣ. Тамъ австрійцамъ удалось дальше всего продвинуться къ сѣверу. Они заняли сперва Надворную, а затѣмъ 7 февраля овладѣли городомъ Станиславовомъ, являющимся важнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ и, сверхъ того, важнымъ по своимъ обширнымъ желѣзнодорожнымъ мастерскимъ, однимъ изъ наиболѣе крупныхъ во всей Галиціи. Дальнѣйшее наступленіе австрійцевъ отъ Станиславова къ Галичу было остановлено. Они могли продвинуться только до города Іезуполя, въ 12 верстахъ отъ Станиславова, ровно въ половинѣ разстоянія между Станиславовомъ и Галичемъ. Нѣсколько болѣе удачны были дѣйствія австрійцевъ къ сѣверо-западу отъ Надворной, въ направленіи къ городу Долина, лежащему на желѣзной дорогѣ, соединяющей Станиславовъ черезъ Болеховъ со Стрыемъ. Здѣсь они приблизились постепенно до линіи деревни Рознатовъ—Ясеновецъ въ 10 верстахъ отъ Долины, что, вѣроятно, и повліяло на положеніе дѣлъ въ хустовскомъ направленіи и въ районѣ перевала Вышковъ. Дальше этого, однако, австрійцы не могутъ пойти, и у линіи Рознатовъ-Ясеновецъ понесли довольно серьезное пораженіе.

Интересно отмѣтить, что при своемъ движеніи отъ Надворной къ Долинѣ, постепенно продвигаясь впередъ, австрійцы тѣмъ не менѣе потеряли значительное число плѣнныхъ. Это движеніе впередъ обошлось имъ приблизительно въ 7 тысячъ одними плѣнными. Начавшееся отступленіе ихъ сразу дало намъ еще 6.000 новыхъ плѣнныхъ. Вообще весь истекшій мѣсяцъ далъ намъ большое число плѣнныхъ на австрійскомъ фронтѣ; съ 8 января по 7 февраля число плѣнныхъ достигаетъ 681 офицеровъ и 47.640 нижнихъ чи-

новъ, и, кромѣ того, нами захвачено 17 орудій, 118 пулеметовъ и 2 аэроплана. Недавно были опубликованы цифры плѣнныхъ, захваченныхъ арміей Брусилова за все время войны. Эта цифра уже теперь достигаетъ 1.900 офицеровъ и 186.000 нижнихъ чиновъ, т. е. значительно превышаетъ средній составъ арміи генерала Брусилова.

Еще далѣе къ востоку отъ мармарошскаго направленія австрійцы вели наступленіе довольно значительными силами въ Буковинѣ и вынудили русскія войска почти совершенно очистить эту провинцію, гдѣ мы занимаемъ только небольшую приграничную полосу къ сѣверу отъ Прута. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что наше наступленіе въ Буковину, ведшееся въ первой половинѣ января, было предпринято нами съ очень незначительными силами, не превышавшими въ своей совокупности 11 тысячъ человѣкъ, такъ что отходъ нашъ изъ Буковины не можетъ имѣть сколько-нибудь серьезнаго военнаго значенія. Эта провинція является своего рода тупикомъ, откуда ни мы, ни австрійцы не можемъ предпринимать операцій сколько-нибудь значительнаго размѣра, и ходъ событій въ которой не можетъ, слѣдовательно, отражаться на общемъ положеніи дѣлъ на всемъ театрѣ войны.

Къ концу мѣсяца въ австрійскихъ операціяхъ въ направленіи къ Станиславову и Долинѣ стала чувствоваться заминка. Это отступленіе было пріостановлено, не давъ въ сущности австрійцамъ сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. Оно способствовало австрійскому наступленію на Буковину, но это, какъ я уже сказалъ, является выигрышемъ весьма третьестепеннаго достоинства. Операціи въ сторону Долины побудили насъ пріостановить наступленіе на хустовскомъ направленіи, но и это опять-таки не можетъ быть названо рѣшительнымъ выигрышемъ для австрійцевъ. Послѣ заминки на станиславовскомъ и долинскомъ направленіяхъ наши противники обнаружили усиленную дѣятельность опять въ новомъ направленіи и предприняли ожесточенныя атаки въ средней части Карпатъ, влѣво отъ области Верхняго Сана. Сперва эти атаки шли на фронтѣ отъ перевала Лупковъ до деревни Творильне, затѣмъ онѣ расширились на болѣе обширный фронтъ общимъ протяженіемъ 60 верстъ и носили чрезвычайно ожесточенный характеръ. Сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго называетъ эти атаки по ихъ упорству даже необыкновенными. Исходъ этихъ операцій, только-что намѣтившійся къ концу мѣсяца, въ настоящій моментъ еще не вполнѣ выяснился.

На кавказскомъ театрѣ войны, послѣ оживленныхъ боевъ предыдущаго мѣсяца, наступило длительное затишье, вполнѣ естествен-

ное для суроваго зимняго времени года. Кавказскій фронтъ и въ прежнія войны всегда былъ фронтомъ, на которомъ кампаніи велись только въ лѣтнюю пору. Наступленіе турокъ, предпринятое въ декабрѣ мѣсяцѣ, носило авантюристическій характеръ и поэтому въ счетъ идти не можетъ. Планомѣрныя операціи на кавказскомъ фронтѣ въ зимнее время не могутъ вестись въ широкомъ масштабѣ, и потому настоящее затишье и здѣсь является совершенно естественнымъ. Боевыя дѣйствія на Кавказѣ за послѣдній мѣсяцъ велись въ сравнительно некрупномъ масштабѣ и ограничивались лишь нѣкоторыми второстепенными направленіями. Чаще всего въ оффиціальныхъ донесеніяхъ штаба кавказской арміи упоминается Зачорохскій край, гдѣ русскія войска постепенно тѣснили непріятеля и въ концѣ концовъ заняли мѣстечко Хопу, портъ котораго служилъ однимъ изъ главныхъ опорныхъ пунктовъ для турокъ въ ихъ операціяхъ въ Зачорохскомъ краѣ. Это въ сущности очень небольшой портъ, но у турокъ не было въ распоряженіи хорошихъ сухихъ путей сообщенія, и весь подвозъ для турецкихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Зачорохскомъ краѣ, шелъ черезъ Хопу. Взятіе нами этого мѣстечка является очень важнымъ шагомъ въ дѣлѣ полнаго очищенія отъ противника Зачорохскаго края. Нѣсколько продвинулись мы впередъ къ югу отъ кавказской границы въ алашкертскомъ направленіи, гдѣ мы были вынуждены отойти назадъ при началѣ турецкаго наступленія на Сарыкамышъ. Послѣ ликвидаціи турецкаго наступленія возстановилось прежнее положеніе дѣлъ и на болѣе восточныхъ участкахъ кавказскаго фронта, въ сѣверо-западной Персіи. Здѣсь русскія войска опять вошли въ Тавризъ, нанеся предварительно турецкому отряду серьезное пораженіе у деревни Софіанъ.

На Черномъ морѣ въ теченіе мѣсяца крупныхъ боевыхъ столкновеній не было. Наши миноносцы неоднократно предпринимали операціи противъ турецкихъ прибрежныхъ пунктовъ Ризы, Трапезунда, Платаны, Хопы и уничтожили большое число турецкихъ транспортныхъ судовъ, преимущественно парусныхъ фелюгъ, чѣмъ поставили въ большое затрудненіе дѣло продовольствія турецкой арміи, сосредоточенной около Эрзерума. Турки со своей стороны 24 января подходили къ Батуму и выпустили около этого города по нашимъ миноносцамъ съ крейсера «Бреслау» до 20 выстрѣловъ, не причинившихъ никакихъ поврежденій. Двумя днями позже, 26 января, тотъ же крейсеръ «Бреслау» подошелъ къ Ялтѣ и обстрѣлялъ этотъ городъ, хотя онъ въ военномъ отношеніи не имѣетъ никакого значенія. Обстрѣлъ, впрочемъ, не причинилъ городу крупныхъ поврежденій.

На западномъ театрѣ войны въ теченіе всего истекшаго мѣсяца не произошло никакихъ значительныхъ перемѣнъ и не было боевыхъ столкновеній въ крупномъ масштабѣ. Полнаго затишья тутъ, конечно, не было, но всѣ боевыя дѣйствія ограничивались частными атаками, имѣющими въ виду только мѣстныя цѣли и не ведущими за собою перехода въ болѣе серьезное наступленіе. Создавшееся здѣсь съ первыхъ чиселъ ноября положеніе остается неизмѣннымъ вотъ уже въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ, и, вѣроятно, продлится до тѣхъ поръ, когда прибытіе къ союзникамъ свѣжихъ подкрѣпленій въ видѣ новыхъ могущественныхъ англійскихъ армій дастъ имъ возможность перейти въ рѣшительное и общее наступленіе. Когда наступитъ этотъ моментъ—пока неизвѣстно. Въ началѣ января были извѣстія о высадкѣ въ Кале англійскихъ войскъ, но, какъ впослѣдствіи оказалось, это были не 5 новыхъ англійскихъ армій, а только частичныя подкрѣпленія для дѣйствующей арміи въ видѣ территоріальныхъ канадскихъ войскъ, численность которыхъ сравнительно ограничена, и прибытіе которыхъ на театръ войны не внесло сколько-нибудь значительныхъ перемѣнъ въ общее положеніе дѣлъ.

Не было въ теченіе всего истекшаго мѣсяца крупныхъ боевыхъ столкновеній и на морѣ. Германская крейсерская эскадра, потерпѣвъ пораженіе у Гельголандской бухты и потерявъ броненосный крейсеръ «Блюхеръ», отказалась отъ какихъ бы то ни было предпріятій въ томъ же родѣ и ни разу не покидала своихъ территоріальныхъ водъ. Въ теченіе мѣсяца на берега Англіи не было совершено ни одного набѣга германскими судами. Зато большую энергію развили германскія подводныя лодки. Не будучи въ состояніи бороться съ англійской торговлей надводнымъ флотомъ, Германія рѣшила употребить для этой цѣли подводныя лодки. Сперва она иллюстрировала возможность для подводныхъ лодокъ операцій на далекомъ разстояніи отъ отечественныхъ портовъ, и съ этой цѣлью былъ совершенъ набѣгъ одной подводной лодки въ Ирландское море, гдѣ она потопила три небольшихъ парохода недалеко отъ Ливерпуля. Вслѣдъ затѣмъ Германія объявила о своемъ намѣреніи блокировать съ помощью подводныхъ лодокъ все англійское и ирландское побережье. Въ своихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ германское правительство указывало на то, что оно не будетъ давать пощады торговымъ судамъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ плыть подъ нейтральными флагами, ссылаясь въ оправданіе такого образа дѣйствій на то обстоятельство, что англійскія торговыя суда въ минуту опасности поднимаютъ иногда нейтральные флаги. Свою угрозу Германія обѣщала привести въ исполненіе,

начиная съ 5 февраля, и эта угроза произвела большое впечатлѣніе не столько, впрочемъ, въ Англіи, сколько въ нейтральныхъ странахъ, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Скандинавскія государства. Несомнѣнно, что подобное нападеніе на торговыя суда противорѣчитъ всѣмъ общепринятымъ нормамъ международнаго права, и если Германія все-таки рѣшилась на эту мѣру, то исключительно вслѣдствіе безвыходности своего положенія и полной неспособности ея надводнаго флота выполнить возложенныя на него задачи. Начатая съ 6 февраля блокада Англіи не дала, впрочемъ, сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. Въ теченіе первой недѣли германскимъ подводнымъ лодкамъ удалось, правда, потопить около семи англійскихъ пароходовъ, считая въ томъ числѣ и суда, гибель которыхъ нельзя съ полной несомнѣнностью приписать подводнымъ лодкамъ. Въ теченіе уже слѣдующей недѣли результаты дѣятельности подводныхъ лодокъ оказались гораздо болѣе скромными, и когда прошло первое впечатлѣніе отъ угрозы Германіи, оказалось, что принятая ею мѣра не можетъ и въ слабой степени повліять на торговые интересы Англіи, пріостановить дѣятельность англійскаго торговаго флота и отрѣзать Англію отъ подвоза средствъ продовольствія и всякаго сырья. Объявленіе Германіей блокады англійскаго побережья съ помощью подводныхъ лодокъ и игнорированіе Германіей нормъ международнаго права дало и союзникамъ возможность объявить такъ называемую «абсолютную блокаду» Германіи, т.-е. воспрещеніе даже и нейтральнымъ судамъ входа въ германскіе порты и выхода изъ нихъ. Эта «абсолютная блокада» имѣетъ мало общаго съ блокадой въ тѣсномъ юридическомъ смыслѣ, какъ ее установила предыдущая практика, и какъ ее понимаютъ постановленія Лондонской конференціи. Въ извѣстномъ смыслѣ можно говорить, что она не предусмотрѣна дѣйствующимъ морскимъ правомъ, но грубые пріемы, примѣняемые Германіей, дали и союзникамъ извѣстное основаніе прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ противъ германской торговли, которыя до сихъ поръ не были предусмотрѣны правилами войны.

Англійскій флотъ не бездѣйствовалъ. Въ соединеніи съ небольшой французской эскадрой изъ второстепенныхъ броненосцевъ онъ предпринялъ, начиная съ 6 февраля, операціи противъ Дарданелльскаго пролива. 6 февраля началась бомбардировка внѣшнихъ фортовъ Дарданеллъ и длилась два дня, послѣ чего вслѣдствіе неблагопріятной погоды она была пріостановлена. 12 февраля эти операціи возобновились, и въ результатѣ уже непродолжительной стрѣльбы внѣшніе дарданелльскіе форты были приведены къ молчанію, послѣ чего съ англійскихъ судовъ былъ спущенъ небольшой дессантъ, который со-

вершенно разрушилъ эти форты. Вслѣдъ затѣмъ союзная эскадра занялась очищеніемъ отъ минъ входа въ Дарданеллы и ихъ юго-восточнаго колѣна. Эта операція была произведена очень удачно, и англійскіе броненосцы вошли въ проливъ на разстояніи 4 морскихъ миль т. е. приблизительно 7 верстъ, откуда они уже имѣли возможность начать артиллерійскую борьбу съ главными дарданелльскими укрѣпленіями, съ фортами, лежащими на берегахъ пролива въ самомъ узкомъ его мѣстѣ. Въ этотъ моментъ неблагопріятная погода опять воспрепятствовала дальнѣйшимъ операціямъ союзнаго флота, но эта пріостановка была не продолжительна, и англійскіе и французскіе броненосцы уже возобновили опять борьбу съ турецкими фортами.

Попытка прорыва союзнаго флота черезъ Дарданелльскій проливъ является однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ предпріятій, какія только можно себѣ представить. Подобнаго рода попытка была уже сдѣлана однажды въ 1807 году эскадрой англійскаго адмирала Дукворта. Но тогда это предпріятіе удалось исключительно только вслѣдствіе того, что турки были совершенно къ этому не подготовлены и пропустили англійскія суда черезъ проливъ, не оказавъ имъ въ сущности никакого сопротивленія. Когда меньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли англійская эскадра возвращалась обратно тѣмъ же путемъ, турки, приведя нѣсколько въ порядокъ свои береговыя батареи, хотя у нихъ на это въ распоряженіи было всего полторы недѣли, уже оказали англійскому флоту очень серьезное сопротивленіе и нанесли ему тяжелыя потери. Многіе видные военные спеціалисты, какъ напримѣръ Мольтке, считали форсированіе Дарданеллъ совершенно невозможной задачей, разъ только артиллерійская и, конечно, минная оборона пролива находится въ полномъ порядкѣ. До итальяно-турецкой войны дарданелльскія укрѣпленія были совершенно запущены и врядъ ли могли оказать сколько-нибудь серьезное сопротивленіе такому сильному флоту, какъ англійскій. Но съ тѣхъ поръ кое-что по возстановленію укрѣпленій было сдѣлано, и особенно усилились эти работы за послѣдніе полгода, когда въ Константинополѣ хозяйничали германскіе офицеры. Насколько имъ удалось привести въ порядокъ дарданелльскія укрѣпленія, и насколько они представляютъ теперь сильную преграду, сказать, конечно, трудно. Еще болѣе трудно отвѣтить съ полной опредѣленностью на вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ находятся минныя загражденія и вообще все дѣло минной обороны пролива, играющей въ защитѣ Дарданеллъ, пожалуй, не меньшую роль, чѣмъ береговыя укрѣпленія. Начало англійской и французской операціи по форсированію Дарданеллъ было проведено очень удачно. Но само по себѣ это на-

чало не свидѣтельствуетъ ещѣ о возможности достигнуть полнаго конечнаго успѣха безъ крупныхъ потерь.

Если бы союзникамъ удалось прорваться черезъ Дарданеллы и овладѣть Константинополемъ, это было бы чрезвычайнымъ событіемъ, вліяющимъ на весь ходъ войны. Съ одной стороны, сопротивленіе Турціи даже на кавказскомъ театрѣ войны было бы сразу сломлено, съ другой стороны, открывался бы свободный доступъ къ черноморскимъ портамъ Россіи, возстановился бы нашъ товарный обмѣнъ.

Для форсированія Дарданеллъ важно содѣйствіе сухопутныхъ войскъ, и съ этой цѣлью при броненосцахъ англійской и французской эскадры находится не мало транспортовъ съ войсками, которыя привезены сюда изъ Египта. Отъ турецкихъ угрозъ по адресу Египта осталось очень мало. Турки, правда, сдѣлали въ теченіе истекшаго мѣсяца одну попытку напасть на Суэцкій каналъ и прорваться въ Египетъ. Попытка эта была произведена небольшими силами, около 12 тыс. человѣкъ, которыхъ было совершенно недостаточно для предпріятія подобнаго рода и которые были бы безсильны что-либо сдѣлать даже въ томъ случаѣ, если бы оборона Суэцкаго канала не находилась на такой высотѣ, на какой она находится въ дѣйствительности. Турецкія попытки форсировать Суэцкій каналъ и ворваться въ Египетъ продолжались 2 дня, были предприняты около города Измаиліэ, но окончились тѣмъ, что турки были отбиты съ большими потерями, и послѣ того по частнымъ извѣстіямъ значительная часть собранныхъ противъ Суэцкаго канала турецкихъ войскъ разсыпалась. Вошедшіе въ ея составъ арабскіе полки разошлись по домамъ, и съ тѣхъ поръ не было никакихъ указаній на то, чтобы турки замышляли что-либо серьезное противъ Суэцкаго канала. Это развязало англичанамъ руки, освободило часть ихъ войскъ, находившихся въ Египтѣ и получившихъ незадолго передъ тѣмъ значительныя подкрѣпленія изъ Австраліи и другихъ колоній. И вотъ эти свободныя войска были на транспортахъ доставлены къ Дарданелльскому проливу, для того чтобы содѣйствовать операціи по форсированію пролива.

А. Оглинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— В. Г. Короленко. Полное собраніе сочиненій. Приложеніе къ „Нивѣ“ за 1914 г.

Вмѣстѣ съ прошлымъ 1914 годомъ закончился и выходъ въ свѣтъ перваго полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко. Не совсѣмъ, однако, оно полно, потому что по независящимъ отъ автора и редакціи обстоятельствамъ не включены сюда слѣдующія произведенія: «Черты военнаго правосудія», «Дѣло Глускера», «Бытовое явленіе», «О свободѣ печати» и «Судебная рѣчь В. Г. Короленка». Но и за этимъ пропускомъ (особенно прискорбно отсутствіе очерковъ «Бытовое явленіе» съ ихъ потрясающими картинами такъ долго висѣвшей надъ Россіей смертной казни), это изданіе сочиненій одного изъ любимѣйшихъ писателей Россіи составляетъ въ литературной жизни значительное событіе. Здѣсь впервые собрано множество произведеній чисто беллетристическаго характера, которыя авторъ, изъ преувеличенной скромности, не включалъ до сихъ поръ въ сборники своихъ очерковъ и разсказовъ. Собраны также разнообразные экскурсы В. Г. Короленка въ область общественно-политической жизни, публицистическія статьи, статьи по исторіи и критикѣ, его превосходныя воспоминанія о Чернышевскомъ, Успенскомъ, Чеховѣ и друг. Только въ этомъ полномъ собраніи чувствуется, какъ полно и разносторонне отзывался авторъ на русскую жизнь за 35 лѣтъ со времени его первой повѣсти «Эпизоды изъ жизни искателя», также здѣсь впервые перепечатанной и чрезвычайно характерной для молодежи 70-хъ г.г. Нѣкоторыя передѣлки, внесенныя авторомъ въ отдѣльныя работы, не могутъ, однако, не встрѣтить возраженія. Такъ, едва-ли повѣсть «Съ двухъ сторонъ» слѣдовало передѣлывать. Въ своемъ первоначальномъ видѣ она будетъ все же имѣть свою цѣну, какъ отраженіе момента въ настроеніяхъ писателя. Передѣлка очерка объ А. И. Богдановичѣ приводитъ въ недоумѣніе: здѣсь вытравлены очень живыя черты и подробности воспоминаній автора о встрѣчахъ съ Богдановичемъ, которыя въ первомъ изданіи этого очерка (въ предисловіи къ сборнику статей Богдановича) занимали довольно много мѣста; вслѣдствіе этого, жизненный и отчетливый очеркъ превратился въ сухую біографическую справку. Нельзя также не пожалѣть, что къ неоконченной повѣсти «Прохоръ и Студенты» не приложено уже извѣстное въ печати обширное письмо В. Г. къ В. А. Гольцеву, содержащее чрезвычайно интересный планъ окончанія повѣсти, не приведенный въ исполненіе. Какъ бы ни было, остается только привѣтствовать это собраніе. Оно чрезъ народны

библіотеки чрезвычайно широко популяризируетъ и имя писателя и творческую и публицистическую работу его жизни, составляющую единое цѣлое.

Ч. В—скій.

—Проф. Е. Пѣтуховъ. М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности. Кн-во Ф. И. Трескиной. Рига 1914. 39 стр. Ц. 20 коп.

Прекрасный этюдъ посвятилъ Лермонтову проф. Е. Пѣтуховъ. Половина очерка занята біографіей поэта, изложенной очень сжато, до такой степени, что иногда хотѣлось бы болѣе пространнаго разсказа.

Превосходная и также въ свою очередь сжатая характеристика поэтической дѣятельности Лермонтова вызываетъ нѣсколько замѣчаній. Говоря о «Трехъ пальмахъ», авторъ высказываетъ слѣдующую мысль: «поэтическія красоты этого стихотворенія, роскошь описательной фантазіи и музыки стиха такъ очаровываютъ читателя, что онъ почти забываетъ о внутренней идеѣ этой удивительной баллады; а идея эта—тоска поэта по внутренней гармоніи міра, въ которомъ онъ видѣлъ главнымъ образомъ разъединеніе между человѣкомъ и природой, отсутствіе ихъ взаимной духовной связи? До сихъ поръ обычно высказывалась или школьная мысль о наказаніи пальмъ за ропотъ на Бога, или въ лучшемъ случаѣ мысль о людской неблагодарности. Насколько мнѣ извѣстно, здѣсь впервые высказывается такое оригинальное и глубокое толкованіе общей идеи этого дѣйствительно великолѣпнаго созданія Лермонтова.

По поводу «Демона» авторъ говоритъ слѣдующее: «Русское общество переживало тогда (въ 30-ые и 40-ые годы XIX вѣка) эпоху идеализма и, читая «Демона» въ спискахъ, находило въ немъ отзвукъ своимъ господствующимъ настроеніямъ. Въ свою очередь, и самый замыселъ написать подобную поэму свидѣтельствуетъ о томъ, что Лермонтовъ глубоко переживалъ умственныя теченія своего времени, вложивъ въ осуществленіе этого поэтическаго плана свою собственную душевную личность. Въ этомъ взаимодѣйствіи поэта и общества заключается и главнѣйшее историческое значеніе «Демона». Въ общемъ это замѣчаніе вполнѣ справедливо, но возникаетъ вотъ какой вопросъ. Когда поэтъ задумалъ создать эту поэму, была ли у него мысль объ умственныхъ теченіяхъ своего времени, или онъ просто хотѣлъ изобразить свои собственныя переживанія? Я скорѣе склоненъ допустить послѣднее. Вѣдь задумалъ онъ поэму очень рано, и много разъ передѣлывалъ. «Основная нравственная идея« Демона», по словамъ ака-

демика Н. А. Котляревскаго, была, дѣйствительно, выстрадана Лермонтовымъ, принадлежала лично ему. Но несомнѣнно, что общество находило въ поэмѣ откликъ на свои думы; переживанія поэта и общества совпадали. Врядъ ли можно также согласиться съ замѣчаніемъ проф. Е. Пѣтухова по поводу извѣстныхъ словъ Лермонтова о «Демонѣ»:

„Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ . . . . . .
. . . . . .
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами!“

«Но въ дѣйствительности поэтъ, по мнѣнію проф. Е. Пѣтухова, никогда не «отдѣлался» отъ этого «могучаго образа», потому что не могъ отдѣлаться отъ самого себя. «Демонъ», какъ наличность и внутренняя борьба страстей, какъ умственная тревога и какъ душевное настроеніе, постоянно жилъ въ Лермонтовѣ, составляя значительную долю его духовнаго существа; «демонъ»—это самъ Лермонтовъ съ его мятежной душой, безграничными порывами, духовной силой и вѣчной неудовлетворенностью». И такъ что же? Значитъ, слова Лермонтова объ освобожденіи отъ могучаго образа—иллюзія, самообманъ? Или, быть можетъ, въ замѣчаніи почтеннаго ученаго есть ошибка? Я, въ свою очередь, опять-таки скорѣе склоненъ допустить послѣднее, хотя признаю, что въ его словахъ есть и доля правды. Несомнѣнно, Лермонтовъ «никогда не могъ отдѣлаться отъ самого себя». Но также несомнѣнно, что отъ «этого» могучаго образа онъ отдѣлался, потому что «Демонъ»—это Лермонтовъ не вообще, а только въ извѣстный періодъ; въ «Демонѣ» поэтъ выразилъ свои юношескія переживанія. По словамъ Н. Котляревскаго, «Демонъ» былъ символомъ дѣтства и юности поэта, и отъ юношескаго демона Лермонтовъ отдѣлался, создавъ чудную поэму. Заподозрѣвать нашего поэта не только въ неискренности его творчества, но даже въ самообманѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя. Способность отдаваться творчеству и въ немъ находить спасеніе отъ «демоновъ» была счастливымъ достояніемъ Лермонтова, поэта, какъ извѣстно, глубоко лирическаго и объективнаго. Но, освобождаясь отъ одного «демона», онъ уже мучился другими, ибо такова была его безпокойная натура: у него былъ не одинъ, а нѣсколько «демоновъ». Въ виду незаконченности его творчества, трудно, пожалуй, даже совсѣмъ невозможно сказать, освободился ли бы онъ отъ нихъ окончательно когда-нибудь впослѣдствіи.

Н. Кашинъ.

— Записки жены декабриста П. Е. Анненковой (Pauline Gueble). К-во „Прометей" Н. Н. Михайлова. Ц. 1 р. 50 коп. Съ портретами, иллюстраціями и приложеніями.

Въ литературѣ декабристовъ записки П. Е. Анненковой занимаютъ особое мѣсто. Для исторіи заговора и 14 декабря онѣ даютъ мало (пересказъ устныхъ воспоминаній И. А. Анненкова объ арестѣ). Зато онѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходно рисуютъ среду, окружавшую декабристовъ, и даютъ кое-какія любопытныя подробности о жизни ихъ въ Сибири, а главное — полны драматическаго романическаго интереса. Полина Гебль была дочерью наполеоновскаго офицера, погибшаго въ Испаніи, человѣка—по воспоминаніямъ дочери и семейному преданію, необыкновенно мужественнаго и честнаго, и нравственный закалъ его воскресъ въ его дочери. Почти ребенкомъ, она служила въ Парижѣ въ какомъ-то торговомъ домѣ, а потомъ рискнула выбраться въ Россію и служила старшею продавщицей во французскомъ магазинѣ въ Москвѣ. Въ запискахъ она вспоминаетъ Наполеона, которому ребенкомъ подавала съ матерью просьбу о пенсіи за мужа, и Шатобріана, который, случайно узнавши,что она, молоденькая сирота, собирается въ Россію, съ нею повидался и пожелалъ ей счастья на дорогу. Въ Москвѣ красавицей-продавщицей увлекся, за полгода до 14 декабря, Иванъ Александровичъ Анненковъ, блестящій офицеръ, наслѣдникъ огромнаго состоянія, и предложилъ на ней жениться. Увлекалась имъ и дѣвушка, но наотрѣзъ отказалась выйти за него замужъ, безъ согласія его матери, женщины, крайне надменной и не любившей сына. Сблизились они въ Пензѣ, гдѣ случайно съѣхались, она—въ качествѣ служащей торговаго дома, пославшаго ее на ярмарку, онъ—въ качествѣ ремонтера кавалергардскаго полка. Здѣсь Полина Гебль, узнавъ, что Анненкова собирается обыграть шайка игроковъ, уже однажды обыгравшая его на 60 тысячъ рублей, удержала его у себя, употребивъ «разныя женскія хитрости», до глубокой ночи, и игроки прождали его напрасно. Объ участіи Анненкова въ тайномъ обществѣ дѣвушка не имѣла понятія. Послѣ эпизода съ игроками, она была тронута его убитымъ видомъ, когда онъ пришелъ прощаться, и у нея не хватило духу разстаться съ нимъ. Они уѣхали изъ Пензы вмѣстѣ, но Гебль снова рѣшительно отказалась вѣнчаться. О заговорѣ декабристовъ она услышала только по смерти Александра I, и тогда же поклялась всюду слѣдовать за любимымъ человѣкомъ. Разсказы ея о тѣхъ препятствіяхъ, которыя ей пришлось преодолѣть, чтобы узнавать о положеніи Анненкова, чтобы нѣсколько разъ увидать его въ крѣпости — полны настоящаго драматизма и читаются, какъ романъ. Она не была женой декабриста, и потому это все да-

валось ей, по паспорту швейкѣ-иностранкѣ, вдобавокъ не говорившей по-русски, лишь вдвойнѣ трудно. Но она даже замышляла выкрасть и увезти Анненкова за границу, и при ея изумительной энергіи и живости ей это, можетъ быть, и удалось бы, какъ удавались впослѣдствіи побѣги изъ Петропавловки,—если бы побѣгу рѣшительно не воспротивилась мать Анненкова. Послѣ катастрофы съ сыномъ, она перемѣнила свое отношеніе къ его возлюбленной, но всячески старалась ее удержать при себѣ въ качествѣ компаньонки. Только лѣтомъ 1827 года Полина Гебль нашла случай подать просьбу Государю о разрѣшеніи ѣхать въ Сибирь, чтобы стать женою Анненкова, и въ слѣдующемъ году они, наконецъ, встрѣтились въ читинскомъ острогѣ. Воспоминанія Анненковой обрываются на разсказѣ о переводѣ декабристовъ въ Петровскій заводъ. Судьба француженки, добровольно связавшей свою жизнь съ судьбою русскаго политическаго изгнанника, послужила темой для романа Александра Дюма «Le maître d'armes». Дюма пользовался разсказами француза Жизье, познакомившагося съ Гебль во время ея хлопотъ о разрѣшеніи ѣхать въ Сибирь. Но записки Анненковой несравненно выше, по простотѣ и правдивости, романа Дюма. Въ нихъ ярко обрисовывается удивительный характеръ разсказчицы, настоящей француженки по живости темперамента, немножко суевѣрной, но не терявшей въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ твердости, веселой ясности духа и живой энергіи. Въ сравненіи со знаменитыми записками княгини Волконской, проникнутыми трагическимъ величіемъ сознательнаго героизма, записки Анненковой, воспоминанія только любящей женщины, кажутся бѣдны, но нѣкоторыя страницы такъ трогательны, что не уступаютъ запискамъ Волконской. Нельзя не пожалѣть, что книга почему-то вышла въ свѣтъ безъ предисловія и примѣчаній П. Е. Щеголева, которыя, къ удивленію, анонсируются на четвертой сторонѣ обложки этой же книги: очевидно, цензура военнаго времени... Текстъ представляетъ воспроизведеніе напечатаннаго въ «Русской Старинѣ». Приложены два портрета И. Анненкова, портретъ Лепарскаго, надзору котораго были подчинены декабристы въ Читѣ и о которомъ Анненкова отзывается очень тепло, и два рисунка, касающіеся читинскаго житья. Къ сожалѣнію, портретъ самой Анненковой въ книгѣ отсутствуетъ. Въ приложеніи напечатано нѣсколько писемъ И. Анненкова.

Ч. В—скій.

—Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева. Выпускъ I. И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. М. 1914.

Интересъ къ древнему Востоку, все болѣе интенсивно и опредѣленно выступающій не только въ ученыхъ сферахъ, но и въ массѣ

широкой публики, поставилъ на [очередь разрѣшеніе вопроса о его удовлетвореніи и средствахъ къ этому послѣднему. Шаги въ этомъ направленіи предпринялъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ нашихъ отечественныхъ оріенталистовъ проф. Б. А. Тураевъ. Подъ общею его редакціей подготовляется къ появленію въ печати цѣлый рядъ работъ, имѣющихъ цѣлью «дать въ руки русскому обществу важнѣйшіе источники нашихъ свѣдѣній о культурахъ древняго Востока». Совершенно правильно указывая на то, что «непосредственное сзнакомленіе съ источниками и вниманіе къ голосу самой древности, несомнѣнно, глубже введетъ читателя въ ея таинственный міръ, чѣмъ всякаго рода изложенія и описанія, какъ бы талантливы они ни были», проф. Тураевъ предполагаетъ знакомить публику съ древнимъ Востокомъ не въ ученыхъ монографіяхъ, но посредствомъ ряда «строго-научныхъ, сдѣланныхъ съ оригиналовъ» переводовъ, при чемъ само собою понятно, что для своей цѣли проф. Тураевымъ «выбраны памятники цѣльные, наиболѣе характерные для той или иной эпохи.., и написанные языкомъ, не представляющимъ большого количества неясностей или спорныхъ мѣстъ». Къ переводамъ предполагается присоединять пояснительныя статьи, примѣчанія и иллюстраціи.

Первымъ звеномъ этого ряда переводовъ является работа И. М. Волкова «Законы вавилонскаго царя Хаммураби». Значеніе царствованія Хаммураби въ отношеніи внутренней и внѣшней политики, самая древность сборника (Кингъ и Мейеръ относятъ время царствованія Хаммураби на 1958—1916 г.г. до Р. Х.), вліяніе его на позднѣйшее право Вавилоніи, а равно и на многія другія восточныя законодательства—все это является достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы законы Хаммураби были предложены публикѣ въ первую очередь. Спора здѣсь быть не можетъ, а потому обратимся непосредственно къ предложенному намъ изданію.

Свой трудъ г. Волковъ открываетъ небольшимъ введеніемъ (стр. 1—17), въ которомъ даются краткія свѣдѣнія о времени Хаммураби, его личности, внѣшней и внутренней его политикѣ и сообщаются данныя по исторіи памятника: его открытіи, ученой обработкѣ и переводахъ. За введеніемъ слѣдуетъ переводъ самаго текста закона (стр. 18—52), къ которому примыкаетъ небольшая глава (стр. 53—56), трактующая о составѣ сборника, происхожденіи и его общемъ характерѣ. И, наконецъ, заключительная часть работы (стр. 57—80) посвящена изслѣдованію главнѣйшихъ чертъ древне-вавилонскаго быта по сборнику законовъ Хаммураби, гдѣ авторъ останавливается на разсмотрѣніи и характеристикѣ государственной власти, сословныхъ и профессіональныхъ отношеній, отношеній частно-правовыхъ,—касается процесса и уголовнаго права и въ заключеніе даетъ сжатую оцѣнку

кодекса, какъ историческаго памятника. Къ книгѣ присоединены снимки и эскизъ карты.

Обращаясь къ разсмотрѣнію работы г. Волкова, мы должны имѣть въ виду, что предлагаемый имъ переводъ законовъ Хаммураби не первая его работа по этому кодексу. Напечатанныя имъ ранѣе о занимающемъ насъ сборникѣ статьи даютъ намъ основанія ожидать отъ автора цѣнной работы. И ожиданія не обманываютъ насъ. Г. Волковъ использовалъ весьма обширную литературу, и это, конечно, не можетъ не сказываться какъ въ характерѣ самаго перевода, такъ и на вводной и заключительной статьяхъ, а равно и на пояснительныхъ примѣчаніяхъ, которыхъ особенно много требуетъ вводная часть памятника. Кромѣ того, авторъ обнаруживаетъ основательное знакомство и съ другими источниками, имѣющими то или иное отношеніе къ затронутымъ въ памятникѣ вопросамъ, на что́ указываетъ довольно большое число весьма интересныхъ ссылокъ на переписку Хаммураби и примѣровъ изъ области частно-правовыхъ документовъ. Однимъ словомъ, въ положительномъ отношеніи г. Волковъ даетъ почти все, чего только можно желать. Относительно же дефектовъ, неизбѣжныхъ во всякой работѣ, слѣдуетъ сказать, что тѣ немногіе изъ нихъ, на которые можно указать, носятъ характеръ скорѣе дефектовъ изданія, нежели работы. Такъ, можно отмѣтить мелкую, даже слишкомъ мелкую, печать книги. Рядъ неудачныхъ фразъ, напримѣръ: на стр. 58—«Подобно всякому другому роду имущества, право собственности на рабовъ переходило въ семьѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію», изъ которой можно на первый взглядъ заключить, что рабы составляли неотчуждаемую собственность, чего изъ контекста, даже ближайшаго, отнюдь не слѣдуетъ,—и на стр. 72—«Семья имѣетъ чисто-патріархальный строй: всѣ пережитки былого патріархата уже исчезли безслѣдно», которая совсѣмъ непонятна. Подобнаго рода и всѣ немногіе прочіе дефекты. Конечно, это можно объяснить, какъ lapsus linguae или простую опечатку, и погрѣшности такого рода, само собою, никакого болѣе или менѣе существеннаго значенія не имѣютъ.

Б. П. Ивановъ.

Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Т. I. Созданіе имперіи. Пер. А. Захарова. М. 1915.

Имя Ферреро врядъ ли является извѣстнымъ въ нашей широкой публикѣ, а между тѣмъ этотъ ученый, на-ряду съ двумя другими—де Санктисомъ и Пайсомъ,—составляютъ ту тріаду, которая стремится порвать съ прошлымъ римской исторіографіи и поставить изученіе

исторіи Рима во многихъ пунктахъ на совершенно новые устои. Можно сказать, что изъ всѣхъ трехъ авторовъ для широкой публики Ферреро является даже писателемъ наиболѣе интереснымъ, такъ какъ въ своемъ трудѣ—въ цѣломъ пока еще только намѣченномъ—онъ останавливается на той эпохѣ римской исторіи, которая для нашего читателя вообще является наиболѣе интересной, наиболѣе отвѣчающей духу и запросамъ нашего времени—на эпохѣ имперіи. По общему плану Ферреро, его работа должна схватить все время имперіи отъ впервые появляющихся въ Римѣ симптомовъ этой формы и вплоть до паденія міровой державы. Пока авторомъ выпущены въ свѣтъ лишь два тома, охватывающіе въ общей сложности время до смерти Цезаря, то-есть ту критическую эпоху, когда основные принципы монархіи, если не de jure, то, по крайней мѣрѣ, фактически, пробили непоправимую брешь въ республиканскомъ зданіи. Отсюда, два появившіеся тома уже сами по себѣ представляютъ самостоятельный и крупный интересъ.

Составить понятіе о характерѣ работы Ферреро можно лучше всего изъ собственныхъ словъ ея автора.—«Найти нить къ непосредственнымъ, случайнымъ и преходящимъ мотивамъ, побуждавшимъ людей прошлаго къ ихъ трудамъ—пишетъ Ферреро въ предисловіи къ своему труду—описать живо и откровенно ихъ превратности и безпокойства, ихъ борьбу и тѣ иллюзіи, съ какими они выполняли свой трудъ; открыть, какъ и почему во время своего труда люди одного поколѣнія часто не удовлетворяются чувствами, побуждавшими ихъ къ дѣйствію и вызвавшими продолжительное измѣненіе въ жизни ихъ общества,—все это должно быть, по моему мнѣнію, истиннымъ вдохновеніемъ задачи историка». Къ этой характеристикѣ по существу нечего прибавить. Авторъ запечатлѣлъ свои чаянія въ своемъ трудѣ, запечатлѣлъ со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. Нельзя не признать, что его изложеніе блестяще, толкованія и гипотезы часто оригинальны и всегда остроумны, а использованный матеріалъ громаденъ. Съ этой стороны работа Ферреро не оставляетъ желать лучшаго, и въ этомъ отношеніи она стоитъ значительно выше сухого изложенія весьма популярнаго у насъ Низе. Но не слѣдуетъ закрывать глазъ и на ея недостатки. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ отмѣтить, что центральное понятіе въ трудѣ Ферреро—понятіе имперіи и имперіализма—установлено не вполнѣ опредѣленно и ясно, что степень оригинальности толкованій и гипотезъ автора не всегда равна степени ихъ надежности, что аналогіи и сближенія автора идутъ мѣстами, пожалуй, слишкомъ далеко. Если принять все это во вниманіе, то не покажется странной та крайне различная оцѣнка критики, которой была встрѣчена книга Ферреро, какъ въ своемъ оригинальномъ видѣ, такъ и во французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ переводахъ. Впрочемъ, говоря

вообще, не можетъ подлежать сомнѣнію, что разбираемая работа при всѣхъ своихъ отрицательныхъ сторонахъ имѣетъ выдающіяся научныя достоинства; а если къ этому присоединить весьма доступное ея изложеніе, то трудъ Ферреро можно не колеблясь рекомендовать всякому интересующемуся античнымъ міромъ. Только, пользуясь указанной книгой, читателю надлежитъ постоянно помнить, что «Величіе и паденіе Рима»—является яркимъ образчикомъ модернизаціи исторіи и принимать выводы и построенія автора, никогда не упуская изъ виду этого свойства работы.

Первый изъ двухъ появившихся въ оригиналѣ томовъ Исторіи Ферреро предлагается въ настоящее время въ русскомъ переводѣ читателямъ. Этотъ томъ, начинаясь пятью вводными главами, имѣетъ своею центральной задачей выяснить, «подъ вліяніемъ какихъ соціальныхъ силъ подготовлялось событіе, наиболѣе значительное въ исторіи Рима—завоеваніе Галліи», которому авторъ съ личной точки зрѣнія приписываетъ выдающееся значеніе. Свой трудъ переводчикъ объясняетъ желаніемъ познакомить русскую публику съ однимъ изъ трехъ главнѣйшихъ представителей новаго теченія въ области римской исторіографіи. Противъ этого желанія возразить, конечно, нечего, но самый способъ перевода можетъ вызвать недоумѣніе. «Русскій переводъ, пишетъ переводчикъ, исполненъ съ вышедшаго послѣ оригинала авторизованнаго французскаго перевода, въ которомъ авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія и добавленія. Всѣ они сохранены и въ нашемъ переводѣ за весьма немногими исключеніями, когда переводчикъ позволилъ себѣ (sic!) возстановить нѣсколько болѣе подробный итальянскій текстъ, дававшій болѣе живую картину или характеристику»... Подобную операцію со стороны переводчика по отношенію къ автору мы склонны считать по меньшей мѣрѣ безцеремонной.

Б. П. Ивановъ.

— 1873—1913. Николаю Ивановичу Карѣеву ученики и товарищи по научной работѣ. ПГ. 1914.

Дѣятельность проф. Н. И. Карѣева, 40-лѣтній юбилей которой въ 1913 г. торжественно праздновали его ученики, друзья и почитатели, отличалась рѣдкой широтой интересовъ. Карѣевъ былъ и продолжаетъ оставаться одновременно и крупнымъ ученымъ спеціалистомъ, и выдающимся педагогомъ-популяризаторомъ своей науки, и яркимъ общественнымъ дѣятелемъ, всю свою жизнь служившимъ идеаламъ правды и гуманности. Юбилейный сборникъ, изданный въ его честь, отразилъ только одну его сторону дѣятель-

ности, его научно-педагогическую работу въ области науки всеобщей исторіи, и соединилъ вокругъ его имени его непосредственныхъ учениковъ, а также и другихъ историковъ-спеціалистовъ, въ той или иной степени испытавшихъ на себѣ его научное вліяніе.

Сборникъ состоитъ изъ 26 научныхъ статей, которымъ предшествуетъ списокъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ юбиляра. Каждая статья представляетъ собой небольшое самостоятельное изслѣдованіе, и въ числѣ авторовъ сборника можно встрѣтить какъ имена начинающихъ ученыхъ, печатающихъ свои первые научные опыты, такъ и имена такихъ извѣстныхъ дѣятелей исторической науки, какъ, напр., М. И. Ростовцевъ, И. М. Гревсъ, В. П. Бузескулъ, и др. Въ теченіе своей многолѣтней научной дѣятельности проф. Карѣевъ затрагивалъ необъятную область науки всеобщей исторіи, и отзвукомъ на это является то обстоятельство, что въ посвященномъ ему сборникѣ есть статьи по исторіи древняго міра, по исторіи среднихъ вѣковъ, по исторіи славянскихъ народовъ, по исторіи новаго времени, по вопросамъ теоріи исторіи. Но спеціальностью par excellence юбиляра всегда являлось изученіе эпохи великой французской революціи, и поэтому вопросамъ новѣйшей исторіи Франціи въ сборникѣ посвященъ рядъ этюдовъ, принадлежащихъ группѣ ближайшихъ учениковъ Н. И. Въ виду богатства содержанія сборника нельзя не пожелать ему широкаго распространенія.

V.

— Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ XVIII вѣка. Сборникъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. Москва, 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мемуары являются очень цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, дающимъ часто образное и яркое изображеніе прошлаго. Составители книги «Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ XVIII в.» стремились дать книгу для чтенія, которая приблизила бы къ намъ прошлое, сдѣлала бы его понятнымъ и наглядымъ. Въ царствованіе Петра произошла рѣзкая перемѣна въ исторіи нашего быта, и этотъ моментъ совпадаетъ съ появленіемъ значительнаго количества мемуаровъ иностранныхъ и русскихъ. Въ книгѣ собраны наиболѣе характерные отрывки мемуаровъ и записокъ, которые сгруппированы по отдѣламъ, характеризующимъ различныя стороны жизни, напр.: Русскіе за границей, дома послѣ заграничныхъ поѣздокъ, бытъ и нравы, придворная жизнь, столица и провинція и т. д. То, что въ

изложеніи историческаго изслѣдованія встаетъ передъ читателемъ въ видѣ схемы, здѣсь воплощается и пріобрѣтаетъ жизненныя краски. Передъ глазами встаетъ не одинъ бытъ, а оживаютъ лица и историческія событія. По книгѣ легко прослѣдить ростъ культуры и нарожденіе болѣе глубокихъ научныхъ запросовъ. По дневникамъ современниковъ Петра В., кн. Куракина и П. Толстого мы видимъ, что за границей ихъ привлекало все диковинное. Отъ нихъ сильно отличаются записки путешественниковъ Елизаветинской эпохи, когда Болотовъ съ увлеченіемъ набрасывается на европейскую науку и молодой Воронцовъ ищетъ встрѣчи съ Вольтеромъ. Описаніе того, какъ Петръ Великій жаловалъ въ рыцари въ Амстердамѣ прохожихъ, смотрящихъ ему безцеремонно въ лицо, такъ, что у многихъ пожалованныхъ шла носомъ кровь, безграмотныя записочки Елизаветы Петровны прибавляютъ къ ихъ характеристикамъ жизненныя черты. Несомнѣнно, что книга, интересно задуманная, должна привлечь вниманіе читателей. Книга доведена до Екатерининской эпохи.

А. Т.

— Ванъ-Канъ. Экономическіе факторы преступности. Перев. подъ ред. проф. С. Познышева. Изд. Лемана. Москва. 1915 г. IV+324 стр. Ц. 2 р. 75.

Обширный трудъ Ванъ-Кана, вышедшій на французскомъ языкѣ уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, представляетъ собственно не изученіе самихъ экономическихъ факторовъ преступности, а изложеніе и критику ученій и теорій объ этихъ факторахъ, начиная съ греко-римскихъ мыслителей и кончая современными криминалистами, экономистами-статистиками, философами и соціологами. Въ этомъ смыслѣ правъ проф. Познышевъ, считающій работу Ванъ-Кана наиболѣе полно излагающей исторію теорій по данному вопросу. И дѣйствительно, ни одна изъ работъ по уголовной политикѣ, уголовной этіологіи и исторіи угол. права не даетъ изложенія правда, не всегда достаточно удачнаго) такого множества мнѣній, Даже работа Bonger:—Criminalité et conditions economiques (1905), сходная въ первой части съ книгой Ванъ-Кана, уступаетъ ей въ этомъ отношеніи.

Другимъ достоинствомъ данной книги является *научная осторожность* автора, выгодно выдѣляющая его отъ другихъ изслѣдователей этого вопроса, слишкомъ увлекавшихся въ оцѣнкѣ экономическаго фактора. Ванъ-Канъ далекъ отъ сведенія всѣхъ причинъ преступности къ экономическимъ причинамъ. Одни лишь имущественныя преступленія (и то не всѣ) «находятъ косвенную причину въ плохомъ

экономическомъ положеніи, а непосредственную причину—въ острой и хронической нуждѣ». Преступленія же противъ нравственности, по мнѣнію автора, стоятъ скорѣе въ обратномъ отношеніи къ нуждѣ: «матеріальное благополучіе... приводитъ къ увеличенію числа посягательствъ на нравственность». Что касается преступленій противъ личности, то здѣсь вліяніе экономическихъ факторовъ не выразилось въ той или иной однообразной формѣ (314 стр.).

Изъ этихъ выводовъ автора видно, что онъ далекъ отъ «экономическаго монизма» въ изслѣдованіи причинъ преступности. Но мало того: даже тамъ, гдѣ наблюдается параллельный ходъ кривой числа имущ. преступленій и увеличенія или уменьшенія экономической нужды, даже и въ этой области, подчеркиваетъ онъ, слѣдуетъ остерегаться принять простое «соотвѣтствіе между *движеніемъ* имущ. преступности и *измѣненіями* въ экономич. средѣ» за *причинную* зависимость между этими явленіями» (11 стр.).

На-ряду съ экономическими факторами дѣйствуютъ многочисленные факторы иного порядка: органическіе, соціальные, космическіе и т. д. Если ихъ вліяніе менѣе замѣтно, то это объясняется тѣмъ, что они болѣе постоянны и менѣе подвержены колебаніямъ, чѣмъ экономическіе факторы (11—12).

Вотъ въ существенныхъ чертахъ сущность выводовъ и основныхъ положеній автора. Все остальное—изложеніе и критика, часто мѣткая и дѣльная, ряда воззрѣній и работъ по этому вопросу. Само собой разумѣется, что, излагая воззрѣнія множества авторовъ, трудно вмѣстить ихъ въ узкое ложе той или иной классификаціи. Поэтому, понятно, что и здѣсь видна извѣстная случайность и нѣкоторый произволъ какъ въ отнесеніи авторовъ къ той или иной школѣ, такъ и въ классификаціи самихъ школъ.

На-ряду съ этими достоинствами трудъ Ванъ-Кана обладаетъ и рядомъ дефектовъ, свойственныхъ большинству работъ даннаго рода. Не говоря уже о такихъ поверхностныхъ работахъ, какъ статьи Ф. Листа по данному вопросу, ограничивающіяся голословными положеніями, далекими отъ точности и ясности, и такія работы, какъ «Das Verbrechen» Aschaffenburg'a, какъ работы Bonger, Лафарга, Мейера, Фульда, Штаркэ и др., въ которыхъ авторы, на основаніи учета статистическихъ цифръ, пытаются сдѣлать тѣ или иные общіе выводы—всѣ они заранѣе обрекаютъ себя на «недостовѣрность» ихъ. Причина тому — плохая постановка статистич. учета, часто—произволъ въ выборѣ критерія сравненія, нерѣдко—грубая обработка самаго матеріала и, наконецъ, желаніе сдѣлать всеобщей ту зависимость, которая обнаружена была въ томъ или

иномъ мѣстѣ между числомъ преступленій и, скажемъ, цѣной пуда муки. Ванъ-Канъ свободенъ отъ послѣдняго упрека, но не свободенъ отъ первыхъ: у него нѣтъ ни своихъ точныхъ цифръ, ни достаточно вѣскихъ аргументовъ для выясненія той или иной зависимости. Общій выводъ его—не новъ, а потому мало цѣненъ. Новыхъ же зависимостей, вскрытыхъ, провѣренныхъ и доказанныхъ имъ самимъ, онъ не далъ. Благодаря этому и сама книга превращается, до извѣстной степени, въ хорошую компиляцію съ критическими примѣчаніями.

Къ этимъ погрѣшностямъ присоединяются и другія. Разъ дѣло идетъ о выясненіи зависимости между экономическими факторами и преступностью, казалось бы, важно дать точное и «твердое» понятіе первыхъ. И однако? Какъ большинство авторовъ и данный ученый просто отмахивается отъ этой задачи, посвятивъ ей буквально три строки, гласящія: «подъ экономич. явленіями слѣдуетъ понимать все, что въ жизни общества (а, слѣд., косвенно, и въ жизни индивида) связано съ матеріальнымъ благосостояніемъ» (11 стр.).

При всемъ желаніи руководствоваться этимъ опредѣленіемъ при выдѣленіи экономич. факторовъ изъ области другихъ, трудно на его основаніи хоть сколько-нибудь удовлетворительно выполнить эту задачу. А потому, мудрено ли, что область экономич. факторовъ оказывается весьма разнородной и разнообразной: и густота населенія, и бродяжничество, и роскошь, и алкоголизмъ, и жилище, и классовое дѣленіе общества, и бракъ, и цѣна хлѣба и т. д.—все это нерѣдко входитъ въ сферу «экономич. факторовъ». При такой смѣси экономическихъ явленій едва-ли можно получить сколько-нибудь надежные выводы.

Впрочемъ, данный упрекъ одинаково относится и къ многимъ работамъ, посвященнымъ изученію иныхъ, не экономическихъ, факторовъ преступности. Почти всюду здѣсь царитъ еще недостаточная точность выдѣленія самихъ факторовъ, ведущая къ недостовѣрности и самихъ выводовъ. (Напр., Ашаффенбургъ религіозный факторъ смѣшиваетъ съ расовымъ, а суевѣріе—разновидность тѣхъ же религіозныхъ вѣрованій—отводитъ къ иной группѣ и соединяетъ съ группой Spiel!).

Но это, повидимому, пока неизбѣжный грѣхъ работъ по этіологіи преступности. Съ прогрессомъ науки—онъ несомнѣнно будетъ исчезать. Пока же—работа Ванъ-Кана является весьма полезной въ этой области, и появленіе ея на русскомъ языкѣ нельзя признать ни ненужнымъ, ни запоздалымъ.

Питиримъ Сорокинъ.

— Проф. Л. І. Петражицкій. „О женскомъ равноправіи". Петроградъ, 1915 г.

Небольшая брошюра проф. Петражицкаго представляетъ собою извлеченіе изъ рѣчи, произнесенной имъ въ 1-ой Государственной Думѣ для мотивировки законодательнаго предложенія о предоставленіи женщинамъ равноправія. Авторъ не останавливается на этическомъ обоснованіи женскаго равноправія: «эта сторона дѣла ясна для всѣхъ людей съ развитой и культурной совѣстью, а для тѣхъ, которые до этого еще не доросли, требуются не доводы, а воспитаніе»; онъ ограничивается, поэтому, чисто-дѣловыми соображеніями съ точки зрѣнія государственной и общественной пользы. При свѣтѣ этихъ соображеній — въ нихъ лица, знакомыя съ научной дѣятельностью проф. Петражицкаго, узнаютъ отблескъ издавна проповѣдуемыхъ имъ правно-политическихъ идей — выяснялась необходимость реформы глубоко несправедливаго къ женщинѣ и деморализующаго наслѣдственнаго права. Замѣтимъ, что нынѣ реформа эта въ значительной мѣрѣ уже произведена закономъ 3 іюня 1912 г.; къ сожалѣнію, благодѣтельные лучи имущественно-правовыхъ реформъ не проникаютъ въ многомилліонную толщу русскаго крестьянства: здѣсь примѣняются не общіе гражданскіе законы, а обычное право, которое, особенно въ восточной Россіи, поддерживаетъ женское безправіе, въ духѣ сохраняющихся еще остатковъ родового быта. Предвидѣвшій это препятствіе, проф. Петражицкій предостерегаетъ, однако, противъ насильственной ломки народныхъ обычаевъ и требуетъ лишь отказа отъ такой правительственной и сенатской политики, которая искусственно поддерживаетъ и закрѣпляетъ пережиточный строй. Далѣе въ брошюрѣ идетъ рѣчь о необходимости покончить съ безправіемъ женщинъ въ области публичныхъ правъ: о допущеніи женщинъ къ образованію, не исключая и университетскаго, къ занятію государственныхъ должностей и, вообще, къ отправленію высшихъ, требующихъ образованія, общественныхъ функцій — во избѣжаніе неразумной растраты и безъ того необильныхъ у насъ силъ, а также для того, чтобы ослабить ненормальную конкурренцію въ доступныхъ нынѣ женщинѣ отрасляхъ труда, перегруженность которыхъ для множества женщинъ создаетъ крайне бѣдственное положеніе.

Съ наибольшимъ интересомъ прочтутся страницы, посвященныя политическимъ избирательнымъ правамъ женщинъ; созвучно настроенный читатель легко уловитъ здѣсь ноты идейнаго подъема и гуманитарнаго воодушевленія. Отвергнувъ традиціонное возраженіе противъ политическаго равноправія женщинъ: опасно втягивать женщину въ политику, ибо это значитъ отвлекать ее отъ до-

машняго очага, — возраженіе, несостоятельность котораго показалъ уже Джонъ-Стюартъ Милль, — проф. Петражицкій идетъ дальше и выставляетъ тезисъ: «желательно, чтобы женщины занимались политикой, и чѣмъ больше онѣ ею будутъ заниматься, тѣмъ лучше для государства, общества и прогресса». Для обоснованія этого тезиса авторъ выясняетъ культурно-воспитательное значеніе «занятія политикою», какъ «великаго облагороженія души, прививки высшей человѣческой культуры», т.-е. способности и склонности заботиться объ общемъ благѣ, объ общихъ интересахъ, интересоваться ими и даже воодушевляться. Въ насажденіи такой культуры авторъ видитъ путь къ осуществленію соціальнаго идеала и, такимъ образомъ, вступаетъ въ кругъ соціально-философскихъ идей, далеко выходящихъ за предѣлы «женскаго вопроса» [1]); въ свѣтѣ этихъ идей онъ трактуетъ институты народнаго представительства и общаго избирательнаго права—«дальнѣйшую школу культуры путемъ развитія... общественныхъ интересовъ и склонности работать для общаго блага»; въ свѣтѣ этихъ идей пріобрѣтаетъ свое истинное значеніе и предоставленіе женщинамъ политическихъ правъ—«могучее средство насажденія... высшей психики и культуры».

По поводу своего тезиса о желательности возможно большаго пріобщенія женщинъ къ «политикѣ», авторъ выражаетъ надежду, что, ознакомившись съ его доводами, скептики признаютъ, что «объ этомъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ подумать». Съ своей стороны, мы полагаемъ, что независимо отъ женскаго вопроса, вдумчивое отношеніе къ изложенному проф. Петражицкимъ соціально-философскому освѣщенію «занятія политикою» было бы весьма полезно для многихъ изъ среды нашей образованной публики, столь неустойчивой въ своихъ симпатіяхъ и оцѣнкахъ, слишкомъ склонной увлекаться эфемерными вѣяніями и въ пору реакціи съ легкомысленнымъ пренебреженіемъ отворачиваться отъ идей, владѣвшихъ умами въ недавнее, лучшее время общественнаго подъема.

Е. Яновскій.

— С. О. Загорскій. Синдикаты и тресты. СПБ. 1914.

Книга С. О. Загорскаго, составляющая курсъ лекцій, читанныхъ на Высшихъ Коммерческихъ Курсахъ Побѣдинскаго, имѣетъ задачей всесторонне разсмотрѣть синдикаты и тресты, какъ форму организаціи народнаго хозяйства на опредѣленной ступени

1) Болѣе полное изложеніе этихъ идей дано проф. Петражицкимъ въ статьѣ „О соціальномъ идеалѣ“, помѣщенной въ № 2 „Юридическаго Вѣстника“ за 1913 годъ.

развитія капитализма. Начавъ съ указанія нѣкоторыхъ особенностей капиталистической эволюціи нашего времени (высокое развитіе концентраціи производства, тенденція къ относительному возрастанію основного капитала, затрудняющему процессъ уравненія прибыли въ различныхъ промышленныхъ отрасляхъ), естественно наталкивающихъ предпринимателей на путь соглашеній, имѣющаго въ виду обезпеченіе имъ достаточной прибыли, превращающагося затѣмъ въ монополію, т. е. установивъ положеніе, что новѣйшія комбинаціи въ области промышленности явились «въ силу внутреннихъ условій капиталистическаго развитія», и указавъ важнѣйшія условія, содѣйствующія возникновенію синдикатовъ (промышленные кризисы, таможенно-покровительственная политика и т. п.), г. Загорскій переходитъ, затѣмъ, къ разсмотрѣнію самихъ объединеній промышленниковъ. Онъ описываетъ виды и формы капиталистическихъ монополій, ихъ организацію, методы достиженія поставленной себѣ цѣли—увеличенія предпринимательской прибыли, ихъ политику по отношенію къ внѣсиндикальнымъ предпріятіямъ; приводитъ, далеко, впрочемъ, не полную, статистику распространенія синдикатовъ въ различныхъ государствахъ и данныя о результатахъ стремленія синдикатовъ къ возвышенію прибыли. Въ дальнѣйшемъ, авторъ изслѣдуетъ вліяніе капиталистическихъ монополій на синдицированное производство—въ смыслѣ планомѣрнаго распредѣленія работы между объединенными заводами и фабриками, сокращенія издержекъ производства и задержанія будто бы техническаго процесса; вліяніе ихъ на торговлю и торговцевъ (ограниченіе самостоятельной дѣятельности послѣднихъ, овладѣніе частью торговой прибыли, ускореніе процесса картелированія торговли и т. п.), вліяніе на потребленіе продуктовъ синдицированныхъ предпріятій (сокращеніе потребленія какъ результатъ возвышенія цѣны продуктовъ), на положеніе рабочаго класса. Особыя главы отведены разъясненію вопроса о значеніи финансоваго капитала для развитія синдикальныхъ организацій и вопроса объ отношеніи къ синдикатамъ государства. Книга заканчивается замѣчаніями теоретическаго характера и общимъ заключеніемъ автора—какъ выводомъ изъ всего предшествующаго—въ томъ смыслѣ, что «капиталистическія монополіи требуютъ признанія общественной природы капитала (современнаго) и приданія производительнымъ силамъ общественнаго характера».

Не всѣ стороны изслѣдуемаго авторомъ предмета получили въ его трудѣ достаточное освѣщеніе. Недостаточно, напр., подчеркнута въ немъ роль перепроизводства товаровъ въ дѣлѣ возникновенія синдикатовъ, недостаточно выясненъ вопросъ о вліяніи син-

дикатовъ на производительность труда и на потребленіе продуктовъ; а построеніе теоріи капиталистическихъ монополій пожалуй и преждевременно. Тѣмъ не менѣе, трудъ С. О. Загорскаго—въ особенности при бѣдности русской литературы сочиненіями, разносторонне освѣщающими вопросъ о синдикатахъ и трестахъ—нельзя не признать желательнымъ вкладомъ въ литературу предмета.

— П. Кованько. Реформа 19 февраля 1861 года и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія. Кіевъ. 1914.

Операція по выкупу земель освобожденныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, такой тяжестью давившему въ теченіе 45 лѣтъ плечи русскаго крестьянина и вызывавшему страстныя пренія въ обществѣ и печати, отошла съ 1907 г. въ область исторіи и можетъ теперь сдѣлаться предметомъ безпристрастнаго и разносторонняго изслѣдованія. Такое изслѣдованіе особенно необходимо относительно финансовой стороны выкупной операціи, интересъ къ которой въ прошлыя времена затѣненъ былъ тѣмъ вниманіемъ, какое обращено было на хозяйственное значеніе для крестьянъ выкупныхъ платежей. Эта сторона изучена еще дотого недостаточно, что возможны споры относительно того—погашенъ ли внесенными выкупными платежами долгъ крестьянъ за землю или нѣтъ. Такое состояніе вопроса сдѣлается совершенно понятнымъ, если вспомнить, что отчеты по выкупной операціи отличаются крайней хаотичностью, и что здѣсь приходится поэтому начинать съ установленія возможно точныхъ основныхъ данныхъ по ея приходу и расходу изъ года въ годъ. До послѣдняго времени были сдѣланы двѣ попытки такого подсчета прихода и расхода выкупной операціи: одинъ представленъ былъ въ 1903 г. министромъ финансовъ въ качествѣ матеріала въ «Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности»; другой (отъ 1906 г.) принадлежитъ Г. А. Лосицкому. Но оба эти подсчета, по заключенію г. П. Кованько, тенденціозны. Тенденція перваго подсчета заключается въ доказательствѣ того, что государство принесло въ пользу выкупной операціи много жертвъ и притомъ онъ (подсчетъ), по заявленію того же автора, почти не заключаетъ въ себѣ вѣрныхъ цифръ; г. Лосицкій приступилъ къ своему подсчету съ предвзятой тенденціею о полной уплатѣ крестьянами къ январю 1906 г. своего долга за землю, что̀ заставило его «допустить нѣсколько существенныхъ ошибокъ, сдѣлавшихъ его подсчетъ совершенно неубѣдительнымъ» (Кованько).

Авторъ указаннаго въ заголовкѣ изслѣдованія взялъ на себя трудъ, который, естественно, долженъ бы принадлежать правительству—подвести финансовый итогъ выкупной операціи, для чего ему

пришлось изслѣдовать за время съ 1862 по 1907 г.г. ежегодныя доходъ государства по всѣмъ отдѣльнымъ статьямъ поступленія выкупныхъ платежей и по всѣмъ отдѣльнымъ статьямъ его расходы по выкупной операціи. Результатомъ такой работы явилось 40 таблицъ, заключающихъ данныя, относящіяся въ большинствѣ случаевъ къ каждому изъ 45 лѣтъ дѣйствія операціи и послужившія матеріаломъ для 220 страницъ текста, посвященнаго выясненію вопроса о финансовыхъ результатахъ грандіозной операціи. Другая, нѣсколько большая часть труда г. Кованько излагаетъ исторію первоначальнаго законодательства о выкупѣ крестьянской земли и послѣдующихъ мѣропріятій относительно выкупныхъ платежей. Вопросъ этотъ, уже нашедшій въ русской литературѣ своихъ историковъ и критиковъ, получилъ въ книгѣ г. Кованько дополнительное освѣщеніе на основаніи данныхъ, извлеченныхъ, главнымъ образомъ, изъ архива Государственнаго Совѣта. Авторъ пытается затѣмъ разсмотрѣть выкупную операцію въ связи съ общимъ положеніемъ нашихъ финансовъ до и послѣ реформы. Главное значеніе труда г. Кованько относится, впрочемъ, не къ этимъ вопросамъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ отдѣлъ о финансовой сторонѣ самой выкупной операціи, и нельзя не высказать пожеланія, чтобъ эта часть его труда привлекла къ себѣ компетентную критику спеціалистовъ.

В. В.

— В. Пятницкій. Тематическій разборъ оперы „Сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи“ Н. А. Римскаго-Корсакова съ 96 нотными примѣрами. 1914 г. Ц. 70 к. Стр. 78.

Тематическій разборъ оперы Римскаго-Корсакова написанъ съ большимъ знаніемъ разбираемаго матеріала и настолько подробно, что слушатели «Китежа», желающіе вникнуть поглубже въ музыку этой оперы, найдутъ въ книжкѣ Пятницкаго самыя важныя и полезныя указанія, а въ многочисленныхъ нотныхъ примѣрахъ музыкальную точку опоры для своихъ сужденій. Но авторъ книжки даетъ читателю не только матеріалъ для сужденій, но желаетъ эти сужденія направлять, давая эстетическую оцѣнку музыкѣ и техническимъ пріемамъ композитора. И въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что Пятницкій, начинающій музыкальный писатель, отразился невыгодно на его собственныхъ эстетическихъ сужденіяхъ: изъ почтительности къ славѣ композитора онъ не рѣшается достаточно ясно выразить свои отрицательныя сужденія, а между тѣмъ изъ его же изложенія нѣкоторыя отрицательныя сужденія напрашиваются сами собою. Объ этомъ Пятницкій самъ

говоритъ на стр. 7-ой: какъ горячій поклонникъ музыки Римскаго-Корсакова, «онъ болѣе заботился о томъ, чтобы возможно ярче подчеркнуть каждую интересную деталь въ музыкѣ любимаго композитора, чѣмъ объ объективной критикѣ».

Эта связанность Пятницкаго отразилась и на его частныхъ сужденіяхъ объ отдѣльныхъ моментахъ оперы, и на общей оцѣнкѣ значенія Римскаго-Корсакова, какъ опернаго композитора, данной во II-ой главѣ книжки. Отсюда нѣкоторыя противорѣчія и нерѣшительность въ отзывахъ, Напр., объ антрактной музыкѣ 4-го акта, «изображающей хожденіе Февроніи съ женихомъ въ невидимый градъ» (т. е. въ райскій загробный міръ), онъ говоритъ (стр. 75): «Славному художнику великолѣпно удалось передать чувство пламеннаго религіознаго экстаза... музыка чужда сухого сочиненія, прозрачна и полна подъема», а о слѣдующей за этимъ заключительной картинѣ, долженствующей дать музыкально-сценическое воплощеніе религіознаго экстаза, онъ пишетъ, что она «вноситъ въ конецъ «Сказанія» нѣсколько расхолаживающее впечатлѣніе», впрочемъ, спѣшитъ прибавить: «зато конецъ картины превосходенъ». А суть дѣла въ томъ, что экстазъ въ творческомъ воспроизведеніи вообще чуждъ дарованію Р.-Корсакова, и въ Китежѣ именно экстаза и не чувствуется. Точно также, говоря объ одномъ изъ главныхъ мотивовъ «Китежа», играющемъ въ построеніи этой оперы исключительную роль, Пятницкій указываетъ, что «идея симфонической разработки колокольнаго звона, да и самый мотивъ напоминаютъ «Парсифаля». А между тѣмъ слѣдовало бы просто сказать, что тема эта заимствована у Вагнера.

Сопоставляя оперное творчество Римскаго-Корсакова съ тѣмъ, что́ сдѣлалъ Вагнеръ въ этой области, Пятницкій даетъ во II-ой главѣ очеркъ исторіи развитія оперы. Очеркъ этотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратокъ и неполонъ. Въ немъ авторъ, отдавая должное генію Вагнера, утверждаетъ, что Р.-Корсаковъ, воспринявъ въ себя вліянія Вагнера и «русской школы», пошелъ своимъ путемъ и создалъ новый типъ «синтетической» оперы, «характеризующейся совмѣщеніемъ особенностей нѣсколькихъ стилей» (стр. 23). До сихъ поръ такія оперы гораздо правильнѣе назывались эклектическими, т. - е. не имѣющими стиля, и, конечно, считать Р.-Корсакова создателемъ «своего» стиля невозможно, да въ этомъ не слѣдуетъ видѣть ничего обиднаго. Ни Моцартъ, ни Глинка, величайшіе творцы въ области оперы, не создали своего стиля, а Вагнеръ и Мейерберъ имѣли «свой» стиль.

«Стиль» Р.-Корсакова обусловливался тѣмъ, что, владѣя превосходно техникой композиціи, обладая огромной трудоспособ-

ностью и великой настойчивостью, Р.-Корсаковъ имѣлъ очень ограниченный запасъ непосредственнаго (подсознательнаго) творчества. Его изобрѣтательность, какъ въ области симметрической мелодіи, такъ и въ области мелодическаго речитатива бѣдна, и эту бѣдность онъ прикрываетъ роскошью оркестроваго наряда или заимствованіями изъ чужихъ мелодическихъ источниковъ, главнымъ образомъ, изъ народныхъ пѣсенъ. Вотъ почему Р.-Корсаковъ не могъ остаться въ стилѣ «Каменнаго гостя» Даргомыжскаго, и не могъ писать, какъ писалъ Глинка, а вынужденъ былъ все ближе и ближе подходить къ стилю Вагнера: въ этомъ стилѣ «игрою» мотивовъ можно легче всего замѣнить настоящее драматическое творчество, и, конечно, «Китежъ» написанъ болѣе всего въ вагнеровскомъ стилѣ. Правда, Р.-Корсаковъ дополняетъ вагнеровскую систему разработки лейтмотивовъ своими пріемами, одинъ изъ которыхъ никакъ нельзя назвать цѣлесообразнымъ. У Вагнера лейтмотивы разрабатываются въ оркестрѣ, а дѣйствующія лица поютъ каждый разъ другую музыку. У Р.-Корсакова лейтмотивъ очень часто данъ голосу пѣвца, и дѣйствующее лицо разныя слова (иногда совершенно другого значенія) поетъ на одинъ и тотъ же мотивъ, вслѣдствіе чего получается совершенно неожиданный комическій эффектъ. Такъ, напр., Поярокъ поетъ на одинъ и тотъ же мотивъ такія фразы: «Ты отколь взялася, дѣвица?» или: «Вы играйте, гусли звонкія», или: «Госпожа, не слушай бражника» (въ очень драматическій моментъ оскорбленія бражникомъ Февроніи!). По поводу послѣднихъ словъ Пятницкій пишетъ (стр. 63): «Своимъ добродушнымъ спокойствіемъ замѣчанія Поярка контрастируютъ съ наглымъ поведеніемъ Гришки и производятъ комическое впечатлѣніе, что́, повидимому, и имѣлъ въ виду композиторъ». Въ этомъ случаѣ Пятницкій несомнѣнно ошибается. Комическое впечатлѣніе достигнуто здѣсь, вопреки намѣреній композитора, вслѣдствіе антихудожественнаго пользованія лейтмотивомъ.

Разбирая либретто «Китежа», написанное В. И. Бѣльскимъ, Пятницкій справедливо указываетъ высокія литературныя его достоинства и превосходный языкъ текста. Онъ приводитъ источники, изъ которыхъ Р.-Корсаковъ и В. И. Бѣльскій заимствовали сюжетъ оперы, и отмѣчаетъ, что́ привнесено въ этотъ сюжетъ авторомъ текста. Къ сожалѣнію, Пятницкій не останавливается на моральной идеѣ «Китежа», а она заслуживаетъ вниманія. Моральное ученіе Февроніи выражено ею, какъ нельзя болѣе, категорически: она спасаетъ предателя Гришку отъ татаръ, отдавая себя за это имъ на мученіе, и говоритъ при этомъ: «Смертныхъ мукъ не побоюся я, помолюсь за палачей своихъ, ты жъ усердно кайся: Богъ про-

ститъ. Кайся, всякій грѣхъ прощается, а который непростительный,—не простится, такъ забудется». Пятницкій не указываетъ, заимствованы ли эти слова Февроніи изъ народныхъ источниковъ, но я надѣюсь, что нѣтъ, ибо такое моральное ученіе не всегда совпадаетъ съ христіанствомъ и съ духомъ русскаго народа. Христіанская мораль знаетъ грѣхи непростительные, а о томъ, что такіе грѣхи забудутся, въ Евангеліи нигдѣ не сказано. Русскій же народъ, при всей своей незлобливости, до такой морали никогда не доходилъ, за палачей своихъ—татаръ никогда не молился, а, собравшись съ силами, побилъ ихъ, какъ слѣдуетъ, и покорилъ царству Русскому. Самое любопытное при этомъ, что Римскій-Корсаковъ отнюдь не былъ склоненъ къ всепрощенію, а, судя по его автобіографіи («Лѣтопись моей музыкальной жизни»), осуждалъ весьма строго не только такой тяжкій грѣхъ, какъ предательство, но и пьянство, и другія слабости человѣческія. Поэтому онъ едва-ли былъ бы доволенъ, прочитавши такія слова Пятницкаго: «Любопытно, что въ общемъ свѣтломъ тонѣ «Сказанія» самый образъ Кутерьмы, ярко бытовой (это ужъ слишкомъ: ну, пьянство—бытовое явленіе, а предательство, да еще съ гнусной клеветой на Февронію?) и отталкивающій по своему содержанію (?), какъ-то смягчился и вызываетъ не отвращеніе, а жалость и сочувствіе».

Викторъ Вальтеръ.

— Юлій Гессенъ. Исторія евреевъ въ Россіи. Спб. 1914.

Шестимилліонное еврейское населеніе Россіи еще не дождалось своего историка, и указанная въ заголовкѣ этой замѣтки книга, составляющая, если не ошибаемся, первую попытку такого рода, излагаетъ лишь исторію законодательно-административныхъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничительныхъ воздѣйствій на евреевъ,—вызывавшихъ, сказать кстати, протесты многихъ выдающихся дѣятелей центральнаго и мѣстнаго управленія (назовемъ только Сперанскаго, гр. Мордвинова, Новосильцева, Киселева, Ланского, Рейтерна, литовскаго губернатора Фрицеля, кіевскаго генералъ-губернатора Левашева, прибалтійскаго генералъ-губерн. кн. Суворова, новороссійскихъ ген.-губернаторовъ, графовъ Воронцова и Строганова, маркиза Вѣлепольскаго и т. д.),—исторію кагальной организаціи еврейства и нѣкоторыхъ явленій его духовной жизни—отъ момента присоединенія (въ 1772 г.) къ Россіи Бѣлоруссіи до начала 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда освободительное по отношенію къ евреямъ теченіе въ законодательствѣ временъ императора

Александра II смѣнилось тенденціей противоположнаго характера и возникли первые еврейскіе погромы.

Книга г. Юлія Гессена написана интересно и получитъ, нужно ожидать, среди русскаго общества достаточно широкое распространеніе. Мы считаемъ только совершенно неправильнымъ устраненіе изъ книги всякихъ ссылокъ на источники,—наименованіемъ даже цитируемыхъ авторовъ «однимъ современникомъ» или «однимъ изслѣдователемъ». Вслѣдствіе этого упущенія читателю, который заинтересовался бы тѣми или другими явленіями, отмѣчаемыми въ данной книгѣ, придется обратиться за нужными указаніями къ другой книгѣ того же автора, «Евреи въ Россіи».

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. К. Пиксановъ. Семинарій по новой русской литературѣ. Три эпохи, Екатерининская, Александровская, Николаевская. Петроградъ. Изд. 2-е. Ц. 60 коп.

Въ составѣ академическаго преподаванія рядомъ съ лекціями все большее мѣсто начинаютъ занимать практическія занятія, семинаріи по словеснымъ наукамъ, и т. п. „Семинарій по новой русской литературѣ“ г. Пиксанова является весьма цѣннымъ, свѣжо и интересно составленнымъ, пособіемъ для занимающихся исторіей литературы, какъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ отчасти и въ старшихъ классахъ средней школы. Темы, предлагаемыя г. Пиксановымъ, во многихъ случаяхъ отличаются новизною—напр. рядъ темъ о русскомъ театрѣ XVIII в., о воронежскомъ культурномъ гнѣздѣ и пр. Библіографія для темъ всюду подобрана вполнѣ удовлетворительно; темы сопровождены въ необходимыхъ случаяхъ вопросниками, въ помощь занимающемуся для ориентированія въ сыромъ матеріалѣ. „Семинарій полезенъ для ищущихъ самообразованія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и для самостоятельныхъ работъ. Чрезвычайно желателенъ былъ бы столь же тщательно и любовно составленный „семинарій“ по литературѣ и времени Александра II. Въ составъ преподаванія исторіи литературы XIX вѣка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ давно пора ввести и Льва Толстого, и Салтыкова, и Глѣба Успенскаго, и поэтовъ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ, начиная съ Фета и Алексѣя Толстого.

М. Горькій. О писателяхъ-самоучкахъ. Издательство „Жизнь и Знаніе“. Цѣна 25 коп. Петроградъ. 1915.

Въ этой довольно любопытной брошюрѣ М. Горькій дѣлится своими наблюденіями надъ очень многочисленными рукописями писателей изъ низовъ. Этихъ неудачниковъ онъ называетъ не точно „писателями-самоучками“: всѣ писатели — самоучки, если не считать лицъ, прошедшихъ курсъ какой-нибудь сомнительной, „школы газетнаго дѣла“ и писателями отъ того не ставшихъ. Нѣкоторые отрывки, цитированные въ брошюрѣ, чрезвычайно интересны, какъ живой голосъ страдающей, но рвущейся къ свѣту массы, голосъ вполнѣ непосредственный. Выводъ автора изъ этихъ наблюденій: „Писатель самоучка настроенъ идеалистически—какъ и слѣдуетъ демократу молодой страны; писатель же интеллигентъ—скептикъ, пессимистъ и нытикъ“. Брошюра заканчивается напоминаніемъ „о необходимости вниманія и уваженія къ народу“—въ чемъ никто, впрочемъ, не сомнѣвается.

Народно-школьная библіотека. А. Серафимовичъ. Морской волкъ и др. разсказы. Ц. 60 к. Н. Златовратскій. Избранные разсказы. Изд. 2-е. Ц. 80 к. Ив. Бунинъ. Избранные разсказы. Ц. 65 к. Кн-во писателей въ Москвѣ.

Можно пожелать продолженія этой удачно задуманной и со вкусомъ выполняемой серіи. Она предназначена для читателя народныхъ и школьныхъ библіотекъ, которому очень часто недоступны обычныя изданія современныхъ авторовъ, какъ по дороговизнѣ, такъ и по сложности содержанія и интеллигентскому языку.

Сборникъ великорусскихъ частушекъ. Подъ редакціей Е. Н. Елеонской. Москва. 1914. Изданіе комиссіи по народной словесности. Стр. 27+539. Цѣна 2 р.

„Частушки“ все болѣе привлекаютъ вниманіе современныхъ этнографовъ. Огромный московскій сборникъ ихъ составленъ въ 1911—14 г.г. изъ записей разныхъ лицъ почти на всемъ пространствѣ Россіи и даетъ обильный матеріалъ для сужденій объ этомъ родѣ пѣсеннаго творчества. Этотъ матеріалъ расположенъ по губерніямъ и отчасти освѣщенъ во вступительной статьѣ редактора сборника.

Быстрое побѣдоносное распространеніе частушки г-жа Елеонская связываетъ съ развивающимся въ русскомъ народѣ стремленіемъ къ индивидуализаціи всѣхъ переживаній лирическихъ, для чего частушка и дала удобную и простую форму.

К. Треневъ. Владыка. Разсказы. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1915. Стр. 245. Ц. 1 р. 25 к.

К. Треневъ—имя, которое въ послѣднее время стало обращать на себя нѣкоторое вниманіе читателей. Всѣ темы его разсказовъ взяты изъ захолустной жизни. Картины этой жизни, близко знакомой автору и во многомъ любимой имъ, разработаны съ мягкимъ и подкупающимъ юморомъ малороссійскаго склада. Большой разсказъ „Владыка“ и „Любовь Бориса Николаевича“ написаны на болѣе серьезныя психологическія темы. Въ первомъ разсказѣ, въ исторіи помѣшательства владыки, аскета, не имѣющаго понятія о дѣйствительной жизни и не вынесшаго всѣхъ противорѣчій своего положенія, лучше всего разсказана первая часть; въ развитіи и развязкѣ помѣшательства чувствуется выдумка. Второй разсказъ—исторія одной любви—написанъ подъ замѣтнымъ вліяніемъ Чехова („Дама съ собачкой“), какъ и разсказъ „Самсонъ Глечикъ“, въ сущности варіація на тему „Человѣка въ футлярѣ“. Сборникъ даетъ, однако, опредѣленную надежду, что въ г. Треневѣ растетъ, быть можетъ, выдающееся дарованіе реалистической школы, сила котораго въ настоящемъ серьезномъ юморѣ.

С. Н. Кривенко. М. Е. Салтыковъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Изданіе 3-е. Петроградъ. 1915. Стр. 105. Цѣна 75 коп.

Подробной біографіи Салтыкова до сихъ поръ не написано, хотя онъ, конечно, имѣлъ бы всѣ права на это. Очеркъ Кривенко, входившій въ составъ Павленковской „біографической библіотеки“, составленъ давно и по одному этому очень далекъ отъ должной полноты. Но онъ написанъ тепло и содержательно, и, хотя совершенно отсутствуетъ оцѣнка литературной дѣятельности Салтыкова, заслуживаетъ полнаго вниманія. Удачна характеристика Салтыкова, какъ редактора „Отечественныхъ Записокъ“, написанная по личнымъ воспоминаніямъ и по свѣжей памяти. Издана книжка достаточно хорошо. Текстъ Кривенка сопровождается предисловіемъ и примѣчаніями г. А. Югорскаго. Примѣчанія носятъ преимущественно библіографическій характеръ.

Забытый смѣхъ. Сборникъ первый. Составилъ Александръ Амфитеатровъ. Московское кн-во. М. 1914. Стр. 436. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Амфитеатрову пришла удачная мысль собрать произведенія сатириковъ и юмористовъ „Искры“ и другихъ забытыхъ изданій 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ первомъ сборникѣ даны избранныя стихотворенія В. С. Курочкина, Г. Н. Жулева, Н. С. Курочкина, В. И. Богданова и Н. И. Кроля, а также произведенія Кузьмы Пруткова, появлявшіяся въ „Искрѣ“ и не попавшія въ собраніе его сочиненій. О каждомъ авторѣ данъ вступительный очеркъ, а произведенія сопровождены многочисленными комментаріями и поясненіями. Несомнѣненъ большой интересъ сборника для характеристики сатиры шестидесятыхъ годовъ (въ общемъ довольно мрачной и унылой) и ея отдѣльныхъ представителей. Но сборникъ редактированъ спѣшно, примѣчанія громоздятся на примѣчанія, и пользованіе имъ, за отсутствіемъ указателя и подробнаго оглавленія, неудобно.

У Троицы въ Академіи. 1814—1914 г.г. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. М. 1914. Стр. XI+772. Цѣна 3 р.

Этотъ огромный сборникъ матеріаловъ по исторіи Московской Духовной Академіи изданъ бывшими воспитанниками ея по случаю исполнившагося 1 октября прошлаго года столѣтія академіи. Это собраніе воспоминаній, писемъ, разнаго рода документовъ и т. д., отдѣльныхъ статей и замѣтокъ о преподавателяхъ академіи и проч., даетъ много данныхъ для исторіи духовнаго просвѣщенія и культуры. Оно касается множества очень громкихъ и извѣстныхъ именъ, принадлежащихъ не только академіи, но и общей исторіи русской общественности, науки и литературы. То и дѣло упоминаются имена Филарета, московскаго митрополита, и К. П. Побѣдоносцева; среди именъ, извѣстныхъ только въ мірѣ дѣятелей православной церкви, постоянно мелькаютъ имена Ключевскаго, Тихонравова, Буслаева, Бодянскаго, знаменитыхъ славянофиловъ и пр.

С. В. Соловьевъ. Очерки изъ исторіи новой французской и провансальской литературы. Петроградъ, 1914. Стр. 39+342. Цѣна 2 р.

Харьковскій профессоръ, скончавшійся въ 1913 году, С. В. Соловьевъ (о немъ подробно говорится въ предпосланной къ книгѣ

статьѣ В. П. Бузескула) соединялъ, со способностью глубокаго и тщательнаго изученія сырого матеріала, даръ отчетливаго и изящнаго изложенія выводовъ. Статьи его, сжатыя, но содержательныя, будутъ по достоинству оцѣнены всѣми изучающими новую французскую литературу. Первая часть очерковъ посвящена вопросамъ о романтизмѣ, который въ послѣдніе годы столько заставляетъ говорить о себѣ (вся русская литература послѣдняго двадцатипятилѣтія, напр., окрещена эпохою неоромантизма г. Венгеровымъ). Во второй части даны статьи Соловьева о провансальской литературѣ и Мистралѣ, у насъ извѣстныхъ лишь очень немногимъ записнымъ любителямъ. Между тѣмъ отношенія французской и провансальской литературъ очень близки къ вопросу объ отношеніяхъ напр. литературъ русской и украинской. Изслѣдованія и выводы по этому предмету Соловьева представляютъ, такимъ образомъ, для насъ довольно живой и насущный интересъ современности.

Ч. В—скій.

Н. Кадминъ (Н. Я. Абрамовичъ). Исторія русской поэзіи. Отъ древней народной поэзіи до нашихъ дней. Томъ I. Москва, 1914. Стр. 257. Ц. 1 р. 25 к.

Просматривая книгу г. Абрамовича, недоумѣваешь, для кого она написана. Очень громкое заглавіе и весьма скромное содержаніе:—весьма общія и неопредѣленныя разсужденія о произведеніяхъ народной словесности и замѣтки объ отдѣльныхъ авторахъ (въ первомъ томѣ дѣло кончается декабристами). Это не учебникъ — потому что книга недостаточно обстоятельна въ фактической части, не популярная книга для чтенія — потому что предполагаетъ слишкомъ многое извѣстнымъ читателю, да и написана языкомъ весьма кудрявымъ и затѣйливымъ. Это и не самостоятельное изслѣдованіе, потому что авторъ все время вращается въ области слишкомъ хорошо извѣстнаго спеціалистамъ, ни на шагъ не выбиваясь изъ общихъ мѣстъ. Со второй половины книги она сбивается на скучный рядъ кое-какъ связанныхъ, крайне бѣглыхъ и сжатыхъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ писателяхъ; изъ этихъ замѣтокъ едва-ли можетъ вынести что-либо читатель, не знакомый съ данными писателями.

Эпоха крестовыхъ походовъ. Подъ редакціей Э. Лависса и А. Рамбо. М. 2 тома, цѣна 4 р.

Второе изданіе перевода второго тома „Всеобщей исторіи Лависса и Рамбо“ выпущено издательствомъ Сабашниковыхъ съ предисловіемъ проф. А. Н. Савина. Предисловіе поясняетъ, что на русскомъ языкѣ нѣтъ другой, болѣе подходящей книги по тому же предмету. Переводъ ея сдѣланъ М. О. Гершензономъ: „читатели могутъ быть увѣрены, что читаютъ то самое, что хотѣлъ сказать авторъ“, и книга „все еще можетъ быть очень полезна всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ познакомиться съ исторіею феодальнаго періода въ популярномъ, но серьезномъ изложеніи“ (слова компетентнаго предисловія).

Русскій біографическій словарь. Гаагъ-Гербель. Изданіе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Москва, 1914. Стр. 494. Ц. 3 р.

Капитальное изданіе это медленно пополняется новыми и новыми выпусками. Настоящій томъ вышелъ въ Москвѣ подъ редакціей Н. П. Чулкова и, не отличаясь по типу и характеру отъ другихъ томовъ, даетъ весьма много очень цѣннаго матеріала, необходимаго для сиравокъ историкамъ и историкамъ литературы. Назовемъ нѣсколько біографій, которыя впервые даютъ хотя и сжатую, но сводную и точную картину жизни данныхъ лицъ: Гагаринъ (кн. И. С., іезуитъ), Гаевскій В. П., Галаховъ А. Д., Гатцукъ А. А., Гациссній А. С., Гедеоновъ С. А., Гейнсъ В. К. (Вильямъ Фрей), Геннади Г. Н., Гераковъ Г. В., Гербель Н. В. Нельзя не привѣтствовать пониженія цѣны томовъ съ пяти до трехъ рублей, что сдѣлаетъ словарь доступнѣе для многихъ библіотекъ и спеціалистовъ. Можно также высказать пожеланіе объ изданіи дополнительныхъ томовъ „Словаря“ въ виду того, что вышедшіе (съ половины девяностыхъ годовъ) томы и выходящіе не заключаютъ многихъ именъ, носители которыхъ сошли уже въ могилу съ начала изданія, и о скорѣйшемъ движеніи еще не вышедшихъ буквъ словаря.

Константинъ Карловичъ Гротъ, какъ государственный и общественный дѣятель. Матеріалы для его біографіи и характеристики. Т. I. Стр. 447+84. Т. II. Стр. 482. Изд. Попечительство о слѣпыхъ. Петроградъ, 1915.

Это интересное изданіе, посвященное памяти одного изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей двухъ царствованій—Александра II и Александра III, предпринято особою комиссіею подъ предсѣдательствомъ А. С. Ермолова по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія К. К. Грота. Въ первомъ томѣ помѣщены біографическія

свѣдѣнія о Гротѣ, очерки его служебной дѣятельности по акцизной реформѣ, по тюремному преобразованію и по устройству попечительства о слѣпыхъ, разныя оффиціальныя записки, письма, извлеченія изъ дневника и т. п. Второй томъ заключаетъ въ себѣ письма и матеріалы, касающіеся спеціально любимаго дѣла послѣдняго періода жизни К. К. Грота—попечительства о слѣпыхъ.

Л. С.

Посѣвная область южной Россіи (1889—1912 г.г.), статистическій очеркъ. Сост. І. А. Трахтенбергъ. Харьковъ. 1914.

Эта работа Харьковскаго Областного Комитета по пересмотру русско-германскаго торговаго договора составляетъ начало большаго изслѣдованія сельскаго хозяйства южной Россіи, предпринятаго съ цѣлью полученія прочнаго основанія для выработки тѣхъ требованій, которыя можно предъявить съ точки зрѣнія интересовъ мѣстнаго хозяйства къ новому договору. На основаніи данныхъ, относящихся къ десяти губерніямъ южной Россіи за послѣднія 25 лѣтъ, г. Трахтенбергъ выясняетъ вопросъ о статикѣ и динамикѣ хлѣбной производительности края въ отношеніи къ общей площади высѣваемыхъ хлѣбовъ, и соотношенія между отдѣльными культурами. Эта работа (не чуждая, сказать кстати, избытка ненужныхъ для выясненія вопроса вычисленій) внесетъ, безъ сомнѣнія, свою лепту въ большое дѣло изслѣдованія главнѣйшей отрасли труда нашего населенія.

Кооперативная дѣятельность земскихъ агрономовъ Московской губ. Составилъ В. В. Хижняковъ. Москва. 1914.

Кооперативное движеніе составляетъ самое выдающееся явленіе въ сельской средѣ послѣднихъ лѣтъ, важность котораго обусловливается не только значеніемъ его въ дѣлѣ удовлетворенія тѣхъ потребностей, ради которыхъ возникаютъ кооперативы, но и тѣмъ вліяніемъ, какое послѣдніе въ состояніи оказать на общественные навыки сельскаго населенія. Развитіе этого движенія задерживается, однако, бѣдностью культурными силами крестьянскихъ массъ, и многія земства (больше сотни) для содѣйствія ему учредили институтъ кооперативныхъ инструкторовъ. Съ цѣлью выясненія какъ этого вопроса, такъ и вопроса о значеніи кооперативовъ для агрономическихъ мѣропріятій земства, московское губернское земство предприняло анкету, и названная выше книжка, заключающая сводку данныхъ этой послѣдней, не можетъ, поэтому, не представлять интереса для лицъ, сталкивающихся съ практическими вопросами русской кооперація.

Отдѣлъ земельныхъ улучшеній въ 1909—1913 г.г. Петроградъ. 1914.

Россія въ цѣломъ обладаетъ обширными пространствами—въ видѣ неудобныхъ земель, болотъ, безводныхъ степей и т. п.—которыя, путемъ тѣхъ или другихъ гидротехническихъ работъ, могутъ сдѣлаться пригодными для культуры. Мелiорація въ широкихъ размѣрахъ такихъ земель невозможна у насъ, однако, безъ участія правительства; а послѣднее обращало на этотъ предметъ очень мало вниманія, и систематическая работа его, съ охватомъ по возможности всѣхъ сторонъ предмета и всѣхъ областей Россіи, есть дѣло самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Эта работа, по понятнымъ причинамъ, носила пока главнымъ образомъ подготовительный характеръ, и ею намѣченъ грандіозный планъ мелiоративныхъ предпріятій въ Европейской и Азіатской Россіи. Указанное въ заголовкѣ этой замѣтки изданіе Главнаго Управленія Земледѣлія и Землеустройства подводитъ итоги дѣятельности его Отдѣла Земельныхъ Улучшеній и привлечетъ, конечно, къ себѣ вниманіе всѣхъ лицъ, интересующихся предметомъ.

Г. Зоргенфрей. Въ прусскихъ школахъ. Петроградъ. 1914.

Въ этой брошюрѣ извѣстнаго нашего педагога сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи прусской средней школы какъ съ педагогической, такъ и съ административной стороны, при чемъ проводятся параллели между прусской и русской школой. Изложеніе основано на книжномъ изученіи предмета и на личномъ посѣщеніи нѣмецкихъ школъ. Въ „Заключеніи“ указывается и на такія стороны нѣмецкой школы, которыя, къ сожалѣнію, на освѣщены въ брошюрѣ, какъ-то, на „тяжелый кризисъ“ въ области религіозно-нравственнаго воспитанія юношества. Семья и педагоги, заявляетъ авторъ, „сильно отклонились отъ ортодоксальнаго вѣроученія, но не находятъ пока замѣны тѣмъ духовнымъ благамъ, которыя растрачены въ послѣднія десятилѣтія напряженной борьбы за матеріальный подъемъ“.

В. В.

Статистическій Вѣстникъ, издав. въ Москвѣ о-вомъ имени А. И. Чупрова, книги 1-я и 2-я 1914 г., книга 3-я 1914—15 г.г. Журналъ, выходящій 4 раза въ годъ, подписная цѣна на годъ—4 р.

На страницахъ общаго журнала можно только отмѣтить отрадный фактъ появле-

нія спеціальнаго статистическаго журнала, въ которомъ давно уже ощущается настоятельная потребность. Разработка вопросовъ статистической практики, установленіе связи между статистическими изслѣдованіями, ихъ программами, пріемами разработки съ одной стороны, ознакомленіе съ усиліями мысли въ области теоріи статистики, особенно цѣнными именно въ послѣдніе годы съ другой стороны, составляютъ основную задачу новаго журнала. Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщенъ рядъ интересныхъ статей теоретическаго характера (А. А. Чупрова, А. А. Кауфмана, С. Н. Прокоповича, Н. С. Четверикова и др.), данъ рядъ сообщеній съ мѣстъ о бюджетныхъ изслѣдованіяхъ, статьи объ оцѣночныхъ работахъ въ земскихъ губерніяхъ, по статистической методологіи въ земельной оцѣнкѣ и т. д.

Нельзя сомнѣваться, что и вопросы статистики населенія найдутъ себѣ въ новомъ журналѣ надлежащее освѣщеніе, въ особенности въ связи съ предстоящей второй всеобщей переписью населенія.

В. Б—ъ.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ. Сочиненія. Т. I. Ред. и прим. Е. А. Ляцкаго. Петроградъ, 1915 г. Ц. 3 р.

Александровъ, П. А. Сѣверная система. Москва, 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бемонъ, Ш. и Моно, Г. Исторія Европы въ средніе вѣка (395—1270). Пер. съ франц. подъ ред. О. А. Добіашъ-Рождественскаго. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р.

Берманъ, Л. Неотступная свита. Петроградъ, 1915 г.

Біорисонъ-Біорнстернъ. Перчатка. Пер. Т. А. Кузьминской. Москва, 1914 г. Ц. 30 к.

Болонинъ, А. М. Какъ увеличить корма для скота въ хозяйствѣ сѣверной полосы Россіи. Москва. 1914 г. Ц. 6 к.

Бузескулъ, В. Лекціи по исторіи Греціи. Т. I. Введеніе въ исторію Греціи. Изд. 3-ье. Петроградъ, 1915 г. Ц. 3 р. 25 к.

Бунинъ, Ив. Чаша жизни. Разсказы. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бюловъ фонъ, кн. Внѣшняя политика Германіи. Пер. подъ ред. П. Бицилли. Одесса, 1915 г. Ц. 50 к.

Б. В. Лунная сказка. Москва, 1915 г.

Вайсфельдъ, М. Стремленія и чувства. Петроградъ, 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вересаевъ, В. Живая жизнь. Ч. II. Аполлонъ и Діонисъ (о Ницше). Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Витошинскій, Е. М. Указатель именной и предметный къ труду, А. В. Горскаго и К. И. Невоструева. Варшава, 1915 г. Ц. 1 р.

Витинъ, А. Тайга. Разсказъ. Харьковъ, 1915 г.

Вихляевъ, П. А. Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. Вып. 9. Москва, 1915 г.

Гагаринъ, Г., кн. Стихотворенія. Петроградъ, 1914 г.

Гиро, П. Частная и общественная жизнь грековъ. Вып. V и VI. Петроградъ, 1915 г.

Гольдштейнъ, Л. М. Война, германскіе синдикаты, русскій экспортъ и наши торговые договоры. Москва, 1915 г. Ц. 60 к.

Городецкій, Сергѣй. Четырнадцатый годъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Гравицъ, Э., проф. Гигіена обыденной жизни. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. А. С. Догеля. Петроградъ, 1915.

Доннеманнъ, Фр. Какъ создавалась наша картина міра. Петроградъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Дымовъ, Осипъ. Бѣгущіе креста. Романъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дьюи, Д., проф. Психологія и педагогика мышленія. Перев. съ англ. подъ ред. Н. Д. Виноградова. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.

Желтухинъ, А. Н. Математика и физика во французскихъ лицеяхъ. Одесса, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Жидъ, Шарль. Исторія экономическихъ ученій. Пер. В. Сережникова, подъ ред. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва, 1915 г. Ц. 3 р.

Жуковскій, С. В. Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Журинъ, Александръ. Радостный кругъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Зачиняевъ, Александръ. Орѳографическая пропись. Вып. III и IV. Петроградъ, 1915 г. Ц. выпуска 40 к.

Зеленинъ, Д. К. Великорусскія сказки Пермской губ. Сборникъ. Петроградъ, 1915 г.

Ивановъ, М. В. Элементарныя основанія физики. Курсъ средней школы и для самообразованія.

Часть I. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 40 к.

Икскуль, В. Я., бар. Полное собраніе сочиненій. Т. III. Ревель, 1915 г. Ц. 1 р.

Коваленскій, Михаилъ. Хрестоматія по русской исторіи. Т. II. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. Нѣсколько сравнительныхъ таблицъ къ моимъ изслѣдованіямъ объ артельномъ харченіи фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.

Конрадъ, Іосифъ. Тайный агентъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Констанъ, Бенжаменъ. Адольфъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.

Кауфманъ, А. А. Сборникъ статей. Москва, 1915 г. Ц. 3 р.

Корона, Александръ. Лампа Аладина. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лазаревскій, Борисъ. Три тополя. Разсказъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лаппо-Данилевская, Н. А. Русскій баринъ. Романъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р.

Линде Ф. Строеніе понятія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 75 к.

Литвиновъ, М. Прусскій профессоръ во главѣ русскаго ученаго округа. Харьковъ, 1914 г.

Мезенцевъ, В. И. Качество зерна въ черноморско-азовскомъ районѣ. Харьковъ, 1915 г.

Мечниковъ, И. Основатели современной медицины. Пастеръ-Листеръ-Кохъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.

Мистровъ, Н. (Сомовъ). На порогѣ къ смерти. Драм. этюдъ въ 1 д. Тифлисъ, 1915 г. Ц. 40 к.

Москаленко-Судіенко, С. Новое о „Демонѣ“ и „Боярынѣ Оршѣ“. Москва, 1915 г. Ц. 50 к.

Новалисъ. Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Фрагменты. Въ переводѣ Григорія Печникова. Москва, 1914 г. Ц. 70 к.

Новосельскій, С. Война и естественное движеніе населенія. Москва, 1915 г.

Огановскій, Н. П. Индивидуализація землевладѣнія въ Россіи и ея послѣдствія. Москва, 1914 г. Ц. 50 к.

Огіенко, И. И. Иноземные элементы въ русскомъ языкѣ. Кіевъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Оршанинъ, А. Впечатлѣнія бытія. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Оссендовскій, А. Женщины, возставшія и побѣжденныя. Романъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.

Падалка, Л. В. Происхожденіе и значеніе имени „Русь“. Полтава, 1915 г. Ц. 20 к.

— Карта территоріальнаго разграниченія Полтавской губ. въ масштабахъ мѣстныхъ изученій. Полтава, 1914 г. Ц. 50 к.

Петровичъ, П. Цѣнныя культуры въ Закавказьѣ въ 1914 г. Тифлисъ, 1915 г.

Погодинъ, А. Л. Краткій очеркъ исторіи славянъ. Москва, 1915 г. Ц. 60 к.

Поповъ, И. П. Какъ уберечь домашній скотъ отъ болѣзней. Москва, 1914 г. Ц. 3 к.

Пѣшковскій, А. М. Школьная и научная грамматика. Москва, 1914 г. Ц. 30 к.

П. Х. Воюющая Германія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 80 к.

Радбрухъ, Густавъ. Введеніе въ науку права. Пер. М. М. Островской и И. З. Штейнберга. Со вступ. ст. Б. Кистяковскаго. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Свирскій, А. Пограничники. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Серафимовичъ, А. Сухое море. Разсказы. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сперанскій, Н. Кризисъ русской школы. Москва, 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Суринъ, М. Н. Движеніе сельскохозяйственной заработной платы въ Московской губ. за 30 лѣтъ (1884—1913 г.г.). Москва, 1915 г.

Съверянинъ, Игорь. Ананасы въ шампанскомъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой, Алексѣй Н., гр. Обыкновенный человѣкъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

— День битвы. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.

— На войнѣ. Т. VI. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.

Тотоміанцъ, В. Ѳ. Участіе въ прибыли и копартнершипъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р. 50 к.

Трубицына, Людмила. Юристка. Петроградъ 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Трутовскій, Владиміръ. Современное земство. Подъ ред. Б. Б. Веселовскаго. Петроградъ, 1915 г. Ц. 90 к.

Тумановъ, Г. М. Итоги земскихъ совѣщаній на Кавказѣ. Тифлисъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Успенскій, М. И. По учебнымъ заведеніямъ Вологодской губ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 40 к.

Шательманъ, Г. Живая вѣра въ преподаваніи. Москва, 1914 г. Ц. 55 к.

Юрьевскій, Б. Возрожденіе деревни. Петроградъ, 1914 г. Ц. 1 р.

Юркинъ, Петръ. Утро мечты. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Ѳедоровъ, А. М. Утро. Т. II. Изд. 2-ое. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Въ нѣмецкомъ плѣну. Сборникъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Въ эти дни. Литературно-художественный альманахъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вѣстникъ кооперативныхъ союзовъ. № 1. Москва, 1915 г.

Записки Неофилологическаго общества. Вып. VIII. Сборникъ въ честь проф. Ѳ. А. Брауна. Петроградъ, 1915 г.

Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества. Подъ ред. А. А. Достоевскаго. Т. I. Вып. V, VI, VII, VIII и IX. Петроградъ, 1914 г.

Изданія „Единенія“. 13. Звенья невидимой цѣпи. Книжка шестая. Отвѣты на вопросы. 14. Книжка седьмая. Что жизнь намъ сказала. 15. Книжка восьмая. „Единеніе“ въ настоящее время. Петроградъ, 1915 г. Ц. каждаго выпуска 25 к.

Естествознаніе въ школѣ. Сборникъ 7. Преподаваніе ботаники. Петроградъ, 1914 г. Ц. 80 к.

Книга лжи. Германская бѣлая книга о возникновеніи германо-русско-французской войны. Петроградъ, 1915 г. Ц. 50 к.

Мемуары г-жи де Ремюза. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Наше прошлое. Разсказы изъ русской исторіи. Ч. II. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Новыя идеи въ біологіи. Сборникъ 7. Опредѣленіе пола. Петроградъ, 1914 г. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ правовѣдѣніи. Сборникъ 3. Эволюція преступленій и наказаній. I. Сборникъ 4. Философія права и нравственности. Петроградъ, 1915 г. Ц. сборника 80 к.

Новыя идеи въ философіи. Сборникъ 17. Современные метафизики. II. Петроградъ, 1914 г. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ химіи. Сборникъ 7. Ученіе о растворахъ. Петроградъ, 1914 г. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ экономикѣ. Сборникъ 6. Теорія денегъ Кнаппа. Петроградъ, 1914 г. Ц. 80 к.

О пенсіяхъ, пособіяхъ и льготахъ нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ. Тверь, 1914 г. Ц. 7 к.

Отчетъ астраханскаго общества народныхъ университетовъ за 1912—1913 г.г. Годъ I. Астрахань, 1914 г.

Періодическія изданія министерства финансовъ. 1865—1915 г.г. Петроградъ, 1915 г.

Письма А. П. Чехова. Подъ ред. М. П. Чеховой. Т. V (1897—1899). Москва, 1915 г. Ц. 2 р.

Подворная перепись Симбирской губ. 1910—11 г.г. Вып. I. Симбирскій уѣздъ. Симбирскъ, 1915 г.

Потребленіе топлива желѣзными дорогами въ 1913 году. Баку, 1915 г. Ц. 1 р.

Ратоборецъ. № 2. Москва, 1915 г.

Слово. Сборникъ 4-ый. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.

Труды X санитарнаго съѣзда земскихъ врачей Спб. губ. Т. III. Петроградъ, 1914 г.

Цѣлебныя силы Россіи. № 1 и 2. Петроградъ, 1915 г.

Романчукъ, Я. Европейската война и русско-украинския въпросъ. Варна, 1914. Ц. 20 ст.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ВА „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „...Превосходныя статьи К. А Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ" („Русскія Вѣдомости" 1913 г. № 66). „Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собой все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей" („Утро Россіи" 1910 г. № 317.)

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе): удешевленнаго изд.—**2** р. **30** к.; полнаго иллюстрир. изд.—**3** р. **30** к. **За переплетъ** (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака)—**50** к. За пересылку по дѣйствительной стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа. Иллюстрированные проспекты съ подробными отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію безплатно. По желанію томы Словаря доставляются ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°": Москва, Тверской бульваръ, 15.

Для ускоренія выхода изданія печатаются параллельно тома на буквы Л.-О. и на П. Вышелъ и разсылается XXXI томъ (Павинскій—Персія). Печатаются XXVII томъ (Лемуры—Майковъ) и XXXII (Персія—Польская литература).

„БЛАГО“ Издательское Т-во

„БЛАГО“ • Петроградъ, Николаевская ул., 44-85.

30 т. по 1 р. 50 к.

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ.

Изданіе состоитъ изъ **30 томовъ** большого формата по **250—300 стр.** каждый, и снабжено рисунками, чертежами, атласами (въ краскахъ) и проч. Пользуясь имъ, наши подписчики успѣшно подготовляются, **безъ всякихъ иныхъ пособій и безъ помощи учителя,** къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости на всѣ учительскія званія, на вольноопредѣляющагося, на классный чинъ, на аптекарскаго ученика и т. п. **Цѣна тома 1 руб. 55 коп. съ пересылкой.**

Академія Иностранныхъ Языковъ.

Изданіе даетъ возможность въ наикратчайшій срокъ и **безъ помощи учителя** изучить въ совершенствѣ **французскій, англійскій** и **нѣмецкій** языки. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ **10 выпусковъ** большого формата (болѣе 1000 стр.). **Цѣна** каждаго выпуска **1 руб.** (Наложеннымъ платежомъ—1 руб. 25 коп.).

ШКОЛА РИСОВАНІЯ, ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА : : :

„Искусство для Всѣхъ“.

Изданіе состоитъ изъ **10 томовъ** большого формата, **роскошно-иллюстрированныхъ,** и даетъ возможность каждому, **безъ помощи учителя,** практически изучить рисованіе, живопись и прикладное искусство, а также пріобрѣсти тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній. **Цѣна тома 2 руб.** Налож. плат. 2 руб. 25 коп.

Академія Коммерческихъ Знаній.

Изданіе обнимаетъ полный курсъ высшихъ коммерческ. учебн. завед. и даетъ возможность каждому, **безъ помощи учителя,** пріобрѣсти познанія, необходимыя каждому коммерческому дѣятелю. Изданіе состоитъ изъ **15 томовъ** большого формата **по 250 стр. каждый. Цѣна тома 2 р.** (Налож. платеж. 2 руб. 25 коп.).

ПОСОБІЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ въ 4-хъ томахъ. Настольная книга по всѣмъ отдѣламъ русскаго языка. Цѣна 1-го тома **1 р. 50 к.**, 2-го тома—**2 р.**, 3-го тома—**2 р. 50 к.**, 4-го тома—**1 р.**

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе ПРОФЕССОРА и ПРЕПОДАВАТЕЛИ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Петрограда.

При редакціяхъ всѣхъ нашихъ изданій имѣются постоян. бюро, руководящія занятіями учениковъ и провѣряющія присылаемыя работы безплатно.

Подробные проспекты ВСѢХЪ изданій, отзывы печати и тысячи благодарств. отзывовъ подписч., засвидѣтельствован. *нотаріусомъ*, высылаются *безплатно*.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ.

ИСТОРІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

М. М. КОВАЛЕВСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

СОДЕРЖАНІЕ: Тома I—III—Современная Европа. Т. IV—Дальній Западъ и Востокъ. Т. V—VII—Современная наука. Естествознаніе. Соціологія. Философія. Т. VIII—Европа передъ войной. Т. IX—Міровая война. Т. X—Современная Россія.

Въ изданіи принимаютъ участіе: пр.-доц. Е. В. Аничковъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. М. В. Бернацкій, Э. Бернштейнъ, прив.-доц. С. Н. Блажко, Бѣлоруссовъ (Парижъ), А. де-Витъ (Утрехтъ), В. В. Водовозовъ, проф. Э. Вандервельдъ, А. Деренталь (Мадридъ), А. К. Дживелеговъ, Діонео (Лондонъ), проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, Л. Крживицкій, проф. А. Д. Ксенополъ (Яссы), проф. М. А. Мензбиръ, В. Л. Омелянскій, М. Осоргинъ (Римъ), проф. А. П. Павловъ, проф. А. Л. Погодинъ, С. И. Рапопортъ (Лондонъ), проф. Е. В. де-Роберти, Н. С. Русановъ, проф. А. Ѳ. Самойловъ, Р. С. Стрѣльцовъ, пр.-доц. А. К. Тимирязевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, пр.-доц. К. Ѳ. Тіандеръ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, пр.-доц. В. М. Фриче, М. Хилквитъ (Morris Hilquitt, New-York), К. Шпрингеръ (Реннеръ), маг. А. С. Щепотьевъ и др.

„Изданіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ вводитъ читателя въ пониманіе народно-хозяйственной жизни каждой страны въ связи съ ея жизнью политической и умственной". (Н. А. Рубакинъ „Среди книгъ", ч. II, 1913).

„ИСТОРІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ" выходитъ выпусками; всѣхъ выпуск. будетъ около 40.

ЦѢНА по подпискѣ на все изданіе: вып. **1** руб., тома въ переплетѣ **5** руб. Цѣна въ отдѣльн. продажѣ тома въ переплетѣ **6** р. **50** к. За пересылку—по стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°": МОСКВА, Тверской бул., 15.

Открыта подписка на новое иллюстрированное изданіе

„ЛѢТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ"

подъ редакціей Генералъ-Маіора **Ф. Г. ИГНАТЬЕВА**,
при участіи Генерала-отъ-инфантеріи **М. И. БОТЬЯНОВА**.

(По оффиціальнымъ даннымъ, свѣдѣніямъ печати и показаніямъ очевидцевъ—участниковъ войны).

Съ картами, планами, портретами, изображеніями боевыхъ сраженій и рисунками изъ военнаго быта.

Изданіе печатается на роскошной бумагѣ большого альбомнаго формата и выходитъ еженедѣльными выпусками. Каждый выпускъ Лѣтописи содержитъ вполнѣ законченную часть и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ.

1) **ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ:**
Оффиціальныя данныя о войнѣ: ВЫСОЧАЙШІЕ указы, правительственныя распоряженія, сообщенія Верховнаго Главнокомандующаго, сообщенія Штаба, телеграммы и свѣдѣнія со всѣхъ театровъ войны.

2) **НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ:**
Историческія описанія, статьи, разъясняющія ходъ сраженій, описаніе военныхъ дѣйствій со словъ участниковъ или очевидцевъ сраженій, корреспонденціи съ театровъ войны, отклики на Руси и заграницей, свѣдѣнія о военныхъ силахъ державъ, свѣдѣнія о мѣстностяхъ военныхъ сраженій, крѣпостяхъ и пр., свѣдѣнія о герояхъ и жертвахъ и всѣхъ тѣхъ, кто на полѣ брани явилъ собою примѣръ доблести и беззавѣтнаго исполненія долга, замѣтки о военныхъ событіяхъ, хроника войны и пр.

Первый выпускъ для ознакомленія высылается за 30 к. (по полученіи марокъ).

Подписка принимается пока только на 12 выпусковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:—3 руб. съ пересылкой по всей Россіи. Допускается разсрочка въ 2 и 3 срока.

Деньги и требованія адресовать: въ Главную контору

„ЛѢТОПИСИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ"

Петроградъ, Владимірскій пр., д. № 7.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 г. (XXVI г. изд.).

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ. **Подписная цѣна:** въ годъ безъ доставки—**5** р., съ доставкой и пересылкой—**6** р., въ полгода—**3** р., съ пересылкой за границу—**7** р. **50** к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—5 р. **Подписка принимается:** въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Староконюшенный пер., д. № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжн. магаз. обѣихъ столицъ. Гг. иногородніихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ *Н. Ѳ. Михайловъ*.

НОВАЯ КНИГА д-ра Д. Д. БЕКАРЮКОВА.

„ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ШКОЛЬНОЙ ГИГІЕНЫ“.

2-е исправл. и дополн. изд. журнала **„Вѣстникъ Воспитанія“**, Москва, 1914 г.

Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 25 коп.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“ (Москва, Арбатъ, Старокоюшежный пер., 32).

НОВАЯ КНИГА:

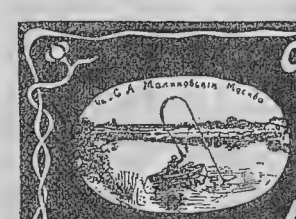
М. И. БРУНЪ.

О безвѣстномъ отсутствіи въ международномъ частномъ правѣ.

Цѣна 50 коп.

Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

Продажа во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ.



Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ.

Москва, Тверская улица, близъ Охотнаго, домъ № 12.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ✪ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ✪ Шомпольныя двухстбол. отъ 12 р. ✪ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ✪ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ✪ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ✪ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ✪ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патроновъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЫ, АГРАМАНТЫ.

ФАБРИК.
Бр. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ. ГОСТ. ДВОР.
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИН. КАНАЛЪ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ и СТИЛЕЙ.
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

МНѢНІЕ НАУКИ
О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1915 годъ.

(Пятидесятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ, подъ редакціей К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО и А. С. ПОСНИКОВА,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петроградѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, Невскій, 40, Березовскаго, Колокольная, 14. Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33. Л. Идзиковскаго, Крещатикъ, 29.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «Петроградскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. Если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очереднаго номера. За перемѣну адреса городского на иногородній уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

НИ ОДНА ЦѢПЬ НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ ПРОЧНѢЕ СВОЕГО САМАГО СЛАБАГО ЗВЕНА.

Вашъ автомобиль можетъ имѣть прочное шасси, хорошую передачу скоростей и великолѣпный моторъ, но, если шины, которыя въ дѣйствительности составляютъ основу автомобиля, не одинаково хороши,—остерегайтесь!

Не прочный фундаментъ, касается ли это домовъ или автомобилей — предательство и ведетъ всегда къ несчастью.

Слѣдовательно, шины составляютъ фундаментъ не только Вашего автомобиля, но и сознанія безопасности, которое такъ необходимо для наслажденій автомобилизма.

Обезпечьте же себѣ эти наслажденія, монтируя автомобиль

ШИНАМИ

МИШЛЕНЪ

которыя вырабатываются въ одномъ только качествѣ—лучшемъ.

(Шины МИШЛЕНЪ вырабатываются во Франціи).